

Археологические вести

— 25 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

25
(2019)

Saint-Petersburg
2019

Археологические вести

25
(2019)

Санкт-Петербург
2019

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская (главные редакторы), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарев, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова, академик РАН В. Л. Янин

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. А. Пескова, доктор исторических наук Е. А. Рыбина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — Вып. 25 / [Гл. ред. Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская]. — СПб., 2019. — 334 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск «Археологических вестей» ИИМК РАН включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. Впервые вводятся в научный оборот материалы, полученные в результате изучения поселений и погребальных памятников от эпохи каменного века до средневековья на территории Евразии. В ряде статей рассматриваются конкретные археологические комплексы и отдельные категории материала. В специальный раздел сборника вошли работы по актуальным проблемам археологии, касающиеся белозерской культуры бронзового века Днестровского бассейна и дискуссии о предроманских культурных импульсах в искусстве древнего Новгорода XI в. В выпуске представлены обзоры и рецензии на новейшую историко-археологическую литературу, информация о сотрудничестве литовских и российских исследователей, работы по истории науки. Среди авторов — ученые из России, Беларуси, Литвы и Болгарии.

The current issue of the annual “*rkheologicheskie Vesti*” (Archaeological News) of the Institute of the History of Material Culture RAS comprises articles devoted to the most recent investigations in the sphere of archaeology, history and culture. The results obtained from studies of ancient settlements and burial sites ranging chronologically from the Prehistoric to Mediaeval periods over the territory of Eurasia are here first published. Some of the articles consider particular archaeological complexes and individual categories of finds. A special section of this collection includes studies on current problems of archaeology concerned with the Belozersk culture of the Bronze Age in the Dniester basin area and a discussion of pre-Romanesque cultural pulses in the art of Novgorod of the 11th century. The annual presents reviews on the latest historico-archaeological publications, information on the cooperation between Lithuanian and Russian researchers and studies on the history of the science. Among the authors there are scholars from Russia, Belarus, Lithuania and Bulgaria.

Первая страница обложки: матрица с изображением сирены из производственного центра художественного литья из цветных металлов у с. Златар Преславского района (к статье С. Дончевой).

First page of cover: Embossing matrix with a representation of a siren from the manufacturing centre of artistic casting of non-ferrous metals near the village Zlatar, Preslav District (article by S. Doncheva)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019

© Коллектив авторов, 2019

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2019

Содержание

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 90-летию А. Н. Кирпичникова	9
К 80-летию В. С. Бочкарёва	11
К 80-летию В. Е. Щелинского	13
К юбилею Л. М. Лебедевой	15
К 70-летию А. Д. Резепкина	16

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>В. Е. Щелинский.</i> Крупные специальные отщепы и орудия из них таманской раннеашельской индустрии (Южное Приазовье): типология, технология изготовления, функции	18
<i>С. Н. Астахов, С. А. Васильев, В. С. Зубков.</i> Местонахождения каменного века на Верхнем Енисее в районе г. Саяногорска	44
<i>А. В. Иванов, Е. И. Нарожный, П. В. Соков.</i> О горизонте раннего железного века поселения Железнодорожное-1, исследованного в Западном Закубанье	58
<i>С. В. Кашаев, Н. А. Павличенко.</i> Амфорные клейма из раскопок поселения Вышестеблиевская-3 на Таманском полуострове в 2013 г.	77
<i>А. Е. Терещенко.</i> Пантикапейские монеты как основа для идентификации одного типа золотых бляшек из нимфейских курганов	95
<i>С. В. Кашаев.</i> Раскопки некрополя Артющенко-2 в 2014–2018 гг.	101
<i>Е. В. Четвёркина.</i> Кухонная керамика Нимфея (по материалам коллекций Государственного Эрмитажа) ..	113
<i>К. Ю. Маркова.</i> Дионисийские мотивы в изобразительном искусстве средневековых городов Южного Казахстана	129
<i>Е. Р. Михайлова, И. В. Стасюк, А. В. Хорошилова.</i> Комплекс случайных находок из д. Орлино	137
<i>Н. А. Фонякова-Чувило.</i> Легендарная Хазария. Гипотезы и заблуждения	147
<i>С. Дончева.</i> Украшения с изображением сирены из центра художественного металла вблизи с. Златар Преславского района (производство и способ применения)	158
<i>В. М. Горюнова.</i> Реликтовая чаша из Гнёздова	169
<i>С. И. Кочкуркина.</i> Могильник Кууппала (пос. Куркиёки Республика Карелия): новые материалы	185
<i>А. В. Курбатов.</i> Кожаные изделия и сопутствующие им предметы из раскопок Кемского погоста в 2017 г.	192

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>А. В. Пьянков, Т. В. Рябова, Ю. В. Зеленский.</i> Комплекс раннескифского времени кургана № 11 могильника Лебеди V в Прикубанье	206
--	-----

<i>Н. Н. Точилова, А. А. Слапня.</i> Предроманский импульс в искусстве древнего Новгорода XI в. «Колонны Дубовой Софии»	229
---	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>И. Ю. Шауб.</i> Ценный вклад в изучение духовной культуры Боспорского царства. Рецензия на книгу: Braund David. Greek Religion and Cults in the Black Sea Region: Goddesses in the Bosporan Kingdom from the Archaic Period to the Byzantine Era. Cambridge: University Press, 2018. — xvi + 314 p.	245
<i>Е. Р. Михайлова.</i> Новые материалы по эпохе викингов в Восточной Европе. Рецензия на книгу: Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1 / Отв. ред. С. Ю. Каинов. М.: ГИМ, 2018. 552 с. (Труды Государственного исторического музея. Вып. 210). ISBN 978-5-89076-334-1	262
<i>А. И. Сакса.</i> Новые материалы о культовых камнях Восточной Европы. Рецензия на книгу: Культовые камни Восточной Европы: Беларусь, Латвия, Литва, Россия / Под общ. ред. В. Г. Мизина. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2018. 320 с.: ил. ISBN 978-5-93762-136-8	267

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК—ЗАПАД

<i>С. А. Васильев, С. А. Кулаков.</i> Международная конференция «Палеолитическая стоянка Азых в Азербайджане и миграционные процессы» (Баку–Габала, 1–5 октября 2018 г.)	273
<i>А. Гирининкас.</i> Научные контакты литовских и российских археологов	276

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>А. В. Ларионова, Н. К. Анисюткин.</i> История изучения среднепалеолитических памятников на юго-западе Восточно-Европейской равнины	278
<i>М. Т. Кашиба, И. В. Сапожников.</i> Факты биографии Ф. И. Кнауэра из архива Императорской археологической комиссии	291
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Этюд к истории Херсонесского музея в 1937 г.	301
<i>С. В. Кузьминых, И. В. Белозерова.</i> Человек, который сделал себя сам: о личности Василия Алексеевича Городцова	313
<i>А. Н. Кушнеревич.</i> Роль ленинградской архитектурно-археологической школы в изучении белорусского зодчества XI–XIV вв.	319

ПЕРСОНАЛИИ

<i>В. А. Лапшин, Н. И. Платонова.</i> Памяти Евгения Николаевича Носова (1949–2019).....	328
Список сокращений	332

Contents

OUR JUBILEES

To the 90 th anniversary of A. N. Kirpichnikov	9
To the 80 th anniversary of V. S. Bochkarev	11
To the 80 th anniversary of V. E. Shchelinskiy	13
To the jubilee of L. M. Lebedeva	15
To the 70 th anniversary of A. D. Rezepkin	16

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

<i>V. E. Shchelinskiy</i> . Large special flakes and tools made from them in the Taman Early Acheulean industry (Southern Azov region): typology, technology, functions	18
<i>S. N. Astakhov, S. A. Vasilyev, V. S. Zubkov</i> . Stone age sites at the Upper Yenisei near the city of Sayanogorsk	44
<i>A. V. Ivanov, E. I. Narozhny, P. V. Sokov</i> . About the horizon of the early Iron Age at the settlement-site of Zheleznodorozhnoye-1 explored in the western Trans-Kuban area	58
<i>S. V. Kashaev, N. A. Pavlichenko</i> . Amphora stamps from excavations in 2013 at the settlement-site of Vyshesteblievskaya-3 on the Taman Peninsula	77
<i>A. E. Tereshchenko</i> . Pantikapaion coins as the basis for identification of one type of gold plaques from Nymphaion barrows	95
<i>S. V. Kashaev</i> . Excavations of the necropolis of Artyushchenko-2 in 2014–2018	101
<i>E. V. Chetverkina</i> . Cooking ware from Nymphaion (material from collections of the State Hermitage)	113
<i>K. Yu. Markova</i> . Dionysian motifs in the visual arts of mediaeval towns of Southern Kazakhstan	129
<i>E. R. Mikhaylova, I. V. Stasyuk, A. V. Khoroshilova</i> . An assemblage of finds from the village of Orlino	137
<i>N. A. Fonyakova-Chuvilo</i> . Legendary Khazaria. Hypotheses and delusions	147
<i>S. Doncheva</i> . Manufacture of ornaments with representations of sirens in the centre of artistic metal-work near the village of Zlatar of Preslav district	158
<i>V. M. Goryunova</i> . A relict Bowl from Gnezdovo	169
<i>S. I. Kochkurkina</i> . Cemetery of Kuuppala (village of Kurkiyoki, Republic of Karelia, Russia): new materials	185
<i>A. V. Kurbatov</i> . Leather articles and objects accompanying them from excavations of the Kem pogost in 2017	192

TOPICAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

<i>A. V. P'yankov, T. V. Ryabkova, Yu. V. Zelenskiy</i> . A complex of the early Scythian period in kurgan no. 11 at the cemetery of Lebedi V in the Kuban River region	206
--	-----

<i>N. N. Tochilova, A. A. Slapinya. Pre-Romanesque impulse in the art of Novgorod of the 11th century. «Columns of oaken St. Sophia»</i>	229
---	-----

REVIEW ARTICLES AND BOOK REVIEWS

<i>I. Yu. Schaub. Valuable contribution to studies of the spiritual culture of the Bosporan Kingdom. Book review: Braund David. Greek Religion and Cults in the Black Sea Region: Goddesses in the Bosporan Kingdom from the Archaic Period to the Byzantine Era. Cambridge: University Press, 2018. xvi + 314 p.</i>	245
<i>E. R. Mikhaylova. New materials on the Viking Age in Eastern Europe. Book review: Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1 / Отв. ред. С. Ю. Каинов. М.: ГИМ, 2018. 552 с. (Труды Государственного Исторического музея. Вып. 210). ISBN 978-5-89076-334-1</i>	262
<i>A. I. Saksa. New materials on the cult stones in Eastern Europe. Book review: Культовые камни Восточной Европы: Беларусь, Латвия, Литва, Россия / Под общ. ред. В. Г. Мизина. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2018. 320 с.: ил. ISBN 978-5-93762-136-8</i>	267

THE EAST–WEST COOPERATION

<i>S. A. Vasil'yev, S. A. Kulakov. International conference «Palaeolithic site of Azykh in Azerbaijan and migration processes» (Baku–Gabala, October 1–5, 2018)</i>	273
<i>A. Girininkas. Scientific contacts between Lithuanian and Russian archaeologists</i>	276

HISTORY OF SCIENCE

<i>A. V. Larionova, N. K. Anisyutkin. History of studies of Middle Palaeolithic sites in the south-west of the Russian Plain</i>	278
<i>M. T. Kashuba, I. V. Sapozhnykov. The facts of F. I. Knauer's biography from the archive of the Imperial Archaeological Commission</i>	291
<i>Yu. A. Vinogradov. A sketch on the history of the Chersonesean Museum in 1937</i>	301
<i>S. V. Kuz'minykh, I. V. Belozerova. A man who made himself: on the personality of Vasiliy Alekseyevich Gorodtsov</i>	313
<i>A. N. Kushnerevich. The role of the Leningrad architectural and archaeological school in studies of the Belorussian architecture of the 11th–14th century</i>	319

PERSONALIA

<i>V. A. Lapshin, N. I. Platonova. In memory of Evgeny Nikolaevich Nosov (1949–2019)</i>	328
List of Abbreviations	332

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 90-летию А. Н. Кирпичникова

25 июня 2019 г. знаменательный 90-летний юбилей отметил крупнейший ученый-медиевист Анатолий Николаевич Кирпичников — заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный гражданин Ленинградской области. Особую роль в его научном творчестве играли темы по древнерусскому вооружению и фортификации. А. Н. Кирпичников на основе изучения всей массы археологического материала выдвинул концепцию формирования комплекса вооружения Древней Руси как развития творческого синтеза западноевропейских и азиатско-кочевнических традиций.

Его труды по древнерусскому оружию, созданные еще в конце 1960-х гг., стали настольными книгами-справочниками не только для специалистов-археологов, но и для всех интересующихся средневековым оружием. Одна из блестящих страниц его творчества связана с клинковой эпиграфикой. А. Н. Кирпичникову удалось расчистить и изучить более 300 клинков в музеях России, Украины, Норвегии, Швеции, Дании и Финляндии, на некоторых из них были выявлены имена русских мастеров.

Кроме того, А. Н. Кирпичниковым были осуществлены широкомасштабные археологические работы по изучению особенностей крепостного строительства на территории Северной Руси. Им были проведены раскопки в Старой Ладоге, Орешке, Копорье, Ям-городе, Пскове, Порхове, Гдове, Новгороде, Велье, Кирилло-Белозерском монастыре, Кореле и Тиверском городке. В итоге были выявлены основные исторические этапы создания крепостного щита Северной Руси — новгородский и московский. Изучая детинцы

А. Н. Кирпичников

A. N. Kirpichnikov

древнерусских городов, А. Н. Кирпичников обращается к интереснейшим источникам, в которых содержатся необходимые сведения о древнерусских городах, а именно к дневниковым записям и графическим изображениям иностранцев, посетивших в позднее средневековье русское государство. Под редакцией А. Н. Кирпичникова впервые были опубликованы и прокомментированы дневники и рисунки Николааса Витсена — голландца, посетившего Московию в царствование Алексея Михайловича.

В 1984 г. А. Н. Кирпичников начинает планомерные исследования Земляного городища в Старой Ладоге. Экспедиция, возглавляемая им, внесла существенный вклад в изучение и популяризацию этого замечательного

средневекового памятника археологии, материалы которого имеют ключевое значение для понимания общеисторических событий, происходивших в период становления русской государственности.

Научная деятельность Анатолия Николаевича всегда сочеталась с общественным служением России. Его по праву можно назвать истинным патриотом своего Отечества. Являясь заместителем (с 1978 г.), а затем и председателем (с 1997 г.) Ленинградского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, он все свои силы отдавал борьбе за сохранение объектов культурного и исторического наследия России. Благодаря его усилиям были сохранены и

отреставрированы многие архитектурные памятники, поставлены на учет памятники археологии. А. Н. Кирпичников был инициатором создания археологической карты Ленинградской области и историко-архитектурного и археологического заповедника в Старой Ладогe. Многие годы А. Н. Кирпичников являлся заведующим Отдела славяно-финской археологии. На этом посту он проявил себя как мудрый и заботливый руководитель.

Редакция «Археологических вестей» от всей души поздравляет Анатолия Николаевича со славным юбилеем! Желаем нашему юбиляру дальнейших творческих успехов, жизненной энергии, крепкого здоровья и бодрости духа.

К 80-летию В. С. Бочкарёва

26 сентября 2019 г. исполнилось 80 лет Вадиму Сергеевичу Бочкарёву, крупнейшему исследователю энеолита и бронзового века Восточной Европы, теоретику и практику, получившему широкое признание в археологической науке.

Первые шаги на археологическом поприще он сделал, будучи студентом Ростовского государственного университета, куда поступил в 1957 г. За годы обучения Вадим Сергеевич в совершенстве овладел методикой исследования южнорусских курганов эпохи бронзы.

В 1962 г. Вадим Сергеевич становится аспирантом Ленинградского государственного университета и в этом качестве плодотворно работает в археологических экспедициях АН СССР и АН Украинской ССР. Свои полевые исследования он продолжает и после завершения аспирантуры в 1965 г.

В 1968 г. Вадим Сергеевич был принят в постоянный штат Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне ИИМК РАН). С этого времени его научная и научно-организационная работа протекала в стенах главного археологического учреждения Ленинграда/Санкт-Петербурга, где он прошел путь от лаборанта до старшего научного сотрудника.

Область научных интересов Вадима Сергеевича весьма разнообразна, в нее входят вопросы древнейшей металлургии Старого Света, а также проблемы культурогенеза энеолита и бронзового века Восточной Европы. В этой сфере он известен своими оригинальными исследованиями очагов культурогенеза, гипотезой блокового происхождения археологических культур, изучением генезиса срубной культурно-исторической общности.

В. С. Бочкарёв
V. S. Bochkarov

Особое место в научной деятельности Вадима Сергеевича занимают разработки в сфере теории и методологии археологической науки. В этой области исследований он по праву стал ведущим отечественным специалистом, поскольку является аналитиком с особой склонностью к типологическому анализу. Отличием научной продукции Вадима Сергеевича является ее необычная емкость: в одной вышедшей из-под его пера странице подчас кратко изложена мысль, в развернутом виде составляющая содержание добротной

монографии. Научные труды юбиляра фундаментированы и получили высокую оценку отечественных и зарубежных специалистов. Семь монографий, часть которых написана им в содружестве с другими исследователями, посвящены проблемам древнего металлопроизводства Восточной Европы, археологической теории и культурогенеза.

В 1977–1992 гг. Вадим Сергеевич возглавлял одну из крупнейших в России Кубанскую экспедицию, которая развернула масштабные исследования курганных могильников и поселений эпохи бронзы и железного века в Краснодарском крае и Республике Адыгея. Обобщив археологические материалы, добытые в течение многолетних раскопок на Кубани, ученый создал периодизацию древних культур, существовавших в Предкавказье, что

стало его существенным вкладом в изучение белых пятен кавказской археологии. Молодым исследователям, которые составили костяк этой экспедиции, Вадим Сергеевич дал путевку в большую археологическую жизнь.

Нельзя не отметить его многолетний труд педагога. Без малого 40 лет Вадим Сергеевич является одним из основных преподавателей кафедры археологии Санкт-Петербургского университета. Талантливый лектор, он обучил методам кабинетных исследований многих студентов, которые гордятся тем, что являются его учениками. Стоит отметить, что существенную часть нынешнего состава ИИМК РАН составляют его ученики.

Редакция «Археологических вестей» от всей души поздравляет юбиляра, желает ему новых научных достижений и крепкого здоровья.

К 80-летию В. Е. Щелинского

27 ноября 2019 г. исполняется 80 лет Вячеславу Евгеньевичу Щелинскому, патриарху российской трасологии, известному исследователю каменного века Евразии.

Вячеслав Евгеньевич Щелинский родился 27 ноября 1939 г. в г. Архангельске. В 1960 г. В. Е. Щелинский стал студентом первого курса исторического отделения историко-филологического факультета Томского государственного университета. По окончании первого курса в 1961 г., с согласия деканата, он перевелся на второй курс исторического отделения историко-филологического факультета Ростовского государственного университета в г. Ростове-на-Дону. С целью расширения знаний по геологии и геоморфологии, по согласованию с ректором, на четвертом и пятом курсах он посещал занятия и сдавал экзамены по индивидуальному плану на двух факультетах одновременно: историко-филологическом и географо-геологическом. В ряд специальных курсов, прослушанных им, были включены также занятия по археологии. Будучи студентом Ростовского университета, В. Е. Щелинский принимал участие в ряде экспедиций ЛОИА АН СССР.

Окончив полный курс Ростовского государственного университета, в 1965 г. он получил квалификацию историка-археолога, преподавателя истории и обществоведения. В 1967 г. В. Е. Щелинский переехал в Ленинград, где присоединился к работе экспериментально-трасологической группы при секторе палеолита ЛОИА АН СССР под руководством д-ра ист. наук С. А. Семёнова.

В 1974 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Производственные функции мустьерских орудий (по данным экспери-

В. Е. Щелинский
V. E. Shchelinskij

ментального и трасологического изучения)», в 1995 г. — докторскую, по теме «Трасология, функции орудий труда и хозяйственно-производственные комплексы нижнего и среднего палеолита (по материалам Кавказа, Крыма и Русской равнины)». Перу В. Е. Щелинского принадлежат семь монографий и более 130 статей. За многолетнюю плодотворную работу в Российской академии наук в 1999 г. В. Е. Щелинский был награжден Почетной грамотой РАН.

География полевых работ В. Е. Щелинского чрезвычайно широка. Он проводил свои

исследования во многих местах — на Кавказе и Южном Урале, в Приазовье, Крыму, Литве и Болгарии. Не менее широк и круг его научных интересов: выделение и исследование особенностей развития человеческих коллективов в разные периоды каменного века от олдована до позднейших культур, изучение палеолитического искусства (работы, связанные с изучением Каповой пещеры), определение способов производства орудий каменного века, определение функций и назначения этих орудий, развитие археологической трасологии.

Нельзя не признать, что наряду с С. А. Семёновым Вячеслав Евгеньевич является одним из основателей современной отечественной трасологической школы, впервые продемонстрировавшим возможности функционального анализа каменных орудий эпохи палеолита, объединяющего преимущества и особенности изучения микро- и макроследов. На сегодняшний день он является всемирно признанным и наиболее опытным экспертом в области функционалогии древнейших каменных орудий.

Вячеслав Евгеньевич первым в археологической трасологии продемонстрировал важность и необходимость анализа морфологии каждого конкретного каменного орудия, включая его форму, следы обработки и следы использования.

В. Е. Щелинским воспитана целая плеяда специалистов-исследователей каменного века. Его ученики работают в России, Болгарии и Испании и давно уже имеют своих учеников.

Вячеслав Евгеньевич уважаем не только среди сотрудников коллектива ИИМК РАН, но и во всем международном археологическом сообществе. Как талантливый ученый-новатор, он внес существенный вклад в развитие современного трасологического метода, в комплексное исследование древнейших палеолитических памятников Евразии и в изучение палеолитического искусства.

Редакция «Археологических вестей» от всей души поздравляет юбиляра, желает ему новых творческих достижений на благо изучения древнейшего прошлого, а главное — кавказского долголетия!

К юбилею Л. М. Лебедевой

19 августа 2019 г. отметила свой юбилей ведущий инженер лаборатории археологической технологии Людмила Михайловна Лебедева.

С 1993 г. она работает в ИИМК РАН, перейдя из лаборатории палеогеографии НИИ географии СПбГУ уже опытным профессионалом, знающим проблемы радиоуглеродного датирования. Родившись в Якутии, Людмила Михайловна обладает стойким сибирским характером и является очень целеустремленным человеком.

В 1995 г. она окончила географический факультет СПбГУ, став сформировавшимся специалистом как в области радиоуглеродного датирования, так и палеогеографии. Большой практический опыт и знания позволили Людмиле Михайловне освоить методики подготовки почв и сапропелей из культурных отложений для датирования археологических памятников, возраст которых не может быть определен по другим образцам, а также компьютерную программу калибровки радиоуглеродных дат. Вместе с творческим коллективом лаборатории она участвовала в реализации научных проектов, получивших поддержку РГНФ и РФФИ, и совместных проектов с зарубежными лабораториями, направленных на хронологические исследования археологических памятников и изменений природной среды в голоцене. Она является соавтором более 50 научных публикаций, Людмила Михайловна неоднократно принимала активное участие в подготовке и проведении российских и международных конференций по проблемам естественнонаучных методов в археологии.

Основной целью исследований Людмилы Михайловны является подготовка образцов

Л. М. Лебедева

L. M. Lebedeva

почв, торфов и сапропелей. За время деятельности ею обработано более 1500 таких образцов для датирования. Будучи хорошим специалистом и прекрасным человеком, она легко влилась в новый коллектив, освоив весь цикл радиоуглеродного датирования, начиная от подготовки образцов, получения карбида углерода, синтеза бензола и его очистки.

Людмила Михайловна является добросовестным, скрупулезным исследователем, доброжелательным и чутким человеком, создающим непринужденную творческую атмосферу в коллективе. Редакция «Археологических вестей» от всей души поздравляет юбиляра и желает как можно дольше сохранять бодрость духа и жизненный оптимизм!

К 70-летию А. Д. Резепкина

25 апреля 2019 г. исполнилось 70 лет Алексею Дмитриевичу Резепкину — крупнейшему исследователю древностей Кавказа.

Будучи студентом вечернего отделения кафедры археологии Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета, куда он поступил в 1967 г. спустя год после окончания средней школы, Алексей Дмитриевич начал работать лаборантом в экспедициях ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) на условиях хоздоговорного финансирования. В студенческие годы (1967–1973) Алексей Дмитриевич прошел хорошую полевую школу, участвуя в раскопках курганов на юге России и в Сибири, а также исследуя дольмены Северного Кавказа.

В мае 1980 г. Алексей Дмитриевич был зачислен в постоянный штат Кубанской новостроечной экспедиции ЛОИА АН СССР, в составе которой он возглавил Майкопский отряд. В 1988 г. он избран на должность младшего научного сотрудника института.

К этому времени он окончательно определил основную область своих научных интересов: археология Кавказа, Закавказья и Анатолии энеолита и бронзового века. В 1981 г. Алексей Дмитриевич становится соискателем ученой степени кандидата исторических наук при Отделе археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, а в 1989 г. успешно защищает кандидатскую диссертацию «Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы (по материалам погребальных памятников новосвободненского типа)».

После защиты кандидатской диссертации Алексей Дмитриевич стал научным, а затем и старшим научным сотрудником Отдела

А. Д. Резепкин

A. D. Rezepkin

археологии Центральной Азии и Кавказа, в штат которого он был зачислен 29 июня 1989 г. К этому времени Алексей Дмитриевич был уже сложившимся ученым, полностью раскрывшим свой яркий талант полевого исследователя.

Еще в конце 1970 — 1980-х гг. Алексей Дмитриевич целиком раскопал эталонный могильник Клады близ станицы Новосвободной (Адыгея). Благодаря масштабным работам на этом уникальном памятнике молодой исследователь вписал свое имя в историю

археологии Евразии. В Кладах, относящихся к раннему бронзовому веку, им открыты росписи на стенах одной из погребальных камер и обнаружены богатейшие наборы сопроводительного инвентаря. Могильник стоит в одном ряду со знаменитым Майкопским курганом по значимости информации, которую он предоставил о древних обществах Северного Кавказа бронзового века. Следует также отметить раскопки монументального Серебряного кургана, которые были успешно завершены Алексеем Дмитриевичем в исключительно сложных природных условиях. Материалы могильника Клады опубликованы в книге «Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien» (Archäologie in Eurasien. Band 10) (2000) и получили широкий международный резонанс.

С 1993 г. Алексей Дмитриевич возглавил Майкопскую экспедицию ИИМК РАН, которой успешно руководит и в настоящее время. Раскапывая в Адыгее новые поселения майкопской культуры, Алексей Дмитриевич проделал огромный объем работ по систематизации

полученных им материалов, а также изучил фонды тех российских музеев, в которых хранятся интересующие его археологические коллекции. Эти научные изыскания являются существенным вкладом ученого в решение дискуссионных проблем кавказской археологии.

Изучая проблемы происхождения и развития древних племен Кавказа в энеолите и бронзовом веке, Алексей Дмитриевич стал ведущим отечественным специалистом в области исследования новосвободненской культуры. Результаты своих работ в этом направлении он опубликовал в монографии «Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады)» (СПб., 2011), которая на долгие годы станет настольной книгой каждого специалиста по археологии Кавказа. В настоящее время ученый с успехом исследует дискуссионные вопросы изучения майкопской культуры.

Алексея Дмитриевича любят и уважают коллеги. Редакция «Археологических вестей» от всей души поздравляет юбиляра, желает ему новых творческих успехов и крепкого здоровья!

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Крупные специальные отщепы и орудия из них Таманской раннеашельской индустрии (Южное Приазовье): типология, технология изготовления, функции¹

В. Е. Щелинский²

Аннотация. Одним из важных отличительных признаков технологии раннего ашеля является изготовление и использование крупных специальных отщепов (>10 см). В статье анализируются отщепы этой категории и орудия из них в раннеплейстоценовой таманской раннеашельской индустрии (Южное Приазовье), рассматриваются их типология, технология изготовления, функции.

Annotation. The manufacture and employment of large special flakes (>10 cm) is one of the important distinctive features of the technology of the Early Acheulean. This article analyses flakes of that type and tools made from them in the Early Acheulean industry of the early Pleistocene of Taman (Southern Azov Sea region). Their typology, technology of manufacture and functions are considered.

Ключевые слова: ранний плейстоцен, юг России, таманская раннеашельская индустрия, крупные специальные отщепы, крупные режущие и рубящие орудия.

Keywords: early Pleistocene, southern Russia, Taman Early Acheulean industry, large special flakes, large cutting and chopping tools.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-18-43

Введение

Развитие культуры в раннем палеолите шло по пути совершенствования технологии изготовления и повышения эффективности каменных орудий. При этом важнейшим событием явилось появление раннеашельских индустриальных комплексов со сложными режущими и рубящими орудиями длительного

пользования, такими как кливеры, пики и ручные рубила. Пока неясно, возникли ли они на основе развития более ранних архаичных нуклеусо-отщеповых (олдованских, Mode I) индустрий или же независимо от них. Время появления этих продвинутых в технологическом отношении комплексов в тех или иных регионах уточняется по мере открытия новых ашельских стоянок и разработок методик их более точного датирования. В настоящее время самые древние известные ашельские стоянки имеют возраст: в Восточной Африке ≈1,76 млн лет (Lepre et al., 2011; Beyene et al., 2013), в Средиземноморье — между 1,6 и 1,2 млн лет назад (Убейдия — Bar-Yosef, Belmaker, 2011), на Кавказе — в интервале 1,944±0,046–1,75±0,02 млн лет назад (Карахач — Беляева, 2018; Presnyakov et al., 2012;

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0008 «Производство и использование орудий труда в палеолите, неолите и эпоху бронзы (технологическое, трасологическое и экспериментальное изучение археологических материалов)» и при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-00-00592).

² Экспериментально-трасологическая лаборатория, ИИМК РАН. Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Trifonov et al., 2016), в Южной Азии в интервале 1,5–1,0 млн лет назад (Аттирампакам — *Dennell*, 2018), в Западной Европе — около 1,0 млн лет (Ла-Боэлья — *Vallverdú et al.*, 2014; *Moncel, Ashton*, 2018). На северо-востоке Западной Азии в Южном Приазовье выявлена группа разновременных раннеашельских стоянок, объединенных по технологическим показателям каменных изделий в одну таманскую раннеашельскую индустрию. Эти стоянки датируются в интервале от 2,1 до 1,0 млн лет назад (*Щелинский*, 2016, 2018; *Shchelinsky et al.*, 2018).

Общие черты раннеашельских индустрий не исключают их технологическо-типологических особенностей. Замечено, что почти нет раннеашельских стоянок, в инвентаре которых были бы представлены все основные категории каменных орудий, характеризующие ашельскую технологию. Для индустрий некоторых регионов больше характерны, например, ручные рубила, для других — кливеры или пики. Нередки случаи различных комбинаций этих и других крупных режущих и рубящих орудий в каменном инвентаре стоянок. Точно так же различаются технологии изготовления орудий. В одних местах для изготовления орудий использовались преимущественно крупные отщепы (более 10 см), в других — отобранные гальки или обломки различных горных пород.

Несмотря на эти различия изготовление крупных отщепов размером больше 10 см является одним из весьма важных отличительных признаков технологии раннего ашеля. В более древних нуклеусо-отщеповых комплексах, характеризующихся отщепами мелких и средних размеров, они отсутствуют, что свидетельствует о целенаправленности их изготовления на новом технологическом уровне развития для конкретных функций, прежде всего в качестве заготовок для изготовления крупных режущих орудий (ручных рубил, пиков, кливеров) (*Beyene et al.*, 2013; *Isaac*, 1969; *Semaw et al.*, 2009). Как показывают эксперименты, преобразование их в эти орудия требует минимальных усилий.

Однако изготовление, типы и использование крупных отщепов и орудий из них

не были повсеместно одинаковыми. Многое зависело от особенностей каменных сырьевых ресурсов и стратегий жизнеобеспечения. Не могли не сказываться и культурные традиции конкретных человеческих групп. Рассмотрим эти вопросы на материалах стоянок таманской раннеашельской индустрии.

Крупные специальные отщепы и орудия из них в инвентаре стоянок

Крупные отщепы размером больше 10 см (их можно назвать «крупные специальные отщепы») в инвентаре стоянок таманской раннеашельской индустрии — обычное явление, хотя везде они представлены немногочисленными экземплярами, не переоформленными или же превращенными в орудия. Одной из причин этого могут быть небольшие пока площади раскопок стоянок. Но не исключено, что эти специальные отщепы, как и орудия из них, и в самом деле изготавливались в небольших количествах. На это могут указывать материалы основных и лучше изученных в настоящее время стоянок таманской раннеашельской индустрии Родники 1–4 и Богатыри/Синяя Балка.

Сразу надо отметить, что все эти изделия, как и практически весь каменный инвентарь стоянок, изготовлены из местного прочного окварцованного песчанистого доломита миоценового возраста в виде угловатых обломков разных размеров, часто плитчатых. Происходит это сырье из близлежащих раннеплейстоценовых и, возможно, более древних грязевулканических отложений, широко развитых на Таманском полуострове и непосредственно в окрестностях раннеашельских стоянок.

Изделия со стоянки Родники 1. Стоянка Родники 1 — одна из поздних стоянок таманской раннеашельской индустрии. Ее возраст устанавливается по биостратиграфическим и палеомагнитным данным в интервале от 1,6 до 1,0 млн лет назад. В функциональном отношении она определяется как пляжевая многократно посещаемая стоянка на берегу морской лагуны или эстуария реки (*Щелинский*, 2013, 2014, 2017, 2018; *Shchelinsky et al.*, 2016).

Коллекция каменных изделий стоянки, имеющаяся на сегодняшний день, состоит из 710 предметов, представляющих все основные технологические группы инвентаря (таблица 1).

Таблица 1

Технологическая группа инвентаря	Кол-во
Нуклеусы	53
Отщепы	357
Обломки доломита с признаками намеренного раскалывания	100
Отбойники	4
Орудия	196
Всего	710

Структура инвентаря свидетельствует о полном технологическом цикле обработки камня на стоянке и изготовлении разнообразных по форме изделий — от подходящих кусков камня и отщепов до орудий, оформленных вторичной обработкой. Больше половины изделий крупные (более 5 см) (375 экз., 52,8 %). Другие изделия мелкие (5 см и менее) и особо мелкие (3 см и менее) (всего 335 экз., 47,2 %).

Различные отщепы составляют значительную часть инвентаря стоянки. Только необработанных отщепов 357 экз. Кроме того, 38 отщепов были использованы в качестве заготовок для орудий, оформленных вторичной обработкой. Таким образом, больше половины изделий на стоянке (55,6 %) составляют именно необработанные и обработанные отщепы. Размеры отщепов довольно сильно варьируются. Однако если учитывать только целые и почти целые экземпляры (всего 255 экз., 64,6 %), включая некоторые хорошо определимые отщепы, превращенные в орудия, то четко прослеживается, что приблизительно в одинаковых пропорциях представлены как мелкие (до 5 см включительно), так и крупные отщепы.

Крупных специальных отщепов в инвентаре стоянки 12 экз. При этом четыре из них не имеют вторичной обработки, а восемь других превращены в различные макроорудия.

Описание

Отщепы. 1. Отщеп (9,0 × 12,5 × 5,7 см) (рис. 1, 1) подчетыреугольной формы, укороченных пропорций, полупервичный, негативы на дорсальной стороне однонаправленные продольные. Ударная площадка корковая, прямая, имеются фасетки выкрошенности у точки удара на вентральной стороне. Со следами использования в работе (негативы редких мелких сколов подправки, выкрошенность и легкое истирание поверхности с тусклой заполировкой на краях). Вероятная функция отщепа — резание мягкого материала (мяса).

2. Отщеп (7,7 × 3,5 × 5,0 см) подчетыреугольной формы, укороченных пропорций, с ортогональной огранкой. Ударная площадка корковая, с вмятиной и фасетками выкрошенности на вентральной стороне от удара отбойником. Вентральная сторона немного вогнутая, с плохо выраженным ударным бугорком. Со следами использования в работе в виде легкой выкрошенности и слабого истирания поверхности с тусклой заполировкой на краях. Вероятная функция отщепа — резание мягкого материала (мяса).

3. Отщеп (6,9 × 11,8 × 3 см) подчетыреугольной формы, укороченных пропорций, с изогнутым профилем, с негативом одного снятия на дорсальной стороне. Ударная площадка корковая, с мелкими фасетками выкрошенности на вентральной стороне у точки удара отбойником. Вентральная сторона вогнутая, с выраженным ударным бугорком. Со следами использования в работе в виде мелких обломов, выкрошенности и легкого истирания поверхности с тусклой заполировкой на краях. Вероятная функция отщепа — резание и скобление мягкого материала (мяса, шкуры).

4. Отщеп (10,6 × 4,7 × 3,5 см) удлинённый, подтреугольной формы, с изогнутым профилем, с разнонаправленной огранкой. Ударная площадка корковая. Вентральная сторона вогнутая, с едва заметным ударным бугорком. Со следами использования в работе в виде мелких негативов подправки и легкого истирания поверхности с тусклой заполировкой

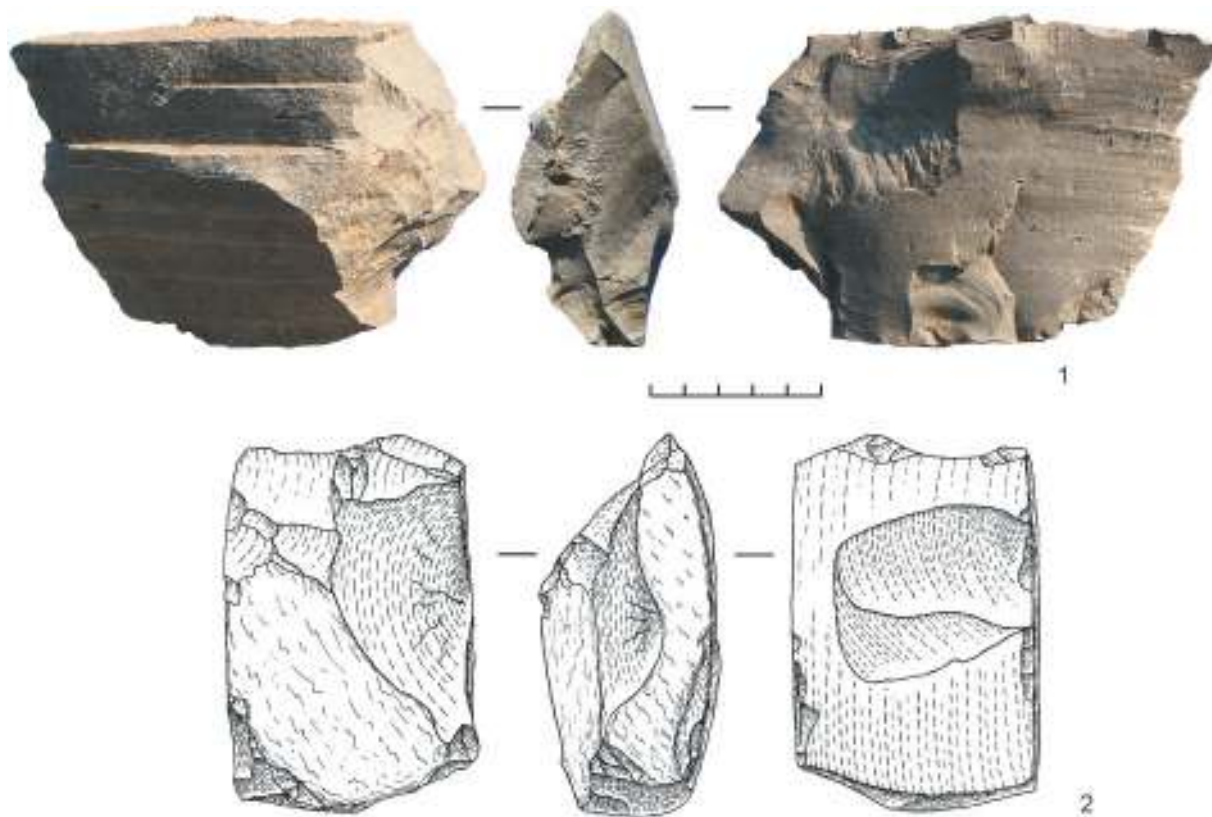

Рис. 1. Крупный специальный отщеп (1) и кливер из крупного специального отщепца (2) окварцованного песчанистого доломита из стоянки Родники 1 (1 — фотография, 2 — рисунок)

Fig. 1. Large special flake (1) and cleaver made from a large special flake (2) of silicified sandy dolomite, site of Rodniki 1 (1 — photo, 2 — drawing)

на краях, особенно на дистальном приостренном конце. Вероятная функция отщепца — резание мягкого материала (мяса).

Орудия. 1. Кливер (10,4 × 6,9 × 4,5 см) (рис. 1, 2). Рабочим лезвием является короткий боковой край отщепца. Оно утончено поперечными встречными сколами. Боковые края прямые, отвесные. Один из них является широкой ударной площадкой отщепца-заготовки, покрытой коркой. Другой боковой край представляет собой остаток корковой поверхности плитчатой отдельности доломита, с которой был сколот отщеп. Оба края обработаны довольно крупными плоскими сколами утончения попеременно с обеих сторон. Хорошо выражена и выделена обработкой пятка орудия. Она выпуклая и оформлена серией вертикальных однонаправленных сколов. Лезвие орудия — с выраженными следами износа от использования в работе,

в основном в виде двусторонней выкрошенности и забитости края. Вероятная функция орудия — рубка твердого материала (предположительно дерева, кости).

Отщеп-заготовка для орудия подчетыреугольной формы, укороченных пропорций, первичный, с корковой ударной площадкой.

2. Ручное рубило (11 × 7,5 × 7 см) (рис. 2) сердцевидной формы, частично двусторонне обработанное, с ромбовидным поперечным сечением. Боковые лезвия сравнительно короткие. Одно из них является скошенной гранью поверхности отщепца, оно почти прямое и не имеет дополнительной обработки. Другое лезвие более длинное, слабовыпуклое и обработано сколами и ретушью. Узкий дистальный конец, образованный сходящимися лезвиями, тщательно оформлен ретушью с продольными фасетками. Пятка массивная, угловато-выпуклая, слегка подработана

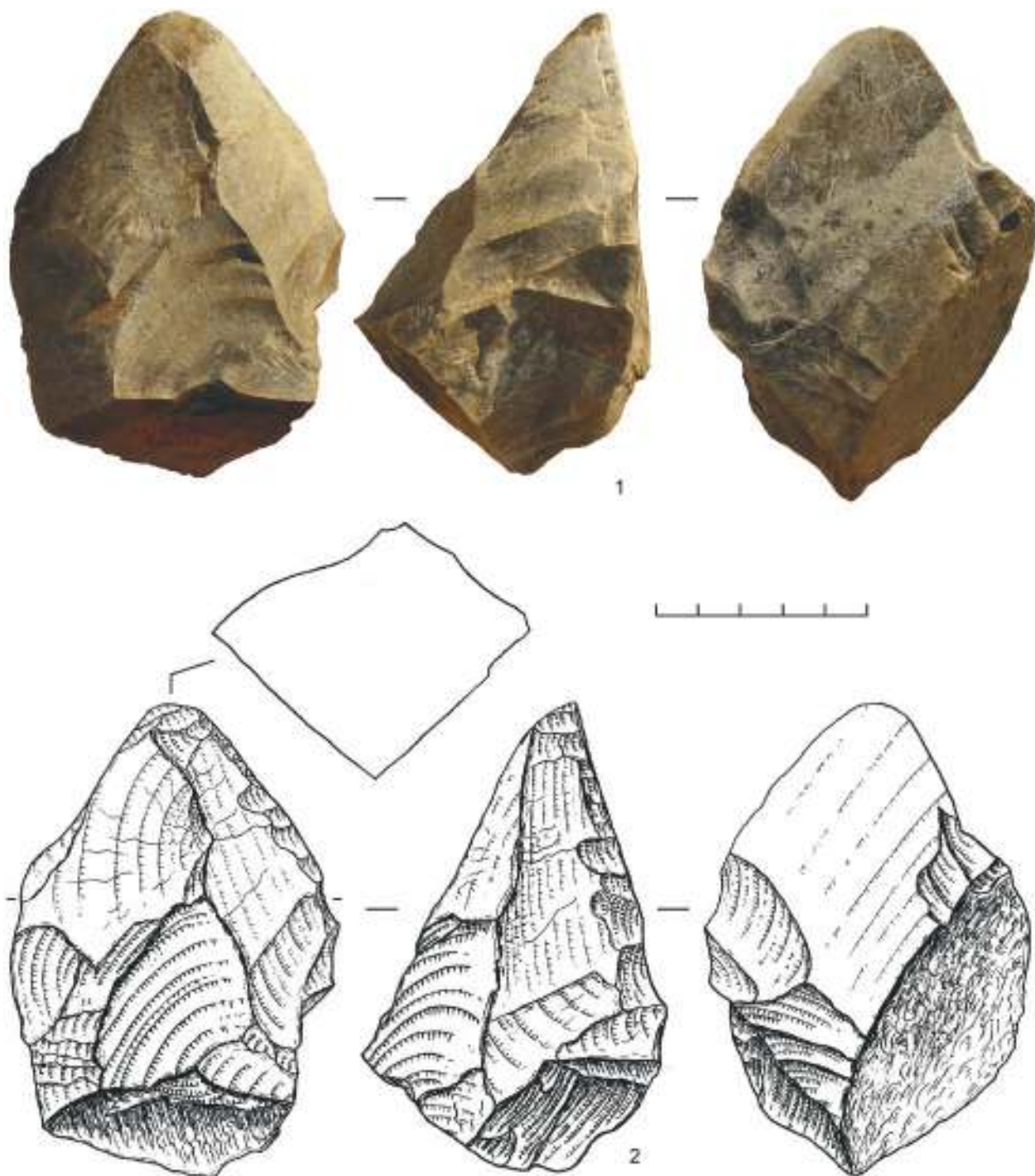

Рис. 2. Ручное рубило из крупного специального отщепа окварцованного песчаного доломита из стоянки Родники 1 (1 — фотография, 2 — рисунок)

Fig. 2. Handaxe made from large special flake of silicified sandy dolomite, site of Rodniki 1 (1 — photo, 2 — drawing)

единичными мелкими сколами. На орудии нет грубого износа. Вместе с тем прослеживается слабое истирание с заполировкой поверхности, особенно на узком дистальном

конце. Вероятная функция орудия — резание мягкого материала (мяса).

3. Пик (11,6 × 8,8 × 6,5 см) (рис. 3, 2), частично двусторонне обработанный. Толстое

рабочее острие располагается на дистальном конце отщепа-заготовки. Оно колющее, тщательно оформлено мелкими сколами с обеих сторон. На верхней стороне имеется обработанное ребро. Боковые края практически не обработаны. Один из них извилистый, другой — угловато-выпуклый. Пятка хорошо выражена, хотя и не является самой толстой частью орудия. Она выпуклая и тщательно обработана (приспособлена для удобства захвата рукой) мелкими разнонаправленными сколами. Острый конец и прилегающий к нему лезвийный участок одного бокового края сильно изношены от использования в работе. Износ в виде слабой забитости кромки, истирания и заполировки поверхности. Вероятная функция орудия — пробивание, кромсание, резание материала разной твердости (разделка туши животного).

Отщеп-заготовка орудия подчетыреугольной формы, удлиненный, с однонаправленной параллельной огранкой и изогнутым профилем. Ударная площадка его корковая. Вентральная сторона вогнутая, с невыраженным ударным бугорком.

4. Пик (10,5 × 8,5 × 5 см) (рис. 3, 1), частично двусторонне обработанный. Рабочее острие располагается на боковом крае отщепа-заготовки. Оно широкое, образовано двумя сходящимися обработанными лезвиями. Одно из них почти прямое, обработано мелкими сколами и ретушью с верхней стороны вблизи острия. Другое боковое лезвие извилистое, обработано с обеих сторон, более тщательная обработка около острия. Пятка выпуклая, частично обработана мелкими сколами. На орудии нет грубого износа, деформирующего рабочие края. Можно предполагать, что оно использовалось для резания мягкого материала (мяса).

Отщеп-заготовка орудия первичный, подчетыреугольной формы с изогнутым профилем. Ударная площадка его снята обработкой. Вентральная сторона вогнутая, с невыраженным ударным бугорком.

5. Пик (13,8 × 8,4 × 6,5 см), частично двусторонне обработанный. Рабочее лезвие располагается на узком крае широкого отщепа.

Оно острое, тщательно оформленное преимущественно мелкими сколами и ретушью в основном с одной и частично — с другой стороны. От конца острия на верхней стороне протягивается короткое гребневидное ребро, также тщательно обработанное. Боковые края нелезвийные, необработанные. Один — слабовыпуклый, другой — угловато-выпуклый. Пятка сравнительно тонкая, слегка выпуклая и частично обработана сколами с верхней стороны. Острый рабочий конец затуплен и слегка деформирован забитостью кромки, что может свидетельствовать об использовании орудия для пробивания и кромсания материала разной твердости (вероятно, при разделке туши животного).

Отщеп-заготовка орудия подтреугольной формы, укороченных пропорций. Ударная площадка его гладкая. Вентральная сторона вогнутая, с невыраженным ударным бугорком.

6. Тяжелое широкое поперечное скребло (7,0 × 11,5 × 5,7 см) (рис. 4, 1) с выпуклым лезвием. Оно образовано на внешнем крае ударной площадки отщепа-заготовки и тщательно оформлено сколами и ретушью. Боковые края прямые. Один из них усечен вертикальными сколами, другой представляет собой плоскость раскалывания отдельности доломита. Край, противоположный лезвию, немного выпуклый и является дистальным краем отщепа-заготовки. На лезвии прослеживаются следы износа от использования в работе в виде мелкой выкрошенности и слабого истирания с тусклой заполировкой поверхности. Вероятная функция орудия — резание мягкого материала (мяса).

Отщеп-заготовка орудия подчетыреугольной формы, укороченных пропорций, с однонаправленной параллельной огранкой. Ударная площадка его корковая. Вентральная сторона вогнутая, ударный бугорок слабо выражен.

7. Тяжелое широкое поперечное скребло, с выпуклым частично двусторонне обработанным лезвием (11,2 × 15,8 × 6,4 см) (рис. 4, 2). Боковые края приострены сколами. Следы износа не прослеживаются, так как поверхность орудия немного сглажена водой. Однако

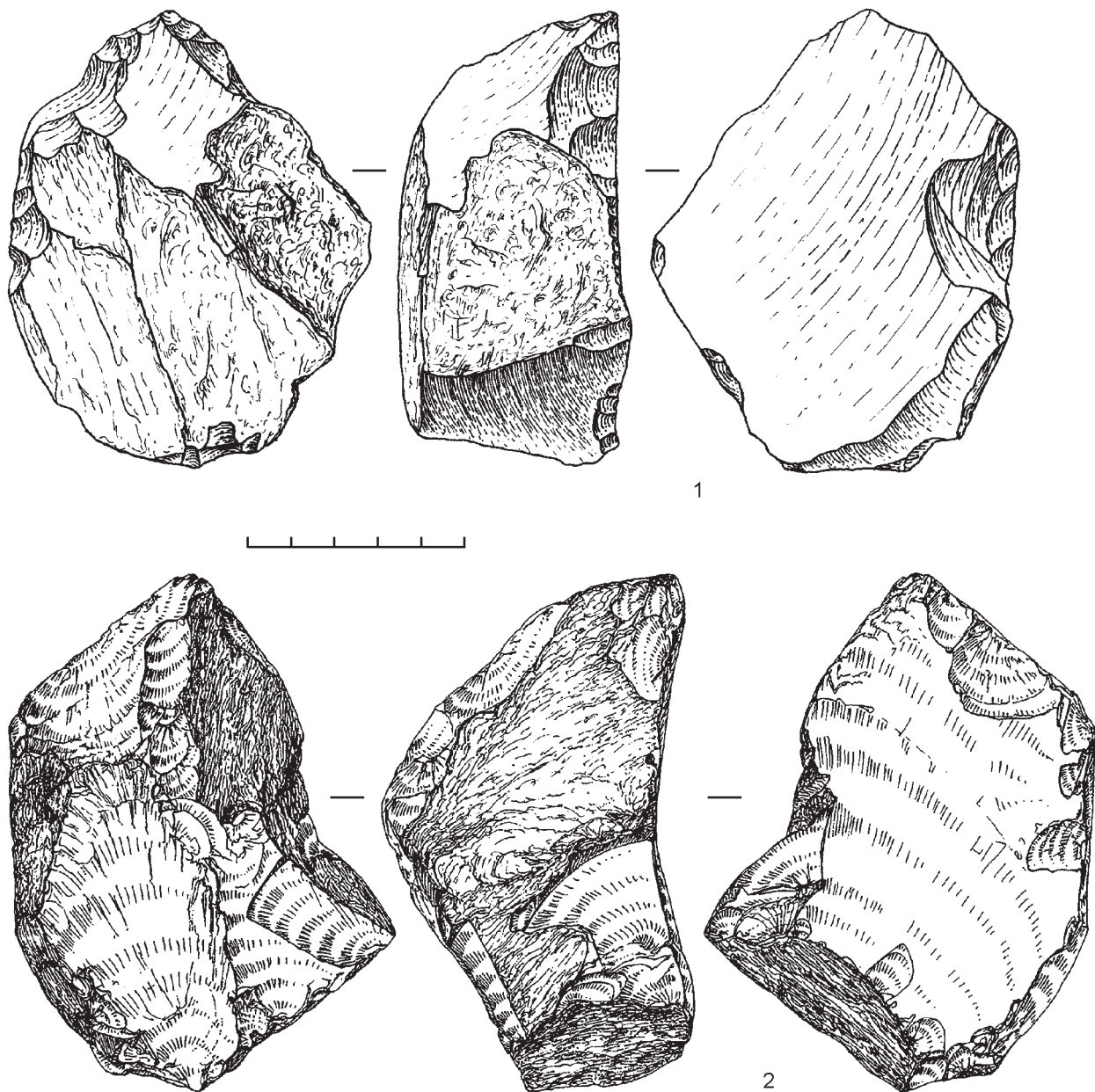

Рис. 3. Частично двусторонне обработанные пики из крупных специальных отщепов окварцованного песчаного доломита из стоянки Родники 1

Fig. 3. Partially bifacial picks made from large special flakes of silicified sandy dolomite, site of Rodniki 1

видно, что его лезвие достаточно острое, без следов выкрошенности и забитости, что может свидетельствовать об использовании орудия для резания и кромсания мягкого материала (вероятно, мяса).

Отщеп-заготовка орудия овальной формы, укороченных пропорций, с негативом одного поперечного скола на дорсальной стороне. Ударная площадка корковая. Вентральная

сторона слегка вогнутая, с едва выраженным ударным бугорком.

8. Тяжелое широкое поперечное скребло с вогнутым лезвием (8,2 × 13,5 × 5,7 см). Лезвие тщательно оформлено сколами и ретушью. На нем прослеживаются следы износа в виде равномерного истирания кромки, особенно на выступах по краям. Вероятная функция орудия — резание мягкого материала (мяса).

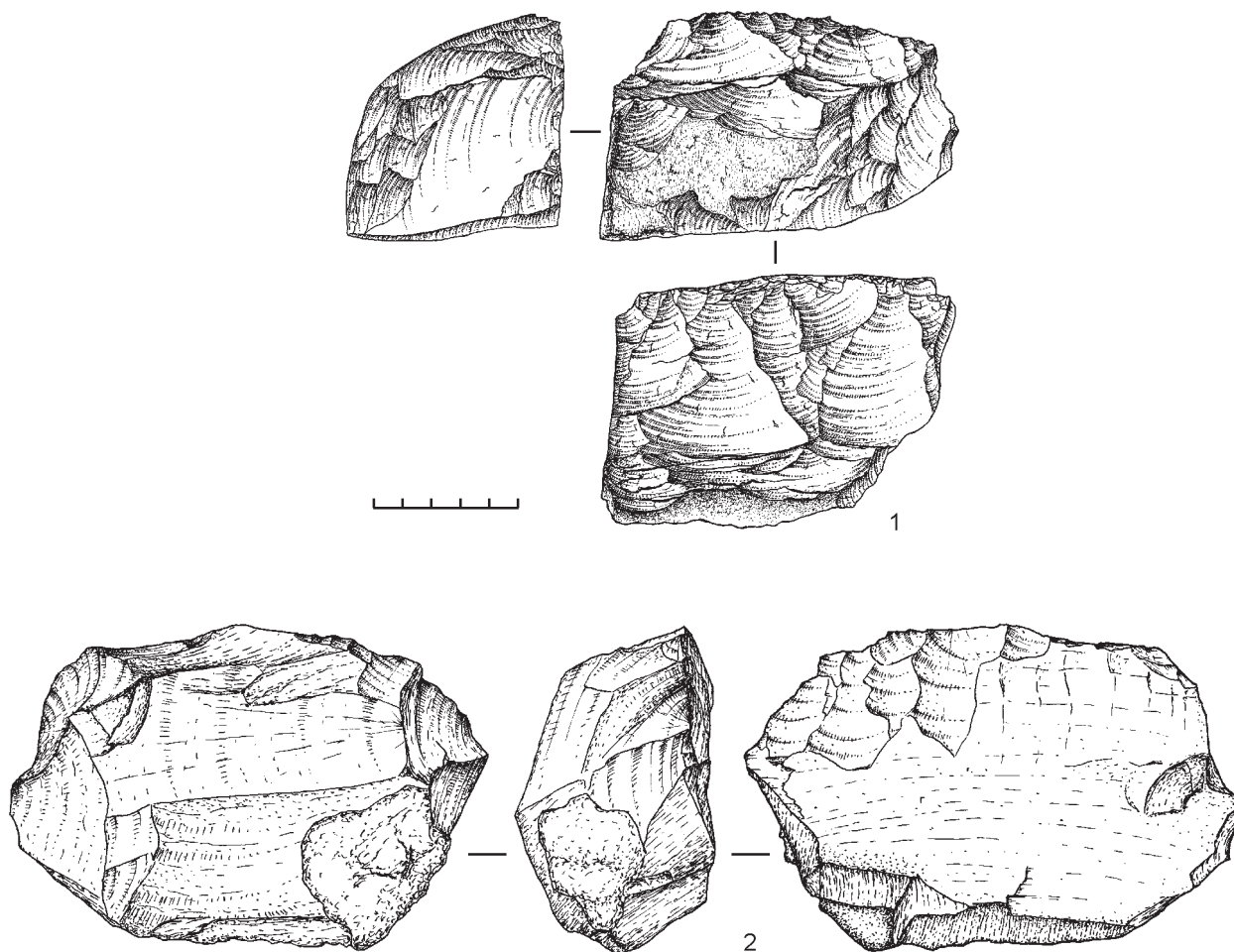

Рис. 4. Тяжелые скребла из крупных специальных отщепов окварцованного песчанистого доломита из стоянки Родники 1

Fig. 4. Heavy scrapers from large special flakes of silicified sandy dolomite, site of Rodniki 1

Отщеп-заготовка орудия овальной формы, первичный, укороченных пропорций. Ударная площадка его гладкая (часть негатива крупного предшествующего скола).

Изделия со стоянки Родники 2. Стоянка Родники 2 одновременно со стоянкой Родники 1 и датируется в интервале от 1,6 до 1,0 млн лет назад. В функциональном отношении она также определяется как пляжевая стоянка на берегу морской лагуны или эстуария реки, посещаемая раннепалеолитическими людьми неоднократно (Щелинский, 2013, 2014, 2017, 2018; Shchelinsky et al., 2016).

Из-за небольшой площади проведенных в настоящее время раскопок каменный инвентарь стоянки состоит из 113 изделий. Их

состав (таблица 2) указывает на полный технологический цикл изготовления каменных орудий на стоянке, включавший в себя первичное расщепление камня и получение заготовок и оформление орудий.

Представлены изделия как мелких (до 5 см включительно), так и крупных размеров (более 5 см). При этом мелкие изделия заметно преобладают над крупными (соответственно 60,2 % и 39,8 %).

Отщепы разных форм и размеров, в том числе преобразованные в орудия (16 экз.), составляют 48,7 % коллекции изделий.

Крупных специальных отщепов в коллекции всего два. При этом оба были использованы для изготовления кливеров.

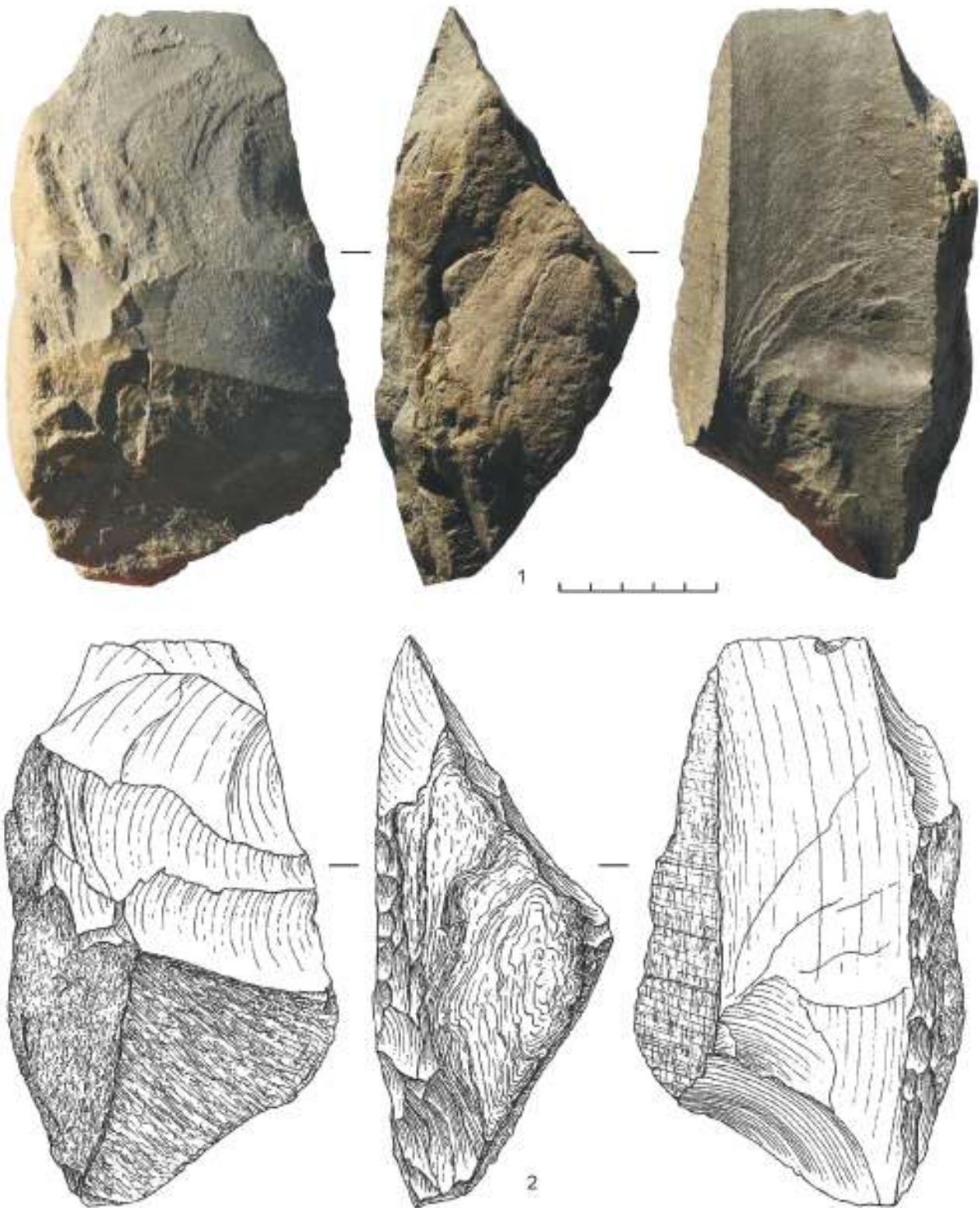

Рис. 5. Кливер из крупного специального отщипа окварцованного песчанистого доломита из стоянки Родники 2 (1 — фотография, 2 — рисунок)

Fig. 5. Cleaver from large special flake of silicified sandy dolomite, site of Rodniki 2 (1 — photo, 2 — drawing)

Таблица 2

Технологическая группа инвентаря	Кол-во
Нуклеусы	9
Отщепы	38
Обломки доломита с признаками намеренного раскалывания	7
Орудия	59
Всего	113

Описание

1. Кливер (17,4 × 10 × 7,2 см) (рис. 5) из отщепа с укороченными пропорциями. Рабочим лезвием является тонкий боковой край широкого отщепа. Боковые края почти прямые. На одном из них на дорсальной стороне имеется серия негативов крупных плоских сколов. Были ли сняты эти сколы в процессе получения отщепа или при оформлении орудия, не вполне ясно. Другой боковой край частично оббит сколами. Пятка вдвое шире рабочего лезвия. Она прямая, скошенная по отношению к продольной оси орудия и образована сколами, снятыми с вентральной стороны. Рабочее лезвие со следами износа в виде слабой выкрошенности и истирания с тусклой заполировкой. Вероятная функция орудия — рубка, кромсание мягкого материала (предположительно мяса).

Отщеп-заготовка орудия подчетыреугольной формы, укороченных пропорций. Ударная площадка корковая, с фасетками выкрошенности с вентральной стороны у точки удара отбойником.

2. Кливер (13,2 × 8,3 × 6,3 см) (рис. 6, 2) из отщепа с укороченными пропорциями. Один боковой край сформирован на месте ударной площадки отщепа-заготовки. Он немного выпуклый и оббит вертикальными сколами. Другой боковой край прямой и образован отвесным дистальным краем отщепа-заготовки, покрытым коркой. Пятка выпуклая и оббита сколами с обеих сторон для удобства захвата орудия рукой. Рабочее лезвие со следами износа от использования в работе, в основном в виде сильной выкрошенности и забитости кромки. Вероятная функция орудия — рубка твердого материала (предположительно кости, дерева).

Отщеп-заготовка орудия подчетыреугольной формы укороченных пропорций с параллельной огранкой. Ударная площадка не сохранилась (снята обработкой орудия). Вентральная сторона слегка вогнутая, с невыраженным ударным бугорком.

В коллекции имеется еще один кливер, изготовленный из отщепа немного меньше 10 см (рис. 6, 1). Его размеры 9,2 × 6 × 3,5 см. Типологически он несколько отличается. Рабочее лезвие у него выпуклое и утончено оббивкой поперечными сколами с обеих сторон. Один боковой край угловато-выпуклый и обработан вблизи лезвия. Другой боковой край почти прямой и не обработан. Пятка сравнительно тонкая, угловато-выпуклая, но оббита сколами. На тонком рабочем лезвии нет грубого износа в виде выкрошенности и забитости кромки. Прослеживается лишь легкое истирание поверхности со слабой заполировкой. Вероятная функция орудия — резание, кромсание мягкого материала (предположительно мяса).

Отщеп-заготовка орудия овальной (или подчетыреугольной формы), укороченных пропорций, первичный. Ударная площадка корковая. Вентральная сторона вогнутая, с невыраженным ударным бугорком.

Изделия со стоянки Родники 3. Стоянка Родники 3 сохранилась в переотложенном состоянии. Отложения с культурными остатками залегают внутри массива древних грязевулканических глин, образуя в них своеобразное включение — крупный ксенолитический пакет. Он продолговатой формы с неровными краями длиной около 9 м и толщиной около 3 м. Судя по всему, эти отложения в древности были отделены от места первоначального залегания в результате взрывного извержения грязевого вулкана, а затем захвачены и перемещены грязевулканическим потоком. При этом первоначальная структура культуросодержащих отложений была разрушена, и они были перемешаны. Прямая датировка культуросодержащих отложений затруднена и из-за отсутствия в них надежных биостратиграфических данных. Тем не менее имеются косвенные свидетельства,

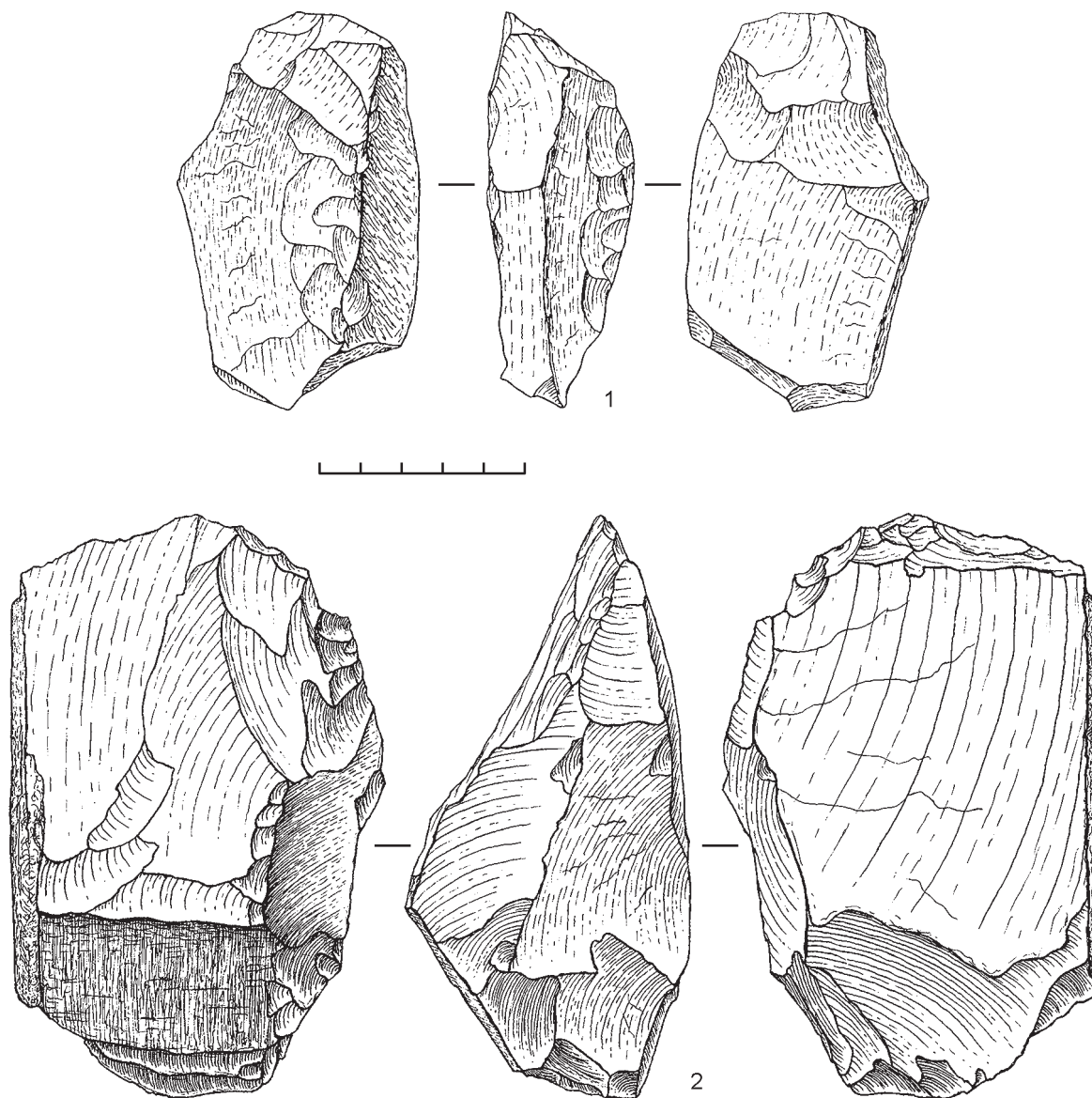

Рис. 6. Кливеры из крупных отщепов окварцованного песчанистого доломита из стоянки Родники 2
 Fig. 6. Cleavers from large special flakes of silicified sandy dolomite, site of Rodniki 2

позволяющие определить возраст этих отложений. Дело в том, что они связаны с тем же массивом грязевулканических глин, что и сохранившиеся *in situ* и хорошо датированные по биостратиграфическим и палеомагнитным данным раннеашельские стоянки Родники 1 и Родники 2. Однако эти стоянки, в отличие от Родников 3, располагаются поверх массива грязевулканических глин, служащих цоколем мощной субаквальной толщи раннеплейстоценовых апшеронских/гурийских отложений, включающей в основании

культуросодержащие слои стоянок. В свою очередь остатки мелких и крупных млекопитающих из этих стоянок позволяют датировать их в интервале от 1,6 до 1,0 млн лет назад (весьма вероятно, ближе к 1,0 млн лет) (Shchelinsky *et al.*, 2010 a, b). Таким образом можно утверждать, что стоянка Родники 3 не моложе стоянок Родники 1 и Родники 2 и, возможно, даже несколько древнее их.

Расчисткой культуросодержащего слоя стоянки, обнажающегося в береговом обрыве, в настоящее время получена довольно

информативная коллекция каменных изделий, состоящая из 132 предметов. Изделия представлены различными технологическими группами, свидетельствующими о полной технологической последовательности их изготовления (таблица 3).

Таблица 3

Технологическая группа инвентаря	Кол-во
Нуклеусы	8
Отщепы	40
Обломки доломита с признаками намеренного раскалывания	45
Орудия	39
Всего	132

По размерам изделия разделяются на три группы: крупные (более 5 см) — 44 экз. (33,3 %), мелкие (3,1–5 см) — 62 экз. (47 %) и особо мелкие (3 см и меньше) — 26 экз.

(19,7 %). Изделий второй и третьей размерных групп существенно больше.

Отщепы, в том числе использованные для изготовления оформленных орудий (18 экз.), составляют 43,9 % всех изделий. При этом крупных среди них — 16 экз. (27,6 %), мелких и особо мелких — 42 экз. (72,4 %).

Крупных специальных отщепов всего 3 экз., и из них были изготовлены режущие и рубящие макроорудия: ручное рубило, пик и тяжелое скребло.

Описание

1. Ручное рубило (9,8 × 10,5 × 5,5 см) (рис. 7) сердцевидной формы, с узким усеченным дистальным концом. Поперечное сечение его двояковыпуклое (верхняя сторона несколько более выпуклая), максимальная толщина и ширина приходятся на середину и нижнюю половину орудия. Обработка частично двусторонняя. Верхняя сторона обработана

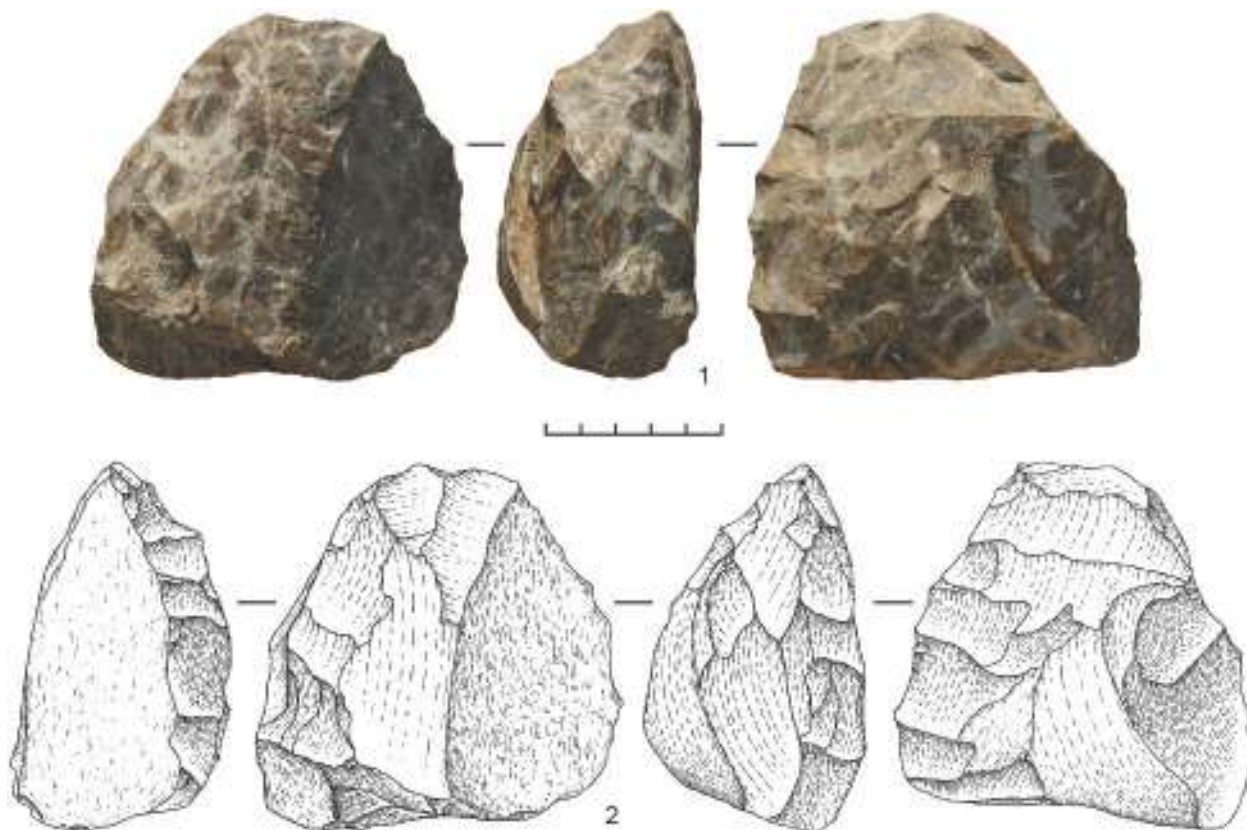

Рис. 7. Ручное рубило из крупного специального отщепа окварцованного песчанистого доломита из стоянки Родники 3 (1 — фотография, 2 — рисунок)

Fig. 7. Handaxe from large special flake of silicified sandy dolomite, site of Rodniki 3 (1 — photo, 2 — drawing)

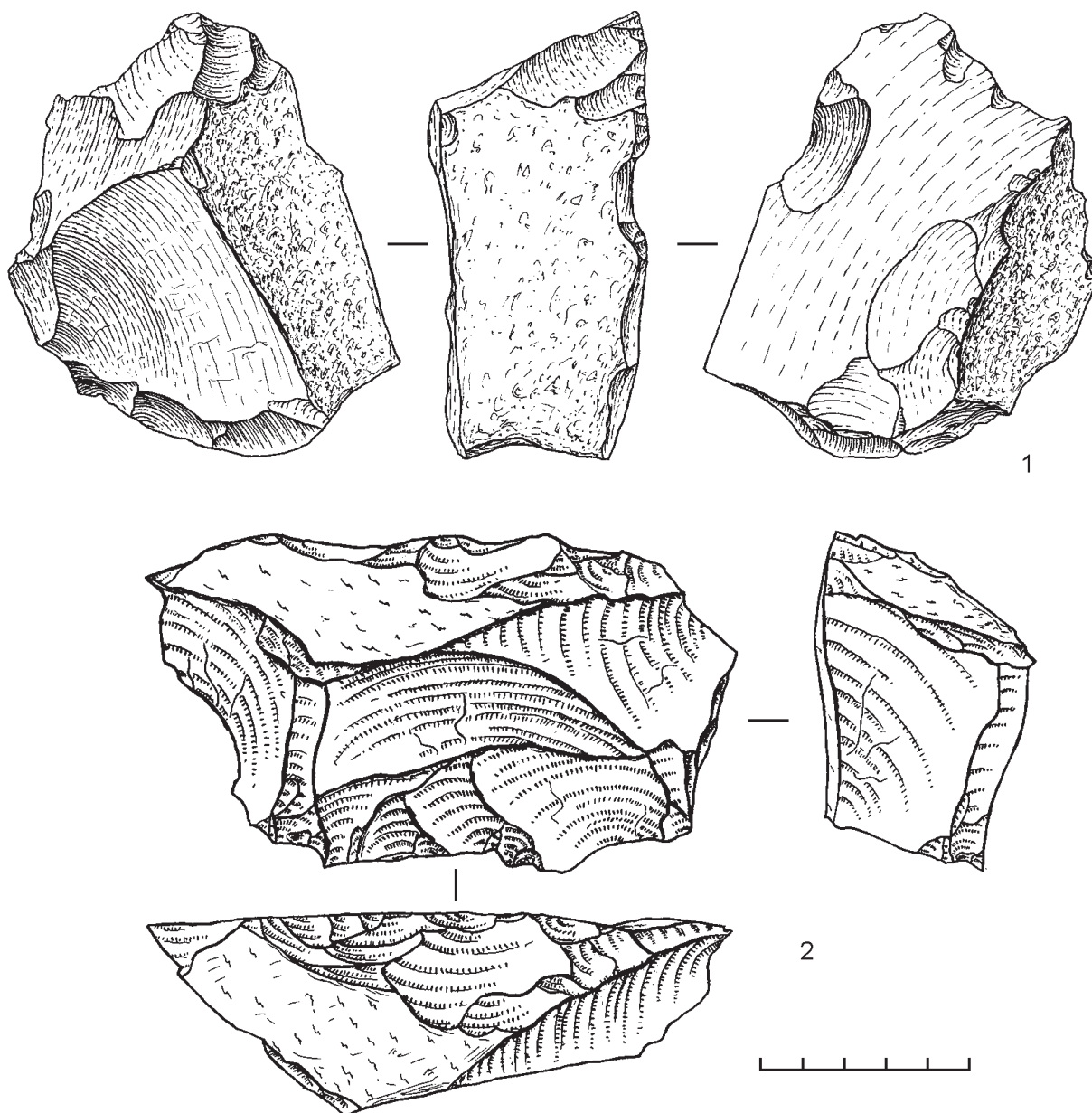

Рис. 8. Частично двусторонне обработанный пик (1) и тяжелое скребло (2) из крупных специальных отщепов окварцованного песчанистого доломита из стоянки Родники 3

Fig. 8. Partially bifacial pick (1) and heavy scraper (2) from large special flakes of silicified sandy dolomite, site of Rodniki 3

приблизительно наполовину, нижняя — на две трети. Оба боковых края выпуклые. Пятка массивная, оббита сколами. Лезвия без забитости и выкрошенности, на краях местами прослеживается истирание поверхности с тусклой заполировкой от использования в работе по мягкому материалу. Вероятная функция орудия — резание, кромсание мягкого

материала (предположительно мяса). Отщеп-заготовка орудия подчетыреугольной формы с корковой ударной площадкой.

2. Пик (11,0 × 8,7 × 5,3 см) (рис. 8, 1) трехгранный, частично двусторонне обработанный. Дистальный заостренный конец хорошо выделен обработкой с верхней стороны. Боковые края слегка обработаны на участках,

прилегающих к острию с обеих сторон. Нижняя сторона частично уплощена сколами, снятыми от тыльной стороны ударной площадки отщепа-заготовки. Пятка выпуклая и обработана разнонаправленными сколами. На заостренном конце и прилегающих к нему лезвийных участках боковых краев прослеживаются следы износа от использования в работе в виде слабого истирания поверхности с тусклой заполировкой. Вероятная функция орудия — резание мягкого материала (предположительно мяса).

Отщеп-заготовка орудия подчетыреугольной формы укороченных пропорций с негативом одного продольного снятия на дорсальной стороне. Ударная площадка корковая. Вентральная сторона вогнутая с невыраженным ударным бугорком.

3. Скребло (5,8 × 13,2 × 4,8 см) (рис. 8, 2) тяжелое, поперечное (широкое) с прямым рабочим лезвием, оформленным плоскими сколами и чешуйчатой ретушью. На кромке лезвия сохранились следы износа от использования в работе в виде слабого истирания поверхности с тусклой заполировкой. Вероятная функция орудия — резание мягкого материала (предположительно мяса).

Отщеп-заготовка орудия подчетыреугольной формы укороченных пропорций с продольной однонаправленной огранкой. Ударная площадка корковая. Вентральная сторона вогнутая, с невыраженным ударным бугорком.

Изделия со стоянки Родники 4. Геологические условия залегания культуросодержащих отложений стоянки такие же, как на стоянке Родники 3. Стоянка была в древности разрушена природными процессами. Культуросодержащие отложения переотложены и заключены в виде крупного ксенолитического пакета в толще грязевулканических глин. Обнаруженные в них останки крупных млекопитающих единичны и малоинформативны. Определимые останки мелких млекопитающих отсутствуют. В отложениях довольно многочисленна лишь малакофауна. Однако и она очень обедненная, так как состоит в основном из представителей рода

Dreissena. Как известно, существование этих моллюсков имеет широкий временной диапазон и указывает скорее на палеоэкологические условия, чем на возраст вмещающих отложений. Применительно к рассматриваемому культуросодержащему слою присутствие останков моллюсков свидетельствует о наличии на месте первоначального формирования культурного слоя пресноводного или слабосоленоводного бассейна или русла реки со спокойным течением. Вместе с тем обилие дрейссены в культуросодержащем слое все же может указывать на его вероятный возраст. Дело в том, что раковины именно этих моллюсков являются наиболее многочисленными в сборах малакофауны на всех раннеплейстоценовых местонахождениях Таманского полуострова. В этом отношении культуросодержащий слой Родников 4 — не исключение, что может косвенно свидетельствовать о его раннеплейстоценовом возрасте. Это согласуется и с геологическим контекстом стоянки. Она связана, как уже отмечалось, с толщей грязевулканических глин, поверх которых залегают хорошо датированные стоянки Родники 1 и Родники 2. С учетом этого, есть основание полагать, что данная стоянка близка по возрасту раннеплейстоценовым стоянкам Родники 1 и Родники 2 и, очевидно, несколько старше их.

Естественен вопрос: единовременны ли культурные остатки местонахождения? Проведенный анализ показывает, что среди них нет изделий, которые можно было бы отнести к примеси. Изделия не различаются ни исходным сырьем, ни по сохранностью. Все указывает на то, что культурные остатки происходят из одного, некогда разрушенного, культурного слоя.

Археологический материал стоянки состоит из 174 каменных изделий. Состав их указывает на полную технологическую цепочку обработки камня, включающую его первичное расщепление, отбор заготовок и оформление орудий (таблица 4). Многие орудия использовались в работе здесь же, на месте изготовления.

Рис. 9. Крупные специальные отщепы из окварцованного песчанистого доломита из стоянки Родники 4
 Fig. 9. Large special flakes of silicified sandy dolomite, site of Rodniki 4

Таблица 4

Технологическая группа инвентаря	Кол-во
Нуклеусы	14
Отщепы	87
Обломки доломита с признаками намеренного раскалывания	17
Орудия	56
Всего	174

Все изделия изготовлены из местного прочного окварцованного доломита миоценового возраста, представленного преимущественно остроугольными кусками, часто плитчатой формы, различных размеров. Это тот же самый доломит, что использовался и на других ближайших раннепалеолитических стоянках.

Большинство изделий крупные (более 5 см) (107 экз., 61,5 %). Мелких и особо мелких изделий, соответственно, 52 экз. (29 %) и 15 экз. (8,6 %), что характерно для неполных (переотложенных) комплексов.

Крупных специальных отщепов в коллекции 4 экз.

Описание

1. Отщеп (8,2 × 10,4 × 3,8 см) (рис. 9, 1) подчетырехугольной формы, первичный. Ударная площадка корковая. Вентральная сторона

вогнутая, без выраженного ударного бугорка. На краях сохранились следы износа от использования в работе в виде подправки единичными сколами и слабого истирания поверхности кромок с тусклой заполировкой. Вероятная функция изделия — резание мягкого материала (предположительно мяса).

2. Отщеп (14,3 × 19,3 × 9,5 см) (рис. 9, 2) подчетырехугольной формы укороченных пропорций с неполной однонаправленной параллельной огранкой. Ударная площадка корковая, с раздавленностью поверхности и выкрошенностью с вентральной стороны в точке удара отбойником. Вентральная сторона вогнутая, с невыраженным ударным бугорком. Хорошо видны следы износа от использования отщепа в работе в виде негативов единичных сколов подправки, выкрошенности, забитости и истирания поверхности со слабой тусклой заполировкой на краях. Вероятная функция изделия — рубка, резание материала разной твердости (предположительно разделка туши животного).

3. Отщеп (7,3 × 11,3 × 3,7 см) (рис. 10, 1) бесформенный, укороченных пропорций, с негативом одного снятия на дорсальной стороне. Ударная площадка корковая с выкрошенностью на вентральной стороне

в точке удара. Вентральная сторона вогнутая, с невыраженным ударным бугорком. На краях видны следы износа от использования в работе в виде негативов мелких сколов подправки, беспорядочной выкрошенности с обеих сторон и слабого истирания поверхности с едва заметной тусклой заполировкой. Вероятная функция отщепы — кромсание, резание материала разной твердости (предположительно разделка туши животного).

4. Отщеп (9,8 × 12,0 × 5,1 см) (рис. 10, 2) подчетырехугольной формы укороченных пропорций. Первичный. Ударная площадка корковая. Вентральная сторона с хорошо выраженным ударным бугорком, частично снятым двумя небольшими сколами. Края сильно изношены от использования в работе. Износ в виде негативов единичных сколов подправки, выкрошенности, забитости и легкого истирания поверхности с тусклой заполировкой. Вероятная функция изделия — рубка, кромсание, резание материала разной твердости (предположительно разделка туши животного, обработка дерева).

Эти крупные специальные отщепы не имеют дополнительной оформляющей обработки. Однако они использовались в работе как режущие и рубящие орудия. Вместе с тем в инвентаре стоянки есть и оформленные такого рода орудия на отщепах, но изготовлены они на заготовках размерами несколько менее 10 см. Их всего два — ручное рубило и кливер.

Ручное рубило (7,8 × 6,4 × 2,6 см) (рис. 10, 3) частично двусторонне обработанное, овальное, оформлено краевыми сколами, не достигающими до середины орудия. Боковые края выпуклые, извилистые. Дистальный конец приостренный. Пятка узкая. На лезвиях и дистальном конце имеются следы истирания с тусклой заполировкой от использования в работе. Вероятная функция орудия — резание мягкого материала (предположительно мяса).

Отщеп-заготовка орудия с разнонаправленной огранкой. Ударная площадка не сохранилась. Вентральная сторона с хорошо выраженным ударным бугорком.

Кливер (8,0 × 4,9 × 4,3 см) (рис. 10, 4) с незначительной обработкой оформления. Боковые края прямые, слегка обработаны мелкими разреженными сколами. Рабочее лезвие слабовыпуклое, частично утончено несколькими продольными и поперечными сколами с нижней стороны. Пятка толстая, почти прямая, оформлена серией поперечных сколов. Рабочее лезвие изношено от использования в работе. Износ в виде выкрошенности, забитости и едва заметного истирания поверхности лезвия. Вероятная функция орудия — рубка материала с разной твердостью (предположительно работа по дереву, разделка туши животного).

Отщеп-заготовка орудия подчетырехугольной формы укороченных пропорций с однонаправленной параллельной огранкой. Ударная площадка корковая. Вентральная сторона со слабовыраженным ударным бугорком.

Изделия со стоянки Богатыри/Синяя Балка. Стоянка Богатыри/Синяя Балка также сохранилась в разрушенном состоянии. Однако она содержит обильную фауну крупных млекопитающих, относящуюся к хорошо изученному раннеплейстоценовому таманскому фаунистическому комплексу, и на этом основании имеет вполне надежную датировку. На стоянке представлены типичные формы таманского фаунистического комплекса: *Archidiskodon meridionalis tamanensis*, *Equus cf. major*, *Elasmotherium caucasicum*, *Bison sp.*, *Tragelaphini gen.*, *Miomys savini*, *Lagurodon arankaе* и др. (Тумов и др., 2012). Особенностью состава костного материала стоянки является доминирование остатков *A. m. tamanensis* и *E. caucasicum*, тогда как остатки других травоядных среднего размера класса, а также хищных единичны (Тумов, Тесаков, 2009).

Хронологический диапазон таманского фаунистического комплекса до недавнего времени определялся от 1,1 до 0,8 млн лет назад (Вангенгейм и др., 1991). Но в последнее время на основании более детального изучения и корреляции с западноевропейскими аналогами его границы несколько изменены. Время

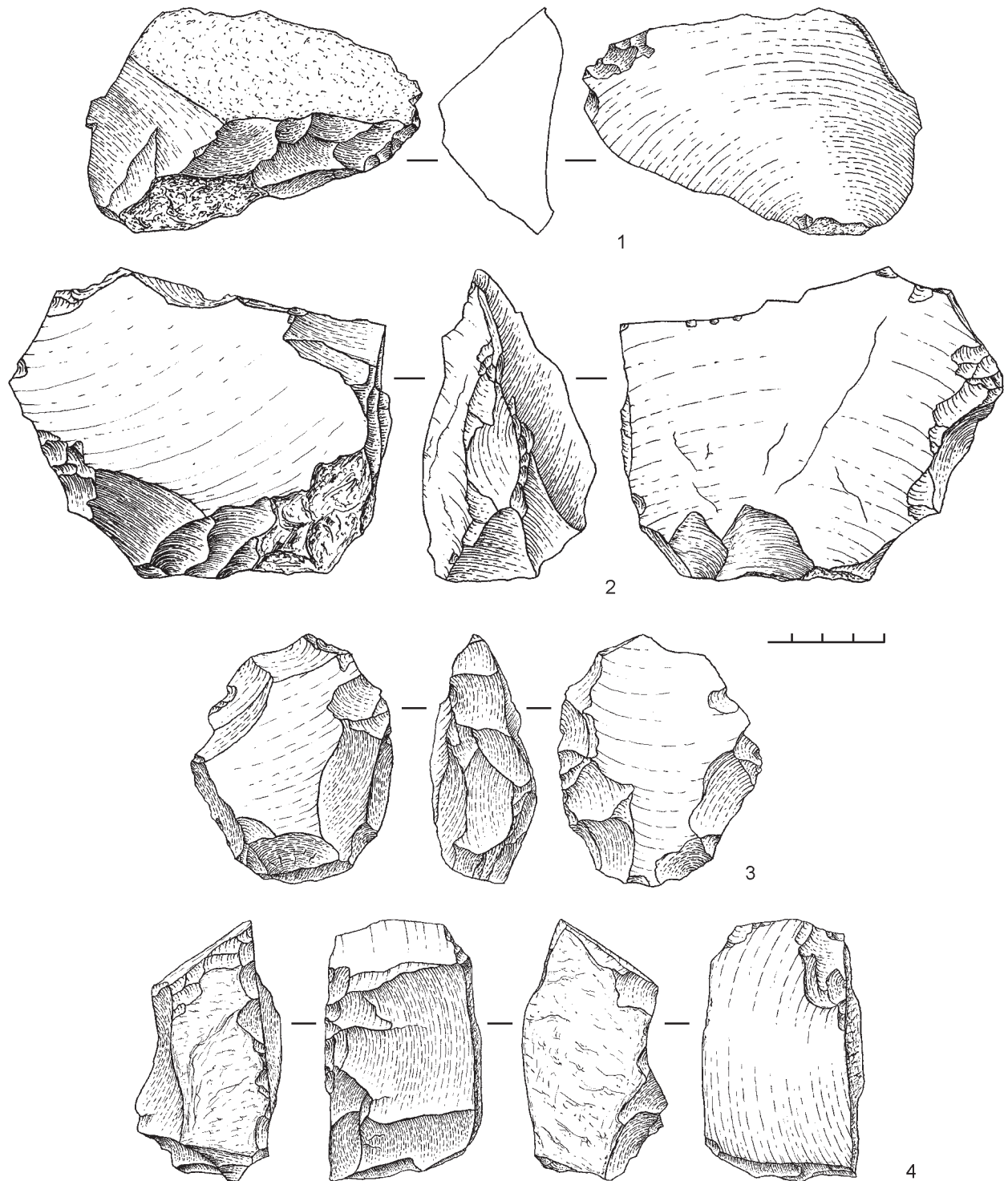

Рис. 10. Изделия из окварцованного песчанистого доломита из стоянки Родники 4.

1, 2 — крупные специальные отщепы; 3 — ручное рубило из крупного отщепа;
4 — кливер из крупного отщепа

Fig. 10. Lithics from silicified sandy dolomite from site of Rodniki 4. 1, 2 — large special flakes;
3 — handaxe from a large flake; 4 — cleaver from a large flake

существования этого биохронологического подразделения устанавливается в интервале от 1,55 до 0,85 млн лет назад. При этом возраст фауны стоянки Богатыри/Синяя Балка и, следовательно, самой стоянки, определяется в интервале от 1,5 до 1,2 млн лет назад (Титов, Тесаков, 2009; Титов и др., 2012).

Геологический и археологический контексты, тафономические особенности стоянки, в частности разломанность костей в слое при наличии их анатомических групп, состав костного материала с преобладанием костей отдельных видов животных (слонов и эласмотериев) и каменных орудий (наличие, наряду с оформленными орудиями, крупных обломков камня, использовавшихся для рубки и крошения) указывают, на мой взгляд, на то, что на этой стоянке осуществлялась специфическая охотничья деятельность древнейших людей. Представляется весьма вероятным, что стоянка обитателей 1-го культуросодержащего слоя Богатырей/Синей Балки до разрушения природными процессами располагалась на берегу пресного озера, может быть, в крупной кальдере грязевого вулкана. Это было место активной специализированной охоты древнейших людей на млекопитающих, прежде всего на таманских слонов и кавказских эласмотериев, которые приходили к озеру на водопой и для «грязевых ванн» в сопочной глине. Люди охотились на обездвиженных в топкой грязи животных, убивали их, вытаскивали на берег и разделявали. Судя по огромному количеству костей слонов и эласмотериев, накопившихся на берегу озера, это место посещалось раннепалеолитическими охотниками многократно в течение длительного времени. Здесь они, наверняка, не жили, а останавливались ненадолго, убивали животных, кормились, запасались мясом, которое частично уносили на стоянки, расположенные в других местах. Учитывая это, стоянку Богатыри/Синяя Балка (1-й культуросодержащий слой) можно с полным основанием определить как место забоя и разделки туш крупных млекопитающих (kill site) (Щелинский, 2010, 2013, 2014). Надо отметить, что это одно из наиболее древних из известных

в настоящее время раннепалеолитических местонахождений такого функционального типа на территории Евразии.

Каменный инвентарь стоянки Богатыри/Синяя Балка, несмотря на ее функциональные особенности, по основным технологическим признакам не отличается от инвентаря других стоянок таманской раннеашельской индустрии. Сейчас в нем насчитывается около 400 изделий различных категорий. Среди них имеются два режущих и рубящих орудия (пик и тяжелое скребло), изготовленные на крупных специальных отщепках.

Описание

1. Пик (12,2 × 7,5 × 6 см) (рис. 11, 1) частично двусторонне обработанный. Орудие хорошо оформлено. Заостренный дистальный конец довольно тонкий, колющий. Оба боковых края выпуклые и обработанные, один частично, другой — по всей длине. Однако лезвия на них грубые, с почти прямым углом заострения. Пятка обработана с обеих сторон, но большинство снятий — на верхней стороне. На рабочем конце орудия нет грубых повреждений, но при этом прослеживается слабое истирание поверхности, что указывает на непродолжительное использование в работе по довольно мягкому материалу. Вероятная функция орудия — разделка туши животного.

Форма отщепки-заготовки орудия отчасти изменена обработкой. Отщеп первичный, укороченных пропорций, его вентральная сторона слегка вогнутая.

2. Скребло (15,0 × 15,7 × 7,5 см) (рис. 11, 2) тяжелое, поперечное. Рабочее лезвие извилистое, оформлено крупными и мелкими сколами. На кромке его прослеживаются следы износа от использования орудия в работе в виде выкрошенности и слабого истирания поверхности с едва заметной тусклой заполировкой. Вероятная функция орудия — резание/рубка материала разной твердости (предположительно разделка туши животного).

Отщеп-заготовка орудия веерообразной формы с однонаправленной параллельной огранкой. Ударная площадка корковая. Вентральная сторона вогнутая.

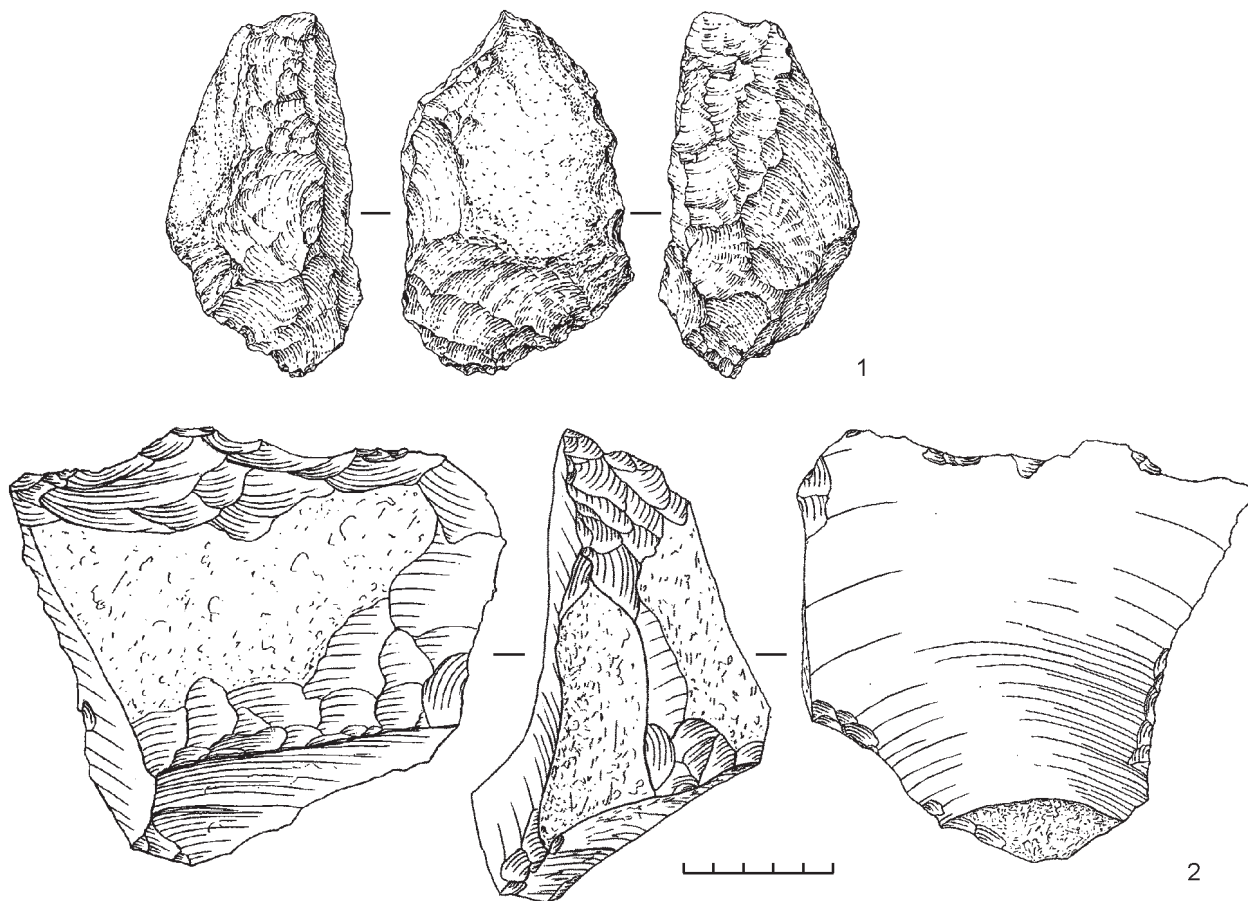

Рис. 11. Частично двусторонне обработанный пик (1) и тяжелое скребло (2) из крупных специальных отщепов окварцованного песчанистого доломита из стоянки Богатыри/Синяя Балка

Fig. 11. Partially bifacial pick (1) and heavy scraper (2) from large special flakes of silicified sandy dolomite, site of Bogatyri/Sinyaya Balka

Кроме этих орудий обращают на себя внимание еще два ежущих и рубящих орудия, изготовленных на крупных отщепах, но размерами несколько меньше 10 см. Одно из них является ручным рубилом, другое — пиковидным орудием.

Ручное рубило (8,2 × 7,5 × 3,5 см) (рис. 12, 1а, 1б) частично двусторонне обработанное, плоское, подтреугольной формы (нижняя угловая часть отломана), боковые края режущие, слегка выпуклые, тщательно обработаны с обеих сторон. Дистальный конец узкий, тонкий, спрямленный. Нижняя сторона слабоогнута. Пятка массивная, прямая и представляет собой вертикальный край плитчатой отдельности сырья, покрытый коркой. На лезвиях и дистальном конце прослеживаются следы износа от использования орудия

в работе в виде слабого истирания поверхности с тусклой заполировкой. Вероятная функция орудия — резание мягкого материала (предположительно мяса).

Признаки отщепа-заготовки орудия не прослеживаются из-за его последующей обработки.

Пиковидное орудие (10,0 × 7,1 × 4,7 см) (рис. 12, 2). Оно довольно грубое и плохо оформленное. Незначительную обработку имеют лишь слегка приостренный дистальный конец и пятка. На дистальном конце, на выступах, прослеживаются слабые следы износа от использования орудия в работе в виде выкрошенности и затупленности (забитости) края. Вероятная функция орудия — разбиение (пробивание) сравнительно твердого материала (предположительно кости). Это

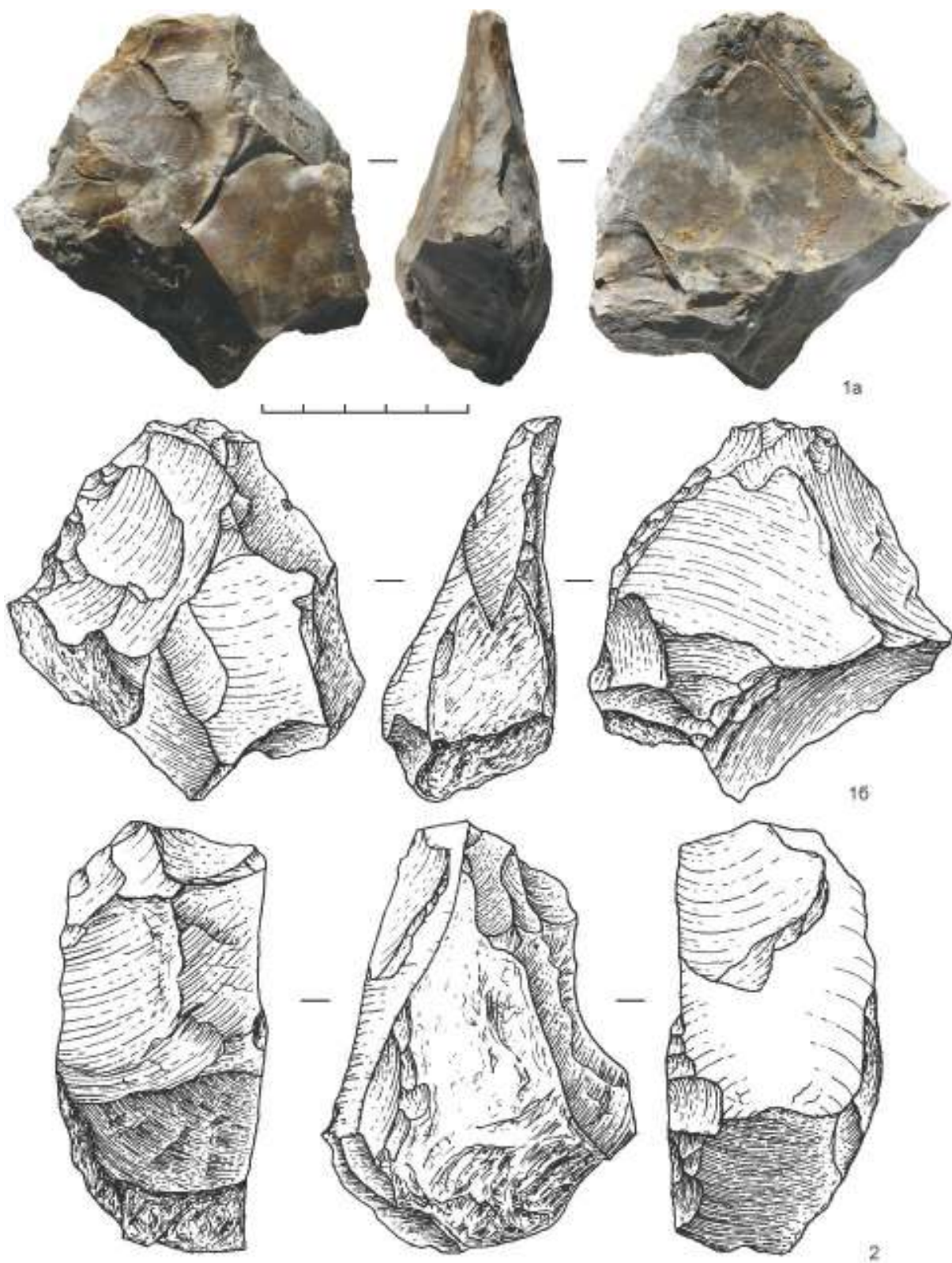

Рис. 12. Ручное рубило (1а — фотография, 1б — рисунок) и пиковидное орудие (2) из крупных отщепов окварцованного доломита из стоянки Богатыри/Синяя Балка

Fig. 12. Handaxe (1a — photo, 1б — drawing) and a pick-like tool (2) from large special flakes of silicified dolomite, site of Bogatyri/Sinyaya Balka

согласуется с условиями залегания орудия. Оно было найдено в культуросодержащем слое внутри фрагментированного черепа кавказского эласмотерия.

Отщеп-заготовка орудия подчетырехугольной формы, первичный. Ударная площадка гладкая (на нуклеусе образована одним сколом). Вентральная сторона слегка вогнутая.

Технология изготовления крупных специальных отщепов

На основе имеющихся данных можно попытаться реконструировать процесс изготовления крупных специальных отщепов.

Прежде всего необходимо было наличие крупноразмерного качественного исходного сырья, в данном случае окварцованного песчанистого доломита. На стоянках такое сырье, по-видимому, отсутствовало. Поэтому наверняка осуществлялся его поиск в окрестностях стоянок. Поскольку исходные отдельные сырьевые были весьма крупными и тяжелыми, их трудно было переносить на стоянки. Вследствие этого изготовление крупных специальных отщепов могло происходить на местах обнаружения подходящего сырья, а на стоянки приносились готовые отщепы.

Какие технические приемы могли использоваться при изготовлении крупных специальных отщепов? Отчасти о них свидетельствуют некоторые признаки самих этих отщепов.

1. Отщепы, как правило, имеют широкую ударную площадку, покрытую коркой исходной отдельности сырья. Площадка чаще прямая, реже — скошенная. Можно сделать вывод, что расщепляемая отдельность имела плитчатую форму, а ее ровная поверхность служила естественной ударной площадкой. Дополнительной обработке ударная площадка не подвергалась.

2. На ударной площадке отщепов часто видны вмятина (раздробленность поверхности) и фасетки выкрошенности с вентральной стороны в точке удара отбойником. Эти признаки четко указывают на использование твердого отбойника для откалывания отщепов от отдельных сырьевых.

3. Отщепы часто первичные и редко ограниченные, что свидетельствует об отсутствии систематической предварительной обработки отдельностей сырья перед скалыванием отщепов. Таким образом, форма отщепов заранее не планировалась. Достаточно того, что они были максимально крупных размеров.

Расщепляемые отдельные сырьевые, будучи больших размеров, при скалывании с них отщепов, очевидно, располагались на земле. Этим они отличались от большинства нуклеусов для отщепов, которые расщеплялись в руках (нуклеус удерживался левой рукой, тогда как правой захватывался отбойник для нанесения скалывающих ударов). О расположении расщепляемых отдельных сырьевых на земле свидетельствуют и морфологические особенности сколотых с них отщепов, в частности — наличие у них широкой ударной площадки, изогнутого профиля, вогнутой вентральной стороны и невыраженного ударного бугорка. Это подтверждается экспериментами.

Какими были отбойники, сказать трудно. Они не найдены. Однако можно предполагать, что ими могли служить обычные обломки доломита, подобранные на месте работы с учетом подходящего веса, формы ударной поверхности и удобные для захвата рукой (или руками) для нанесения сильных скалывающих ударов.

Функции крупных специальных отщепов и орудий из них

Любое производство предполагает использование произведенных продуктов. Крупные специальные отщепы также изготавливались для определенных целей. И это хорошо видно по приведенному выше описанию этих изделий. Не вызывает сомнений, что в основном они изготавливались как заготовки для крупных режущих и рубящих орудий — пиков, кливеров, тяжелых скребел, ручных рубил. При этом надо заметить, что использование их в качестве заготовок для таких орудий, как тяжелые скребла, является одной из отличительных особенностей таманской раннеашельской индустрии.

Четко проявляется и другая особенность применения крупных специальных отщепов в этой индустрии. Здесь они довольно часто не переоформлялись и использовались как готовые орудия без дополнительной обработки. Об этом свидетельствуют следы рабочего износа на отщепах. Проанализированы восемь отщепов со следами использования в работе. Четыре из них использовались для резания мягкого материала, один — для его же резания и скобления, три — для рубки, кромсания, резания материала разной твердости. Есть основания предполагать, что этими отщепами в основном резали мясо и разделяли туши животных. Износ на одном отщепе можно интерпретировать как от рубки дерева/кости. Надо полагать, это были виды работы, при которых крупные отщепы были более эффективны по сравнению с менее крупными отщепами и орудиями из них.

Другие крупные специальные отщепы в инвентаре стоянок таманской индустрии были оформлены с помощью вторичной обработки в макроорудия: в пики (5 экз.), кливеры (3 экз.), ручные рубила (2 экз.) и тяжелые скребла (5 экз.).

Эти сложные по технологии изготовления орудия различаются по хорошо выраженным и разным функциональным морфологическим признакам, что, несомненно, свидетельствует о том, что они имели различное функциональное назначение. Это были одновременно и режущие, и рубящие, и пробивающие орудия (с разным соотношением этих операций) длительного пользования, периодически подправляемые (приостраемые) по мере затупления в процессе работы. Можно предполагать, что применение этих орудий было связано в основном с разделкой туш животных.

Следы износа конкретизируют функции орудий.

Пики:

— резание мягкого материала, предположительно мяса (3 орудия);

— пробивание, кромсание, резание материала разной твердости, предположительно разделка туш животных (2 орудия). Вполне

вероятно, что этими орудиями могли убивать животных.

Кливеры:

— рубка твердого материала, вероятно, дерева/кости (2 орудия);

— рубка, кромсание мягкого материала, предположительно мяса (1 орудие).

Ручные рубила:

— резание мягкого материала, предположительно мяса (1 орудие);

— резание, кромсание мягкого материала, предположительно мяса (1 орудие).

Тяжелые скребла:

— резание мягкого материала, предположительно мяса (3 орудия);

— кромсание, резание мягкого материала, предположительно мяса (2 орудия).

Заключение

Крупные специальные отщепы и макроорудия из них являются важным отличительным признаком таманской раннеашельской индустрии. В известных в настоящее время территориально и хронологически близких раннепалеолитических индустриях Кавказа они, по-видимому, отсутствуют или представлены весьма незначительно. Наличие таких изделий в инструментарии этой индустрии, несомненно, связано с культурными традициями, свойственными ей с самого начала появления ее в Южном Приазовье около 2 млн лет назад.

Сохранению и развитию традиции изготовления крупных специальных отщепов и орудий из них в таманской раннеашельской индустрии способствовало наличие местного легкодоступного крупноразмерного качественного исходного сырья (окварцованного песчанистого доломита). Вместе с тем, очевидно, не могли не сказываться и особенности стратегии жизнеобеспечения создателей этой индустрии, связанной с их охотничьей деятельностью на крупных млекопитающих, таких как южные слоны и кавказские эластотери.

Имеющиеся данные позволяют реконструировать в общих чертах технологию изготовления крупных специальных отщепов таманской раннеашельской индустрии.

Мастерские для изготовления этих изделий располагались за пределами стоянок непосредственно на местонахождениях каменного сырья — крупноразмерных блоках и обломках плит качественного окварцованного песчанистого доломита миоценового возраста. Эти мастерские были связаны с выходами на поверхность грязевулканических глин, содержащих доломитовое сырье и широко распространенных в окрестностях стоянок.

Для получения крупных специальных отщепов чаще всего использовались крупные плитчатые отдельности сырья с ровными поверхностями, служившими ударными площадками при скалывании отщепов. При этом отобранные отдельности сырья обычно не подвергались дополнительной обработке. Таким образом, форма отщепов заранее не планировалась. Видимо, достаточно было того, что они были максимально крупных размеров. Расщепляемые отдельности сырья, будучи больших размеров, при скалывании с них отщепов, очевидно, располагались на земле. Этим они отличались от большинства нуклеусов для отщепов, которые расщеплялись в руках (нуклеус удерживался левой рукой, тогда как правой захватывался отбойник для нанесения скалывающих ударов). О расположении расщепляемых отдельных сырьев на земле свидетельствуют и морфологические особенности имеющихся в инвентаре стоянок сколотых с них отщепов, в частности — наличие у них широкой ударной площадки, изогнутого профиля, вогнутой вентральной стороны и невыраженного ударного бугорка. Для скалывания отщепов использовались твердые каменные отбойники. На это

указывает наличие на их ударной площадке вмятины (раздробленности поверхности) и фасеток выкрошенности с вентральной стороны в точке удара отбойником. Сами отбойники не найдены. Однако можно предполагать, что ими могли служить обычные обломки доломита, подобранные с учетом подходящего веса, формы ударной поверхности и удобные для захвата рукой (или руками) для нанесения сильных скалывающих ударов.

Основной целью изготовления крупных специальных отщепов в таманской раннеашельской индустрии было использование их в качестве заготовок для крупных режущих и рубящих (пробивающих) орудий, а именно пиков, кливеров, тяжелых скребел и ручных рубил. Вместе с тем особенностью таманской индустрии является изготовление их и как готовых орудий. Следы износа от использования на них свидетельствуют, что они служили орудиями преимущественно для резания мяса и разделки туш животных.

Пики, кливеры, ручные рубила и тяжелые скребла, изготовленные из крупных специальных отщепов, четко различаются по типологическим и функциональным морфологическим признакам. Функциональное назначение их также могло иметь некоторые различия. В целом же это были одновременно и режущие, и рубящие, и пробивающие орудия (с разным соотношением этих операций) длительного пользования, периодически подправляемые (приостраемые) по мере затупления в процессе работы. Следы износа от использования на них позволяют предполагать, что применение этих орудий было связано в основном с разделкой туш животных.

Беляева, 2018 — Беляева Е. В. Ашель Кавказа и Ближнего Востока: сравнительный анализ // Палеолитическая стоянка Азых в Азербайджане и миграционные процессы: Сб. материалов МК, посв. 50-летию открытия в пещерной стоянке Азых раннего гоминида — азыхантропа (Баку–Габала, 1–5 октября 2018 г.) / Отв. ред. М. Н. Рагимова. Баку: Ин-т археоло-

гии и этнографии НАН Азербайджана, 2018. С. 49–58.

Вангенгейм и др., 1991 — Вангенгейм Э. А., Векуа М. Л., Жегалло В. И., Певзнер М. А., Тактакишвили И. Г., Тесаков А. С. Положение таманского фаунистического комплекса в стратиграфической и магнитохронологической шкалах // БКИЧП. М.: Наука, 1991. № 60. С. 41–52.

- Титов, Тесаков, 2009 — Титов В. В., Тесаков А. С. Таманский фаунистический комплекс: ревизия типовой фауны и стратотипа // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: Материалы VI Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода / Отв. ред. А. Э. Конторович. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. С. 581–582.
- Титов и др., 2012 — Титов В. В., Тесаков А. С., Байгушева В. С. К вопросу об объеме псекупского и таманского фаунистических комплексов (ранний плейстоцен, юг Восточной Европы) // Палеонтология и стратиграфические границы: Материалы LVIII сессии Палеонтологического общества при РАН (2–6 апреля 2012 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. Т. Н. Богданова. СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2012. С. 142–144.
- Щелинский, 2010 — Щелинский В. Е. Памятники раннего палеолита Приазовья // Человек и древности: Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Ред. И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. М.: Гриф и К, 2010. С. 57–77.
- Щелинский, 2013 — Щелинский В. Е. Функциональные особенности олдованских стоянок на Таманском полуострове в Южном Приазовье (геологические и археологические свидетельства) // VIII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований» (Ростов-на-Дону, 10–15 июня 2013 г.): Сб. ст. / Ред. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во Южного НЦ РАН, 2013. С. 713–716.
- Щелинский, 2014 — Щелинский В. Е. Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники 1 в Западном Предкавказье. СПб.: ИИМК РАН, ООО «Периферия», 2014. 168 с.
- Щелинский, 2016 — Щелинский В. Е. Раннепалеолитическое местонахождение Родники 3 на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // ЗИИМК РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2016. № 13. С. 7–22.
- Щелинский, 2017 — Щелинский В. Е. Раннепалеолитическое местонахождение Родники 4 в Южном Приазовье // КСИА. М., 2017. Вып. 247. С. 203–222.
- Щелинский, 2018 — Щелинский В. Е. Раннеашельские стоянки Южного Приазовья // Палеолитическая стоянка Азых в Азербайджане и миграционные процессы: Сб. материалов МК, посв. 50-летию открытия в пещерной стоянке Азых раннего гоминида — азыхантропа (Баку–Габала, 1–5 октября 2018 г.) / Отв. ред. М. Н. Рагимова. Баку: Ин-т археологии и этнографии НАН Азербайджана, 2018. С. 193–217.
- Bar-Yosef, Belmaker, 2011 — Bar-Yosef O., Belmaker M. Early and Middle Pleistocene faunal and hominins dispersals through Southwestern Asia // Quaternary Science Reviews. 2011. Vol. 30. P. 1318–1337.
- Beyene et al., 2013 — Beyene Y., Katoh S., Gabriel G.W., Hart W.K., Uto K., Sudo M., Kondo M., Hyodo M., Renne P.R., Suwa G., Asfaw B. The characteristics and chronology of the earliest Acheulean at Konso, Ethiopia // The Proceeding of the National of Sciences. 2013. Vol. 110. No. 5. P. 1584–1591.
- Dennell, 2018 — Dennell R. W. The Acheulean Assemblages of Asia: A Review // The Emergence of the Acheulean in East Africa and Beyond. Contributions in Honor of Jean Chavaillon / Gallotti R., Mussi M. (eds.). Cham: Springer, 2018. P. 195–214.
- Isaac, 1969 — Isaac G. L. Studies of early culture in East Africa // World Archaeology. 1969. No. 1. P. 1–28.
- Lepre et al., 2011 — Lepre C. J., Roche H., Kent D. V., Harmand S., Quinn R. L., Brugal J.-Ph., Texier P.-J., Lenoble A., Feibel C. An earlier origin for the Acheulian // Nature. 2011. No. 477. P. 83–85.
- Moncel, Ashton, 2018 — Moncel M.-H., Ashton N. From 800 to 500 ka in Western Europe. The Oldest Evidence of Acheuleans in Their Technological, Chronological, and Geographical Framework // The Emergence of the Acheulean in East Africa and Beyond. Contributions in Honor of Jean Chavaillon / Gallotti R., Mussi M. (eds.). Cham: Springer, 2018. P. 215–235.
- Presnyakov et al., 2012 — Presnyakov S. L., Belyaeva E. V., Lyubin V. P., Radionov N. V., Antonov A. V., Saltykova A. K., Berezhnaya N. G., Sergeev S. A. Age of the earliest Paleolithic sites in the northern part of the Armenian Highland

- by SHRIMP-II U-Pb geochronology of zircons from volcanic ashes // *Gondwana Research*. 2012. Vol. 21. P. 928–938.
- Semaw et al.*, 2009 — *Semaw S., Rogers M., Stout D.* The Oldowan–Acheulian transition: Is there a “Developed Oldowan” artifact tradition? // *Sourcebook of Paleolithic transitions: methods, theories, and interpretations* / Eds. Camps M., Chauhan P. New York: Springer, 2009. P. 173–192.
- Shchelinsky et al.*, 2010a — *Shchelinsky V. E., Dodonov A. E., Baigusheva V. S., Kulakov S. A., Simakova A. N., Tesakov A. S., Titov V. V.* Early Palaeolithic sites on the Taman Peninsula (Southern Azov Sea region, Russia): Bogatyri / Sinyaya Balka and Rodniki // *Quaternary International*. 2010. Vol. 223–224. P. 28–35.
- Shchelinsky et al.*, 2010b — *Shchelinsky V., Tesakov A., Titov V.* Early Paleolithic sites in the Azov Sea Region: stratigraphic position, stone associations, and new discoveries // *Quaternary stratigraphy and paleontology of the Southern Russia: connections between Europe, Africa and Asia: Abstracts of the International INQUA–SEQS Conference (Rostov-on-Don, June 21–26, 2010)* / Eds. V. V. Titov, A. S. Tesakov. Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre RAS, 2010. P. 148–149.
- Shchelinsky et al.*, 2016 — *Shchelinsky V. E., Gurova M., Tesakov A. S., Titov V. V., Frolov P. D., Simakova A. N.* The Early Pleistocene site of Kermek in western Ciscaucasia (southern Russia): Stratigraphy, biotic record and lithic industry (preliminary results) // *Quaternary International*. 2016. Vol. 393. P. 51–69.
- Shchelinsky et al.*, 2018 — *Shchelinsky V., Tesakov A., Titov V., Frolov P.* The Early Paleolithic industries with large cutting tools on the Taman peninsula (Azov-Black Sea region, Russia): age, representative forms of tools // 18th UISPP world congress (Paris, 4–9 June 2018). Book of abstracts. Paris, 2018. P. 173–174.
- Trifonov et al.*, 2016 — *Trifonov V. G., Lyubin V. P., Belyaeva E. V., Lebedev V. A., Trikhunkov Ya. I., Tesakov A. S., Simakova A. N., Veselovsky R. V., Latyshev A. V., Presnyakov S. L., Ivanova T. P., Ozhhereliev D. V., Bachmanov D. M., Lyapunov S. M.* Stratigraphic and tectonic settings of Early Palaeolithic of North-West Armenia // *Quaternary International*. 2016. Vol. 420. P. 178–198.
- Vallverdú et al.*, 2014 — *Vallverdú J., Saladie P., Rosas A., Huguet R., Claceres I., Mosquera M., García-Tabernero A., Estalrrich A., Lozano-Fernandez I., Pineda-Alcala A., Carrancho A., Villalain J. J., Bourlès D., Braucher R., Lebatard A., Vilalta J., Esteban-Nadal M., Bennàsar M. L., Bastir M., Lopez-Polín L., Olle A., Verges J. M., Ros-Montoya S., Martínez-Navarro B., García A., Martinell J., Exposito I., Burjachs F., Agustí J., Carbonell E.* Age and Date for Early Arrival of the Acheulian in Europe (Barranc de la Boella, la Canonja, Spain) // *PLoS One*. 2014. Vol. 9 (7).

Large special flakes and tools made from them in the Taman Early Acheulean industry (Southern Azov region): typology, technology, functions

V. E. Shchelinskiy

Large special flakes and macrotools from them are an important distinctive feature of the Taman Early Acheulean stone industry. In the territorially and chronologically close early Palaeolithic industries now known in the Caucasus, these artefacts are evidently absent or only insignificantly represented. Their presence in tool assemblages of this industry undoubtedly is related with the cultural traditions peculiar to it from the very beginning of its emergence in the Southern Azov Sea area ca 2 million years BP.

The preservation and development of the tradition of manufacturing of large special flakes and tools from them in the Taman Early Acheulean industry were favoured by the easy availability of the local large-size

high-quality raw material (silicified sandy dolomite). On the other hand, evidently of no less importance were the peculiarities of the subsistence strategy of the developers of that industry concerned with their hunting such large mammals as southern elephants and Caucasian Elasmotheria.

The available evidence allows us to reconstruct roughly the technology of producing large special flakes in the Taman Early Acheulean industry.

Workshops for manufacturing these artefacts were located beyond the limits of the camp-sites directly at the localities with sources of the stone raw materials — large-size blocks and fragments of slabs of high-quality silicified dolomite sandstone of Miocene age. These sources were connected with surface outcrops of mud-volcanic clays containing dolomite which were widely distributed around the sites.

In order to obtain large special flakes, separate slabs of the raw material with even surfaces were most frequently used. The surfaces served as striking platforms for knapping the flakes. At the same time, the selected blocks of the raw material usually were not additionally treated. The shape of the flakes thus was not pre-planned. Probably it was quite sufficient if they were as large as possible. Because of their large dimensions, the separate pieces of raw material, during the removal of flakes, evidently were lying on the ground. In this way, they differed from most of the cores for flakes which were knapped in hands (the core was held and stabilized with the left hand and the hammer was in the right hand to produce the flaking blows). The position of the pieces of raw material on the ground is suggested also by the morphology of the flakes knapped from them, in particular, the presence of a broad striking platform, a convex profile, concave ventral side and poorly distinct bulb of percussion. For knapping the flakes, hard hammerstones were used. This is suggested by the presence of a dent (crushed surface) on the striking platforms and chipped facets on the ventral side in the point of the blow with the hammer. The hammerstones themselves have not been found. However it seems probable that they presented ordinary pieces of dolomite selected according to their suitable weight, the shape of the striking surface and convenient for holding in a hand (or hands) for making powerful knapping blows.

The main purpose of manufacture of large special flakes in the Taman Early Acheulean industry was their use as the blanks for making cutting or piercing tools, viz. picks, cleavers, heavy-duty side scrapers and handaxes. At the same time, the peculiarity of the Taman industry is in their manufacturing as ready tools. Traces of wear on them suggest that they were used predominantly for cutting meat and butchery of animal carcasses.

Picks, cleavers and heavy side scrapers made from large special flakes differ distinctly in their typological and functional morphological features. Their purpose also could have been somewhat differing. Generally, they were simultaneously cutting, chopping and piercing tools (with different ratio between these operations) of long use, periodically re-treated (sharpened) in the degree of their blunting during employment. Traces of wear by utilization found on them suggest that the use of these tools was concerned mainly with butchery of animal carcasses.

Местонахождения каменного века на Верхнем Енисее в районе г. Саяногорска¹

С. Н. Астахов, С. А. Васильев, В. С. Зубков²

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению памятников каменного века, открытых на берегах Енисея близ г. Саяногорска, в крайней северной части Саянского каньона вблизи выхода реки на степные просторы Минусинской котловины. Археологические изыскания в районе были связаны с работами по сооружению Саяно-Шушенской и Майнской ГЭС. Основные палеолитические памятники представлены в монографиях и обобщающем своде; в статье приведены материалы ранее неопубликованных пунктов находок, преимущественно относящихся к голоценовой части каменного века. Комплексы верхних слоев Майнинской стоянки и стоянки Уй II относятся к эпохе финального мезолита, а остальные пункты могут быть датированы эпохой неолита—бронзы.

Annotation. The paper has been devoted to the overview of the Stone Age sites located at the Upper Yenisei valley near the city of Sayanogorsk, in the northernmost portion of the Sayan canyon of the river near the entrance of the river flow to the steppe lowlands of the Minusinsk Depression. Archaeological fieldwork in the area under consideration was connected with the construction of the Sayano-Shushenskaya and Mainskaya hydroelectric power stations. The key stratified Upper Paleolithic sites have been published in full length in a series of monographs and presented in the general reference book while the paper deals with unpublished localities, mostly dated by the Holocene Stone Age. The upper strata of the Maininskaya and Ui II have been attributed as the Final Mesolithic assemblages the while the majority of the other sites could be referred to the Neolithic and Bronze Age.

Ключевые слова: Енисей, Западный Саян, Саяногорск, каменный век, верхний палеолит, мезолит, неолит.

Keywords: Yenisei, West Sayan, Saynogorsk, Stone Age, Upper Paleolithic, Mesolithic, Neolithic.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-44-57

Район Майны–Саяногорска на Верхнем Енисее — одно из основных мест сосредото-

чения позднепалеолитических памятников не только в пределах бассейна Енисея, но и в Сибири в целом. Важнейшие палеолитические стоянки района опубликованы в монографиях (Астахов, 1986; Васильев, 1996) и данные по ним включены в свод памятников (Абрамова и др., 1991). Наряду с известными многослойными стоянками за годы работы Саяно-Тувинской экспедиции были открыты и изучены местонахождения с каменным инвентарем, относящиеся к менее исследованным эпохам неолита и бронзового века. Цель данной статьи — представить полный список открытых в районе местонахождений и

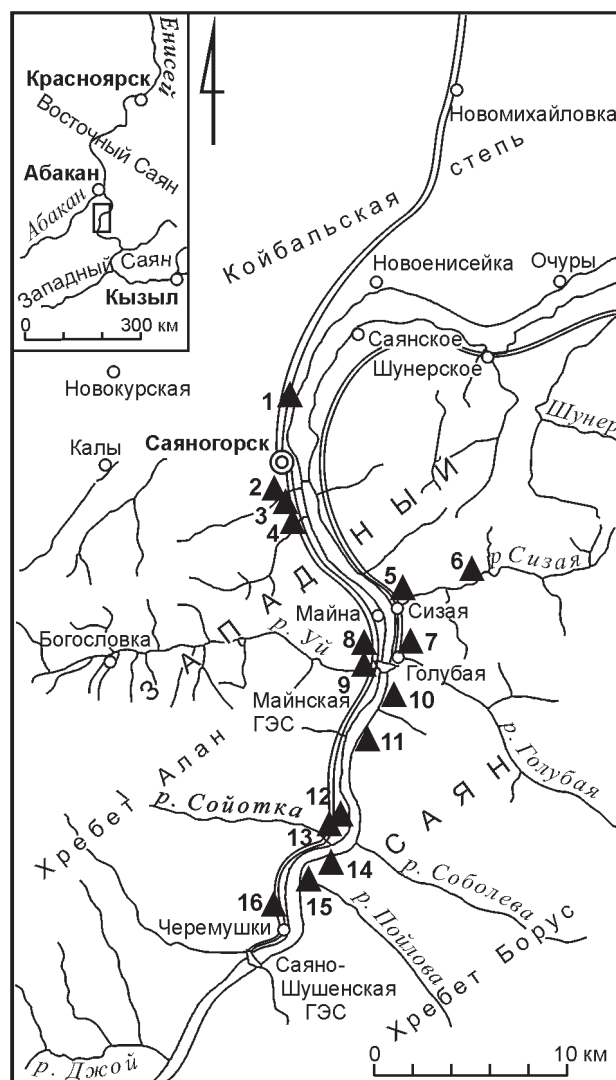
¹ Статья подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0012 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде».

² Астахов С. Н., Васильев С. А. — Отдел палеолита, ИИМК РАН. Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: Астахов С. Н. — astakhov.sn@gmail.com; Васильев С. А. — sergevas@AV2791.spb.edu; Зубков В. С. — Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова. Ул. Карла Маркса, 56, Абакан, 655000, Россия. E-mail: zubkoffval@mail.ru..

ввести в научный оборот данные по неопубликованным памятникам.

Рассматриваемые стоянки приурочены к самому северному участку Саянского каньона Енисея (рис. 1). На участке долины от пос. Черемушки до устья р. Уй выше пос. Майна река протекает в основном в горной теснине. На правом берегу к Енисею выходят отроги хребта Борус, а на левом берегу — Джойского хребта и хребта Алан. Река принимает ряд речек и ручьев — Пойлова, Соболева, Большой Изербель, Большая Сойотка, Кибик. Близ устья р. Уй Енисей, выйдя из ущелья, образует широкую долину с примыкающими террасированными долинами притоков — р. Голубая, Сизая, Большой и Малый Карак. У г. Саяногорска река покидает горный массив Западного Саяна и выходит на просторы юга Минусинской котловины. На левобережье простирается плоская поверхность Койбальской степи с цепочкой озер — остатки древнего русла Енисея. С этим пейзажем контрастирует облик правобережных холмистых покрытых лесом предгорий. В административном плане памятники, расположенные на левобережье Енисея, относятся к территории г. Саяногорска (Республика Хакасия), а открытые на правом берегу стоянки — к Шушенскому району Красноярского края.

Работы Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством С. Н. Астахова в окрестностях Саяногорска начались в 1971 г. Тогда на берегу Енисея были открыты местонахождения Створ I и Летник, а также стоянка Створ II, раскопанная на небольшой площади. В 1971, 1973 и 1980 гг. ставились шурфы на стоянке Означенное I. Обследованию подверглась долина р. Голубой, где на мысах террас были открыты пункты Голубая I–VIII. В 1972 г. основные работы были сосредоточены на раскопках стоянок Голубая I и IV, а на местонахождениях Створ I и Летник производились новые сборы подъемного материала. В 1976 г. С. Н. Астахов провел первую разведку по зоне водохранилища проектируемой Майнской ГЭС, открыв ряд местонахождений — Водомерный Пост, Пойлова, Каменная Деревня, Сойотка, Соболиный

Рис. 1. Местонахождения с каменным инвентарем, расположенные в районе Саяногорска: 1 — Створ I, II, Летник, Аэродром; 2 — Означенное I, III; 3 — Малый Карак; 4 — Большой Карак; 5 — Сизая I–XI; 6 — Сизая XII, XIII, XVII, XVIII; 7 — Голубая I–VIII; 8 — Майнский Лесозавод I, II; 9 — Майнинская стоянка, Уй I, II; 10 — Кибик I, II; 11 — Шивера Бесштаная; 12 — Соболиный Бычек; 13 — Сойотка; 14 — Каменная Деревня; 15 — Пойлова I, II; 16 — Водомерный Пост

Fig. 1. Localities with lithic findings situated near the city of Sayanogorsk: 1 — Stvor I and II, Letnik, and Aerodrom; 2 — Oznachennoye I and III; 3 — Maly Karak; 4 — Bolshoy Karak; 5 — Sizaya I to XI; 6 — Sizaya XII, XIII, XVII, and XVIII; 7 — Golubaya I to VIII; 8 — Maynsky Lesozavod I and II; 9 — Mayninskaya, Ui I and II; 10 — Kibik I and II; 11 — Shivera Besshtanaya; 12 — Soboliny Bychek; 13 — Soyotka; 14 — Kamennaya Derevnya; 15 — Poylova I and II; 16 — Vodomerny Post

Бычек, Изербель. В 1980 г. в связи с обследованием зоны затопления водохранилища Майнской ГЭС в устье р. Уй С. А. Васильевым было открыто скопление многослойных палеолитических памятников — Майнинская стоянка, Уй I и II, Майнский Лесозавод I, а выше по течению Енисея — пункты Кибик I и II. В том же году С. Н. Астахов и С. А. Васильев в долине р. Сизой открыли местонахождения Сизая I–XVIII, а в 1981 г. — стоянку Большой Карак. В 1983 г. при разведке по трассе Уйско-Означенской оросительной системы С. А. Васильевым было найдено местонахождение Малый Карак, а в 1985 г. — пункт Означенное III. В 1988 г. С. Н. Астахов совместно с А. Ф. Ямских обследовал устье р. Пойлова. Основные работы С. А. Васильева в 1980–1991 гг. были сосредоточены на раскопках на широкой площади стоянок Майнинская, Уй I и II. В 1992 г. работы в регионе из-за прекращения финансирования были свернуты. В 2012–2013 гг. В. С. Зубковым и С. А. Васильевым было проведено обследование участков прокладки обходных туннелей Майнской ГЭС по обоим берегам Енисея, при этом была открыта новая многослойная стоянка Майнский Лесозавод II.

В настоящее время пункты, расположенные в районе Старого Означенного, и стоянка Майнский Лесозавод I разрушены при строительных работах, а все памятники на Майнском водохранилище от устья р. Уй до пос. Черемушки полностью уничтожены при размыве берегов. В статье приведено описание стоянок с севера на юг, вверх по долине реки.

К северу от Саяногорска по левому берегу Енисея на поверхности 6–7-метровой террасы были найдены местонахождения Створ I и II. На пункте Створ I находки встречались в размывах и дерновом слое. Отсюда происходит обширная коллекция каменного инвентаря, включающая 51 нуклеус и 97 орудий.

Крупных нуклеусов для снятия отщепов — 14 экз. Большинство — одноплощадочные. Среди последних четыре ядрища относятся к поперечному варианту и имеют следы снятия отщепов по слабовыпуклому торцу обломков галек. Пять нуклеусов — плоские, продольного

варианта (рис. 2, 12). Одно ядрище имеет веерообразную форму, снятия на нем идут по периметру с округлой, покрытой коркой площадки. У двух нуклеусов снятия заготовок производились по удлинённому торцу обломков галек. Один нуклеус — двуплощадочный (рис. 2, 6), один — дисковидный. Единственный нуклеус для снятия пластин уплощенный, со следами подработки нижней кромки двусторонними сколами (рис. 2, 9).

Значительной серией представлены микронуклеусы (36 экз.). Преобладают атипичные микроядрища клиновидной формы (11 экз.) с односторонней подправкой нижней кромки нуклеуса (иногда подработка носит двусторонний характер). По внешнему виду эти ядрища варьируют от крупных подтреугольных и четырехугольных форм (рис. 2, 7) до мелких с переходом скалывания на боковые плоскости (рис. 2, 13). Ударные площадки нуклеусов тщательно подработаны ретушью. Типичных клиновидных форм — 10 экз., все они средних пропорций или вытянуты в высоту. Для описываемых ядрищ характерна двусторонняя отделка гребня. Интересен один предмет с едва начатым скалыванием, на котором видно, что перед началом использования нуклеуса его рабочий торец ретушировался (рис. 2, 5). Еще одно ядрище — кельтовидное (рис. 2, 4), и одно — со снятиями по плоскости и торцу.

Торцовых микронуклеусов — 9 экз. Встречены как крупные предметы четырехугольных очертаний, так и мелкие ядрища на галечках (рис. 2, 1). К собственно призматическим формам можно отнести три нуклеуса со следами снятий пластинок по выпуклой дуге; тыльная сторона ядрищ при этом оставалась без подработки. Площадки оформлены несколькими сколами, направленными от рабочей грани (рис. 2, 3). Последний микронуклеус своеобразен. Это предмет с негативами снятия пластинок от сильно забитой кромки плоско-выпуклого в сечении отщепа. Морфологически он схож с долотовидными орудиями (рис. 2, 8).

Среди орудий преобладают разнообразные скребки (вместе с обломками их насчитывается

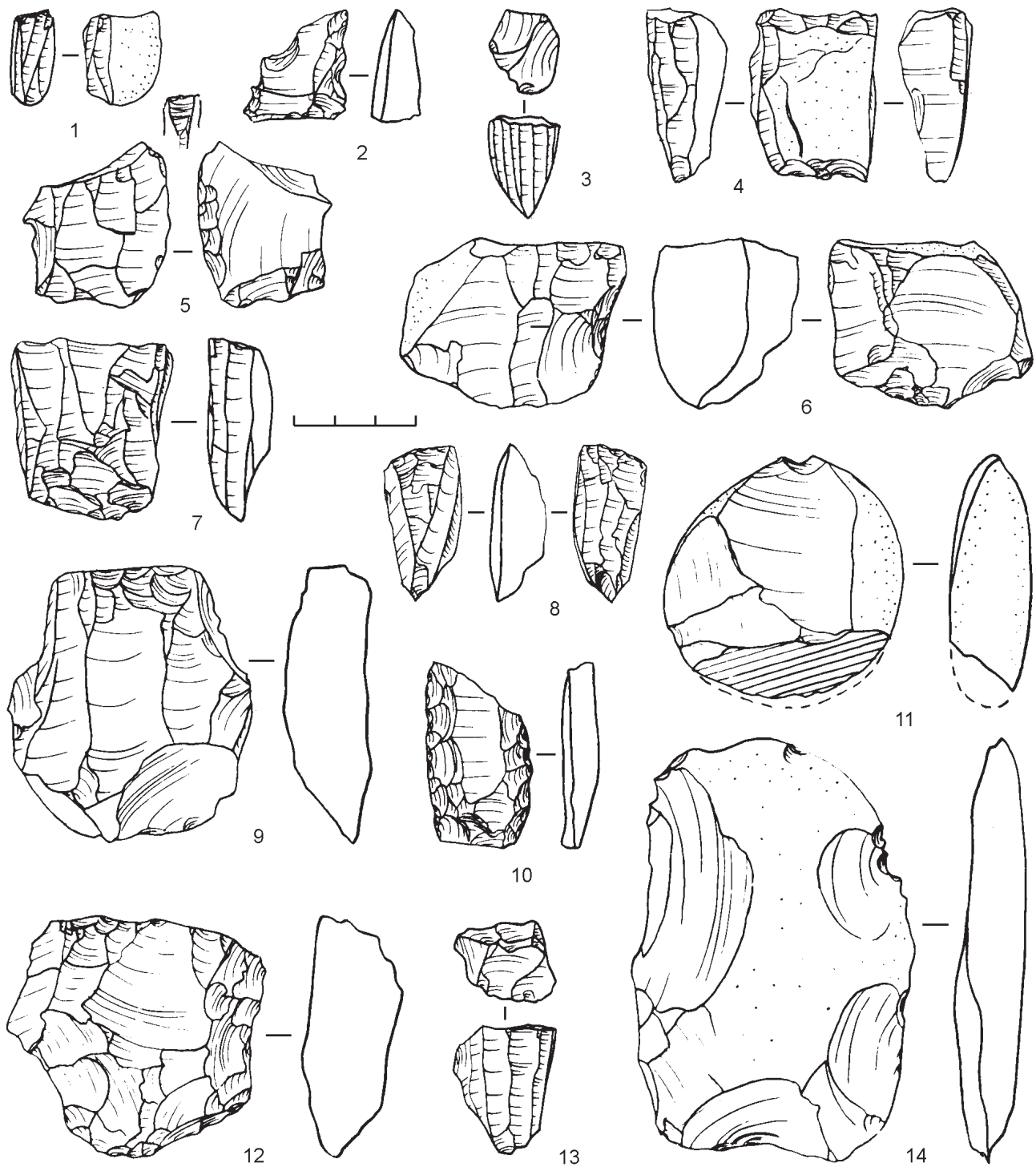

Рис. 2. Предметы расщепленного камня и фрагменты керамики из местонахождения Створ I: 1-4, 6, 7, 9, 11, 13 — нуклеусы; 5, 10 — пластина с ретушью; 8 — острие; 12 — грузило; 14 — тесло
 Fig. 2. Lithic and pottery fragments from Stvor I: 1-4, 6, 7, 9, 11, 13 — cores; 5, 10 — retouched blade; 8 — point; 12 — plummet; 14 — adze

38 экз.). Выделяется массивное орудие на грубом сколе (рис. 3, 13). Коротких скребков на отщепках — 7 экз. (рис. 3, б), укороченных форм — 3 экз. На пластинах сделано всего два орудия — скребок высокой формы с асимметричным лезвием и изделие с ретушью продольных краев. Скребок с рабочим краем, расположенным на боковых краях отщепов, — 7 экз. Скребок с лезвием на площадке заготовки — 1 экз., округлых скребков — 3 экз. (рис. 3, 12). Особо следует выделить серию из пяти скребков укороченных пропорций с противопоставлением рабочего края и вогнутого круто отретушированного основания (4 экз.; рис. 3, 7) или маленького острия в основании (1 экз.). Два скребка имеют выемку на боковом крае, два орудия снабжены выемкой-плечиком, выделяющей основное лезвие орудия. Ретушная отделка на продольных краях фиксируется у четырех орудий. У первого скребка этой разновидности плоской ретушью подправлен боковой край. У второго орудия ретушь края примыкает к лезвию скребка. Третий скребок имеет противоположающую ретушь краев, четвертый — ретушь по двум краям. Двойной скребок один, с противоположающим расположением лезвий и ретушью по боковым краям (рис. 3, 9).

Пластин с крутой ретушью по двум краям — 3 экз. (рис. 2, 10). Острий — 7 экз. Одно из них, вероятно, представляет собой обломок остроконечника. Три острия выделены на углу заготовки на пересечении естественного края отщепки и ретуши (рис. 2, 2), два орудия отделаны ретушью по двум сходящимся краям. Клювовидное острие оформлено двумя выемками. К остриям примыкают проколки (2 экз.). Одна из них снабжена коротким, слабо выделенным жальцем и плечиками, другая изготовлена на микропластинке и имеет асимметричное «коленчатое» удлиненное жало (рис. 3, 8).

Долотовидных орудий — 8 экз. Четыре из них имеют один рабочий край с чешуйчатой подтеской, иногда противоположащий притупленному массивному основанию (рис. 3, 11). Два предмета — типичные долотовидные орудия с двумя подтесанными краями. Одно

изделие изготовлено на пластинке (рис. 3, 10), еще одно орудие имеет два перпендикулярно расположенных рабочих края.

Значительной серией представлены скребла (17 экз.). Преобладающий тип скребел — продольные выпуклые формы с крутой ретушью на рабочем крае и обушomboм (6 экз.). Эти орудия имеют сегментовидную (рис. 3, 14) или подтреугольную форму. К ним примыкает одно скребло того же типа, узкий поперечный конец которого усечен ретушью на брюшке. Поперечных выпуклых скребел — 1 экз., скребел с рабочим краем на брюшке — 2 экз., обломков скребел (в том числе со следами бифасиальной отделки) — 3 экз. Есть двояковыпуклые продольные скребла (3 экз.). Одно из них изображено на рис. 3, 19. Интересно массивное скребло с обработкой по периметру. Дистальный конец его напоминает лезвие скребка высокой формы, а проксимальный конец усечен ретушью на брюшке (рис. 3, 18). К скреблам-ножам можно причислить необычное изделие на отщепе. Поперечный край его несет следы чередующейся ретуши, с которой вдоль продольного края был снят резцовый скол. Поскольку с поверхности негатива скола наносилась плоская приостряющая ретушь, продолжающаяся затем по всему краю, то можно считать, что целью нанесения резцового скола было дополнительное уточнение лезвия (рис. 3, 16).

Зубчато-выемчатых форм — 6 экз. Это три продольных зубчатых орудия и три предмета с выемками. Отщепов с ретушью — 8 экз. (рис. 3, 15). Обломков орудий — 5 экз. Особо стоит выделить орудие типа рыболовного грузила на расколоте плоской гальке с выемкой (рис. 2, 11). В коллекции имеется плосковыпуклое в сечении тесло с острым вогнутым рабочим краем и бифасиальной отделкой продольных сторон (рис. 2, 14).

Особый интерес представляет расположенная на той же террасе, что и описанный выше пункт, стоянка Створ II (Означенное II). В раскопе ее был вскрыт разрез с четырьмя слоями, описание которых дано в таблице.

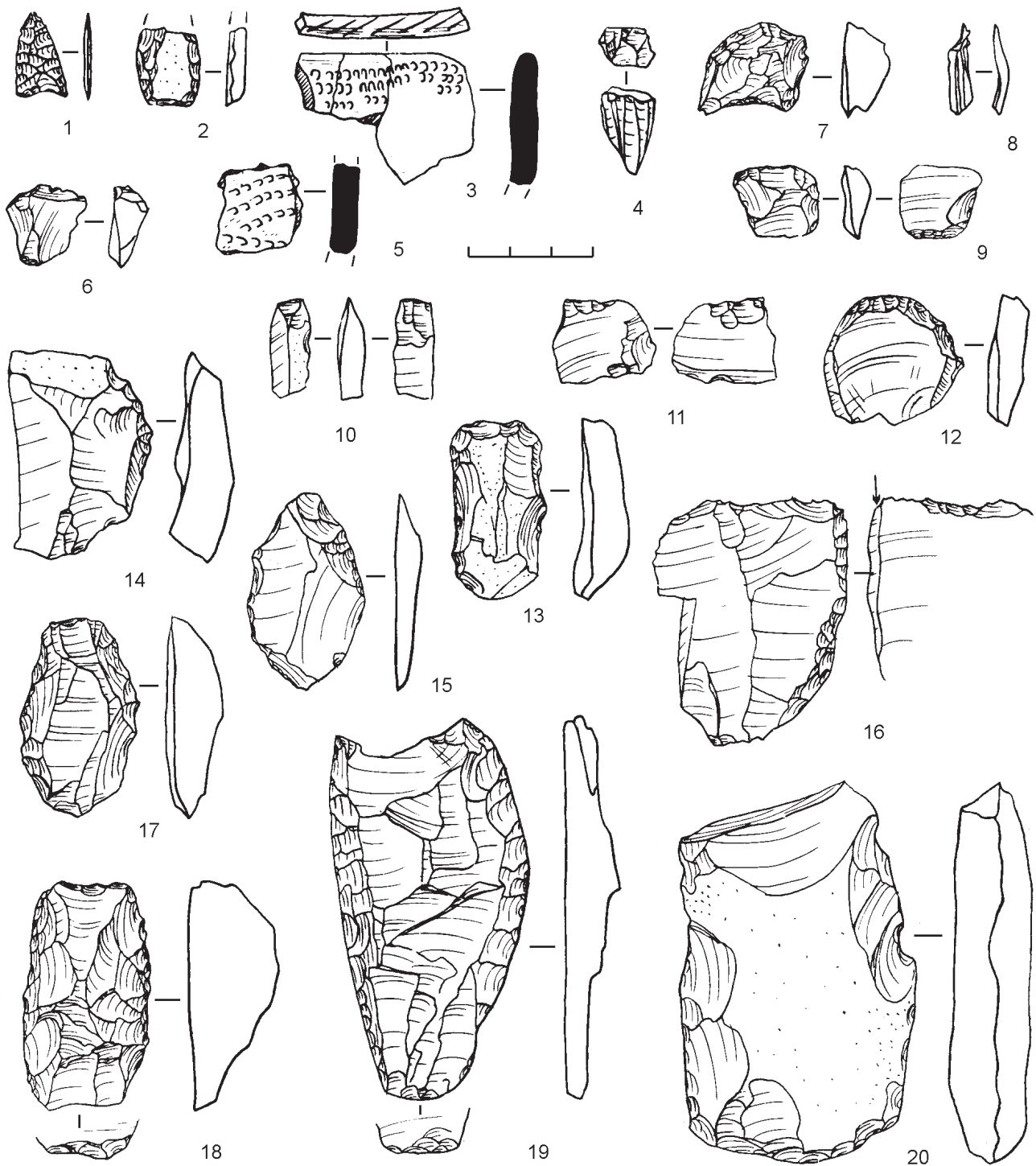

Рис. 3. Предметы расщепленного камня и фрагменты керамики из местонахождений Створ II (1-5, 18, 20) и Створ I (6-17, 19): 1, 2 — наконечники стрел; 3, 5 — фрагменты керамики; 4 — нуклеус; 6, 7, 9, 12, 13, 18 — скребки; 8 — проколка; 10, 11 — долотовидные орудия; 14, 15, 16, 19 — скребла; 17 — отщеп с ретушью; 20 — тесло

Fig. 3. Lithic and pottery fragments from Stvor II (1-5, 18, 20) and Stvor I (6-17, 19): 1, 2 — arrowheads; 3, 5 — pottery fragments; 4 — core; 6, 7, 9, 12, 13, 18 — end-scrapers; 8 — borer; 10, 11 — splintered pieces; 14, 15, 16, 19 — side-scrapers; 17 — retouched flake; 20 — adze

Таблица

№ слоя	Наполнение	Мощность, м
1	Современная почва	0,08
2	Супесь темно-серая	0,22
3	Супесь светло-коричневая	0,10
4	Крупные валуны с галькой	

Культурные остатки залегают в низах почвы и верхней части слоя 2.

Среди находок из культурного слоя — мелкие фрагменты керамики с отпечатками гребенчатого штампа (рис. 3, 5), обломок венчика сосуда с косыми насечками по краю и зубчатыми вдавлениями под венчиком (рис. 3, 3), а также неорнаментированные обломки.

Каменный инвентарь представлен расколотыми гальками, мелкими отщепами, пластинками. Выделяются клиновидный и конусовидный (рис. 3, 4) микронуклеусы, наконечник стрелы с вогнутым основанием (рис. 3, 1), два фрагмента наконечников с прямым основанием (рис. 3, 2). Другие орудия — два скребка на отщепах, укороченный скребок, скребок с ретушью краев (рис. 3, 17), долото-видное орудие, обломок изделия со следами двусторонней обработки, отщеп с ретушью.

Обширная коллекция каменного инвентаря была собрана в непосредственной близости от стоянки. Частично она относится к более ранним, чем неолит, периодам. Отметим двусторонне обработанное тесло (рис. 3, 20).

Выше по течению Енисея были открыты стоянки Аэродром (Астахов, 1986) и Летник. Обширное местонахождение Аэродром, расположенное на 8–10-метровой террасе, было условно подразделено на два участка (Аэродром 1 и 2). Отсюда происходит большая коллекция каменного инвентаря, включающая скребла, скребки, клиновидные и торцовые микронуклеусы и др. Общий облик инвентаря свидетельствует о принадлежности памятника к афонтовской культуре.

Рядом с описанным пунктом располагалось местонахождение Летник. Находки здесь были собраны на склонах 6–7-метровой террасы, пониженной на участке памятника до 3–4 м.

Среди находок из Летника — 21 нуклеус. Описание их начнем с крупного призматического двуплощадочного ядрища (рис. 4, 15). Второй одноплощадочный нуклеус — плоский, третий — мелкий призматический. В коллекции есть также уплощенное двуплощадочное ядрище со снятиями в продольно-поперечном направлении по двум противоположным сторонам изделия. Мелких полиэдрических нуклеусов с беспорядочным скалыванием по граням обломков — 4 экз. Выделяется конусовидный микронуклеус, близкий карандашевидному (рис. 4, 10). Клиновидных микронуклеусов — 9 экз., из них три ядрища типичные, с односторонней ретушной отделкой гребня. По форме они варьируют от крупных подтреугольных (рис. 4, 6) до мелких, вытянутых в высоту (сработанных). Остальные три клиновидных ядрища атипичные, с подправкой только нижней кромки. К клиновидным нуклеусам примыкают два торцовых микронуклеуса. Есть и заготовка клиновидного ядрища.

Среди орудий преобладают скребки (19 экз.). Всего три из них сделаны на пластинках (рис. 4, 5). Концевых скребков на отщепах и краевых сколах — 9 экз. (рис. 4, 1). Два скребка имеют дополнительную ретушнюю отделку боковых краев (рис. 4, 3). Один скребок относится к боковому типу, другой — широкий укороченный, третий — с противоположащими лезвиями. У двух скребков ретушь идет по всему периметру изделия (рис. 4, 2). Пластин и пластинок с ретушью — 9 экз. У одной пластины притупливающая ретушь идет по продольному и поперечному краям, у пяти предметов — по одному краю, у трех пластин — по двум краям. Выделяется серия из шести острий высокой формы с крутой ретушью и выемками. Ножей на пластинах с приостряющей ретушью края — 2 экз. (рис. 4, 7). Зубчато-выемчатых изделий — 5 экз., в их число входят три предмета с выемками на поперечном крае (рис. 4, 4) и два продольных зубчатых орудия. Отщепов с ретушью — 7 экз. (рис. 4, 8).

На южной окраине Саяногорска в районе бывшего с. Означенное исследовалась

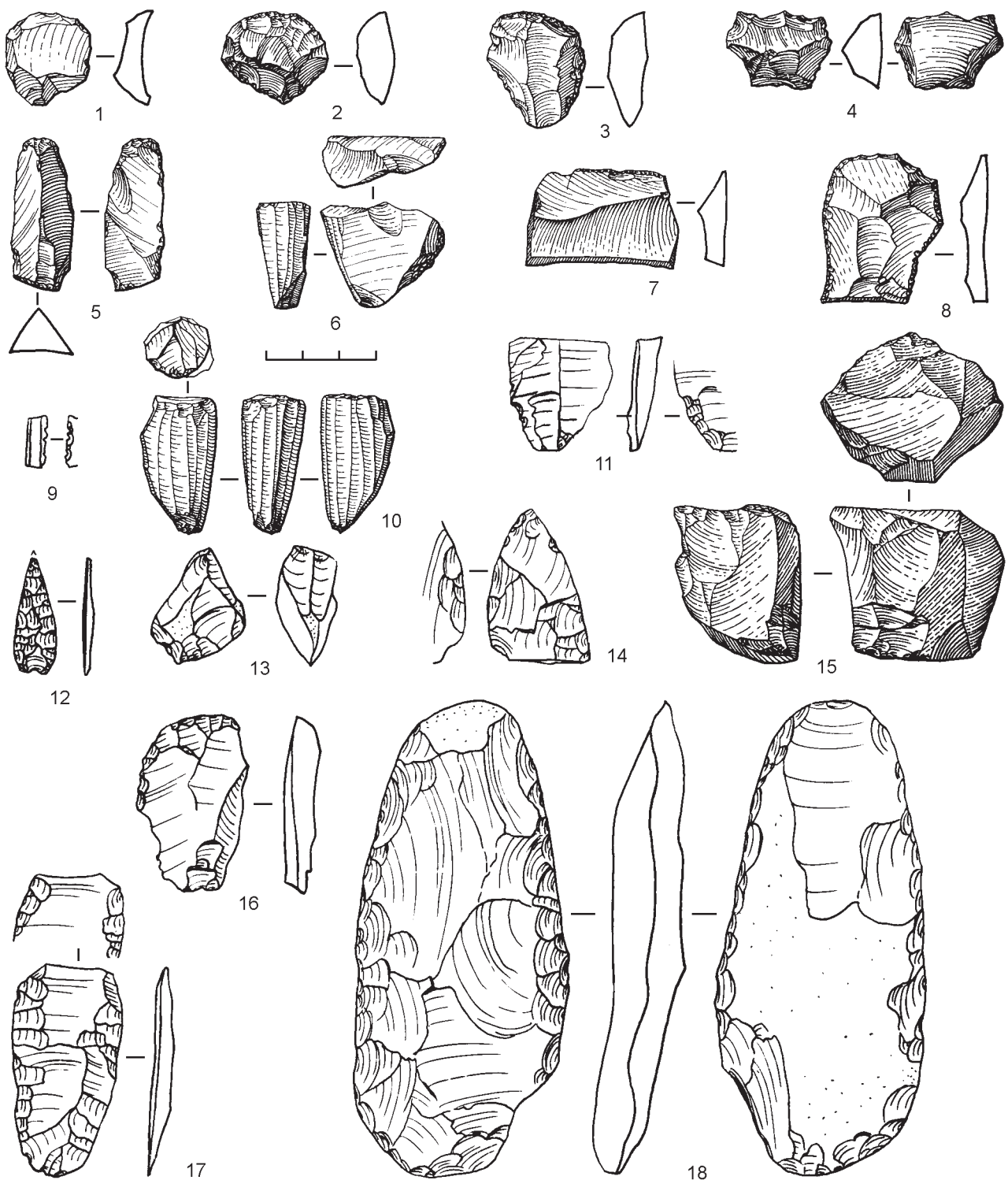

Рис. 4. Предметы расщепленного камня из местонахождений Летник (1-8, 10, 14, 15), Сизая IV (13), Сизая VI (9, 11, 12, 16, 18) и Кибик I (17): 1-3, 5, 16 — скребки; 4 — выемчатое орудие; 6, 10, 13, 15 — нуклеусы; 7, 14, 17 — ножи; 8, 11 — отщепы с ретушью; 9 — микропластинка с ретушью; 12 — наконечник стрелы; 18 — топорик

Fig. 4. Lithics from Letnik (1-8, 10, 14, 15), Sizaya IV (13), Sizaya VI (9, 11, 12, 16, 18), and Kibik I (17): 1-3, 5, 16 — end-scrapers; 4 — notched tool; 6, 10, 13, 15 — cores; 7, 14, 17 — knives; 8, 11 — retouched flakes; 9 — retouched bladelet; 12 — arrowhead; 18 — small axe

палеолитическая стоянка Означенное I. Культурный слой памятника с обилием остатков северного оленя был связан с покровными отложениями III надпойменной террасы. Имеются радиоуглеродные датировки порядка 14–15 тыс. лет (Астахов, 1986).

В 300 м от стоянки было открыто местонахождение Означенное III. На открытой поверхности лессовидных суглинков, слагающих 30-метровый террасовый уровень, были подобраны два крупных скребла палеолитического облика.

В 1 км выше Саяногорска на вершине холма — на участке 90-метровой террасы Енисея, возвышающейся над левым берегом ручья Малый Карак, были сделаны находки каменных орудий — двусторонне обработанный наконечник копья, чопшер и отщепы.

Следующий ручей, впадающий в Енисей выше по течению, носит название Большой Карак. Предметы расщепленного камня здесь были собраны по левому борту долины ручья неподалеку от устья на разных глубинах в обнажениях склонов участка II надпойменной террасы. Вероятно, речь идет о многослойной палеолитической стоянке.

Ряд памятников расположен в широкой приустьевой части правого притока Енисея — р. Сизой. Среди палеолитических пунктов особый интерес представляет многослойная стоянка Сизая V, связанная с отложениями III надпойменной террасы. Культурные слои позднего палеолита выявлены в различных пунктах, в толще отложений II (Сизая II и VIII) и III (Сизая I) террас. Кроме того, разведки выявили многочисленные местонахождения с палеолитическими находками, приуроченные к склонам разновысотных террас (Сизая VII, IX–XIII, XVII, XVIII) (Астахов, 1986). Пункты Сизая XIV–XVI расположены в глубине долины реки в 15 км от устья и в данной работе не рассматриваются.

Находки неолитического облика выявлены в приустьевой части долины и обозначены как пункты Сизая III, IV и VI. На правом берегу р. Сизой в обнажениях II террасы Енисея был открыто местонахождение Сизая VI. Среди находок преобладали отщепы.

Нуклеусы представлены двумя плоскими одноплощадочными формами и двумя атипичными торцовыми микроядрищами. Из орудий выделим топорик с двусторонней обработкой, изготовленный на плоской гальке (рис. 4, 18). Наконечников стрел — два. Первый — удлинённый со слабоогнутым основанием (рис. 4, 12), второй представлен фрагментом. Встречены микропластинка с зубчатой ретушью на брюшке (рис. 4, 9), две пластинки с краевой ретушью, массивное продольное скребло с обушком, два скребка (рис. 4, 16), четыре отщепы с ретушью (рис. 4, 11) и два обломка орудий со следами бифасиальной отделки.

На мысах II террасы противоположного, левого, борта долины, располагаются пункты Сизая III и IV. Среди находок с Сизой III имеются два нуклеуса — двойной торцовый (рис. 5, 9) и атипичный на торце обломка. Орудия — три скребка на отщепах (рис. 5, 7), два острия (рис. 5, 6), два ретушированных отщепа и три отщепа с выемками. Из числа находок с Сизой IV выделяются микронуклеус типа срединного многофасеточного резца (рис. 4, 13), два ножа с двусторонней обработкой лезвия (рис. 4, 14) и обломок орудия.

Следующая группа местонахождений расположена в долине соседней с Сизой р. Голубая. Среди памятников позднего палеолита выделяется многослойная стоянка Голубая I, связанная с отложениями II надпойменной террасы, а также приуроченная к покровным седиментам той же террасы стоянка Голубая IV. Предметы расщепленного камня палеолитического облика встречены на обнажениях II террасы (пункты Голубая II и III) (Астахов, 1986).

К голоцену отнесены местонахождения Голубая V–VIII. Близ устья реки на мысу 20-метровой террасы у выемки дороги был открыт пункт Голубая VII. Находки встречались как на склоне обрыва, так и на глубине 25–50 см в слое коричневого суглинка под почвой. Среди изделий — массивное острие, обработанное ступенчатой крутой ретушью по двум краям (рис. 5, 5), и срединный резец на углу отщепа. Найдена также продолговатая галька с забитыми концами, вероятно, использовавшаяся как отбойник.

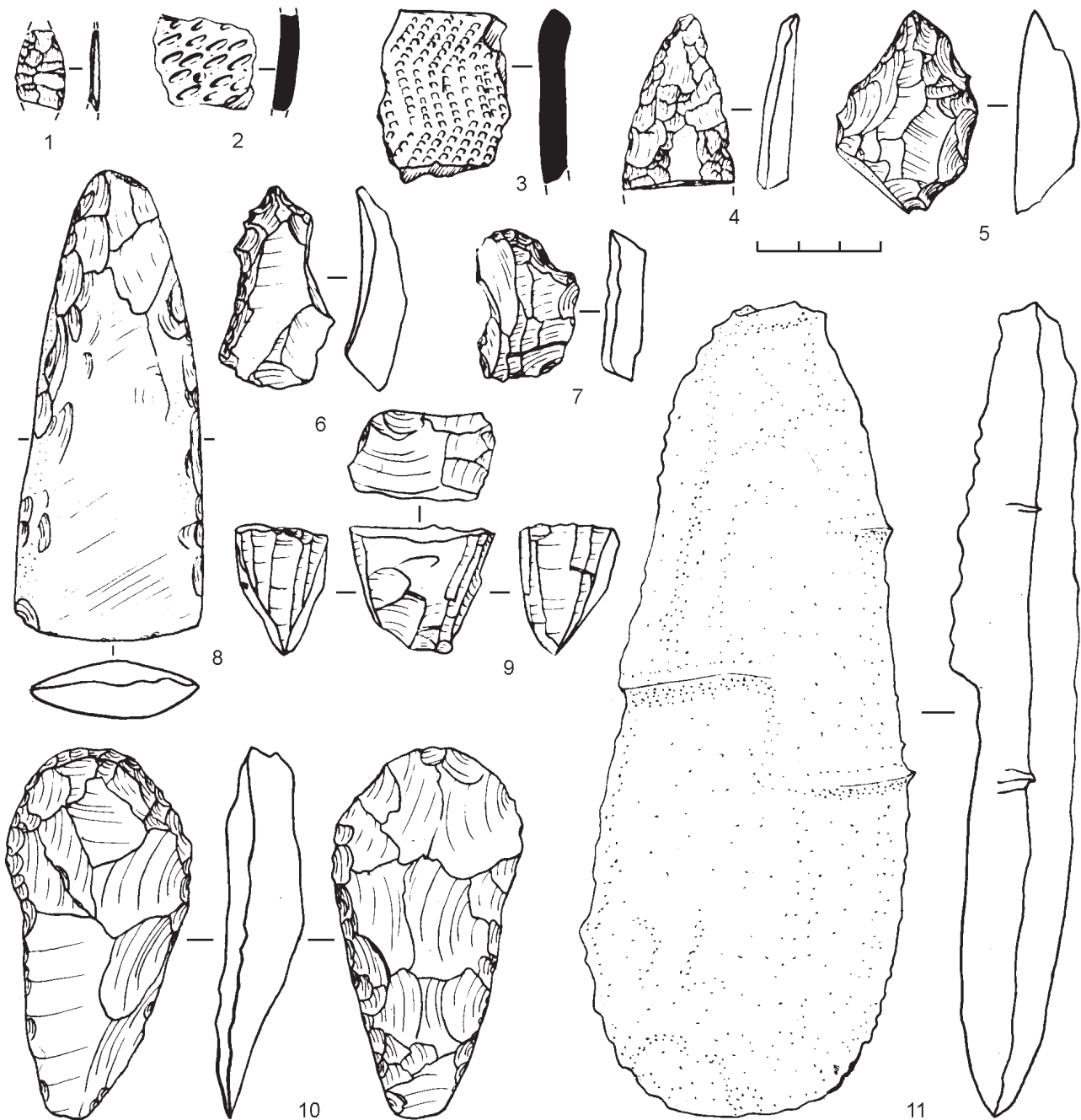

Рис. 5. Находки из района устья р. Уй (1, 9), предметы расщепленного камня и фрагменты керамики из местонахождений Кибик II (2, 3, 4, 10), Голубая VII (5), Сизая III (6-8) и Голубая VI (11):

1 — наконечник стрелы; 2, 3 — фрагменты керамики; 4 — наконечник копья; 5, 6 — острия; 7, 10 — скребки; 8 — топорик; 9 — нуклеус; 11 — топовидное орудие

Fig. 5. Stray find from the area nearby the Ui River mouth (1, 9), lithics and pottery fragments from Kibik II (2, 3, 4, 10), Golubaya VII (5), Sizaya III (6-8), and Golubaya VI (11): 1 — arrowhead; 2, 3 — pottery fragments; 4 — spear point; 5, 6 — points; 7, 10 — end-scrapers; 8 — small axe; 9 — core; 11 — axe-like tool

Выше Голубой VII был выделен еще один пункт находок — Голубая VIII. Здесь были найдены отщепы, обломок сланцевого орудия с подшлифовкой, два скребка, острие и мелкий фрагмент сосуда с зигзагообразным орнаментом. Выше по долине р. Голубой на мысах II надпойменной террасы, подрезанных при прокладке дороги, были открыты местонахождения Голубая V и VI. Среди находок из Голубой V встречались отщепы и микропластинки. Находки из Голубой VI представлены отщепами, пластинами, встречено крупное скребло на краевом сколе, отщеп с ретушью. Выделяется топорovidное орудие, изготовленное из сланцевой породы (рис. 5, 11).

К северу от устья р. Уй на левобережье Енисея была открыта стоянка Майнский Лесозавод II (рис. 6). Памятник был приурочен к округлому в плане мысу 20 м цокольной террасы Енисея, расположенному примерно в 200 м к западу от современного берега реки. Терраса сложена валунно-галечными отложениями, перекрытыми чехлом песков, вероятно, эолового генезиса. В трех шурфах пройдена толща рыхлых отложений на глубину до 2,5 м. Единичные находки предметов расщепленного камня встречены на глубине 0,1 м в современной почве, а также в подстилающих плотных желто-коричневых песках на глубинах 0,25 и 0,65 м (обозначены как три культурных слоя). Из нижнего культурного слоя происходит удлинённая галька-разбивальник серо-зеленой кремнистой породы. Один конец изделия удобен для схватывания рукой; на противоположном — четко видны следы мощных ударов по жесткому материалу. Исходя из стратиграфического положения, 1-й культурный слой, связанный с основанием современной почвы, может быть отнесен к раннему голоцену (мезолит). Находки, условно обозначенные как 2-й и 3-й культурные слои, связаны с верхней частью покровных песков; они могут быть отнесены к финальному отрезку плейстоцена.

Южнее располагалась стоянка Майнский Лесозавод I, связанная с покровными отложениями II террасы. Состав находок обычен

для памятников афонтовской культуры (Васильев, 1987).

Напротив р. Голубой, у устья левого притока Енисея — р. Уй, еще в 1964 г. был случайно найден шлифованный топорик (рис. 5, 8), а позднее собрана коллекция подъемного материала, включая наконечник стрелы (рис. 5, 1). Во время крупномасштабных работ по изучению расположенных здесь многослойных палеолитических стоянок (Васильев, 1996) исследовались комплексы голоценового возраста, представленные верхним слоем на западном участке Майнинской стоянки (Васильев, 1995) и колонкой слоев Б, В, Г и 1 в разрезе северного участка памятника Уй II (Васильев, 2001).

Выше по течению от устья р. Голубой на том же, правом, берегу Енисея в обнажениях 3–4-метровой поймы на расстоянии 400 м друг от друга были открыты местонахождения Кибик I и II. На первом пункте был найден фрагмент пластины, мелкие отщепы и пластина-нож с плоской двусторонней ретушью краев (рис. 4, 17).

Более разнообразна коллекция из Кибика II. Тут встречены обломки сосудов с оттисками зубчатого штампа. Оттиски идут по поверхности сосудов «елочкой», начиная от края прямого венчика (рис. 5, 3). Фрагменты толстостенные, в изломе двуслойные — внешняя поверхность сосуда красновато-коричневая, внутренняя — темная. В тесте прослеживается примесь песка. На двух фрагментах видны следы ногтевых вдавлений (рис. 5, 2). Каменный инвентарь включает обломок пластинки, отщепы и осколки камня. Из орудий отметим фрагмент двусторонне обработанного наконечника копья (рис. 5, 4), продольное скребло с рабочим краем на брюшке отщепа и крупный скребок с двусторонней обработкой продольных краев (рис. 5, 10).

Выше по течению Енисея на правобережье реки единичные находки костей и отщепов встречены на местонахождениях Шивера Бесштаная (Изербель) и Каменная Деревня (Астахов, 1989).

В 200 м ниже по течению Енисея от устья р. Пойлова в отложениях прилегающего

Рис. 6. Стоянка Майнский Лесозавод II. 1 — общий вид с юга; 2 — разрез стоянки в шурфе № 1

Fig. 6. Maynsky Lesozavod II. 1 — general view of the site from South; 2 — cross section in the trench no. 1

к скале участка 18–20-метровой террасы была найдена стоянка Пойлова I. В разрезе памятника под современной лесной почвой вскрыты слои темно-серой и желтовато-серой супеси, подстилаемые лессовидной сильно карбонатизированной супесью (до глубины более 1 м). Кварцитовые отщепы, скребки, долото-видные орудия и скребла встречались в двух шурфах на глубинах 0,60–0,65 м (в темно-серой супеси), 0,80 и 0,90–0,95 м (в желто-серой супеси). Вероятен позднепалеолитический возраст культурных остатков. Кроме того, на высокой (25–28 м) террасе правого борта долины р. Пойлова в шурфе был встречен отщеп (пункт Пойлова II).

Среди пунктов, расположенных на левом берегу Енисея, наиболее богатыми находками оказалось местонахождение Соболиный Бычек. Здесь были открыты остатки культурного слоя с очагом, собраны изделия из камня (тесла, топорик) и фрагменты гребенчатой керамики. Ниже устья р. Сойотка в толще отложений 8-метровой террасы найден кварцитовый наконечник копья. Наконец, на 8–10-метровой террасе на северной окраине пос. Черемушки был встречен галечный нуклеус (местонахождение Водомерный Пост) (Астахов, 1989).

Находки демонстрируют плотную заселенность участка долины Енисея в каменном веке. Древнейшие следы человека здесь относятся к средней поре верхнего палеолита (комплекс 2-го культурного слоя стоянки Уй I с датировками 17–22 тыс. лет). В период поздней поры верхнего палеолита (от 10 до 16–18 тыс. лет) здесь, как и повсюду на Верхнем Енисее, доминировали памятники афонтовской культуры, представленные богатейшей серией комплексов многослойных стоянок Майнинская и Уй II, а также находками из местонахождений Майнский Лесозавод I, Аэродром и Сизая VIII. Резко контрастирует с ними пластинчатая индустрия, представленная материалами 3-го культурного слоя стоянки Голубая I, относящаяся ко времени около 13 тыс. лет. Малочисленность находок не позволяет определить культурную принадлежность ряда памятников, относящихся,

судя по геологическому строению и фауне, к эпохе позднего палеолита (Означенное I, Сизая I, II, V, Голубая II, IV, Пойлова I, Майнский Лесозавод II, Большой Карак и др.).

Поражает контраст между обилием финальнопалеолитических пунктов и скудостью данных по раннеголоценовым культурам. Это обстоятельство не может быть истолковано ни за счет сохранности отложений, ни с точки зрения палеоэкологии. Напомним, что в конце плейстоцена горы Западного Саяна изобиловали промысловой фауной, большая часть видов которой сохранилась с наступлением голоцена (лось, косуля, благородный олень и др.). Вероятно, к раннеголоценовому времени можно отнести находки из местонахождений Створ I и Летник, приуроченные к поверхности 6–7-метровой террасы Енисея.

Следующая фаза представлена памятниками бескерамического неолита или финального мезолита, такими как неолитический слой Майнинской стоянки и 1-й слой стоянки Уй II. Здесь уже происходят существенные изменения в орудийном наборе — появляются наконечники стрел и вкладыши, шлифованные орудия. Хозяйственная деятельность носителей этих комплексов основывалась на добыче благородного оленя и аргали. Охота, судя по находкам галек-терочников, дополнялась собирательством. Поселения устраивались вблизи устья рек, культурные остатки концентрируются вокруг очагов, встречены хозяйственные ямы. Неолитический комплекс Майнинской стоянки свидетельствует о наличии специализированных площадок-мастерских для обработки камня.

Остается неясной культурно-хронологическая позиция пунктов с гребенчатой керамикой, возможно, относящихся к позднему неолиту (стоянка Створ II, слой Г стоянки Уй II). Ряд перечисленных выше местонахождений с находками керамики и изделий из камня, вероятно, относится уже к эпохе энеолита — бронзового века, как и материалы из культурных слоев Б и В на стоянке Уй II. Как мы видим, в археологической летописи региона еще очень много пробелов, особенно относящихся к голоценовой части каменного века.

- Абрамова и др.*, 1991 — *Абрамова З. А., Астахов С. Н., Васильев С. А., Ермолова Н. М., Лисицын Н. Ф.* Палеолит Енисея. Л.: Наука, 1991. 158 с.
- Астахов*, 1986 — *Астахов С. Н.* Палеолит Тувы / Отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: Наука, СО, 1986. 173 с.: ил.
- Астахов*, 1989 — *Астахов С. Н.* Новые памятники каменного века в северной части ущелья Енисея в Саянах // *Известия СО АН СССР*. Новосибирск, 1989. Серия истории, филологии, философии. Вып. 1. С. 71–73.
- Васильев*, 1987 — *Васильев С. А.* Палеолитическая стоянка у пос. Майна // *КСИА*. М.: Наука, 1987. № 189: Каменный век. С. 94–97.
- Васильев*, 1995 — *Васильев С. А.* К вопросу о бескерамическом неолите Сибири // *Южная Сибирь в древности* / Ред. Д. Г. Савинов. СПб., 1995. С. 10–16 (Археологические изыскания. Вып. 24).
- Васильев*, 1996 — *Васильев С. А.* Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 224 с.
- Васильев*, 2001 — *Васильев С. А.* Поздние комплексы многослойной стоянки Уй II и проблемы развития каменного века в голоцене на Верхнем Енисее // *АВ*. СПб.: Дмитрий Булачин, 2001. № 8. С. 61–76.

Stone age sites at the Upper Yenisei near the city of Sayanogorsk

S. N. Astakhov, S. A. Vasilyev, V. S. Zubkov

The paper has been devoted to the overview of the Stone Age sites located at the Upper Yenisei valley near the city of Sayanogorsk, in the northernmost portion of the Sayan canyon of the river near the entrance of the river flow to the steppe lowlands of the Minusinsk Depression. Archaeological fieldwork in the area under consideration was connected with the construction of the Sayano-Shushenskaya and Mainskaya hydroelectric power stations. The key stratified Upper Paleolithic sites have been published in full length in a series of monographs and presented in the general reference book while the paper deals with unpublished localities, mostly dated by the Holocene Stone Age.

The sites under consideration have been discovered and explored mostly by S. N. Astakhov from 1971, later in collaboration with S. A. Vasilyev and A. F. Yamskikh up to 1988. After a long break in the archaeological investigation of the area, activities have been renewed by V. S. Zubkov and S. A. Vasilyev in 2012 and 2013 within the framework of the salvage archaeology project realized nearby the Mainskaya power station. Unfortunately, the absolute majority of the sites are now destroyed by the construction work or inundated by the reservoir.

The northernmost group of sites described (Stvor I and II) is located at the left bank of Yenisei at the terrace 6 to 7 m high. They yielded a vast collection of lithics, including wedge-shaped microcores, arrowheads, end-scrapers, an adze, etc. along with fragments of comb-stamped ceramics.

Next groups of sites sit at the banks of the right tributaries of Yenisei, the Sizaya and Golubaya River. The left bank produced deeply stratified site of Mainsky Lesozavod II with three culture-bearing strata, the lower belonging to the Pleistocene. Upwards, several occurrences with scarce findings (Kibik I and II, Sobolinyi Bychek, etc.) have been identified as well as poorly investigated Upper Paleolithic stratified site of Poilova I.

The data at hand demonstrates the dense human settlement in the Upper Yenisei valley from the Middle Upper Paleolithic (the lower cultural layer of the site of Ui I). The Late Upper Paleolithic witnessed the dominance of the Afontova culture sites (Maininskaya, Ui II, Mainsky Lesozavod I, Sizaya VIII). At the same time the unique blade assemblage of the 3rd layer of Golubaya I sharply contrasted to the prevailing Afontova culture. Scarce traces of the Early Holocene sites have been represented mostly by surface scatters. The upper strata of the Maininskaya and Ui II have been attributed as the Final Mesolithic assemblages with arrowheads, microlithic inserts, polished tools, etc. The subsistence was based on hunting on wild sheep and red deer supplemented by gathering. Sites with comb-stamped ceramics (Stvor I and Layer G of Ui II) could be attributed to the Late Neolithic. The majority of the other sites could be referred to the Neolithic, Aeneolithic and Bronze Age.

О горизонте раннего железного века поселения Железнодорожное-1, исследованного в Западном Закубанье¹

А. В. Иванов, Е. И. Нарожный, П. В. Соков²

Аннотация. Статья посвящена материалам раннего железного века из раскопок поселения Железнодорожное-1, расположенного в Крымском районе Краснодарского края. Выделяется несколько горизонтов существования поселения. Для определения времени их существования проанализированы материалы и приведены аналогии из памятников Кубани предскифского и раннемеотского времени. Особое внимание уделено греческому импорту — амфорам, лаковой и простой столовой посуде. Совокупность полученных данных позволяет датировать протомеотский горизонт поселения в пределах VIII в. до н. э., раннемеотский — серединой VI — первой половиной V в. до н. э., что значительно расширяет представление о начальном этапе заселения меотами Западного Закубанья.

Annotation. This article is devoted to materials of the early Iron Age from excavations of a settlement Zheleznodorozhnoye-1 in Krym District of Krasnodar Region. Several layers of occupation of the settlement are distinguishable. To define their chronological positions, analogues of the objects characteristic of sites of the Kuban River region of the pre-Scythian and early Maeotian period are here presented. Special attention is paid to Greek imports — amphorae, glossed and plain tableware. The aggregate of the evidence obtained allows us to date the proto-Maeotian layer of the settlement to within the 8th century BC and the early Maeotian one to the mid-6th — first half of the 5th century BC. These dates expand considerably our notions on the initial stage of settling of the western Trans-Kuban region by the Maeotae.

Ключевые слова: Западное Закубанье, ранний железный век, поселение, хронологические горизонты, меоты, керамика, амфоры, жилище.

Keywords: Western Trans-Kuban region, Early Iron Age, settlement, chronological horizons, Maeotae, pottery, amphorae, dwelling.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-58-76

---

¹ Работа выполнена в Институте всеобщей истории РАН при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-18-00237 «Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ».

² Иванов А. В. — Южный региональный центр археологических исследований. Ул. Гагарина, 248, г. Краснодар, 350049, Россия; Институт всеобщей истории РАН: Ленинский пр., 32а, г. Москва, 119334, Россия; e-mail: ivanov_arg@mail.ru; Нарожный Е. И., Соков П. В. — НАО «Наследие Кубани». Ул. Красноармейская, 16, г. Краснодар, 350063, Россия. E-mail: Нарожный Е. И. — zai_ein@mail.ru, Соков П. В. — pvs_arm@mail.ru.

Поселение Железнодорожное-1 находится на территории Крымского р-на Краснодарского края (рис. 1), в 1,5 км к северо-западу от р. Адагум³. Оно занимает сравнительно небольшой участок обширного ровного поля между пос. Черноморским и хут. Красным, соединенных автомобильной грунтовой дорогой, которая на момент начала работ являлась северной границей памятника. Примерно в 50 м к востоку от границ поселения в меридиональном направлении протянулась железная дорога Крымск–Славянск-на-Кубани, за ней в 1,5 км находится залив Варнавинского водохранилища, в который впадают р. Адагум и Абин. В рельефе площадь поселения не выделяется, следы фортификации отсутствуют, согласно разведкам его размеры не менее 125 × 140 м. «Границы» памятника в плане имеют форму вытянутого на восток овала.

В ближайших окрестностях, начиная от устья и вплоть до окраин г. Крымска, весь левый берег р. Адагум (от 3 до 8 км) чрезвычайно насыщен памятниками археологии, большей частью остающимися пока неисследованными. Лишь в 2012 г. одновременно с раскопками поселения⁴ и неподалеку от него Краснодарской экспедицией НИИ археологии КубГУ под руководством В. В. Бочкового раскопаны курганы № 2 и 3 могильника Железнодорожный-2, где изучены 22 протомотских погребения. Эти материалы введены в научный оборот (Лимберис, Марченко, 2014).

Работы на поселении Железнодорожное-1 проводились в 2012 г. под руководством

Рис. 1. Поселение Железнодорожное-1. Карта-схема

Fig. 1. Settlement of Zheleznodorozhnoye-1. Schematic map

П. В. Сокова. Общая вскрытая площадь памятника составила 13 987 кв. м. Культурный слой, как и на большинстве сельских поселений Крымского района, не стратифицирован, между тем даже при отсутствии четкой стратиграфии наслоений выделяются пять хронологических горизонтов. Первый относится к среднему бронзовому веку — он представлен отдельными фрагментами керамики, поэтому речь не идет о наличии стационарной поселенческой структуры того времени. Полученные массовые материалы позволяют сделать выводы, что поселение возникло в раннем железном веке. Оно синхронно и идентично упомянутым выше погребениям курганов могильника Железнодорожный-2. Спустя некоторое время, в середине VI в. до н. э., жизнь здесь возобновляется, и поселение продолжает функционировать на протяжении первой половины V в. до н. э. Затем практически тысячелетие на этом месте никто не обитал. Не исключено, что какие-то очаги жизни теплились здесь в хазарское время, о чем свидетельствуют единичные находки фрагментов средневековых амфор VIII–X вв. Следующий

³ Рассматриваемое в статье поселение выявлено при проведении археологических разведочных работ в 2010–2011 гг. Ф. Б. Нарожной при подготовке раздела в проекте строительства станции в районе разъезда 9 км Северо-Кавказской ж. д. на северо-восточной окраине г. Крымска.

⁴ Масштабные археологические работы в этом году производились в зоне строительства ж. д. станции 9 км на нескольких памятниках археологии: поселения Железнодорожное, Железнодорожное-1, Железнодорожное-2 и его грунтовой могильник, исследовались курганы № 2 и № 3 могильника Железнодорожный-2 и курган Железнодорожный-2.

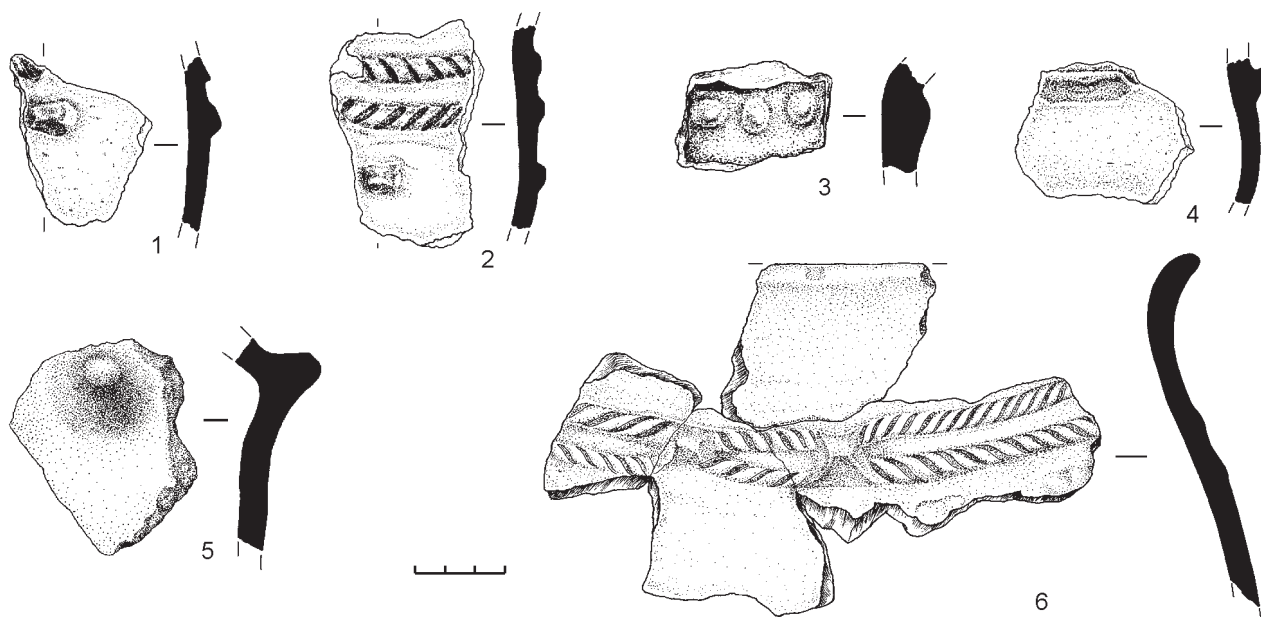

Рис. 2. Поселение Железнодорожное-1. Фрагменты керамических сосудов позднекатакомбного времени
 Fig. 2. Settlement of Zheleznodorozhnoye-1. Fragments of pottery of Late Catacomb Period

этап функционирования поселения относится к золотоордынскому периоду — XIII — началу XV в. (Мокрушин и др., 2016. С. 221–224; Нарожный, Соков, 2017. С. 283–287), что подтверждается материалами двух синхронных могильников, исследованных на территории памятника (Нарожный, Соков, 2014. С. 407–410). Остановимся на хронологическом горизонте раннего железного века, но первоначально охарактеризуем небольшую коллекцию эпохи бронзы.

На поселении Железнодорожное-1 найдено немногим более десяти фрагментов **бронзового века** (рис. 2). Глиняное тесто и обжиг единообразны: поверхности черные, внутри черепок светло-коричневый; тесто плотное, с примесью песка и дресвы. Сосуды украшены различными налепами, отметим крупный горшкообразный сосуд (диаметр устья — 27 см), на плечике которого имеется двухрядный горизонтальный валикообразный налеп с частыми диагональными насечками (рис. 2, б).

Эту керамику следует относить к позднекатакомбному времени⁵, на что указывает наличие

⁵ Благодарим А. А. Клещенко за любезную консультацию по этому вопросу и определение керамики.

орнамента в виде сдвоенных косорассеченных горизонтальных валиков. Такой узор встречается на сосудах суворовской культуры в Закубанье (Клещенко, 2013. С. 179. Рис. 3, I-1, 12, II-10) и на батуринской керамике в Прикубанье (Трифонов, 1991. С. 104. Рис. 2, 7). Для керамики этих двух позднекатакомбных культур также характерны плоские горизонтальные налепы и налепы-жемчужины (Клещенко, 2013. С. 179. Рис. 3, I-3, II-5; Трифонов, 1991. С. 104. Рис. 2, б). Но наличие такой орнаментации сближает обнаруженную посуду с синхронными позднекатакомбными культурами из дольменных памятников Закубанья. Это касается валиков, налепов-жемчужин (Марковин, 1997. С. 196, 222, 226. Рис. 93, 2, 18; 113, 28; 116, 20) и прямоугольных налепов (Там же. С. 230. Рис. 118, 27), неизвестных для керамики из степных курганов этого времени.

Протомеотский горизонт памятника (рис. 3) представлен несколькими хозяйственными ямами и небольшим количеством лепной керамики из слоя. Среди керамики отметим фрагменты лепных черпаков и кружек.

Черпаки (четыре фрагмента) плоскодонные, с непрофилированными туловами

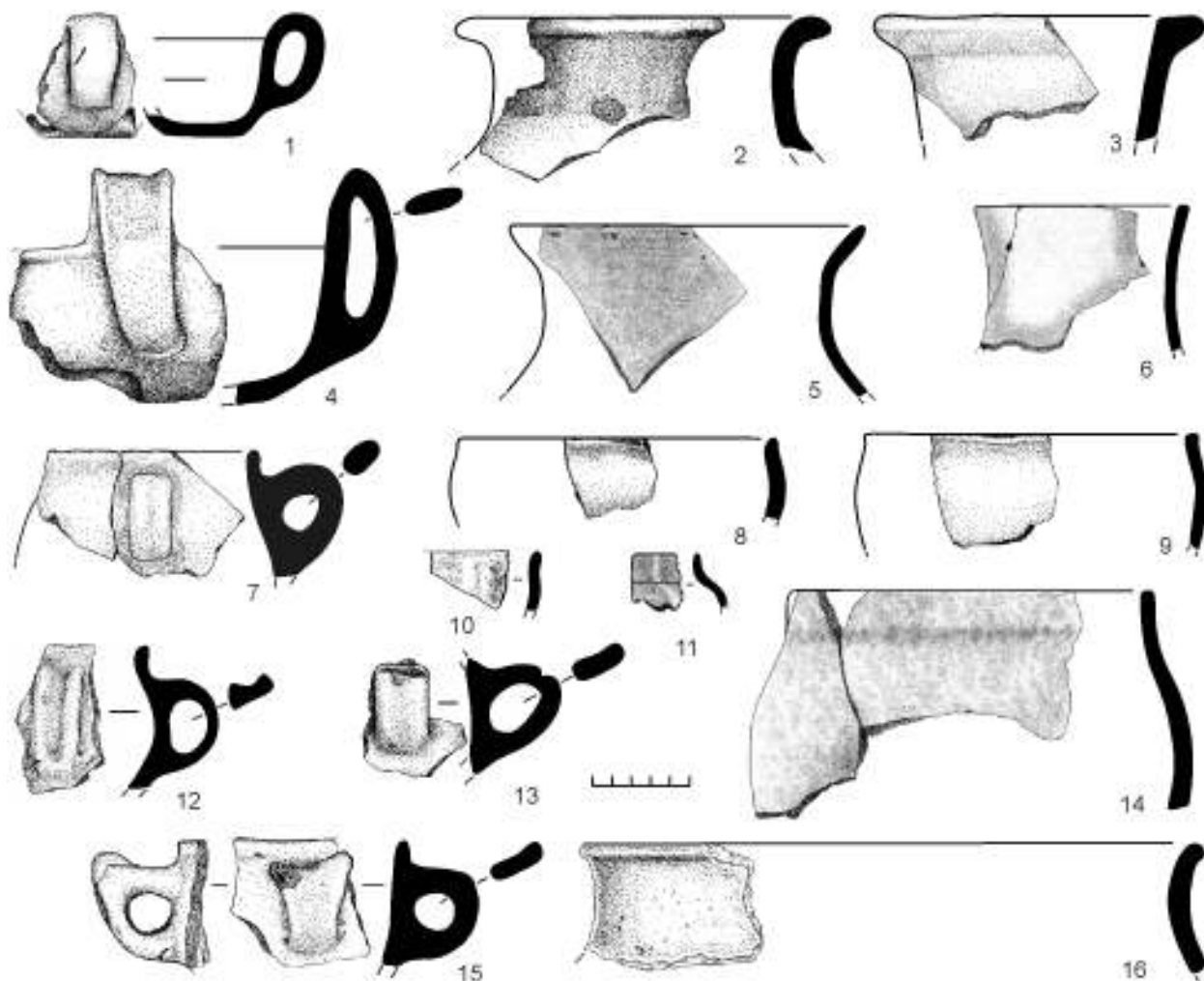

Рис. 3. Поселение Железнодорожное-1. Протомеотский горизонт. Керамические сосуды, фрагменты: 1, 4 — черпаки; 7, 12, 13, 15 — кружки; 2, 3, 5, 6 — корчаги; 8-10 — миски; 11, 14, 16 — горшки
 Fig. 3. Settlement of Zheleznodorozhnoye-1. Proto-Maeotic horizon. Pottery, fragments: 1, 4 — scoops; 7, 12, 13, 15 — mugs; 2, 3, 5, 6 — earthenware storage vessels; 8-10 — bowls; 11, 14, 16 — pots

и высокими петлевидными ручками, чаще с горизонтальными высокими бортиками по краю. В одном случае бортики-выступы имитировали раздвоенные «рожки». Наиболее выразительны два таких сосуда. Найденный в хозяйственной яме фрагмент небольшого черпака (высотой 6,7 см и диаметром дна 4,5 см) имел невысокую овальную в сечении ручку (рис. 3, 1). Морфологически он идентичен экземпляру из верхнего слоя поселения Красногвардейское II (Шарафутдинова, 1989; Эрлих, 2007. Рис. 136, 14). Встречаются подобные сосуды и в нижних слоях недавно

исследованного поселения Первомайское⁶ у с. Кеслерово, материалы которого синхронны упомянутому выше могильнику Железнодорожный-2. Упомянем два близких по форме миниатюрных черпака, найденных в погребении № 1 кургана № 1 курганной группы Кеслерово-4, исследованного одним из авторов этой работы⁷. Этот комплекс по погребальному обряду обнаруживает близкое сходство с погребением № 48 могильника Ахтырский

⁶ Раскопки М. В. Иванова в 2015 г.

⁷ Раскопки А. В. Иванова в 2015 г.

Лиман I (*Беглова и др.*, 1997), с погребением № 24 могильника Фурожан (*Иванов*, 2013. С. 151. Рис. 2, V), что позволяет его датировать VIII в. до н. э. Второй черпак (высотой 12,1 см) снабжен высокой вертикальной ручкой (рис. 3, 4). Пропорции его тулова характерны для черпаков группы 2 приморско-абинского варианта, выделенного В. Р. Эрлихом (*Эрлих*, 2007. С. 330. Рис. 138).

Кружки не отличаются разнообразием, однако эта категория посуды выделяется исключительно по ручкам (рис. 3, 12, 13, 15). Тем не менее отметим не встречающуюся ранее на кружках ручку с раздвоенными «рожками» (рис. 3, 15), возможно, имитирующую ручки черпаков.

Остальная посуда протомеотского горизонта представлена фрагментами мисок округлых пропорций, горшков со слегка отогнутой наружу шейкой, корчаг с раструбовидным горлом и отогнутым наружу горизонтальным венчиком (рис. 3, 2, 3, 5, 6, 8–11, 14, 16). Эти сосуды имеют широкие аналогии, большинство которых датируется VIII в. до н. э. (*Эрлих*, 2007. Рис. 131–133, 141, 144).

Большим разнообразием на поселении Железнодорожное-1 отличаются материалы *раннемеотского времени*, лишь немного уступая по количеству находок средневековой коллекции памятника. Этот горизонт представлен комплексами и массовыми материалами из слоя.

В культурном слое памятника выделяются лепные кухонные сосуды и импорт, представленный столовой посудой и тарными амфорами. Лепная посуда традиционных для этого времени форм насчитывает три основные категории: горшки, корчаги и миски.

Фрагменты лепных горшков (рис. 4), пожалуй, самая массовая находка на всех меотских поселениях. Размерные характеристики горшков говорят об отсутствии какой-либо стандартизации. Условно можно выделить крупные сосуды, высотой до 50 см и диаметром устья более 30 см, а также сосуды меньших размеров. Отметим, что преобладают крупные горшки. Большинство горшков — это сосуды без выраженной шейки, края вертикальны или наклонены внутрь (тип II,

по *Лимберис, Марченко*, 2012. С. 36). Их края обрамлялись воротничком и декорировались различными горизонтальными волнами, линиями, насечками, но чаще пальцевыми вдавлениями (рис. 4, 11–28). Небольшая серия сосудов имеет слабо выраженную прямую шейку или короткую шейку с отогнутым наружу краем (рис. 4, 1–8) (тип I, по *Там же*. С. 35–36). Перечисленные формы традиционны для меотов. Формирование этих типов началось еще в предскифское время, они широко представлены в раннемеотский период, а некоторые формы продолжают бытовать и в IV в. до н. э. (*Там же*). Повторим уже высказанное нами мнение, что традиция декорировать горшки в большей степени характерна для западных областей Кубани (*Иванов, Сударев*, 2018. С. 107), видимо, являясь локальной особенностью.

Также многочисленны корчаги — крупные тарные сосуды (рис. 5), которые в отличие от горшков имеют хорошо выраженную, нередко высокую шейку и, как правило, резко отогнутый наружу венчик. Такая форма хорошо соотносится с типом II согласно схеме Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко, а по материалам раннемеотских могильников датируется VI–V вв. до н. э. (*Лимберис, Марченко*, 2012. С. 24–26). Время бытования корчаг в целом охватывает весь раннемеотский период. Их прототипами выступают крупные сосуды идентичной морфологии, широко распространенные в предскифское время в материалах протомеотской группы памятников (*Эрлих*, 2007. С. 72–74. Рис. 131–133). В IV в. до н. э. корчаги мало известны, за редкими исключениями (*Смирнов*, 1958. С. 300; *Кондрашев*, 1987. С. 114–116. Ил. 562, 578; *Бочковой и др.*, 2005. Рис. 12, 14, 19, 20; *Лесков и др.*, 2005. Рис. 12, 23).

Среди материалов поселения мы выделили небольшую серию корчаг с выразительным воротничком по краю (рис. 5, 8, 10, 14, 15). Эта довольно необычная форма отмечена в сериях раннемеотской посуды лишь на поселении Тарасова Балка (*Рябкова*, 2016. С. 109. Рис. 1, 13). Видимо, традиция украшения сосудов воротничком, широко известная

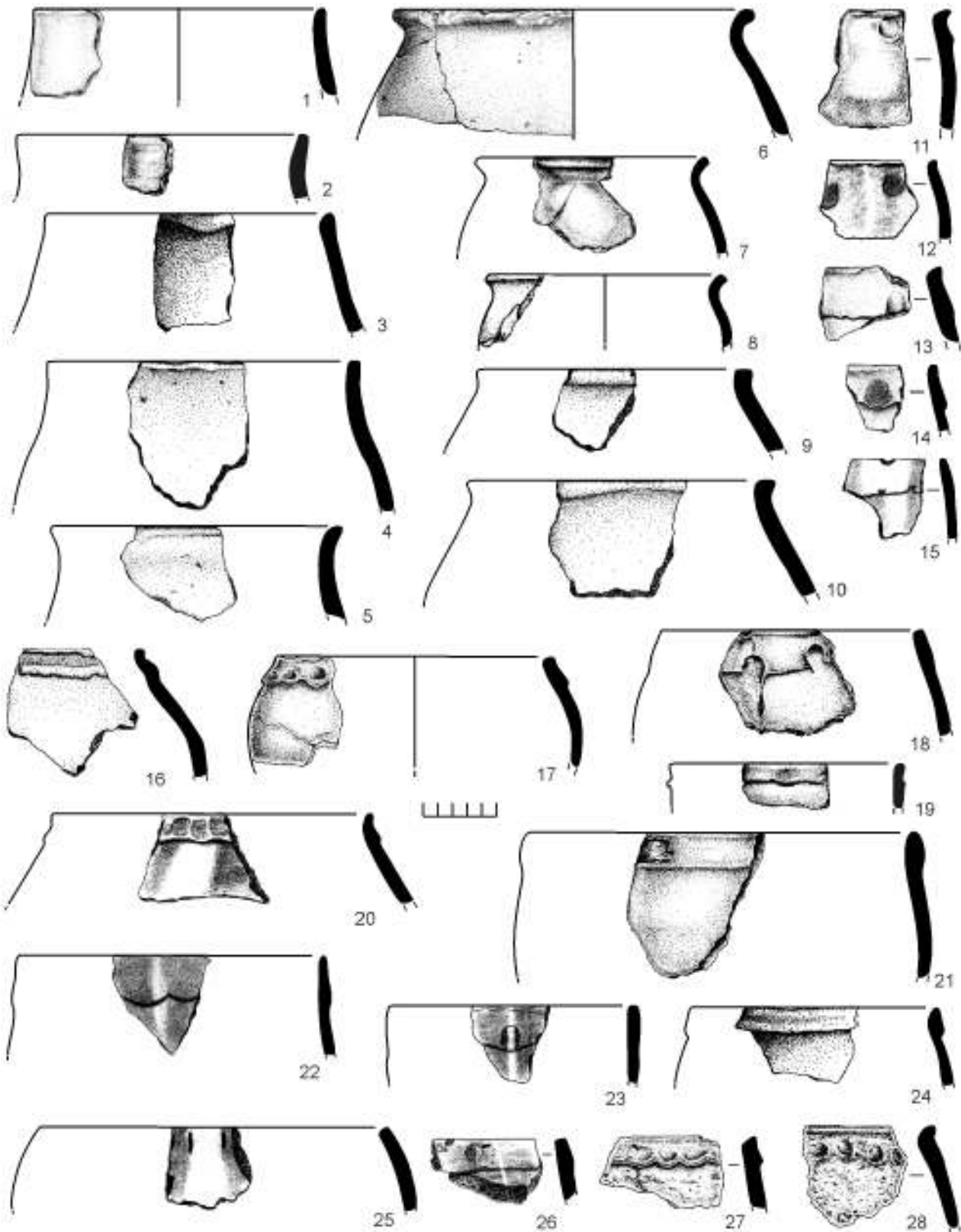

Рис. 4. Поселение Железнодорожное-1. Раннемеотский горизонт. Фрагменты лепных керамических горшков

Fig. 4. Settlement of Zheleznodorozhnoye-1. Early-Maeotic horizon. Fragments of handmade clay pots

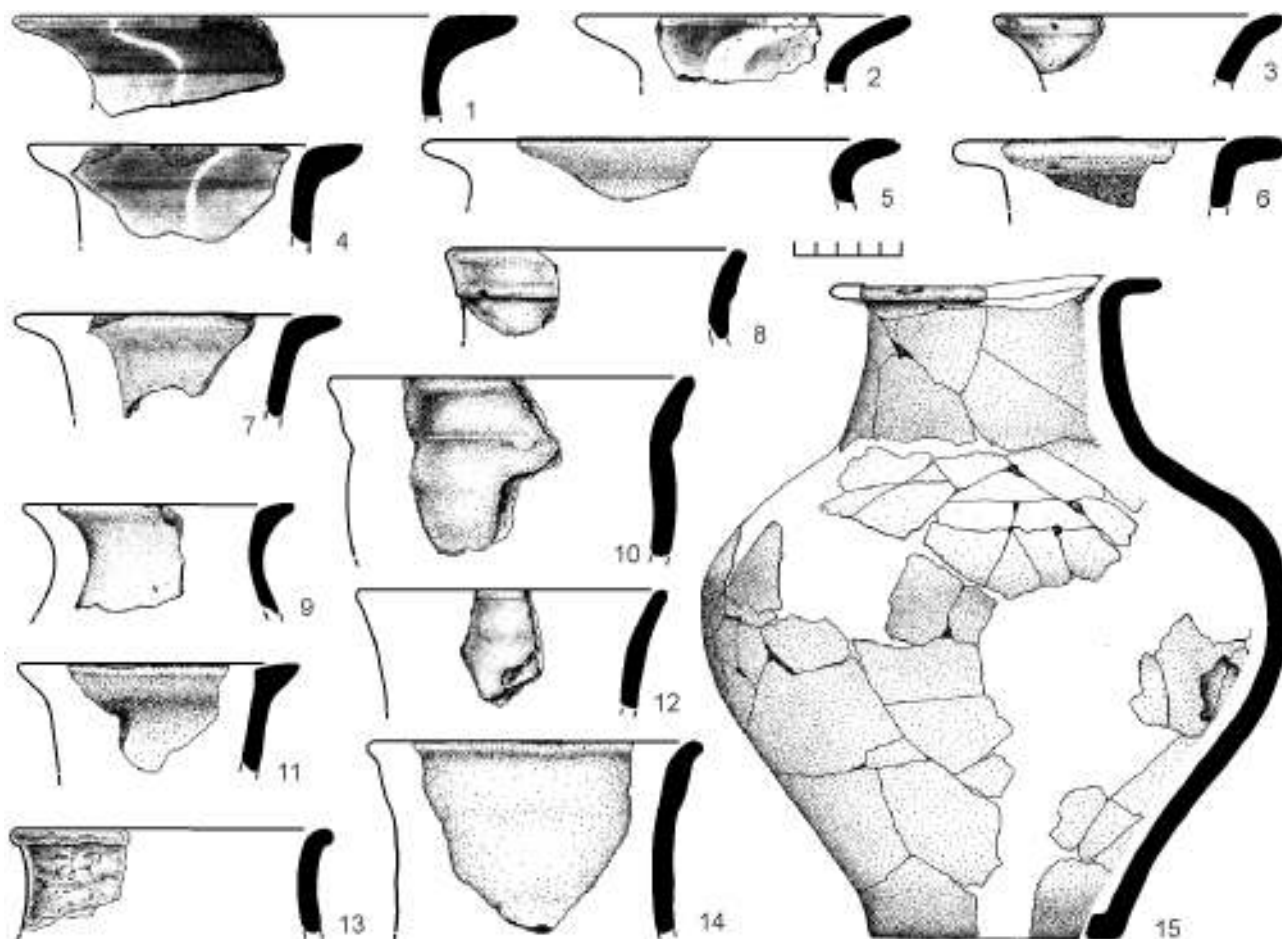

Рис. 5. Поселение Железнодорожное-1. Раннемеотский горизонт. Фрагменты керамических лепных корчаг

Fig. 5. Settlement of Zheleznodorozhnoye-1. Early-Maeotic horizon. Fragments of handmade earthenware storage vessels

на горшках, иногда применялась и на корчагах. Фрагменты таких сосудов происходят из культурного слоя, что не дает оснований узко датировать всю серию этой керамики, однако вполне допустимо соотносить ее с раннемеотской посудой VI–V вв. до н. э.

Миски, пожалуй, самая консервативная и наиболее массовая категория меотской посуды на памятниках раннего железного века Кубани. Для раннемеотских древностей этот факт отмечен еще Н. В. Анфимовым и К. Ф. Смирновым после исследований на Усть-Лабинском и Пашковском могильниках (Анфимов, 1951. С. 160; Смирнов, 1958. С. 300). В своде материалов по ранним меотам Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко отмечали, что в VI–V вв. до н. э. миски являлись

непрерывной и едва ли не главной составляющей погребального инвентаря (Лимберис, Марченко, 2012. С. 39). Принимая во внимание специфику морфологии раннемеотских мисок, исследователи ввели ряд дополнительных признаков в типологический ряд, что в целом позволило им создать удобную и понятную классификацию, дающую возможность наметить узкие хронологические признаки (Там же. С. 39–40).

Среди мисок поселения Железнодорожное-1 встречены все выделенные Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко три типа (рис. 6), охватывающих VI–V вв. до н. э. С нашей точки зрения интересен факт декорирования мисок воротничком или имитирующей воротничок желобчатой подрезкой (рис. 6, 13–15).

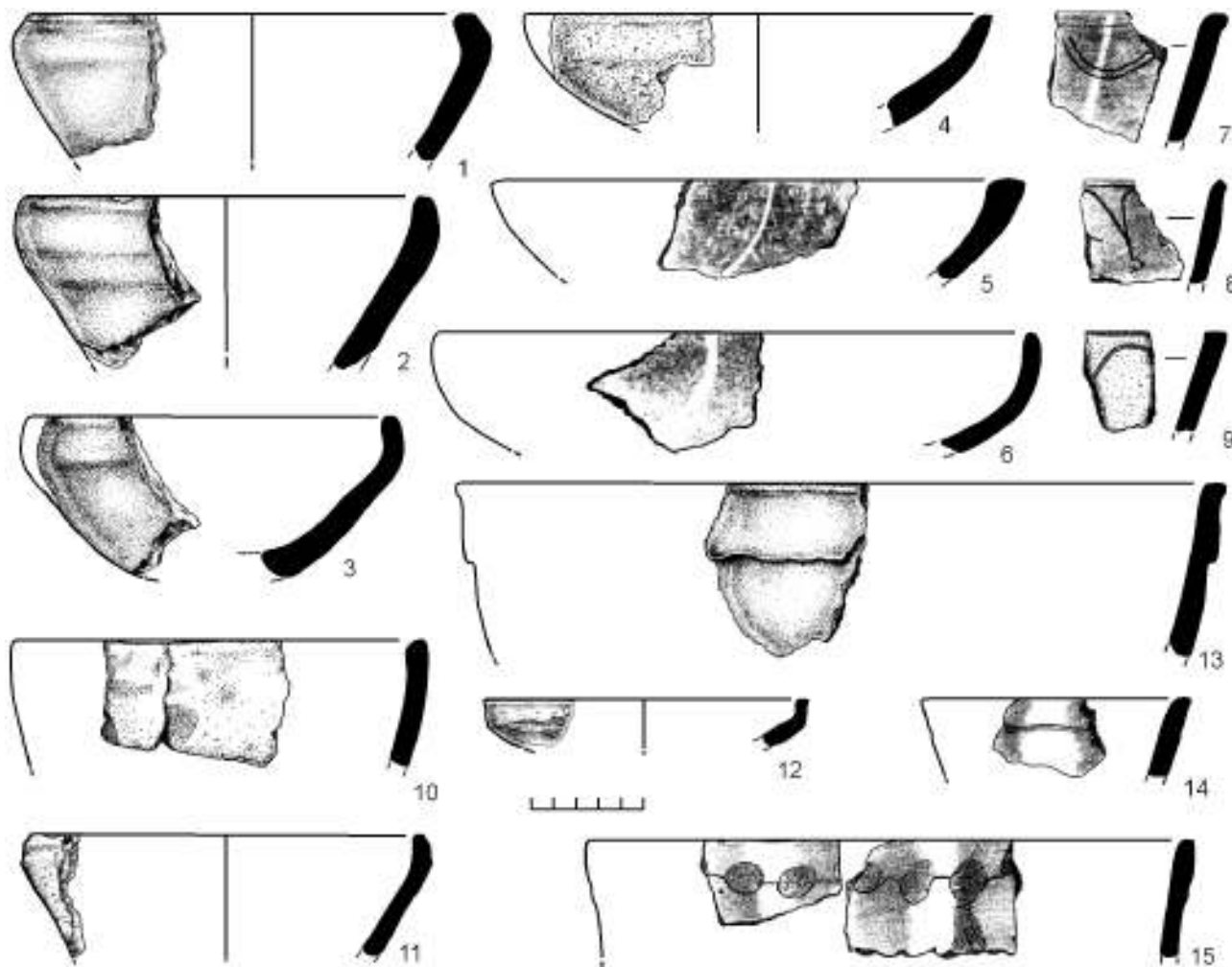

Рис. 6. Поселение Железнодорожное-1. Раннемаеотский горизонт. Фрагменты лепных керамических мисок

Fig. 6. Settlement of Zheleznodorozhnoye-1. Early-Maeotic horizon. Fragments of handmade clay bowls

Иногда, как и на горшках, воротничок украшен вдавлениями (рис. 6, 15). Хотя таких мисок немного, наличие такого декора может быть основой для выделения еще одного типа раннемаеотских мисок. Помимо этих экземпляров в хозяйственных ямах, относящихся только к раннемаеотскому слою, найдены другие сосуды открытого типа, возможно, миски. Их отличительной особенностью являются слегка намеченный венчик, отсутствие всякого бортика и наличие волнистого орнамента в верхней части сосудов (рис. 6, 7–9). Аналогии этим сосудам нам неизвестны.

Основным датировующим материалом раннемаеотского горизонта на поселении Железнодорожное-1 выступает многочисленная

импортная керамика, среди которой известны амфоры, лаковая и простая столовая посуда.

Фрагменты амфор занимают основную долю импорта (рис. 7). Этот материал представлен несколькими центрами-экспортерами, из которых наиболее выразительны сосуды Клазомен, Лесбоса, Хиоса и амфоры на сложнопрофилированной ножке.

Клазоменская тара легко узнаваема по рыхлому тесту и характерным примесям, среди которых слюда, черные и коричневые частицы (Монахов и др., 2016. С. 22), иногда крупная фракция сродни дресвы. Венчики таких амфор по большей части окрашены красным цветом, но на наших экземплярах краска

не сохранилась. Фрагментов клазоменских амфор на поселении встречено относительно немного, представлены они исключительно венчиками и несколькими ручками (рис. 7, 1–8). Довольно странным выглядит полное отсутствие ножек. Вполне возможно, что ножки, имевшие форму полого поддона, могли использоваться меотами вторично, хотя и в таком виде они не обнаружены. Следует отметить, что в Северном Причерноморье находки целых клазоменских амфор, тем более в закрытых комплексах, редки, что затрудняет их классификацию. Тем не менее по типологии С. Ю. Монахова представленные на поселении фрагменты амфор сопоставимы с экземплярами клазоменской тары 3-го и 4-го вариантов, датируемых второй половиной VI в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 52–53).

Интересно, что на поселении Железнодорожное-1 из всех амфор производства Лесбоса (рис. 7, 9–17) встречена только красноглиняная тара, а сероглиняная — полностью отсутствует. Обратим внимание на этот факт, так как известно, что производство сероглиняных и красноглиняных амфор на Лесбосе шло параллельно (Там же. С. 43, 47), и затруднительно ответить на вопрос о предпочтении жителей поселения в пользу красноглиняной тары. Помимо целого ряда обстоятельств, влияющих на выбор товара, — от эстетических соображений до закупок у одного постоянного поставщика, предлагавшего лишь красные амфоры, — был еще один вполне определяющий момент. А. Джонстон предложил гипотезу, согласно которой в красноглиняных амфорах транспортировалось вино, а в сероглиняных перевозилось оливковое масло (Johnston, 1990. P. 41–42). Впрочем, как заметил С. Ю. Монахов, подтвердить или опровергнуть эту гипотезу можно только

по результатам анализов осадков со дна амфор, которые пока никем не проводились (Монахов, 2003. С. 44).

На памятнике встречены два ранних варианта архаического типа I-A и I-B лесбосских амфор, которые укладываются в середину — вторую половину VI в. до н. э. (Там же. С. 48–49). Видимо, наиболее ранним можно считать фрагмент ножки с широким основанием, принадлежащий лесбосской амфоре крупной фракции (рис. 7, 10). К этой же серии можно отнести венчики (рис. 7, 11–13). Амфор с аналогичной морфологией деталей известно несколько, в частности, отметим амфору из комплекса кургана № 9 у с. Куцеволовка (Бокий, Ольховский, 1994. С. 155. Рис. 3, 1), где она была найдена с двумя эолийскими амфорами с усеченно конусовидным дном, датирующимися третьей четвертью VI в. до н. э. (Абрамов, 2008. С. 58). Фрагменты подобных сосудов происходят из березанского колодца № 5 (Монахов, 1999. Табл. 4, 1) и комплекса Q 12:3 Афинской агоры (Roberts, 1986. P. 72. Fig. 44, no. 443). Большинство же фрагментов лесбосских амфор среди материалов поселения принадлежат уже к следующему варианту, с конической ножкой, I-B. Видимо, на рубеже VI–V вв. до н. э. поставки лесбосской продукции прекращаются, так как амфоры позднее этого времени на памятнике выделены не были.

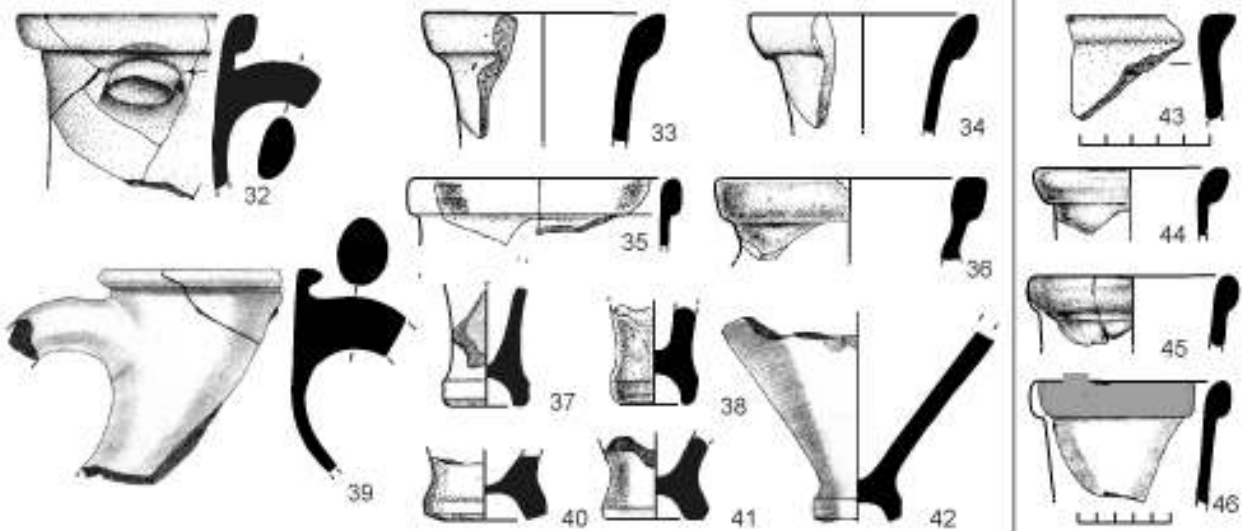
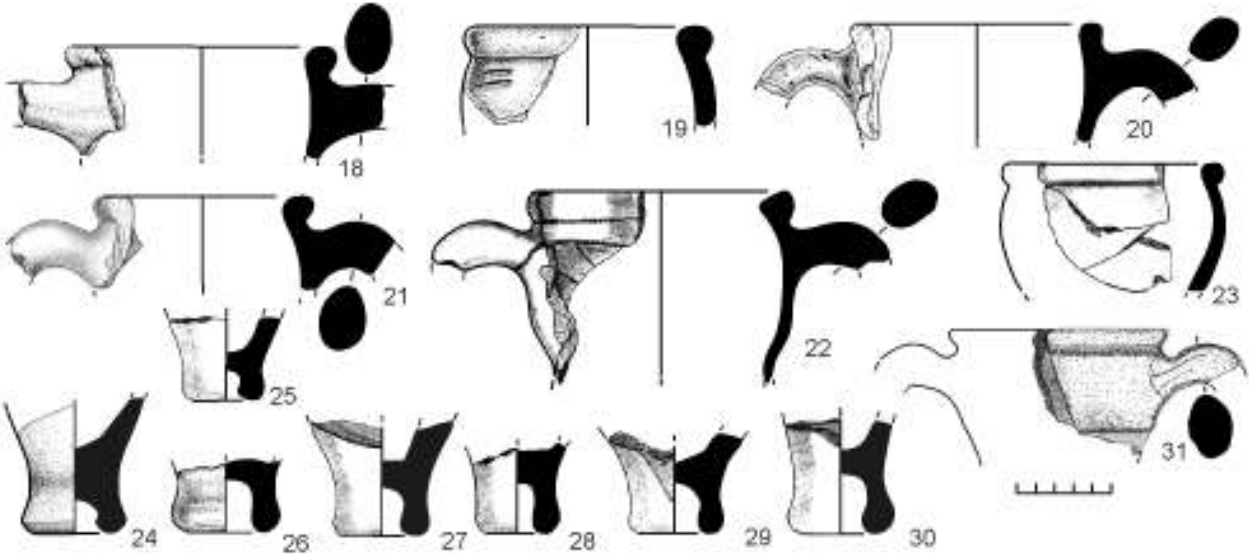
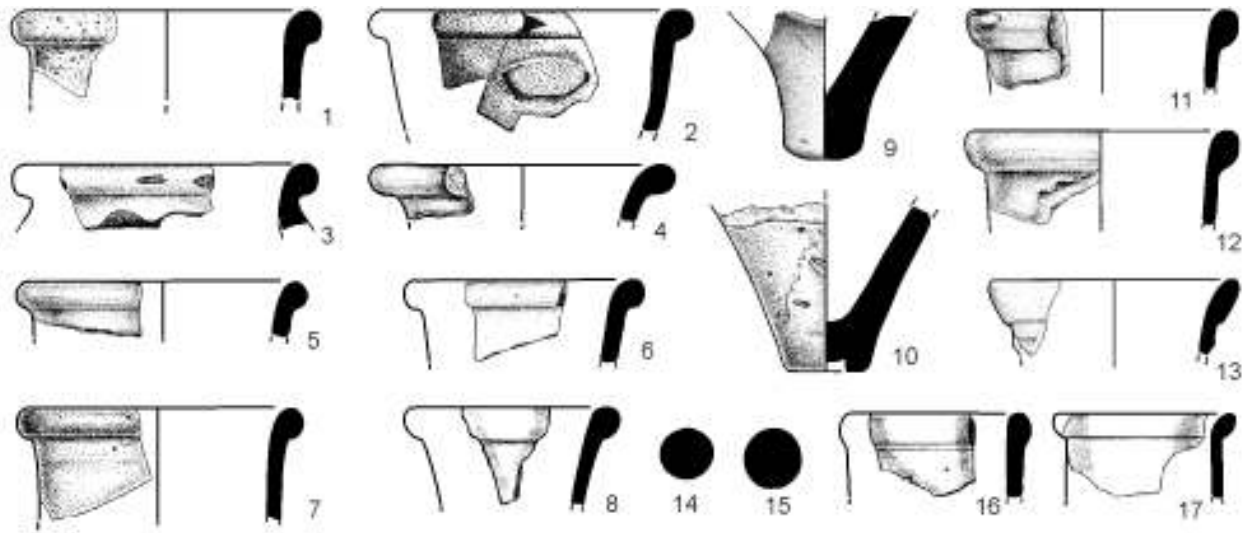
Продукция Клазомен и Лесбоса к V в. до н. э. сменяется амфорами Хиоса и амфорами на сложнопрофилированной ножке. Количество этого материала намного превышает поступления амфор VI в. до н. э., что говорит об увеличении объемов импорта, являющегося маркером торговой активности. Такая ситуация наблюдается на подавляющем большинстве меотских памятников Западного Закубанья,

Рис. 7. Поселение Железнодорожное-1. Раннемеотский горизонт. Фрагменты амфор:

1–8 — Клазомены; 9–17 — Лесбос; 18–31 — Хиос; 32–42 — амфоры на сложнопрофилированной ножке (протофасос); 43 — фрагмент амфоры с раздутым горлом; 44–46 — фрагменты неопределенных амфор. 1–46 — керамика

Fig. 7. Settlement of Zheleznodorozhnoye-1. Early-Maeotic horizon. Amphora fragments:

1–8 — Klazomenai; 9–17 — Lesbos; 18–31 — Chios; 32–42 — amphorae on a profiled foot (proto-Thasos); 43 — fragment of a bulging-neck amphora; 44–46 — fragments of unidentified amphorae. 1–46 — ceramics

но наиболее показательны в этом плане материалы варварских поселений, расположенных в Синдике (Сударев, Иванов, 2018).

Количественно фрагменты хиосских амфор примерно в два раза преобладают над амфорами на сложнопрофилированной ножке. Впрочем, последних тоже много, и рассматриваются они как статистический материал. Хиос представлен пухлогорлым типом (рис. 7, 18–31), в большинстве своем вариантами III-A и III-B. Хронологический диапазон этих вариантов — конец VI — первая половина V в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 16–18, 24). Наиболее поздними фрагментами хиосской тары следует считать фрагмент горла с перехватом и ножку с выраженным ребром в месте расширения (рис. 7, 24, 31). Такие элементы характерны для амфор середины — третьей четверти V в. до н. э. (Там же. С. 18). Что же до амфор на сложнопрофилированной ножке (протофасос) (рис. 7, 32–42), то они все принадлежат вариантам 3–5, серии этих сосудов широко распространялись на рубеже VI–V вв. и в первой половине V в. до н. э. (Там же. С. 40–42).

Выделяется единичный фрагмент амфоры Эгеиды с раздутым горлом (рис. 7, 43). Такие амфоры были выделены в отдельную группу относительно давно (Зеест, 1960. С. 90. Табл. XIII, № 27а). По сводке С. Ю. Монахова наш фрагмент сопоставим с венчиками сосудов ранней группы первой половины V в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 77–78. Табл. 52).

Некоторое количество фрагментов амфор определить не удалось (рис. 7, 44–46), некоторые отличаются по тесту и форме от известных на данный момент образцов, соотносимых с тем или иным производственным центром. Однако морфология и профилировка фрагментов неопределенных амфор близка с экземплярами описываемого времени, что позволяет их рассматривать в одном и том же хронологическом горизонте.

Простая импортная столовая посуда ограничивается находками красноглиняных тарелок (рис. 8, 1–5), тесто и обжиг которых свидетельствуют об их производстве в разных местах. Эту категорию сосудов объединяет

форма венца. По материалам Афинской агоры тарелки с подобными венчиками входят в группу, датируемую 480 гг. до н. э. (Sparkes, Talcott, 1970. P. 360, no. 1760, 1761, 1766), известны они и в Таманском некрополе, в частности, в погребении первой половины V в. до н. э. (Гайдукевич, 1959. С. 175. Рис. 45, 1). Отметим, что на поселении такие тарелки были найдены в одном контексте с фрагментами пухлогорлых хиосских амфор и амфор на сложнопрофилированной ножке в многочисленных хозяйственных ямах и в жилище (рис. 10).

Фрагменты чернолаковой посуды из слоя не менее многочисленны, но по большей части представлены маловыразительными стенками. Помимо нескольких фрагментов поддонов, по всей видимости, киликов (рис. 8, 6, 7) и целого венчика алабастра (рис. 8, 8), отметим редкую находку — верхнюю часть кубка формы Фалерона (рис. 8, 9) конца VI в. до н. э. (Sparkes, Talcott, 1970. P. 334, no. 1392), а также фрагмент более распространенного расписного сосуда — кубковидного канфара группы Ланкут (рис. 8, 10) второй четверти V в. до н. э. (Rotroff, Oakley, 1992. P. 62, Fig. 1, Pl. 1).

Из других находок в культурном слое раннемеотского горизонта отметим несколько глиняных пряслиц — конусовидные, стандартных размеров, одно орнаментированное, а также два плохо сохранившихся бронзовых наконечника стрел распространенных скифских типов.

На поселении Железнодорожное-1 также исследованы многочисленные хозяйственные ямы раннемеотского времени, материалы из которых сопоставимы с находками из культурного слоя. Среди наиболее интересных образцов особо отметим фрагмент южноионийского сосуда стиля Фикеллура⁸ (рис. 8, 11). Хронологический диапазон стиля укладывается в рамки 560–494 гг. до н. э. (Cook, Dupont, 1998. P. 77–89). Представленный здесь образец относится к группе «бегущий человек» и датируется третьей четвертью VI в. до н. э.

⁸ Благодарим А. В. Буйских за помощь при атрибуции этого фрагмента.

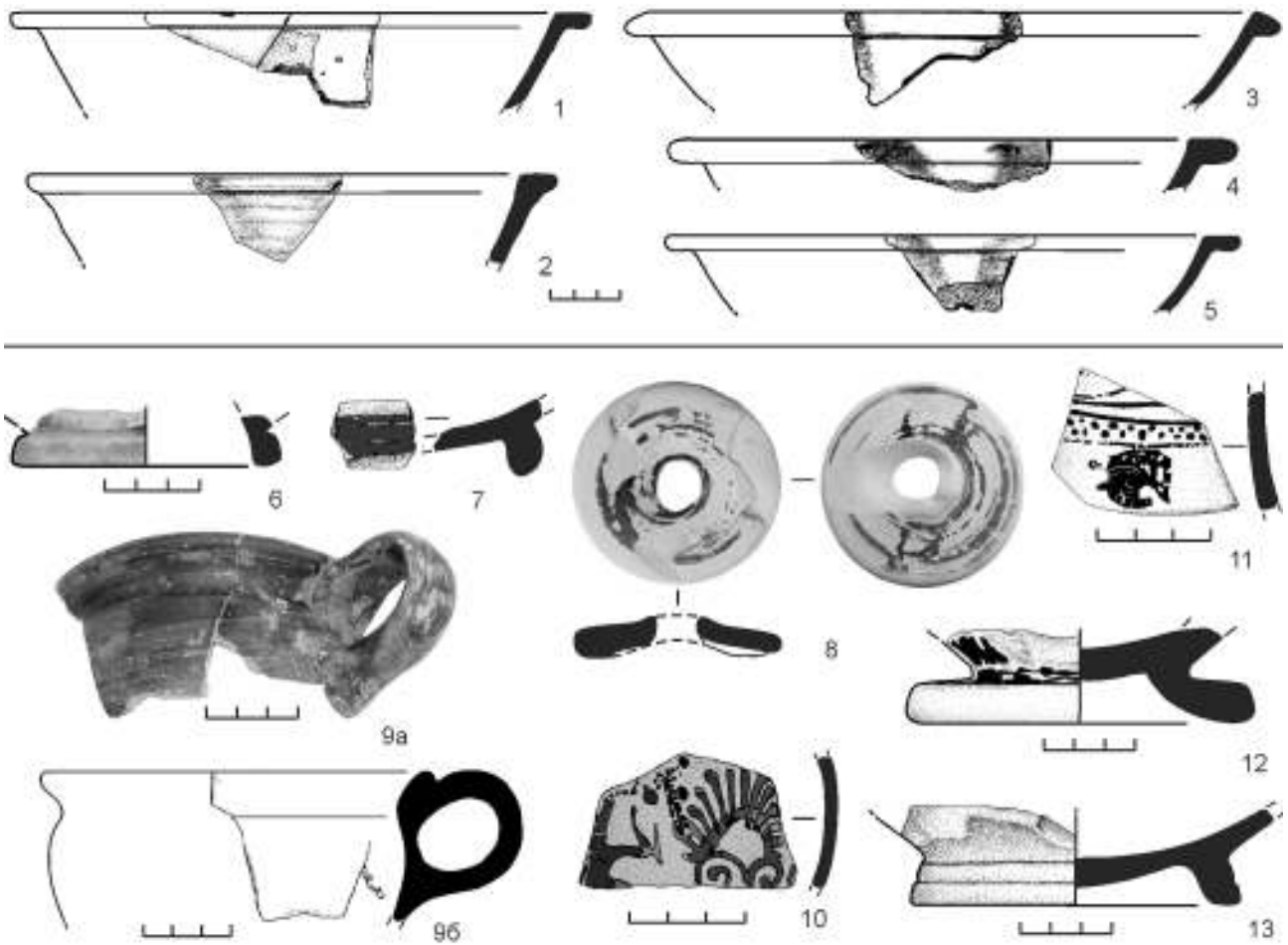

Рис. 8. Поселение Железнодорожное-1. Раннемеотский горизонт. Импортная посуда:

1–5 — фрагменты красноглиняных тарелок; 6–13 — лаковая посуда: 6, 7 — килики; 8 — алабастр; 9а, 9б — фрагмент верхней части кубка формы Фалерона; 10 — фрагмент кубковидного канфара группы Ланкут; 11 — фрагмент южноионийского сосуда стиля Фикеллура, группа «бегущий человек»; 12 — поддон чернолаковой чаши; 13 — поддон ионийского сосуда. 1–13 — керамика

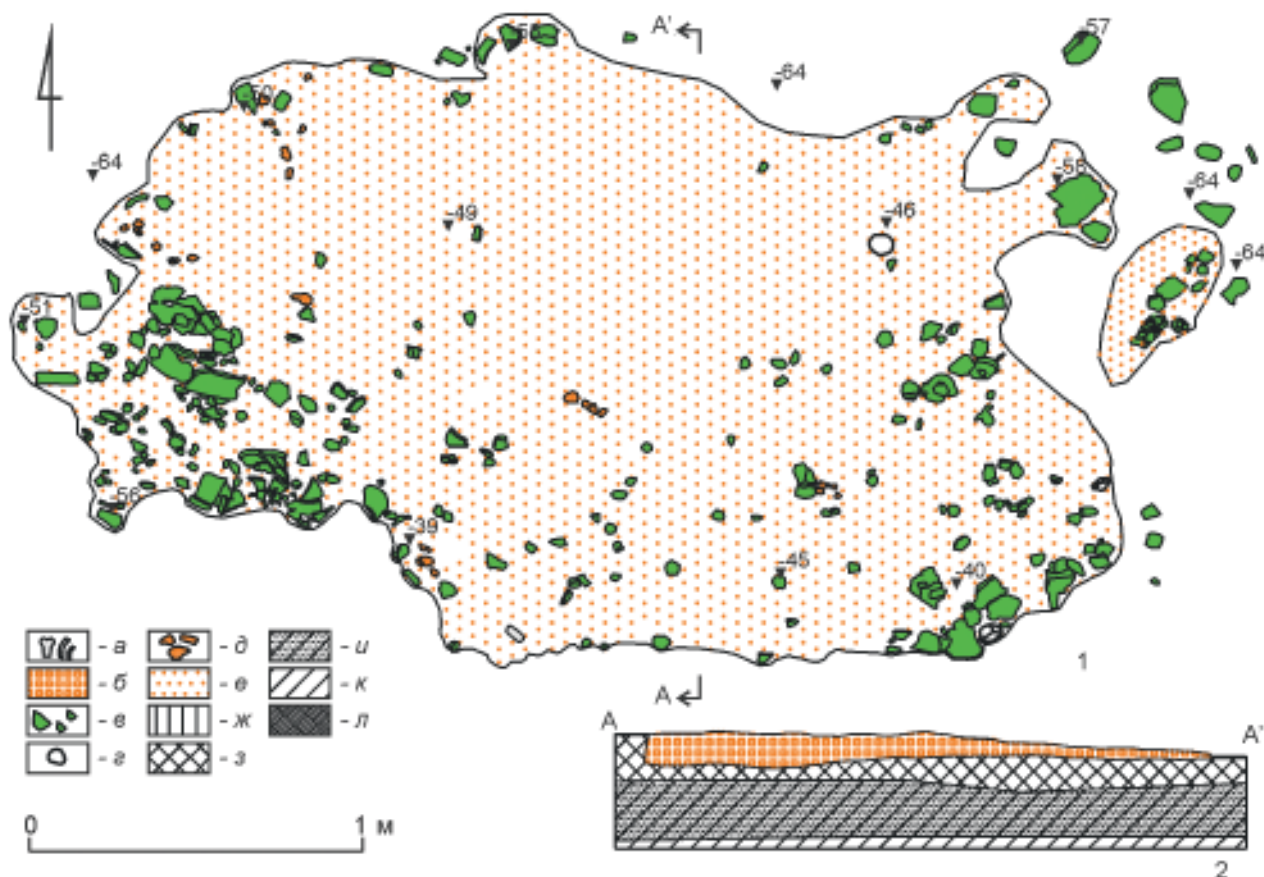
Fig. 8. Settlement of Zheleznodorozhnoye-1. Early-Maeotic horizon. Imported ware:

1–5 — fragments of redware plates; 6–13 — glossed ware: 6, 7 — kylikes; 8 — alabaster; 9 — fragment of the upper body of a beaker of the 'Phaleron' form; 10 — fragment of a beaker-like kantharos of the Lancut Group; 11 — fragment of South-Ionian vessel in the Fikellura style, "Running Man" Group; 12 — foot of a black-glossed bowl; 13 — foot of an Ionian vessel; 1–13 — ceramics

(Cook, 1936. P. 46–51; Cook, Dupont, 1998. P. 78–86; Schauss, 1986. P. 251–296). Не менее любопытен и поддон чернолаковой чаши (рис. 8, 12), близкий к сосудам, найденным на Афинской агоре среди материалов последней четверти VI в. до н. э. (Sparkes, Talcott, 1970. Nr. 401, 415). Находки фрагментов подобных чаш известны на Кубани (Лимберис,

Марченко, 2012. С. 48. Рис. 26, 3; Иванов, Сударев, 2018. Рис. 1). Рассматриваемый фрагмент найден в одном комплексе с крупным кольцевым поддоном ионийского сосуда (рис. 8, 13), однако ввиду плохой сохранности лака найти аналогии последнему не удалось.

Некоторые объекты раннемеотского горизонта интерпретированы нами как жилища,

Рис. 9. Поселение Железнодорожное-1. Жилище раннемаеотского времени: 1 — план жилища (а — фрагменты костей животных; б — слой, включающий фрагменты турлука; в — фрагменты керамики; з — камни; д — фрагменты турлука; е — скопление мелких фрагментов турлука и турлучной крошки; ж — грунт темно-серого цвета; з — культурный слой темно-серого цвета; и — желто-коричневый суглинок, слабо насыщенный археологическими остатками с включениями белоглазки; к — желто-коричневый суглинок, слабо насыщенный археологическими остатками; л — материк); 2 — разрез А-А'

Fig. 9. Settlement of Zheleznodorozhnoye-1. Dwelling of Early-Maeotic period: 1 — plan of the dwelling (а — fragments of animal bones; б — layer containing fragments of turluk; в — fragments of pottery; з — stones; д — fragments of turluk; е — accumulation of small fragments of turluk and crumbled turluk; ж — dark-grey soil; з — dark-grey cultural layer; и — yellow-brown loam with sparse archaeological remains and inclusions of white-eye soil; к — yellow-brown loam with sparse archaeological remains; л — virgin soil); 2 — section A-A'

отличающиеся плотным скоплением турлучной обмазки разной сохранности, на площади которой зафиксированы развалившиеся комья турлука, целые и зачастую пережженные его фрагменты, мелкие частицы и турлучная крошка. Именно в пределах этой площади встречены многочисленные находки керамики. Жилища были вытянутой подпрямоугольной и квадратной форм.

Прямоугольное жилище (рис. 9, 1) имело размеры около 4 × 2 м. Среди находок — фрагменты лепной посуды, красноглиняной

тарелки с клювовидным венцом, горло амфоры на сложнопрофилированной ножке и невыразительный фрагмент венчика чернолакового сосуда (рис. 10, 1–6), укладываемые в первую половину V в. до н. э.

Второе жилище имело по углам опорную столбовую конструкцию, от которой сохранились столбовые ямки (рис. 10). Размеры жилища составили 4 × 4 м, с незначительными расхождениями, однако его турлучный развал занимал площадь около 7 × 8 м, что связано с процессом разрушения стен или

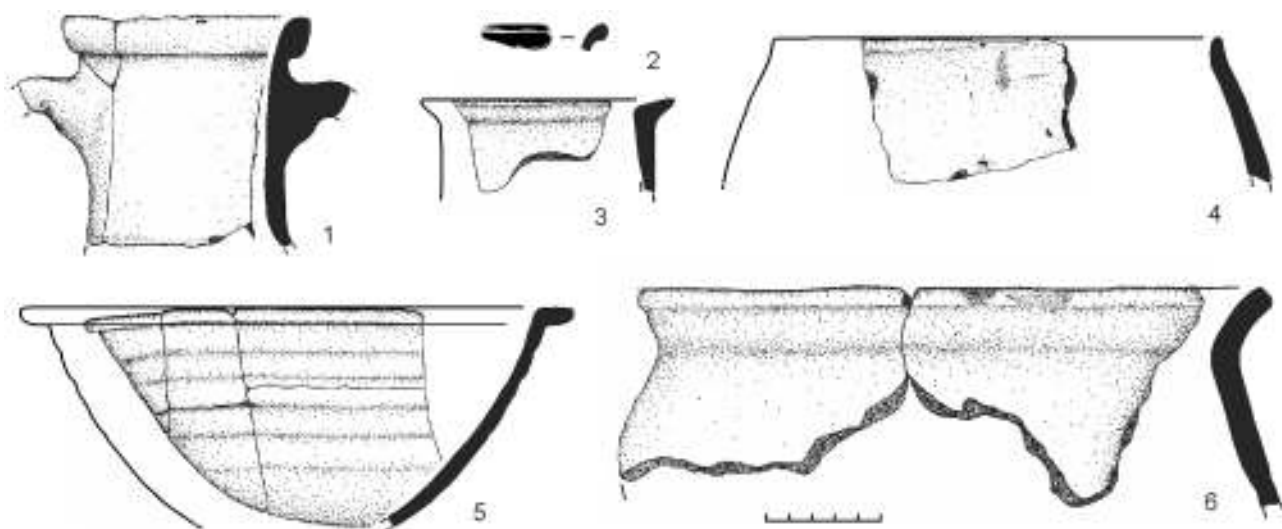

Рис. 10. Поселение Железнодорожное-1. 1–6 — находки из жилища: 1 — фрагмент горла амфоры на сложнопрофилированной ножке; 2 — фрагмент венчика чернолакового сосуда; 3 — фрагмент лепной корчаги; 4, 6 — фрагменты лепных горшков; 5 — фрагмент красноглиняной тарелки. 1–6 — керамика
 Fig. 10. Settlement of Zheleznodorozhnoye-1. 1–6 — finds from the dwelling: 1 — fragment of the neck of an amphora on profiled foot; 2 — fragment of the rim of a black-glossed vessel; 3 — fragment of a handmade earthenware storage vessel; 4, 6 — fragments of handmade pots; 5 — fragment of a redware plate. 1–6 — ceramics

оседания турлука (рис 11, 1). Очаг располагался у юго-восточной стенки жилища, где обнаружено много золы, а многие обломки турлука пережжены. Перечислим некоторые из многочисленных находок, обнаруженных в пределах жилища.

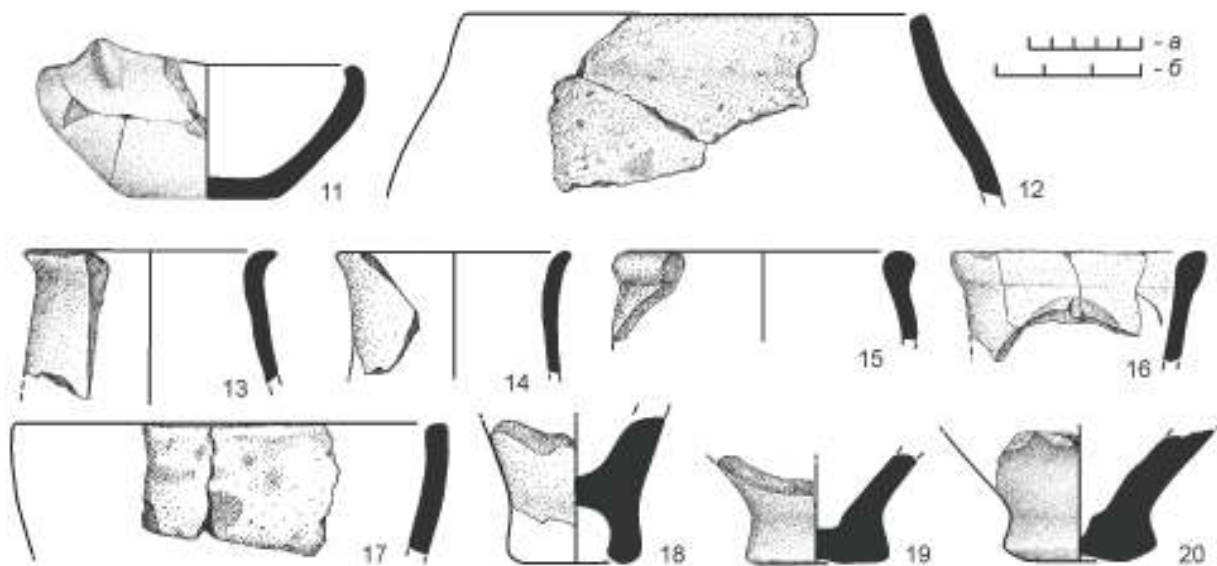
Среди посуды выделяется полный профиль лепной миски с налетом на венчике (рис. 11, 11). Такие миски относятся к типу III ранней серии, по классификации Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко (Лимберис, Марченко, 2012. С. 42–43. Рис. 23, 9–11). Амфорный материал представлен профильными частями клазоменских, хиосских пухлогорлых и протофасосских амфор (рис. 11, 15, 16, 18–20). Среди значительного количества лаковой посуды выделим сильно стертое донце лакового ионийского сосуда (рис. 11, 9) и серию фрагментов чашевидных скифосов (*cup-skiphos*) с чернофигурной росписью группы мастера Хаймона (рис. 11, 5–8) первой четверти V в. до н. э. (Вдовиченко, 2008. С. 82–83; Лимберис, Марченко, 2012. С. 48).

Из находок выделяются кремневая ножевидная пластина (рис. 11, 4) и бронзовая

полусферическая бляшка-пуговица, украшенная соляным знаком — ромбом (рис. 11, 3). Такие бляшки распространены в предскифское время, имеют множественные аналогии и согласно В. Р. Эрлиху относятся к варианту 5 (Эрлих, 2007. С. 131–132. Рис. 195). В раннеэотское время традиция использования таких бляшек продолжается, но соляный орнамент на них исчезает. Обращает на себя внимание сильная стертость щитка нашей бляшки, что свидетельствует о длительном ее использовании, с чем и следует связывать ее находку в комплексе.

Важно отметить, что в заполнении жилища обнаружены многочисленные обломки железной крицы. Производство железа было кустарным, как, в частности, и гончарное производство, следы которого известны на местных памятниках (Иванов, Сударев, 2018. С. 108). Находка железной крицы на поселении является единственным прямым свидетельством обработки черного металла на раннеэотских памятниках Западной Кубани.

Рис. 11. Поселение Железнодорожное-1. Жилище раннемеотского времени с опорной столбовой конструкцией: 1–2 — план и разрез жилища (условные обозначения см. на рис. 9); 3–20 — находки из жилища: 3 — полусферическая бляшка-пуговица; 4 — ножевидная пластина; 5–8 — фрагменты чашевидных скифосов с чернофигурной росписью группы мастера Хаймона; 9 — фрагмент лакового ионийского сосуда; 10 — донце чернолакового сосуда; 11 — миска с налетом на венчике; 12–14, 17 — фрагменты лепных кухонных сосудов; 15, 16, 18–20 — фрагменты амфор.
Масштабы: а — к № 3, 4; б — к № 5–20. 3 — бронза; 4 — кремнь; 5–20 — керамика

Fig. 11. Settlement of Zheleznodorozhnoye-1. Dwelling of the Early-Maeotic period with supporting pillar construction: 1–2 — plan and section of the dwelling (for keys see Fig. 9); 3–20 — finds from the dwelling: 3 — hemispherical plaque/button; 4 — knife-like plate; 5–8 — fragments of cup-shaped skyphoi with black-figured painting of the Haimon Painter Group; 9 — fragment of a glossed Ionian vessel; 10 — bottom of a black-glossed vessel; 11 — bowl with applied clay on the rim; 12–14, 17 — fragments of handmade kitchenware; 15, 16, 18–20 — amphora fragments.

Scale: а — nos. 3, 4; б — nos. 5–20. 3 — bronze; 4 — flint; 5–20 — ceramics

Итоги. Поселение Железнодорожное-1 является неукрепленным небольшим сельским поселением, на котором засвидетельствованы домостроительство и металлообработка. В раннем железном веке место под поселение было использовано дважды. Первый этап приходится на VIII в. до н.э. и связан с протомеотами. Затем наблюдается хронологическая лакуна примерно в полтора столетия. Время основания на этом месте раннемеотского поселения приходится на середину VI в. до н.э. Без особых потрясений, отраженных в археологическом материале, поселок просуществовал до середины V в. до н.э. Таким образом можно говорить примерно о столетии, в пределах которого функционировало раннемеотское поселение.

Рассмотренный в статье памятник имеет важное значение. До настоящего времени в Крымском районе протомеотские поселения не были известны. Сейчас известен как минимум еще один такой памятник — исследованное в 2015 г. М. В. Ивановым поселение Первомайское, материалы которого пока не введены в научный оборот. Таким

образом, два поселения (Железнодорожное-1 и Первомайское) и раскопанный могильник Железнодорожный-2, который, судя по его положению относится к рассмотренному поселению, дали новые фундированные данные о культуре оседлых варваров этой территории в предскифское время.

Что касается ранних меотов, то поселений этого времени в западных областях Кубани раскопано совсем немного. Отметим работы на поселениях Виноградный 1 и Красное (Шевченко, 2004; 2013; Иванов, Сударев, 2018), материалы которых давали несколько иную картину, отражая реалии V в. до н.э. Считалось, что памятники ранних меотов в регионе появляются на рубеже VI–V вв. до н.э., при этом VI в. до н.э. был исключен (Иванов, 2016. С. 262–263). Между тем, как показали исследования поселения Железнодорожное-1, раннемеотский горизонт оказался на полвека древнее предложенных ранее хронологических границ, что существенно расширяет наши представления о начальном этапе заселения меотами Западного Закубанья.

Абрамов, 2008 — Абрамов А. П. Опыт изучения торговых связей Патрея VI–V вв. до н.э.: Рукопись дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

Анфимов, 1951 — Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской //

Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1951. С. 155–207 (МИА. № 23).

Беглова и др., 1997 — Беглова Е. А., Орловская Л. Б., Сорокина И. А. Протомеотские древности в Закубанье // МИАР. М., 1997. № 1. С. 71–80.

- Бокий, Ольховский*, 1994 — *Бокий Н. М., Ольховский В. С.* Раннескифский курган на Днепровском Правобережье // РА. 1994. № 2. С. 151–163.
- Бочковой и др.*, 2005 — *Бочковой В. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // Материалы по археологии Кубани. Краснодар: Изд-во КГУ, 2005. Вып. 5. С. 172–218.
- Вдовиченко*, 2008 — *Вдовиченко И. И.* Античные расписные вазы в Северном Причерноморье. Симферополь: СОНАТ, 2008. 352 с.
- Гайдукевич*, 1959 — *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов) // Некрополи боспорских городов / Под ред. В. Ф. Гайдукевича. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 154–238 (МИА. № 69).
- Зеест*, 1960 — *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 180 с.
- Иванов*, 2013 — *Иванов А. В.* О погребениях предскифского времени из раскопок курганной группы «Фурожан-3» // Шестая международная Кубанская археологическая конференция (Новороссийск, 29 сентября — 4 октября 2013 г.): Материалы конференции. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 150–153.
- Иванов, Сударев*, 2018 — *Иванов А. В., Сударев Н. И.* «Урочище Самойленко» — поселение в Синдике (предварительное сообщение) // XIX Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации: Материалы МНК / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: Б. и., 2018. С. 179–183.
- Клещенко*, 2013 — *Клещенко А. А.* Суворовская катакомбная культура: предварительная характеристика // КСИА. М.: Языки славянской культуры, 2013. Вып. 228. С. 171–190.
- Кондрашев*, 1987 — *Кондрашев А. В.* Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок грунтового могильника в станице Старокорсунской (Советский район г. Краснодара) в 1986 г. Краснодар // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. 11370. 1987.
- Лесков и др.*, 2005 — *Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтowa И. В., Эрлих В. Р.* Меоты Закубанья в середине VI — начале III века до н. э. Некрополи аула Уляп: погребальные комплексы. М.: Наука, 2005. 192 с.
- Лимберис, Марченко*, 2012 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Меотские древности VI–V вв. до н. э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар: Традиция, 2012. 312 с.: ил., цв. ил.
- Лимберис, Марченко*, 2014 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Новые протомеотские комплексы Закубанья (могильник Железнодорожный-2) // АВ. СПб.: Арт-Экспресс, 2014. Вып. 20. С. 165–182.
- Марковин*, 1997 — *Марковин В. И.* Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.: Б. и., 1997. 402 с.: ил.
- Мокрушин и др.*, 2016 — *Мокрушин В. П., Нарожный Е. И., Соков П. В.* О внутренней топографии поселения XIII–XV вв. (Крымский район Краснодарского края. Предварительные наблюдения) // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: Материалы VII МК, посв. памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова / Под ред. С. Г. Бочарова и А. Г. Ситдикова. Казань; Ялта; Кишинев: Р.Р. Stratum Plus, 2016. С. 221–224.
- Монахов*, 1999 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999. 679 с.
- Монахов*, 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.: Киммериды; Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 350 с.: ил.
- Монахов и др.*, 2016 — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б.* Амфоры VI–II вв. до н. э. из собраний Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника: Каталог. Керчь; Саратов: Новый проект, 2016. 222 с.: ил.

- Нарожный, Соков*, 2014 — *Нарожный Е. И., Соков П. В.* Могильники № 1 и № 2 золотоордынского времени поселения «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края) // Тр. IV (XX) Всерос. археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. III. С. 407–410.
- Нарожный, Соков*, 2017 — *Нарожный Е. И., Соков П. В.* Предметы вооружения из культурного слоя поселений Железнодорожное-1 и 2 (XIII–XV вв.) (Крымский район Краснодарского края) // Тр. V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе: В 3 т. / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2017. Т. II. С. 283–286.
- Рябкова*, 2016 — *Рябкова Т. В.* Поселение Тарасова Балка — памятник раннего железного века в Закубанье // XXIX Крупновские чтения. Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа: Материалы МНК (Грозный, 18–21 апреля 2016 г.) / Отв. ред. М. Х. Багаев, Х. М. Мамаев. Грозный: Изд-во Чеченского гос. ун-та, 2016. С. 108–111.
- Смирнов*, 1958 — *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник у станицы Пашковской // Памятники скифо-сарматского времени в северном Причерноморье / Ред. К. Ф. Смирнов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 272–312 (МИА. № 64).
- Трифонов*, 1991 — *Трифонов В. А.* Батурицкий вариант предкавказской катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья: Источники, проблемы, исследования: Сб. науч. тр. / Отв. ред. С. Н. Братченко. Киев: Респ. ассоц. молодых ученых и специалистов АН Украины, 1991. С. 101–116.
- Шарафутдинова*, 1989 — *Шарафутдинова Э. С.* Двуслойное поселение Красногвардейское II — памятник эпохи поздней бронзы — начала раннего железа // Меоты — предки адыгов / Отв. ред. Н. В. Анфимов. Майкоп: Адыгейский НИИЭЯЛИ, 1989. С. 46–73.
- Шевченко*, 2004 — *Шевченко Н. Ф.* Виноградный 1 — поселение эпохи эллинизма в степном Закубанье // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. V Боспорские чтения, 20–24 мая 2004 г.: Сб. науч. материалов / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Б. и., 2004. С. 414–419.
- Шевченко*, 2013 — *Шевченко Н. Ф.* Культурные сооружения типа ботросов на поселении Виноградный-1 // Древности Западного Кавказа / Отв. ред. Н. Е. Берлизов. Краснодар: Краснодарский гос. историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына, 2013. Вып. 1. С. 97–113.
- Эрлих*, 2007 — *Эрлих В. Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.: ил.
- Cook*, 1936 — *Cook R. M.* Fikellura Pottery // The Annual of the British School at Athens. London: MacMillan, 1933–1934. Vol. 34. P. 1–99.
- Cook, Dupont*, 1998 — *Cook R. M., Dupont P.* East Greek Pottery. London; New York: Routledge, 1998. Pp. xxix + 226, figs. 94, maps 2.
- Johnston*, 1990 — *Johnston A. W.* Aegina. Aphaia-Tempel XIII. The Storage Amphorae // *Archäologischer Anzeiger*. Berlin: W. de Gruyter, 1990. Hf. 1. S. 37–64.
- Roberts*, 1986 — *Roberts S. R.* The Stoa Gutter Well. A Late Archaic Deposit from a Well in the Athenian Agora // *Hesperia*. 1986. Vol. 55. No. 1. P. 1–74.
- Rotroff, Oakley*, 1992 — *Rotroff S. I., Oakley J. H.* Debris from a public dining place in the Athenian Agora. Princeton, New Jersey: American School of Classical Studies at Athens, 1992. 154 p. (*Hesperia*: Supplement. Vol. 25).
- Schauss*, 1986 — *Schauss G. P.* Two Fikellura Vase Painters // The Annual of the British School at Athens. 1986. Vol. 81. P. 251–295.
- Sparkes, Talcott*, 1970 — *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. Princeton, New Jersey: American School of Classical Studies at Athens, 1970. 500 p., 100 pls, 25 figs. (The Athenian Agora. Vol. XII).

About the horizon of the Early Iron Age at the settlement of Zheleznodorozhnoye-1 explored in the western Trans-Kuban area

A. V. Ivanov, E. I. Narozhny, P. V. Sokov

This paper describes the results of investigations at the settlement of Zheleznodorozhnoye-1 excavated in Krym District of Krasnodar Region, Russia (Fig. 1). At the site, five chronological horizons dated from the Bronze Age to the Middle Ages have been distinguished, but the main attention is focused on finds of the Early Iron Age. The first horizon is dated to the Middle Bronze Age but it is represented by only isolated fragments of pottery (Fig. 2). The second horizon is attributable to a proto-Maeotian group of sites. From this layer, diverse handmade ware has been retrieved — scoops, mugs, bowls, large earthenware storage vessels and pots (Fig. 3). The parallels here presented allow us to date the proto-Maeotian horizon to the 8th century BC. The third horizon, in terms of its culture, is associated with the early Maeotae. It is marked by numerous fragments of local handmade pottery, amphorae and glossed and plain tableware (Fig. 4–8). On the basis of these finds, this phase of occupation is datable to within the chronological range from the mid-6th century BC to the first half of the 5th century BC. Within this layer, numerous objects which mostly were household pits were uncovered. Along with the pits, two dwellings were excavated (Fig. 9, 10, 11). Within their limits, numerous finds were encountered including a bloom clearly providing evidence for the presence of metal working here. The materials from the site of Zheleznodorozhnoye-1 supplement our knowledge of the culture of settled barbarians in the pre-Scythian and early Maeotian period and expand our notions of the initial phase of settling of the western Trans-Kuban region by the Maeotae.

Амфорные клейма из раскопок поселения Вышестеблиевская-3 на Таманском полуострове в 2013 г.¹

С. В. Кашаев, Н. А. Павличенко²

Аннотация. В статье вводится в научный оборот коллекция амфорных клейм (69 экз.), найденных на поселении Вышестеблиевская-3 (Темрюкский р-н Краснодарского края) в 2013 г. В нее входят клейма причерноморских и средиземноморских центров производства: Гераклеи Понтийской — 28 экз., Фасоса — 16 экз., Синопы — 14 экз., Родоса — 4 экз., Херсонеса Таврического — 3 экз., группы Зенона В — 1 экз., Коса — 1 экз., Аканфа — 1 экз., неопределенного центра производства — 1 экз., датируемые временем с 90-х гг. IV в. до н. э. по конец III в. до н. э.

Annotation. This paper is a scientific publication of a collection of amphora stamps (69 specimens) found in 2013 at the settlement-site of Vyshesteblievskaya-3 (Temryuk district of Krasnodar Kray, Russia). The collection includes stamps on amphorae from Black Sea and Mediterranean manufacturing centres: Heraclea Pontica — 28 specimens, Thasos — 16 specimens, Sinope — 14 specimens, Rhodes — 4 specimens, Tauric Chersonesos — 3 specimens, Zenon B group — 1 specimen, Kos — 1 specimen, Akanthos — 1 specimen, an unidentified manufacturing centre — 1 specimen. All the stamps are datable from the 390s BC to the late 3rd century BC.

Ключевые слова: античность, Таманский п-ов, поселение Вышестеблиевская-3, греческие амфоры, амфорные клейма.

Keywords: Classical Period, Taman Peninsula, site of Vyshesteblievskaya-3, Greek amphorae, amphora stamps.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-77-94

В июне–сентябре 2013 г. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН провел охранные археологические исследования поселения Вышестеблиевская-3 на территории Вышестеблиевского сельского округа (Темрюкский р-н Краснодарского края) (Кашаев,

2014. С. 26–30; Kashaev, 2015. P. 151–153; Кашаев, 2015а. С. 118–127).

Поселение расположено на равнинной территории между станциями Вышестеблиевская и Старотитаровская. Оно вытянуто с северо-запада на юго-восток, очертания его границ неправильные, занимаемая площадь по форме близка к трапеции. Размеры памятника — 540 × 500 м. Центральная и южная части поселения расположены на пахотных полях, северная — на территории виноградников. В южной части поселения пересекают железная дорога и линия электропередач.

Раскоп площадью 3000 кв. м (6 × 500 м) был ориентирован с запада на восток вдоль линии железной дороги. В соответствии с сеткой квадратов он был разбит на 50 участков

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы: 0184-2019-0005. «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН, Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: Кашаев С. В. — kashaev@mail.ru; Павличенко Н. А. — nat.pavlichenko@gmail.com.

размерами 6 × 10 м каждый. В процессе раскопок были обнаружены 31 хозяйственная яма и объект, получивший условное наименование «Ров», датируются они V–I вв. до н. э.

В западной части раскопа на участках 1–14 обнаружены комплексы и находки, относящиеся к первой половине V в. до н. э. В восточной части — на участках 27–47 — комплексы и находки, относящиеся к концу V–I вв. до н. э. Зафиксированное топографическое и хронологическое разделение материала может маркировать границы поселения для обозначенных исторических периодов, отражать динамику его освоения. На основании датировок археологических комплексов можно заключить, что жизнь на исследованном участке поселения существовала с самого начала V в. до н. э. Этим временем датируются восемь хозяйственных ям.

Наиболее активная жизнедеятельность на поселении фиксируется для периода с конца V до первой трети III в. до н. э., к этому времени относится 18 комплексов. Далее наблюдается небольшой хронологический разрыв. Примерно в конце III — начале II в. до н. э. жизнь на поселении возрождается и существует до начала I в. до н. э., к этому времени относятся четыре комплекса. Еще два открытых комплекса принадлежат времени хозяйственного освоения этой территории во второй половине XX в. Основную массу находок в культурном слое и в исследованных комплексах составляют фрагменты керамических сосудов, большая часть которых принадлежала тарным амфорам греческого производства. В небольшом количестве встречены фрагменты лепной керамики, столовых гончарных сосудов и единичные фрагменты чернолаковых сосудов, а также кости животных. Большинство амфорных фрагментов представлены обломками красноглиняных амфор Хиоса, Лесбоса, Фасоса, Гераклеи, Синопы.

К ранним типам относятся хиосские пухлогорлые, на сложнопрофилированном кольцевом поддоне (протофасосские), лесбосские амфоры, датируемые первой половиной V в. до н. э. К более позднему периоду относятся хиосские прямогорлые и колпачковые, синоп-

ские, гераклейские, фасосские, родосские амфоры IV–II вв. до н. э. Суммарно все находки из культурного слоя и обнаруженных комплексов можно отнести к началу V–I вв. до н. э.

Близкую хронологическую картину дают выводы, сделанные на основе анализа нумизматических материалов. Весь полученный при раскопках нумизматический материал четко распределяется на три хронологические группы³.

I группа относится к последней четверти IV — середине второй четверти III в. до н. э. Это самая многочисленная группа — 27 экземпляров, представленная различными типами.

II группа датируется первой половиной II в. до н. э. Этот период представлен только одним типом монет и включает шесть экземпляров.

III группа включает находки конца II — первой половины I в. до н. э. — время правления Митридата Евпатора. Данная группа наиболее разнообразна в типологическом отношении, представлена восемью экземплярами.

Подобная дискретность монетного материала позволяет высказать предположение о некоторой цикличности существования поселения Вышестеблиевская-3, во всяком случае на территории, вскрытой археологическими исследованиями. Конечно, это не означает, что жизнь здесь полностью прекращалась. Скорее всего, на протяжении существования поселения его территория изменялась, а центр активности смещался.

Хотя работами 2013 г. была затронута, по всей видимости, только южная окраина поселения, среди находок есть яркие вещи, например краснофигурный килик первой четверти IV в. до н. э., возможно, Йенского мастера или его школы (Кашаев, 2015б. С. 268–275), и два остракона с многострочными граффити (Кашаев, Павличенко, 2016. С. 12–32; Kashaev, Pavlichenko, 2015. P. 61–79). Кроме того, из раскопок поселения Выше-

³ Авторы выражают искреннюю признательность А. Е. Терещенко, определившему нумизматический материал.

стеблиевская-3 происходит и достаточно представительная коллекция керамических клейм, которую мы полагаем целесообразным ввести в научный оборот, предваряя будущую подробную публикацию всех групп материала. Коллекция керамических клейм насчитывает 69 экземпляров. Основную часть коллекции составляют клейма Гераклеи Понтийской — 28 экземпляра, Фасоса — 16 экземпляров, Синопы — 14 экземпляров. Остальные центры представлены несколькими штампами: Херсонес Таврический — три экземпляра, Родос — четыре экземпляра, группа Зенона В — один экземпляр, Кос — один экземпляр, Аканф — один экземпляр, неопределенный центр производства — один экземпляр. Следует отметить уникальный, не вошедший в IOSPE. III и, по-видимому, до сих пор не встречавшийся гераклеийский штамп с необычной для Гераклеи Понтийской эмблемой «фимиатерий» и имитацией греческой надписи (рисунок 1. 39). Клейма находились в переотложенном слое и, главным образом, на небольших фрагментах амфорных ручек и горл, причем сами штампы также зачастую сильно повреждены. Поэтому довольно много клейм не могут быть восстановлены полностью и, следовательно, их датировка возможна только в широких пределах бытования той или иной хронологической группы или даже периода клеймения амфор того или иного производственного центра.

Самыми ранними являются клейма фасосских магистратов Μνημέ(ας), Κτῆσις, Λεωγ(--), датируемые 390–380 гг. до н. э., и гераклеийских «фабрикантов» Ἀρχέλας, Καλλίας и Ὀνασος. В. И. Кац (Кац, 2007. С. 237 сл., 429) и вслед за ним С. Ю. Монахов (Монахов и др., 2016. С. 33) относят клейма гераклеийских «фабрикантов» ранней фабрикантской группы по В. И. Кацу к 415 — середине 90-х гг. IV в. до н. э. Однако учитывая отсутствие комплексов конца V в. до н. э., в которых присутствовали бы эти штампы, более рациональной представляется прежняя точка зрения С. Ю. Монахова, который полагал, что клеймение в Гераклее начинается не позднее

второй половины 90-х гг., «причем фабрикантское клеймение осуществляется наряду с магистратским (по крайней мере при первых четырех–пяти чиновниках)» (Монахов, 1999. С. 161). В последнее время эта датировка была поддержана также Ив. Гарланом, П. Балабановым, А. Аврамом (Garlan, 2013. P. 259–263; Balabanov, Garlan, Avram, 2016. P. 89; ср. Федосеев, 2016. С. 33). В опубликованной недавно статье С. Ю. Монахов присоединяется к мнению западных коллег (Монахов и др., 2018. С. 67).

Самыми поздними, по-видимому, являются родосские штампы, относящиеся к последней четверти III в. до н. э. и клеймо синопского астинома Πόσις τοῦ Στρατονίκου, деятельность которого датируется Н. Коновичи 210-ми гг. до н. э., а В. И. Кацем — 190-ми гг. до н. э.

Гераклеийские клейма датируются временем от середины 90-х до 20-х гг. IV в. до н. э. с преобладанием штампов первой половины века. Фасосские клейма датируются временем от 390-х гг. до времени ок. 290 г. до н. э., и большая часть оттисков также датируется первой половиной IV в. Синопские клейма датируются временем от 50-х гг. IV в. до н. э. (инв. № 237) до 90-х гг. II в. до н. э.

Учитывая размеры и малую степень изученности поселения, и то, что работами 2013 г. была затронута только небольшая часть его окраины, вряд ли корректно делать окончательные выводы об объеме и источниках экспорта продуктов в амфорной таре, поступавших на это поселение. Можно отметить разве что необычное превалирование гераклеийских штампов.

Приложение 1

Керамические клейма из раскопок поселения Вышестеблиевская-3 в 2013 г.

Фасос

1. Кв. 55, шт. 1, оп. 342/10, инв. № 230 (рис. 1, 1).
[Μνημ]έ(ας)
[Θα]σίω(ν)
Εὐρυά(ναξ)

Μνημέ(ας). Конец 390-х — 380-е гг. до н. э., Gr. B (*Garlan*, 1999. P. 112); конец 380-х гг. до н. э., Per. I (*Tzochev*, 2016. P. 79–80).
Аналогии: *Garlan*, 1999. P. 133. № 194.

2. Яма № 22, шт. 6, оп. 411/16, инв. № 176 (рис. 1, 2).

Κτῆσις
Θασίω(ν)

[Ἀ]ρισ(ταγόρης)

Κτῆσις. Конец 390-х — 380-е гг. до н. э., Gr. B (*Garlan*, 1999. P. 112); начало 380-х гг. до н. э., Per. I (*Tzochev*, 2016. P. 79–80).

Аналогии: *Garlan*, 1999. P. 119. № 117.

3. Кв. 84, шт. 3, оп. 229/9, инв. № 232 (рис. 1, 3).

[Λε]ωγ(--)

[Θα]σι(--)

[Θρα]σ(ωνίδης)

Λεωγ(--). Конец 390-х — 380-е гг. до н. э., Gr. B (*Garlan*, 1999. P. 112); рубеж 380-х — 370-х гг. до н. э., Per. I (*Tzochev*, 2016. P. 79–80).

Аналогии: *Garlan*, 1999. P. 127. № 164.

4. Яма № 22, оп. 415/15, инв. № 177 (рис. 1, 4).

Λεω[γ(--)]

Θασ[ι(--)]

Φιλ[ω(νίδης)]

Λεωγ(--). Конец 390-х — 380-е гг. до н. э., Gr. B (*Garlan*, 1999. P. 112); рубеж 380-х — 370-х гг. до н. э., Per. I (*Tzochev*, 2016. P. 79–80).

Аналогии: *Garlan*, 1999. P. 129. № 173.

5. Яма № 22, шт. 6, оп. 411/17, инв. № 175 (рис. 1, 5).

Ἀριστο/μέ(νης) Ἀριστο/φά(νης) Θα/σίωv

Надпись расположена по четырем сторонам вокруг эмблемы «Геракл-лучник →».

Ἀριστομένης. Начало 370-х гг. до н. э., Gr. C (*Garlan*, 1999. P. 153); середина 370-х гг. до н. э., Per. I (*Tzochev*, 2016. P. 79–80).

Аналогии: *Garlan*, 1999. P. 156. № 314.

6. Яма № 21, оп. 413/17, инв. № 302 (рис. 1, 6).
[Ἀριστο]/[μέ(νης) Ἀ]ρ[ιστο]/φ[ά(νης)]Θα/σίωv

Надпись расположена по четырем сторонам вокруг эмблемы «Геракл-лучник →». См. № 5.

7. Яма № 22, шт. 6, оп. 411/18, инв. № 174 (рис. 1, 7).

Ἀριστο/[μέ(νης) Ἀριστο]/[φά(νης)] Θα/σίωv

Надпись расположена по четырем сторонам вокруг эмблемы «Геракл-лучник →».

См. № 5.

8. Ров, шт. 8, оп. 366/30, инв. № 123 (рис. 1, 8).

Θασίωv

Δ

Κλειτός

Κλειτός. Середина 350-х гг. до н. э., Per. II (*Tzochev*, 2016. P. 80).

Аналогии: *Придик*, 1917. С. 44. № 182–183; *Монахов*, 1999. С. 518 (пос. Панское I, усадьба № 6).

9. Ров, шт. 10, оп. 363/37, инв. № 124 (рис. 1, 9).

Σάτυρο(ς)/ [Θασι--]/Μέ[γ/ω(ν)] лист плюща.
Μέγων II. 360–350 гг. до н. э., Gr. F1 (*Garlan*, 1999. P. 201); конец 350-х гг. до н. э., Per. II (*Tzochev*, 2016. P. 80).

Аналогии: *Garlan*, 1999. P. 205. № 536.

10. Ров, шт. 9, оп. 364/37, инв. № 134 (рис. 1, 10).

[Θάσιον]

[фиала, треножник]

Εὐ[ρου]άν(αξ)

На горле.

360–350 гг. до н. э., Gr. F1 (*Garlan*, 1999.

P. 201); рубеж 350-х — 340-х гг. до н. э., Per. II (*Tzochev*, 2016. P. 80).

Аналогии: *Garlan*, 1999. P. 214. № 585.

11. Ров, шт. 7, оп. 365/29, инв. № 122 (рис. 1, 11).

[Θ]άσι[ον]/ [Δ]α[μάστης]

поножи

Θράσι[ππος]

Δαμάστης 2. 350–345 гг. до н.э., Gr. F2 (*Garlan*, 1999. P. 238); середина 340-х гг. до н.э., Per. II (*Tzochev*, 2016. P. 80).

Аналогии: *Garlan*, 1999. P. 239. № 707.

12. Ров, шт. 6, оп. 361/22, инв. № 130 (рис. 1, 12).

[Θασί]ωv

рог изобилия →

Κρατίνο

Κρατίνοc. Ок. 290 г. до н.э. (*Avram*, 1996. P. 59); Per. VI (*Tzochev*, 2016. P. 81–82).

Аналогии: *Брашинский*, 1980. С. 151. № 97; *Avram*, 1996. P. 131. № 361.

Рис. 1. Поселение Вышестеблиевская-3. Амфорные клейма Фасоса (здесь и далее приведены номера по Приложению 1)

Fig. 1. Site of Vyshesteblievskaya-3. Amphora stamps of Thasos (here and below, nos. are given according to Appendix 1)

13. Кв. 74, шт. 4, оп. 259/4, инв. № 233 (рис. 1, 13).
[--]τι Θα/σ(--)/ Φα[--] вокруг эмблемы «кратер с волютами».

14. Кв. 86, шт. 1, оп. 221/9, инв. № 238 (рис. 1, 14).
[-- Θα]σίων в центре остатки эмблемы.
На горле.

15. Яма № 21, оп. 413/18, инв. № 303 (рис. 1, 15).
Θασίω[v--].

16. Яма № 31, оп. 400/51, инв. № 280 (рис. 1, 16).
Сохранилась только часть рамки.

Гераклея Понтийская

17. Кв. 54дл, шт. 2, оп. 298/16, инв. № 244
(рис. 2, 17).
[Βοάθου].

[ἐπι] Ἀμφικρά(του)

20-е гг. IV в. до н.э., группа VA (Каш, 2007. С. 430).

Рис. 2. Поселение Вышестеблиевская-3. Амфорные клейма Гераклеи Понтийской
Fig. 2. Site of Vyshesteblievskaya-3. Amphora stamps of Heraclea Pontica

Аналогии: IOSPE. III: № 67 с неправильным чтением 1-й строки το Αθου; *Брашинский*, 1984. С. 194. Прил. I, табл. 7. 285 — 1-я строка не прочитана; Нимфей, Государственный Эрмитаж № Нф. 72. 100, Нф. 72. 37⁴.

18. Яма № 26, оп. 370/8, инв. № 69 (рис. 2, 18). Εὐφραῖος.

палица→

ἐπὶ Ἀνδρο(νίκο)

60-е гг. IV в. до н. э., группа IIIA (*Кац*, 2007. С. 429); 355–349 гг. до н. э. (*Монахов и др.*, 2016. С. 155).

Аналогии: IOSPE. III № 77; *Молев*, 2010. С. 273. № 305. Табл. 96, 305; *Федосеев*, 2016. С. 49. № 152–153).

19. Ров, шт. 5, оп. 360/63, инв. № 135 (рис. 2, 19). [ἐ]πὶ Ἀν[δρο]νίκο, в центре крупная М или Σ. Надпись по кругу.

60-е гг. IV вв. до н. э., группа IIIA (*Кац*, 2007. С. 429); 355–349 гг. до н. э. (*Монахов и др.*, 2016. С. 155).

Аналогии: *Гаврилов*, 2011. С. 99. № 243–244; ср. *Брашинский*, 1980. С. 176. № 454–455 (И. Б. Брашинский отмечает две эмблемы — Σ и «палица»); *Федосеев*, 2016. С. 99. № 768–770 (эмблема «палица»).

20. Ров, шт. 6, оп. 361/20, инв. № 131 (рис. 2, 20). ἐπὶ Διον[υ(σίου)]. Παύσ]ων ретроградно, по кругу.

Магистрат Διονύσιος 2. 360-е гг. до н. э., группа IIIA (*Кац*, 2007. С. 429).

Аналогии: IOSPE. III № 165–168; *Брашинский*, 1980. С. 119. № 111–112 (курган № 5 группы «Пять братьев» Елизаветовского могильника, тризна № 2). С. 169. № 364–367; *Монахов*, 1999. С. 327–329. Табл. 140. 3; *Гаврилов*, 2011. С. 86. № 88–89); *Кац*, 2014. № 667–668 (80–81); *Полин*, 2014. С. 302; *Федосеев*, 2016. С. 64. № 335–339; *Монахов и др.*, 2016. С. 153. № НР. 43.

21. Ров, шт. 7, оп. 365/33, инв. № 139 (рис. 2, 21). [ἐπὶ Θεδώρο].

[Φ]ιλίσκο[ς]

320-е гг. до н. э., группа VA (*Кац*, 2007. С. 429).

Аналогии: IOSPE. III. № 185; *Gramatopul*, *Роепару-Bordea*, 1968. С. 59. № 79; *Buzoianu*, 1992. Р. 131. № 109. Pl. II; *Полин*, 2010. С. 273. Рис. 3, 3 (Николаевка, погребение № 22); *Полин*, 2014. С. 581 (Паркань, курган № 1); *Федосеев*, 2016. С. 68. № 380–383.

22. Кв. 59, шт. 1, оп. 170/1, инв. № 250 (рис. 2, 22).

[Αρίστω]ν. /ἐπὶ Καρ/[ακύδεος]

По сторонам треугольника, в центре эмблема «гроздь».

60-е гг. IV в. до н. э., группа IIIA (*Кац*, 2007. С. 429).

Аналогии: IOSPE. III. № 206, с неправильным чтением; *Брашинский*, 1980. С. 171. № 399–403; *Самойлова*, *Редина*, 1997. С. 59–60.

Табл. 1, 17, 18; *Гаврилов*, 2011. С. 92. № 217; *Федосеев*, 2016. С. 73. № 452–453; *Полин*, 2010. С. 343 (Цыганка, курган № 2).

23. Кв. 83, шт. 6, оп. 389/8, инв. № 226 (рис. 2, 23).

Εὐφραῖος.

палица→

ἐπὶ Σατύρο

Начало 50-х гг. IV в. до н. э., группа IIIB (*Кац*, 2007. С. 429). Новый штамп. Клейма магистрата Сатира сопровождаются эмблемами «тирс», «палица», «кадуцей», «палица + дельфин», «полумесяц + палица».

24. Кв. 72, шт. 1, оп. 255/11, инв. № 248 (рис. 2, 24).

Διο палица ↑ νυ(σίου).

Κερ(κίνο)

В поле ромба.

Магистрат Κερκίνοc. 70-е гг. IV в. до н. э., группа IIIB (*Кац*, 2007. С. 429).

Аналогии: IOSPE. III. № 699; *Федосеев*, 2016. № 1289–1290; *Гаврилов*, 2011. С. 76. № 146); *Монахов*, 1999. С. 301–302. Табл. 126, 2, 5, эмблема не отмечена (Ливенцовский могильник, курган 16).

25. Яма № 21, инв. № 304 (рис. 2, 25).

[Διο]νυ-

[σ]ίου. Στ(ύφωνος)

⁴ Авторы выражают искреннюю признательность О. Ю. Соколовой, начальнику Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа, за разрешение упомянуть неопубликованные клейма.

Магистрат Στύφων. 70-е гг. IV в. до н. э., группа ПБ (Кац, 2007. С. 429).

Аналогии: Брашинский, 1980. С. 157. № 170; Кац, 2015. № 820; Федосеев, 2014. С. 151. № 1340–1352.

26. Ров, шт. 7, оп. 365/32, инв. № 136 (рис. 2, 26).

Εὐάρχ-
ο. Διο(--)

Магистрат Διονύσιος 1, группа ПА, 380-е гг. до н. э. (Кац, 2007. С. 429);

Аналогии: IOSPE. III. № 745–746; Полин, 2014. С. 419 (Суворовское, курган № 12, тризна); Федосеев, 2016. С. 153. № 1381 (Н. Ф. Федосеев относит этот штамп к эпониму Διονύσιος 2 — гр. ПША, 360-е гг. до н. э. (Кац, 2007. С. 429).

27. Кв. 46, шт. 2, оп. 282/11, инв. № 249 (рис. 2, 27).

δω[ρος]

Ἦρο[ό: Κερ(κίνο)]

Начало во 2-й строке, после Ἦρο- знак интерпункции в виде двух точек.

Магистрат Κερκίνοc. 70-е гг. IV в. до н. э., группа ПБ (Кац, 2007. С. 429); 370–366 гг. до н. э. (Монахов, 1999. С. 632, 633).

Аналогии: IOSPE. III. № 846–848; Гаврилов, 2011. С. 103. № 262 с неправильным чтением; Федосеев, 2016. С. 169. № 1542–1544; Монахов и др., 2016. С. 48, 144. № НР. 26 (комплекс из помещения Керчь, ул. 23 мая 1919 г., д. 104, раскопки А. Л. Ермолина 2002 г.).

28. Кв. 46, шт. 3, оп. 217/7, инв. № 240 (рис. 2, 28).

[δωρ]ος].

[Ἦρο:]Κερ(κίνο)

Начало во 2-й строке, после Ἦρο- знак интерпункции в виде двух точек.

См. № 27.

29. Яма № 31, оп. 400/59, инв. № 279 (рис. 2, 29).

Θεώ[νι(χος) лист].

Αἰσ[ψι(--)]

30-е гг. IV в. до н. э., группа IVB (Кац, 2007. С. 430).

Аналогии: Федосеев, 2016. С. 171. № 1590–1591.

30. Кв. 48, шт. 2, оп. 168/12, инв. № 239 (рис. 2, 30).

Σιλ[ανῶ].

Σ[τύφων]

Магистрат Στύφων. 70-е гг. IV в. до н. э., группа ПБ (Кац, 2007. С. 429).

Аналогии: IOSPE. III. № 1082–1084; Марти, Шкорпил, 1910. С. 151. № 271; Федосеев, 2016. С. 204. № 1899–1900.

31. Яма № 10, оп. 371/22, инв. № 70 (рис. 2, 32).

Ἄ-

ρχ-
[έ]λα

в поле листа, 2-я строка ретроградно.

Середина 390-х — середина 380-х гг. до н. э. (Монахов, 1999. С. 161; Монахов и др., 2017. С. 33; Garlan, 2013. P. 259–263; Balabanov et al., 2016. P. 89).

Аналогии: IOSPE № 1294–1298; Штаерман, 1951. С. 34. № 28; Золотарев, 1996. С. 42;

Монахов и др., 2017. С. 33–35. Рис. 10, 6 (надскальный слой в I квартале Херсонеса, раскопки М. И. Золотарева 1977 г.); Монахов и др., 2017. С. 121. № НР. 8 (все приведенные С. Ю. Монаховым аналогии относятся к другому штампу — IOSPE № 1292–1293, в котором надпись помещена в поле листа с прочерченным черешком).

32. Ров, шт. 7, оп. 365/31, инв. № 137 (рис. 2, 32).

Διοv-

υ[σίο] ретроградно.

Середина 390-х — середина 380-х гг. до н. э. (Монахов, 1999. С. 161; Garlan, 2013.

P. 259–263; Balabanov et al., 2016. P. 89).

Аналогии: Монахов, 1999. С. 165–167.

Табл. 57, 2, 3 (курган № 9 Елизаветовского могильника, 1909 г.); Федосеев, 2016. С. 229.

№ 2178–2179; Balabanov et al., 2016. P. 144. № 104.

33. Ров, шт. 7, оп. 365/30, инв. № 133 (рис. 3, 33).

[Ἦρακ]λείδα ретроградно.

Ἦρακλείδας 6 (Кац, 2015. № 876 (289)). Начало последней четверти IV в. до н. э. (Монахов, 1999. С. 440). В. И. Кац суммарно датирует «фабрикантов» своей поздней фабрикантской группы концом IV — первой четвертью III в. до н. э. (Кац, 2007. С. 430).

Аналогии: Монахов, 1999. С. 438–440.

Табл. 190, 2 (Бegliцкий некрополь, комплекс II 1990 г.); Кац, 2015. № 876 (289); Полин, 2014. С. 514; Федосеев, 2016. С. 238. № 2325.

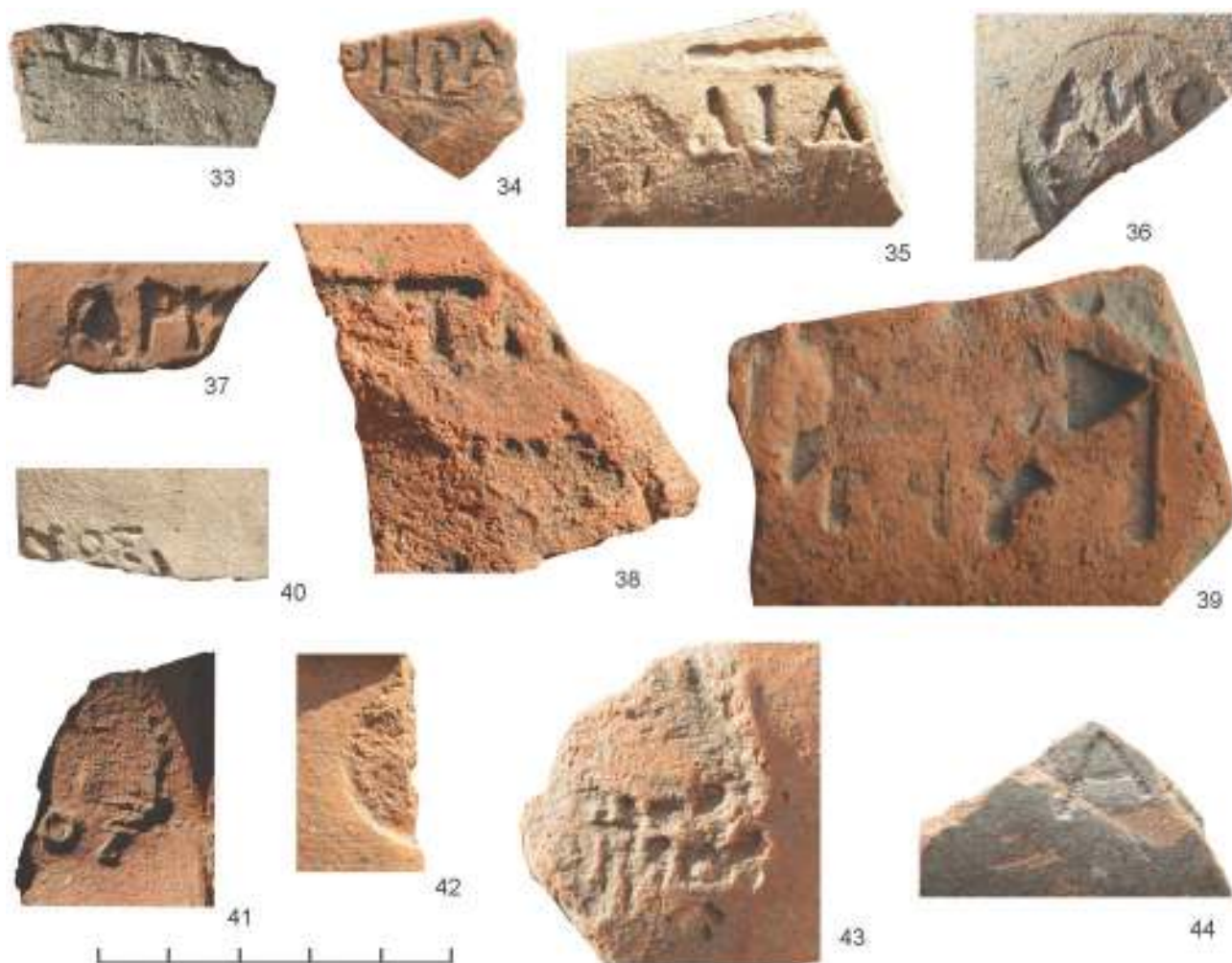

Рис. 3. Поселение Вышестеблиевская-3. Амфорные клейма Гераклеи Понтийской

Fig. 3. Site of Vyshesteblievskaya-3. Amphora stamps of Heraclea Pontica

34. Кв. 47, шт. 1, оп. 287/11, инв. № 241 (рис. 3, 34).

Ἐηραί[ο]

Фабрикантское клеймо, этот «фабрикант» встречается в штампах магистрата Алкета 70-х гг. IV в. до н. э., группа ПБ (Кац, 2007. С. 429).

Аналогии: IOSPE. III. № 1655; *Vicovala*, 1967, С. 10 с неправильным чтением; *Гаврилов*, 2011. С. 56. № 48; *Федосеев*, 2016. С. 241. № 2352–2355.

35. Яма № 22, оп. 411/19, инв. № 173 (рис. 3, 35).

[Καλ]-

палица →

λία

Середина 390-х — середина 380-х гг. до н. э.

(*Монахов*, 1999. С. 161; *Garlan*, 2013. Р. 259–263; *Balabanov et al.*, 2016. Р. 89). Один из самых распространенных в Северном Причерноморье штампов ранней фабрикантской группы, различающихся направлением и типом эмблемы «палица».

Аналогии: IOSPE. III. № 1671–1690; *Монахов*, 1999. С. 203–205 (склад 1968 г. с о-ва Березань); *Balabanov et al.*, 2016. Р. 148; *Монахов и др.*, 2017. С. 29. Рис. 5, 6 (землянка в помещении № 42а (1989 г.) в III квартале Херсонеса, раскопки М. И. Золотарева). С. 38. Рис. 13, 6; *Монахов и др.*, 2018. С. 63, 64. Рис. 2.

36. Ров, шт. 8, оп. 366/27, инв. № 132 (рис. 3, 36). Ὀνά/[σο] или Ὀνα/[σος] ретроградно. Надпись в поле круга.

Середина 390-х — середина 380-х гг. до н. э.
(*Монахов*, 1999. С. 161; *Garlan*, 2013. Р. 259–263; *Balabanov et al.*, 2016. Р. 89).

Аналогии: *Čistov, Domžalski*, 2001. Р. 134.
Tabl. 3, 22; *Федосеев*, 2016. С. 247. № 2420.

37. Яма № 23, оп. 401/26, инв. № 157 (рис. 3, 37).

Αῤῖσ[--]
[--]

38. Кв. 56, шт. 1, оп. 347/10, инв. № 242
(рис. 3, 38).

[Ἄτ]της
[--]

Фабрикант Ἄττης 2 засвидетельствован
в клеймах Ἀνδρόνικος, Καρακύδης,
Λυσίθεος, Σκύθας и других магистратов
60–50-х гг. IV в. до н. э.

39. Кв. 56, шт. 1, оп. 347/11, инв. № 243
(рис. 3, 39).

[--]
фимиатерий
ΓΡΥ
Новый штамп.

40. Кв. 60, шт. 1, оп. 169/9, инв. № 252 (рис. 3, 40).

[--]ρος
[--]

41. Ров, шт. 6, оп. 361/21, инв. № 138 (рис. 3, 41).

[--] неясная эмблема (?)
[--]ος

42. Яма № 23, оп. 401/37, инв. № 158 (рис. 3, 42).
Не читается, сильно смазано.

43. Кв. 46, шт. 2, оп. 282/12, инв. № 245 (рис. 3, 43).

[--]
[--]ωνος сдвоено.

44. Кв. 56, шт. 4, оп. 311/14, инв. № 246 (рис. 3,
44).

Α(--)
Гераклея (?).
Аналогии: *Брашинский*, 1980. С. 177.
№ 477–478. С. 238. Табл. XXX.

Синопа

45. оп. 365/54, инв. № 125 (рис. 4, 45).

[Αἰσχίνο]
[ἀστυ]νο(--). [голубь→]
[Ποσειδω(--)]

Астином Αἰσχίνης 2. 340–330-е гг. до н. э.,
Gr. If (*Conovici*, 1998. Р. 25, 51); 30-е гг. IV в.
до н. э., группа ΠΑ (*Кац*, 2007. С. 434).

Аналогии: IOSPE. III. № 797–814; *Брашинский*, 1980. С. 181. № 563; *Conovici*, 1998. Р. 56,
по. 22.

46. Кв. 58, шт. 2, оп. 296/16, инв. № 237 (рис. 4, 46).

Ποσειδω(--). орел
ἐπὶ Ἀπολλ- на дельфине ←
οδω(--) ἀστυ(--)

Астином Ἀπολλόδορος 1. 350-е гг. до н. э.,
Gr. Ic (*Conovici*, 1998. Р. 24, 51); 50-е гг. IV в. до
н. э., группа ΙΒ (*Кац*, 2007. С. 434).

Аналогии: IOSPE. III. № 117–134; *Кругликова*,
Виноградов, 1973. С. 50. № 1; *Vizoianni*,
Chelujă-Georgescu, 1983. Р. 180. № 81. Fig. 2, 81
(на черепице); *Соколова*, 1986. С. 55. № 30;
Кутайсов, 2004. С. 257. Рис. 54, 11.

47. Яма № 31, оп. 400/57, инв. № 278 (рис. 4, 47).

[ἀσ]τυν[ομοῦντος]
Βόρου[ς].

бородатая голова → Ποσειδω(νίου).

Астином Βόρους 1. На горле амфоры дипинто
в виде буквы *каппа* красной краской.

280-е гг. до н. э., Gr. ΠΙD (*Conovici*, 1998. Р. 38,
51); 80-е гг. III в. до н. э., группа ΙVС (*Кац*,
2007. С. 435).

Аналогии: IOSPE. III. № 1887–1889; *Федосеев*,
2004. С. 379. № 53.

48. Ров, шт. 7, оп. 365/35, инв. № 127 (рис. 4, 48).

Ἴκεσί[ο]υ [слон ←, гроздь, колос]
ἀστυν[όμου].

Σαγά[ριος]

Астином Ἴκέσιος 1. Конец 290-х гг. до н. э.,
Gr. ΠΙ (*Conovici*, 1998. Р. 38, 51); конец IV —
начало III в. до н. э., группа ΠΙС (*Кац*, 2007.
С. 434).

Аналогии: IOSPE. III. № 4253–4262; *Пругло*,
1967. С. 46. № 21; *Молев*, 2000. С. 295. № 56.

49. Ров, шт. 6, оп. 361/19, инв. № 121 (рис. 4, 49).

[Ἴκεσί]ου слон ←, гроздь, колос
[ἀστυνό]μου.

[Σαγά]ριος

См. № 48.

50. Ров, шт. 1, оп. 340/29, инв. № 140 (рис. 4, 50).

[Ἰστικῶνος]

Рис. 4. Поселение Вышестеблиевская-3. Амфорные клейма Синопы

Fig. 4. Site of Vyshesteblievskaya-3. Amphora stamps of Sinope

[ἀστυνόμ]ου
[Ἀριστα]γόρου
[τοῦ Πολύκ]το(ρος) αμφορα.
Астином Ἰστικῶν⁵. Середина 310-х гг. до н. э.,
Gr. IIB (Conovici, 1998. P. 33, 51); 10-е гг. IV в.
до н. э., группа IIIB (Кац, 2007. С. 434).

⁵ Восстановление Н. Ф. Федосеева. Авторы статьи выражают искреннюю признательность за помощь в восстановлении этого клейма.

51. Ров, шт. 8, оп. 366/29, инв. № 128 (рис. 4, 51).
[Πολυ]χάρμου гроздь, канфар
[ἀστυ]νό(μο).
[Στεφά]νου
Астином Πολύχαρμος. 290-е гг. до н. э.,
Gr. IID (Conovici, 1998. P. 33, 51);
начало III в. до н. э., группа IIIC
(Кац, 2007. С. 434).
Аналогии (с эмблемами «венки, канфар»):
IOSPE. III. № 6489; Пругло, 1967. С. 47. № 29.

52. Оп. 372/17, инв. № 78 (рис. 4, 52).

Ручка амфоры с клеймом:
ἀστυνομοῦντος неясная эмблема,
Πόσιος τοῦ ← голова Афины
Στρατονίκου.
Ἀπολλών[ος]

Астином Πόσιος τοῦ Στρατονίκου. 210-е гг. до н. э., Gr. VD (*Conovici*, 1998. P. 49, 51); 90-е гг. II в. до н. э., группа VIIВ (*Кац*, 2007. С. 436).

Аналогии: IOSPE. III. № 7010–7012; *Кайдаш, Тауци*, 1997. С. 242, 243. № 10; *Conovici*, 1998. P. 152. № 581 (с эмблемой «голова Афины →»); *Vizoianu, Bărbulescu*, 2008. P. 307. Nos. S 446–447. Pl. XX, XXIII.

53. Яма № 27, оп. 369/11, инв. № 40 (рис. 4, 53).

[ἀστυνό]μου голова
Πυθοκλέους. Силена ←
Πύθης

Астином Πυθοκλής. Около 280 г. до н. э., Gr. IIIд (*Conovici*, 1998. P. 38, 51); конец 80-х гг. III в. до н. э., группа IVС (*Кац*, 2007. С. 435). Аналогии с именем астинома в 1-й строке: IOSPE. III. № 7296–7302; *Брашинский*, 1980. С. 192. № 672; *Conovici*, 1998. P. 67. № 69.

54. Кв. 78, шт. 1, оп. 329/22, инв. № 228 (рис. 4, 54).

[Λεωκρίτου]
[ἀ]στυ(νόμου) ойнохоя
[Σωσ]ία

Восстановление предположительно.

55. Кв. 65, шт. 1, оп. 129/2, инв. № 234 (рис. 4, 55).

[ἀστυνομοῦ]ντος
[Δημητρίου]

[--]голова Геракла →

Восстановление предположительно.

56. Яма № 20, оп. 412/24, инв. № 288 (рис. 4, 56).

[ἀστυνομοῦντος]
[Πόσιος τ]οῦ ← голова Афины,
[Στρατο]νίκου неясная эмблема
[--]

Восстановление предположительно. См. № 52.

57. Ров, шт. 9, оп. 364/35, инв. № 129 (рис. 4, 57).

Монограмма ΘΕΥ(--)(?).

Аналогии: IOSPE. III. № 9018–9021; *Conovici*, 1998. P. 158. № 611. Монограмма ΘΕΥ(--)
встречается на амфорах и черепице

в сочетании с клеймами астиномов

Ἀριστοκλής и Θεαρίων (*Шкорпил*, 1914. С. 122–123. № 11, 13, 14. С. 127), Ἀπολλόδωρος (*Золотарев*, 1979. С. 66. № 2), Γύριπτος (*Кутайсов, Смекалова*, 2013. С. 20, 76. Рис. 65, δ), Μίκος (IOSPE. III. № 5302).

58. Ров, шт. 8, оп. 366/28, инв. № 126 (рис. 4, 58).

Монограмма ΘΕΥ(--).

См. № 57.

Херсонес Таврический

59. Яма № 31, оп. 400/58, инв. № 281 (рис. 5, 59).

Νάν[ωνος]

ἀστ[υνόμου] монограмма ПАТ или ПΑΣΙ
Клеймо желобчатое. 304–295 гг. до н. э., группа IB (*Кац*, 2007. С. 442); 321–304 гг. до н. э. (*Stolba*, 2005. P. 168. Tabl. 2); около 298 г.

до н. э. (*Внуков, Ефремов*, 2017. С. 54. № 202).

Аналогии: *Кац*, 1994. С. 105. № 80. С. 126.

№ 34. Табл. XXXIV. 1–80, 4 (В. И. Кац раскрывает монограмму как ПАТ, на наш взгляд, это, скорее, ПАСИ); *Монахов*, 1999. С. 464 (яма 1966 г. из Нимфея); *Там же*. С. 522 (усадыба № 46 Гераклеяского п-ова); *Там же*. С. 525 (усадыба № 25 Гераклеяского п-ова); *Монахов и др.*, 2017. С. 42 (гончарные мастерские Херсонеса 1955–1957 гг.); *Там же*. С. 105. № 80. Табл. XXXIV. 1–80, 1.

60. Кв. 72, шт. 2, оп. 262/1, инв. № 229 (рис. 5, 60).

[Νικ]έα Η[ροудίτου]

[ἀσ]τυνο[μοῦντος]

Клеймо желобчатое. Сигма лунарная. 272–266 гг. до н. э., группа IВ (*Кац*, 2007. С. 442); 274–270 гг. до н. э. (*Stolba*, 2005. P. 169. Tabl. 2).

Аналогии: *Борисова*, 1974. С. 118. № 89.

Табл. X, 10; *Кац*, 1994. С. 106. № 86. Табл.

XXXVI. 1–86, 2; (*Федосеев*, 2010. С. 571, 578.

№ 10. Рис. 4, 9 (Елизаветовское городище, помещение № 52 здания № 13); *Мирчев*, 1958. С. 50. № 227).

61. Кв. 66, шт. 1, оп. 142/2, инв. № 231 (рис. 5, 61).

Остатки желобчатого клейма.

Родос

62. Яма № 20, оп. 412/26, инв. № 287 (рис. 5, 62).

ἐπί Τιμο-
κλε[ί]δα

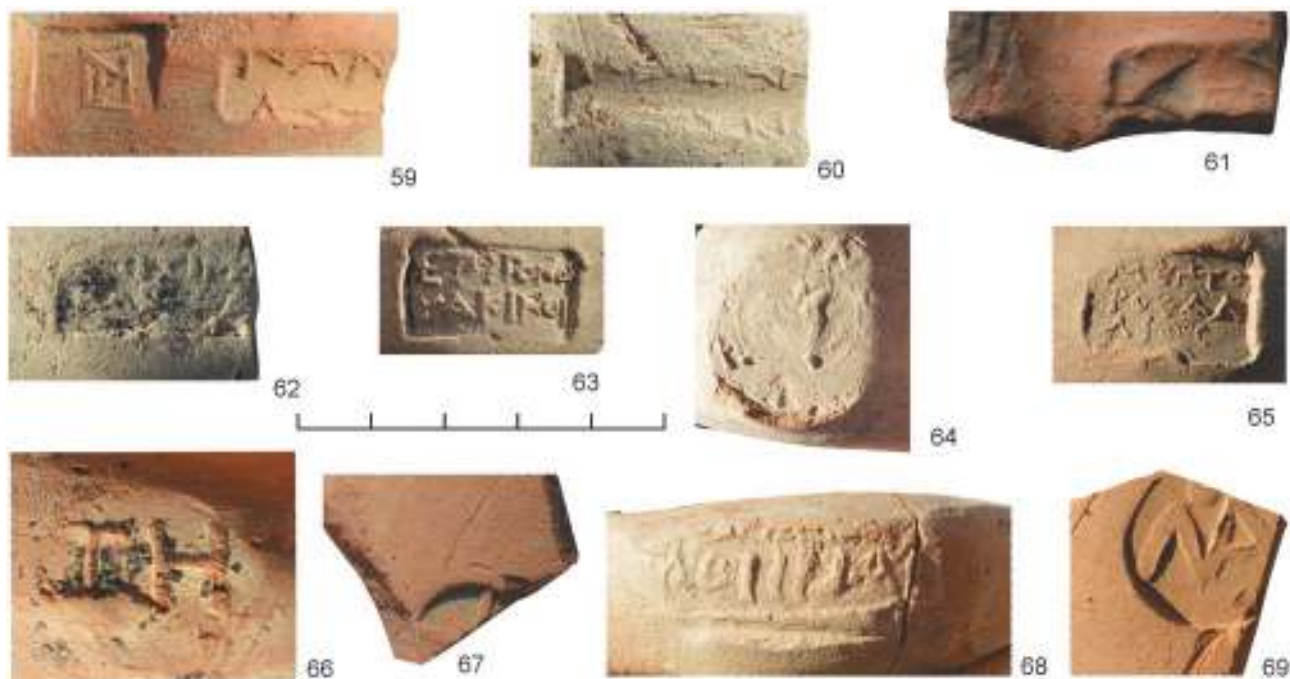

Рис. 5. Поселение Вышестеблиевская-3. Амфорные клейма разных центров

Fig. 5. Site of Vyshesteblievskaya-3. Amphora stamps of different centres

Около 220 г. до н. э., Gr. IIa (*Finkielsztejn*, 2001. P. 191).

Аналогии: *Conovici, Irimia*, 1991. P. 163. No. 277); *Cancardeş-Şenol*, 2017. P. 103; RE-TIMOKΛEIDΑΣ-019; Александрия (штамп RE-TIMOKLEIDAS-015, inv. no. ALEX ABC 0223.41 [MGR P, 205 48] — [Электронный ресурс]. URL: http://www.amphoralex.org/timbres/eponymes/accueil_epon/affiche_L_un-nom.php. (Дата обращения: 28. 04. 2019).

63. Яма № 20, оп. 412/33, инв. № 286 (рис. 5, 63). Ἐπίγονος Ὑακινθίου
Клеймо фабриканта Ἐπίγονος 1. 234–199 гг. до н. э., Gr. II (*Finkielsztejn*, 2001. P. 190).

64. Яма № 20, оп. 412/22, инв. № 289 (рис. 5, 64). Ζήνων[ος]
Круглое клеймо фабриканта Ζήνων 1, надпись вокруг эмблемы «цветок граната». Омега курсивная.
Около 234–199 гг. до н. э., Gr. II (*Finkielsztejn*, 2001. P. 58, 191).

Аналогии: *Шелов*, 1975. С. 102. № 359; *Conovici, Irimia*, 1991. P. 165. Nos. 301, 302;

Buzoianu, Bărbulescu, 2008. P. 316. No. S 525. Pl. XXV).

65. Яма № 20, оп. 412/25, инв. № 285 (рис. 5, 65). Μέντορος Δάλιος
Клеймо фабриканта Μέντωρ. Эпсилон и сигма лунарные. Около 234–199 гг. до н. э., Gr. II (*Finkielsztejn*, 2001. P. 191).

Аналогии: *Buzoianu, Bărbulescu*, 2008. P. 319. Nos. S 558–559. Pl. XXVI; 268. No. A 53. Pl. VI — клеймо Ментора в сочетании с клеймом магистрата Поликрата.

Книд (группа Зенона «В»)

66. Яма № 20, оп. 412/28, инв. № 284 (рис. 5, 66). Ζήνων
80–60-е гг. III в. до н. э. (*Кац*, 2007. С. 225); конец III — начало II в. до н. э. (*Buzoianu, Bărbulescu*, 2008. P. 133, 134); вторая — третья четверть III в. до н. э. (*Madzharov, Stoyanov*, 2018. P. 146).

Аналогии: *Grace*, 1985. P. 19. Note 46; *Börker, Burow*, 1998. P. 57. Nr. 553; *Buzoianu, Bărbulescu*, 2008. P. 133, 321. No. S 581.

Pl. XXIX; *Madzharov, Stoyanov*, 2018. P. 142.
Fig. 1, 2.

Аканф

67. Кв. А, Б-64, шт. 1, оп. 269/20, инв. № 251
(рис. 5, 67).

На горле. Сохранилась незначительная часть
клейма.

Кос

68. 1. Яма № 16, оп. 408/7, инв. № 178 (рис. 5, 68).
Нечитаемое.

Неопределенные центры

69. Кв. А, Б-84, оп. 394/6, инв. № 227 (рис. 5, 69).

Хиос (?). Рельефное, в поле круга монограм-
ма МА (возможно также чтение АЛ или ЛА)
с точкой (?) над монограммой.

Аналогии: *Голенцов, Петерс*, 1981. С. 221.

№ 55. Рис. 4, 55. А. В. Гаврилов считает ана-
логичный штамп хиосским (*Гаврилов*, 2011.
С. 177. № 671).

Приложение 2 Индекс личных имен

Α(--) — гер., 44.

Αἰσιμι(--) — гер., 29.

Αἰσχίνης — син., 45.

Ἀμφίκρατος — гер., 17.

Ἀνδρόνικος — гер., 18, 19.

Ἀπολλόδωρος — син., 46.

Ἀπολλώνιος — син., 52.

Ἀρισ(ταγόρης) — фас., 2.

Ἀριστάγορος τοῦ Πολύκτο(ρος) — син., 50.

Ἀριστομένης — фас., 5, 6, 7.

Ἀριστο/φά(νης) — фас., 5, 6, 7.

Ἀρίστων — гер., 22.

Ἀρχέλας — гер., 31.

Ἄττης — гер., 38.

Βόαθος — гер., 17.

Βόρυς — син., 47.

Δαμάστης — фас., 11.

Δημήτριος — син., 55.

Διο(--) — гер., 26.

Διονύσιος — гер., 20, 24, 25, 32.

Ἐπίγονος — род., 63.

Εὔαρχος — гер., 26.

Εὐρυά(ναξ) — фас., 1, 10.

Εὐφραῖος — гер., 18, 23.

Ζη(--) — кн., 66.

Ζήνων — род., 64.

Ἡρακλείδας — гер., 33.

Ἡρόγειτος — херс., 60.

Ἡρόδωρος — гер., 27, 28.

Θέδωρος — гер., 21.

ΘΕΥ(--) — син., 57, 58.

Θεώνι(χος) — гер., 29.

Θηραῖος — гер., 34.

Θράσιππος — фас., 11.

Θρασ(ωνίδης) — фас., 3.

Ἰκέσιος — син., 48, 49.

Ἰστικῶν — син., 50.

Καλλίας — гер., 35.

Καρακύδης — гер., 22.

Κερ(κίνος) — гер., 27, 28.

Κερκίνος — гер., 24.

Κλεῖτος — фас., 8.

Κρατῖνος — фас., 12.

Κτήσι(ς) — фас., 2.

Λεωγ(--) — фас., 3, 4.

Λεώκριτος — син., 54.

Μέγων — фас., 9.

Μέντωρ — род., 65.

Μνημέ(ας) — фас., 1.

Νάνων — херс., 59.

Νικέας — херс., 60.

Ἵονασος — гер., 36.

ΠΑΤ(--) / ΠΑΣΙ(--) — херс., 59.

Παύσων — гер., 20.

Πολύκτωρ — см. Ἀριστάγορας τοῦ Πολύκτο(ρος)

Πολύχαρμος — син., 51.

Ποσειδώνιος — син., 45, 46, 47.

Πόσις τοῦ Στρατονίκου — син., 52, 56.

Πυθοκλῆς — син., 53.

Πύθης — син., 53.

Σάγαρις — син., 48, 49.

Σάτυρος — фас., 9; гер., 23.

Σιланός — гер., 30.

Στέφανος — син., 51.

Στρατόνικος — см. Πόσις τοῦ Στρατονίκου.

Στ(ύφων) — гер., 25.

Στύφων — гер., 30.

Σωσίας — син., 54.

Τιμοκλείδας — род., 62.

Φιλίσκος — гер., 21.

Φιλω(νίδης) — фас., 4.

- Борисова*, 1974 — *Борисова В. В.* Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор // *НЭ*. 1974. Т. 11. С. 99–124.
- Брашинский*, 1980 — *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980. 268 с.
- Брашинский*, 1984 — *Брашинский И. Б.* Методы исследования античной торговли. М.: Наука, 1984. 248 с.
- Былкова*, 1992 — *Былкова В. П.* Закрытый комплекс амфорной тары с поселения «усадыба Литвиненко» на Днепровском лимане // *Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье*, 1992. Вып. 3. С. 130–136.
- Внуков, Ефремов*, 2017 — *Внуков С. Ю., Ефремов Н. В.* Керамические клейма из раскопок городища Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // *Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований* / Ред. Ю. П. Зайцев. Симферополь: Тарпан, 2017. С. 19–120.
- Гаврилов*, 2011 — *Гаврилов А. В.* Амфорные клейма округа античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников). Донецк: Донбасс, 2011. 348 с. (Археологический альманах. № 24).
- Голенцов, Петерс*, 1981 — *Голенцов А. С., Петерс Б. Г.* Керамические клейма из раскопок Феодосии 1975–1977 гг. // *СА*. 1981. № 2. С. 207–222.
- Золотарев*, 1979 — *Золотарев М. И.* Керамические клейма из раскопок северо-восточного района Херсонеса в 1974–1975 гг. // *КСИА*. 1979. Вып. 159: Античный мир и его периферия. С. 66–73.
- Золотарев*, 1996 — *Золотарев М. И.* О двух этапах строительства в северо-восточном районе Херсонеса в IV в. до н. э. // *Херсонесский сборник*. Т. VII / Ред. И. А. Антонова. Севастополь, 1996. С. 37–48.
- Кайдаш, Тащи*, 1997 — *Кайдаш А. Е., Тащи Е. Ф.* Синопские амфорные клейма второй половины III в. до н. э. // *Никоний и античный мир Северного Причерноморья: Сб. науч. ст. Международной археологической конференции (Одесса, 1 января — 31 декабря 1997 г.)* / Отв. ред. С. Б. Охотников. Одесса: Ветаком, 1997. С. 241–244.
- Кац*, 1994 — *Кац В. И.* Керамические клейма Херсонеса Таврического: Каталог-определитель. Саратов: Изд-во Саратовского ГУ, 1994. 170 с.
- Кац*, 2007 — *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь: Крымское отделение Института востоковедения, 2007. 480 с. (Боспорские исследования. № 18).
- Кац*, 2015 — *Кац В. И.* Керамические клейма азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора, Семибратнее городище: Каталог. Саратов: Изд-во Саратовского ГУ, 2015. 180 с.: ил.
- Кашаев*, 2014 — *Кашаев С. В.* Раскопки поселения Вышестеблиевская-3 на Таманском полуострове // *Актуальная археология 2. Археология в современном мире: в контакте и в конфликте: Тезисы МНК молодых ученых (Санкт-Петербург, 12–14 апреля 2014 г.)*. СПб.: ИИМК РАН, 2014. С. 26–30.
- Кашаев*, 2015а — *Кашаев С. В.* Раскопки поселения Вышестеблиевская-3 в 2013 г. // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 26–28 мая 2015 г.). Краснодар, 2015. С. 118–127.
- Кашаев*, 2015б — *Кашаев С. В.* Краснофигурный килик с поселения Вышестеблиевская-3 // *Боспорские исследования*. Вып. XXXI / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская гор. топография, 2015. С. 268–275.
- Кашаев, Павличенко*, 2016 — *Кашаев С. В., Павличенко Н. А.* Новый источник о землепользовании на Боспоре в IV в. до н. э. О датировке письма на остраконе с поселения Вышестеблиевская-3 // *Боспорские исследования*. Вып. XXXII. Керчь, 2016. С. 12–32.
- Кругликова, Виноградов* — *Кругликова И. Т., Виноградов Ю. Г.* Клейма Синопы на амфорах из поселения Андреевка Южная // *КСИА*. 1973. Вып. 133: Железный век Восточной Европы. С. 44–53.
- Кутайсов*, 2004 — *Кутайсов В. А.* Керкинитида в античную эпоху. Киев: Корвин Пресс, 2004. 324 с.: ил.

- Кутайсов, Смекалова, 2013 — Кутайсов В. А., Смекалова Т. Н. Ортли: Античные усадьба и виноградник на дальней хоре Херсонеса. Симферополь: Феникс, 2013. 272 с.: ил. (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. 11. Ч. 2).
- Марти, Шкорпил, 1910 — Марти Ю., Шкорпил В. Керамические надписи, хранящиеся в Мелек-Чесменском кургане в г. Керчи // ЗООИД. 1910. № 28. С. 109–151.
- Мирчев, 1958 — Мирчев М. Амфорните печати от музея в Варна. София: Издание на Българската академия на науките, 1958. 80 с. + 40 табл.
- Молев, 2010 — Молев Е. А. Боспорский город Китей. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 316 с. (Боспорские исследования. Supplementum).
- Монахов, 1999 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. Саратов: Изд-во Саратовского ГУ, 1999. 679 с.
- Монахов и др., 2016 — Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б. Амфоры VI–II вв. до н. э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника: Каталог. Керчь; Саратов: Тип. «Новый проект», 2016. 222 с.: ил.
- Монахов и др., 2017 — Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры V–II вв. до н. э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»: Каталог. Саратов: Тип. «Новый проект», 2017. 208 с.: ил.
- Монахов и др., 2018 — Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б. Комплекс амфор Гераклеи Понтийской из ямы № 41 (1968 г.) на о. Березань // ЗИИМК. 2018. № 18. С. 60–69.
- Мурзакевич, 1848 — Мурзакевич Н. Эллинические памятники, найденные в Новороссийском крае // ЗООИД. 1848. № 2. С. 405–413.
- Парович-Пешикян, 1974 — Парович-Пешикян П. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наукова думка, 1974. 220 с.
- Полин, 2010 — Полин С. В. Амфоры Александропольского кургана (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) // АМА. Саратов, 2010. Вып. 14. С. 262–307.
- Полин, 2014 — Полин С. В. Скифский Золото-балковский курганный могильник V — IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев: Издатель Олег Филюк, 2014. 776 с. (Курганы Украины. Т. 3).
- Придик, 1917 — Придик Е. М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания 1917 г. Пг.: Типография Российской Академии наук, 1917. 191 с., 16 табл.
- Пругло, 1967 — Пругло В. И. Синопские амфорные клейма из Мирмекия // КСИА. 1967. Вып. 109: Античные памятники на территории СССР. С. 42–48.
- Самойлова, Редина, 1997 — Самойлова Т. Л., Редина Е. Ф. Клейма из скифских курганов Днестро-Дунайского междуречья // Чобурчский археологический комплекс и вопросы взаимодействия античной и варварских культур (IV в. до н. э. — IV в. н. э.) / Отв. ред. Е. В. Яровой. Тирасполь: Приднестровский ГУ, 1997. С. 57–63.
- Соколова, 1986 — Соколова О. Ю. Комплекс находок V–III вв. до н. э. из раскопок Нимфея 1970 года // Древние памятники культуры на территории СССР: Сб. ст. / Науч. ред. Г. И. Смирнова. Л.: Изд-во ГЭ, 1986. С. 43–57.
- Федосеев, 2004 — Федосеев Н. Ф. О керамических клеймах, «сравнительных объемах» и поселении «Бакланья Скала» // ДБ. 2004. № 7. С. 366–403.
- Федосеев, 2010 — Федосеев Н. Ф. Керамический комплекс помещения 52 дома 13 греческого эмпория на Елизаветовском городище // ДБ. 2010. № 14. С. 564–582.
- Федосеев, 2016 — Федосеев Н. Ф. Керамические клейма: из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника: Каталог. Керчь; Симферополь: Соло-Рич, 2016. Т. 2: Гераклея Понтийская. 319 с. (Коллекция керамических клейм).
- Шелов, 1975 — Шелов Д. Б. Керамические клейма из Танаиса III–I веков до н. э. М.: Наука, 1975. 168 с.
- Шкорпил, 1914 — Шкорпил В. Датированные керамические надписи из Зеленского кургана // ИАК. 1914. Вып. 51. С. 119–128.

- Штаерман*, 1951 — *Штаерман Е. М.* Керамические клейма из Тире // КСИИМК. 1951. Вып. 36. С. 31–49.
- Avram*, 1996 — *Avram A.* Les timbres amphoriques. 1. Thasos. Bucarest: Editura enciclopedică; Paris: Diffusion de Boccard, 1996. 176 p., XLIV pls. (Corpus international des timbres amphoriques. Histria. Vol. 8).
- Balabanov et al.*, 2016 — *Balabanov P., Garlan Y., Avram A.* Les timbres amphoriques grecs d'Héraclée Pontique et de quelques autres centres de production recueillis dans l'établissement de Kostadin Tchechma près de Debelt (Bulgarie) (première moitié du IV siècle av. J.-C.). Constanța, 2016. 199 p. (Pontica. Vol. XLVIII–XLIX. Suppl. IV).
- Börker, Burow*, 1998 — *Börker C., Burow J.* Die hellenistischen Amphorenstempel aus Pergamon // Pergamenische Forschungen. Berlin; New York: de Gruyter, 1998. № 11. P. 1–209.
- Bucovala*, 1967 — *Bucovala M.* Necropole elenistică la Tomis. Constanța: Muzeul de Arheologie Dobrogea, 1967. 135 p.
- Buzoianu*, 1992 — *Buzoianu L.* Importul amforice la Tomis în perioada elenistică // Pontica. 1992. No. 25. P. 99–165.
- Buzoianu, Bărbulescu*, 2008 — *Buzoianu L., Bărbulescu M.* Albești. Constanța: Ex Ponto, Muzeul de istorie națională și arheologie, 2008. 522 p. (Monografie arheologică. T. 1).
- Buzoianu, Cheluță-Georgescu*, 1983 — *Buzoianu L., Cheluță-Georgescu N.* Stampilate de amfore de la Callatis // Pontica. 1983. Vol. XVI. P. 149–188.
- Cancardeș-Şenol*, 2017 — *Cancardeș-Şenol G.* Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps. Vol. 4. Eponyms T to X. Alexandrie, 2017. 327 p. (Études Alexandrines. Vol. 39.)
- Čistov, Domžalski*, 2001 — *Čistov D., Domžalski K.* Nymphaion — results of excavations in Sector N, 1994–1998 // Arheologia. Warszawa, 2001. No. 52. P. 97–136.
- Conovici*, 1998 — *Conovici N.* Les timbres amphoriques. 2. Sinope (Tuiles timbrées comprises). Bucarest: Editura enciclopedică; Paris: Diffusion de Boccard, 1998. 208 p., XLVII pls. photo (Corpus international des timbres amphoriques. Histria. Vol. 8).
- Conovici, Irimia*, 1991 — *Conovici N., Irimia M.* Timbres amphoriques et autres inscriptions céramiques à Satu Nou // Dacia. 1991. No. 35. P. 139–175.
- Finkielsztejn*, 2001 — *Finkielsztejn G.* Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ. Premier bilan. Oxford: Archaeopress, 2001. 260 p. (BAR. IS. No. 990).
- Garlan*, 1999 — *Garlan Yv.* Les Timbres amphoriques de Thasos. Vol. 1. Timbres Protothasiens et Thasiens anciens. Athènes; Paris: l'École française d'Athènes, 1999. 335 p., 12 pls.
- Garlan*, 2013 — *Garlan Yv.* Les timbres amphoriques en Grèce ancienne. Nouvelles questions. Nouvelles methods. Nouveaux résultats // Journal des Savants. 2013, juillet-décembre. P. 204–270.
- Grace*, 1985 — *Grace V. R.* The Middle Stoa Dated by Amphora Stamps // Hesperia. 1985. Vol. 54. P. 1–59.
- Gramatopul, Poenaru-Bordea*, 1968 — *Gramatopul M., Poenaru-Bordea Gh.* Amfore șampilate din Tomis // SCIV. 1968. Vol. 19 (1). P. 41–61.
- Kashaev*, 2015 — *Kashaev S.* The Taman Detachment of the Bosporan Expedition of IIMK RAS in 2006–2013 // Hyperboreus. 2015. Vol. 21. Fasc. 1. P. 140–156.
- Kashaev, Pavlichenko*, 2015 — *Kashaev S., Pavlichenko N.* Letter on an ostrakon from the Settlement of Vyshesteblievskaya-3 // Hyperboreus. 2015. Vol. 21. Fasc. 1. P. 61–79.
- Madzharov, Stoyanov*, 2018 — *Madzharov K., Stoyanov T.* New Evidence on the Chronology of the so-called Zenon B Group Amphorae of Knidos // Studia archaeologica universitatis Serdicensis. 2018. Suppl. VI. P. 141–149.
- Stolba*, 2005 — *Stolba V. F.* Hellenistic Chersonesos: Towards Establishing a Local Chronology / V. Stolba, L. Hannestad (eds.). Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 B. C. Aarhus: Aarhus University Press, 2005. (Black Sea Studies. Vol. 3). P. 153–177.
- Tzochev*, 2016 — *Tzochev Ch.* Amphora stamps from Thasos. Princeton, New Jersey, 2016. 264 p. (The Athenian Agora. Vol. XXXVII).
- RE-TIMOKΛΕΙΔΑΣ-019; Александрия (штамп RE-TIMOKLEIDAS-015, inv. no. ALEX ABC 0223.41 [MGR P, 205 48]: [Электронный ресурс] // The Alexandrian Centre for Amphora Studies. URL: http://www.amphoralex.org/timbres/eponymes/accueil_epon/affiche_L_unnom.php. (Дата обращения: 28. 04. 2019).

Amphora stamps from excavations in 2013 at the settlement-site of Vyshesteblievskaya-3 on the Taman Peninsula

S. V. Kashaev, N. A. Pavlichenko

In June–September of 2013, the Taman Detachment of the Bosporan Expedition of the Institute of the History of Material Culture (IIMK) RAS conducted rescue excavations at the settlement-site of Vyshesteblievskaya-3 (Temryuk district of Krasnodar Krai). The excavations uncovered 31 household pits and a structure named arbitrarily a ‘ditch’. All these objects are dated to the period from the 5th to the 1st century BC.

The site of Vyshesteblievskaya-3 has yielded a fairly representative collection of ceramic stamps amounting to 69 specimens. The major part of the collection comprises stamps of Heraclea Pontica — 28 specimens, Thasos — 16 specimens and Sinope — 14 specimens. The other centres are represented by only a few stamps: Tauric Chersonesos — 3 specimens, Rhodes — 4 specimens, Zenon B group — 1 specimen, Kos — 1 specimen, Akanthos — 1 specimen and an unidentified manufacturing centre — 1 specimen.

The stamps of Thasian magistrates Μνημέ(ας), Κτήσις, Λεωγ(--) dated to the 390s — 380s BC and Heracleian ‘fabricants’ Ἀρχέλας, Καλλίας and Ὀνασος are the earliest ones.

The latest stamps are probably those from Rhodes dating from the last quarter of the 3rd century BC and a stamp of a Sinopean astynomos Πόσις τοῦ Στρατονίκου whose activities are dated by N. Konovichi to the 210s BC and by V. I. Katz — to the 190s BC.

The Heracleian stamps are dated to the period from the mid-390s to 320s BC, the stamps of the first half of the 4th century BC being the predominant ones. The Thasian stamps are datable to the period from the 390s to about 290 BC but many items come from the 1st half of the 4th century BC. The Sinopean stamps are dated to the period from the 350s BC to the 190s BC.

Taking in account the dimensions and poor state of exploration of this site, as well as the fact that the investigations of 2013 comprised only a small part of its outskirts, it seems hardly correct to make any definitive conclusions concerning the volume and sources of the products imported in amphora containers to this settlement. Noticeable is only the unusual predominance of Heracleian stamps.

Пантикапейские монеты как основа для идентификации одного типа золотых бляшек из нимфейских курганов

А. Е. Терещенко¹

Аннотация. В статье рассматривается одна разновидность золотых нашивных бляшек из нимфейских курганов, обнаруженных экспедицией ИАК под руководством А. Е. Люценко в 1876 г. До сих пор встречается мнение, что они изображают голову обезьяны, хотя в действительности это морда оскалившегося льва. В высшей степени любопытно, что других находок такого рода на Боспоре не зафиксировано. Вместе с тем в пантикапейской чеканке второй четверти V в. до н. э. имеется два типа монет, на аверсе которых изображен оскалившийся лев. Предполагается, что именно эти монеты послужили прототипом для изготовления нимфейских бляшек, что позволяет датировать их второй четвертью V в. до н. э.

Annotation. This note considers one variety of gold sewn-on plaques retrieved from Nymphaion barrows in 1876 by the expedition of the Imperial Archaeological Commission under the leadership of A. E. Lyutsenko. Until now there is the opinion that they are representations of monkey heads although, really, it is the muzzle of a lion baring its teeth. It is very interesting that no other finds of this kind have been reported from Bosporos. Meanwhile, there are two types of coins among the Pantikapaion issues of the second quarter of the 5th century BC with the obverse representing a lion baring the teeth. It is supposed that exactly these coins served as the prototype for the Nymphaion plaques. This supposition would date the latter to the second quarter of the 5th century BC.

Ключевые слова: золотые бляшки, нимфейские курганы, монеты, пантикапейская чеканка.

Keywords: gold plaques, Nymphaion barrows, coins, Pantikapaion coinage.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-95-100

В 1876 г. экспедицией Императорской археологической комиссии под руководством А. Е. Люценко проводились раскопки нескольких древних курганов близ греческого городища Нимфея. В ходе работ был обнаружен разнообразный погребальный инвентарь, в том числе золотые бляшки разных форм.

В инвентарной книге Отдела античного мира Государственного Эрмитажа среди других названы «бляшки нашивные, штам-

пованные, вырезанные по контуру, с рельефным изображением в виде маски обезьяны» (рис. 1, 1, 2)² — всего девять предметов. Один экземпляр найден в захоронении кургана № 24, гробница 19, и датируется второй четвертью — серединой V в. до н. э. (Силантьева, 1959. С. 66), остальные 8 шт. — в кургане № 17, гробница № 8, датируемая второй половиной V в. до н. э. (Там же. С. 75).

Описание формы артефактов как «головы обезьяны *en face*» принадлежит А. Е. Люценко.

¹ Отдел изучения истории дворцов, Государственный Русский музей. Инженерная ул., 4, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: andrtereshhen@yandex.ru.

² Иллюстрации 1, 1 и 1, 2 даны по публикациям Л. Ф. Силантьевой (Силантьева, 1959) и М. И. Артамонова (Артамонов, 1966) соответственно.

В дальнейшем это определение, с легкой руки Л. Ф. Силантьевой, вошло в научный оборот (Силантьева, 1959. С. 67, 74; Артамонов, 1966. С. 35), хотя исследовательница в своей работе «Некрополь Нимфея» приводит, со ссылкой на К. Шефольда, и альтернативный вариант, согласно которому бляшки выполнены в виде головы льва (Силантьева, 1959. С. 74, прим. 115)³. Вместе с тем необходимо заметить, что сам К. Шефольд следовал в своей интерпретации описанию из ОАК за 1877 г. Именно в пояснительной записке к отчету, составленной Л. Э. Стефани, эти находки интерпретированы как «голова льва» (Стефани, 1880. С. 225–226, 236. Табл. III, № 13, 28). Странно, что эта информация, судя по всему, оказалась проигнорирована Л. Ф. Силантьевой.

На наш взгляд, Л. Э. Стефани в данном вопросе безусловно прав: указанные артефакты изготовлены в виде вполне узнаваемой

³ В связи, вероятно, с редакционной оплошностью, прим. 115 содержит ошибочную ссылку на с. 18 работы К. Шефольда «Untersuchungen zu den Kertschen Vasen» 1934 г.; на деле же речь идет о с. 18 статьи «Der skythische Tierstil in Südrußland» (благодарим И. Ю. Шауба за любезно предоставленную библиографическую справку).

голова льва и не имеют ничего общего с обезьяной. Возможно, причиной для столь экзотической интерпретации А. Е. Люценко явилось наличие на переносице зверя поперечных «валиков». Тем не менее эта деталь — не что иное, как несколько утрированные складки, которые образуются у всех крупных кошачьих при оскале (рис. 1, 15–17). Таким образом перед нами, несомненно, изображение (пусть и достаточно условное) зверя, оскалившего пасть в знак угрозы, то есть типичный апотропей, или, как изящно формулирует Л. Э. Стефани, «профилактическое украшение» (Стефани, 1880. С. 236).

Следует отметить: невзирая на не слишком высокое качество исполнения и практически полное отсутствие того, что можно назвать художественным мастерством, эти предметы вполне могут быть названы уникальными. Дело в том, что на сегодняшний день зафиксировано достаточно много нашивных бляшек различных форм, относящихся к V в. до н. э., которые изображают хищников семейства кошачьих, однако *львиные головы в фас* обнаружены только в нимфейских погребениях.

Примечательно и то, что изображения оскалившегося льва почему-то не получили

Рис. 1. Изображения львов в тореutique V в. до н. э. и львы в живой природе: 1–2 — нашивные бляшки из нимфейских курганов (1 — из кургана № 324; 2 — из кургана № 17); 3–10 — монеты (3 — Пантикапей, диобол серии Па-6, начало второй четверти — первая половина 50-х гг. V в. до н. э.; 4 — Пантикапей, диобол серии Па-7, первая половина 50-х гг. V в. до н. э., возможно, 458–455 гг. до н. э.; 5 — Фокея, Гекта, 521–478 гг. до н. э.; 6 — Регий, тетрадрахма, 415/410–387 гг. до н. э.; 7, 8 — Регий, тетрадрахма, 450–445 гг. до н. э.; 9 — Регий, драхма, 494–480 гг. до н. э.; 10 — Пантикапей, триобол, 387 или 384–378 гг. до н. э.; 11–14 — находки из Келермесского кургана (11–12 — наконечники со скульптурной головкой льва на концах; 13–14 — подлокотники трона); 15–17 — оскалившийся лев, современное фото. 1, 2, 11–14 — золото; 3, 4, 6–10 — серебро; 5 — электр

Fig. 1. Representations of lions in toreutics of the 5th century BC and lions in nature: 1–2 — sewn-on plaques from Nymphaion barrows (1 — barrow no. 324; 2 — barrow no. 17); 3–10 — coins (3 — Pantikapaion, diobol of Pa-6 series, early second quarter — first half of 450s BC; 4 — Pantikapaion, diobol of Pa-7 series, first half of 450s BC, possibly, 458–455 BC; 5 — Phokaia, hekta, 521–478 BC; 6 — Rhegion, tetradrachm, 415/410–387 BC; 7, 8 — Rhegion, tetradrachm, 450–445 BC; 9 — Rhegion, drachm, 494–480 BC; 10 — Pantikapaion, triobol, 387 or 384–378 BC; 11–14 — finds from the Kelermes barrow (11–12 — points with a sculptural lion's head at the ends; 13–14 — armrests of a throne); 15–17 — a lion baring its teeth, modern photo. 1, 2, 11–14 — gold; 3, 4, 6–10 — silver; 5 — electrum

никакого развития в боспорской торевтике, хотя известны в Северном Причерноморье достаточно давно (правда, в объемной скульптурной форме; наиболее яркий пример — предметы переднеазиатского происхождения, а именно подлокотники трона и детали парадного табурета ассиро-вавилонского типа из келермесских курганов (*Галанина*, 2006. Ил. 79–81; *Анфимов*, 2011. С. 80–81; см. рис. 1, 11–14). В результате мы должны еще раз подчеркнуть, что других украшений в виде головы оскалившегося льва в фас на Боспоре не найдено до сих пор.

В то же время прямая аналогия нимфейским бляшкам присутствует в пантикапейской монетной типологии: это серебряные монеты серии Па-6 и Па-7. На этих монетах на львиных мордах прекрасно видны пресловутые валики на переносице⁴.

Па-6: Ав. Голова льва в фас. Рv. Четыре таблетки, образующие свастический рисунок, в углубленном квадрате; на двух таблетках — четырехлучевые звезды (рис. 1, 3). Датировка: ок. 500–475 гг. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 244, табл. XXXIX, № 17; *Шелов*, 1956. С. 211. № 5); 479–473 гг. до н. э. (*Мельников*, 2005. С. 336); первая половина второй четверти V в. до н. э. (*Терещенко*, 2004. С. 13); середина V в. до н. э. (*Фролова*, 1996. С. 59); 460–450 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 137. № 19–21).

Па-7: Ав. Голова льва в фас. Рv. Восьмиконечная звезда в рамке из точек в углубленном квадрате (рис. 1, 4). Датировка: ок. 500–475 гг. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 244, табл. XXXIX, № 16; *Шелов*, 1956. С. 212, № 13); 479–478 гг. до н. э. (*Мельников*, 2005. С. 336); вторая половина второй четверти V в. до н. э. (*Терещенко*, 2004. С. 13); 460–450 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 137. № 23); середина V в. до н. э. (*Фролова*, 1996. С. 58).

⁴ То, что эта анатомическая особенность проявляется именно при оскале, было прекрасно известно пантикапейским монетариям и учитывалось ими. Примером могут служить серебряные триоболы начала IV в. до н. э. с профильными изображениями головы оскалившегося льва (рис. 1, 10).

Сейчас мы предлагаем определять время выпуска серии Па-6 началом второй четверти — началом 50-х гг. V в. до н. э. (может быть, 459/8 г. до н. э.), а серии Па-7 — первой половиной 50-х гг. V в. до н. э. (может быть, 458–455 гг. до н. э.).

Если обратиться к монетному делу ойкумены, то можно наблюдать довольно любопытную картину. В целом «львиная» тематика (и, в частности, изображения львиных голов) весьма широко представлена в греческой чеканке, но именно схематизированные изображения головы оскалившегося льва *en face* на сегодняшний день зафиксированы только на монетах Фокеи и Регия. В Фокее это, можно сказать, разовый выпуск, датируемый 521–478 гг. до н. э. (*Bodenstedt*, 1981. № 53; см. рис. 1, 5), эмиссия же Регия эксплуатирует этот образ с начала V по конец IV в. до н. э. (*HNI*, 2001. P. 187–189 № 2469, 2488, 2492, 2496; см. рис. 1, 6–9).

Появление на монетах изображений, где головы свирепого льва показаны анфас, происходит примерно в одно и то же время, но на противоположных концах эллинского мира (пусть даже «пальма первенства» при этом находится на востоке и принадлежит Фокее). Все это означает, что ни о какой общей для греков «модной тенденции» в данном случае не может быть и речи.

Поскольку в сюжетах и образах, используемых в монетной типологии античного мира, нет случайных или несущественных деталей, то мы должны признать за символикой угрожающего зверя на пантикапейских монетах более широкое смысловое значение, нежели просто апотропей, хотя причины его появления нам неизвестны.

Тем не менее нет ни малейшего сомнения, что прообразом для изготовления нимфейских бляшек послужила именно чеканка Пантикапея. Таким образом, их производство мы можем вполне уверенно относить к периоду выпуска монет серий Па-6 и Па-7, то есть к второй четверти V в. до н. э.

- Анохин*, 1986 — *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 223 с.
- Анфимов*, 2011 — *Анфимов Н. В.* Древнее золото Кубани. Краснодар: Традиция, 2011. 263 с.
- Артамонов*, 1966 — *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага: Артия; Л.: Советский художник, 1966. 270 с.
- Галанина*, 1951 — *Галанина Л. К.* Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа. Келермесские курганы. СПб.: Изд-во ГЭ, 2006. 80 с.
- Зограф*, 1951 — *Зограф А. Н.* Античные монеты. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 309 с. (МИА. № 16).
- Мельников*, 2005 — *Мельников О. Н.* Метрология монет Боспора второй половины VI — начала IV вв. до н. э. // *Stratum Plus*. 2005. № 6: Причерноморские этюды. С. 320–355.
- Силантьева*, 1959 — *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов / Под ред. В. Ф. Гайдукевича. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 5–107 (МИА. № 69).
- Стефани*, 1880 — *Стефани Л. Э.* Объяснение нескольких художественных произведений, найденных в 1876 году в Южной России // Отчет Императорской археологической комиссии за 1877 г. СПб.: Б. и., 1880. 296 с.
- Терещенко*, 2004 — *Терещенко А. Е.* Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI—V вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Б. и., 2004. 24 с.
- Фролова*, 1996 — *Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора середины VI—V вв. до н. э. // РА. 1996. № 2. С. 34–69.
- Шелов*, 1956 — *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 220 с.
- Bodenstedt*, 1981 — *Bodenstedt F.* Die Elektronmünzen von Phokaia und Mytilene. Tübingen: Ernst Wasmuth, 1981. 390 s.
- Schefold*, 1938 — *Schefold K.* Der skythische Tierstil in Südrußland // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Helsinki: S. I., 1938. Vol. XII. S. 1–78.
- HNI, 2001 — *Historia numorum Italy* / Ed. N. K. Rutter, A. M. Burnett. London: British Museum Press, 2001. 223 p.

Pantikapaion coins as the basis for identification of one type of gold plaques from Nymphaion barrows

А. Е. Tereshchenko

In 1876, in the course of excavations of barrows near the townsite of Nymphaion, sewn-on gold plaques of different forms (birds, hoofed animals, feline predators etc.) were found among the other funerary offerings. The forms of several plaques from tomb 19 in barrow no. 24 (second quarter — middle of the 5th century BC; 1 specimen; Fig. 1, 1) and tomb 8 in barrow no. 17 (second half of the 5th century BC; 8 specimens; Fig. 1, 2) were attributed by A. E. Lyutsenko, who directed the excavations, as 'monkey masks'. The same identification was repeated in 1959 by L. F. Silant'eva in the publication of the artefacts. At the same time, already as early as 1880 there existed an alternative interpretation: L. E. Stefani saw in these plaques 'the head of a lion' and, forty years later, K. Schefold was of the same opinion. It is exactly this version which seems correct since the muzzle of the animal is quite recognizable. The transversal 'rolls' on the bridge of the nose are characteristic of all large felines when they bare the teeth (Fig. 1, 11–14). Therefore we are dealing here undoubtedly with a representation of a ferociously growling lion, i.e. with a typical apotropeion. These plaques seem to be unique: among the numerous objects of this type, the Nymphaion finds show a single representation of lion heads en face that is generally non-characteristic of the Bosporean toreutics. At the same time, a direct parallel

to it is found in the Pantikapaion monetary typology: it is silver coins of series Па-6 (early second quarter of the 5th century — beginning of the 450s BC or perhaps 459/8 BC; Fig. 1, 3) and Па-7 (first half of the 450s BC, possibly, 458–455 BC; Fig. 1, 4). In the Greek coinage where generally the image of lion was actively employed, schematic representation of the head of a lion baring teeth en face has been recorded, up to the present days, only on coins of Phokea (521–478 BC; Fig. 1, 5) and Rhegion (early 5th — late 4th century BC; Fig. 1, 6–9). And because these are opposite ends of the Greek word, it is clear that this is no tribute to any ‘fashionable tendency’. It is also undoubted that exactly the coinage of Pantikapaion served as a prototype for manufacture of the Nymphaion plaques so that their production is datable to the period of the issue of coins of Па-6 and Па-7 series, i.e. the second quarter of the 5th century BC.

Раскопки некрополя Артющенко-2 в 2014–2018 гг.¹

С. В. Кашаев²

Аннотация. Статья посвящена основным результатам раскопок Таманского отряда ИИМК РАН на некрополе Артющенко-2 в 2014–2018 гг. Приводится описание открытых погребальных сооружений, обряда захоронения, сопроводительного инвентаря. В заключении кратко представлены наиболее интересные захоронения и находки.

Annotation. This paper presents the main results of excavations conducted by the Taman Detachment of the Bosporan Expedition of the Institute of the History of Material Culture (IIMK) at the necropolis of Artyushchenko-2 in 2014–2018. The article includes a description of the revealed burial structures, the funerary rite and grave offerings. In conclusion, the most interesting burials and finds are briefly characterised.

Ключевые слова: Таманский полуостров, античность, некрополь, погребения, греческая керамика.

Keywords: Taman Peninsula, Classical Period, classical antiquity, necropolis, burials, Greek pottery.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-101-112

Памятник археологии «Поселение и некрополь Артющенко-2» расположен в южной части Таманского полуострова, на обрывистом берегу Черного моря, в 17 км к юго-востоку от станицы Тамань и в четырех километрах к юго-востоку от пос. Артющенко (Kashaev, 2015. Р. 140; Виноградов, Кашаев, 2016. С. 95–109). Поселение было обнаружено в 1997 г. в ходе разведок, его раскопки ведутся с 1998 г. Некрополь расположен к востоку от поселения. В 2003 г. начаты раскопки этого разрушающегося памятника. Работы проводит Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН.

Раскопки в 2014–2018 гг. были сосредоточены на Раскопе «Н» (некрополь). За пять лет исследована площадь около 1400 кв. м. В ходе раскопок было обнаружено 63 погребения (№ 31–188, Г13–Г17), из которых пять доследовано за современными грабителями. Такие погребения получили особую нумерацию с литерой «Г».

Несколько погребений найдены на береговом склоне частично или полностью разрушенными в результате абразии. Обрушение этих погребений произошло несколько лет назад, но только сейчас в процессе эрозии и оползания грунта они стали заметны на поверхности склона.

В последние годы раскопки были сосредоточены в основном в восточной части памятника. Проведенные работы позволили получить новые данные и существенно расширили имеющуюся информацию о некрополе. Сложилось представление о его размерах, определена предполагаемая восточная граница, существенно скорректирована хронология,

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН. Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: kashaev@mail.ru.

обнаружены новые типы погребальных сооружений, уточнены данные по погребальному обряду.

Размеры. На площади памятника разбита сетка с размерами квадратов 4×4 м. С юга на север идут линии квадратов, обозначенные буквами от А до Ш. С запада на восток — линии, обозначенные цифрами 14-1 и 1'-40'.

Южная граница памятника образована береговым обрывом. В зависимости от его конфигурации она проходит по квадратам линий А и Б.

Северная граница пока условно зафиксирована на линии квадратов Ш, она проходит более чем в 100 м от берегового обрыва. Там расположен самый северный грабительский шурф с останками захоронения (ГШ 35). Как далеко на самом деле памятник распространяется на север — пока судить сложно.

Западная граница образована серией погребений, расположенных по линии север-юг (погребения № 24, 25, 27, 28, 32, 82, 83, 88). К западу от этой линии раскопан участок площадью около 350 кв. м, на котором захоронений не встречено.

Восточная граница, как представляется, проходит примерно в 150 м от западной. К востоку от нее раскопан участок площадью около 500 кв. м, на котором нет захоронений.

В западной части раскопанного участка преобладают наиболее древние погребения V–IV вв. до н. э. В восточной части, исследование которой велось в последние годы, — погребения III–II вв. до н. э. Также в восточной части обнаружены самые поздние захоронения IV–V вв. н. э. Пока это лишь единичные комплексы, и, наверно, преждевременно расширять хронологию всего некрополя до V в. н. э., так как захоронения I в. до н. э. — II в. н. э. пока не найдены.

Исходя из информации, полученной в результате многолетних исследований, можно высказать предположение о границах, размерах, топографии развития и погребальном обряде некрополя.

Топография. В настоящий момент можно предположить, что некрополь V–II вв. до н. э. развивался преимущественно с запада

на восток и северо-восток, а в более поздний период в восточной части были совершены захоронения IV–V вв. н. э.

Также можно отметить, что именно в восточной части некрополя была обнаружена серия подбойных погребений, сейчас их количество приближается к десяти.

Погребальные сооружения. Накопленная за время раскопок информация позволяет описать основные черты погребального обряда, конструкции могильных сооружений, основной набор инвентаря, характерные для некрополя Артющенко-2.

На памятнике зафиксированы погребальные сооружения нескольких основных конструкций.

1. Сырцовые гробницы (склепы, ящики), заглубленные в землю. Для их строительства выкапывали котлован, в котором из сырцовых кирпичей выкладывали стены склепов, затем делали перекрытие. Конструкции стен, полов и перекрытия склепов имеют несколько вариантов исполнения.

2. Простые грунтовые ямы без перекрытия. В таких могилах при захоронении тело сразу засыпалось грунтом, следовательно, отсутствовало свободное пространство над телом.

3. Грунтовые ямы с перекрытием. Такие ямы имели заплечики, на которые укладывалось перекрытие. Перекрытие, чаще всего, было из досок (дерева) и, как правило, не сохранилось. Изредка удавалось обнаружить следы древесного тлена или фрагменты обугленных досок, оставшихся от перекрытия. Встречено также каменное перекрытие. В этом случае могильные ямы были перекрыты плоскими каменными плитами.

4. Грунтовые ямы с комбинированным деревянным и сырцовым перекрытием. Эта конструкция очень близка предыдущему варианту с тем отличием, что поверх деревянного перекрытия выкладывался слой сырцовых кирпичей.

5. Подбойные могилы. Чаще подбой закладывался сырцовыми кирпичами, иногда для этого использовали плоские камни или стенки амфор.

6. Детские захоронения в амфорах. Такие погребения, как правило, совершались в туловах амфор. Иногда вместо амфор использовали тулова крупных гончарных или лепных сосудов.

Практически во всех исследованных погребениях захоронение совершено по обряду труположения, встречен лишь один случай кремации, предположительно на стороне.

Глубина от современной поверхности до дна могил варьировала в пределах от 1,0 до 2,0 м и, как правило, составляла около 1,5 м. Чаще всего погребенные лежали вытянуто на спине, руки их лежали вдоль туловища, а ноги — прямо. Иногда наблюдаются вариации положения — ноги, распавшиеся «ромбом», кисть руки на тазовых костях, рука согнута в локте. Сохранность скелетов в большинстве случаев можно определить как плохую или очень плохую, в редких случаях она удовлетворительная. Часто подробное положение скелета бывает сложно зафиксировать в силу плохой сохранности костей.

Скелеты в ранних могилах (V–IV вв. до н. э.) ориентированы головой на восток или северо-восток. Такое сочетание погребений с восточной ориентацией и редкими случаями западной является традиционным для боспорских некрополей V–IV вв. до н. э. (Коровина, 1987. С. 4). В захоронениях III–II вв. до н. э. скелеты чаще ориентированы головой в южный и восточный сектора, в погребениях IV–V вв. н. э. — головой на север. Безынвентарные погребения, а также комплексы, обнаруженные на береговом склоне разрушенными, сложно датировать точно.

Инвентарь. На основании материалов, полученных при раскопках, можно выделить основной набор погребального инвентаря, который согласно обряду клали умершим — и мужчинам, и женщинам. В него входило по одному какому-либо сосуду от каждой из нижеперечисленных групп:

— сосуд для вина — амфора, кувшин, ойнохоя (гончарная или лепная);

— сосуд для пищи — миска (гончарная или лепная), чернолаковая чаша на ножке, миска-одноручник;

— сосуд для питья — чернолаковый килик, скифос, канфар;

— сосуд для благовоний — лекиф, аск, амфориск, алабастр.

Помимо основного набора мужчинам клали оружие — мечи, копья и стрелы; предметы конской упряжи — ворворки, пряжки; орудия труда — ножи, шилья, иглы. Женщинам дополнительно клали украшения — подвески, бусы; орудия труда — ножи, иглы, веретена; зеркала; косметические принадлежности.

Погребения. В качестве примера кратко рассмотрим наиболее интересные комплексы, открытые в 2014–2018 гг., и обнаруженные в них находки.

Погребение № 136 было парным, в нем захоронены мужчина и женщина 50–55 лет. Инвентарь составляли красноглиняные ойнохоя и миска, кольцевой аск (Буйских, 2013. С. 133), лепные кувшин и миска, цилиндрический лекиф, бронзовое пряслице. Датируются такие находки началом V в. до н. э. (рис. 1, 1, 2, 5–8).

Погребение № 144 принадлежит мужчине 35–45 лет, оно полностью разрушено абразией. Из инвентаря обнаружены бронзовая подвеска ромбической формы, золотые и гатовые бусины (рис. 1, 4), которые можно предположительно отнести к II–III вв. н. э. (Новичихин, Галут, 2015. С. 44).

В *погребении № 146* был захоронен мужчина 35–40 лет. Оно также разрушено абразией. От инвентаря сохранились фрагмент красноглиняной миски, гемма (инталия) из горного хрусталя с резным изображением полуобнаженной сидящей женщины (Кашаев, 2016. С. 70). Датировать ее можно концом V — началом IV в. до н. э. (рис. 1, 3).

В *погребении № 148* вся придонная часть могилы была засыпана слоем из раковин морских моллюсков, принадлежит оно мужчине 45–50 лет. Погребальный инвентарь состоял из красноглиняных ойнохои и миски, чернолаковых килика (Sparkes, Talcott, 1970. № 459, 460) и солонки, керамического пряслица (рис. 2, 1–4). Захоронение можно датировать серединой — третьей четвертью V в. до н. э.

Погребение № 154 содержало останки мужчины 35–40 лет. Инвентарь составляли

Рис. 1. Некрополь Аргющенко-2. Находки 2014 г. 1, 2, 5–8 — погребение № 136 (1 — лекиф цилиндрический; 2 — аск кольцевой; 5 — миска красноглиняная; 6 — лепной кувшин; 7 — ойнохоя красноглиняная; 8 — миска лепная); 3 — гемма (инталия); 4 — набор украшений-подвесок. Масштабы: а — для № 1, 2, 5–8, б — для № 4, в — для № 3. 1, 2, 5–9 — керамика; 3 — горный хрусталь; 4 — золото, гагат

Fig. 1. Necropolis of Atyushchenko-2. Finds of 2014. 1, 2, 5–8 — burial no. 136 (1 — cylindrical lekythos; 2 — ring askos; 5 — redware bowl; 6 — handmade pitcher; 7 — redware oinochoe; 8 — handmade bowl); 3 — gem (intaglio); 4 — set of ornamental pendants. Scale: a — nos. 1, 2, 5–8, б — no. 4, в — no. 3. 1, 2, 5–9 — ceramics; 3 — rock crystal; 4 — gold, jet

Рис. 2. Некрополь Атыушченко-2. Находки 2015 (1-10) и 2017 (11-12) г. 1-4 — погребение № 148 (1 — килик чернолаковый; 2 — миска красноглиняная; 3 — солонка чернолаковая; 4 — ойнохоя красноглиняная); 5-10 — погребение № 154 (5 — солонка чернолаковая; 6 — наконечник копья; 7 — вток копья; 8 — меч; 9 — миска красноглиняная; 10 — ойнохоя красноглиняная); 11-12 — погребение № 167 (11 — ольпа белофонная; 12 — ойнохоя сероглиняная). 1-5, 8-12 — керамика; 6-8 — железо

Fig. 2. Necropolis of Atyushchenko-2. Finds of 2015 (1-10) and 2017 (11-12): 1-4 — burial no. 148 (1 — black-glossed kylix; 2 — redware bowl; 3 — black-glossed saltcellar; 4 — redware oinochoe); 5-10 — burial no. 154 (5 — black-glossed saltcellar; 6 — spear-head; 7 — butt-weight of a spear; 8 — sword; 9 — redware bowl; 10 — redware oinochoe); 11-12 — burial no. 167 (11 — white-ground olpe; 12 — greyware oinochoe). 1-5, 8-12 — ceramics; 6-8 — iron

красноглиняные ойнохоя и миска, чернолаковая солонка (*Sparkes, Talcott, 1970. № 849*), железные меч, наконечник и вток копья, два пряслица — керамическое и свинцовое. Датируется комплекс второй четвертью — серединой V в. до н. э. (рис. 2, 5–10).

В погребении № 156 обнаружен скелет мужчины 40–45 лет. В погребальный инвентарь входили лепной горшок с насечками по венчику, железный нож, золотая шейная гривна, серебряные с позолотой серьги в виде калачиков, две бронзовые пряжки (рис. 3, 1–4, 8). Это одно из самых поздних и единственное из четырех погребений данного времени, обнаруженное непотревоженным. Оно датируется IV–V вв. н. э. Остальные три погребения были ограблены в древности (*Кашаев, 2018. С. 102*).

Погребение № 157 содержало останки женщины 50–55 лет. В погребальный инвентарь входили красноглиняная миска, абаластр из синне-желтого финикийского стекла (*Кунина, 1997. С. 249, кат. 11*), чернолаковая солонка, свинцовое (рис. 3, 5–7) и керамическое пряслица. Датируется комплекс около середины V в. до н. э.

Погребение № 165 предположительно является кенотафом. Его инвентарь состоял из столовой амфоры, расписанной белой краской по плечикам, красноглиняной миски (рис. 3, 9, 10) и керамического пряслица. Судя по амфоре, комплекс можно датировать концом VI — началом V вв. до н. э. (*Скуднова, 1988. С. 68. Кат. 87*).

Погребение № 167 принадлежит женщине 20–25 лет. Инвентарь составляли белофонная ольпа (рис. 2, 11) (*Буйских, 2013. С. 176*), цилиндрическое керамическое пряслице. Такие находки можно датировать концом VI — началом V в. до н. э.

В погребении № 168 кости женщины 45–50 лет лежали компактно, возможно, были уложены в мешок. Это могло быть связано, например, с перезахоронением останков. Среди костей найден чернолаковый каннелированный лекиф (*Sparkes, Talcott, 1970. № 1129*), датируемый концом V в. до н. э. (рис. 3, 11).

Погребение № 169 принадлежит женщине 35–40 лет. В погребении найдены кувшин

красноглиняный, белофонная ольпа (рис. 4, 1, 2) (*Буйских, 2013. С. 176*), бронзовая серьга, фрагмент каменного оселка, золотой самородок округлой формы (диаметром 3–4 мм) и несколько раковин моллюсков.

Предположительно при засыпке могилы был использован морской или речной грунт. Вместе с ним в заполнение попали раковины моллюсков и золотой самородок. В данном случае нами зафиксирован редкий и очень интересный элемент погребального обряда. Относится погребение к концу VI — началу V в. до н. э.

В погребении № 175 обнаружен скелет женщины 20–25 лет. Инвентарь составляли протофасосская амфора (Пятая серия)³ (*Монахов, 2003. С. 256. Табл. 26*), кольцевой аск (*Буйских, 2013. С. 133*), красноглиняная миска, бронзовая игла (рис. 4, 3–5), подвеска — камешек с отверстием. Датируется началом V в. до н. э.

Погребение № 183 — парное, но необычное, в нем обнаружен скелет мужчины 25–30 лет и кости младенца. В захоронении найдены железный меч, красноглиняная ойнохоя, дно красноглиняной миски и ножка синопской (Вариант II-C) (*Монахов, 2003. С. 332. Табл. 102*) амфоры (рис. 4, 6–8, 10). Датируется концом IV — началом III в. до н. э. Это самое позднее найденное нами захоронение с оружием.

Погребения Г13–Г17 были исследованы за современными грабителями. В 2009–2013 гг. на некрополе было зафиксировано более 60 грабительских шурфов. В этих захоронениях найдено несколько предметов инвентаря, не замеченных или не взятых грабителями. Среди таких предметов можно отметить амфориск финикийского стекла (рис. 4, 9) и кусочек пемзы, найденные в погребении Г13 (*Кунина, 1997. С. 251. Кат. 28*), датируемое началом V в. до н. э.

Тризна. Помимо погребений в ходе раскопок обнаружено еще несколько комплексов, атрибутированных как тризны. Следует подчеркнуть, что тризны на некрополе

³ Здесь и далее типы амфор по С. Ю. Монахову.

Рис. 3. Некрополь Аргющенко-2. Находки 2015 (1-8) и 2017 (9-11) гг.: 1-4, 8 — погребение № 156 (1 — серьги серебряные позолоченные; 2, 3 — пряжки бронзовые; 4 — гривна золотая; 5 — миска красноглиняная; 6 — солонка чернолаковая; 7 — алабастр стеклянный; 8 — горшок лепной); 9-10 — погребение № 165 (9 — миска красноглиняная; 10 — амфора столовая); 11 — погребение № 168, лекиф чернолаковый. Масштабы: а — для № 1-4; б — для № 5-11.

1 — серебро позолота; 2, 3 — бронза; 4 — золото; 5, 6, 8-11 — керамика; 7 — стекло

Fig. 3. Necropolis of Atyushchenko-2. Finds of 2015 (1-8) and 2017 (9-11): 1-4, 8 — burial no. 156 (1 — gilt silver earring; 2, 3 — bronze buckle; 4 — gold neck ring; 5 — redware bowl; 6 — black-glossed saltcellar; 7 — glass alabaster; 8 — handmade pot); 9-10 — burial no. 165 (9 — redware bowl; 10 — table amphora); 11 — burial no. 168, black-glossed lekythos. Scale: a — nos. 1-4; б — nos. 5-11.

1 — silver, gilding; 2, 3 — bronze; 4 — gold; 5, 6, 8-11 — ceramics; 7 — glass

Рис. 4. Некрополь Артыушченко-2. Находки 2017 (1, 2) и 2018 (3–10) гг.: 1, 2 — погребение № 169 (1 — ольпа красноглиняная; 2 — кувшин красноглиняный); 3–5 — погребение № 175 (3 — миска красноглиняная; 4 — аск кольцевой; 5 — амфора протофасосская); 6–8, 10 — погребение № 183 (6 — дно красноглиняной миски; 7 — меч железный; 8 — ножка синопской амфоры; 10 — ойнохоя красноглиняная); 9 — погребение № Г13, амфориск. Масштабы: а — для № 9; б — для № 1–4, 6, 8, 10; в — для № 5. 1–6, 8, 10 — керамика; 7 — железо; 9 — стекло

Fig. 4. Necropolis of Atyushchenko-2. Finds of 2017 (1, 2) and 2018 (3–10): 1, 2 — burial no. 169 (1 — redware olpe; 2 — redware pitcher); 3–5 — burial no. 175 (3 — redware bowl; 4 — ring askos; 5 — proto-Thasian amphora); 6–8, 10 — burial no. 183 (6 — bottom of redware bowl; 7 — iron sword; 8 — foot of Sinopean amphora; 10 — redware oinochoe); 9 — burial no. Г13, amphoriskos. Scale: а — no. 9; б — nos. 1–4, 6, 8, 10; в — no. 5. 1–6, 8, 10 — ceramics; 7 — iron; 9 — glass

Рис. 5. Некрополь Артющенко-2. Находки 2014–2018 гг.: 1–4 — тризна 25: 1 — амфора лесбосская; 2 — амфоры протофасосской горло; 3, 4 — амфора протофасосская; 5, 9 — тризна 28: амфоры протофасосские; 6 — тризна 21, амфора синопская; 7, 8 — тризна 27: 7 — амфора хиосская; 8 — амфора лесбосская. 1–9 — керамика

Fig. 5. Necropolis of Artyushchenko-2. Finds of 2014–2018. 1–4 — ritual deposit no. 25: 1 — Lesbian amphora; 2 — neck of a proto-Thasian amphora; 3, 4 — proto-Thasian amphora; 5, 9 — ritual deposit no. 28: proto-Thasian amphorae; 6 — ritual deposit no. 21, Sinopean amphora; 7, 8 — ritual deposit no. 27: 7 — Chian amphora; 8 — Lesbian amphora. 1–9 — pottery

Артющенко-2 являются устойчивым элементом погребального обряда. Как правило, в них найдены целые или фрагментированные амфоры.

В *тризне* № 21 находилась целая синопская амфора (Вариант II-C) (Монахов, 2003. С. 332. Табл. 102) начала III в. до н. э. (рис. 5, 6).

В *тризне* № 24 обнаружено тулово амфоры на сложнопрофилированной ножке — протофасосской (Третья серия) (Там же. С. 255. Табл. 25) (рис. 5, 9) начала V в. до н. э.

Тризна № 25 содержала серию фрагментированных амфор. Типологически это амфоры на сложнопрофилированной ножке (Третья серия) (Там же. С. 254, Табл. 24) и лесбосские (Вариант I-C) (Там же. С. 261. Табл. 31), которые датируются концом VI — началом V в. до н. э. (рис. 5, 1–4).

В *тризне* № 27 найдено две амфоры, хиссосская пухлогорлая (Вариант III-A) (Там же. С. 234. Табл. 4) и лесбосская красноглиняная (Вариант I-C) (Там же. С. 261. Табл. 31)

(рис. 5, 7, 8), которые датируются концом VI — началом V в. до н. э.

В *тризне* № 28 обнаружено тулово протофасосской амфоры (Четвертая серия) (Там же. С. 255. Табл. 25) (рис. 5, 5) начала V в. до н. э.

В результате многолетних исследований некрополь Артющенко-2 в настоящее время является одним из наиболее полно изученных некрополей Азиатского Боспора. Всего за все время его раскопок в 2003–2018 гг. была исследована площадь около 5250 кв. м, обнаружено 205 погребений, из которых 17 доследовано за современными грабителями. Материалы, обнаруженные в процессе раскопок, помогают реконструировать особенности материальной культуры и экономических связей хоры античной Гермонассы. Облик некрополя, обряд и погребальный инвентарь позволяют прийти к выводу о достаточно высоком уровне благосостояния жителей поселения Артющенко-2. Основой этого благосостояния, скорее всего, было сельское хозяйство.

Буйских, 2013 — Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Киев, 2013. 459 с.

Виноградов, Кашаев, 2016 — Виноградов Ю. А., Кашаев С. В. Античные поселения Артющенко 1 и 2 на Таманском полуострове. К оценке масштабов природного разрушения // Боспорские исследования. Керчь, 2016. Вып. XXXIII. С. 95–109.

Кашаев, 2016 — Кашаев С. В. Гемма (инталия) из некрополя Артющенко-2 // ЗИИМК. 2016. № 14. С. 70–76.

Кашаев, 2018 — Кашаев С. В. Погребения IV–V вв. н. э. на некрополе Артющенко-2 // VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Краснодар: ИП Смородин, 2018. С. 102–115.

Коровина, 1987 — Коровина А. К. Раскопки некрополя Тирамбы // Сообщения Государ-

ственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1987. Вып. 8. С. 3–70.

Кунина, 1997 — Кунина Н. З. Античное стекло. СПб.: ГЭ, 1997. 360 с.

Монахов, 2003 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология. М.: Киммериды; Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. 352 с.

Новичихин, Галут, 2015 — Новичихин А. М., Галут О. В. Золото Горгиппии. Анапа; Краснодар: Платонов, 2015. 110, [2] с.: цв. ил.

Скуднова, 1988 — Скуднова В. М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. 184 с.

Kashaev, 2015 — Kashaev S. The Taman Detachment of the Bosporan Expedition of IIMK RAS in 2006–2013 // *Hyperboreus*. SPb., 2015. Vol. 21. Fasc. 1. P. 140–156.

Sparkes, Talcott, 1970 — Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. Princeton; New Jersey: American School of Classical Studies at Athens, 1970. 472 p. (The Athenian Agora. Vol. XII).

Excavations of the necropolis of Artyushchenko-2 in 2014–2018

S. V. Kashaev

The settlement-site of Artyushchenko-2 and its necropolis are situated in the southern part of the Taman Peninsula. They are investigated by the Taman Detachment of the Bosporan Expedition of the Institute of the History of Material Culture (IIMK) RAS. In 2014–2018, the explorations were focused on Sector 'N' (necropolis). During five years, an area of 1400 sq. m has been investigated. In the course of excavations, 63 burials have been revealed (nos. 131–188, Г13–Г17) of which five were investigated completely after modern clandestine diggers.

In the western sector of the excavated area, the most ancient burials of the 5th–4th century BC are predominant. In the eastern sector, where the investigations were conducted during the last years, there are burials of the 3rd–2nd century BC. Also in the eastern sector, the latest burials of the 4th–5th century AD have been revealed however these constitute so far only few complexes.

The information gathered during the excavations allows us to describe the main features of the burial rite, constructions of the funerary installations and the main set of the grave inventory characteristic of the necropolis of Artyushchenko-2.

As an example, the most interesting complexes and finds from them are considered below:

In burial no. 136, the grave offerings included a redware oinochoe and a bowl, a ring askos, a handmade pitcher and a bowl, a cylindrical lekythos and a bronze spindle whorl. Finds of this type are datable to the early 5th century BC (Fig. 1, 1, 2, 5–8).

Burial no. 144 is completely destroyed by the shore abrasion. Among its inventory were found a bronze rhomboid pendant, gold and jet beads (Fig. 1, 4) supposedly datable to the 2nd–3rd century AD.

In burial no. 146 disturbed by shore abrasion, the preserved inventory included a fragment of a redware bowl and a gem (intaglio) from rock crystal with a carved representation of a half-naked sitting woman. The gem can be dated to the late 5th–early 4th century BC (Fig. 1, 3).

In burial no. 148, the grave inventory included a redware oinochoe and a redware bowl, a black-gloss kylix and black-gloss saltcellar and a ceramic spindle whorl (Fig. 2, 1–4). This burial is datable to the middle or third quarter of the 5th century BC.

The inventory of burial no. 154 was composed of a redware oinochoe and a redware bowl, a black-gloss saltcellar, an iron sword, the iron head and the butt-weight of a spear, two spindle whorls — one ceramic and the other of lead. This complex is dated to the second quarter — middle of the 5th century BC (Fig. 2, 5–10).

Burial no. 156 contained a handmade pot with incisions around the rim, an iron knife, a gold neck ring, gilded silver earrings in the form of half-closed rings, two bronze buckles of the 4th–5th century AD (Fig. 3, 1–4, 8).

Burial no. 157 contained a redware bowl, an alabastron from blue-yellow Phoenician glass, a black-gloss saltcellar, two whorls of lead and ceramic (Fig. 3, 5–7). This complex is dated to the period of about the middle of the 5th century BC.

In burial no. 165, the grave goods included a table amphora, a redware bowl and a ceramic spindle whorl (Fig. 3, 9, 10). This complex is datable to the late 6th–early 5th century BC.

The inventory of burial no. 167 included a white-ground olpe of the late 6th — early 5th century BC and a cylindrical ceramic spindle whorl (Fig. 2, 11, 12).

In burial no. 168 there was a black-gloss fluted lekythos of the late 5th century BC (рис. 3, 11).

Burial no. 169 yielded a redware pitcher, a white-ground olpe, a bronze earring, a fragment of a stone whetstone, a gold nugget of a rounded shape (3–4 mm in diameter) and mollusc shells (Fig. 4, 1, 7). This burial is dated to the late 6th — early 5th century BC.

In burial no. 175 there were a proto-Thasian amphora of the early 5th century BC, a ring askos, a redware bowl, a bronze needle and a pendant — a small perforated stone (Fig. 4, 3-5).

Burial no. 183 contained an iron sword, a redware oinochoe, the bottom of a redware bowl and the foot of a Sinopean amphora (Fig. 4, 6-8, 10). The burial is dated to the late 4th — early 3rd century BC.

Burials Г13–Г17 were completely excavated after modern illegal diggers. There a number of items of grave offerings were found overlooked or neglected by the robbers. Among these objects, of note is an amphoriskos from Phoenician glass of the early 5th century BC from burial Г13 (Fig. 4, 9).

Besides the burials, in the course of excavations, still several other objects were revealed which were interpreted as ritual deposits. Ritual deposits at the necropolis are a stable feature of the burial rite. As a rule, they contain complete or fragmentary amphorae of the 5th–3rd century BC (Fig. 5).

Кухонная керамика Нимфея (по материалам коллекций Государственного Эрмитажа)¹

Е. В. Четвёркина²

Аннотация. Автором рассматриваются находки фрагментов профилей и целых форм античной гончарной кухонной керамики из раскопок античного городища Нимфей, хранящиеся в коллекциях Государственного Эрмитажа. За годы раскопок накопился значительный материал, часть которого составляет группа кухонной керамики, остающаяся малоизученной по настоящее время. Автор статьи выделяет основные формы кухонной посуды, намечает тенденции их развития и возможные импортные экземпляры для разных эпох существования города, от архаического времени до римской эпохи включительно. Выборка как наиболее редких экземпляров, так и образцов наиболее распространенных типов сосудов из коллекции представлена в приложении и иллюстрациями, данные предметы публикуются впервые.

Annotation. The author of this paper considers finds of profiles and complete forms of wheel-made cooking ware from the townsite of Nymphaion of the Classical period kept in collections of the State Hermitage in St Petersburg. In the course of excavations of many years, considerable material has been accumulated including a range of cooking ware which has remained poorly studied until now. The author distinguishes the main forms of cooking ware, considers the tendencies of their evolution and the possibly imported examples dating from different ages of the city's existence: from the archaic period until the Roman times inclusively. Vessels of the Classical period are most comprehensively regarded. A series of the rarest specimens, as well as the most widely distributed types of ware from the collection are represented in a catalogue and illustrations. The objects under consideration are published for the first time.

Ключевые слова: античные города Северного Причерноморья, Боспорское царство, Нимфей, кухонная керамика.

Keywords: Ancient cities of the Northern Black Sea littoral, Bosporan Kingdom, Nymphaion, cooking ware.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-113-128

Введение

Античный город Нимфей, расположенный на территории современного пос. Эльтиген (Героевское) (г. Керчь) в Восточном Крыму, в древности занимал одну из ключевых

позиций в Боспорском царстве, объединявшем древнегреческие города Восточного Крыма и Таманского п-ова. Археологические исследования показали, что наряду с собственным развитым керамическим производством он широко импортировал керамику и из других античных центров. За годы изучения Нимфея накоплен значительный объем керамического материала, который необходимо обработать и ввести в научный оборот.

Особенный интерес представляет гончарная кухонная посуда, которая, несмотря на

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственного задания № 0184-2019-0010.

² Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН. Дворцовая наб. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: vilgelmina@mail.ru.

то что встречается повсеместно при археологическом исследовании античных городов Северного Причерноморья, все еще остается одной из малоизученных категорий древнегреческой керамики. Этому способствует не только эстетическая непривлекательность кухонной посуды в сравнении с другими категориями сосудов, но и ее сильная фрагментированность. Эти находки считаются рядовым материалом и редко принимаются на музейный учет.

Исключение из этого правила представляет коллекция вещей, полученных при раскопках античного городища Нимфей, хранящаяся в Отделе античного мира Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге³. Ее формирование и регулярное пополнение осуществлялось благодаря долговременной (в течение более чем полувека — с 1939 по 1992 г.) работе Нимфейской археологической экспедиции под руководством М. М. Худяка, В. М. Скудной, Н. Л. Грач, О. Ю. Соколовой. Систематическому пополнению коллекции способствовало и то обстоятельство, что сотрудники, возглавлявшие экспедиции, одновременно являлись и хранителями, принимавшими ее. Это, несомненно, способствовало накоплению не только индивидуальных находок, но и массового материала. Среди коллекции Нимфея кухонная керамика составляет около 250 ед. хранения, как фрагментов профилей, так и целых форм, происходящих из слоев и комплексов всех эпох существования городища. Наиболее многочисленны находки кухонных сосудов классического времени.

На основании изучения данных находок автором выделены основные формы местной кухонной посуды, намечены тенденции их развития, проведено сравнение с сосудами других городов Боспора и греческих центров за пределами черноморского региона для выявления импортной продукции. В научный оборот впервые вводятся 12 непубликовавшихся ранее предметов (см. *Приложение*). В статью не включены находки из святилища Деметры, которым в дальнейшем

автор планирует посвятить отдельную публикацию⁴.

Кухонная керамика архаического времени.

VI — первая половина V в. до н. э.

В целом следует отметить, что находки кухонной керамики архаического периода античных городов Северного Причерноморья довольно немногочисленны. Среди нимфейской коллекции к этому времени относится 20 единиц кухонной посуды. Находки представлены целыми формами и фрагментами профиля горшков и кастрюль, а также единичными фрагментами края крышки, профиля гриля, подставки-«ласаны».

Горшки являются наиболее древней и традиционной из форм. Их типы выделяются с трудом и слабо меняются на протяжении столетий. В некоторых частях Средиземноморья их развитие прослежено от бронзового века вплоть до Нового времени. Некоторым препятствием для построения типологии служит и фрагментированность материала. В основу выделенных типов была положена форма венчика.

В коллекции Нимфея хранятся фрагменты верхних частей трех сосудов архаического времени, возможно, местного производства. Из них два сосуда тонкостенные с тонким прямым изогнутым краем (НФ.52.225, НФ.64.84)⁵ и со слегка утолщенным треугольным краем (НФ.52.226, НФ.66.400), небольшие по размеру (9,0–9,5 см в диаметре), выполненные из оранжевой глины, с мелкими белыми включениями и блестками, все фрагменты закопчены. Третий экземпляр представлен целой формой. Это одноручный горшок с диагонально отогнутым краем, широким и приземистым туловом, со слабо выраженным плечом, широкой овальной плоской ручкой (НФ.52.216). Глина сосуда оранжевая,

⁴ Автор выражает благодарность ст. науч. сотруднику Отдела античного мира ГЭ О. Ю. Соколовой за предоставленную возможность работать с материалами коллекции и полевой документацией Нимфейской археологической экспедиции.

⁵ Здесь и далее указаны номера музейного хранения.

³ © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2019.

с крупными включениями песка, мелкими белыми включениями и блестками.

Кастрюли довольно редки для архаических слоев, но в данном случае их доля необычно высока, что объясняется незначительным объемом выборки. Часть из них, скорее всего, относится к местному производству и представляет собой несколько фрагментов редких форм, почти не встречающихся в более позднее время и на других памятниках. Так, при исследовании глинистого слоя на участке «С» в 1939 г., была обнаружена археологически целая (сохранилось до половины сосуда) кастрюля с плавными высокими плечами, низким туловом, горизонтальными ручками и вертикальным краем. Край венчика немного скошен внутрь, с внутренней стороны края выступ для крышки оформлен слабеньким бугорком. Дно отсутствует, но, судя по углу сужения стенок, оно было округлым. К самой широкой части сосуда крепятся горизонтальные ручки. Кастрюля выполнена из оранжевой глины с мелкими белыми включениями, имеет слегка шероховатую поверхность (НФ.39.231). При исследовании пола помещения № 2 здания № 1 на участке «В», открытого в 1960 г., были найдены три фрагмента профиля кастрюли с длинным краем и сильно выраженным когтевидным выступом для крышки, широким и высоким туловом (НФ.60.275); единичные фрагменты подобной формы были встречены автором при изучении кухонной керамики из массового керамического материала Мирмекия. Глина сосуда оранжевая, с мелкими белыми включениями и блестками.

Из мусорной ямы последней четверти VI в. до н. э., обнаруженной в 1952 г. под оборонительной стеной у башни 1941 г., происходит фрагмент верхней части кастрюли, относящейся к широко распространенному типу кастрюль с широким резко изогнутым туловом (НФ.52.223). У сосуда характерное для этого типа резко изогнутое в верхней части или середине широкое тулово, прямой край с горизонтально вытянутым выступом для крышки. На месте резкого изгиба стенок прилеплена глухая втулка для вставки деревянной ручки. Кастрюля изготовлена из красной

глины со множеством блесток, на тулове есть следы красного покрытия. Такие кастрюли встречаются как на памятниках Греции, так и в Северном Причерноморье, в слоях классического, реже — архаического времени. Вероятно, находки этого типа в Нимфее (или часть находок?) можно считать привозными. На это указывают качество сосудов (тонкостенность) и характер глиняного теста. Красное покрытие, имеющееся у данного экземпляра, также фиксировалось и на других кухонных сосудах нимфейской коллекции, в то время как у кухонной керамики других боспорских городов подобная обработка поверхности практически отсутствует. В современной археологической литературе нет упоминаний о наличии покрытия для керамического материала греческих центров Средиземноморья.

К кухонным изделиям с красным покрытием относится единственный в коллекции экземпляр крышки от сосуда, датированный архаическим временем. Он был найден в 1960 г. на участке «В» в слое мусорного грунта конца VI в. до н. э. к западу от стены 29. Оранжевоглиняный тонкостенный край крышки помимо красного покрытия украшен еще и полосами лощения. Сосуд, вероятно, импортного производства, скорее всего, имел высокое тулово.

Следует обратить внимание на то, что среди ранних находок кухонной керамики из Нимфея присутствуют явно импортные экземпляры, происходящие из малоазийского региона. Так, фрагмент верхней части горшка с выступом для крышки с вертикальной ручкой (НФ.58.204), изготовленный из коричневой глины, с многочисленными блестящими включениями слюды, вероятно, был привезен из Ионии. Присутствие ионийской керамической продукции свидетельствует о тесных торговых контактах колоний с метрополией, хотя, конечно, нельзя исключить и того, что при переселении колонисты могли брать с собой в числе личных вещей и посуду. Вышеупомянутый фрагмент горшка «с крышкой» был найден при исследовании мусорного грунта, залегавшего ниже подошвы стены № 7/29, в 1958 г., датируемого последней четвертью

VI в. до н. э., так что, скорее всего, он представляет собой результат торговых отношений.

Из региона Малой Азии, вероятно, также был привезен и *гриль* с прорезными отверстиями в форме рыбы (НФ.56.420). Фрагмент его профиля был найден при исследовании слоя к западу от цистерны на участке «С» (см. № 1 в *Приложении*; рис. 1, 1а, 1б). На основании имеющейся полевой документации привести более точный контекст и сопутствующий материал для датировки невозможно. В 1956 г. в целом были исследованы слои классического и римского времени, однако отметим, что находки грилей этого типа на Березани датируются VI в. до н. э. (*Чистов и др.*, 2015). В Милете, откуда, возможно, происходит этот фрагмент, подобные грили широко представлены в комплексах и слоях VII–VI вв. до н. э. (*Aydemir*, 2005). Описываемый фрагмент представляет собой профиль с зубчатым краем. В стенках и дне сосуда вырезаны треугольные отверстия. Гриль был изготовлен из оранжевой глины с темными включениями (пироксен?), похожей на тесто гераклейских амфор. Возможно, из Ионии происходит фрагмент ласаны — конусовидного полого сосуда, служащего подставкой для сосудов, найденный в мусорном грунте конца VI в. до н. э. на участке «В» в 1960 г. (НФ.60.270). Он выполнен из оранжевой без видимых примесей глины, тулово сохранилось полностью, но обломаны ручка, край и основание сосуда, фрагмент закопчен.

Импортной продукцией из Эгины, вероятно, являются кастрюли с длинным прямым (НФ.58.203) и изогнутым S-видным краями (НФ.60.262), найденные соответственно в 1958 и 1960 гг. в слоях мусорного грунта конца VI в. до н. э., представленные фрагментами профиля с нижними прилепами горизонтальных ручек. Глина сосудов оранжевая или красная, с многочисленными блестками и мелкими белыми включениями.

Таким образом, хотя размер выборки достаточно невелик, предварительно можно констатировать превалирование импорта над собственной продукцией города среди кухонной посуды в архаический период.

Кухонная керамика классического времени.

VI–IV вв. до н. э.

Описанные ранее типы кухонных сосудов, характерные для архаического периода, продолжают существовать и в классическое время, некоторые сохраняются вплоть до эллинистического периода. Так, по-прежнему встречаются горшки с крышками (НФ.87.168, № 2 в *Приложении*, рис. 1, 12) и кастрюли с резко изогнутым широким туловом (НФ.87.167, № 9 в *Приложении*, рис. 1, 9). Контекст находок этих сосудов имеет широкую датировку и охватывает VI–V вв. до н. э. и IV–I вв. до н. э. Последняя из датировок дана по упоминанию находки фрагмента косской амфоры с двуствольной ручкой (изображение отсутствует). В качестве даты даны широкие хронологические рамки типа, сузить которые, пользуясь имеющейся полевой документацией, к сожалению, невозможно. Аналогии с других памятников подтверждают их принадлежность к классической эпохе. В Нимфей продолжает поступать кухонная посуда из Эгины, на это указывают находки кастрюль с длинным прямым и S-видным краями. Один из кухонных сосудов этого типа, выполненный из оранжевой глины с мелкими красными включениями и блестками, был найден в цистерне второй половины IV в. до н. э. в 1972 г. (НФ.72.688, № 7 в *Приложении*, рис. 1, 6).

В классическое время из всех имеющихся форм кухонной керамики наибольшую популярность начинают приобретать кастрюли. Самый пик их распространения приходится на эллинистическую эпоху. Среди образцов кастрюль классического времени, хранящихся в коллекции, наиболее распространен тип с трапециевидным венчиком и широким туловом. Из раскопок Нимфея происходит целая серия таких сосудов (НФ.40.485; НФ.51.988, № 4 в *Приложении*, рис. 1, 4; НФ.51.986; НФ.51.987; НФ.70.340; НФ.70.341), найденных в 1940 г. на участке «С» в мусорном грунте первой половины IV в. до н. э. у вымостки № 4 снаружи оборонительной стены; в 1951 г. при исследовании ямы «В» на участке «С-6-2», датированной концом V в. до н. э.; в 1970 г.

на участке «Г» в слое I в. н. э. с примесью более раннего материала, к которому, видимо, и относятся данные сосуды. Автором уже подробно рассматривались находки этого типа и возможное место их производства (Четвёркина, 2018. С. 245–246). Находки из Нимфея, на мой взгляд, все же относятся к местному производству.

Еще одним продуктом боспорского производства являются кастрюли типа 1 (Четвёркина, 20176). В коллекции данный тип представлен тремя целыми сосудами (НФ.83.193, НФ.84.385, НФ.48.1430, № 6 в *Приложении*, рис. 1, 11). Это сероглиняные кухонные кастрюли с округлым краем и широким туловом, с прямыми горизонтальными ручками, выполненные по довольно специфичной технологии. Сосуды были сформованы вручную и доделаны на гончарном круге. Обожжены при температуре значительно ниже, чем для простой гончарной боспорской посуды. В тесте сосудов осталась невыгоревшая органическая примесь — мелкая дробленая ракушка. Данные особенности по характеристикам приближают их к лепной керамике. Такая техника для кухонной посуды фиксируется и на других памятниках Боспора. В Мирмекии кухонные сосуды, сформованные вручную и доделанные на гончарном круге, широко распространяются в эллинистическое время. В Гермонассе, Патрее и сельских поселениях азиатского Боспора встречаются отдельные экземпляры позднеэллинистического и римского времени, изготовленные подобным образом. В Нимфее пока четко обозначить хронологические рамки для этого явления невозможно, так как помимо вышеописанных кастрюль в похожей технике выполнено еще несколько сосудов, и все они относятся к разным периодам. Можно предварительно предположить, что существование данной специфической техники является свидетельством культурного и производственного взаимодействия греческого и варварского населения.

Две последние указанные нимфейские кастрюли типа 1 (НФ.84.385, НФ.48.1430) также отличаются и редкой оригинальной формой

ручки — горизонтальная с перехватом в центре. Кастрюля с подобной ручкой была встречена в одной из тризн восточного некрополя Фанагории (Марченко, 1956. С. 113. Рис. 3, 5а, 5б, 5в). И. Д. Марченко предполагала, что такая форма ручки и способ ее крепления появился в керамике под опосредованным влиянием кавказских народов — синдгов и меотов, указывая при этом на существование сосудов с аналогичной ручкой в Восточной Синдике (Марченко, 1956. С. 115). Кроме Фанагории, единичный фрагмент кухонного сосуда с такой раздвоенной ручкой был встречен в Ольвии (Книпович, 1940. С. 143. Рис. 100, 2).

Хотя в основном формы кухонных сосудов Нимфея соответствуют находкам из других городов Северного Причерноморья и Средиземноморья, отличаясь лишь некоторыми деталями, иногда встречаются и специфические типы. Среди них следует отметить кастрюлю редкой формы — с низким туловом и высокими петлевидными ручками (НФ.41.356, № 5 в *Приложении*, рис. 1, 5), найденную в 1941 г. на участке «С-4» при исследовании сероглинистого слоя к северу от оборонительной стены. Если конфигурации тулова и венчика вполне можно найти аналогию среди находок с азиатской части Боспора, то такая форма ручки, больше напоминающая отдаленно ручки ранних типов киликов, практически нигде, кроме Нимфея, не встречается (исключение составляет только отдаленно похожий на нимфейский кухонный сосуд из Херсонеса — Белов, Стржелецкий, 1953. С. 44. Рис. 11 — 2-й ряд, первый слева), да и в самом городе находки аналогичных кастрюль редки (имеется лишь один похожий экземпляр — НФ.66.47). Также необычно для кухонной керамики и присутствие декора поверхности: кастрюля на ручках, плечиках, внешней стороне края расписана полосами черной, сильно разбавленной краской.

Самую малочисленную категорию кухонной керамики классического времени Нимфея составляют сковороды, однако один из фрагментов сковороды, найденный в 1952 г. в сероглинистом слое у башни 1941 г. ниже фундамента оборонительной стены V в. до н. э.

(НФ.52.115, № 3 в *Приложении*, рис. 1, 7), представляет немалый интерес на общем фоне других находок. Самый край сосуда обломан, с его внутренней стороны есть выступ для крышки, тулово очень низкое, к нему прилегает горизонтальная трехствольная ручка, у ее основания «заклепка», имитирующая крепление ручки на металлическом сосуде. Подражание металлической посуде в кухонной керамике — довольно редкое явление, в качестве других подобных случаев можно указать наличие третьей ручки (?) у одного из сосудов с Афинской агоры (*Sparkes, Talcott, 1970b. Pl.94, 1958*) и у кухонного горшка из Херсонеса, хранящегося в Государственном историческом музее (без инвентарного номера).

Существование металлической кухонной посуды, никак не фиксируемой в археологическом материале, которой могла бы подражать глиняная, конечно, возможно, но, на мой взгляд, маловероятно, хотя подобное предположение и высказывалось (*Sparkes, Talcott, 1970a. P. 226*). Однако взаимосвязь с большими металлическими котлами, предназначенными для парадного застолья и ритуального использования, очевидна и более вероятна. Более того, некоторые исследователи (В. Ф. Гайдукевич, Л. Хайнце и др.), считают, что именно от них и ведут свое происхождение глиняные кастрюли как уменьшенный вариант котла. Правда, Л. Хайнце и его соавторы высказали такое предположение только в отношении одного типа — так называемых «лебесовидных» кастрюль Приены (*Amicone et al., 2014. P. 2*).

Кухонная керамика эллинистического периода.

III — первая четверть I в. до н. э.

Основная масса кухонной керамики эллинистического времени из коллекции Нимфея происходит из цистерны № 1, датируемой концом IV — первой половиной III в. до н. э. и относящейся к открытому в 1984 г. комплексу святилища богов-покровителей мореходства. Находки из данного контекста уже были опубликованы (*Соколова, 2004*), но, тем

не менее, невозможно обойти их вниманием, так как большинство кухонных сосудов из комплекса представляет собой целые формы, основная масса явно относится к привозной продукции. Из цистерны происходит серия кастрюль и крышек, лишь часть из них может считаться местной: сероглиняная кастрюля уже упоминавшегося I типа с примесью ракушки и раздвоенными ручками (*Соколова, 2004. С. 181. Рис. 18*), а также и крышка с круглой ручкой с рельефным валиком у основания (НФ.84.379). Однако следует отметить, что основная серия кастрюль и крышек заметно отличается характеристиками глины и морфологии сосуда, качеством выделки и поэтому может считаться привозной. Среди них выделяются три типа: кастрюли с длинным чуть вогнутым краем и горизонтальными ручками (*Соколова, 2004. С. 179. Рис. 5, 2, 3; 6, 1. С. 181. Рис. 16*), кастрюли без выступа для крышки, одна с высокими горизонтальными ручками, у другой на месте ручек небольшие, явно декоративные «рогатые» выступы (*Соколова, 2004. С. 179. Рис. 5, 1; 6, 2*), и крышки с биконической и сложнопрофилированной ручками с низким, уплощенным краем (*Соколова, 2004. С. 178. Рис. 4, 1, 2*). Следует особо отметить, что все эти сосуды тонкостенные, очень приземистые (4–5 см в высоту) и сравнительно небольшие (диаметром около 15 см). Часть из них имеет красное покрытие на внутренней и/или наружной поверхностях тулова и лощение в форме спирали на дне, кастрюли без выступа для крышки покрыты тонким слоем светло-коричневого ангоба снаружи. Кастрюли с длинным чуть вогнутым краем по форме идентичны афинским (*Rotroff, 2006. Fig. 83, 646, 647, 649*). Крышки с биконической и сложнопрофилированной ручками также имеют аналогии среди материала Афинской агоры (*Rotroff, 2006. Fig. 90, 719, 721–729; 91, 732*). Кастрюли без выступа («лебесовидные») были встречены в Приене и считаются формой, популярной во всей южной Ионии и, возможно, в Карии (*Heinze, 2015. P. 137*). Есть три экземпляра (НФ.84.369, НФ.84.370, НФ.84.372), повторяющие афинскую форму, но выполненные

из боспорской глины (красной, с белыми включениями), вероятно, являющиеся подражанием импортной форме. Подобные подражания афинской кухонной посуде были встречены автором при изучении кухонной керамики Мирмекия (Четвёркина, 2017а. С. 605. Рис. 1, 2).

Среди кухонной керамики из других комплексов Нимфея эллинистического времени необходимо также отметить несколько типов, характерных для данного периода. Среди кастрюль эллинистического периода наиболее распространены на боспорских памятниках кастрюли типа 6 (Четвёркина, 2017б), с длинным горизонтальным краем, прямым туловом и острым дном. В коллекции всего один практически целый сосуд такой формы (НФ.50.123), обнаруженный в желтоглинистом слое IV в. до н. э. на участке «С-6» к югу от оборонительной стены. Он представляет собой один из ранних образцов этого типа, пик распространения которого приходится примерно на II–I вв. до н. э. Подавляющее большинство находок кастрюль типа 6 в Северном Причерноморье относится к местному производству, но, возможно, отдельные высококачественные образцы могут относиться к привозной продукции. С ними морфологически схожа группа кастрюль из комплексов II в. до н. э., встречающихся на разных памятниках средиземноморского региона (кастрюли форм 4 и 5, найденные на Афинской агоре — Rotroff, 2006. Fig. 84, 665–667, один экземпляр встречен на Эгине — Klebinder-Gauss, 2012. Tafel. 71, SKOL 104), возможно, малоазиатского или ближневосточного происхождения (Rotroff, 2006. P. 186).

Совместно с многочисленными находками кухонных сосудов встречаются и крышки от них. Среди последних также есть как привозные экземпляры, так и изделия местного производства. Для систематизации материала и удобства описания их можно разделить на типы по форме ручки (упора) для держания, однако, к сожалению, все конфигурации не привязаны четко к какому-либо определенному региону, хотя имеют некоторую разницу во временных рамках. Все типы крышек,

встречающиеся в городах Боспора, присутствуют в коллекции Нимфея, их можно объединить в две группы: 1 — сплошные конические (НФ.51.978, НФ.52.95, НФ.52.108, НФ.52.112, НФ.84.377), цилиндрические (НФ.83.194, НФ.84.374), круглые (НФ.84.379), с широким плоским верхом (НФ.84.378, НФ.88.257), биконические (НФ.48.1438, НФ.51.980); 2 — полые сложнопрофилированные (НФ.39.481, НФ. 41.359, НФ.51.977, НФ.58.197, НФ.60.248, НФ.84.375, НФ.84.376, НФ.84.380, НФ.84.381, НФ.84.383, НФ.84.386). Большинство типов существуют с позднеархаического по раннеэллинистический период. К одному из наиболее распространенных типов крышек с цилиндрической ручкой, например, принадлежит экземпляр, обнаруженный в заполнении колодца, относящегося к комплексу святилища с фреской корабля Изиды на южной части участка «М» в 1983 г. (НФ.83.194, № 8 в Приложении, рис. 1, 3). Крышка по технологии изготовления лепная, подработанная на гончарном круте, из светло-коричневой глины, с примесью мелкой ракушки. Этот тип крышек широко распространен как на Боспоре, так и в городах Средиземноморья, в Нимфее он известен с IV по II в. до н. э.

Кухонная керамика римского времени.

I–III вв. н. э.

В этот период в Нимфее и других городах Боспора наиболее популярен тип кастрюль со сложнопрофилированным туловом и горизонтальным краем. В коллекции к нему относится несколько целых форм, в том числе и кастрюля, найденная в яме в помещении «К» на участке «Г» в 1972 г. (НФ.72.690, № 12 в Приложении, рис. 1, 8). Кастрюли этого типа отличаются четкое членение сосуда на три части — край, среднюю часть и дно — за счет слегка выпуклого «горла», подчеркнутого почти во всех случаях подрезкой и резко изогнутым ребром снизу. Этот усложненный профиль довершают изящные слегка выгнутые уплощенные вертикальные ручки с овальным сечением, иногда с тремя уплощенными валиками.

Возможно, часть сложнопрофилированных кастрюль была привезена из городов Малой Азии. На это указывает то, что некоторые экземпляры выполнены из глины, сходной по характеристикам с глиной гераклейских амфор (например, у Н.73.46, НФ.86.146), есть и другие сосуды этого типа в коллекции, из явно не боспорской глины. К тому же в Малой Азии, например в Трое, были найдены ближайšie аналогии по форме (*Heath, Tekkök*, 2007–2008. Р. 94, 1). Находки привозных сложнопрофилированных кастрюль встречаются и в других городах Боспора. Целая серия кастрюль этого типа происходит из Мирмекия, в их глиняном тесте содержатся крупные частицы слюды (*Гайдукевич*, 1952б. С. 158), что считается характерным для теста керамики городов Ионии. Однако из Тиритакки происходит группа сложнопрофилированных кастрюль, выполненных из боспорской глины, очевидно, подражающих привозным (*Гайдукевич*, 1952а. С. 32).

В римское время продолжают бытовать горшки. Один из распространенных в то время типов — с загнутым краем и ребристым туловом — представлен и в нимфейской коллекции. Это кухонный горшок, найденный в 1978 г. на участке «Г», в яме у стены № 87, датируемый второй половиной I в. н. э. (НФ.78.137, № 10 в *Приложении*, рис. 1, 10). Это горшок с толстым загнутым краем со слабовыраженным уступом, с почти не расширяющимся к середине туловом и круглым дном, ребристой поверхностью, вертикальными ручками. Среди горшков данного типа встречаются также и миниатюрные образцы. Так, из ямы римского времени (I — начало III в. н. э.), открытой в 1960 г. у западного борта раскопа «В», происходят верхняя и нижняя части, вероятно, одного небольшого кухонного одноручного горшочка с плоским дном (НФ.60.272, НФ.60.273). Несмотря на малый размер, в нем явно что-то готовили, так как стенки сосуда сильно прокопчены.

В римское время в городах Северного Причерноморья большую популярность и распространение получают сковороды, что может быть связано с какими-то изменени-

ями в способах приготовления пищи. В коллекции Нимфея к этому периоду относятся две фрагментированные сковороды, возможно, привезенные из Малой Азии (НФ.64.80, НФ.52.385). Обе происходят из слоев городища I в. до н. э. — I в. н. э. и I–II вв. н. э. Сосуды выполнены из оранжевой глины с многочисленными блестящими включениями слюды, широкое низкое тулово имеет с двух сторон по краю декоративные ручки-налепы, украшенные вдавленными пальцами.

В 1989 г. при исследовании на участке «Г» слоя над вымосткой одной из городских улиц, датируемой I–II вв. н. э., встречена одна из самых любопытных находок — фрагмент ручки жаровни с рельефным изображением воющей собаки (?) (НФ.89.126, № 11 в *Приложении*, рис. 1, 2а, 2б). Изображение животного, довольно стилизованное и упрощенное, сформированное вручную и прилепленное к ручке с доработкой острым инструментом. Образ собаки является характерным для искусства Боспора первых веков нашей эры. Этот сюжет, представленный в боспорском искусстве и на предметах ремесла, как это уже не раз отмечалось в научной литературе, имеет сакральный характер. Изображения собак на керамике нередки и встречаются, например, на сосудах римского времени в Китее (*Молева*, 2018. С. 367. Рис. 1, 6, 7). Скорее всего, нимфейская жаровня могла использоваться в святилище, и кроме утилитарной функции иметь и сакральное значение.

Мы попытались реконструировать форму жаровни. На фоне распространенных в это время грубых лепных коробообразных жаровен на трех низких ножках (в коллекции Нимфея — НФ.69.34; в коллекциях ГИМ — жаровни с Батарейки I и Батарейки II) данный фрагмент явно выделяется и восходит к более ранним гончарным жаровням с множеством деталей декора. Наиболее сопоставимы с рассматриваемым экземпляром афинские жаровни эллинистического времени (*Rotroff*, 2006. Fig. 92, 750; 93, 780, 783; 94, 786, 787; 95, 803). Они представляют собой крупную круглую чашу с тремя отверстиями в дне, декорированную по краю тремя выступами

внутри и стоящую на очень высоком полом поддоне. Находки жаровен такого типа, представленные также отдельными фрагментами выступов с рельефным изображением, происходят из раскопок Пантикапея и хранятся в Керченском музее (КП 150812, КП 156658). Характер глиняного теста и качество исполнения позволяют считать данные экземпляры привозными, в то время как жаровня из Нимфея выполнена из боспорской глины с белыми включениями и, несомненно, представляет собой замысловатый продукт местного творчества.

Заключение

Таким образом, в коллекции Нимфея представлен весь ассортимент древнегреческой кухонной керамики — горшки, кастрюли, сковороды, крышки, жаровни, грили. При этом немалая часть кухонных сосудов явно относится к производству городов Малой Азии (Приена (?), Гераклея (?)) и Средиземноморья (Афины, Эгина). Вероятно, они были привезены в Нимфей либо в качестве товара наряду с другими категориями керамики (возможно, в них перевозилась какая-то снедь?), либо в качестве личных вещей выходцев из этих центров (вполне убедительно такую интерпретацию находок привозной кухонной керамики приводил Л. Хайнце — см. *Heinze*, 2015). Также интересно существование такого явления, как подражание типам кухонной керамики других центров (в случае Нимфея — афинским кастрюлям формы 3). Оно фиксируется и в других городах Боспора, например в Мирмекии (*Четвёркина*, 2017а), и даже в самих Афинах (*Rotroff*, 2006. Р. 171). По-видимому, кухонные сосуды определенных центров ценились выше, чем других, и покупались охотнее ввиду их качества, практичности, эстетичности вида, чем может объясняться желание имитировать такие типы. В любом случае окончательно прояснить соотношение импорта, местной продукции и подражаний, географию торговых связей позволит применение естественнонаучных методов для изучения кухонной керамики. Такое исследование уже планируется автором, и его результаты должны

скорректировать выдвинутые в данной работе гипотезы и сделанные выводы.

Несмотря на некоторую «консервативность» типов кухонной керамики, существующих на протяжении веков почти без изменений, тем не менее, можно наметить общую тенденцию развития формы кухонных сосудов — от объемных высоких и широких, с вертикально ориентированным венчиком, к более низким, с прямым туловом, горизонтальным венчиком. В первые века повсеместно наблюдается подражание римской керамике, проявляющееся в способе декора поверхности сосудов и придании им ребристости.

Подводя итог, следует отметить, что в кухонной посуде отражен ряд форм и идей, общих как для средиземноморского района, так и для Северного Причерноморья; местные типы, как правило, отличаются характером исполнения и деталями, а не основной формой. К похожим выводам пришел в свое время и исследователь эллинистической керамики Коринфа Г. Р. Эдвардс. По его мнению, в эллинистическое время образуется специфическое «койне» в области керамического производства, связанное с распространением общих форм сосудов, мощный импульс исходит при этом от Афин (*Edwards*, 1975. Р. 7). Однако результаты анализа кухонной керамики Нимфея показывают, что кроме Афин в этом процессе участвовали и города Ионии и Малой Азии, Эгина. Наличие не только привозной керамики, но и местных имитаций форм других центров говорит о глубоком культурном взаимодействии.

Типы кухонной керамики Нимфея схожи с формами других центров греческой ойкумены, данное наблюдение верно и для остальных боспорских городов. Это свидетельствует о том, что местные гончары в целом следовали общегреческой керамической традиции. Но здесь также встречаются редкие техники, формы и детали оформления кухонных сосудов, явно представляющие собой продукт новаторства боспорских мастеров, среди источников вдохновения которых могли быть и варварские традиции изготовления и украшения керамики.

Приложение

1. *Наименование*: гриль с прорезными отверстиями в форме рыбы (рис. 1, 1а, 1б).

Описание. Фрагмент профиля с зубчатым краем, зубцам придана пирамидальная форма.

Тулово имеет высоту около 4 см, немного сужается к плоскому дну, в стенках и дне гриля вырезаны отверстия треугольной формы.

Глина: оранжевая, с мелкими черными включениями (пироксен?).

Музейный шифр: НФ.56.420.

Полевой шифр: Н.56.372.

Контекст: список 19–13, к западу от цистерны, кв. 65.

Дата: контекст установлен по описи, в отчете не описан и не датирован. В полевом сезоне 1956 г. исследовались слои V–IV вв.

до н. э. — I–III вв. н. э. Так или иначе, в них он попал явно из более раннего слоя, так как все аналогии указывают на архаическое время (VI в. до н. э.).

Аналогии: ОАК за 1898 г. С. 15. Рис. 8; *Чистов и др.*, 2015. С. 16. Рис. 5, 5–7; *Audemir*, 2005 P. 93. Ab. 12, 15.

2. *Наименование*: горшок с выступом для крышки (рис. 1, 12).

Размеры: $D^6 = 19,4–19,8$ см, $B = 31,5$ см.

Описание. Целая, реставрированная с незначительными восполнениями форма. Сосуд имеет вертикальный прямоугольный край со слегка загибающимся вверх выступом для крышки с внутренней стороны и широкое высокое тулово с слабовыраженными покатыми плечами, завершающееся округлым дном, от края к плечам отходят две вертикальные уплощенные овальные в сечении ручки. От основания края к плечам горшок украшен тонкими вертикальными полосами лощения. Поверхность сосуда закопчена.

Глина: оранжевая, с множеством блесков, мелких белых и черных включений.

Музейный шифр: НФ.87.168.

Полевой шифр: Н.87.145.

Контекст: участок «Г», слой между ямой № 1

и стеной 115 на севере, стеной 118, 119 на востоке, стеной 24 на юге и стеной 116 на западе. Глубина 3,17–3,40 м от репера.

Дата: VI–V вв. до н. э.

Аналогии: *Sparkes, Talcott*, 1970b. Pl. 93, 1928.

3. *Наименование*: сковорода (рис. 1, 7).

Размеры: $D > 40$ см.

Описание. Фрагмент профиля сковороды с очень низким плавным туловом, к нему с внутренней стороны прилегает выступ для крышки, с внешней стороны — обломок горизонтальной трехствольной ручки с круглым сечением, у основания ручки есть небольшой конический выступ — «заклепка», имитирующее крепление ручки на металлическом сосуде. Край сковороды обломан. Поверхность снаружи и частично изнутри сосуда сильно закопчена.

Глина: темно-оранжевая, с мелкими блестками.

Музейный шифр: НФ.52.115.

Полевой шифр: Н.52.302.

Контекст: список 28–14, слой у башни 1941 г., сероглинистый грунт, глубина 1,0–1,3 м от фундамента оборонительной стены V в. до н. э.

Дата: V в. до н. э.

4. *Наименование*: кастрюля (рис. 1, 4).

Размеры: $D = 18$ см, $B = 10$ см.

Описание. Целая, реставрированная с восполнением дна и стенок кастрюля с трапециевидным краем и небольшим загнутым верху выступом для крышки, тулово широкое с высокими плечами, на которых расположены горизонтальные ручки, круглые в сечении. Поверхность сосуда изнутри и снаружи закопчена.

Глина: оранжевая, без видимых включений.

Музейный шифр: НФ.51.988.

Полевой шифр: Н.51.363.

Контекст: список 11–11, участок «С-6-2», яма «В».

Дата: конец V в. до н. э.

Аналогии: в коллекции — НФ.51.986, НФ.51.987, НФ.70.340, НФ.70.341; в литературе — *Кастанаян*, 1958. С. 262. Рис. 13; *Книпович*, 1940. С. 138. Табл. XXIX, 5; *Лейпунская*, 1987. С. 80. Рис. 29, 4; *Edwards*, 1975.

⁶ Для размеров здесь и далее приняты следующие сокращения: D — диаметр, B — высота, У — угол.

Pl. 27, 649; *Hannestad et al.*, 2002. Pl. 94, 96; *Klebinder-Gauss*, 2012. P. 361, SKOL 85; *Sackett et al.*, 1992. Pl. 140, 71–73; Pl. 148, 105; *Sparkes, Talcott*, 1970b. Fig. 18, 1968.

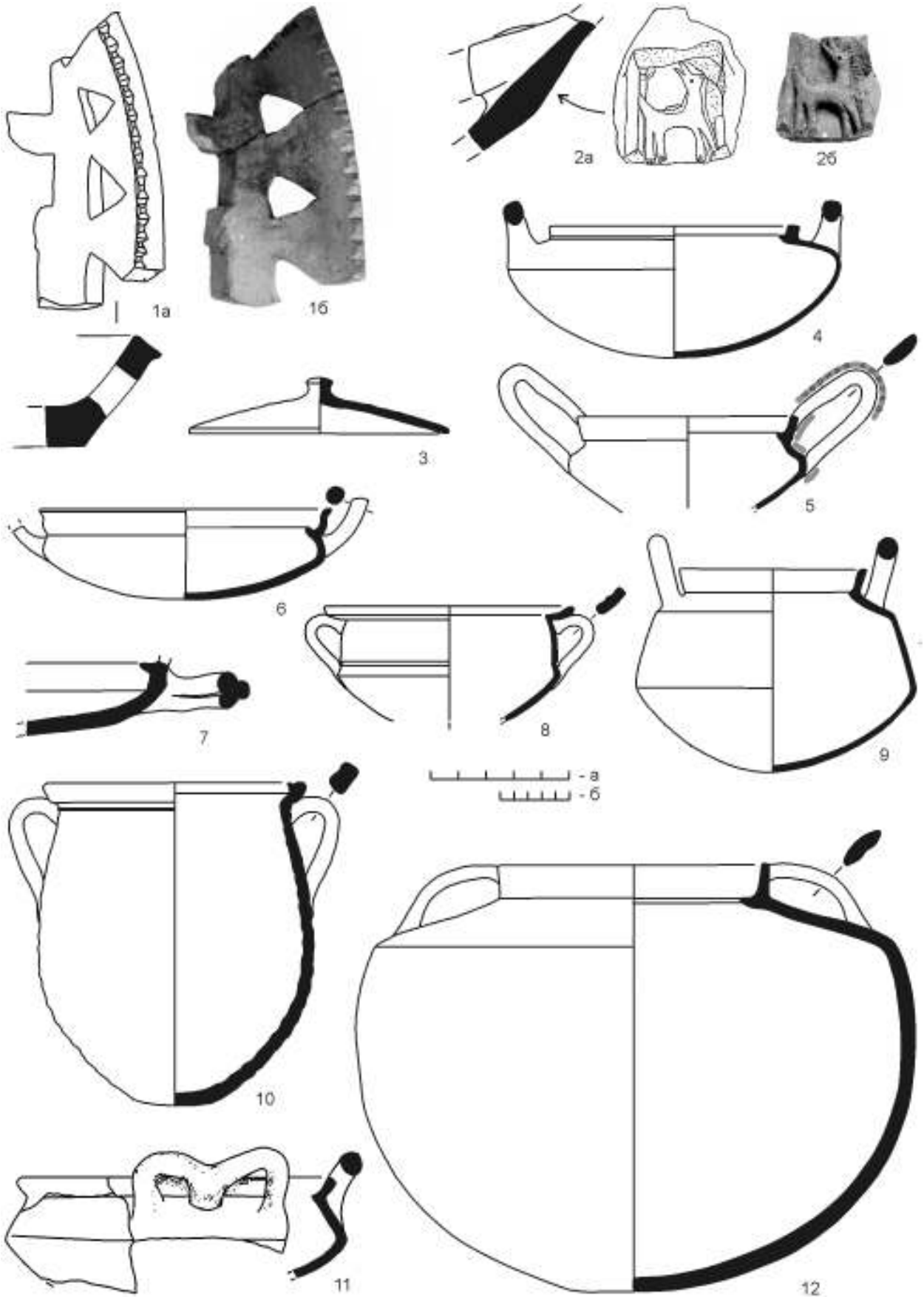
5. *Наименование*: кастрюля (рис. 1, 5).
Размеры: Д = 16 см, У = 70°.
Описание. Фрагмент верхней части кастрюли с высокой вертикальной ручкой. Поверхность сосуда на ручках, плечиках, внешней стороне края расписана полосами жидкой, низкого качества черной краски, закопчена.
Глина: оранжевая, без видимых включений.
Музейный шифр: НФ.41.356.
Полевой шифр: Н.41.1039.
Контекст: список 18–10, участок «С4», серо-глинистый слой на север от оборонительной стены на глубине 1,95–2,30 м.
Дата: IV в. до н. э.
Аналогии: в коллекции — НФ.66.47; в литературе — *Белов, Стржелецкий*, 1953. С. 44. Рис. 11 — 2-й ряд, первый слева.

6. *Наименование*: кастрюля (рис. 1, 11).
Размеры: Д = 23 см, У = 60°.
Описание. Фрагмент профиля кастрюли со слегка скругленным прямоугольным краем и слабо выраженным уступом для крышки, тулово резко расширяется к средней части, образуя ребро, затем плавно сужается, образуя предположительно округлое дно. На верхней части тулова располагается горизонтальная раздвоенная, с перехватом посередине, ручка, округлая в сечении. Поверхность сосуда закопчена.
Глина: коричневая, с мелкими красными частицами и многочисленными включениями ракушки.
Музейный шифр: НФ.48.1430.
Полевой шифр: Н.48.749.
Контекст: список 3–15, участок «С-4», яма в классическом слое.
Дата. В полевом отчете нет ни описания ямы, ни датировки. По аналогии с другими экземплярами Нимфея и Мирмекия — конец V — первая половина III в. до н. э.
Аналогии: в коллекции — НФ.83.193, НФ.84.385; в литературе — *Книпович*, 1940. С. 143. Рис. 100, 2; *Марченко*, 1956. С. 113. Рис. 3, 5а, 5б, 5в.

7. *Наименование*: кастрюля (рис. 1, 6).
Размеры: Д = 21 см, В = 6,5 см.
Описание. Целая, реставрированная с восполнениями кастрюля. Сосуд имеет длинный изогнутый S-видный край с длинным диагональным выступом для крышки с внутренней стороны. Тулово кастрюли невысокое и широкое, его стенки изгибаются и начинают сужаться к дну почти сразу после венчика. На тулове в месте излома сохранились прилепы от двух горизонтальных, круглых в сечении ручек с частью ствола. Поверхность кастрюли закопчена.
Глина: оранжевая, с мелкими красными включениями и блестками.
Музейный шифр: НФ.72.688.
Полевой шифр: Н.72.388.
Контекст: список 66–13, квадрат И-8, цистерна.
Дата: вторая половина IV в. до н. э.
Аналогии: в коллекции — НФ.48.1433, НФ.51.830, НФ.53.303, НФ.56.217/2, НФ.60.262, ПР.95; в литературе — *Четвёркина*, 2017а. С. 608. Рис. 2; *Klebinder-Gauss*, 2012. P. 362. SKOL 103, 106.

8. *Наименование*: крышка от кухонного сосуда (рис. 1, 3).
Размеры: Д = 18,8 см, В = 4 см.
Описание. Целая форма, реставрированная с незначительными восполнениями, с пологими стенками и сплошной ручкой с округлым верхом.
Глина: светло-коричневая, с крупными включениями ракушки, слабый обжиг.
Музейный шифр: НФ. 83.194.
Полевой шифр: Н.83.152.
Контекст: участок «М», южный участок, заполнение колодца на территории святилища Афродиты и Аполлона; глубина –12,55/–18,25 м от репера.
Дата: первая половина III в. до н. э.
Аналогии: *Гайдукевич*, 1952б. С. 202. Рис. 113; *Гайдукевич*, 1987. С. 80. Рис. 98; С. 92. Рис. 120, 2; *Книпович*, 1934. С. 151. Рис. 42, 1; *Кругликова*, 1957. С. 114. Рис. 3, 16.

9. *Наименование*: кастрюля (рис. 1, 9).
Размеры: Д = 13,5 см, В = 15 см.

Описание. Сохранилось около половины сосуда, профиль с одной ручкой и частью дна. Край кастрюли прямоугольный вертикальный, со слабовыраженным уступом для крышки, стенки сосуда в начале и конце средней части образуют два ребра, деля тулово на три части, в верхней части крепятся высокие горизонтальные ручки, круглые в сечении. Поверхность горшка закопчена. *Глина:* ярко-оранжевая, с мелкими включениями песка и примесью мелкой ракушки. *Музейный шифр:* НФ.87.167. *Полевой шифр:* Н.87.172.

Контекст: участок «Г», яма № 8.

Дата: IV–I вв. до н. э. по находкам из контекста, IV в. до н. э. по аналогиям.

Аналогии: в литературе — *Гайдукевич*, 1987. С. 79. Рис. 97, левый столбец, вторая сверху; С. 87. Рис. 109, 2; *Sparkes, Talcott*, 1970b. Pl. 94, 1953; *Кузнецов*, 2011. Л. 49.

10. Наименование: горшок (рис. 1,).

Размеры: Д = 19 см, В = 22,5 см.

Описание. Целая форма, реставрированная с незначительными восполнениями. Горшок имеет изогнутый сильно утолщающийся к концу край с подрезкой сверху, высокое, почти прямое тулово с ребристой поверхностью, слегка расширенное чуть ниже средней части и плавное сужающееся к округлому дну. Поверхность сосуда сильно закопчена.

Глина: оранжевая, с мелкими белыми включениями и блестками.

Музейный шифр: НФ.78.137.

Полевой шифр: Н.78.100.

Контекст: участок «Г», яма у стены № 87.

Дата: вторая половина I в. н. э.

Аналогии: в коллекции — НФ.60.272, НФ.60.273; в литературе — *Зеест*, 1957. С. 145. Рис. 2, 9, 10.

11. Наименование: жаровня (рис. 1, 2а, 2б).

Размеры: не определимы.

Описание. Фрагмент стенки жаровни с выступом с рельефным изображением собаки (?), край обломан.

Глина: оранжевая, серая в изломе, с множественностью белых включений.

Музейный шифр: НФ.89.126.

Полевой шифр: Н.89.150.

Контекст: участок «Г», северная прирезка, слой на плитах вымостки улицы, глубина 1,70–2,15 м.

Дата: I–II вв. н. э.

Аналогии: по форме — в литературе *Rotroff*, 2006. Fig. 92, 750; 93, 780, 783; 94, 786, 787; 95, 803; в коллекциях — несколько экземпляров из Пантикапея, хранящихся в ВКИКЗ — КП 150812, КП 156658; иконография — *Молева*, 2018. С. 367. Рис. 1, 6, 7, 9.

12. Наименование: кастрюля (рис. 1, 8).

Размеры: Д = 18 см, У = 110°.

Описание. Фрагмент верхней части с ручкой сложнопрофилированной кастрюли с горизонтальным длинным краем, верхняя часть тулова образует горло, отделяется подрезкой и ребром от нижней части сосуда, вертикальные, овальные трехваликовые в сечении ручки начинаются сразу под краем и крепятся снизу на месте изгиба кастрюли. Поверхность сосуда закопчена.

Рис. 1. Кухонная керамика Нимфея архаического и классического времени: 1 — НФ. 56.420, № 1 (здесь и далее НФ. 56.420 — музейный шифр; № 1 — номер по Приложению), 1а — прорисовка, 1б — фото; 2 — НФ. 89.126, № 11, прорисовка и фото; 3 — НФ.83.194, № 8; 4 — НФ.51.988, № 4; 5 — НФ.41.356, № 5; 6 — НФ.72.688, № 7; 7 — НФ.52.115, № 3; 8 — НФ.72.690, № 12; 9 — НФ.87.167, № 9; 10 — НФ.78.137, № 10; 11 — НФ.48.1430, № 6; 12 — НФ.87.168, № 2. *Масштабы:* а — для № 1, 2; б — для № 3–12

Fig. 1. Kitchenware from Nymphaion of Archaic and Classical period: 1 — НФ.56.420, no. 1 (here and below, НФ. 56.420 — museum code; no. 1 — number according to the Appendix), 1a — detailed drawing, 1b — photo; 2 — НФ. 89.126, no. 11, detailed drawing and photo; 3 — НФ.83.194, no. 8; 4 — НФ.51.988, no. 4; 5 — НФ.41.356, no. 5; 6 — НФ.72.688, no. 7; 7 — НФ.52.115, no. 3; 8 — НФ.72.690, no. 12; 9 — НФ.87.167, no. 9; 10 — НФ.78.137, no. 10; 11 — НФ.48.1430, no. 6; 12 — НФ.87.168, no. 2. *Scale:* a — nos. 1, 2; б — nos. 3–12

Глина: оранжевая, с мелкими красными включениями и блестками.

Музейный шифр: НФ.72.690.

Полевой шифр: Н.72.528.

Контекст: список 94/21, участок «Г», поме- щение К, большая яма, южная часть.

Дата: вероятно, относится к верхней части заполнения ямы и датируется I–II вв. н. э., аналогии также указывают на это время.

Аналогии: в коллекции — НФ.39.117, НФ.58.199, НФ.69.31, Н.73.46 (числится по полевому номеру), НФ.86.146, НФ.89.176; *Heath, Tekkök*, 2007–2008. Р. 94, 1; *Гайдукевич*, 1952а. С. 32. Рис. 25, 1; С. 92. Рис. 111, 1; *Гайдукевич*, 1952б. С. 158. Рис. 41, 2, 3, 4; *Каменецкий*, 1969. С. 171, Табл. VI, 4; *Зеест*, 1957. С. 143. Рис. 1, 2, 9–11.

Белов, Стржелецкий, 1953 — *Белов Г. Д., Стрже- лецкий С. Ф.* Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.) // *Археологические памятники Юго- Западного Крыма (Херсонес, Мангуп)* / Отв. ред. Е. Ч. Скржинская. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 32–105 (МИА. № 34).

Гайдукевич, 1952а — *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // *Боспорские города. Ч. 1. Итоги археологических исследова- ний Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 15–134 (МИА. № 25).

Гайдукевич, 1952б — *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг.; *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // Там же. С. 135–222.

Гайдукевич, 1987 — *Гайдукевич В. Ф.* Античные города Боспора: Мирмекий. Л.: Наука, 1987. 178 с.

Зеест, 1957 — *Зеест И. Б.* Пантикапейская ке- рамика сарматского времени // *Пантикапей / Отв. ред. И. Б. Зеест, И. Д. Марченко.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 139–159 (МИА. № 56).

Каменецкий, 1969 — *Каменецкий И. С.* Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса // *Античные древности Подонья– Приазовья* / Отв. ред. Д. Б. Шелов. М.; Л.: Изд- во АН СССР, 1969. С. 136–172 (МИА. № 154).

Кастанаян, 1958 — *Кастанаян Е. Г.* Археологическая разведка на городище Парфе- ний в 1949 г. // *Боспорские города* / Под ред. В. Ф. Гайдукевича, Т. Н. Книпович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. II: Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг. С. 254–265 (МИА. № 85).

Книпович, 1934 — *Книпович Т. Н.* Опыт харак- теристики городища у ст. Елисаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г. // *Из- вестия ГАИМК.* 1934. Вып. 104. С. 111–201.

Книпович, 1940 — *Книпович Т. Н.* Керамика местного производства из раскопа «И» // *Оль- вия* / Отв. ред. Н. И. Ячменев. Киев: Изд-во АН УССР, 1940. Т. 1. С. 129–170.

Кругликова, 1957 — *Кругликова И. Т.* Ремеслен- ное производство простой керамики Панти- капея в VI–III вв. до н. э. // *Пантикапей / Отв. ред. И. Б. Зеест, И. Д. Марченко.* М.; Л.: Изд- во АН СССР, 1957. С. 96–138 (МИА. № 56).

Кузнецов, 2011 — *Кузнецов В. Д.* Отчет о работе Фанагорийской экспедиции в 2011 г. // *Архив ИА РАН.* Ф-1. Д. 46676. 2011.

Лейпунская, 1987 — *Лейпунская Н. А.* Кухон- ная керамика // *Культура населения Оль- вии и ее округи в архаическое время* / Отв. ред. С. Д. Крыжицкий. Киев: Наукова думка, 1987. С. 79–83.

Марченко, 1956 — *Марченко И. Д.* Раскопки восточного некрополя Фанагории // *Фанаго- рия* / Под ред. А. П. Смирнова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 100–127 (МИА. № 57).

Молева, 2018 — *Молева Н. В.* Зооморфные обра- зы в керамике Китея: греческие и варварские традиции изображения // *Боспорский фено- мен. Общее и особенное в историко-культур- ном пространстве античного мира* / Отв. ред. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. Ч. 1. С. 365–373.

ОАК, 1901 — Отчет Археологической комиссии за 1898 г. СПб.: Типография Главного управле- ния уделов, 1901. 199 с.

- Соколова, 2004 — Соколова О. Ю. Комплекс находок эллинистического времени из Нимфея (раскопки 1984 г.) // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб.: Изд-во ГЭ, 2004. С. 175–185.
- Четвёркина, 2017а — Четвёркина Е. В. О торговых связях Мирмекия позднеклассического и эллинистического времени по данным кухонной посуды // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути — товары — отношения / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: Соло-Рич, 2017. С. 598–608.
- Четвёркина, 2017б — Четвёркина Е. В. Типологический и хронологический анализ античной кухонной посуды Мирмекия // Тр. V (XXI) Археологического съезда. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2017. Т. II. С. 96–100.
- Четвёркина, 2018 — Четвёркина Е. В. Кухонная посуда Боспора: греческая традиция и местные особенности // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. Ч. 2. С. 241–247.
- Чистов и др., 2015 — Чистов Д. Е., Ильина Ю. И., Щербак О. Е. Кухонная керамика и кухонное оборудование Березанского поселения // Клио. СПб.: ООО «Полтораки», 2015. № 11 (107). С. 13–25.
- Amicone et al., 2014 — Amicone S., Fenn N., Heinze L., Schneider G. Cooking pottery in Priene: Imports and local/regional production from late Classical to late Hellenistic times // Frankfurter elektronische Rundschau zur Altertumskunde [electronic recourse]. 2014. N. 25. P. 1–27 / <http://www.fera-journal.eu> (дата обращения: 1.04.2019).
- Aydemir, 2005 — Aydemir A. Funde aus Milet. XX. Kochgeschirr und Küchengeräte aus dem archaischen Milet // Archäologischer Anzeiger. 2005. Bd. 2. S. 85–101.
- Edwards, 1975 — Edwards G. R. Corinthian Hellenistic pottery. Princeton, New Jersey; American School of Classical Studies, 1975. 272 p. (Corinth, vol. VII, 3).
- Hannestad et al., 2002 — Hannestad L., Stolba V. F., Čeglov A. N. Panskoe I. Volume 1. The Monumental Building U6. Aarhus: Aarhus University Press, 2002. 368+210 p.
- Heath, Tekkök, 2007–2008 — Heath S., Tekkök B. (eds). Greek, Roman and Byzantine Pottery at Ilios (Troia) [electronic recourse] / <https://docplayer.net/22085550-Greek-roman-and-byzantine-pottery-at-ilius-troia.html> (дата обращения: 25.02.2019).
- Heinze, 2015 — Heinze L. Between adoption and persistence: two regional types of pottery from late classical and early hellenistic Priene // Keramos. Ceramics: a cultural approach: Proceedings of the First International Conference at Ege University, May 9–13, Izmir. Bilgin Kültür Sanat Yayinlari, 2015. P. 137–143.
- Klebinder-Gauss, 2012 — Klebinder-Gauss G. Keramik aus klassischen Kontexten im Apollon-Heiligtum von Ägina-Kolonna. Locale Produktion und Importe, Ägina-Kolonna. Forschungen und Ergebnisse. Wien: Austrian Academy of Sciences Press, 2012. 440 S.
- Rotroff, 2006 — Rotroff S. I. Hellenistic pottery: the plain wares. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens, 2006. Pp. xxxviii + 444. (The Athenian agora. Vol. XXXIII).
- Sackett et al., 1992 — Sackett L. H., Branigan K., Callaghan P. J., Catling H. W., Catling E. A., Coldstream J. N., Higgins R. A., Popham M. R., Price J., Price M. J., Waywell G. B. Knossos: From Greek City to Roman Colony: Excavations at the Unexplored Mansion II. London: Thames and Hudson, 1992. 498 p. (The British School at Athens. Supplementary. Vol. 21).
- Sparkes, Talcott, 1970a — Sparkes B., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. Part 1: Text. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens, 1970. 472 p. (The Athenian agora. Vol. XII).
- Sparkes, Talcott, 1970b — Sparkes B., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. Part 2: Indexes and Illustrations. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens, 1970. 468 p. (The Athenian agora. Vol. XII).

Cooking ware from Nymphaion (material from collections of the State Hermitage)

E. V. Chetverkina

This paper is devoted to studies of the cooking ware from excavations at the ancient Greek town of Nymphaion situated in the territory of what is now the city of Kerch. These finds are housed in collections of the State Hermitage, St Petersburg. The author distinguishes categories, types and presumable imitations of imported ware from different periods of the existence of the city.

A peculiarity of the cooking ware of Nymphaion of the Archaic and Classical period is in the presence of considerable numbers of imported vessels. These include numerous casseroles from Aegina with a long curved S-shaped edge (№ 7 Appendices, Fig. 1, 6), chytrai and lidded pots from unidentified manufacturing centres (№ 2 Appendices, Fig. 1, 12), a fragmentary grill and a lasana possibly imported from the Asia Minor region. A fragment of a grill with slits in the form of a fish (НФ.56.420, № 1 Appendices, Fig. 1, 1a, 1b) is identical to grills from Miletus of the 7th–6th century BC (*Aydemir*, 2005 P. 93, Ab. 12, 15).

Among the forms of cooking pottery most popular in Nymphaion of the Classical period there are broad lidded pots and lopades of the following types: red-slipped casseroles with sharply angled body (№ 9 Appendices, Fig. 1, 9); casseroles with trapezoid edge (№ 4 Appendices, Fig. 1, 4); casseroles of type 1 (*Четвёркина*, 20176) which are handmade and finished off on potter's wheel, with a forked handle (№ 6 Appendices Fig. 1, 11). Noteworthy are rare forms of local manufacture having no parallels in other centres: a fragment of a casserole with a vertical handle and the surface painted with black paint of poor quality (№ 5 Appendices, Fig. 1, 5) and a fragmentary frying pan imitating metal ware with a rivet near the handle (№ 3 Appendices, Fig. 1, 7).

Finds of cooking vessels of the Hellenistic period from Nymphaion are compared with the most distinctive complex from Cistern no. 1 dated to the late 4th — first half of the 3rd century BC and located in the area of the sanctuary of gods-patrons of navigation. The kitchenware from this context has been partly published (*Соколова*, 2004). It is noteworthy that among the finds from Cistern no. 1 there were both an entire series of Athenian cooking casseroles and lids and their imitations by local potters. Also some quantity of presumably Ionian cooking ware was found. Among the most widespread examples from other complexes of Nymphaion, of note are casseroles of type 6 (*Четвёркина*, 20176) with horizontal edge and straight body. This form was widely distributed both in the Northern Black Sea region and in other centres of the Greek oikumene (for details see *Четвёркина*, 2018. P. 245).

Cooking pottery of the Roman period, most widespread in Nymphaion, includes hard-profiled casseroles (№ 12 Appendices, Fig. 1, 8), probably imported because they are similar in their shape to examples from Asia Minor (*Heath, Tekkök*, 2007–2008. P. 94, 1). Among the forms of chytrai, pots with bent edge and fluted body (№ 10 Appendices, Fig. 1, 10) were the most popular. Besides, from the layer of the Roman period, the handle of a brazier with a relief representation of a dog (?) was retrieved (№ 11 Appendices, Fig. 1, 2a, 2b). In this item, both utilitarian and sacral functions, as well as traditions of different epochs, are combined: the shape of the vessel undoubtedly comes from the high-quality examples from Greece of the Hellenistic period (e.g., from the Athenian Agora — *Rotroff*, 2006. Fig. 92, 750; Fig. 93, 780, 783; Fig. 94, 786, 787; Fig. 95, 803), however the manner of execution of the representation is strongly stylized and simplified as is characteristic of the art of Bosphoros of the first centuries of this era.

To summarize, the range of the cooking ware from Nymphaion comprises all categories of vessels representing both the local and imported manufactures. Moreover, the local tradition of making cooking vessels demonstrates both the common ceramic 'fashions' and innovations characteristic only of the city under consideration.

Дионисийские мотивы в изобразительном искусстве средневековых городов Южного Казахстана

К. Ю. Маркова¹

Аннотация. В статье представлены фрагменты глиняного декора, культовой керамики и терракоты с изображением элементов дионисийского культа, обнаруженные при раскопках средневековых городов Южного Казахстана. Целью работы является попытка доказать наличие античных традиций в городской жизни Южного Казахстана в раннем средневековье, в частности, дионисийских мотивов, принесенных сюда согдийцами и тохаристанцами. В работе приводится широкий круг аналогий с территории Хорезма, Бактрии, Согда, а также высказывается предположение о возможном слиянии культа Диониса с местным божеством земледелия и виноградарства.

Annotation. This paper considers the fragments of decorative and religious ceramics and terracottas with representations of elements of the Dionysian cult unearthed during excavations of mediaeval towns of Southern Kazakhstan. The purpose of this study is an attempt to prove the existence of Classic traditions in the urban life of Southern Kazakhstan in the early Middle Ages. These traditions included, in particular, Dionysian motifs brought here by Sogdians and Tokharistanians. The article presents a wide circle of analogues from the areas of Khorezm, Bactria and Sogd. Also the possibility of merging of the cult of Dionysus with that of the local deity of agriculture and wine-growing is considered.

Ключевые слова: эллинистические мотивы, изобразительное искусство, античные традиции, средневековые города, Семиречье, Южный Казахстан, культ Диониса.

Keywords: Hellenistic motifs, visual arts, Classic traditions, mediaeval towns, Semirechye (Zhetysu), Southern Kazakhstan, cult of Dionysus.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-129-136

Произведения искусства и архитектуры, имеющие следы античной традиции, общеизвестны на территории различных областей Средней Азии. Античное влияние не обошло стороной и территорию Южного Казахстана.

В. Д. Горячева указывала на то, что «оседлоземледельческая и урбанистическая культура юго-западного Семиречья и Южного

Казахстана формировалась на материальной и этнической базе сакоусуньских и тюркских племен под влиянием переселявшихся сюда в раннем средневековье согдийцев, тохаров, чачцев. При общем согдийском облике культуры городов Семиречья отличалась от культуры Согда топографией поселений, изделиями гончаров и металлургов, храмовыми комплексами и погребальными обрядами. Однако распространение в VII–IX вв. согдийской письменности, языка и идеологии свидетельствует о длительном влиянии культуры Согда и Тохаристана на северо-востоке Средней Азии» (Горячева, 1986. С. 30–31).

¹ Кафедра истории, философии и культурологии, Кемеровский государственный университет. Б-р строителей, д. 47, кор. 7, г. Кемерово, 650056, Россия. E-mail: korobkova9@mail.ru.

С культурой согдийцев и тохаристанцев античные традиции пришли в Южный Казахстан и Семиречье. Элементы этой культуры проникали сюда не только благодаря миграции вышеупомянутых народов, но и торговыми связям региона с соседними Хорезмом, Согдом, Бактрией.

В ходе раскопок средневековых городов на юге Казахстана часто встречаются артефакты, относимые казахстанскими исследователями к отголоскам античной культуры. К ним относится ручка сосуда X–XI вв. из Куйрыктобе (средневековый г. Кедер) (рис. 1, 1). По мнению К. М. Байпакова и Г. А. Терновой, на ручке изображен силен — демон плодородия из свиты древнегреческого бога виноделия Диониса (Байпаков, Терновая, 1998. С. 167), а сам сосуд использовался в празднествах дионисийского вакхического культа (Байпаков, 1990. С. 171). Демоны — сатиры и силены — изображались с рогами и лошадиными ушами, лошадиными и козлиными копытами, лошадиными хвостами. Во время игрищ, связанных с аграрной магией, общины поклонников Диониса рядились в козлиные шкуры, представлялись козловидными сатирами — демоническими спутниками бога. В праздничной обрядности наряженный козлом участник выступал в роли самого божества, посвященной ему жертвы или спутника (Даркевич, 1976. С. 113). В том же доме, на городище Куйрыктобе, где был найден сосуд с ручкой в виде силены, находилась ритуальная керамическая маска с прорезями и тремя выступающими шишечками, датируемая так же, как и ручка сосуда, X–XI вв. (рис. 1, 3). Исследователи относят ее к предметам, использовавшимся в мистериях в честь Диониса (Байпаков, 1999. С. 41). Магическое действие надевания маски соответствует смерти актера и появлению его в новом образе, а снятие — воскрешению (Даркевич, 1976. С. 114). Такие находки предметов с изображением демонического существа на городище Куйрыктобе свидетельствуют о том, что в среде жителей города Кедер (городище Куйрыктобе) был популярен культ Диониса. Дионис — божество земледельческого круга, связанное со стихийными силами земли (Лосев, 1957. С. 143–182).

Дионисийский вакхический культ, продолжая древние традиции земледельцев, отражал идею круговорота природы, воплощением которой служил мотив умирающего и воскресающего божества (сюжет смерти и воскрешения божества). Аналогии мы находим в Хорезме, где в 1950 г. на городище Топрак-кола С. П. Толстовым при раскопках памятника, известного теперь как дворец царей Хорезма III в., был открыт «Зал танцующих масок». Обнаруженные в зале барельефы на стенах и найденная глиняная скульптура изображали бородатого мужчину с ушами животного, и поэтому исследователи предположили, что зал был посвящен какой-то религиозной мистерии с культом дионисийского характера (Толстов, 1958; Пугаченкова, Ремпель, 1965; Массон, 1966; Ставиский, 1974; Фёдоров-Давыдов, 1975). Лишь Ю. А. Рапопорт доказывал, что в священном дворце Топрак-калы могли отмечаться и «сакские праздники» с участием царя Хорезма и его супруги, уподоблявшейся, как парфянские и сасанидские царицы, Анахите (Рапопорт, 1978. С. 275–283). На ряде памятников Согда и Восточного Туркестана изображены музыканты, танцоры, ряженные в маска и без масок (Маршак, Распопова, 1991. С. 167).

Неотъемлемым атрибутом в изображениях, связанных с Дионисом или культурами, посвященными этому богу виноградарства и виноделия, является виноградная лоза. Изображение Диониса в виде традиционной античной фигуры мужчины с виноградными гроздьями в руке имело широкое распространение у народов Востока и было непосредственно связано с земледельческим циклом работ (начало и окончание пахоты), сопровождавшимся обычно целым комплексом особых ритуалов, лицедейств и дионисийских оргий. Изображением персонажа дионисийского круга была признана терракотовая фигурка обнаженного спереди мужского божества, обнаруженная на поверхности древнего виноградника в Хорезме вместе с остатками хумов кушанского времени. Спина мужчины была прикрыта плащом, концы которого видны на плечах. В левой руке — прижатая

Fig. 1. Артефакты с дионисийскими мотивами из Южного Казахстана: 1 — ручка антропоморфного сосуда с изображением демонического существа; 2 — фрагмент крышки с рельефным орнаментом; 3 — ритуальная маска с тремя рогами; 4-6, 7-9 — фрагменты резных композиций с изображением листьев и гроздьев винограда. 1, 2 — терракота; 3 — керамика; 4-9 — глина

Fig. 1. Artefacts with Dionysian motifs from Southern Kazakhstan: 1 — handle of an anthropomorphic vessel with representation of a demoniacal creature; 2 — fragment of a lid with a relief pattern; 3 — ritual mask with three horns; 4-6, 7-9 — fragments of carved compositions with representations of vine leaves and bunches of grapes. 1, 2 — terracotta; 3 — ceramics; 4-9 — unfired clay

к бедру кисть винограда, в правой — неопределенный предмет, похожий на птицу. Фигурка принадлежала к группе однотипных изображений мужчин с прижатыми к бедрам симметрично расположенными руками и сомкнутыми ногами (Воробьева, 1978. С. 235–236).

Появление образа Диониса в искусстве Хорезма связывается с широким распространением в эллинистический и римский периоды культа этого популярного в народной среде бога-спасителя, близкого к природе бога угнетенных, во многих областях, в том числе и входивших в состав кушанского государства. Длительность существования дионисийского культа в Хорезме подтверждается находками фигурок того же типа не ранее конца III в. (Воробьева, 1978. С. 237). О распространении культа Диониса в Бактрии свидетельствуют находки из Дильберджина (античный город, существовавший на территории Бактрии с III–II вв. до н. э. по IV или начало V в. н. э.). Здесь также были найдены терракотовые фигурки юношей, держащих в руках гроздь винограда, но, в отличие от хорезмийского Диониса, виноград они держали в правой руке, а птицу — на левой согнутой. На правом запястье у каждого из юношей браслет, за спиной, по-видимому, плащ, поскольку на плечах сохранились застежки в виде лепешек и скрепляющий их жгут (Кругликова, 1978. С. 272). И. Т. Кругликова полагала, что образ этого божества, тесно связанного с растительным миром, мог идентифицироваться в представлении бактрийцев с одним из местных земледельческих божеств (Кругликова, 1978. С. 272).

О вхождении античных божеств в круг кушанского пантеона Северной Бактрии, об устойчивости античной иконографии говорят изображения эротов на бронзовых инкрустационных вставках-пластинах, найденных археологами в 1976–1977 гг. на Каменном городище в общественном здании небольшой кушанской крепости (Пичикян и др., 1977. С. 571). Два из четырех эротов изображены

в виде младенцев, бегущих на зрителя с протянутыми вперед руками, держащими большую виноградную гроздь. Анатомически верная передача фигурок, мастерски и одновременно лаконично переданные движение и объем подтверждают следование эллинистическим традициям и представлениям о реалистическом изображении. Эроты (греческие боги любви) с виноградной гроздью — символ дионисийского культа. По мнению исследователей публикуемые эроты, принадлежавшие к самым ранним в Северной Бактрии, «служили элементами сложной дионисийской композиции, растянутой по горизонтали, украшавшей изделие из слоновой кости, каковыми могли быть ларец, крупная шкатулка или парадное ложе» (Литвинский, Пичикян, 1979. С. 90). Эрот тесно связан с Дионисом, к IV в. до н. э. относится включение его в вакхический круг. Он изображался на вазах как спутник и слуга Диониса, часто — играющим с вакхическими масками (Там же, 1979. С. 97).

Среди головок статуэток эллинистического типа из Самаркандского музея выделяют персонажей круга Диониса (Мешкерис, 1962. С. 19).

Опираясь на сообщения Аристотеля, исследователи полагают, что греческая комедия и трагедия появились в результате импровизации при исполнении хором песнопений в честь Диониса. Само слово «трагедия» происходит из двух греческих слов: «трагос» — «козел» и «одэ» — «песнь» и означает в прямом смысле «песнь козлов» (Головня, 1955. С. 27–28). «Дионис представлялся первоначально примитивным божеством плодородия в образе козла. Культ этого божества, сопровождавшийся пиршествами и оргиями, во время которых все без исключения — от царей до рабов — полностью освобождались от всяких запретов, был всеохватывающим, вездесущим» (Шортанов, 1978. С. 133). Историческими двойниками Диониса можно назвать Ажагафэ — символ плодородия, умирающего и воскрешения природы у адыго-кабардино-черкесов; Нар — божество виноградной

лозы у абхазов. В этнографической традиции абхазов Нар отождествлялся с фигурой Диониса (*Аджинджал*, 1978. С. 125–127). Этому способствовали интенсивные связи местного населения с жителями греческих городов Диоскурия, Гюэнос, Питиунт, расположенных в прибрежной зоне Абхазии с середины I тыс. до н. э. Подтверждением служат памятники искусства с изображениями персонажей круга Диониса. Большой интерес представляет фигура обнаженного мужчины с гроздьем винограда в правой руке, олицетворявшая древнегреческое божество виноградарства и виноделия Диониса, вытканная на абхазском ковре XIX в. (*Там же*. С. 125–127). Мужчина являлся центральным изображением. Справа от него была женщина с блюдом, наполненным плодами, а слева — женская фигура, ведущая за веревку козу/козла к жертвенному костру. Исследователь Е. К. Аджинджал считает, что сцена, вытканная на ковре, уходит своими корнями в глубокую древность и носит явно античный характер, изображая жертвоприношение во время дионисий (*Там же*. С. 125–127).

Необходимо остановиться также на интересной находке из Южного Казахстана. Это фрагмент терракотовой крышки IX–X вв., обнаруженный при раскопках Тараза (рис. 1, 2). Фрагмент имеет округлую форму с рельефным орнаментом. Центральное место в композиции на сохранившейся части крышки занимает лепная фигура человека, ведущего козла. Над фигурой человека изображена виноградная лоза с висящими на ней гроздьями винограда. Ягоды, составляющие грозди, обозначены кружками, выполненными с помощью лепки. Листья виноградной лозы не переданы. Вся композиция заключена в рамку, повторяющую контур крышки. Рамка состоит из трех орнаментальных рядов. Первый ряд, более широкий (8 см), чем остальные, состоит из прочерченных косых линий, второй ряд (2 см) представляет собой две наклепные линии, между которыми изображены круги, выполненные вдавливанием. Третий ряд состоит

из прочерченных кружков-перлов. Фигура персонажа, ведущего козла, изображена с разведенными в стороны стопами. Туловище человека украшено круглыми вдавливаниями, а шерсть животного передана вертикальными насечками. Возможно предположить, что данная сцена связана с дионисийскими жертвоприношениями. В пользу такой трактовки свидетельствует наличие культа Диониса в Южном Казахстане или культа слившегося с ним близкого по функциям местного божества. Эллинистические культы, приносимые в Южный Казахстан с выходцами из Согды и Тохаристана, со временем переосмысливались и приспособлялись к идеологии и религиозным представлениям живших здесь тюрков.

Виноградная лоза, листья и гроздь винограда являлись довольно распространенным мотивом орнамента в архитектурном декоре памятников средневековых городов Семиречья и Южного Казахстана. Резными листьями и гроздьями винограда были украшены глиняные ниши в культовых помещениях дворца VIII–IX вв. на территории городища Костобе (рис. 1, 4–9) (средневековый город Джамукат) (*Байпаков, Терновья*, 2002. С. 25; 2004. С. 123). Мотив виноградной лозы на фрагментах штука имеет спирально закрученные побеги, к которым прикреплены виноградная гроздь, а затем лист. Ягоды, составляющие гроздь винограда, так же, как и на терракотовом блюде из Тараза, описанном нами выше, обозначены кружками, в данном случае выполненными с помощью лепки; реалистично переданы листья винограда. Архитектурные налесты, рельефно украшенные богатым растительным декором, в том числе и изображениями виноградной кисти с листьями, были обнаружены А. Н. Бернштамом при раскопках цитадели на Таразском городище (*Бернштам*, 1941. С. 34).

Изображение виноградной лозы, листьев и плодов винограда в украшении интерьера и домашней утвари в городах Южного Казахстана в эпоху средневековья, появление мотива Диониса обусловлены, как это было и в Хорезме, усилением роли земледелия

(Воробьева, 1978), в частности, увеличением значения виноградарства и виноделия. Подтверждением этого являются открытые в Семиречье и Южном Казахстане мастерские по производству вина и виноградного сока. Вблизи развалин средневекового Кулана археологи в те же годы, когда был раскопан замок Луговое Г, раскопали сельскую усадьбу, в одном из помещений которой была найдена мастерская по переработке винограда, точнее комната, приспособленная под давящую. Усадьба и мастерская существовали еще в VII–VIII вв. (Байпаков, 2005. С. 125). Виноградарство, виноделие, производство сладостей из винограда продолжались и в более позднее время. При раскопках городища Актобе Степнинское, расположенного в среднем течении р. Чу, была исследована винодельня с комплексом для выжимки виноградного сока. В мастерской была обнаружена поливная керамика с росписью в виде желтых и зеленых пятен, позволившая датировать винодельню X–XII вв. Неподалеку обнаружена

еще одна аналогично устроенная винодельня (Байпаков и др., 2011. С. 375–376). Винодельни открыты также на Краснореченском городище и Торткуле (Байпаков и др., 2005. С. 126).

Таким образом, археологические материалы из раскопок памятников Южного Казахстана позволяют предполагать, что изображения мужской фигуры с рогами и ушами животного или без них, но в окружении виноградной лозы и ведущей за собой козла, являются наследием «пришедшего» сюда культа Диониса, возможно, воплотившегося в местного, близкого ему по функциям, бога.

Археологические раскопки ежегодно открывают новые памятники искусства, передающие сложные и разнообразные процессы взаимодействия античных и местных традиций в изобразительном искусстве Средней Азии.

Несомненность античного влияния на мировоззрение средневековых горожан Семиречья и Южного Казахстана очевидна, но взаимовлияние и синтез античной и местной культур здесь только начинает изучаться.

Аджинджал, 1978 — Аджинджал Е. К. Изображение «Диониса» на абхазском паласе XIX в. // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока: Сб. ст. / Отв. ред. И. Р. Пичикян. М.: Наука, 1978. С. 125–129.

Байпаков, 1990 — Байпаков К. М. По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). Алма-Ата: Наука, 1990. 208 с.

Байпаков, 1999 — Байпаков К. М. Отчет об археологических работах на городище Отрар и Куйруктобе в 1999 году // Архив Института археологии им. А. Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и образования Республики Казахстан. Ф. 11. Оп. 2. Д. 2528.

Байпаков, 2005 — Байпаков К. М. Древние города Казахстана. Алматы: Аруна, 2005. 316 с.

Байпаков, Терновоя, 1998 — Байпаков К. М., Терновоя Г. А. Центральный зал дворца городища Куйрук-тобе в Отрарском оазисе // Приаралье в древности и средневековье:

К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции / Отв. ред. Е. Е. Неразик. М.: Восточная литература, 1998. С. 156–166.

Байпаков, Терновоя, 2002 — Байпаков К. М., Терновоя Г. А. Архитектурные особенности, декор и культовая принадлежность некоторых помещений дворцового комплекса средневекового города Джамукат // Известия Министерства науки и образования Республики Казахстан, НАН Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. № 1. Алматы: Аруна, 2002. С. 219–244.

Байпаков, Терновоя, 2004 — Байпаков К. М., Терновоя Г. А. Резная глина Жетысу. Алматы: Credo, 2004. 163 с.

Байпаков и др., 2005 — Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: Баур, 2005. 236 с.: ил. 201.

Байпаков и др., 2011 — Байпаков К. М., Канекова Г. А., Воякин Д. А., Марьяшев А. Н.

- Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. Тараз: ТОО «Археологическая экспертиза», 2011. 620 с.; ил.
- Бернишам*, 1941 — *Бернишам А. Н.* Памятники старины Таласской долины: Историко-археологический очерк. Алма-Ата: Казахское объединенное гос. изд-во, 1941. 66 с.
- Воробьева*, 1978 — *Воробьева М. Г.* Античные традиции в памятниках искусства и художественного ремесла Древнего Хорезма (по материалам коропластики) // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока: Сб. ст. / Отв. ред. И. Р. Пичикян. М.: Наука, 1978. С. 234–242.
- Головня*, 1955 — *Головня В. В.* Аристофан. М.: Изд-во: АН СССР, 1955. 184 с.: ил.
- Горячева*, 1986 — *Горячева В. Д.* Этнокультурные связи Семиречья с Согдом и Тохаристаном в раннее средневековье (по материалам Краснореченского городища) // Городская среда и культура Бактрии–Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. — VIII в. н.э.): Тез. докл. советско-французского коллоквиума (Самарканд, 25–30 августа 1986 г.) / Отв. ред. Г. А. Пугаченкова. Ташкент: Фан, 1986. С. 30–31.
- Даркевич*, 1976 — *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 199 с.: ил.
- Кругликова*, 1978 — *Кругликова И. Т.* Новые античные памятники Южной Бактрии // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока: Сб. ст. / Отв. ред. И. Р. Пичикян. М.: Наука, 1978. С. 269–274.
- Литвинский, Пичикян*, 1979 — *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Кушанские эроты (один из аспектов античного влияния на центральноазиатскую культуру) // ВДИ. 1979. № 2. С. 88–109.
- Лосев*, 1957 — *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957. 617 с.
- Маршак, Распопова*, 1991 — *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Адоранты из северной капеллы II храма Пенджикента // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока: Сб. ст. / Под ред. Б. А. Литвинского. М.: Наука, 1991. С. 151–173.
- Массон*, 1966 — *Массон В. М.* Страна тысячи городов. М.: Наука, 1966. 148 с.: ил.
- Мешкерис*, 1962 — *Мешкерис В. А.* Терракоты Самаркандского музея: Каталог древних статуэток и других мелких скульптурных изделий из обожженной глины, хранящихся в Респ. Музее истории культуры и искусства УзССР в г. Самарканде. Л.: Изд-во ГЭ, 1962. 109 с., 15 л. ил.: ил.
- Пичикян и др.*, 1977 — *Пичикян И. Р., Войтов В. И., Дубровин А. Ф., Арабов С. Ф., Колпаков А. А.* Раскопки Шаартузского разведывательного отряда на Каменном городище // Археологические открытия 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 571.
- Пугаченкова, Ремпель*, 1965 — *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* История искусства Узбекистана. М.: Искусство, 1965. 688 с.
- Рапопорт*, 1978 — *Рапопорт Ю. А.* К вопросу о дионисийском культе в священном дворце Топрак-калы // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока: Сб. ст. / Отв. ред. И. Р. Пичикян. М.: Наука, 1978. С. 275–284.
- Ставиский*, 1974 — *Ставиский Б. Я.* Искусство Средней Азии. М.: Искусство, 1974. 256 с.: ил.
- Толстов*, 1958 — *Толстов С. П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949–1953 годах // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. С. 7–258.
- Фёдоров-Давыдов*, 1975 — *Фёдоров-Давыдов Г. А.* На окраинах античного мира. М.: Наука, 1975. 104 с.
- Шортанов*, 1978 — *Шортанов А. Т.* Культ Диониса и Ажагафэ // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока: Сб. ст. / Отв. ред. И. Р. Пичикян. М.: Наука, 1978. С. 130–134.

Dionysian motifs in the visual arts of mediaeval towns of Southern Kazakhstan

K. Yu. Markova

During the early Middle Ages in Southern Kazakhstan, as well as throughout the most of the territory of South-Western Semirechye, the emergence and flowering of the urban life took place. The establishing of towns was promoted by the Sogdians moving to this region in the 5th and 8th centuries and Turks who politically dominated here and controlled the trade along the Great Silk Route. Together with the culture of the Sogdians and Tokharistanians, Classic traditions came to Southern Kazakhstan and Semirechye. Traces of these traditions are found in cult ceramics and architectural decorations. Excavations of mediaeval towns in the south of Kazakhstan have yielded materials which are attributed by Kazakhstan researchers to the Dionysian motifs introduced here from Sogd and Tokharistan. These materials include the finds from the townsite of Kuyryktobe (the mediaeval city of Keder) found in a single house: handle of a vessel of the 10th–11th century (Fig. 1, 1) with a representation of the Silenus — a deity of fertility, one of the suite of the ancient Greek god of wine-making Dionysus (*Байпаков, Терновая*, 1998. P. 167) and a ritual ceramic mask with slots and three bulging knobs dated similarly as the handle to the 10th–11th century (Fig. 1, 3) (*Байпаков*, 1999. P. 41). The present author expanded the circle of these materials. In her opinion, a fragment of a terracotta lid of the 9th–10th century from Taraz (Fig. 1, 2) is concerned with Dionysian sacrificial offerings. Indeed, it bears a relief representation of the figure of a human driving a goat (it is known that Dionysus initially was conceived as a primitive deity of fertility in the image of a goat). Over the human figure, a vine branch with bunches of grapes hanging from it is represented. The grapes are rendered as modelled circles. Vine, leaves and grapes accompanying Dionysus were a fairly widespread ornamental motif in the architecture of monuments of mediaeval towns of Semirechye and Southern Kazakhstan. Fragments of carved clay with representations of vine leaves and grapes were found during excavation of a niche in a cult room of a palace of the 8th–9th century at the townsite of Kostobe (Fig. 1, 4–9) (mediaeval town of Dzhamukat) (*Байпаков, Терновая*, 2002. P. 25; 2004. P. 123). Architectural applications with a representation of a grape with leaves were uncovered by A. N. Bernshtam during excavation of the citadel at the Taraz townsite (*Бернштам*, 1941. P. 34). Representations of grapes and other elements of the Dionysian cult decorating interiors and domestic utensils of city dwellers in Southern Kazakhstan possibly were related with the strengthening of the role of agriculture and, particularly, the increase of the importance of wine-growing and wine-making. Wineries of the 7th–12th century were revealed in such towns of Semirechye and Southern Kazakhstan as Kulan, Navekat, Taraz and Tekabket (*Байпаков*, 2005a; 2005b; 2011). Thus the finds mentioned above having wide parallels in Sogd, Bactria and Khorezm suggest the presence of the cult of Dionysus or of some functionally close local deity in Southern Kazakhstan merging with him.

Комплекс случайных находок из д. Орлино

Е. Р. Михайлова, И. В. Стасюк, А. В. Хорошилова¹

Аннотация. В статье рассматривается комплекс случайных находок с берега Орлинского озера (Гатчинский р-н Ленинградской обл.), который, по мнению авторов, может происходить из разрушенного могильника. Это пять украшений из цветного металла, типичных для древнерусских памятников XI в., и две привески-лунницы, датируемые более ранним временем. Часть предметов несет на себе следы огня. Расположение предполагаемого могильника рядом с центром средневекового погоста типично для региона Ижорского плато, близ которого располагается Орлинское озеро.

Annotation. This paper considers an assemblage of stray finds from the bank of Lake Orlino (Gatchina District of Leningrad Oblast) which, in the opinion of the authors, possibly originates from a disturbed burial ground. The objects concerned are five ornaments from non-ferrous metal typical of Old-Russian sites of the 11th century and two lunate pendants dated to an earlier period. Some of these finds bear traces of fire. The location of a presumable cemetery near the centre of a mediaeval pogost (parish) is typical of the region of the Izhora Plateau near which Lake Orlino is situated.

Ключевые слова: случайные находки, раннее средневековье, древнерусские украшения, пельтовидная лунница, Ижорское плато, бассейн Луги, культура длинных курганов, курганно-жалыничный могильник.

Keywords: stray finds, early Middle Ages, Old-Russian ornaments, pelt-like lunula, Izhora Plateau, Luga River basin, culture of long kurgans, kurgan and zhalnik-grave cemetery.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-137-146

В январе 2018 г. житель г. Гатчина передал научному сотруднику Гатчинского дворца-музея А. В. Хорошиловой металлические предметы, собранные, по его словам, в прибрежной полосе у западного берега Орлин-

ского озера (Гатчинский р-н Ленинградской обл.) (рис. 1)².

Представленные в коллекции предметы хронологически неоднородны: большинство находок (пять предметов) относится к древнерусскому времени, еще два предмета — к более ранним периодам. Рассмотрим их.

Пельтовидная привеска-лунница с рельефной орнаментацией (рис. 2, 2а, 2б). Небольшие пельтовидные и сердцевидные привески хорошо известны в древностях V–VIII вв.

¹ Михайлова Е. Р. — Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева, Санкт-Петербургский государственный университет. Университетская наб., д. 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: e.mikhailova@spbu.ru; Стасюк И. В. — Отдел охранной археологии, ИИМК РАН. Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186. Россия; Хорошилова А. В. — Научно-фондовый отдел, Музей-заповедник «Гатчина». Красноармейский пр., д. 1, г. Гатчина, Ленинградская обл., 188300, Россия.

² Вызывает сомнение, что описываемые предметы были найдены в воде под слоем ила на глубине 1,0–1,5 м. Достоверное место находки неизвестно. Вещи относятся к разным хронологическим периодам, поэтому не исключено, что они происходят из разных мест. — *Прим. ред.*

Рис. 1. Местонахождение Орлино (а) и курганная группа Заозерье 1. Схема расположения археологических объектов на топографической карте

Fig. 1. Site of Orolino (a) and kurgan group of Zaозerye 1. Scheme of positions of archaeological objects in a topographic map

преимущественно в Восточной и Центральной Европе. Орлинская привеска, судя по ее внешнему виду, была отлита из оловянистой бронзы³ в односторонней форме, у края привески заметно небольшое отверстие от недолива. Наибольшие размеры изделия (вместе с ушком) — 19 × 20 мм, узкое пластинчатое ушко привески было отлито одновременно с ней в одной плоскости и потом отогнуто к тыльной стороне, образуя кольцо.

Практически точная аналогия, но с припаянным ушком и гораздо худшей сохранности, происходит из могильника культуры длинных курганов близ д. Раха Мошенского района Новгородской обл., раскопанного Г. Н. Прониным в 1980–1981 гг. (рис. 3, 1). Привеска была найдена в кургане № 8 в лепной погребальной

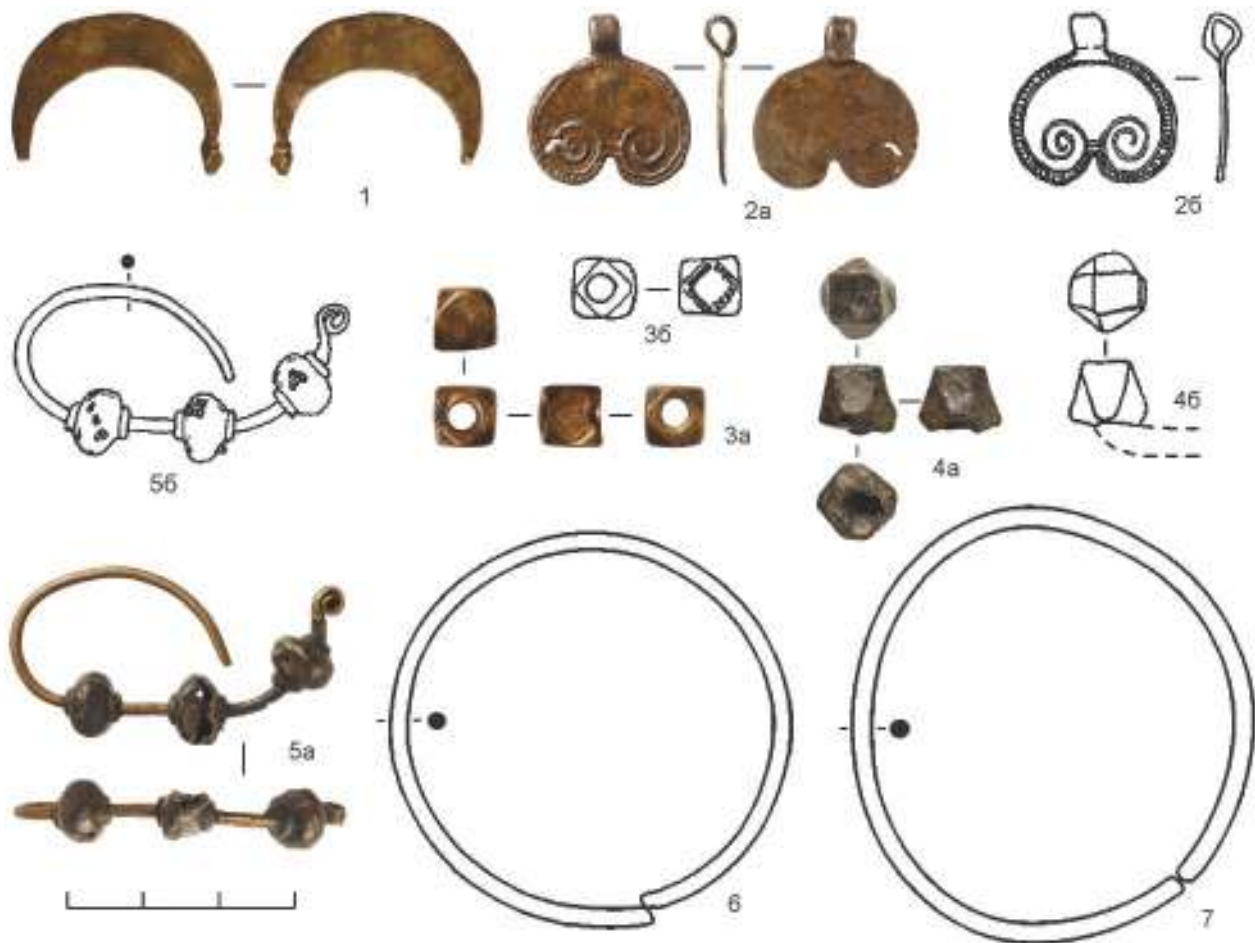
урне вместе с оплавленными стеклянными бусами. Сам предмет был описан автором раскопок как «бронзовая круглая подвеска с ушком (сильно оплавлена), украшенная циркульным орнаментом» (Пронин, 1988. С. 178). Недавно на привеску обратили внимание Е. Н. Носов и А. В. Плохов, публикуя материалы селища Съезжее, также расположенного на востоке Новгородской обл. (Носов, Плохов, 2016. С. 362. Рис. 17, 5).

Находки в могильнике Раха, как и в большинстве памятников культуры длинных курганов, малочисленны и позволяют датировать его только в широких временных рамках. Наиболее выразительный комплекс находок происходит из кургана № 5 этого могильника (погребение № 2) — это набор бронзовых пластинчатых деталей поясной гарнитуры, включавший 17 бляшек-скорлупок, умбоновидную бляшку, вытянутую почти трапециевидную обойму и две пронизки-трубочки (Пронин, 1988. Рис. 4). Однако и этот комплекс может быть датирован в рамках существования культуры в целом — с конца V до начала — первой половины XI в. (подробнее см.: Михайлова, 2014б. С. 46–52, 57–63).

Кроме упомянутой находки в могильниках культуры длинных курганов известны еще несколько пельтовидных привесок, изготовленных из тонкого серебряного или бронзового листа (рис. 3, 2–5), фрагмент миниатюрной литой привески из свинцово-оловянистого сплава (рис. 3, 6) и литейная формочка с соответствующим негативом (рис. 3, 7). В целом пельтовидные привески, встреченные в памятниках культуры длинных курганов, следует датировать концом VI — VIII в. (подробнее см.: Михайлова, 2014б. С. 93–97). Аналогии им хорошо известны в древностях V–VIII вв. в соседних регионах, например, в памятниках типа Подол III в Верхневолжье и в могильниках ольштынской группы в Северной Польше (Исланова, 2014. С. 29–30; Rudnicki, 2009).

Еще один предмет фрагментирован (рис. 2, 1). В настоящее время он представляет собой гладкую узкую лунницу с сохранившейся на одном конце шпилькой с перехватом. Другой конец обломан, ушка для привешивания

³ Анализ металла находок пока не произведен.

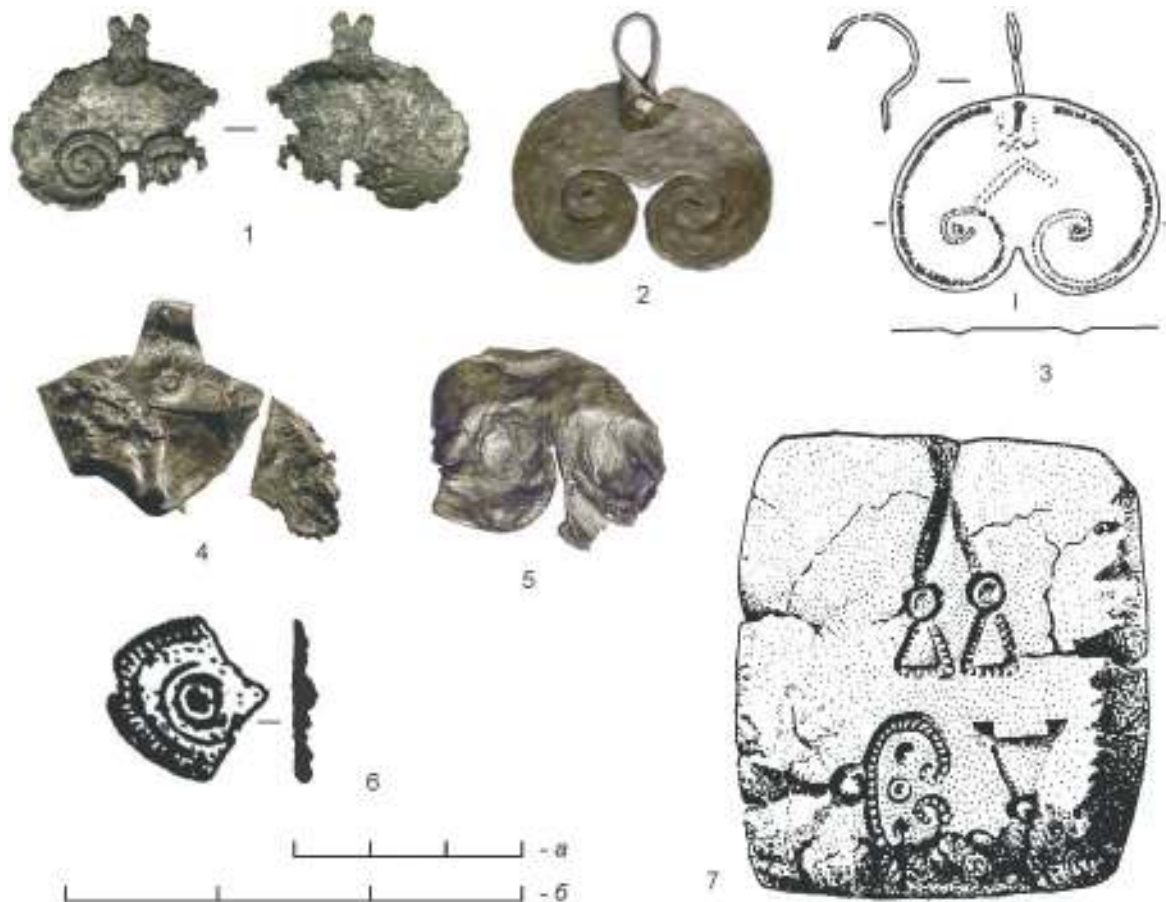
Рис. 2. Находки из местонахождения на берегу Орлинского озера: 1 — лунница с шишечкой; 2 — пельтовидная лунница; 3 — бусина 14-гранная; 4 — головка фибулы; 5 — серьга трехбусинная; 6, 7 — браслетообразные височные кольца. 1–4, 6–7 — медный сплав; 5 — серебро
Fig. 2. Finds from the site on the bank of Lake Orolino: 1 — lunula with a knob; 2 — pelte-shaped lunula; 3 — 14-faceted bead; 4 — head of a brooch; 5 — three-bead earring; 6, 7 — bracelet-like temple rings. 1–4, 6–7 — copper alloy; 5 — silver

предмет не имеет. Его максимальные размеры 21 × 26 мм. Велик соблазн счесть находку привеской-лунницей от набора конской узды римского времени (см., напр., Nowakowski, Banytè-Rowell 2008. Abb. 1b, 3d), однако полной уверенности в этом нет.

Два браслетообразных височных кольца (рис. 2, 6–7) изготовлены из гладкой проволоки желтого цвета (латунь или бронза) круглого сечения, диаметром 2,8–3,0 мм. Внешний диаметр обоих колец примерно 53 мм. Концы проволоки срезаны, несомкнуты, фаска подработана абразивным инструментом.

Трехбусинная серьга или височное кольцо (рис. 2, 5) состоит из гладких серебряных бусин

флаконовидной формы, нанизанных на проволочную дужку из медного сплава диаметром 1,6 мм. Один конец проволоки раскован в плоскость и спирально закручен, другой имеет коническое сужение до 1 мм, что говорит в пользу интерпретации изделия как серьги. Бусины зонной формы диаметром 9,5–9,6 мм, высотой 7,4 мм выполнены из двух литых половинок, соединенных качественной пайкой так, что шов на внешней поверхности практически незаметен. Отверстия окаймлены выступающим бортиком. На внешней стороне бусин заметны следы побежалости, на некоторых участках бус и проволочного стержня присутствует гладкая черная оксидная пленка (воронение),

Рис. 3. Пельтовидные привески-лунницы из памятников культуры длинных курганов: 1 — Раха, курган № 8 (Гос. Каталог Музейного фонда РФ: [сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11771423>, дата обращения 26.02.2019); 2 — Рысна-Сааре II, курган № 2, погребение № 4 (Setomaa..., 2009. S. 96, jn. 10); 3 — Горско, высокий курган (рис. А. А. Александрова, предоставлен автором); 4, 5 — Любахин I, курган № 6, погребение № 1 (фото Е. Р. Михайловой); 6 — Березно I, курган № 15, погребение № 1 (рис. Е. Р. Михайловой); 7 — Лоози, курган № 6, погребение № 1 (*Schmiedehelm, Laul, 1970. Jn. 4, 1*). Масштабы: а — для № 1–5, 7; б — для № 6

Fig. 3. Pelte-shaped lunate pendants (lunnitsa) from sites of the culture of long barrows: 1 — Raha, barrow no. 8 (State Catalogue of the Museum Fund of RF: [site]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11771423>; 26.02.2019); 2 — Rysna Saare II, barrow no. 2, burial no. 4; 3 — Gorsko, high barrow (Drawing by A. A. Aleksandrov, contributed by the author); 4, 5 — Lyubakhin I, barrow no. 6, burial no. 1 (photo by E. R. Mikhaylova); 6 — Berezno I, barrow no. 15, burial no. 1 (drawing by E. R. Mikhaylova); 7 — Loozi, barrow no. 6, burial no. 1 (*Schmiedehelm, Laul, 1970. Jn. 4, 1*). Scale: a — nos. 1–5, 7; б — no. 6

характер которой предположительно указывает на нагревание изделия в углях костра в присутствии смолы деревьев хвойных пород при температуре, недостаточной для плавления металла. Это может служить косвенным признаком помещения изделия в горячие остатки кремации, угли погребального костра.

Височные кольца являются наиболее массовой разновидностью древнерусских метал-

лических головных украшений. Гладкие браслетообразные кольца из толстой проволоки с простыми несомкнутыми сходящимися или заходящими друг за друга концами были распространены в XI–XIII вв. преимущественно на северорусских территориях от восточного Причудья, верховий Днепра и Западной Двины до Верхневолжья и Вологодчины, хотя известны и в других регионах (*Арциховский,*

1930. С. 61; Левашева, 1967. С. 16; Рябцева, 2005. С. 70; Степанова, 2010. С. 278). Согласно Ю. М. Лесману, в слоях Новгорода незамкнутые проволочные кольца диаметром более 50 мм, концы которых не заходят друг за друга или заходят незначительно, появляются после 23-го яруса (после 1055 г.). Примерно в это же время они появляются в курганах Юго-Восточного Приладожья (Кочкуркина, 1989. С. 273). В Новгороде находки простых (с прямыми тупыми или заостренными концами) незамкнутых проволочных колец встречаются до 8-го яруса (до 1382 г.), однако не все они могут быть надежно идентифицированы как височные. В ближайших к Орлинскому местонахождению курганных могильниках Ижорского плато XII–XIII вв. гладкие височные кольца с несомкнутыми концами относительно малочисленны. В сравнении с ромбоцитковыми они составляют «не более трети общего числа височных колец», при этом «чаще встречаются гладкие височные кольца больших размеров (7–8 см); кольца средней величины встречаются втрое реже» (Спицын, 1896. С. 13–14). В наиболее изученных могильниках округа Копорья находки варианта 1 по Е. А. Рябину (простые проволочные браслето- и перстнеобразные кольца с прямосрезанными концами или с одним заостренным концом) представлены девятью экземплярами из курганных захоронений в основании насыпи и курганов-жалыников (Рябинин, 2001. С. 55).

Трехбусинные серьги и височные кольца (разграничение между этими категориями головных украшений нечеткое) в разных вариантах, изготовленные из различных металлов и их сплавов, были широко распространены на всей древнерусской территории с рубежа X–XI вв. и пользовались большой популярностью как у сельского, так и у городского населения. Роскошно исполненные трехбусинные кольца и серьги из драгоценных металлов входят в состав кладовых комплексов XII–XIII вв. (Рябцева, 2005. С. 210). Наиболее поздние новгородские находки трехбусинных колец датируются временем до 1382 г. (Лесман, 1990. С. 70), однако находка

из Орлино принадлежит к сравнительно редкой разновидности с оригинальной формой бус, имеющей небольшой круг аналогий. Наиболее близки к ней серебряные трехбусинные кольца из кургана № 18 могильника Дрегли в Любытинском районе Новгородской обл., исследованного В. Я. Конечким в 1978 г. и датированного XI в. (Платонова, 2017. С. 139), а также находки из Федовского могильника XI–XII вв. (Спицын, 1905. Рис. 6–7, 10; Конечкий, 1981. С. 94). Индивидуальной особенностью орлинской находки следует считать различие в материале изготовления бус и дужки: бусы выполнены из серебра, в то время как дужка — из медного сплава. Невозможно установить, является ли эта особенность изделия изначальной или результатом ремонта — перенасаживания бус со сломанного стержня на новый. Оформление дужки типично для данной группы изделий и неотличимо от оригинальных серебряных.

Бусина кубическая со срезанными углами, литая из медного сплава (рис. 2, 3а, 3б). Бусы, формой и размером очень напоминающие раннесредневековые 14-гранные весовые гирьки (ср. Носов и др., 2017. Рис. 38, 6, 12; 66, 6, 7) и внешне отличающиеся от них только лишь наличием сквозного отверстия, орнаментированные по граням пуансоном или линейным орнаментом из мелких точек, найдены преимущественно на Северо-Западе России и в Финляндии. В курганах Гдовского Причудья А. А. Спицын датировал такие бусы XI в. (Спицын, 1903. С. 24), и в целом с этой датировкой следует согласиться, хотя опубликованная им бусина из могильника Криуши, «экземпляр очень подержанный» (Там же. С. 47. Табл. XX, 4а), происходит из погребения начала XII в. (Лесман, 1984. С. 141). На Ижорском плато аналогичная бусина найдена в могильнике Ратчино. Три находки происходят из бескурганного могильника с кремациями конца IX — XI в. Которск IX в бассейне верхней Плюссы (Михайлова, 2014а. С. 323. Рис. 4, 14–16). Аналогичные изделия, одиночные и объединенные в многочастные пронизки, представлены в X–XI вв. в Финляндии (Kivikoski, 1973. S. 74, 111. Abb. 499, 815;

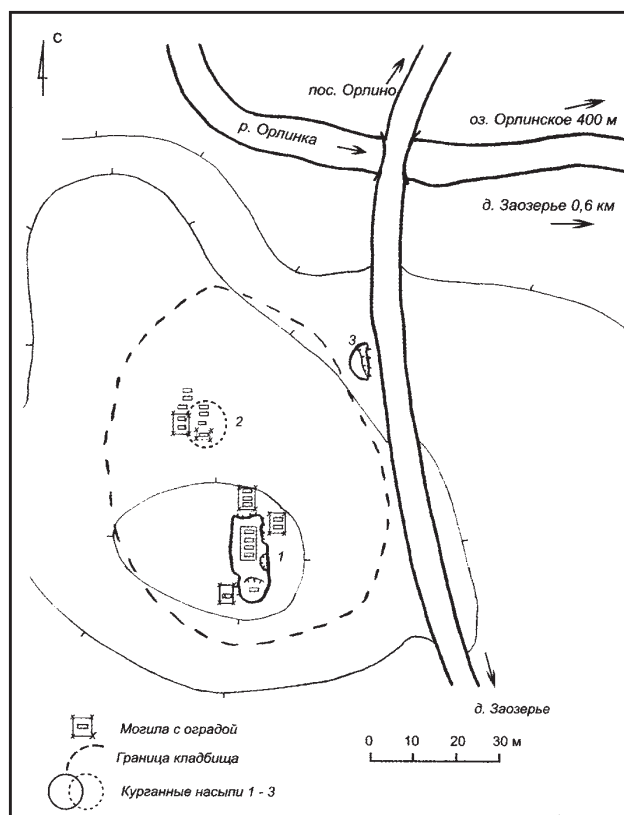

Рис. 4. План курганного могильника Заозерье 1 у д. Заозерье (Лесман, 2008. Рис. 10)

Fig. 4. Plan of the kurgan cemetery of Zaozerye 1 near the village of Zaozerye (Лесман, 2008. Рис. 10)

Lehtosalo-Hilander, 1982. S. 128–129). Отдельные находки известны в Латвии (Zariņa, 2006. S. 354. Att. 8) и на острове Сааремаа (Mägi, 2002. S. 180. Pl. 7, 6, 7).

Головка фибулы гранчатая (рис. 2, 4а, 4б), сравнительно небольших размеров, со следами воздействия высокой температуры. Дужка утрачена полностью, место соединения дужки с головкой оплавлено — возможно, происходит из погребения по обряду сожжения. Аналогичная сохранность гранчатых головок фибул зафиксирована авторами при раскопках могильников с бескурганными кремациями на Ижорском плато и в бассейне р. Плюссы (Стасюк, 2017. С. 143; Михайлова, 2014а. С. 320, 330). Массивные литые подковообразные застёжки с гранчатыми головками и трапециевидным сечением дуги, орнаментированной разными вариантами геометрического штампа, восходят к скандинавским изделиям

эпохи викингов и характерны для мужского убора Восточной Балтики. Они найдены в раннесредневековых погребениях и поселениях на территории Латвии, Эстонии, Финляндии, Северо-Запада России. В Новгороде такие фибулы найдены в слоях X — середины XII в. и одна, очевидно, случайная, — в слое середины XIV в. (Седова, 1981. С. 86). Из Балтийского региона эти застёжки распространялись в южно- и западнорусские земли (Станкевич, 1962. С. 25. Рис. 9, 3; Плавинский, 2017. С. 114. Мал. 96, 6). М. Мяги относит бытование всей группы застёжек с гранчатыми головками в Эстонии к IX–XI вв. (Mägi-Lõugas, 1994. S. 481. Tahv. I, III). П. Лиги и Н. В. Хвоцинская приводят находки XI в. в могильниках с кремациями северного и восточного Причудья (Лиги, 1982. С. 386–387; Хвоцинская, 2004. С. 81).

В целом представленная небольшая серия древнерусских находок непротиворечиво укладывается в XI столетие и, возможно, маркирует местоположение разрушенного могильника с кремациями и ингумациями. Его расположение рядом с центром погоста, известного по позднесредневековым источникам (Селин, 1995), укладывается в намеченную ранее одним из авторов схему развития погостских центров на основе очагов расселения предшествующего времени (Стасюк, 2018. С. 177–179).

Сложнее обстоит дело с древностями культуры длинных курганов в ближайших окрестностях Орлинского озера. У юго-западной оконечности озера, на действующем кладбище д. Заозерье, расположены несколько нарушенных современными могилами расплывчатых насыпей, известных как курганная группа Заозерье-1 (см. рис. 1; 4). Одна из них, расположенная в центре кладбища, имеет вид сильно поврежденного песчаного вала длиной 18–19 м, шириной около 6–7 м и высотой 1,0–1,2 м, что дало повод причислять могильник Заозерье-1 к культуре длинных курганов (Лесман, 2008. С. 67–68). Однако последующие натурные исследования заставили усомниться в предложенной ранее характеристике памятника: насыпи слишком повреждены, их форма искажена впущенными

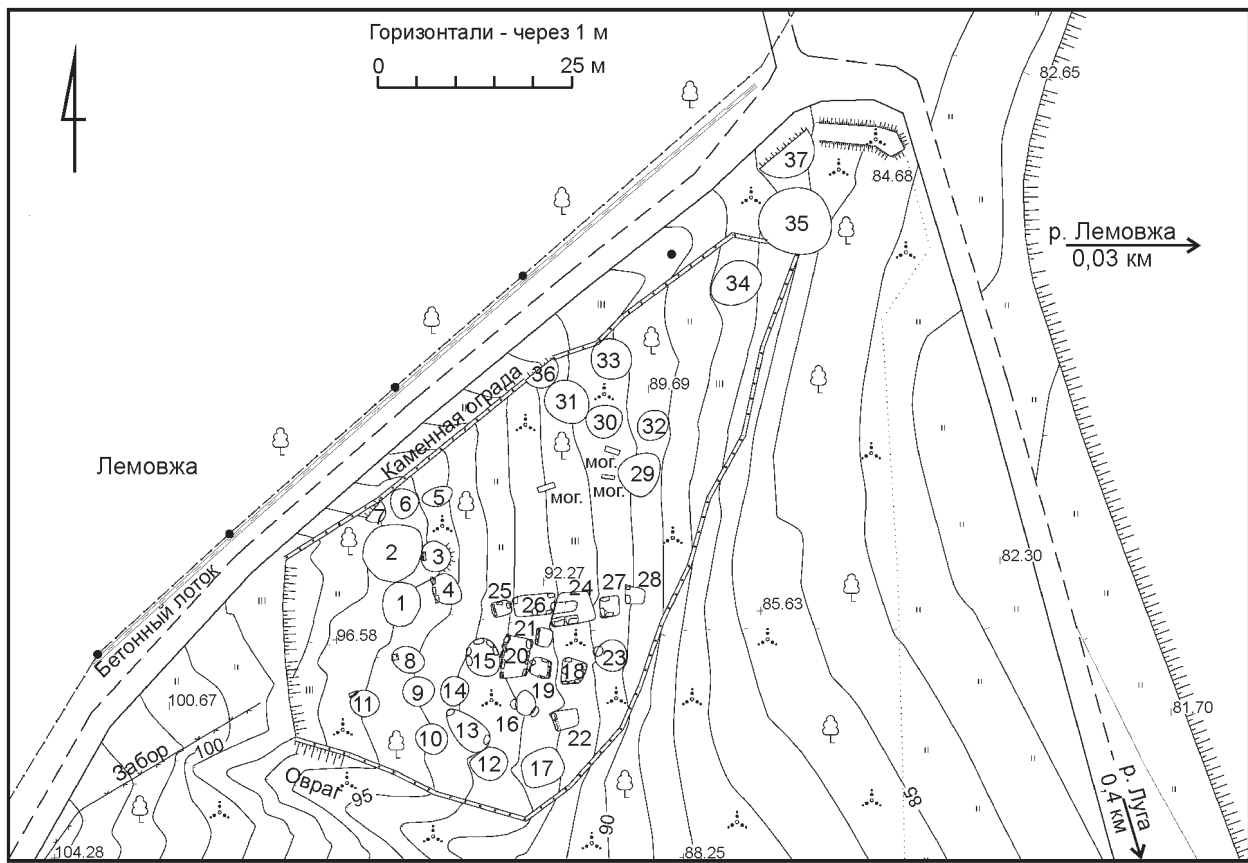

Рис. 5. План курганно-жальничного могильника в д. Лемовжа (Михайлова, 2018. Ил. 189)

Fig. 5. Plan of the kurgan-zhalnik cemetery in the village of Lemovzha (Михайлова, 2018. Ил. 189)

могилами и набросами грунта, возможно даже, что не все они являются изначально искусственными объектами (Стасюк, 2014. Л. 44–47; Михайлова, 2018. Л. 48–50).

Те же полевые исследования, между тем, выявили далее к западу, у южного края Ижорского плато, на правом берегу средней Луги, другие два памятника, которые можно связывать с культурой длинных курганов. Один из них — могильник у д. Красный Маяк — состоит из низкой валлообразной насыпи с отчетливо читающимися ровиками и нескольких небольших круглых в плане курганов, разрушенных при строительстве автодороги (Михайлова, 2018. Л. 74–75). Другой памятник — курганно-жальничный могильник в д. Лемовжа — известен уже давно (см.: Лапшин, 1990. С. 88, № 649). Могильник расположен на склоне правого коренного берега р. Лемовжи, на старом, ныне недействующем кладбище (рис. 5).

В центре участка сохранилось несколько старых могил. В верхней, юго-западной, части могильника сосредоточены низкие расплывчатые насыпи и несколько рядов жальничных могил. При съемке топографического плана обратили на себя внимание две крайние северо-восточные насыпи, внешний вид которых нехарактерен для древнерусских курганных кладбищ. Самый крупный из курганов (№ 35) имеет диаметр 18–19 м и высоту до 2,9 м; другой крупный курган (№ 37) сильно поврежден, но также первоначально имел значительные размеры (Михайлова, 2018. Л. 66–70).

Если находки с берега Орлинского озера действительно связаны с разрушенным могильником, он мог быть схож с могильником в д. Лемовже, сочетая в своем составе разновременные погребальные сооружения и располагаясь по склону берега, что объясняло бы находки предметов в таком низком месте.

- Арциховский*, 1930 — *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М.: РАНИОН, 1930. 223 с.
- Исланова*, 2014 — *Исланова И. В.* Памятники типа Подол (Культурные контакты населения Верхневолжья в 3-й четверти I тыс. н. э.) // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 26–44 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 15).
- Конецкий*, 1981 — *Конецкий В. Я.* Хронология и этапы формирования Федовского могильника // КСИА. 1981. Вып. 166: Средневековые древности. С. 89–98.
- Кочуркина*, 1989 — *Кочуркина С. И.* Памятники Юго-Восточного Приладжья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск: Карелия, 1989. 347 с.
- Лапшин*, 1990 — *Лапшин В. А.* Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 1: Западные районы. Л.: ЛВВИСУ, 1990. 127 с.
- Левашева*, 1967 — *Левашева В. П.* Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: ГИМ, 1967. С. 7–54 (Тр. ГИМ. Вып. 43).
- Лесман*, 1984 — *Лесман Ю. М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 118–153.
- Лесман*, 1990 — *Лесман Ю. М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода 1988. М.; Новгород: Новгород. археол. экспедиция, 1990. С. 29–98.
- Лесман*, 2008 — *Лесман Ю. М.* Вырицкий курганный могильник // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2: Древности Ижорской земли. СПб.: ИИМК РАН, Северо-западный филиал Института Наследия, 2008. С. 33–74.
- Лиги*, 1982 — *Лиги П. Х.* Об исследовании водских курганов в Йыуга // Известия АН Эстонской ССР. Общественные науки. Т. 31. № 3. Таллин, 1982. С. 384–387.
- Михайлова*, 2014а — *Михайлова Е. Р.* Бескурганные могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев; сост. И. Е. Зайцева. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 317–335.
- Михайлова*, 2014б — *Михайлова Е. Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 436 с.
- Михайлова*, 2018 — *Михайлова Е. Р.* Отчет об археологических разведках в Ленинградской области (на территории Лужского, Сланцевского, Гатчинского и Волосовского районов) в 2017–2018 гг. СПб., 2018 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. 125 л., альбом ил.
- Носов, Плохов*, 2016 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение и могильник на озере Съезжее // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред. А. М. Обломский, И. В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016. С. 349–394. (Раннеславянский мир. Вып. 17).
- Носов и др.*, 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. XLIX).
- Плавінскі*, 2017 — *Плавінскі М. А.* Курганні могілнік Пагошча ў кантэксце сінхронных старажытнасцяў Браслаўскага Паазер'я. Мінск: А. М. Янушкевич, 2017. 240 с.
- Платонова*, 2017 — *Платонова Н. И.* К вопросу об интерпретации «богатых погребений» на древнерусских могильниках 2-й половины XI — начала XII в. // *Élite ou Égalité...* Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Бранко, 2017. С. 124–146.
- Пронин*, 1988 — *Пронин Г. Н.* Исследование памятников второй половины I тысячелетия н. э. в восточных районах Новгородчины // СА. 1988. № 4. С. 169–179.
- Рябинин*, 2001 — *Рябинин Е. А.* Водская земля Великого Новгорода. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 264 с.

- Рябцева*, 2005 — *Рябцева С. С.* Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб.: Нестор-История, 2005. 384 с.
- Седова*, 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Селин*, 1995 — *Селин А. А.* К исторической географии Водской пятины: Грезенский и Орлинский погосты 1500 г. и русско-шведская граница 1617–1618 гг. // *Ладога и Северная Русь. Чтения, посв. памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 21–22 декабря 1995 г.): Материалы к чтением.* СПб.: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, 1995. С. 53–56.
- Спицын*, 1896 — *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Иванова. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1896. 124 с. + Табл. I — XIX + 1 карта (МАР. № 20).
- Спицын*, 1903 — *Спицын А. А.* Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1903. 124 с. (МАР. № 29).
- Спицын*, 1905 — *Спицын А. А.* Старейшие русские могильники в Новгородской области // *Известия ИАК.* СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1905. Вып. 15. С. 1–5.
- Станкевич*, 1962 — *Станкевич Я. В.* Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 года // *КСИА.* 1962. Вып. 87: Славяно-русские древности. С. 6–30.
- Стасюк*, 2014 — *Стасюк И. В.* Отчет по результатам мониторинга состояния и использования объектов археологического наследия, расположенных в восточной части Ижорского плато (Гатчинский и Волосовский районы Ленинградской области) в 2014 г. СПб., 2014 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.
- Стасюк*, 2017 — *Стасюк И. В.* Раннесредневековые трупосожжения могильника Ратчино 1 // *АиИППЗ.* Вып. 32. М.; Псков: ИА РАН, 2017. С. 135–152.
- Стасюк*, 2018 — *Стасюк И. В.* От центров расселения к центрам власти: происхождение погостов на западе Новгородской земли // *Stratum Plus.* 2018. № 5: Когда века были средние: общество и власть. С. 169–182.
- Степанова*, 2010 — *Степанова Ю. В.* Височные кольца из древнерусских сельских памятников Верхневолжья // *Stratum Plus.* 2010. № 5: Ремесло археолога. С. 275–283.
- Хвощинская*, 2004 — *Хвощинская Н. В.* Финны на западе Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 428 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. VI).
- Kivikoski*, 1973 — *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973. 153 S. 1268 Abb.
- Lehtosalo-Hilander*, 1982 — *Lehtosalo-Hilander P. L.* Luistari II. The Artefacts. Helsinki, 1982.
- Mägi*, 2002 — *Mägi M.* At the Crossroads of Space and Time. Graves, Changing Society and Ideology on Saaremaa (Ösel), 9th–13th centuries AD. Tallinn: Ajaloo Instituut, 2002. 278 lk.
- Mägi-Lõugas*, 1994 — *Mägi-Lõugas M.* Eestiviikingiaegsed hoburaudsõled ja nende ornament // *Eesti teaduste akadeemia toimetised.* Tallinn, 1994. Lk. 465–484 (Humanitaar — Ja sotsiaaltea-dused. N 43).
- Nowakowski, Banytè-Rowell*, 2008 — *Nowakowski W., Banytè-Rowell R.* Ein kaiserzeitliches Grab mit einer Brustkette aus Adlig-Heydekrug (Šilutės Dvaras) im Lichte der Archivalien aus dem Nachlass von Herbert Jankuhn // *Lietuvos Archeologija.* Vilnius: Mokslas, 2001. T. 21. P. 121–128.
- Rudnicki*, 2009 — *Rudnicki M.* Uwagi na temat niektórych form zawieszek z terenow grupy olsztyńskiej // *Baltowie i ich sąsiedzi.* Marian Kaczyński in memoriam / Ed. A. Bitner-Wróblewska, G. Iwanowska. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne, 2009. S. 421–435.
- Setomaa...* 2009 — *Setomaa, 2.* Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani / Peatoimetaja M. Aun. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2009. 480 lk.
- Schmiedehelm, Laul*, 1970 — *Schmiedehelm M., Laul S.* Asustusest ja etnilistest oludest Kagu-Eestis I. aastatuhandel // *Studia archaeologica in memoriam Harri Moora.* Tallinn: Valgus, 1970. Lk. 154–164.
- Zariņa*, 2006 — *Zariņa A.* Salaspils Laukskolas kapulauks 10.–13. gadsimts. Riga, 2006. 463. 1p., il.

An assemblage of finds from the village of Orlino

E. R. Mikhaylova, I. V. Stasyuk, A. V. Khoroshilova

This paper deals with an assemblage of stray finds from non-ferrous metal from the bank of Lake Orlino in the upper reaches of the Oredezh River (Gatchina District of Leningrad Oblast), near the south-eastern edge of the Izhora Plateau (Fig. 1). The artefacts found include two wire temple rings, a temple ring or earring with three beads, a massive 14-faceted bead, a truncated-pyramidal head of a horse-shoe brooch, a fragment of an unidentified object in the form of a narrow crescent and a so-called pelt-like lunate pendant (Fig. 2, 2). The pelt-like lunula has numerous parallels among the antiquities of Eastern and Central Europe of the 5th–8th century, including the culture of the Pskov long kurgans (Fig. 3). The latter fact suggests the presence of separate sites of that culture not far from Lake Orlino (Zaozerye, Krasny Mayak, Lemovzha) (Fig. 4; 5). The other finds (excepting the lunate fragment) are ornaments typical of Old-Russian settlements and burials of the 11th century; on two of them traces of the effects of fire are discernible. It is possible that these finds come from a disturbed burial ground once situated on the lake bank. The presumable necropolis can have comprised burial structures of different periods that is fairly typical of the early cemeteries on the Izhora Plateau. Of no less significance is the location of the presumed cemetery near a younger *pogost* (parish centre).

Легендарная Хазария. Гипотезы и заблуждения

Н. А. Фонякова-Чувило¹

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с историей многонационального Хазарского государства, сформировавшегося в Юго-Восточной Европе в VII в. и сыгравшего огромную роль в международной торговле, являясь посредником между арабским Востоком и Византией, с одной стороны, и государствами Восточной и Северной Европы, с другой.

Annotation. This paper considers the main problems concerned with the history of the multi-national Khazar state established in South-Eastern Europe in the 7th century. This state had played a great role in the international trade as a mediator between the Arab East and Byzantine Empire on the one hand, and countries of the Eastern and Northern Europe on the other.

Ключевые слова: Хазарский каганат, история изучения, проблемы археологии, основные этапы развития.

Keywords: Khazarian Khaganate, history of studies, problems of archaeology, main evolutionary stages.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-147-157

Хазарское государство было основано тюркским царским домом. Во главе большой орды каганы бывшего Западно-Тюркского каганата в VII в. пришли править в Юго-Восточную Европу. Они создали свою систему управления многонациональным государством и поддерживали его единство около 300 лет.

Знаменитый русский востоковед В. В. Григорьев оценивал эту систему очень высоко: «Необыкновенным явлением в средние века, — пишет В. В. Григорьев, — был народ хазарский. Окруженный племенами дикими и кочующими, он имел преимущества стран образованных: устроенное правление, обширную цветущую торговлю и постоянное войско. Когда величайшее безначалие, фанатизм и глубокое невежество оспаривали друг у друга владычество над Западной Европой, держава Хазарская славилась правосудием и веротер-

пимостью, и гонимые за веру стекались в нее ото всюду. Как светлый метеор ярко блистала она на мрачном горизонте Европы и погасла, не оставив никаких следов своего существования» (Григорьев, 1876. С. 66).

Такая высокая оценка не могла не вызвать интерес ученых, изучающих археологию Юго-Восточной Европы. Основное внимание было направлено на поиски столицы Хазарии Итиля, необыкновенно богатой, как отмечали письменные источники. Богатства Итиля связывали с международной торговлей и Великим Шелковым путем, определившим историю, экономику и политику Хазарии. Но труды ученых не увенчались успехом: найти остатки Итиля не удалось.

Спустя 100 лет не менее известный историк, писатель и археолог Л. Н. Гумилев вынужден был признать: «У хазар было два крупных города: Итиль на Волге и Семендер на Тереке, — а где их остатки? Хазары умирали — куда девались их могилы? Хазары

¹ Независимый исследователь.

размножались — куда девались их потомки? И, наконец, — где располагались поселения хазар, те самые „села и нивы“, которые киевский князь Олег, по словам А. С. Пушкина, „обрек мечам и пожарам“» (Гумилев, 1966. С. 11)?

На основании толкования письменных источников ученые, в том числе М. И. Артамонов, все же установили, что столица Хазарии Итиль находилась где-то в дельте Волги, а Л. Н. Гумилев доказал, что в хазарское время она была не похожа на современную. В XIII–XIV вв. прошли коренные изменения в ней, связанные с Великой трансгрессией Каспийского моря, когда дельта оказалась залита водой и заполнилась наносами, скрывшими следы обитания людей и остатки Итиля.

Сознавая, что письменные источники во многом легендарны, почти всегда компилятивны и нуждаются в проверке археологическими данными, Л. Н. Гумилев возглавил летом 1959 г. работы Астраханской археологической экспедиции. В ней участвовали венгерский ученый, изучавший кочевников, Иштван Эрдели и В. Д. Белецкий, будущий известный специалист по истории Древней Руси. Государственный Эрмитаж в лице директора М. И. Артамонова, тоже заинтересованного в появлении новых ярких экспонатов в музее, выдал им деньги на работы. Вместе они исколесили дельту Волги и на машине, и в лодке, и хотя остатков хазарской столицы не нашли (обнаружили только несколько салтовских черепков, которые хранятся сейчас в Русском отделе ГЭ), но смогли объяснить, как этот город мог исчезнуть (Гумилев, 1966).

М. И. Артамонов первым начал планомерное исследование археологических памятников Хазарии и отождествил хазарскую крепость Саркел, упомянутую Константином Багрянородным, с Левобережным Цимлянским городищем. Саркел раскапывался шесть лет (1934–1936, 1949–1951). Полученные материалы вызвали новые вопросы в запутанной и сложной, с большим количеством проблем истории культуры средневековой Хазарии. Сомнение у ученых вызывал сам факт существования иудейского Хазарского государства. В 1951 г. в «Правде» появилась

небольшая заметка о его неверной «завышенной» оценке в советской исторической науке. После этого раскопки в Саркеле были прекращены, коллектив экспедиции, состоявший из учеников М. И. Артамонова, распался, а молодежь занялась разработкой тем, далеких от вопросов хазарской истории и культуры. С М. И. Артамоновым остались только С. А. Плетнева, З. А. Львова и Л. Н. Гумилев. Но интерес к Хазарии не иссяк (Плетнева, 1998). Было решено изучать Хазарию, упомянутую в письменных источниках, как объект «археологического видения». Примером применения такого метода был труд М. И. Артамонова «История хазар», вышедший в свет в 1962 г. (Артамонов, 1962), и три тома «Трудов Волго-Донской экспедиции». На основе археологических данных изучались не только экономика, культура и наука, но и историческая география и политическая история страны.

Таким образом, первым этапом исследования культуры Хазарии было создание концепции Хазарского государства. Она основана на идеях и археологических полевых работах М. И. Артамонова и Л. Н. Гумилева.

Второй этап связан с именем выдающегося исследователя средневековья С. А. Плетневой, с открытием новых археологических памятников и получением новых вещественных материалов. Они дали ясную картину наличия в степях в хазарскую эпоху разнотипных поселений — от растянутых вдоль берегов рек кочевий до крупнейших городищ с могильниками. Это подтвердило тезис М. И. Артамонова о кочевниках, перешедших в массе своей к полуседлости и оседлости.

С. А. Плетнева выделила из большого количества средневековых городищ и погребений Юга России те, которые относятся к салтово-маяцкой культуре. Сейчас ее принято считать государственной культурой Хазарии (Плетнева, 1967).

Интерес к Хазарии объясняется и тем, что это было первое государственное образование в Восточной Европе и, как выяснилось позднее, оно было еще и многонациональным.

Так, И. И. Ляпушкин разделил раннесредневековую культуру донских степей на два

варианта: лесостепной, относящийся к аланскому этносу, и степной, древнеболгарский (Ляпушкин, 1958). Нерешенной в его статьях 50-х гг. XX в. оставалась только проблема хазарского этноса и существования самой Хазарии как государства с таким названием.

Изучению бургасов, третьего этноса, входившего в союз племен, образовывавших Хазарию, посвятил свои работы Г. Е. Афанасьев. Вопрос о бургасах была поднят еще 150 лет назад Х. Д. Френом, и до сих пор остается дискуссионным. Сведения о бургасах стали проникать на Восток со второй половины VIII в. Следующие по времени упоминания о бургасах мы находим в сочинениях арабских авторов X в.: Ибн Русте, Ал-Истахри и Ал-Масуди, отражающих информацию IX в. В «Каспийском своде» перечисляются следующие народы: хазары, бургасы, болгары, мадьяры, славяне, русы (Заходер, 1967). Г. Е. Афанасьев изучал также население лесостепной зоны бассейна Северского Донца в VIII–IX вв. (или аланский вариант салтово-маяцкой культуры) (Афанасьев, 1987). В середине VIII в. в лесостепной зоне бассейна Среднего Дона, на славяно-хазарском пограничье, появилось славяно-асско-бургасское население, переселившееся из предгорий Северного Кавказа. Оно принесло с собой салтово-маяцкую культуру, точнее аланскую культуру на ее салтово-маяцком этапе. Причины переселения до сих пор не выяснены окончательно. Одни считают, что люди ушли с насиженных мест из-за кровопролитных арабо-хазарских войн в Закавказье, в которые были втянуты и северокавказские аланы. Другие — что в район Кисловодской котловины пришли болгары и вытеснили оттуда алан. Третьи объясняют уход алан на север попыткой спастись от эпидемии чумы. Сам Г. Е. Афанасьев усматривал в этой миграции результат внутреннего социально-экономического развития алано-асско-бургасского общества. Какая бы причина ни была, подобные действия были возможны только при поддержке хазар (Афанасьев, 1987).

Северокавказскими аланами, находившимися под протекторатом Хазарии, а также

особенностями погребального обряда населения различных регионов салтово-маяцкой культуры занимались В. Е. Флерова-Нахапетян и В. С. Флеров.

Около двух столетий бурлила жизнь на северо-западных окраинах Хазарского каганата, где кроме алано-ассо-бургасских этнических групп проживали и славянские племена (носители пеньковской культуры) и, вероятно, отдельные оногуро-булгаро-хазарские группы. Главный населенный пункт Салтовской земли находился в бассейне Северского Донца (Верхний Салтов). Как пишет Г. Е. Афанасьев, «всего обособленных регионов было три. Они были связаны с определенными водными артериями. Система обороны территории, занятой алано-ассо-бургасским населением, складывалась из городищ, построенных общинами, и из системы опорных пунктов, возведенных государственной властью Хазарии на направлениях, подверженных возможному вторжению врагов со стороны набирающего силу Древнерусского государства» (Афанасьев, 1987).

Что же касается степного древнеболгарского населения, то ученые считали, что антропологически хазары и болгары почти неразличимы, и, видимо, их погребальные обряды более-менее похожи, а значит, отделить одних от других по археологическим данным трудно. За последние четверть века в донских, поволжских и калмыцких степях было открыто не менее ста курганов (публикуются они редко и плохо). Некоторые из них датируются более ранним временем, чем большинство хазарских памятников, то есть VIII и даже VII в. Основной ареал этих курганов совпадает с определяемой по письменным источникам территорией собственно хазар (Плетнева, 1998). Вопрос о собственно хазарских погребальных памятниках оказался сложным и запутанным.

Мнение археолога А. И. Семенова, что хазарскими следует считать курганы с ровиками, имевшие тюркские аналогии, так и осталось недоказанным (Семенов, 1978). А. И. Семенов прославился как противник школы М. И. Артамонова и метода

«археологического видения». Он считал методы анализа этнических данных археологических источников недостаточно разработанными; не видел возможности ретроспекции, то есть не находил среди этносов болгар и алан приемников культуры хазар, обвинял последователей школы М. И. Артамонова в том, что, несмотря на раскопки, городская культура каганата малоизвестна; отмечал частые миграции народов и почему-то считал, что на территории каганата были неоднократные перемены религии, якобы влиявшие на устойчивость культурных традиций. Все это, по его мнению, не позволяет выделить достоверные памятники хазар (Семенов, 1982).

Слово «хазар» происходит от тюркского «бродить, шататься» и означает «кочевой народ». Возникает вопрос: существовал ли такой этнос вообще и не придуман ли он позднее иудейскими учеными-богословами и арабскими переписчиками географической литературы? Возможно, курганы с ровиками принадлежали тюркским кочевникам, пришедшим с востока.

В то же время А. И. Семенов отмечает, что самые богатые погребения хазарского времени — подкурганые. Они известны на всей территории каганата: в Дагестане, Поволжье, Приазовье, Крыму, на Дону и Днепре. Если из их числа исключить тюркские, то это не приведет автоматически к открытию хазарских погребений. Вопрос остался нерешенным (Там же, 1982. С. 79).

Начальный период Хазарского каганата был наполнен многочисленными войнами. Активная экспансия на север — в Приазовье и Подонье, столкновение с Византией и Ираном у южных границ обогащали знать, которая широко пользовалась в обиходе драгоценной посудой, захваченной в качестве военной добычи. Множество драгоценных вещей оставалось в ставках военных предводителей, не прекращавших грабительские набеги на прилегающие территории; попадали в Хазарию в качестве дани и подарков.

С расширением границ Хазарии, изменением ее хозяйственного облика и установлением трансконтинентальной торговли

(Шелковый путь) приток средств в VIII–IX вв. стал более постоянным. Великий Шелковый путь в древности и средние века пролегал через Восточный Туркестан, через бескрайние просторы Центральной Азии. Он связывал страны Восточной Азии с Европой. Как пишет известный китаист К. Ф. Самосюк, «это целая система дорог, которые в разное историческое время имели разные направления. Это в большей степени зависело от политической ситуации. Победители в войнах на время становились главными хозяевами караванных трактов» (Пещеры тысячи Будд, 2008).

Вначале главную роль в торговле с Восточной Европой играла Византия, поставлявшая шелк на север. Хазария была превосходным рынком сбыта для торговцев шелковыми тканями, поэтому тоже была вовлечена в эту торговлю. Ал-Истахри специально отмечает, что «сами хазары одежды не выделывают, но она исключительно ввозится ими» (Ал-Истахри, 1901).

Путь, по которому перевозили товары с Востока, шел через Северо-Западный Кавказ. В торговле участвовали аланские и адыгские племена, входившие в состав Аланского союза племен. Государство Алания в VIII в. занимала в основном территорию нынешней Северной Осетии, части Кабардино-Балкарии и Карачая. Появление алан на Большой Лабе связано с поражением хазаро-аланских войск в борьбе с арабами в начале VIII в. Тогда же часть алан выселилась в Подонье.

Северокавказский путь пересекал с юга на север всю срединную Азию, шел по северному побережью Каспийского моря, затем по северокавказским предгорьям и далее через перевалы Западного Кавказа выводил в Абхазию («Апсилию»), на Черноморское побережье. Оттуда добирались морем до Трапезунда и следовали далее либо сухопутной дорогой в Константинополь, либо морским путем на запад, в Средиземноморье (Иерусалимская, 1978).

Шелковые ткани (целые комплекты мужской, женской, детской, даже кукольной одежды) в большом количестве находят в могильниках у перевалов: Мощевой Балке,

Хасаутском, на реке Эшкакон. В Мощевой Балке благодаря сухости грунта и особой чистоте горного воздуха превосходно сохранились не только ткани, но и изделия из дерева, кожи, всевозможные растительные остатки (вплоть до травяной натруски подушек или погребальной пищи — фруктов). Могильник Мощевая Балка раскапывался известным археологом-кавказоведом А. А. Иерусалимской в 70-х гг. прошлого века.

Шелк попадал в Мощевую Балку и другие пункты Северного Кавказа транзитом — вероятно, в качестве «дорожной пошлины на перевалах: в уплату за проводников, за переноску грузов, за коней, в качестве подношений племенным вождям, а иногда, может быть, в виде трофеев дорожных грабителей. При этом зачастую оплата велась в рубахах или штуках материи. Шелка было столько, что он использовался не только для изготовления и украшения верхней одежды, но и нижней, чулок, обуви. Тот из жителей, кто владел роскошным кафтаном с „сенмурвами“, был, вероятно, вождь. На его кафтан ушел целый ткацкий кусок (около четырех метров) драгоценнейшего нового шелка. Но были и такие, которых погребали в жалком рубище из грубой мешковины, сплошь покрытой заплатами. Рядовые жители носили кафтаны, отделанные в большей или меньшей степени шелком по обшлагам, полам и подолу, иногда — со сплошь шелковыми рукавами» (*Иерусалимская*, 1978).

Среди стран-экспортеров фигурируют и Средняя Азия, и Византия. Со временем на Северо-Западном Кавказе возникло собственное шелкоткачество. Это было производство очень грубой шелковой ткани (копирующей в упрощенном виде согдийские шелка с изображением двойной секиры).

Помимо шелковой материи в горах Северо-Западного Кавказа встречаются китайские картины на шелке эпохи Тан, розовая бумага с надписями тушью по-китайски, желтая самаркандская бумага (подобная встречается в Саркеле), фрагменты переплета из папьемаше, также с остатками рукописных текстов. Все это, возможно, принадлежало китайским купцам.

Арабы появились на границах Хазарии в VI в. В середине VII в. произошли военные столкновения с хазарами в Закавказье. Арабо-хазарские войны продолжались с переменным успехом 150 лет. В периоды затишья оживлялась экономическая жизнь страны, о чем свидетельствует то, что Омейяды открыли в Закавказье монетные дворы (*Быков*, 1974). Сторонники ислама в VIII в. и в начале IX в. являлись в Хазарии носителями одной из наиболее передовых культур. С нею приходилось считаться хазарам. К тому же территориально она была более близкой, чем Византия. «Арабами было создано единое централизованное государство — Халифат. В результате завоеваний он завладел огромной территорией, простиравшейся от Индии до берегов Атлантического океана. Им же была создана единая система управления, единая система налогообложения, таможенных тарифов. Таким образом, морские и сухопутные пути, которые связывают Восток с Западом, находились в руках единого государства, их безопасность обеспечивалась государственными службами: товары могли перевозиться беспрепятственно из самых отдаленных окраин Халифата к центру или из центральных районов к окраинам» (*Арабский халифат...*, 1970. С. 147–149).

При этом множество драгоценных вещей, привозимых в Хазарию, оставалось на заставах и таможах в качестве пошлины, скапливалось в ставках военных предводителей, не прекращавших грабительских набегов на прилегающие территории. Централизованная власть Хазарии тоже всеми силами старалась обеспечить безопасность торговли. Р. Р. Фасмер (*Фасмер*, 1931) и В. В. Кропоткин (*Кропоткин*, 1967, 1968) показали, что в начале IX в. восточные монеты имели хождение в самой Хазарии и на всех зависящих от нее территориях.

Через земли Хазарии в страны Восточной и Северной Европы потянулись караваны с восточными товарами, которыми владели мусульманские купцы. В славяно-финских землях первые куфические монеты, согласно

исследованиям Р. Р. Фасмера, появились около 800 г. Восточные монеты встречаются в кладах, среди них есть «варварские» подражания куфическим диргемам. Подражания сделаны технически хорошо. Хазарская монета, или диргем, местной (не халифской) чеканки имела знак «ветка», похожий на отпечаток «птичьей лапки». Этот знак напоминает некоторые знаки на керамике и кирпичках, найденных в Саркеле. Они точно совпадают с начертаниями тюркских рунических знаков. Употребленные отдельно, они служили для обозначения собственности. Местонахождение монетного двора, выпускавшего монеты с хазарской тамгой рунического типа, было в Северной Армении, и назывался он Ард-ал-Хазар. Можно сказать, что хазары имели свое денежное обращение (Быков, 1974).

Главным событием этого времени на территории Юго-Восточной Европы, как отмечают арабские источники, было принятие иудаизма хазарским двором. В связи с этим тюркская традиция при дворе уступила место иудейской, каган сделался для своих подданных царем, выборная власть была заменена наследственной, а Хазарский каганат в письменных источниках стал именоваться иудейской Хазарией, и столица ее была перенесена в Итиль в низовьях Волги.

При дворе было несколько партий, представляющих различные народы, входившие в состав Хазарии: собственно «хазарская», которую представляла тюркская знать, пришедшая с востока со своим народом и войском. Аланские князья, управлявшие северо-западной территорией, которая занимала часть территории Украины, болгарские ханы, под рукой которых было Подонье и Крым. В VIII в. территория Хазарского государства значительно расширилась. Южные границы проходили по р. Волге при ее впадении в Каспийское море. По р. Северский Донец проходила северная граница Хазарии. Местности Крыма на западной границе — это Мангуп (или Мангуп-Кале — крепость близ Бахчисарая, а также Чуфут-кале). На востоке и юго-востоке — по стене, которая тянется между горами и морем (Баб аль Абваб). Саму

Хазарию разделяют на следующие провинции: Дагестан, Поволжье, Приазовье, Крым, Дон, Днепр (?). Вопрос о границах Хазарии до сих пор считается спорным.

Завоевания открыли путь на север арабскому капиталу, вскоре овладевшему всей международной транзитной торговлей. О масштабах торговли того времени на Шелковом пути сообщают арабские письменные источники. В это время в Халифате было относительно спокойно. В VIII–IX вв. страны его переживали рост производительных сил. Этому способствовало то, что феодальный способ производства стал господствующим. Особенностью его по сравнению с ранним западноевропейским было значительное развитие товарно-денежных отношений.

Мекканские богатые купцы отправляли в Сирию, Иран и Юго-Восточную Европу и другие государства свои собственные караваны, загруженные произведениями местного ремесла, продуктами сельского хозяйства (именно в это время в Хазарию была завезена передневосточная пшеница, и с тех пор Юг России стал местом ее произрастания). В то же время они скупали товары, производившиеся в других государствах. О размерах товарооборота арабских купцов говорят следующие данные письменных источников. Города Египта — Дамьетта, Дабик, Гиннис, а также г. Казерун в Фарсе производили всемирно известные льняные ткани, часто с вплетенными шелковыми и золотыми нитями. Города Сирии производили домашнюю мебель, изделия из стекла (особенно Тир и Сидон), металлические вазы и зеркала, лампы, шелковые и хлопчатобумажные ткани, фиалковое масло (Дамаск). Производством шелковых тканей (камка, атлас, бархат, парча и др.) особенно славились Куфа и города Хузистана, а также Шираз и другие города Фарса, Исфган, Рей; производством хлопчатобумажных тканей — Мерв, Нишапур, Бам (в Кермане) и Кабул; производством шерстяных тканей и ковров — Шираз, Исфган, Рей и другие. Помимо иранских ковров славились также шерстяные ковры армянские и бухарские. Глазурованными фаянсовыми изделиями (посудой

и плитками для облицовки зданий, главным образом синими, бирюзовыми и зелеными) славились Кашан и Рей в Иране, Дамаск. Высокого уровня достигло ювелирное производство, обслуживавшее высшие классы. О его процветании можно судить по тому, что в начале X в. один богатейший ювелир в Багдаде, у которого халиф конфисковал ценностей на 320 млн дирхемов, все же не разорился.

В Ширазе и других городах Фарса процветало парфюмерное производство: цветочные эссенции и масла, розовая вода и розовое масло из Фарса вывозились в Испанию (Кордовский халифат), Магриб, Йемен, Индию и Китай. Производство писчей бумаги, известное уже в начале VIII в. в Самарканде, к концу VIII в. утвердилось и в Багдаде, затем в Триполи сирийском, а к концу IX в. — в Египте. Писчая бумага — белая и цветная, — к середине X в. окончательно вытеснила прежний писчий материал, папирус, выделкой которого славились до этого города Египта.

Золото добывалось в Верхнем Египте и в западных областях Халифата, а также в Хорасане, серебро же и свинец — главным образом в восточных областях. Самый богатый серебряный рудник, где работало 10 тысяч рудокопов, находился в Пенджхире (на территории современного Афганистана). Железную руду добывали в Магрибе, Ливане, Фарсе, Кермане, Кабуле и Фергане. Медные рудники находились во многих местностях Ирана, в частности, близ Шираза. В Хорасане добывали также бирюзу (в X в. она приносила свыше 750 тыс. дирхемов ежегодного дохода), мрамор, ртуть, асбест. В Сирии — серу и мрамор, в Мавераннахре — мумие, каменный уголь, нашатырь; рубины добывались в Бадахшане и Йемене; изумруды — в Египте, богатые жемчужные ловли располагались по берегам Персидского залива.

Через страны Халифата проходили важнейшие пути караванной торговли, соединявшие Средиземноморье с Дальним Востоком (с Китаем). На этих путях располагались большие города, служившие местами складирования и биржами для крупной оптовой транзитной и местной торговли. Очень раз-

вилась морская торговля. Главными пунктами торговли с Индией, Индонезией и Китаем были города Басра и Сираф на Персидском заливе. В Сирафе были купцы, богатство которых оценивалось почти в 40 млн дирхемов.

Уже в VIII в. в Гуанчжоу возникла большая колония мусульманских купцов. Порты Сираф, Оман, Аден вели обширную торговлю с Занзибаром и западным берегом Африки. Из Египта и Магриба караваны везли текстиль, финики и соль в Судан, а оттуда вывозили золотой песок, слоновую кость и темнокожих рабов (их вывозили также из Занзибара). На западе купцы из Халифата торговали с Марокко и арабской Испанией (Арабский Халифат..., 1970. С. 147–149).

Благодаря постоянным связям арабских купцов с Юго-Восточной Европой в Хазарии развилась также морская торговля. Главными портами здесь были Херсон в Крыму и Итиль (Итиль) на Волге. Большие колонии купцов были в Итиле. И мусульманские, и еврейские купцы, а также славяне, русы жили в Итиле и пользовались привилегиями и даже судебным иммунитетом (Быков, 1974). В Хазарии, по-видимому, в основном имел хождение арабский дирхем. Он получил у еврейских купцов название «шэлэг», что означает «белый», «серебряник», и эта денежная единица упоминается в «Повести временных лет» для хазарских владений в землях восточных славян.

Начало торговли дирхемами относят к 70–80 гг. VIII в., а возможно, и раньше. Как пишет российский археолог А. Н. Кирпичников, «в этот период сложились благоприятные для развития экономики Восточной Европы обстоятельства. После 737 г. прекратилась арабо-хазарская война, и купцы из Хазарии и Дербента стали расширять торговые контакты. Потребность в ценных товарах (мехах) заставила их двигаться на север и основывать центры торговли в важнейших ее направлениях. Так, после 723 г. на юге, в низовьях Волги, основывают Итиль. Не позже 753 г. на севере, на Волхове, появляется Ладога, и, таким образом, на севере и на юге фиксируется начало и конец Великого Волжского

пути» (Кирпичников, 2003). Донской путь начинается в районе средней Волги и заканчивается выходом в Черное море. Для контроля над Причерноморьем в 830-х гг. в Подонье строится Саркел. Таким образом, сухопутные торговые пути, проложенные еще во времена тесных контактов с Византией, по-прежнему сохранялись, но огромное значение приобрели и водные.

Кроме торговли как арабские, так и еврейские купцы занимались крупными ростовщическими операциями, ссужая деньги вождям племен, местному населению и получая большие выгоды от этих операций, взимая с должников очень большой процент. Лавки ростовщиков и менял со всего Востока находились, вероятно, в Херсоне и Итиле — конечных пунктах караванной торговли в Восточной Европе.

Огромная территория, включавшая в себя основные пути международной транзитной торговли, в том числе Великий Волжский и Великий Шелковый пути, обеспечила арабскому капиталу на некоторое время лидирующее положение в экономике Восточной Европы. Крупнейшие страны этого региона — Русь, Волжская Булгария и Хазария — поставляли на мировой рынок свои товары, которые шли прежде всего по Великому Волжскому пути. Он связывал Русь со Скандинавией, Балтикой, Северной и Средней Европой, Волжской Булгарией, Хазарией и странами Халифата. В торговых связях Европы с Востоком Булгария играла важную роль. Именно по торговым путям шло приобщение к мусульманскому миру и его достижениям. Нередко купцы торговлю сочетали с миссионерской деятельностью. Неслучайно в X в., освободившись от власти хазар, Волжская Булгария приняла мусульманство (Валеев, 1995).

Главным предметом торговли Европейского Севера с Востоком была пушнина (шкурки черных и красных лисиц, соболей, белок, бобров, горностаев). Ал-Масуди сообщает о караванах, которые постоянно ходят из Булгарии в Хорезм и обратно. Он упоминает о хазарских и болгарских купеческих кораблях, плавающих по Волге ниже устья Камы.

Вывозят клей, «рыбий зуб» (моржовые клыки), бобровую струю, юфть, мед, орехи, барсов (или гончих собак), мечи, кольчуги, березовый лес, славянских невольников, овец, рогатый скот — это из Волжской Булгарии. А из Хазарии, также участвовавшей в транзитной торговле, — только белужий клей. Вывозят в Дербент, Бердаа и разные области Хорасана, в земли франков и Испанию, а оттуда в Северную Африку.

Важной статьей как болгарского, так и хазарского экспорта были рабы. Булгар и Итиль превратились в мировой рынок «живого товара», куда привозили рабов из Руси и отсюда они попадали в Дербент, Хорезм, Багдад, Александрию. Существовала даже торговая пошлина рабами (Ибн Фадлан) (Путешествие..., 1939). Вторую по важности группу импортируемых восточных товаров составлял художественный металл — золотая, серебряная и бронзовая утварь из Византии, Ирана, Хорезма, Армении, Киликии (Малая Азия), а также драгоценные и полудрагоценные камни (Валеев, 1995). Как пишет А. Н. Кирпичников, Ладогу можно рассматривать как ключевой город, где сошлись Волжский и Днепровский пути, а также сухопутные дороги к северным народам. В низовьях Волхова, в зоне порогов протяженностью не менее 65 км образовалась особая Ладожская волость с укрепленными городками, дорожными станциями, лоцманской службой, купеческими гостевыми домами и пристанями. Через Ладогу Русь торговала со Скандинавией (Кирпичников, 2003).

В то же время еврейские купцы, привлеченные баснословной прибылью в Юго-Восточной Европе, пытались использовать свой формирующийся торговый капитал на севере в условиях очень жесткой конкурентной борьбы с арабскими торговыми корпорациями. Они изо всех сил старались укрепиться возле трона хазарского кагана в качестве советчиков и, чтобы победить в конкурентной борьбе с мусульманскими купцами, решились подкупить хазарские власти и кагана, который, приняв иудаизм, открыл им беспогонную торговлю и отдал все преимуще-

ства в торговле с Халифатом. Не обошлось и без столкновений с русскими купцами. Их ладьи появились на Волге уже в IX в. и, по мнению А. П. Новосельцева, они были тоже серьезными конкурентами. Русские торговцы царили на волжских водных путях, и их поддерживали русские дружины, а еврейские купцы не были мореходами, как мусульмане. Но зато они устроили множество таможен на всех этапах пути из Передней Азии в Восточную Европу, а в IX в. уже правил еврейский царь, обеспечивавший еврейским купцам приоритет в международной торговле. Кроме того, окружной сухопутный проезд был свободен для мусульманских караванов, и евреи этим воспользовались (Новосельцев, 1990).

Вначале еврейские купцы приставляли к арабским караванам по две-три лошади со своими товарами и шли с ними на север, пользуясь пунктами остановки в пути, маршрутом и охраной, которые им обеспечивал араб — хозяин каравана, и что являлось, видимо, его тайной. Евреи постоянно делали попытки завладеть всей сухопутной торговлей. Но торговцы этого народа не смогли отобрать у мусульман весь ассортимент их товаров, широко известный на Востоке, но в какой-то мере им это удалось. К тому времени торговля на Шелковом пути стала специализированной. Евреи захватили торговлю со странами Западной Европы, и до конца IX в. она была ограниченной и находилась целиком в руках компании еврейских купцов, так называемых радонитов, в частности, ввозивших в Халифат славянских и других рабов. Торговля Халифата с Византией из-за постоянных военных столкновений с ней на суше и на море была незначительной. Зато торговые связи с Хазарией, тюркскими степями, Русью, другими народами Восточной Европы были очень интенсивными, о чем свидетельствуют многочисленные клады с монетами Халифата, находимые на территории этих стран (Арабский Халифат..., 1970. С. 147–149).

А. П. Новосельцев также считает, что «причиной принятия иудаизма в качестве государственной религии был еврейский торговый капитал» (Новосельцев, 1990). Не могу

не согласиться с ним. Но была ли эта религия государственной, то есть распространялась ли она на все население Хазарии? Конечно, нет. У Ал-Истахри прямо сказано, что народ Хазарии исповедует мусульманство, христианство и иудаизм, есть среди него и идолопоклонники (тюрки?), но иудеи составляют меньшинство, а христиане и мусульмане — большинство (Минорский, 1963). Почему же Д. Данлоп пишет об «Иудейской Хазарии» (Dunlop, 1954)? Нам кажется, потому, что так как каган и двор приняли иудаизм, все документы, связанные с хозяйственной и политической деятельностью придворных, министров и купцов, велись, вероятно, на древнееврейском языке. В европейских документах X–XII вв. не различали хазар и евреев. На эту мысль нас наталкивает язык знаменитой еврейско-хазарской переписки хазарского царя Иосифа с кордовским вельможей Хасдаем ибн Шафрутом (60-е гг. X в.) (Коковцов, 1932). Мы не знаем, как долго длилась эта переписка, являются ли эти письма ее началом или концом, но можем предположить, что ее целью была попытка завязать торговые связи с Кордовским халифатом. Возможно, древнееврейский язык был какое-то время языком дипломатии этого государства. Население Хазарии было разноязычным, но многие были грамотными, а государственным языком, возможно, был тюркский, поскольку имеются находки орхоно-енисейского письма (Кызласов, 2016).

Одной из загадок Хазарского государства считается то, что в его земле нет еврейских погребений нигде, кроме Крыма. Там найдено около двух десятков стел с еврейскими символами (Кенпен, 1837). Это можно объяснить тем, что евреи там и не жили, а поторговав или обменяв деньги в Крыму или Итиле, возвращались на Восток.

Торговля сделала Хазарию крупным государственным образованием с прочной экономической базой, сильной централизованной властью, сумевшей сплотить вокруг себя разноэтничные народные массы. В стране имела хождение собственная монета. Благополучие государства и его

международный авторитет были велики в VIII–IX вв. Но со временем доля Хазарии в общей международной торговле Руси, Волжской Булгарии с Востоком становилась все меньше. Как пишет А. А. Быков, поток транзитного серебра, который с Ближнего Востока направлялся через Хазарию на Русь и дальше в Центральную и Северную Европу не ослабевал до самого разгрома хазарской мощи Святославом в 965 г., что засвидетельствовано многими

монетными находками (Быков, 1974). В течение X в. все отчетливее становилось торговое лидерство Булгарии. Причина прекращения хазарского чекана неизвестна. В это время доля Хазарии в общей международной торговле становилась все меньше, товары шли в обход хазарских застав, что, возможно, и послужило одной из причин конца хазарской гегемонии в Восточной Европе, павшей под ударами войск князя Святослава.

Ал-Истахри, 1901 — Ал-Истахри. Книга путей и царств / пер. Н. А. Караулова // СПОМК. Тифлис, 1901. Вып. XXIX. С. 9–51.

Арабский Халифат..., 1970 — Арабский Халифат // История стран зарубежной Азии в средние века: Учеб. пособие для вост. фак. / Отв. ред. А. М. Голдобин, Д. И. Гольдберг, И. П. Петрушевский. М.: Наука, 1970. 640 с.

Артамонов, 1962 — Артамонов М. И. История хазар. Л.: Изд-во ГЭ, 1962. 521 с.

Афанасьев, 1987 — Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VII–X веках (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках / Отв. ред. И. С. Каменецкий. М.: Наука, 1987. Вып. 2. 198 с.

Быков, 1974 — Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII–IX веках // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / Под ред. А. С. Тверитиновой. М.: Наука, 1974. Т. III. С. 26–71.

Валеев, 1995 — Валеев Р. М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX — начала XIII веков. Казань: Фест, 1995. 157, [2] с., [4] л. ил.

Григорьев, 1876 — Григорьев В. В. О двойственности верховной власти у хазаров // Россия и Азия: Сб. исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанный в разное время В. В. Григорьевым. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1876. С. 66–78.

Гумилев, 1966 — Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии (Историко-географический этюд). М.: Наука, 1966. 192 с.

Заходер, 1967 — Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, 1962. 213 с.

Иерусалимская, 1978 — Иерусалимская А. А. Аланский мир на «Шелковом пути» (Мощевая Балка — историко-культурный комплекс VIII–IX веков) // Культура Востока. Древность и раннее средневековье: Сб. ст. / Науч. ред. В. Г. Луконин. Л.: Аврора, 1978. С. 151–162.

Кеппен, 1837 — Кеппен П. И. Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: Тип. АН, 1837. 429 с.: ил., табл.

Кирпичников, 2003 — Кирпичников А. Н. Великий Волжский путь и эпоха торговой революции // Великий Волжский путь: Материалы II-го этапа МНК «Великий Волж. Путь», Санкт-Петербург — Стокгольм — Санкт-Петербург, 5–14 августа 2002 г. / Отв. ред. В. В. Хоменко. Казань, 2003. Ч. II: История формирования и культурное наследие. С. 188–217.

Коковцов, 1932 — Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.: Тип. АН СССР, 1932. XXXVIII+134+4 табл.

Кропоткин, 1967 — Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э. М.: Наука, 1967. 135 с., 5 л. ил., карт.

Кропоткин, 1968 — Кропоткин В. В. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII — первой половине IX века // Славяне и Русь: К 60-летию академика Б. А. Рыбакова / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука, 1968. С. 72–79.

Кызласов, 2016 — Кызласов И. Л. Вопросы хазароведения // Степи Восточной Европы в средние века: Сб. памяти С. А. Плетневой /

- Отв. ред. И. Л. Кызласов. М.: Авторская книга, 2016. С. 249–257.
- Ляпушкин*, 1958 — *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона // Тр. Волго-Донской экспедиции. М.; Л.: Наука, 1958. Т. 1. С. 85–150. (МИА. № 62).
- Минорский*, 1963 — *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 270 с.
- Новосельцев*, 1990 — *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 266 с.
- Пещеры тысячи Будд, 2008 — Пещеры тысячи Будд. Российские экспедиции на Шелковом пути. К 190-летию Азиатского музея: каталог выставки / Науч. ред. О. П. Дешпанде. СПб: Изд-во ГЭ, 2008. 480 с.
- Плетнева*, 1967 — *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 195 с. (МИА. № 142).
- Плетнева*, 1998 — *Плетнева С. А.* Проблемы хазарской археологии и Саркел — Белая Вежа // Скифы, хазары, славяне. Древняя Русь: МНК, поств. 100-летию со дня рождения проф. М. И. Артамонова (Санкт-Петербург, 9–12 декабря 1998 г.): Тез. докл. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. С. 93–95.
- Путешествие..., 1939 — Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и ком. А. П. Ковалевского под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 212 с.
- Семенов*, 1978 — *Семенов А. И.* Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 180–182.
- Семенов*, 1982 — *Семенов А. И.* Центрально-азиатские параллели погребальному обряду населения Хазарского каганата // XII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Геленджик, 5–9 апреля 1982 г.): Тез. докл. конф. М.: Б. и., 1982. С. 77–79.
- Фасмер*, 1931 — *Фасмер Р. Р.* Завалишинский клад куфических монет VIII–IX вв. Л.: Тип. АН СССР, 1931. 20 с. (Известия ГАИМК. Т. VII. Вып. 2).
- Dunlop*, 1954 — *Dunlop D.* The History of the Jewish Khazars. New York: BY. Princeton University Press, 1954. 293 p.

Legendary Khazaria. Hypotheses and delusions

N. A. Fonyakova-Chuvilo

The Khazarian state was founded by a Turkic royal house in the 7th century when Khagans of the former West-Turkic Khaganate came to South-Eastern Europe at the head of a large horde. They created a rigid system of ruling the multi-national state and preserved the latter's unity for 300 years. The first regular investigations of the archaeological sites of Khazaria were started by Mikhail I. Artamonov who identified the Khazarian fortress of Sarkel mentioned by Constantine Porphyrogenetos with the Levoberezhnoye (Left Bank) Tsimlyanskoye fortified site. Sarkel has been excavated for six years (1934–1936, 1949–1951). The materials yielded by these archaeological investigations constitute the basis for studies of the economy, culture, historical geography and political history of Khazaria. The next stage of the investigations is related with the name of Svetlana A. Pletneva. She distinguished among the great number of mediaeval sites and cemeteries in Southern Russia those concerned with the Saltovo-Mayaki culture named by her 'the state culture of Khazaria'. The present paper examines problems related to different ethnic groups constituting the Khazarian Khaganate and archaeological sites linked with them; the questions are discussed of the expansion of the state boundaries in the initial period through wars and predatory raids as well as the enormous role of Khazaria in establishing of the transcontinental trade. The present study concludes that the trade promoted the growth of Khazaria as a large state formation with a firm economic basis and strong centralized power which succeeded to rally people of different ethnoses around itself. In the 10th century, the international trade leadership passed to Volga Bulgaria. Perhaps, exactly this fact was among the reasons of the fall of the Khazarian hegemony under the strikes of the forces of Prince Svyatoslav.

Украшения с изображением сирены из центра художественного металла вблизи с. Златар Преславского района (производство и способ применения)

С. Дончева¹

Аннотация. В статье рассматриваются два предмета из производственного центра, расположенного в окрестностях древней столицы Болгарии Преслав и функционировавшего с первой половины и до середины X в. Найденные здесь бронзовая матрица для производства тисненых бляшек с изображением сирены и бляшка с аналогичным сюжетом, но оттиснутая с помощью другой матрицы, позволяют ставить вопрос о взаимоотношениях столичных и провинциальных производственных центров, при которых в основу декора местных изделий положены сюжеты византийского искусства, популярные в столице и соответствующие вкусу широкого круга средневекового населения

Annotation. This paper considers two objects from a manufacturing centre situated in the surroundings of Preslav, the ancient capital of Bulgaria. This centre functioned from the first half to the middle of the 10th century. A bronze matrix for making embossed plaques with representations of a siren and a plaque with an analogous subject but embossed using another matrix allow to raise a question of the interrelations between the metropolitan and provincial centres where subjects of Byzantine art popular in the capital were taken as the basis of the décor of local articles satisfying the tastes of a wide circle of the mediaeval population.

Ключевые слова: Болгария, византийское искусство, производственный центр X в., матрица и бляшка с изображением сирены, столица и провинция.

Keywords: Bulgaria, Byzantine art, manufacturing centre of the 10th century, matrix and a plaque with representation of a siren, capital and province.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-158-168

Введение

Центр производства художественного металла Златар — один из трех известных ювелирных центров в окрестностях древней болгарской столицы Преслав (рис. 1). Исследования здесь начались в 2007 г. и продолжаются до настоящего времени. На сегодняшний день обнаружено шесть комплексов,

состоящих из отдельных мастерских, в которых выявлены печи, очаги, ямы, предназначенные для осуществления производственной деятельности (Дончева, 2011. С. 523–525; 2015а. С. 121–127; Doncheva, 2010. P. 729–731). Найдено более 3000 металлических предметов — готовой продукции, заготовок, брака, свидетельствующих об интенсивном и масштабном производстве, осуществляемом здесь в первой половине и середине X в. Специфичная керамика, свойственная этому периоду,

¹ Отдел средневековой археологии, Региональный исторический музей. Славянский бульвар, № 17 г, Шумен, Болгария. E-mail: donchevastela@yahoo.com.

Рис. 1. Расположение производственных центров художественного литья из цветных металлов в окрестностях Преслава

Fig. 1. Situation of art centres of artistic casting of non-ferrous metals in surroundings of Preslav

и найденные бронзовые монеты Льва VI (886–912), Романа I Лакапина (920–944), Романа II и Константина VII (945–959) подтверждают эту датировку. Среди находок преобладают детали ремней: бляшки, наконечники, пряжки. Немало и других ювелирных изделий, украшений, крестов. Свидетельства продолжительной, в течение нескольких десятилетий, производственной деятельности способствуют пониманию важных сторон жизни людей того времени, среди которых организация ювелирного производства, распространение продукции и технология производственного процесса (Бонев, Дончева, 2006; Дончева, 2017. С. 189–204).

Находки

Среди многочисленных изделий, говорящих о масштабе производства, привлекают

внимание два уникальных предмета, найденные среди инструментария одной из мастерских в Златаре во время археологических раскопок 2008 и 2010 гг. Один из них относится к группе редко встречающихся средств производства — бронзовым матрицам, другой является оттиском с матрицы с аналогичным сюжетом. Данные находки позволяют сделать вывод о наличии здесь серийного производства (Дончева, 2015б).

Матрица представляет собой бронзовую отливку диаметром 2,5 см и толщиной 0,7 см, с рельефным (0,3 см) изображением мифического существа — сирены (рис. 2, 1, 2). Она предназначалась для изготовления круглых бляшек из тонких медных пластин, на которые впоследствии наносилась позолота, а на обратную сторону припаивались тонкие пластинчатые крепления, с помощью которых

Рис. 2. Матрица (1–2) и оттиск (3–4) с изображением сирены из производственного центра художественного литья из цветных металлов у с. Златар Преславского района: 1–2 — фото и прорисовка; 3–4 — лицевая и оборотная стороны. 1, 3–4 — медь с позолотой

Fig. 2. Embossing matrix (1–2) and an imprint (3–4) with a representation of a siren from the manufacturing centre of artistic casting of non-ferrous metals near the village Zlatar, Preslav District: 1–2 — photo and detailed drawing; 3–4 — obverse and reverse. 1, 3–4 — copper with gilding

украшения фиксировались на предварительно подготовленной основе. Все это подтверждается бляшкой-оттиском.

Бляшка представляет собой медную позолоченую пластину круглой формы толщиной 0,1 см, диаметром 2,6 см, имеющую изогнутый край высотой 0,4 см, совпадающий с толщиной бронзовой матрицы. На обратной стороне изделия имеются остатки двух расположенных напротив друг друга изогнутых креплений в виде небольших пластиночек (рис. 2, 3, 4), шириной 0,15 см и длиной 0,4 см. Бляшка крепилась к кожаному ремню или ткани с предварительно оформленными прорезями, в которые продевались и затем загибались тонкие крепления.

На лицевой и боковой сторонах изделия нанесен тонкий слой позолоты методом ртутной амальгамы. Местами, где золотой слой нарушен, просвечивает зеленый цвет коррозированной медной основы. Большая часть изображения сохранена в первоначальном виде. Позолота — одно из средств придания предметам из неблагородных металлических сплавов эстетически привлекательного вида.

Технология

Известно, что предметы из меди и ее сплавов являются наиболее пригодными для серебрения и золочения. В качестве синонимов процесса амальгамирования в античности и средневековье использовались определения «покрытие», «огненное золочение», золочение «через огонь» (Горбунова и др., 2008. С. 168–172; Дончева, 2014. С. 279–290). Золочение ртутной амальгамой осуществляется путем соединения золотой пыли с ртутью. Предварительно очищенный и заглаженный предмет намазывался приготовленной смесью с помощью кроличьей лапы. После нагревания ртуть испарялась, и оставалось золотое покрытие, плотно прилегающее к поверхности предмета. Процесс золочения проводился в определенном порядке. Для приготовления амальгамы золото измельчали и после нагревания смешивали со ртутью, нагретой до 300 °С. Соотношение металлов обычно 6 : 1 или 8 : 1. Смесь постоянно перемешивалась до полного растворения золота. После чего во избежание кристаллизации амальгаму выливали в прохладную воду, затем просушивали, и от нее отделялась ртуть. Для этой цели смесь помещали в кожаный мешок, где она «центрифугировалась». Приготовленная амальгама наносилась на обезжиренную, гладкую и высушенную металлическую поверхность. Перед нанесением амальгамы металл иногда натирался серебром или ртутью для тщательного контролирования качества подготовленной поверхности. После нанесения амальгамы изделие нагревалось для испарения ртути. Обычно нагревание продолжалось не более пяти минут во избежание испарения с ртутью и золота. Подтверждением

золочения методом ртутного амальгирования в X в. является не только рассматриваемое украшение, но и огромное количество бляшек и украшений с позолотой, найденных в ходе этих исследований и в остальных центрах производства художественного металла (Penev et al., 2012. P. 132–133; Doncheva et al., 2013. P. 71–85). Прямое отношение к этому производственному процессу имеет и золотой слиток, найденный в Златаре в одной из мастерских в комплексе № 4.

Бронзовая матрица, по которой оттиснута позолоченная бляшка, являлась отливкой по восковой модели с помощью двойного литевого ящика, заполненного формовочной смесью. Об этом говорит точный рисунок изображения, плавные переходы рельефа и следы дополнительной доработки модели. Рабочий процесс проходил в несколько последовательных этапов: матрица закреплялась на рабочей поверхности; на нее накладывали предварительно вырезанный тонкий металлический лист желаемой формы; над ним закреплялась свинцовая прослойка толщиной, зависящей от высоты рельефа изображения матрицы. Для оттискивания равномерно наносили удары деревянным молотком или же применяли ручной пресс. Благодаря своей пластичности под воздействием ударов свинцовая прокладка плотно прижималась к матрице. В результате этого на металлической пластине отпечатывались все детали изображения. Твердый материал, из которого изготавливались матрицы, допускал их многократное использование и изготовление множества оттисков. Однако после частого употребления детали изображения, высокие части рельефа постепенно теряли свою выразительность. Поэтому возникала необходимость в отливке новой матрицы по установленной модели.

Изображение

Кроме хорошего состояния обоих предметов и их искусного исполнения привлекает внимание изображение мифического существа — сирены, с телом птицы и головой женщины. Тело развернуто влево, а голова

изображена анфас. Впечатление о движении образа создают распростертые над головой крылья и лапы, одна из которых согнута и приподнята. Равномерными рельефными насечками переданы перья, покрывающие тело, и закругленный к краю хвост. Черты лица ясные и выразительные — круглые глаза, прямой нос, а небольшой рот подчеркивает вытянутую овальную форму головы.

Фигура окаймлена круглой рельефной рамкой, приподнятой над заглаженной поверхностью в поле предмета. Рельеф сирены моделирован и постепенно повышается к центру образа. Это придает мягкость переходам и резкость контурам. Линии гравировки нанесены уверенно, точно и придают объем изображению, подчеркивая конкретные детали (глаза, крылья, оперенье). Удлиненное лицо с мягким закругленным овалом моделировано пластично и выразительно. Глаза подчеркнуты тиснением, а тело передано параллельными линиями, следующими его изгибу. От всего образа веет экспрессией и одухотворенностью, характерными для византийского искусства этого периода.

Однако изображение позолоченной бляшки было оттиснуто не по этой матрице, на что указывают некоторые существенные различия их образов. Положение тела на матрице передано с поворотом влево, а на оттиске — с поворотом вправо. Тело и голова сирены на матрице расположены вертикально, а на оттиске они сильно наклонены вперед. Существуют различия и в изображении оперения: в первом случае оно точно и детально передано плотными вертикальными линиями, направленными от головы к овально согнутому крылу в середине корпуса, а во втором случае — косыми параллельными линиями и штрихами по всему телу и крылу. Отмеченные различия доказывают наличие в данном производственном центре по крайней мере еще одной подобной матрицы, с помощью которой изготавливались позолоченные бляшки с изображением мифического существа. Кроме того, симметричные образы двух предметов предполагают их зеркальное расположение на ремне или полоске ткани.

Мифологический образ сирены

В древности образы звериного стиля и способы их изображения почти не менялись. Значение отдельных элементов обладало удивительной устойчивостью, и в целом этот стиль был единым по всей Евразии. Каждой культурно-исторической области было свойственно своеобразие изобразительных форм, сопоставляемых с фигурами повествовательного эпоса, как параллельных и одинаково стилизованных, основанных главным образом на семантической оппозиции: настоящего и загробного миров, жизни и смерти, добра и зла. В греческой мифологии сирены (*Σειρήνες*) являются демоническими существами, рожденными от морского (Форкий) или речного (Ахелой) бога и одной из муз (Мельпомены или Терпсихоры) или дочери Порфаона Стеропы (рис. 3, 1). Это существа с женской верхней частью тела и птичьей нижней, унаследовавшие от отца обворожительную, но коварную морскую стихийность, а от матери — божественный голос. Число их колеблется от двух–трех до целого множества. Сирены обитают на скалистом острове, усеянном костями жертв, которых они заманили сюда своими песнями.

Сирены были близки по образу к гарпиям и воспринимались как музы загробной жизни, поэтому их изображали на надгробных памятниках. Под влиянием Египта, где дух мертвого изображался в виде птицы с человеческой головой и назывался БА, сирена одновременно воспринимается и как душа умершего, который не попал в царство вечности, а превратился в кровожадного вампира. В то же время в сознании людей они из демонических существ превращались в божества потустороннего мира, очаровывающих гармонией музыки блаженных, достигших Счастливых островов (рис. 3, 2). Как хранителей вечного покоя их начинают помещать в гробницы некоторых саркофагов с VI в. до н. э. Изображения сирен с поворотом влево встречаются и на монетах из Кизика VI–V вв. до н. э., на которых мифическое существо держит за хвост дельфина (*Станиславский, 2000. С. 51*).

В классической античности дикие, хтонические существа превращаются в мудрых, сладкоголосых сирен, каждая из которых стоит на одной из восьми небесных сфер мировых веретен богини Ананке, создающих своим пением величие гармонии космоса (*Мифы..., 1982. С. 438; Шевалие, Геербрант, 1996. С. 366*). Так, природные стихии — воздух в образе птицы или вода в образе рыбы — в мифологическом представлении воплощают первобытные инстинкты человека. В дальнейшем эти образы становятся символами подавления низменных желаний и достижения духовного равновесия (рис. 3, 3).

На заре средневековья звериные образы становятся частью сложной идеологической программы, целью которой является передача божественного начала на все формы бытия. Основа художественной концепции того времени — теория о иерархически организованном космосе (*Лелеков, 1976. С. 256 сл.*). А животные и фантастические твари, такие как грифоны, драконы, сенмурвы, сирены, издавна населяют этот космос. Позже они уступают место антропоморфным божествам и человеку, но сохраняют свое важное значение в христианском символизме. Без образов животных невозможно представить картину всего мира в полной мере. Именно в средневековую эпоху усложняются символизм и иносказательное толкование, которые лежат в основе многосоставных орнаментальных композиций того времени. В мире этих метафор образ птицы часто встречается как воплощение души, чуждой земным желаниям. В Византии и странах Востока антропоморфная птица сохраняет позитивно-магическое значение, связанное с культом солнца. В искусстве эта семантика экстраполируется на интерпретацию мифологических образов в восприятии средневекового человека, поэтому в византийских памятниках сирены изображены согласно античным традициям — с непокрытой головой и без нимба. Такие же сирены на ларцах из слоновой кости и миниатюрах. Один из лучших образцов подобного изображения — на узкой стороне крышки «реликвария с розетками», изготовленного

Рис. 3. Образы сирен в античной вазописи (1–3) и византийских изделиях (4 – 5а, 5б): 1 — чернофигурная ваза из Афин (VI в. до н. э.); 2 — чернофигурный лекиф (Кампания, Южная Италия); 3 — чернофигурный килик (Паеста, IV в. до н. э.); 4 — реликварий (Константинополь, X–XI вв.); 5 — Вильгортская чаша (Византия, XII в.). 1, 3, 4 — the Metropolitan museum of Art; 2 — British Museum; 5 — Государственный Эрмитаж. 1–3 — керамика; 4 — слоновая кость; 5 — серебро с позолотой

Fig. 3. Images of sirens in vase painting of the Classical period (1–3) and on Byzantine objects (4 – 5a, 5b): 1 — black-figured vase from Athens (6th century BC); 2 — black-figured lekythos (Campania, Southern Italy); 3 — black-glossed kylikes (Paesta, 4th cen. BC); 4 — reliquary (Constantinople, 10th–11th cen.); 5 — cup of Vilgort (Byzantine Empire, 12th cen.). 1, 3, 4 — Metropolitan Museum of Art; 2 — British Museum; 5 — State Hermitage. 1–3 — ceramics; 4 — ivory; 5 — silver with gilding

в Константинополе во второй половине X — начале XI в. (Weitzmann, 1972. P. 49–55. Pl. XXXI) (рис. 3, 4). На одной из миниатюр средневекового сборника «Физиолог» такие сирены играют на струнном инструменте, а в заставке «Слово Григорий Назианский» в Парижской национальной библиотеке (Gr. 550, F. 251) — без дополнительных атрибутов (Weitzmann, 1959. P. 17. Pl. X, 20; Бочаров, 1988. С. 293–306).

Сирены являются самыми распространенными изображениями на серебрянных византийских чашах. На каждой чаше композиция повторяется дважды и представляет собой двух сирен, сидящих по сторонам от растительного побега спинами друг другу и головами в анфас (рис. 3, 5). Тела птиц вытянутые, хвосты завершаются спиральным завитком. Расположены сирены в круглых медальонах и полностью занимают всю поверхность медальона (Даркевич, 1975. С. 14. Рис. 1; С. 24. Рис. 16; С. 30. Рис. 28; С. 39. Рис. 45; С. 48. Рис. 57; С. 54. Рис. 70; С. 93. Рис. 138, 139; С. 99. Рис. 159; Бочаров, 1988. С. 296). Фигуры представлены барельефом, в соответствии с перспективной последовательностью: рельеф постепенно повышается к центру фигуры. Чаши относятся к XII в. и аналогичны серебрянным и бронзовым изделиям из Ирана и Средней Азии. К этим предметам надо присоединить и несколько серебрянных браслетов из частной коллекции в Париже, где в медальоны, образованные растительными побегами, вплетены изображения птиц, всадников и фантастических животных с «распустившимися» в виде полупальм хвостами — сфинксов, грифонов, сирен (Ross, 1965. P. 80. Pl. LVIII, 108). Рельефные образы получены штампованием на матрице. Данная техника изготовления позволяет получить плавный и объемный рисунок на готовом изделии. Подобные изображения встречаются и на декоративной керамической плитке из Галича, сочетающей формы русского искусства, переработанные византийские традиции и элементы романской архитектуры (рис. 4, 1–3) (Малевская, Раппопорт, 1978. С. 87–97. Рис. 1, 2; 3, 1).

В христианской символике Запада сирен считают воплощением греховности, дьявольского начала, а корабль Одиссея — образом церкви, предохраняющей верующих от соблазнов житейского моря. Такое толкование продиктовано некоторыми средневековыми легендами, описывающими, как зачарованная песнями сирен Ева соблазнилась вкусить запретный плод райского сада, поэтому в романской скульптуре сирен-птиц из-за их демоничной природы изображают с хвостом змеи (Апостолос-Канпадона, 2000. С. 204). В западноевропейской литературе и в bestiarii сирены представлены в обычном для себя образе с телом птицы (рис. 4, 6, 7).

Заключение

В средневековом болгарском искусстве изображения антропоидов переплетены с восточными, греческими, фракийскими и тюркскими традициями и мотивами. Антропоиды представлены по-разному. Известны три типа: с телом крылатого льва (грифон, сфинкс), с телом лошади (кентавры), с телом льва (рис. 4, 4, 5) (Дончева-Петкова, 1996. С. 108–128). Представленная в этой статье матрица доказывает наличие еще одного типа — с телом птицы и головой женщины (сирена). Это произведение средневизантийского периода, в котором образ сирены индивидуализирован, не лишен моделирования, отличается уменьшенными пропорциями, плоскостной трактовкой и орнаментами, характерными для позднего периода. В этих изображениях прослеживаются некоторые элементы, восходящие к классической традиции, получившие воплощение в резьбе по слоновой кости и миниатюрах рукописей (Goldschmidt, Weitzmann, 1934. No 33, 39, 43–54; Weitzmann, 1935. Taf. XVI, No 83–86; Лухачова, 1987. С. 95).

Скульптурная передача объема фигуры сирены и легкость, с которой изображено движение, являются отголоском античной традиции. Она находят выражение в классических пропорциях, в характере и рисунке самого тела. Учитывая индивидуальные особенности изделия и ритмичность в передаче образа, рассматриваемую

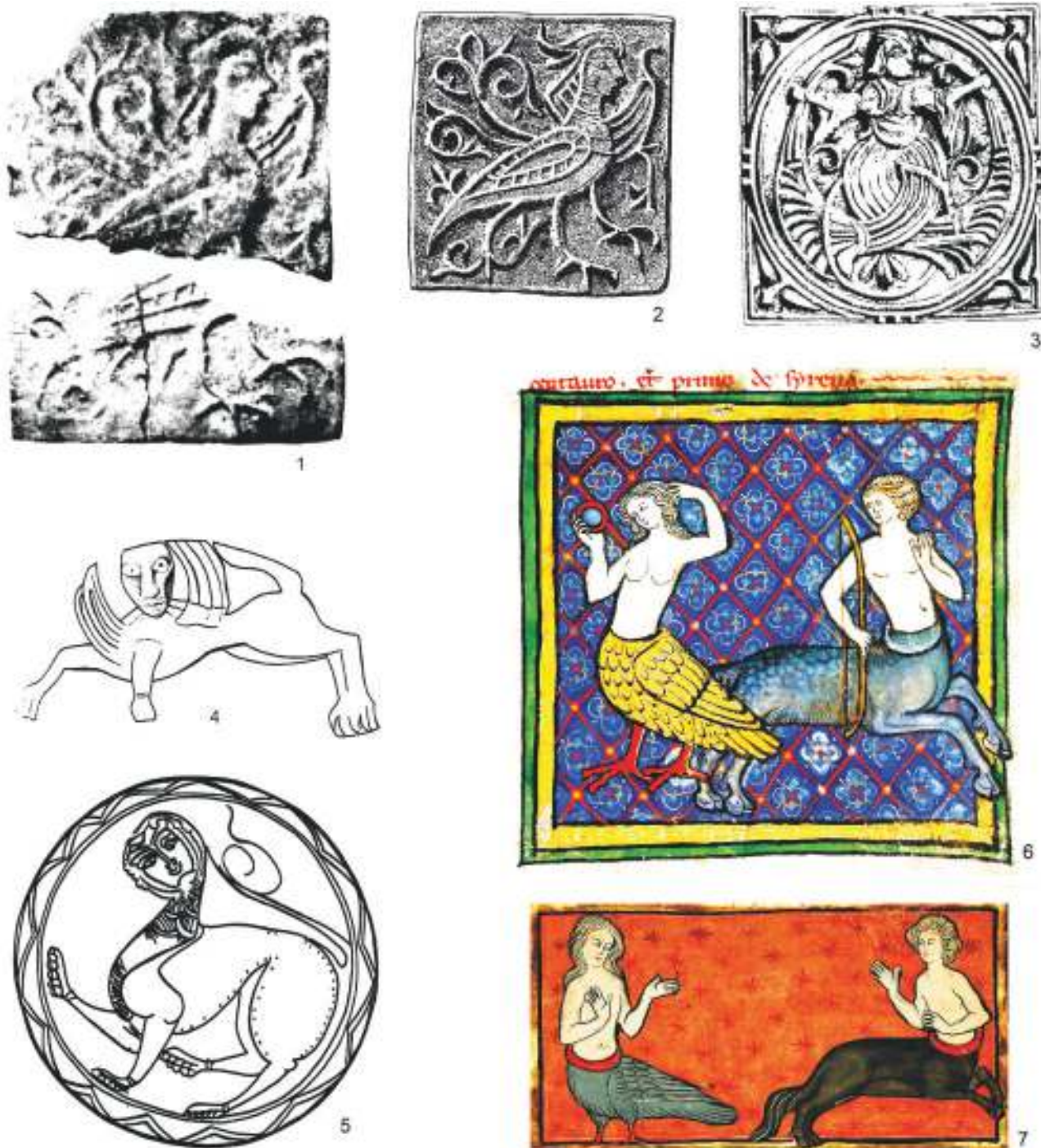

Рис. 4. Образы сирен в прикладном искусстве средневековья: 1-3 — керамические плитки из Галича (Украина, XII в.); 4-5 — антропоид с телом крылатого льва: 4 — Террачина, Италия (вторая половина IX в.), 5 — Мельник, Болгария (XIII в.); 6-7 — сирена и кентавр, Бестиарий, франко-фламандская школа, Музей Гетти (The J. Paul Getty museum) (6 — 1270 г., 7 — 1277 г.).
1-3 — керамика, 4 — резьба по дереву, 5 — сграффито

Fig. 4. Images of sirens in Mediaeval applied art: 1-3 — ceramic plates from Galich (Ukraine, 12th cen.); 4-5 — winged anthropoid with the body of a lion: 4 — Terracina, Italy (second half of the 9th cen.), 5 — Melnik, Bulgaria (13th cen.); 6-7 — siren and centaur. Bestiary, Franco-Flemish school, J. Paul Getty museum (6 — 1270, 7 — 1277). 1-3 — ceramics, 4 — wood carving, 5 — sgraffito

матрицу можно отнести к X в., что не противоречит общему контексту находок (керамике, монетам). Это время, когда силуэт изображения животного превращается в символический знак, отвлеченный образ. Судя по общему облику и мастерству изготовления данная матрица, скорее всего, имеет столичное происхождение и предназначалась для тиражирования местной продукции.

В рассматриваемый период возрастает роль Константинополя как производственного центра. Его продукция и, в частности, образцы для изготовления украшений, попадают в периферийные производственные комплексы. Данная матрица подтверждает это. Изготовленная в одной из столичных мастерских, она служила для непосредственного производства и копирования ювелирных изделий из меди и благородных металлов. Возможно, что подобные образцы специально заказывались местными мастерами в Константинополе. Очевидно, большинство произведений в провинциальных центрах создавались на местах по

определенной модели, о чем свидетельствуют найденные матрицы, штампы и литейные формы. Сама техника изготовления изделий (литье, штамповка) дает широкие возможности в этом отношении. Использование матриц и моделей в торевтике способствовало широкому распространению популярных стилевых особенностей в декоративно-прикладном искусстве, которые воспринимались и развивались с учетом местных условий. Практическое исполнение напрямую было связано с ремесленными навыками и существующими в конкретных производственных центрах традициями. В связи с этим два представленных изделия ювелирного искусства — бронзовая матрица для производства бляшек с изображением сирены и позолоченный оттиск подобной матрицы — помогают уяснить взаимоотношения столичных и провинциальных производственных центров, при которых в основу декора местных изделий положены сюжеты византийского искусства, соответствующие вкусу широкого круга средневекового населения.

Апостолос-Каппадона, 2000 — *Апостолос-Каппадона Д.* Словарь христианского искусства / Пер. с англ. А. Ивановой. Челябинск: Урал LTD, 2000. 266 с.

Бонев, Дончева, 2006 — *Бонев Ст., Дончева С.* Старобългарски производствен център за металопластика при Новосел, Шуменско // Археологически открития и разкопки през 2005 г. София, 2006. С. 300–303.

Бочаров, 1988 — *Бочаров Г.* Черниговская чаша // Древнерусское искусство. Художественная культура X–XIII вв. / Отв. ред. А. И. Комеч, О. И. Подобедова. М.: Наука, 1988. С. 293–306.

Горбунова и др., 2008 — *Горбунова Т., Тишкин А., Хаврин С.* Золотое амальгамирование в оформлении художественного металла Сросткинской культуры // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2008. С. 168–172.

Даркевич, 1975 — *Даркевич В.* Светское искусство Византии. М.: Искусство, 1975. 347 с.

Дончева, 2011 — *Дончева С.* Археологически разкопки на обект: Производствен център за

металопластика, с. Златар, Преславско // Археологически открития и разкопки през 2010 г. София, 2011. С. 523–525.

Дончева, 2014 — *Дончева С.* Производството на сребърни украси в центровете за художествен метал в околностите на Преслав // Градът в българските земи. По археологически данни. Шумен, 2014. С. 279–290.

Дончева, 2015а — *Дончева С.* Производство художественного металла в Средневековой Болгарии в X веке (ювелирные центры, традиции и влияния) // Ювелирное искусство и материальная культура / Сост.: В. В. Киджи, И. В. Поскачёва, Н. В. Царёв. СПб.: Изд-во ГЭ, 2015. С. 121–127.

Дончева, 2015б — *Дончева С.* Калъпи и матрици от българското средновековие (IX–XIV в.). Veliko Tarnovo: Фабер, 2015. 312 p.

Дончева, 2017 — *Дончева С.* Ювелирные производственные комплексы X века вблизи Преслава. Технологии производства // Stratum Plus. 2017. № 5: «Сумма технологий» по представлениям Пресвитера Теофила. С. 189–204.

- Дончева-Петкова, 1996* — *Дончева-Петкова Л.* Митологични изображения от българското средновековие. София: Агато, 1996. 182 с.
- Лелеков, 1976* — *Лелеков Л.* Наследие звериногo стила в изкустве Средновековья и Древней Руси // Скифо-Сибирский звериный стиль в изкустве народов Евразии / Отв. ред. А. Мелюкова, М. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 258–270.
- Лихачова, 1987* — *Лихачова В.* Изкуството на Византия. София: Бълг. художник, 1987. 236 с.
- Малевская, Раннопорт, 1978* — *Малевская М. В., Раннопорт П. А.* Декоративные керамические плитки древнего Галича // *Slovenska archaeologia*. Bratislava, 1978. Т. 26. Вып. 1. С. 87–98.
- Мифы..., 1982* — *Мифы народов мира: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев.* М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2: К–Я. С. 438.
- Станиславский, 2000* — *Станиславский И.* Кизикины и их стоимость. М.: Информэлектро, 2000. 100 с.
- Шевалие, Геербрант, 1996* — *Шевалие Ж., Геербрант А.* Речник на символите. София, 1996. Т. 2: М–Я. 637 с.
- Doncheva, 2010* — *Doncheva S.* Metalworking Center by the Second Bulgaria Capital: Great Preslav // *American Journal of Archaeology*. 2010. Vol. 114. No 4, October. P. 729–731.
- Doncheva et al., 2013* — *Doncheva S., Tsekova G., Penev I., Nikolova E., Furu E., Szikszai Z., Uzonyi I.* Elemental Composition of Metal Artefacts from the 10th c. Metal Art Centre Near the Village of Zlatar, Preslav region, NE Bulgaria Bulgaria // *Archaeologia Bulgarica*. Sofia, 2013. Vol. 1. С. 71–85.
- Goldschmidt, Weitzmann, 1934* — *Goldschmidt A., Weitzmann K.* Die Byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X.–XIII. Jahrhunderts. Berlin: Bruno Cassirer, 1934. Vol. 2.
- Penev et al., 2012* — *Penev I., Doncheva S., Tsekova G., Furu E., Szikszai Z., Uzonyi I.* PIXE Analysis of the Surface of Gold-plated Artifacts from the Middle Ages // *Annual Report, 2011*. Bulgarian Academy of Sciences. Institute for Nuclear Research and Nuclear Energy. Sofia, 2012. P. 132–133.
- Ross, 1965* — *Ross M.* Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Washington, D. C.: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1965. 144 p., 107 pls.
- Weitzmann, 1935* — *Weitzmann K.* Die Byzantinische Buchmalerei des IX. Und X. Jahrhunderts. Berlin: Gebrüder Mann, 1935.
- Weitzmann, 1959* — *Weitzmann K.* Ancient Book Illumination. Cambridge: Harvard University Press, 1959. 166 p.
- Weitzmann, 1972* — *Weitzmann K.* Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Washington, 1972. Vol. III: Ivories and Steatites. 191 p.

Manufacture of ornaments with representations of sirens in the centre of artistic metal-work near the village of Zlatar of Preslav district

S. Doncheva

The centre of manufacture of artistic metal objects which is here concerned is one of the three widely known jewellery complexes in surroundings of Preslav, the ancient capital of Bulgaria (Fig. 1). The investigations began in 2007 and have been continued until now. Over 3,000 metal objects have been found: ready products, blanks, production wastes and defective articles indicating intensive and large-scale works conducted here since the first half until the middle of the 10th century. Results of analysis of the manufacturing activities of several decades help us to understand certain problems such as the organization of jewellery manufacture, the distribution of the products and the technology of the production process.

This paper considers two unique objects found among the instruments from a workshop in Zlatar during archaeological excavations in 2008 and 2010. One find is a bronze embossing matrix (Fig. 2, 1, 2)

and the other is an imprint from an identical matrix (Fig. 2, 3, 4). The matrix and the imprinted article prove the presence of serial production of ornaments of this type in the centre under consideration. The matrix is a bronze cast 2.5 cm in diameter and 0.7 cm thick with a relief (0.3 cm) representation of a mythical creature: siren. This matrix was intended for manufacture of round plaques from thin copper plates. The latter were afterwards gilded and thin copper platelets were soldered to them to fix the finished article onto a preliminarily prepared base. This technique is confirmed by the imprinted plaque which is a gilded copper platelet 0.1 cm thick of a round shape, 2.6 cm in diameter, with bent edge. The latter is 0.4 cm high corresponding to the thickness of the bronze matrix. In addition, there are remains of two flat pins on the reverse side of the plaque (Fig. 2, 4). The plaque was possibly fixed on a leather belt or a textile with preliminarily cut slots into which the thin pins were inserted and then bent.

On the matrix and plaque, a siren is represented, a mythical creature with the body of a bird and the head of a woman. The siren is rendered in profile walking to the left with the head en face. The figure is bordered with a round relief frame. The image on the gilt plaque was not executed by means of the matrix found. This fact is suggested by certain differences between the two objects, the matrix and the plaque: the position of the body and the manner of rendering the plumage. These differences indicate the existence of at least one other similar matrix by means of which gilt plaques with a representation of the mythical creature were manufactured.

Considering the individual peculiarity of the object (the high relief and rhythmicity in rendering the image) the matrix under study is datable to the 10th century that does not run contrary to the general context of the find (pottery, coins). The general character and craftsmanship of its manufacture suggest that our matrix is, most probably, of a metropolitan origin and was intended for replication of local products.

In the period under consideration, the role of Constantinople as a manufacturing centre increased. Its products, in particular patterns for manufacturing of ornaments of metropolitan types come to peripheral production complexes. In this relation, the two published objects of jewellery art, i.e. the bronze matrix for making plaques with a representation of a siren and the gilded imprint from a similar matrix are helpful for studies of the problem of interrelation between the metropolitan and provincial production centres where subjects of the Byzantine art popular in the capital were taken as the basis for the décor of local articles satisfying the tastes of a wide circle of the mediaeval population.

Реликтовая чаша из Гнёздова¹

В. М. Горюнова²

Аннотация. В статье рассматривается редкая форма лепной посуды, аналогии которой встречены на территории распространения культуры сопок (Золотое Колено, Старая Ладога, Которск) и менкендорфской керамической провинции (Германия).

Annotation. This article considers rare forms of stucco ware, parallels to which are found in the sopki culture (Zolotoye Koleno, Staraya Ladoga, Kotorsk) and the Menkendorf ceramic province (Germany).

Ключевые слова: культуры сопок и длинных курганов, чаши на полом поддоне, центральноевропейское влияние.

Keywords: culture of sopki, culture of long kurgans, bowls on a hollow pedestal, Central European influence.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-169-184

В Гнёздове в 1985 г. на раскопе XVII Центрального городища, в яме № 42, в верхней части ее заполнения был найден лепной не совсем обычный сосуд. Это была глубокая миска, посаженная на поддон, заполненная наполовину воском (рис. 1). Она имела коричнево-красный обжиг с черными пятнами. В тесте — примесь мелкой дресвы. Яма в своем заполнении содержала обычный бытовой инвентарь: медная проволока, глиняное пряслице, фрагмент грузила от ткацкого станка, желтый рубленый бисер, железный ключ-лопаточку, кусок рога со следами обработки, 477 костей животных, 179 фрагментов лепных и 45 фрагментов раннегончарных сосудов (Авдусин, Пушкина, 1986. С. 126–129).

Соотношение лепных и раннегончарных форм в составе этой ямы было обычным для материала сооружений городища, впущенных в материк: 80 % к 20 %. Ранее Т. А. Пушкина считала, что яму можно датировать начиная с середины X в. В 2018 г. в результате радиоуглеродного анализа воска получена дата UA 760AD (77,8 %) — 900AD³. В материалах Гнёздовского поселения Т. А. Пушкиной в свое время были отмечены фрагменты от подобного сосуда: верхняя часть и поддон от лепной миски, орнаментированной по срезу венчика отпечатками штампа (Пушкина, 1973. С. 91). При этом автор приводит аналогию из кургана-кенотафа X–XI вв. у с. Новый Кривск Гомельской области (Соловьева, 1971. С. 67, 68. Рис. 20, а, б). На поверхности угольного слоя в основании кургана была помещена

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0007 «Славяне, финны и германцы в эпоху Средневековья. Этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН. Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: gorynova.valent@mail.ru.

³ Устное сообщение Н. В. Ениосовой. Благодарю за эту неопубликованную информацию. Анализ выполнен в радиоуглеродной лаборатории Университета Упсалы Й. Поснертом. По мнению Н. В. Ениосовой, широкая дата вызвана естественным загрязнением воска, но, тем не менее, воск из сосуда датируется IX в.

гончарная чаша на поддоне (рис. 2, 1), рядом с ней стоял гончарный сосуд, на внешней поверхности дна которого были прочерчены свастика и рисунок водоплавающей птицы (рис. 2, 2)⁴. В материалах раскопок А. Н. Лявданского известна небольшая лепная чашка на поддоне, обнаруженная в курганной группе у дер. Березняки (рис. 3, 1) (Лявдански, 1930. С. 269, 280. Табл. II, 1).

Чаша на поддоне из Гнёздова может быть поставлена в один ряд с такими же формами, известными в контексте культуры сопок. Тем более что форма гнёздовской миски, которая «посажена» на поддон, по своим типологическим особенностям соответствует так называемой «ладожской» керамике. Наиболее близки гнёздовскому сосуду по особенностям профилировки и пропорциям маленький чашевидный сосудик на поддоне из коллекции поселения Васильевское (рис. 3, 2) (Носов, Плохов, 2005. С. 327. Табл. 155, 2) и реконструированный мисковидный сосуд из Которска (рис. 3, 3) (Mikhaylova, 2014. S. 228. Fig.13, 11). Датируются они X в. Чаша из сопки 1 Золотого

Колена несколько иного облика: шире и приземистее, с более выраженным острым ребром, по плечу и срезу венчика украшена оттисками веревочки (рис. 3, 4). Время погребения, в которое она была помещена, определяется второй половиной X в. (Носов, Плохов, 1991. С. 139. Рис. 2, 12). Сосуды на поддонах на памятниках сопочной культуры встречаются и в более раннее время. Об этом свидетельствует ряд находок поддонов. В Старой Ладоге, в слое горизонта Е-3 Земляного городища, был найден лепной лощеный поддон, по тесту и характеру обжига отличный от остальной массовой

1

2

⁴ Круговой сосуд на поддоне также известен в материалах курганов у дер. Каменка Рискоская Рогачевского района (Линденков, 2018. С. 162).

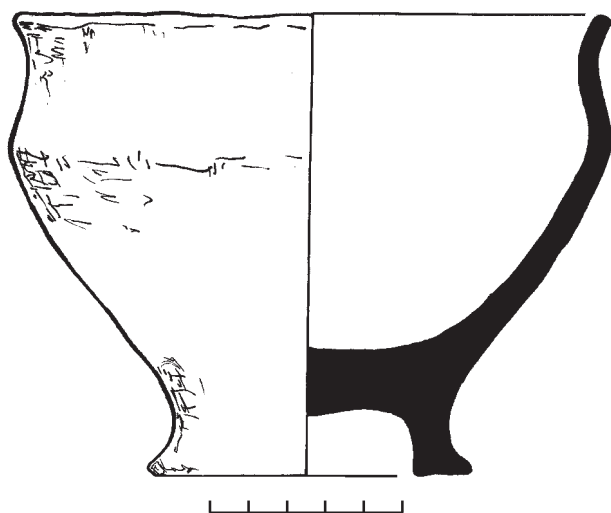

Рис. 1. Чаша на поддоне. Гнёздово, Центральное городище, 1982 г., участок XVII, яма 42

Fig. 1. Bowl on a pedestal. Gnezdovo, Central townsite, 1982, area XVII, pit 42

Рис. 2. Чаша на поддоне (1) и граффити на дне сосуда (2) из того же комплекса. Белоруссия, с. Новый Кривск Гомельской обл. (Соловьева, 1971)

Fig. 2. Bowl on a pedestal (1) and graffito on the bottom of a vessel (2) from the same complex. Byelorussia, village of Novy Krivsk, Homel Oblast (Соловьева, 1971)

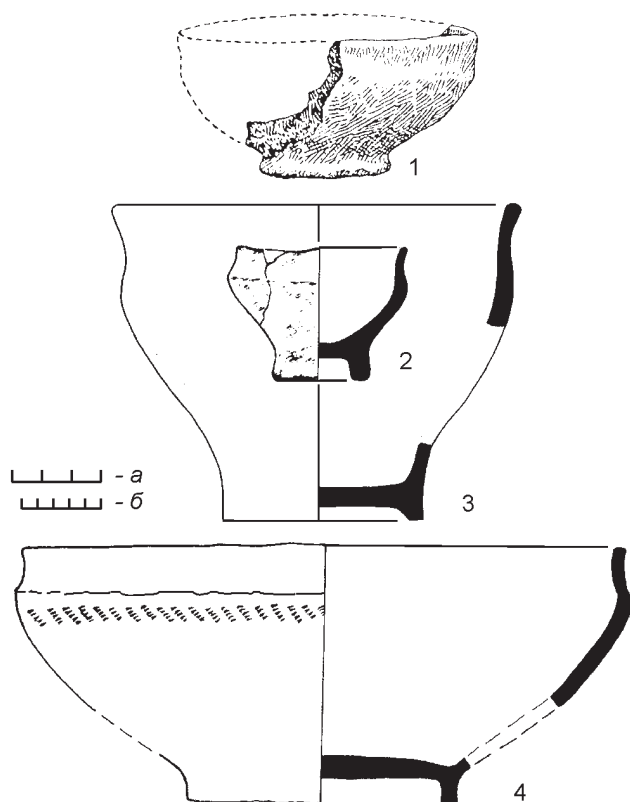

Рис. 3. Чаши на поддонах из комплексов: 1 — Березняки (Ляўданскі, 1930); 2 — Васильевское (Носов, Плохов, 2005); 3 — Которск (Mikhaylova, 2014); 4 — Золотое Колено (Носов, Плохов, 1991). Масштабы: а — № 1, 2; б — 3, 4

Fig. 3. Bowls on a pedestal from complexes of 1 — Bereznyaki (Ляўданскі, 1930); 2 — Vasilyevskoye (Носов, Плохов, 2005); 3 — Kotorak (Mikhaylova, 2014); 4 — Zolotoye Koleno (Носов, Плохов, 1991). Scale: a — nos. 1, 2; b — nos. 3, 4

керамики (Станкевич, 1950. С. 194–195. Рис. 3, 5). Второй поддон, обычного для старолadoжской керамики обжига и теста, обнаружен в культурном слое раскопа на Варяжской улице на уровне IX в. (Сениченкова, 1998. Табл. 75, 5). Кроме того, в коллекции поселения IX в. Холмопий городок также присутствует поддон от достаточно крупного лепного сосуда (Носов, Плохов, 2005. С. 351. Табл. 179, 3). Для полноты сведений об этом типе находок следует также упомянуть поддон от лепного сосуда, найденный на селище в урочище Курская гора⁵.

⁵ Благодарю А. В. Плохова за предоставленный мне для ознакомления рисунок этого поддона.

Аналогичные формы можно наблюдать в керамическом материале западнославянского поселения Гросс Раден, расположенного на северо-востоке Германии в округе Мекленбург. Среди многотысячной коллекции керамики этого памятника обращают на себя внимание четыре сосуда необычной формы (Schuldt, 1981. Taf. 66, a, b, c, d). Верхняя часть этих сосудов повторяет профилировку сосудов какой-то одной из групп, выделенных на этом памятнике Е. Шульдтом, а именно: гросс-раденского (рис. 4, 3) и формы 3 менкендорфского типа (рис. 4, 2, 4), а также конической миски (рис. 4, 1). Но в отличие от остальных сосудов данных групп эти экземпляры «посажены» на поддон. Миска и один из менкендорфских сосудов не украшены, а гросс-раденский сосуд украшен по плечу двумя псевдоваликами с гребенчатыми наколами и многорядной волной, второй менкендорфский сосуд имеет типичную менкендорфскую орнаментацию — так называемый городчатый орнамент (рис. 4, 4). Примечательно, что верхняя часть сосудов подправлена на гончарном круге, а поддон сформован вручную. Поселение существовало в пределах исхода IX в. и весь X в., с вероятным выходом в XI в. Но поскольку особенности профилировки верхней части чаш на поддоне вполне определенно связывают их с гросс-раденским и ранними менкендорфскими типами, то, опираясь на общую хронологию данных групп западнославянской керамики (Кетрке, 2001. S. 239), можно говорить, что употребление подобных сосудов в западнославянском обществе за пределы X в. не выходит, и, таким образом, они одновременны сосудам на поддоне памятников Северо-Западной Руси.

Местонахождение наиболее выразительного и богато украшенного сосуда на поддоне из Гросс Радена (рис. 4, 3) связано с обширной столбовой постройкой, которую автор раскопок определил в качестве своеобразного храма — культового сооружения. Гнёздовская чаша, несомненно, также была связана с культовыми функциями. Прежде всего на это указывает воск, который заполнял ее

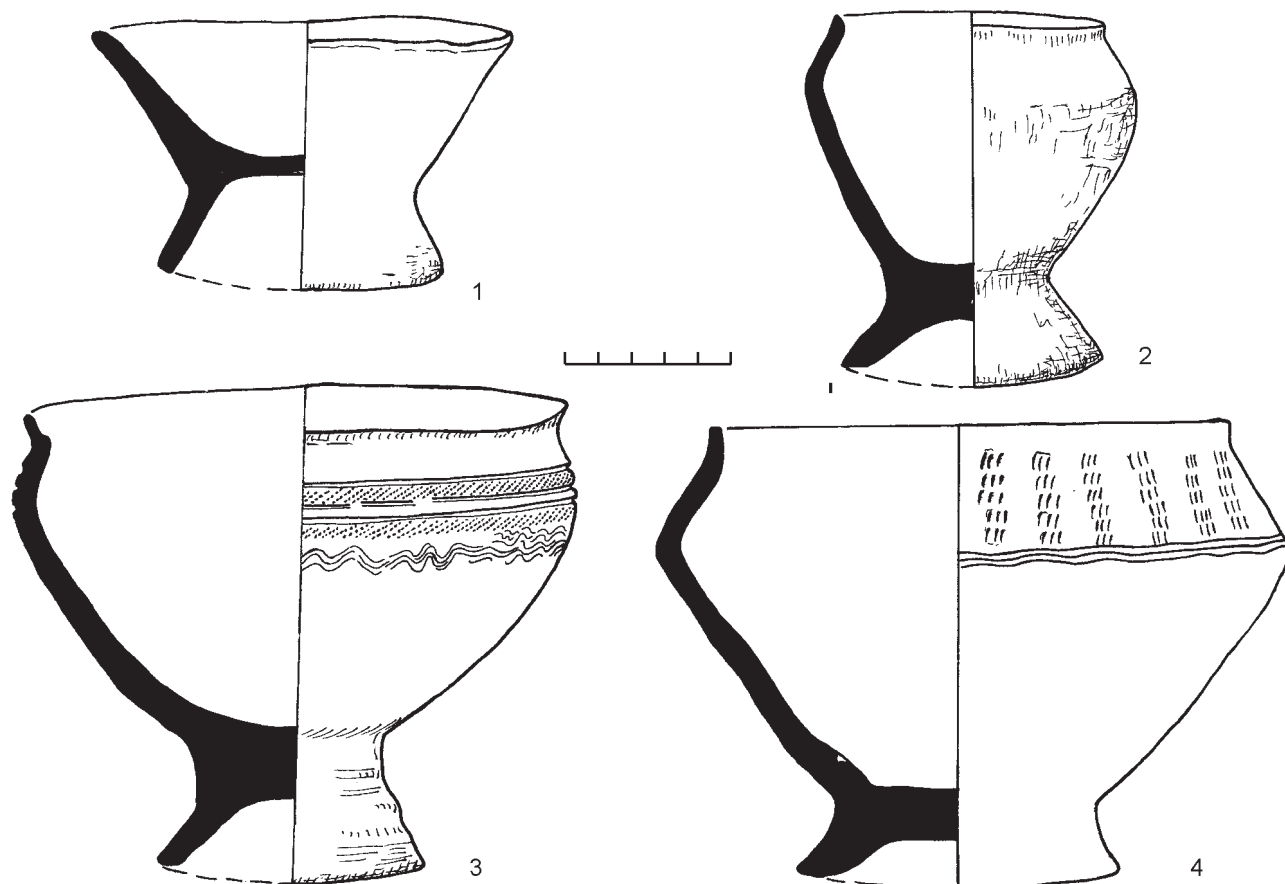

Рис. 4. Чаши на поддонах. Германия, Гросс Раден (Schuldt, 1981)

Fig. 4. Bowls on a pedestal. Germany, Gross Raden (Schuldt, 1981)

наполовину. Можно привести достаточно много примеров археологических наблюдений, связанных с находками воска, и целый ряд работ, где такие наблюдения интерпретируются. Самый близкий для темы статьи пример — это исследование Т. А. Пушкиной, посвященное воску и свечам в древнерусских погребениях преимущественно последних десятилетий X в. (Пушкина, 1997. С.122–127). В материковых ямах на раскопе Неревского конца наряду с жертвенными животными и приношениями в ковшах и сосудах были найдены восковая свеча и полукруглые куски воска (Седов, 1956. С. 138–141; Миронов, 1967. С. 215–227). Воск — неперенный атрибут обрядового действия, и поэтому следует признать, что гнёздовский сосуд был предметом кульново-магических практик. Еще более выразителен в этом плане контекст

находки чаши в радимичском могильнике XI в. у с. Новый Кривск. Во-первых, чаша была помещена в центр ритуального кургана над ямой, заполненной углем и золой. Во-вторых, рядом с ней находился гончарный сосуд, на дне которого с наружной стороны были изображены две свастики, крест и водоплавающая птица — символ души умершего. И, конечно же, тот факт, что из шести более-менее целых (или хорошо восстановленных) форм посуды на поддоне Северо-Западной Руси три были связаны с погребальным обрядом, также говорит в пользу обрядового предназначения такого рода чаш.

Сосуды на поддоне в ареале западного славянства — столь же редкое явление, как и чаши из памятников Северо-Западной Руси. Подобные формы на других поселениях с менкендорфской керамикой (как, впрочем,

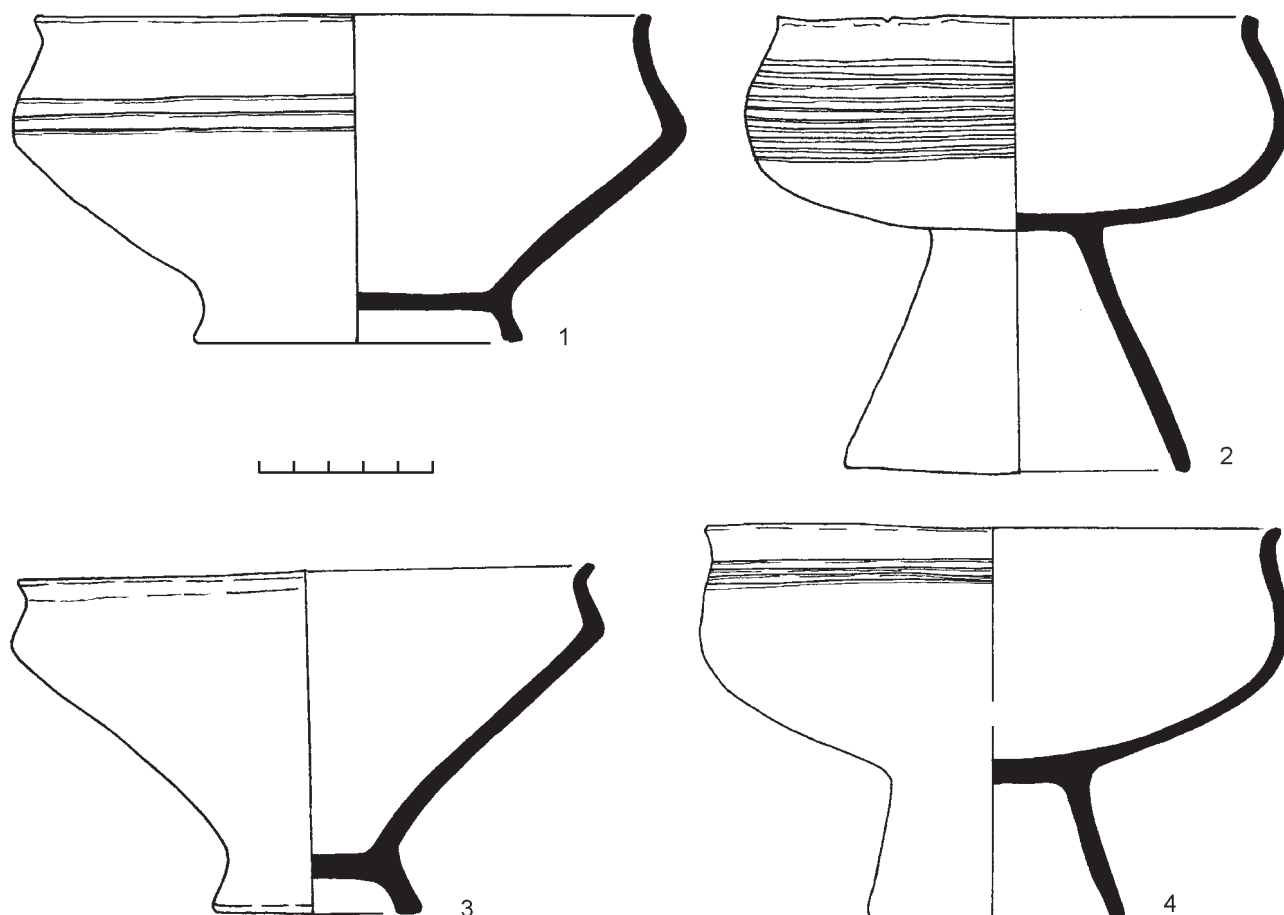

Рис. 5. Чаши на поддонах. Польша, олштынская группа, V–VII вв.: 1 — Щитно, погребение № 6; 2 — Тумяны, погребение № 68 (Nowakowski, 1989. Tabl. II, a; Tabl. IV, b; Tabl. V, a, b); 4 — Косево, погребение № 219. Судавская культура, VI–VII вв.: 3 — Кшивулька-11, погребение № 4 (Jaskanis, 1963. Tabl. III, 10)
 Fig. 5. Bowls on a pedestal. Poland, Olsztyn group, 5th–7th century: 1 — Szczytno, burial no. 6; 2 — Tumiany, burial no. 68 (Nowakowski, 1989. Tabl. II, a; Tabl. IV, b; Tabl. V, a, b); 4 — Kosewo, burial no. 219. Sudovian culture, 6th–7th century: 3 — Krzywólka-11, burial no. 4 (Jaskanis, 1963. Tabl. III, 10)

и с любой другой западнославянской керамической группой) неизвестны. Можно предполагать, что данное явление реликтовое и было следствием каких-то общих процессов, предшествующих сложению как западнославянской керамической группы Менкендорф, так и керамического комплекса культуры сопок и курганной культуры Верхнего Поднепровья. В связи с этим следует обратить внимание на некоторые более ранние материалы, которые ярко иллюстрируют наличие общей культурно-этнической традиции, возникшей в период, предшествующий сложению культурных славянских провинций VIII–X вв.

В коллекциях могильников и малоисследованных поселений олштынской группы⁶, располагавшейся на территории Мазурского Поозерья во второй половине V — начале VIII в., выделяются чашеобразные сосуды на поддонах разной высоты, «пухары на пустых ножках» — по терминологии польских археологов (рис. 5, 1, 2, 4) (Nowakowski, 1989. S. 101–147). Наиболее характерны они для погребальных памятников с трупосожжениями. Чашевидные сосуды на поддоне связаны с отпращиванием погребальных обрядов, которые

⁶ Варианты: мазуро-германская культура, мазурская группа.

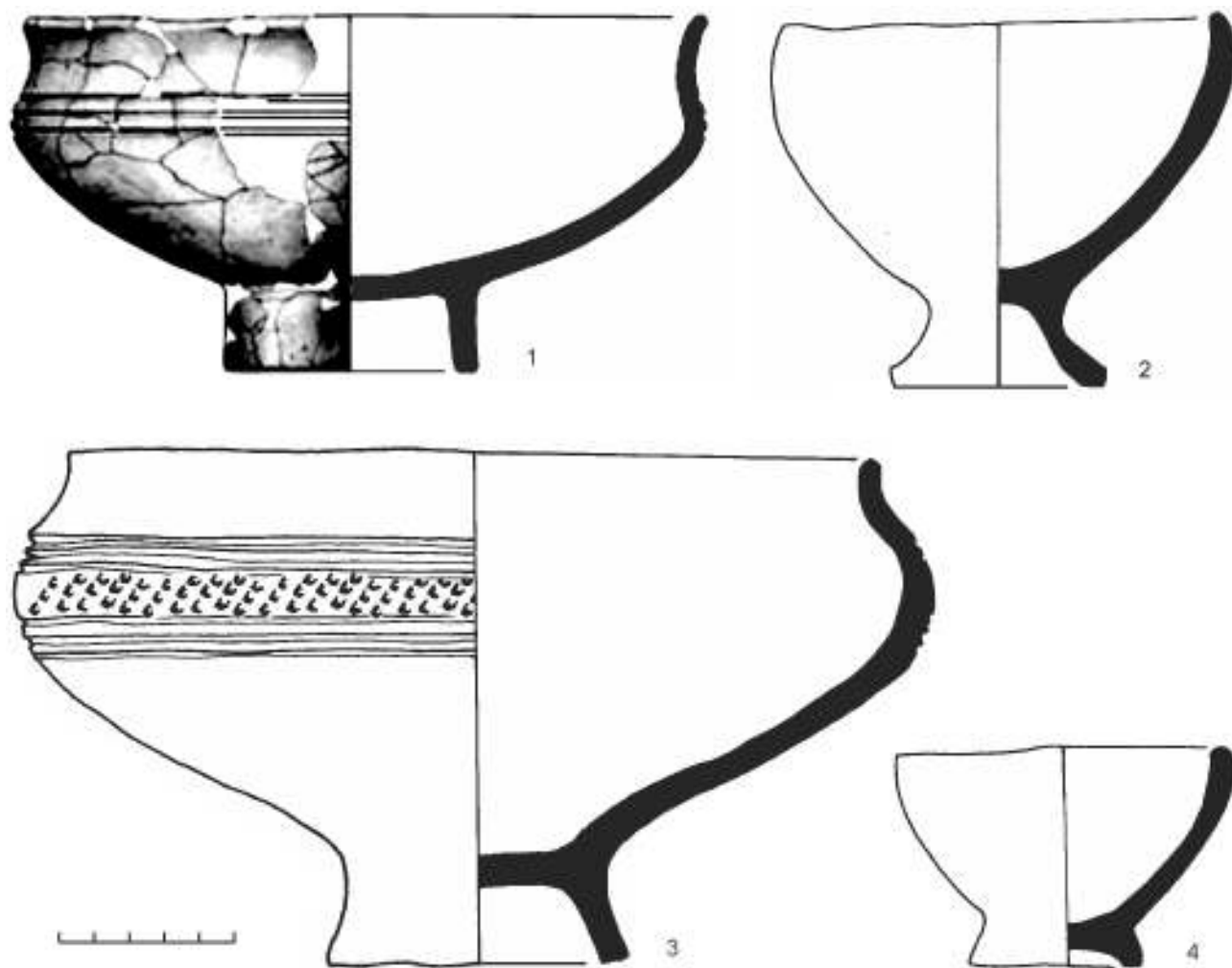

Рис. 6. Чаши на поддонах. Польша, судавская культура, конец V — VI в.: 1 — Червоны Двур, курган № 26, погребение № 127b (Szymański, 2018. Tabl. XIX, obiekt 127b); позднеримский период: 2 — Хемма, курган № 26, 4 — Осова, курган № 45 (Nowakowski, 1989. Tabl. X, b, c); V–VI вв.: 3 — Бильвиново, курган № 7, погребение № 6 (Kaczyński, 1961. Tabl. X, 3b, 4a)

Fig. 6. Bowls on a pedestal. Poland, Sudavian culture, late 5th–6th century: 1 — Czerwony Dwór, barrow no. 26, burial no. 127b (Szymański, 2018. Tabl. XIX, obiekt 127b); Late Roman period: 2 — Hemma, barrow no. 26, 4 — Osowa, barrow no. 45 (Nowakowski, 1989. Tabl. X, b, c); 5th–6th cen.: 3 — Bilwinowo, barrow no. 7, burial no. 6 (Kaczyński, 1961. Tabl. X, 3b, 4a)

практиковались в эпоху поздней римской империи и эпохи переселения народов племенами, населявшими территории южного побережья Балтики (включая, например, и будущие прусские племена). На территории Самбии, в самбийско-натангийской культуре (Суворово, Большое Исаково, Митино), сосуды на поддонах встречаются со второй половины IV в. и до начала VIII в. (Кулаков, 1990. С. 107. Табл. XIII, 1; XXIII, 4; Skvorzov,

2007. S. 160. Taf. 14, 1; S. 170. Taf. 24, 13; S. 191. Taf. 45, 1; Скворцов, 2010. Ч. 1. С. 119–120; Ч. 2. С. 473. Табл. CCCLX; С. 704. Табл. DXCVIII). В погребениях Сувалкии, в судавской культуре (Хемма, Осова — рис. 6, 2, 4), поддоны появляются на местных конических мисках уже в позднеримский период (Nowakowski, 1989. Tabl. X, b, c). Начиная с середины V и до конца VI в. чаши на поддонах принадлежат не только местным судавским формам

(Кшивулька — рис. 5, 3) (*Jaskanis*, 1963. S. 289. Tabl. II, 3; S. 291. Tabl. III, 10), но также импортом из района олштынской культуры (Бильвиново, Червоны Двур и др. — рис. 6, 1, 3) (*Kaczyński*, 1961. Tabl. X, 3b, 4a; *Nowakowski*, 1989. Tabl. I, a, b; IV, c; V, b; *Szymański*, 2018. Tabl. XIX, obiekt 127b; Tabl. X XXI, 3).

На рубеже I–II вв. в пшеворской культуре цилиндрикообразная придонная часть глубоких мискообразных сосудов трансформируется в полый поддон (рис. 7, 5–7). Происходит это в процессе подражания гончарным вазам-фруктовницам на высоких ножках — импорту из области липицкой, Поянешты-Выртешкой и других позднедакийских культур. Лепные чашевидные и вазовидные сосуды на высоких пустых ножках (типы 49, 50, 53 по Г. Добжанской) в Пшеворе встречаются вплоть до конца III — начала IV в. (рис. 7, 1–4). Особенно характерно данное явление для памятников пшеворской культуры, расположенных к востоку от Вислы (*Оледзки*, 2002. С. 88–89. Рис. 3, 30). В. Новаковский в своем исследовании утверждает, что именно пшеворские формы позднеримской эпохи послужили в качестве исходных для олштынских «пухар на пустой ножке» середины V — начала VIII в. (*Nowakowski*, 1989. S. 101–147. Tabl. XIII, b, c, d, e). Но влиянию южного импорта в какой-то мере были подвержены и вельбаркцы: на некоторых памятниках цецильской стадии встречаются различной формы лепные, чаще гончарные сосуды на поддонах (*Кухаренко*, 1980. С. 101. Табл. VIII, в; *Praehistoria ziem polskich*. S. 149. Tabl. XXVI, 18, 19; *Okulicz*, 1988. S. 120. Рис. 10, b–d).

Связь гросс-раденских сосудов на полых поддонах с западнобалтскими формами достаточно вероятна, так как на протяжении второй половины V — VI в. и первой половины VII в. наблюдается тенденция к продвижению балтских племен в западном направлении к устью Вислы (*Godłowski*, 1980. S. 105–106. Karte 6, 7; *Кулаков*, 2003. С. 97). Памятники эпохи переселения народов (V–VII вв.) на территории польского и германского побережий Балтики исследованы пока недостаточно. Но, по-видимому, балтские

элементы проникали далеко на запад. Об этом свидетельствуют, например, находки типичных фибул балтского типа VI — первой половины VII в. и конца VII — начала VIII в. на достаточно обширных территориях балтийского бассейна, включая Северо-Восточную Германию (*Unversagt, Herrmann*, 1958. S. 107–110. Tabl. 15; *Vofß*, 1991. S. 296–297. Abb. 1a; *Bitner-Wróblewska*, 2001. Fig. 17)⁷. Правда, при этом следует учитывать факт субстратного влияния некоторых германских форм на структуру набора менкендорфской керамики (*Kempke*, 1984. S. 45–47; *Горюнова*, 2005. С. 86–87). В случае с гросс-раденскими чашами мы имеем дело с гибридной формой, сочетающей реликтовые германские черты (гросс-раденский тип посуды) и западнобалтский (в конечном итоге — пшеворский) конструктивный прием оформления придонной части чаши в виде полого поддона. При этом в Гросс Радене среди сосудов на поддоне сохранились и балтские древние формы в виде конической миски (ср.: рис. 4, 1 и рис. 6, 2, 4)⁸.

Но если материал Гросс Радена позволяет говорить о прямом продолжении некоторых традиций, зародившихся еще во II–V вв. и

⁷ Не последнюю роль при этом играли морские пути. См: Казанский, Мастыкова, 2013. С. 97–112.

⁸ Чаши на поддоне — не единственный реликт предшествующего времени, вошедший в керамическую культуру западного славянства. Так, гросс-раденская керамическая группа X в. продолжает традиции полированных сосудов германского облика, которые присутствуют в Гольштинии в нижних слоях некоторых славянских городищ (*Kempke*, 1984. P. 137). В Ольденбурге в нижних слоях присутствует типичная германская керамика и типичные для первой половины I тыс. н. э. маленькие ушковидные ручки (*Kempke*, 1984. Taf. 7, 8, 9 — группа p; Taf. 9, 8; Taf. 11, 11; Taf. 36, 6, 7, 9; Taf. 41, 4; Taf. 41, 1–3). Такие же маленькие ручки (или ушковидные ручки) есть в материалах Любека IX в. на керамике суковского типа или на близких ей лепных формах (*Andersen*, 1981. Abb. 39, 43. Abb. 38, 10). В Гросс Радене такие детали присутствуют на правой керамике (*Schuldt*, 1981. S. 44. Taf. 64, VIII–627; XX–74; XXXIX–578). В Гросс Радене особенно распространены формы сосудов и отдельные элементы орнамента, характерные для керамических комплексов первой половины I тыс. н. э. и эпохи переселения народов (*Schuldt*, 1981. Taf. 28, VIII–1020; Taf. 65).

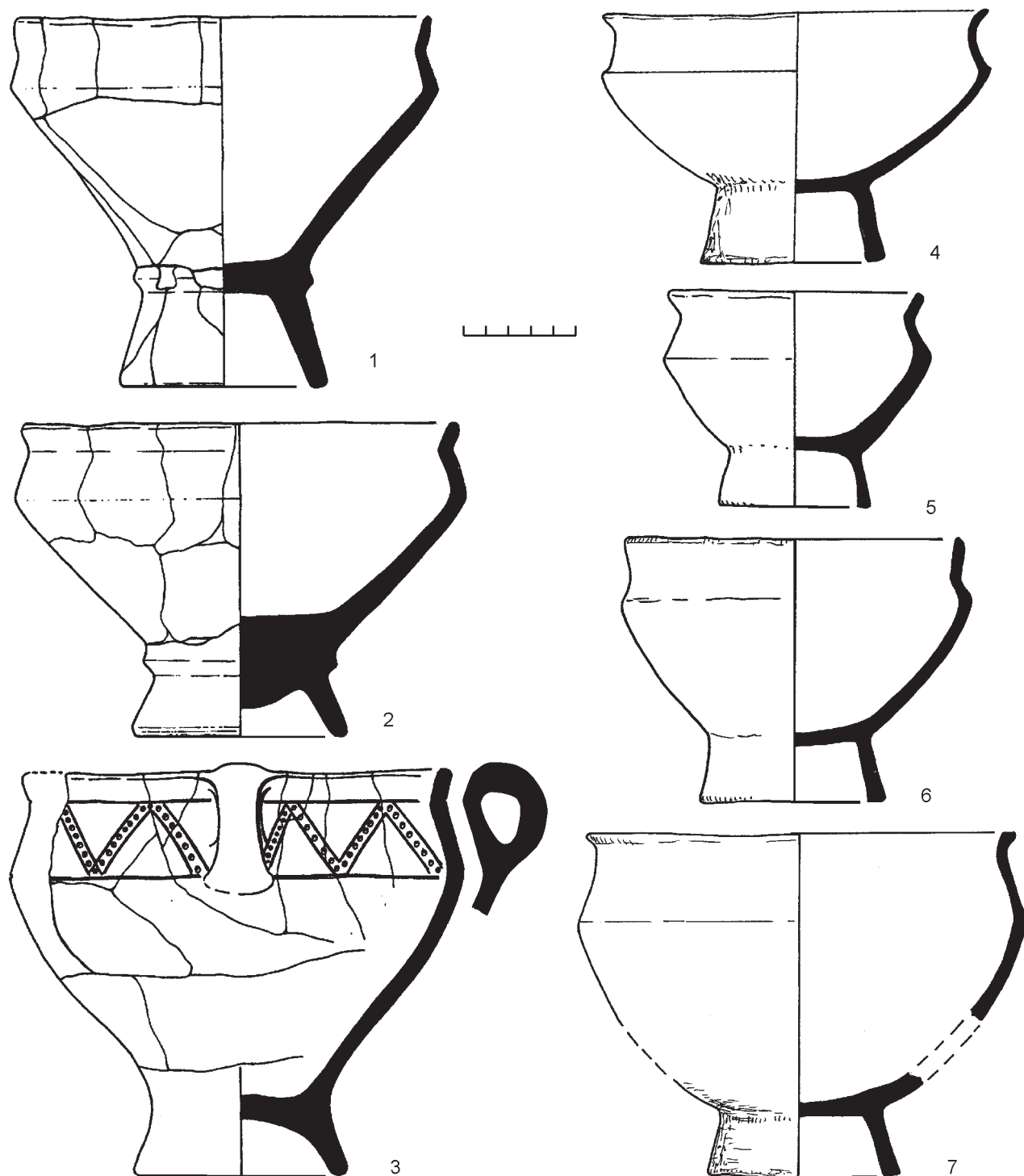

Рис. 7. Чаши на поддонах. Польша, пшеворская культура. Хмелю Пясковы: 1 — погребение?; 2 — погребение № 43; 3 — погребение № 24 (Godłowski, Wichman, 1998. Taf. XXXIII, 2; Taf. LXIX, 2; Taf. LXXXV, 2); Коженью: 4, 5 — погребение № 22; 6 — погребение № 21; 7 — погребение № 8 (Nowakowski, 1989. Tabl. XIII, b, c, d, e)

Fig. 7. Bowls on a pedestal. Poland, Przeworsk Culture. Chmieló Piaskowy: 1 — burial(?); 2 — burial no. 43; 3 — burial no. 24 (Godłowski, Wichman, 1998. Taf. XXXIII, 2; Taf. LXIX, 2; Taf. LXXXV, 2); Korzeńiu: 4, 5 — burial no. 22; 6 — burial no. 21; 7 — burial no. 8 (Nowakowski, 1989. Tabl. XIII, b, c, d, e)

внесенных в раннеславянский континуитет остатками германских и балтских племен южно-балтийского побережья в момент активного освоения этих территорий славянскими племенами в VII — начале VIII в., то для территории Северо-Запада Восточной Европы предположение о подобном прямом заимствовании керамических форм гораздо менее документировано. Оно не так явно лежит на поверхности.

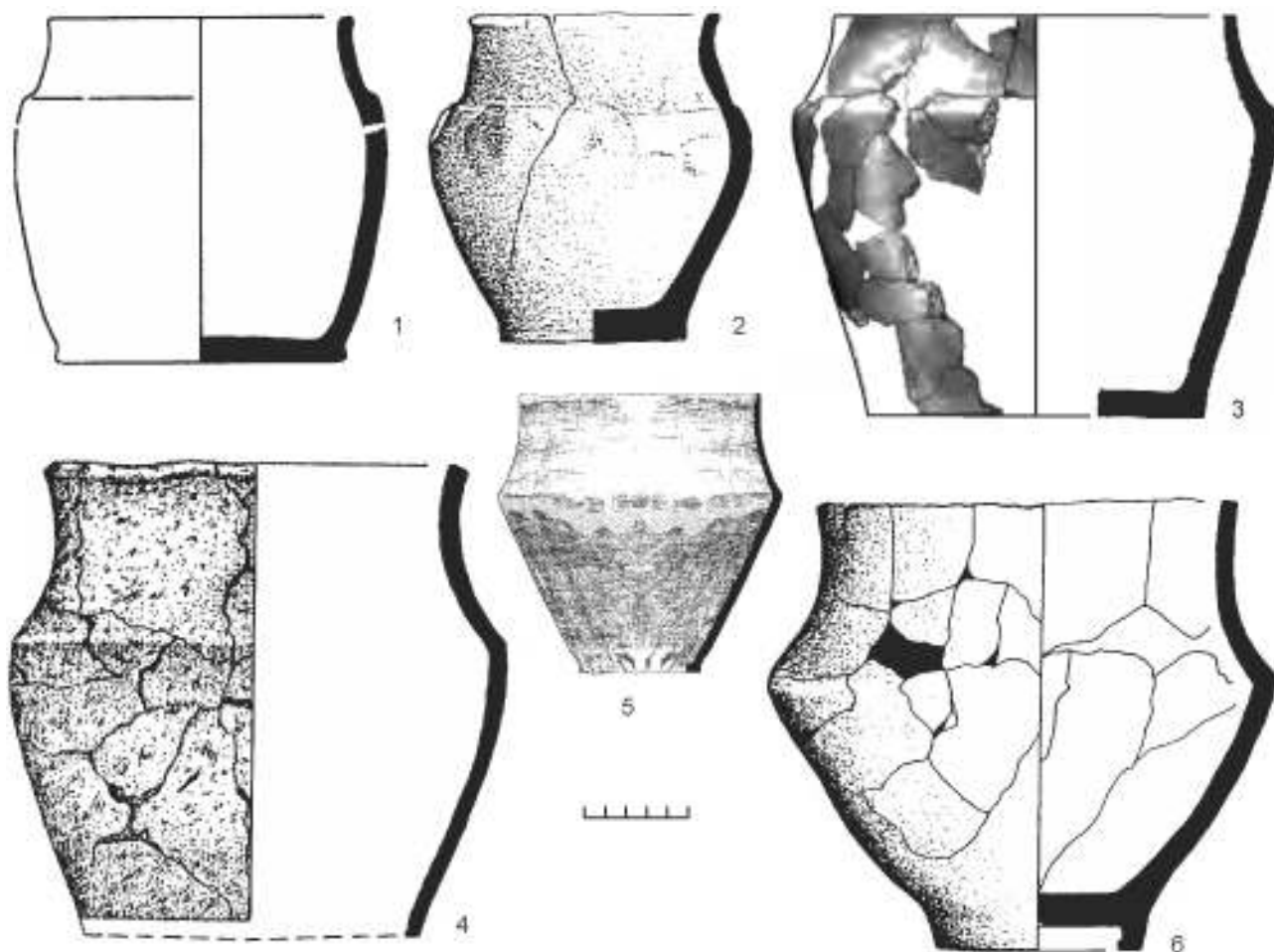
Прямое воздействие пшеворских или вельбаркских племен можно наблюдать лишь на западнобалтские племена II–V вв., а появление чаш на полом поддоне в культуре Северо-Западной Руси IX–X вв. следует считать результатом инфильтрации уже балтских керамических форм в период формирования культур псковских длинных курганов, Тушемли и Банцеровщины, на основе которых в VIII в. возникают культура сопки и курганная культура Северной Белоруссии и Верхнего Поднепровья. Можно предполагать, что внедрение этой традиции происходило в контексте других западнобалтских элементов материальной культуры. Начало распространения культуры псковских длинных курганов сопровождалось воздействием западных культурных элементов, связанных с кругом племен германского или западнобалтского происхождения. Об этом достаточно много в свое время писали В. В. Седов, М. М. Казанский, С. Ю. Каргопольцев, М. Б. Щукин, Е. Р. Михайлова и ряд других авторов, опираясь в основном на предметы вооружения и набора украшений второй трети V — первой четверти VI в. (Казанский, 1999. С. 404–417; Каргопольцев, Щукин, 2002. С. 76–90; Седов, 2005. С. 12–24; Михайлова, 2018. С. 173–184)⁹. При этом керамические материалы не привлекались, да как будто и не было для этого никаких оснований. Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев, разработавшие концепцию формирования культуры псковских длинных курганов

на основе керамических комплексов, связывали истоки этой культурной общности с памятниками Северной Белоруссии и Верхнего Поднепровья III–V вв. (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 100–103).

И все же некоторые наблюдения над отдельными керамическими формами позволяют констатировать наличие в материале псковских длинных курганов единичных экземпляров посуды, связанных своим происхождением, так же как и чаши на поддоне, с территорией западных балтских культур. Речь идет о двух лепных сосудах, которые привлекают внимание своей не совсем обычной профилировкой (рис. 8, 1, 4). Это горшок третьей четверти I тыс. н. э. из кургана № 3 могильника, расположенного близ Ореховска в междуречье Днепра и Западной Двины (Плавинский, 2017. С. 143. Мал. 123, 2) и сосуд из кургана № 3 V–VIII вв. могильника Лезги Псковско-Чудского региона (Лопатин, 2009. С. 82. Рис. 2, 7). На мой взгляд, они выпадают из типологической схемы, разработанной Н. В. Лопатиным.

Сосуд из Лезги, судя по контексту работ Н. В. Лопатина, отнесен им к типу Р-4 (реберчатые горшки), хотя при описании типа ссылки на рисунок данного сосуда не сделаны. У слабопрофилированных сосудов типа Р-4 ребро имитируется округлым или заостренным валиком, сформированным на почти прямой стенке горшка (Лопатин, 2003. С. 54). Сосуд из Лезги не соответствует этим признакам. Его ребристость определяется выраженным изгибом стенки, подчеркнутым снаружи довольно резким переходом от намеченной округлости плеча к плавно выгнутой шейке, валик отсутствует (рис. 8, 1) (Лопатин, 2003. Ср.: С. 45. Рис. 1 и С. 51. Рис. 7, 7; Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 98, 99. Рис. 49, 50). Истоки таким образом оформленного плеча, на мой взгляд, следует искать в западнобалтских материалах, в частности, близкие аналогии можно найти в погребениях последней четверти IV — V в. судавской культурной группы Мазовского поозерья и в могильниках V — начала VI в. самбийско-натангийской группы Самбийского полуострова (рис. 8, 2, 3)

⁹ Е. Р. Михайлова опиралась также на обряд (в том числе — конские захоронения) и курганные конструкции, но эти элементы обряда и конструкции связывала с восточнолитовскими курганами как с наиболее близкой к ареалу длинных курганов культурной общностью.

Рис. 8. Сосуды из памятников культуры псковских длинных курганов (1, 4) и западных балтов (2, 3, 5, 6): 1 — Лезги, погребение № 3 (V–VIII вв.) (Лопатин, 2009. Рис. 2, 7); 4 — Ореховск, погребение № 3 (третья четверть I тыс. н. э.) (Плавинский, 2017. Мал. 123, 2); Самбийско-натангийская культура, Большое Исаково: 2 — погребение № L-17; 6 — погребение № L-20 (Skvorzov, 2007. Taf. 20, 1; Taf. 24, 13); Польша, судавская культура: 3 — Червоны Двур, курган № 26, погребение № 122 (Szymański, 2018. Tabl. XXXII, obiekt 122, 1); 5 — Шурпилы, курган № XV (Żurowski, 1961. Tabl. XIV, 1)

Fig. 8. Pottery from sites of the culture of Pskov long barrows (1, 4) and of Western Balts (2, 3, 5, 6): 1 — Lezgi, burial no. 3 (5th–8th cen.) (Лопатин, 2009. Рис. 2, 7); 4 — Orekhovsk, burial no. 3 (third quarter of the 1st millennium AD) (Плавинский, 2017. Мал. 123, 2); Sambia-Natangia culture, Bolshoye Isakovo: 2 — burial no. L-17; 6 — burial no. L-20 (Skvorzov, 2007. Taf. 20, 1; Taf. 24, 13); Poland, Sudovian culture: 3 — Czerwony Dwór, barrow no. 26, burial no. 122 (Szymański, 2018. Tabl. XXXII, obiekt 122, 1); 5 — Szurpiły, barrow no. XV (Żurowski, 1961. Tabl. XIV, 1)

(Skvorzov, 2007. S.166, Taf. 20, 1; S.117, Taf. 31, 1; S. 215, Taf. 69, 1; Szymański, 2018. S. 158. Tabl. XXXII, obiekt 122, 1).

Материалы Ореховска в своих работах Н. В. Лопатин не учитывал. М. А. Плавинский в недавно опубликованной монографии лепные урны из Ореховска отнес к наборам типов Дорохи и Жеребятино, ссылаясь

на работу Н. В. Лопатина и А. Г. Фурасьева 2007 г. (Плавинский, 2017. С. 144). Но территориально могильник Ореховска не соответствует регионам, выделенным для этих наборов (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 93. Рис. 44). Резко профилированный сосуд из Ореховского комплекса по своим особенностям так же, как и горшок из Лезги, не вписывается

в типологическую схему Н. В. Лопатина. Низко посаженное, почти на середине высоты ребро, слегка суженная, плавно переходящая в венчик верхняя часть, приземистость — все это практически один к одному соответствует, например, сосудам IV — первой половины V в. из могильника Большое Исаково самбийско-натангийской культуры и очень близко для профилировки форм погребений V — середины VII в. могильника Шурпилы из Сувалкии (рис. 8, 4, 5) (*Skvorzov*, 2007. S. 160. Taf. 14, 3. S. 166. Taf. 20, 1. S. 170. Taf. 24, 13. S. 206. Taf. 60, 19; *Żurowski*, 1961. Tabl. XIV, 1). Дополнительный материал в плане проявления каких-то импульсных внедрений западно-балтских форм в местную керамическую провинцию можно выделить в коллекции Лукомля второй–третьей четверти I тыс. н. э. Ребристая лощеная миска с зигзаговидным профилем в верхней трети и биконический горшок с выделенным и отогнутым наружу венчиком и четко обозначенным горлом по своим пропорциям и профилировке в достаточной степени чужды основному набору коллекции (*Еремеев, Дзюба*, 2010. С. 447. Рис. 348, 7, 8)¹⁰. Близкие параллели этим формам существуют в комплексах судавской культуры, например, в курганах V — первой половины VI в. могильника Бильвиново (*Kaczyński*, 1961. Tabl. VIII, 5b, IX, 5, XIII, 4b, 10), в погребениях VI–VII вв. Кшивульки (*Jaskanis*, 1963. S. 289. Tabl. II, 1; III, 1) и в захоронениях V — середины VII в. могильника Шурпилы (*Żurowski*, 1961. Tabl. XV, 1; XVIII, 14).

И в заключение несколько слов еще об одном балтском элементе на керамике длинных курганов междуречья Днестра и Подвинья. На реберчатом лепном сосуде из кургана № 31 у дер. Русанова Гора Духовщинского р-на

¹⁰ И. И. Еремеев, учитывая находки вещей с эмальями, считает, что часть керамических материалов Лукомля, в том числе указанные нами биконический горшок и лощеная миска, могут быть датированы второй четвертью I тысячелетия н. э. Но даже если это и так, то все равно данные формы также не соответствуют керамической типологии древностей круга Заозерье–Узмень (см. Лопатин, Фурасев, 2007. С. 33–35. Рис. 11–13. С. 41, 102. Рис. 52).

(к северо-востоку от Смоленска) по ребру наклеплены шишечки: парные чередуются с одиночными (*Спицын*, 1906. С. 193; *Станкевич*, 1950. С. 198–199. Рис. 5, 8). Вероятно, появление ребристого сосуда с таким украшением — результат влияния той же судавской культуры, в которой парные и одиночные наклепные шишечки на плече или ребристом изломе горшков были достаточно распространенным явлением в V–VI вв. (*Szymański*, 2018. Tabl. VIII, *obiekt 117a*; XVIII, *obiekt 120b*; XXI, *obiekt 132, 3*; XXV, *obiekt 133d, 1*; XXVI, *obiekt 133h*). Присутствуют они и на посуде соседней самбийско-натангийской культуры в гораздо более раннее время — в III — начале V в. (*Skvorzov*, 2007. S. 175. Taf. 29, 1. S. 179. Taf. 33, 1). Подобный прием на бывшей территории культуры псковских длинных курганов сохраняется, по-видимому, довольно длительное время, проявившись в керамическом комплексе, традиционном уже для смоленских длинных курганов VIII–X вв. В могильнике Скарбы на слабопрофилированном горшке по плечу наклепаны парные шишечки (*Еремеев, Дзюба*, 2010. С. 427. Рис. 390, 3).

Инфильтрация посуды западнобалтских форм, вероятно, была неоднократной и в конце концов сыграла свою роль в трансформации керамического комплекса части псковских длинных курганов, что привело к появлению значительной группы реберчатых форм в сопочной культуре. Надо сказать, что в пределах культуры полоцких длинных курганов, а также и Банцеровщины, наблюдается почти полное изживание традиции изготовления сосудов, ребро которых формировалось бы изломом стенки (*Лопатин, Фурасев*, 2007. С. 101–102. Рис. 51–52). В культуре полоцких длинных курганов ребро имитировалось созданием валика на слабоизогнутой или почти прямой стенке горшка. Речь об этом приеме шла выше. Среди банцеровской посуды всего два сосуда имеют ребристый излом стенки. Н. В. Лопатин говорит, что это редкие, единичные экземпляры, выходящие за пределы типологии (*Лопатин*, 2018. С. 62. Рис. 8, 9, 11). Поэтому, на мой взгляд, основы для так называемого «ладожского» горшка в пределах керамической традиции полоцких

Рис. 9. Сосуды судавской культуры, Червоны Двур, курган 26: 1 — погребение № 127;
2–5 — погребение № 133 (Szymański, 2018. Tabl. XIX, obiekt 127c. Tabl. XXIII, 2–4. Tabl. XXIV, 5)

Fig. 9. Pottery of the Sudovian culture, Czerwońy Dwór, barrow no. 26: 1 — burial no. 127;
2–5 — burial no. 133 (Szymański, 2018. Tabl. XIX, obiekt 127c. Tabl. XXIII, 2–4. Tabl. XXIV, 5)

длинных курганов уже не существовало. Помимо тех сосудов, о которых речь шла выше (Ореховск, Лезги, Лукомль, Русанова Гора), прототипами для ребристых горшков IX–X вв. Новгородской земли могли послужить и другие отдельные образцы форм посуды судавской культуры (рис. 9). Учитывая комплексную связь чаш на поддонах с вышеприведенными формами, отклоняющимися от общей типологической схемы не только керамики длинных пологих курганов, но и Банцеровщины, Тушемли и предшествующей им культурной группы Заозерье–Узьмень, я позволила себе в качестве гипотезы высказать вышеизложенное предположение о вполне реальной роли западнобалтских импульсов в формировании реберчатых форм

в керамическом комплексе сопочной культуры. Связано ли это с перемещением значительных западнобалтских групп рядового населения? Трудно сказать что-либо определенное, но следует отметить, что на протяжении VI–VII вв. на Самбийском полуострове происходили какие-то процессы, которые привели к значительным структурным изменениям в культуре Долькайм–Коврово и ее влиянию на соседние культуры. Экспансия племен Самбийского полуострова, вероятно, послужила причиной не только полного исчезновения к VIII в. олштынской группы памятников, но и запустевания начиная с конца VI — начала VII в. значительных территорий судавской культуры (Wróblewski, 2006. S. 289. Rys. 2; Szymański, 2018. S. 99–100).

Авдусин, Пушкина, 1986 — Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Отчет Смоленской археологической экспедиции МГУ в 1985 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. 1986. Ф-1. Р-1. № 10927. С. 126–129.

Горюнова, 2005 — Горюнова В. М. Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X — начала XI в. // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя. Новые материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 122–154. (Тр. ИИМК РАН. Т. XVIII).

Еремеев, Дзюба, 2010 — Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. Археологические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010. 668 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. XXXIII).

Казанский, 1999 — Казанский М. М. О балтах в лесной зоне России в эпоху великого переселения народов // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. № 6. С. 404–417.

Казанский, Мастыкова, 2013 — Казанский М. М., Мастыкова А. В. О морских контактах эстиев в эпоху великого переселения народов // Археология Балтийского

региона / Ред. А. Н. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 97–112.

Каргопольцев, Шукин, 2002 — Каргопольцев С. Ю., Шукин М. Б. Новая находка оружия поздне-римского времени на западе Ленинградской области // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси / Ред. Е. Н. Носов, Г. И. Смирнова. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. С. 76–90.

Кулаков, 1990 — Кулаков В. И. Древности пруссов VI–XIII вв. / Ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1990. 166 с. (Археология СССР. САИ. Вып. Г1–9).

Кулаков, 2003 — Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик, 2003. 364 с.

Кухаренко, 1980 — Кухаренко Ю. В. Могильник Брест-Тришин / Ред. А. К. Амброз. М.: Наука, 1980. 128 с.

Линденков, 2018 — Линденков Д. Н. Керамика в погребальном обряде курганного могильника у д. Новый Кривск // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I — начале II тысячелетия нашей эры: Материалы МНК, посвящ. 90-летию проф. Э. М. Загорюльского (Минск, 6–7 декабря 2018 г.) / Ред. А. А. Егорейченко. Минск: Белорусский ГУ, 2018. С. 158–163.

Лопатин, 2003 — Лопатин Н. В. О происхождении и локальной специфике керамического

- набора культуры псковских длинных курганов // КСИА. 2003. Вып. 214. С. 43–58.
- Лопатин*, 2009 — *Лопатин Н. В.* Комплекс памятников у дер. Лезги // Археология и ранняя история (до 1920 года). Тарту: Эстонский национальный музей, 2009. Т. 2: Сетумаа. С. 81–83.
- Лопатин*, 2018 — *Лопатин Н. В.* Керамика городищ Тушемля и Банцеровщина: к вопросу о тушемлинско-банцеровской культуре // РА. 2018. № 4. С. 53–65.
- Лопатин*, *Фурасьев*, 2007 — *Лопатин Н. В.*, *Фурасьев А. Г.* Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках н. э. / Ред. С. А. Плетнёва, И. П. Русанова. М.: ИА РАН, 2007. 251 с. (Раннеславянский мир. Вып. 8).
- Ляўданскі*, 1930 — *Ляўданскі А. М.* Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губ. Менск, 1930. 326 с. (Працы археолёгічнай камісіі. Т. II).
- Миронов*, 1967 — *Миронов В. Г.* Языческое жертвоприношение в Новгороде // СА. 1967. № 1. С. 215–227.
- Михайлова*, 2018 — *Михайлова Е. Р.* «Балтский след» в культуре псковских длинных курганов // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I — начале II тысячелетия нашей эры: Материалы МНК, посвящ. 90-летию проф. Э. М. Загорюльского (Минск, 6–7 декабря 2018 г.) / Ред. А. А. Егорейченко. Минск: БГУ, 2018. С. 173–184.
- Носов*, *Плохов*, 1991 — *Носов Е. Н.*, *Плохов А. В.* Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской Земли 1990 / Ред. В. Л. Янин, Е. Н. Носов, П. Г. Гайдуков. М., 1991. С. 117–149.
- Носов*, *Плохов*, 2005 — *Носов Е. Н.*, *Плохов А. В.* Новые раскопки поселений в Северном Приильменье // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. Новые материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 122–154 (Тр. ИИМК РАН. Т. XVIII).
- Оледзки*, 2002 — *Оледзки М.* Вельбарская и пшеворская культуры на рубеже раннего и позднего римского периодов. Динамика поселенческо-культурных изменений в хронологическом освещении // Гістарычна-археалагічны зборнік / Рэд. А. А. Каваленя. Мінск: Выд. Беларускай навука, 2002. № 17. С. 84–95.
- Плавінскі*, 2017 — *Плавінскі М. А.* Курганны могільнік Пагошча ў кантэксте сінхронных старажытнасцей Браслаўскага Паазер'я. Мінск: Выд. А. М. Янушкевіч, 2017. 240 с.
- Пушкина*, 1973 — *Пушкина Т. А.* Лепная керамика Гнёздовского селища // Вестник МГУ, история / Ред. И. И. Тучков. М.: Изд-во МГУ, 1973. № 3. С. 87–92.
- Пушкина*, 1997 — *Пушкина Т. А.* Воск и свечи в древнерусских погребениях // Археологический сборник. Погребальный обряд. М.: Изд-во ГИМ, 1997. С. 122–127 (Тр. ГИМ. Вып. 93).
- Седов*, 1956 — *Седов В. В.* Языческая братчина в древнем Новгороде // КСИИМК. 1956. Вып. 65. С. 138–141.
- Седов*, 2005 — *Седов В. В.* Север Восточно-Европейской равнины в период переселения народов и в раннем средневековье (предыстория северновеликорусов) // КСИА. 2005. Вып. 218. С. 12–24.
- Сениченкова*, 1998 — *Сениченкова Т. Б.* Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси: Рукопись дис. ... канд. ист. наук.: Альбом. СПб., 1998 // Научно-отраслевой архив ИИМК РАН. Ф-2, 35. Оп. 2-д. Д. № 586.
- Скворцов*, 2010 — *Скворцов К. Н.* Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). По результатам исследований 2008 г. М.: ИА РАН, 2010. Ч. I, 302 с. Ч. II, 806 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 15).
- Соловьева*, 1971 — *Соловьева Г. Ф.* Славянские курганы близ с. Новый Кривск // КСИА. 1971. Вып. 125: Памятники славяно-русской археологии. С. 65–68.
- Спицын*, 1906 — *Спицын А. А.* Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. // ЗОРСА. [СПб.]: Тип. И. Н. Скороходова, 1906. Т. VIII. Вып. 1. С. 185–211.

- Станкевич*, 1950 — *Станкевич Я. В.* Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi. По материалам раскопок 1947 г. // *СА*. 1950. Т. XIV. С. 187–216.
- Andersen*, 1981 — *Andersen H. H.* Der älteste Wall von Lübek. Zur Baugeschichte des Ringwalles // *Lübeker Schriften zur Archäologie und Kulturgeschichte*. Bonn, 1981. Bd. 5. S. 81–133.
- Bitner-Wróblewska*, 2001 — *Bitner-Wróblewska A.* From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warszawa, 2001.
- Godłowski*, 1980 — *Godłowski K.* Zur Frage der völkerwanderungszeitlichen Besiedlung in Pommern // *Studien zur Sahcsenforschung*. 1980. № 2. S. 63–106.
- Godłowski, Wichman*, 1998 — *Godłowski K., Wichman T.* Chmieló Piaskowy. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im Świętokzyskie-Gebirge. Kraków: Secesja, 1998. 190 s. (*Monumenta Archaeologica Barbarica*. T. VI.).
- Jaskanis*, 1963 — *Jaskanis D.* Cmentarzysko kurhanowe w miejscowości Krzywólka, pow. Suwałki // *Rocznik Białostocki*. T. IV / Ed. T. Dzierżykraj-Rogalski. Białostock: Wydawn. Naukowe, 1963. S. 279–340.
- Kaczyński*, 1961 — *Kaczyński M.* Cmentarzysko z V–VI wieku w miejscowości Bilwinowo, pow. Suwałki // *Rocznik Białostocki*. T. II / Ed. T. Dzierżykraj-Rogalski. Białostock: Wydawn. Naukowe, 1961. S. 199–276.
- Kempke*, 1984 — *Kempke T.* Starigard // *Oldenburg. Hauptburg der Slaven in Wagrien*. 2. Die Keramik des 8–12. Jahrhunderts. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1984. (*Offa-Bücher*. Bd. 53).
- Kempke*, 2001 — *Kempke T.* Slawische Keramik // *Handbuch zur mittelalterlichen Keramik in Nordeuropa*. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 2001. Bd. 1. S. 209–256.
- Mikhaylova*, 2014 — *Mikhaylova E. R.* Kotor-sky Pogost — a local Centre in the western Part of Novgorod Land // *Strongholds and Power Centres East of the Baltic Sea in the 11th–13th Centuries*. A collection of articles in memory of Evald Tõnisson / Ed. H. Valk. Tartu, 2014. S. 209–238. (*Muinasaja Teadus*, 24. *Proceedings of the Learned Estonian Society*, 37).
- Nowakowski*, 1989 — *Nowakowski W.* Studia nad ceramika zachodniobałtyjska z okresu wędrówek ludów. Problem tzw. pucharów na pustych nożkach // *Barbaricum 1* / Red.: J. Okulicz-Kozaryn. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 1989. S. 101–147.
- Okulicz*, 1988 — *Okulicz J.* Problem ceramiki typu praskiego w grupie olsztyńskiej kultury zachodniobałtyjskiej (VI–VII w.n.e.) // *Pomorania Antiqua*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1988. T. XIII. S. 103–133.
- Prahistoria ziem polskich*, 1981 — *Prahistoria ziem polskich*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk: Wydawnictwo PAN, 1981. T. 5: Pozny okres latenski i okres rzymski. 466 s.
- Schuldt*, 1981 — *Schuldt E.* Gross Raden. Die Keramik einer slawischen Siedlung des 9/10. Jahrhunderts // *Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte der Bezirke Rostok, Schwerin und Neubrandenburg*. Berlin, 1981. Bd. 14. 250 S.
- Skvorzov*, 2007 — *Skvorzov K.* Das Gräberfeld der römischen Keiserzeit von Bolšoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg): Katalog der Funde aus Grabungen 1998 und 1999 // *Offa*. 2007. Bd. 61/62, 2004/2005. S. 111–219.
- Szymański*, 2018 — *Szymański P.* Chronologia gołdapskiej grupy kulturowej w okresie wędrówek ludów. Warszawa: Institut für Archäologie Warschauer Universität, 2018. 210 s. (*Światowit Supplement Series P: Prehistory and Middle Ages*. Vol. XX).
- Unversagt, Herrmann*, 1958 — *Unversagt W., Herrmann J.* Das slawische Brandgräber von Prützke, Kr. Eberswalde // *Ausgrabungen und Funde*. Berlin, 1958. Bd. III. H. 2. S. 107–110.
- Vofß*, 1991 — *Vofß H.* Das Fragment einer baltischen Armbrustprossenfibrel von Seek, Kr. Perleberg // *Ausgrabungen und Funde*. Berlin, 1991. Bd. 36. S. 107–110.
- Wróblewski*, 2006 — *Wróblewski W.* Ziemie pruskie i jaćwieskie w okresie plemiennym (VII/VIII–XII/XIII wieku) // *Stan I potrzeby badań nad wczesnym średniowieczem w Polsce — 15 lat później*. Toruń; Wrocław, 2006. S. 285–309.
- Żurowski*, 1961 — *Żurowski T.* Sprawozdanie z badań w 1957 r. cmentarzyska kurhanowego na stanowisku 2 we wsi Szurpiły pow. Suwałki // *Wiadomości Archeologiczne*. Warszawa, 1961. T. XXVII. Z. 1. S. 58–81.

A relict Bowl from Gnezdovo

V. M. Goryunova

This article considers rare forms of stucco ware, parallels to which are found in the culture of sopki (Zolotoye Koleno, Old Ladoga, Kotorsk) and the Menkendorf ceramic province (Germany). The origins of these forms can be found in Przeworsk culture of the 2nd — early 4th century. In the second half of the 5th century this form penetrated the region of the Olsztyn group of the Western Baltic culture. The hollow pedestal bowls may be considered as the substrate manifestation of the relict Central European cultural elements, both in the regions of the West Slavic tribes and the sopka culture. It is assumed that the bowls on a hollow pedestal were used in the practice of religious rituals and, in particular, during burials according to the cremation rite. The findings from Gnezdovo make it possible to supplement the arguments of supporters of the existence of a common basis for the cultures of sopki and the Smolensk long kurgan cultures in the period preceding the formation of these regional phenomena in the northwest of Eastern Europe.

Могильник Кууппала (пос. Куркиёки, Республика Карелия): новые материалы

С. И. Кочкуркина¹

Аннотация. В связи со строительством дороги на окраине могильника Кууппала-Калмистомяки (пос. Куркиёки, республика Карелия) в 2018 г. при археологических сборах был получен материал, который дает возможность по-новому оценить значимость памятника в историко-культурном наследии раннего средневековья Северного Приладожья

Annotation. In relation with the construction of a road at the edge of the cemetery of Kuuppala-Kalmistomäki (village of Kurkiyoki, Republic of Karelia), archaeological material was collected in 2018 which allows us to review the significance of this site in the historico-cultural heritage of the early Middle Ages of the Northern Ladoga region.

Ключевые слова: Карелия, Северное Приладожье, Куркиёки, средневековье, могильник, трупосожжения, трупоположения, погребальный обряд, инвентарь.

Keywords. Karelia, Northern Ladoga region, Kurkiyoki, Middle Ages, cemetery, cremations, inhumations, burial rite, grave goods.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-185-191

На северном берегу Ладожского озера в окрестностях пос. Куркиёки известны памятники эпохи средневековья: могильники, укрепленные поселения (городища) и случайные находки (рис. 1). В деревне Кууппала и ее окрестностях на протяжении XX в. были обнаружены артефакты как в процессе сборов случайных находок, так и в результате целенаправленных раскопок. Так, осенью 1866 г. местный житель деревни обнаружил под камнем «несколько сотен монет». Сведения о кладе в литературе противоречивы. В руки исследователей попало менее 100 монет, остальные оказались в разных коллекциях, в том числе и в Выборгском музее, откуда позднее (не все) были переправлены в нумизматический кабинет Университета Хельсинки

(из 43 монет младшая датируется 1050 гг.). Поскольку до нас дошел не собственно клад, а набор сохранившихся монет, речь должна идти не о времени сокрытия клада, а о датировке перечисленных монет. Считают, что если бы клад состоял только из этих монет, то 1070 г. можно было бы считать датой его закладки (Lagus, 1900. № 172; Nordman, 1921. P. 17–18; Bauer, 1929. S. 24. № 24; Vasmer, 1927. S. 19; Salmo, 1948. S. 33–35; Uino, 1997. S. 255).

В окрестностях Кууппала выявлен хозяйственный комплекс в виде каменной площадки размерами 10 × 10 м (кузница?). На ней обнаружены тигель для плавки бронзы и донышко от аналогичной вещи (10872: 104; 10670: 67)² (Leppäaho, 1949. S. 49).

Курьезной находкой можно считать «клад» топоров на о-ве Виллапекко. В Музейном

¹ ИЯЛИ Карельского НЦ РАН. Ул. Пушкинская, 11, г. Петрозаводск, 185910, Республика Карелия, Россия. E-mail: babkin@karelia.ru.

² Здесь и далее шифры предметов, хранящихся в Национальном музее Финляндии.

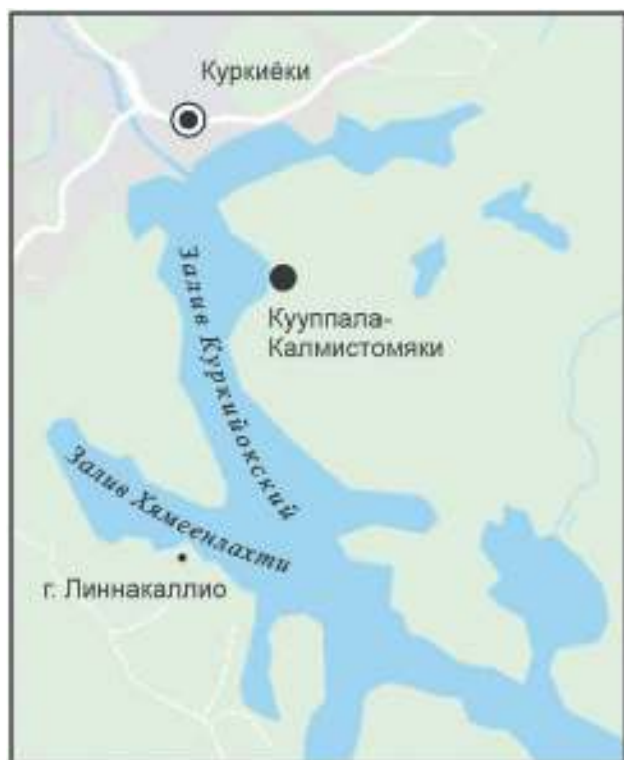

Рис. 1. Расположение могильника Куурпала в окрестностях Куркиёки

Fig. 1. Location of the cemetery of Kuoppala in the surroundings of Kurkiyoki

ведомстве Финляндии хранятся 48 топоров и некоторые другие предметы с этого острова, датируемые X–XIV вв. (8753: 2–3; 8785: 1–2; 8831: 1–12; 8903: 1–4; 10873: 1–3; 11268: 1–26, 29). Возможно, эта коллекция была создана местным жителем (Uino, 1997. S. 247).

К числу редких памятников начала II тыс. н. э. на северном побережье Ладожского озера относится могильник Куурпала-Калмистомяки-Ряккёляйнен (Räkköläinen). Третья часть названия памятника дана по фамилии владельца усадьбы, вблизи которой впервые были найдены археологические предметы. Он располагается на возвышенном восточном берегу залива Куркийокский, примерно в 200 м от уреза воды. Археологические работы на могильнике производились в 1927–1928, 1937–1938 гг. Н. Клеве и Ё. Войонмаа. Ими вскрыто 16 плохо сохранившихся могил, некоторые из них ориентированы на запад с отклонением в ту или другую сторону.

Погребения разрушены, без вещей, пол умерших не определен. В одной из могил обнаружена груда костей коровы с двумя бронзовыми колокольчиками (8784: (1–60)–61–67, 69–107; 8788; 8800: 1–3; 8885: (1–47)–48–72; 8892; 10372: 1–3; 10670: (1–72)–73–189; 10721; 10872: (1–72)–73–118) Uino, 1997. S. 245–247). В 1985–1987 гг. и в 1995 г. А. И. Сакса на могильнике, площадь которого, по его подсчетам, 1250 кв. м, вскрыл 506 кв. м (28 могил) с труположениями, ориентированными по линии или запад–восток или северо-восток–юго-запад. В них сохранились редкие фрагменты костей и зубы. За исключением двух могил, все безынвентарные. Кроме того, выявлены материалы эпохи неолита, бронзы и железного века и, предположительно, средневекового поселения (Сакса, 2010. С. 246–254). В целом же на памятнике вскрыто чуть меньше 50 плохо сохранившихся могил, информация о погребальных обрядах которых и о времени их создания весьма скудная. Вне погребений собран подъемный материал рубежа I–II тыс. и более позднего времени, который будет охарактеризован далее.

Обращение к материалам могильника Куурпала-Калмистомяки объясняется тем, что археологические объекты раннего средневековья в Северо-Западном Приладожье немногочисленны. Одним из ранних и редких памятников является одиночное трупосожжение под каменной кладкой VI в. около г. Сортавала на о. Риеккалансаари в дер. Нукутталахти. Началом II тыс. н. э. датируются остатки погребений по обряду сожжения под каменными насыпями в пос. Хелюля. В пос. Куркиёки на южном склоне возвышенности Линнавуори еще в XIX в. были вскрыты погребения X в. по обряду трупосожжения; в окрестностях поселка известны случайные находки этого времени. На некоторых древнекарельских городищах обнаружены предметы X–XII вв., оставшиеся от более ранних поселенцев. Редкость памятников XI–XII вв. в Северном Приладожье, на мой взгляд, объясняется чисто практическими неудачами в процессе поисков археологических памятников. Предполагать запустение территории

на этом хронологическом этапе нет оснований. Иначе трудно объяснить небывалую концентрацию населения в XIII–XIV вв., оставившего городища и открытые поселения, клады вещей, большое количество случайных находок, свидетельствующих об уничтоженных поселениях и могильниках. Оптимистические ожидания, что в процессе целенаправленных поисков памятники XI–XII вв. будут найдены, поддерживались письменными источниками, свидетельствующими об активной роли корелы в походах 1143/44 г. и 1149/50 г. (Кочкуркина, 2017. С. 35). Ожидания оправдались. В начале 2018 г. окраина могильника Кууппала-Калмистомяки была повреждена новой дорогой, на обочине которой удалось собрать археологические предметы. Анализ этих находок позволяет по-новому оценить значимость памятника в историко-культурном наследии раннего средневековья Северного Приладожья.

В совокупности коллекции могильника включают артефакты из разновременных погребений: по обряду трупосожжения и грунтовых могил. К сожалению, ранние погребения разрушены, сохранились лишь разрозненные кальцинированные кости и отдельные предметы. Они свидетельствуют о том, что в могильнике были погребены в основном мужчины. Обнаруженный клинок меча (10372:1), с надписью на одной стороне «*snewents*», на другой — эта же надпись, но в несколько искаженном виде (тип Т), по мнению Ё. Леппяхо (*Leppäaho*, 1964), датируется 1000 г. В раскопках А. И. Саксы найдена нижняя часть наконечника ножен меча с изношенной ножкой-приливом (Сакса, 2010. Рис. 87, 1). Ранее (Кирпичников и др., 2006. С. 53) исследователи пришли к заключению, что наконечник ножен меча изготовлен «на месте в стиле карельского ювелирного искусства». Идентичный, но целиком сохранившийся предмет обнаружен недавно при земляных работах в Рахола (окрестности пос. Куркиёки) (рис. 2, 1). Этот ажурный наконечник с двумя разной высоты боковыми выступами и ножкой-приливом (7,5 × 4,4 × 1,2 см) аналогичен наконечнику первой половины XIII в., обнаруженному в Троицком VIII раскопе

Великого Новгорода: «В центре орнаментальной композиции расположена вписанная в медальон трехлистная фигура, боковые листья которой оформлены в виде завитков, а верхний представляет собой петлю на закрученной ножке». Как осторожно предположили исследователи, наконечник ножен мог быть изготовлен в средневековом Великом Новгороде (Каинов, Авдеенко, 2012. С. 149).

В довоенных раскопках найдено пять втульчатых наконечников копий (один — типа М, второй — схожий с ним, третий — типа К и два — типа G по Петерсену), топор типа V (по Кирпичникову) (Сакса, 2010. Рис. 85, 8).

К мужским погребениям мною отнесены равноплечие фибулы, скреплявшие верхнюю мужскую одежду (плащ? накидку?), хотя известны случаи их нахождения в женских погребениях Фенноскандии. В раскопках А. И. Саксы встречены две целые и оплавленный фрагмент третьей равноплечей фибулы (группа 7 по Кивикоски; Сакса, 2010. С. 250–251). Эта группа изделий пополнилась фрагментом аналогичной фибулы и оплавленной целой (рис. 2, 2, 3). Если согласиться с бытующей точкой зрения, согласно которой в мужском костюме того времени присутствовала одна равноплечая фибула, то в таком случае в Калмистомяки погребены по меньшей мере пятеро мужчин.

Обязательным атрибутом мужского костюма того времени был кожаный ремень и украшавшая его бронзовая гарнитура. К концевой лировидной пряжке в одном случае прикреплен наконечник с заостренным концом (Сакса, 2010. Рис. 85, 5), в другом (из новых находок; рис. 2, 13) — концевая ременная пряжка с трудноразличимым растительным орнаментом. Ременные разделители с подвесками (у А. И. Саксы — с двумя) известны в раскопках прошлого века и в новых находках (два разделителя с одной и тремя подвесками: рис. 2, 4, 5). В сборах 2018 г. присутствуют ажурные бляшки, через которые пропускался ремень (4 шт., рис. 2, 14, 15). Кроме того, в коллекцию входят наременные бляшки: восемь пятиугольных (две аналогичные происходят из раскопок А. И. Саксы (Там же. Рис. 85, 6, 7);

Рис. 2. Могильник Кууппала. 1 — наконечник ножен меча из Рахола; 2-17 — предметы из разрушенных мужских погребений: 2-3 — оплавленная равноплечая фибула и фрагмент аналогичной; 4-11, 13-17 — детали поясных украшений; 12 — фрагмент наконечника ножен; 18-23 — украшения конской сбруи; 24 — кресало; 25-27 — ножи; 28-29 — наконечники стрел. 1-23 — бронза; 24-29 — железо

Fig. 2. Cemetery of Kuuppala. 1 — chape of a sword sheath from Rahola; 2-17 — finds from disturbed male burials: 2-3 — partly molten equal-arm brooch and a fragment of another similar one; 4-11, 13-17 — details of belt ornaments; 12 — chape fragment; 18-23 — horse bridle ornaments; 24 — fire striker; 25-27 — knives; 28-29 — arrowheads. 1-23 — bronze; 24-29 — iron

одна — D-образная, две — сердцевидные). У всех на обороте фиксировались стерженьки с шайбочками или заклепки (рис. 2, 6, 8, 16, 17). Такое же крепление сохранилось у бляшки в виде четырехконечной фигуры (рис. 2, 7). У другой бляшки с четырьмя четырехлистниками крепление не сохранилось (рис. 2, 10). В сборах находился бронзовый наконечник ножен ножа, украшенный спиральным орнаментом (рис. 2, 12), а также фрагмент тонкой с ребром посередине дуги фибулы (рис. 3, 7). Из довоенных раскопок также известна плоская с ребром на дуге спиралеконечная подковообразная фибула.

Украшения конской сбруи представлены бронзовыми накладками, располагавшимися на пересечении ремней (одна происходит из раскопок Клеве в 1927 г., пять — из сборов 2018 г.; рис. 2, 19, 20). Четырехлопастное изделие (лопасти треугольные) имеет на внутренней стороне вырезанные вместе с центральной частью четыре прямоугольные пластинки для крепления (реконструкция уздечных наборов, см.: Новиков, 2013. Рис. 2). Кроме того, собраны четыре целые четырехугольные тонкие бронзовые бляшки для конской сбруи и три фрагмента; рис. 2, 21–23). Возможно, с ней связана и крупная оплавленная подковообразная фибула с сохранившейся головкой с четырьмя шипами. На обороте — прямоугольная грубая петля, на противоположной стороне — острый шип (рис. 2, 18). В сборах 2018 г. есть овальное железное кресало, три железных ножа, два наконечника стрел (один — срезень) (рис. 2, 24–29) и обломки неопределенных железных изделий.

К женским украшениям относятся три сердоликовые бусины (Сакса, 2010. Рис. 87, 11–13); два разновеликих спиралевидных цепедержателя (3,35 × 2,6 см; 4,1 × 3,8 см, поврежден огнем, рис. 3, 8, 9). Обратные стороны их гладкие. Такие цепедержатели простой формы близки аналогичным изделиям XI в., обнаруженным в Финляндии, а те, в свою очередь, восходят к более ранним образцам второй половины I тыс. н. э. (Kivikoski, 1973. Abb. 767). Спиралевидные усложненной формы следует считать, видимо, более поздним и

типично местным изобретением. Возможно, к периоду погребений с трупосожжением относится одноголовая коньковая подвеска (рис. 3, 10), тоже пострадавшая от огня. Подобные украшения датируются XII в. и более поздним временем (Рябинин, 1981. С. 42; XX тип, серия 5). Звенья железной цепи, бронзовый разделитель цепей, обломок кольцевидной фибулы, фрагменты оплавленных изделий найдены при сборах в 2018 г. (рис. 3, 1–6).

К этому же периоду относятся лировидное кресало, два двушипных наконечника стрел, пряслице из розового шифера, копоушка (?) (Сакса, 2010. Рис. 87, 4, 8, 9).

Таким образом, ко времени функционирования могильника по обряду трупосожжения X–XII вв. относятся погребения не менее пяти мужчин-воинов с конским снаряжением (о погребении коней никаких данных нет), возможно, одно женское (но, может быть, бусы, цепедержатели попали в мужские захоронения в качестве дара). Все они были разрушены погребениями по обряду трупоположения, а также в процессе освоения возвышенности в более позднее время, когда в памяти поселенцев информация о могильнике, отразившаяся в топонимии Калмистомяки (могильный холм, возвышенность, гора) не сохранялась.

В могиле № 8 по обряду трупоположения, датированной по остаткам дерева XV в., найдены мотыга, удила и фрагмент серпа (Там же. С. 252–253). Такая же мотыга найдена в раскопках Войонмаа в 1938 г., а также на городищах Паасо, Терву-Линнасаари, Хяменлахти. На Олонецком перешейке мотыги зафиксированы в могильнике у дер. Симоннаволок, в курганах у дер. Большие Горы (Равдоникас, 1934. Табл. VI, 15–17). Иными словами, они встречены на территориях, заселенных предками собственно карелов, карелов-ливвиков и карелов-людиков, поэтому тип мотыг назван карельским (Kivikoski, 1973. S. 148. Abb. 1241). В могиле № 6 сохранились бронзовая рукоять ножа (рис. отсутствует), два наконечника стрел (Сакса, 2010. Рис. 87, 4, 8) и прямоугольная железная поясная пряжка, не проясняющие датировку погребения.

Рис. 3. Могильник Кууппала. Предметы из женских погребений: 1–3 — фрагменты цепочек; 4–5 — обрывки цепочек; 6 — разделитель цепей; 7 — фрагмент пластинчатой подковообразной фибулы; 8–9 — цепедержатели; 10 — коньковая шумящая подвеска. 1–3, 6–10 — бронза; 4–5 — железо
 Fig. 3. Cemetery of Kuuppala. Objects from female burials: 1–3 — fragmentary chains; 4–5 — pieces of chains; 6 — chain divider; 7 — fragment of a flat horseshoe brooch; 8–9 — chain holders; 10 — rattling skate pendant. 1–3, 6–10 — bronze; 4–5 — iron

На памятнике присутствуют вещи (сборы 2018 г.), не входящие в классический набор погребений: ключарза, пробойники (3 шт.), зубила (3 шт.), цилиндрический замок, рыбо-

ловный крючок, свидетельствующие, вероятно, о следах поселения, существовавшего после того, когда возвышенность перестала использоваться под захоронения.

Каинов, Авдеенко, 2012 — Каинов С. Ю., Авдеенко Е. Е. Литые наконечники ножен мечей (по материалам Троицкого раскопа Новгорода Великого) // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. Вып. 18. С. 145–148.

Кирпичников и др., 2006 — Кирпичников А. Н., Сакса А. И. при участии Лены Томантери. Мечи средневековой Карелии // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействия культур / Под ред. А. Н. Кирпичникова, Е. Н. Носова, А. И. Саксы. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 41–58.

Кочкуркина, 2017 — Кочкуркина С. И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2017. 280 с.: ил.

Новиков, 2013 — Новиков В. В. Оголовья с железными элементами X в. из раскопок в Гнёздове // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. Вып. 19. С. 181–187.

Равдоникас, 1934 — Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и в Юго-Восточном Приладожье. М.; Л.: Гос. соц. экон. изд-во, 1934. 55 с. (Известия ГАИМК. Вып. 94).

- Рябинин*, 1981 — *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения древней Руси X–XIV вв. Л.: Наука, 1981. 124 с. (САИ. Вып. Е1-60).
- Сакса*, 2010 — *Сакса А. И.* Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История, 2010. 400 с.
- Bauer*, 1929 — *Bauer N.* Nachtrage zu den russischen Funden abendlandischen Miinzen des 11 und 12 Jahrhunderts // *Zeitschrift für Numismatik*. Berlin, 1929. Bd. 39. S. 1–187.
- Kivikoski*, 1973 — *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki, 1973. 150 s., 1268 abb.
- Lagus*, 1900 — *Lagus W.* Numismatiska anteckningar. Helsingfors, 1900. Bd. 2, del. 60.
- Leppäaho*, 1949 — *Leppäaho J.* Räisälän Hovinsaa-ren Tontinmäen paja, sen langanvetovälineet ja langanvedosta (vanutuksesta) yleensäkin // *SM*. Helsinki, 1949. N 56. S. 44–93.
- Leppäaho*, 1964 — *Leppäaho J.* Späteisenzeitliche Waffen aus Finnland. Helsinki, 1964. 131 s.: il. (SMYA. N 61).
- Nordman*, 1921 — *Nordman C. A.* Anglo-Saxon Coins found in Finland. Helsingfors, 1921. 92 p.
- Salmo*, 1948 — *Salmo H.* Deutsche Münzen in vorgeschichtlichen Funden Finnlands. Helsinki, 1948. 432 s. (SMYA. T. XLVII)
- Uino*, 1997 — *Uino P.* Ancient Karelia: archaeological studies. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistis, 1997. 426 p. (SMYA. No. 104).
- Vasmer*, 1927 — *Vasmer R.* Die kufischen Münzen des Fundes von Luurila, Kirchspliel Hattula // *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja = Finska fornminnesförenin-gens tidskrift*. Helsingfors, 1927. Bd. XXXVI/3. S. 1–32.

Cemetery of Kuuppala (village of Kurkiyoki, Republic of Karelia, Russia): new materials

S. I. Kochkurkina

The cemetery of Kuuppala has been investigated since the 1920s by Finnish and Russian archaeologists. Slightly less than 50 poorly preserved graves have been excavated. Outside the burials, surface material of the turn of the 1st and 2nd millennia and the later period has been collected. In 2018, the edge of the cemetery of Kuuppala-Kalmistomäki was disturbed by a new road at the side of which archaeological artefacts were found. Analysis of the finds allows the researchers to estimate anew the significance of the site in the historico-cultural heritage of the early Middle Ages of the Northern Ladoga region. Burials of male warriors with horse gear and, possibly, one female grave are dated to the 10th–12th century. They were disturbed by burials in the cremation rite and in the process of economic development of this hill during the later period. There are objects at the site which constituted a classical set of funerary inventory. These finds probably indicate the presence of traces of a settlement existing after the hill with the cemetery had ceased to be used for burials.

Кожаные изделия и сопутствующие им предметы из раскопок Кемского погоста в 2017 г.

А. В. Курбатов¹

Аннотация. Охранные раскопки Кемского погоста в 2017 г. продолжают активное археологическое изучение средневековых памятников Русского Севера. Были изучены 117 погребений, в 28 из которых были зафиксированы остатки кожаной обуви. Как подъемный материал также были взяты пять деталей сапога и фрагмент поршня. Встреченная обувь может быть датирована второй половиной XVI — началом XVII в.

Annotation. Rescue excavations at the Kem pogost (churchyard) in 2017 continued the active archaeological investigations of mediaeval sites of North Russia. The excavations uncovered 117 burials. In 28 of the latter, remains of leather footwear were found. In addition, surface finds of five parts of high boots and a fragment of a porshen (leathern sandal) were examined. The footwear recovered is datable to the second half of the 16th — early 17th century.

Ключевые слова: Русский Север, поморы, Кемский погост, погребения, кожаная обувь.

Keywords: North Russia, Pomors, Kem pogost, burials, leathern footwear.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-192-205

Введение

В последние годы активизировались археологические исследования средневековых памятников Русского Севера. Во многом они опираются на результаты полевых исследований О. В. Овсянникова и собранные им письменные документы. Можно отметить начатые в 2009 г. на Мурманском берегу раскопки церкви свв. Бориса и Глеба на пограничной р. Паз, работы возле с. Варзуга, а также обследование в 2013 г. церкви Рождества Богородицы в г. Кандалакша (Шахнович, 2010. С. 63 и сл.; 2011. С. 100 и сл.; Шахнович, Ширококов, 2014. С. 174 и сл.). Были изучены остатки средневековых поселений, церкви и могильники при них. Наиболее существенные материалы получены на некрополе у с. Варзуга (Шахнович,

Ширококов, 2013. С. 97 и сл.). Можно отметить получение антропологических данных, помогающих объяснить особенности освоения региона. Выводы специалистов отсылают нас к сходным чертам обряда захоронения и антропологическим признакам погребенных, наиболее близким средневековому карельскому населению (Хартанович, Шахнович, 2009. С. 104–109; Шахнович и др., 2012. С. 165–166; Шахнович, Ширококов, 2013. С. 110, 113). В этот ряд вписываются и охранные раскопки Кемского погоста в 2017 г.

Первые упоминания р. Кемь встречены в частных грамотах Великого Новгорода, которые дают значительную часть ранних сведений об освоении этой территории Поморья и относятся к середине — второй половине XV в. (ГВНП, 1949. С. 291). Заметим, что при изучении этих документов следует обращать внимание на то, что датировки приводимых

¹ Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН. Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: alkurba@rambler.ru.

грамот различаются в разных изданиях (ср.: *Материалы по истории Карелии*, 1941).

В 1551 г. царским указом была основана Кемская волость (*Ключевский*, 1990. С. 13–14). Это означало и появление административного центра — г. Кемь, обустроенного на месте уже существовавшего поселения. Об этом свидетельствует, по крайней мере, один опубликованный на сегодня документ — закладная грамота («кабала») Филиппа Семенова, сына Микуева, Петру, Сидорову сыну, на пожню в Кеми, составленная 25 марта 1543 г. Составитель грамоты указал себя: «А кабалу писал дияк кемской Федотец лета 7051-го» (*АСМ*, 1988. С. 61, № 93). Официальное учреждение в Кеми административного центра, надо полагать, означает и то, что здесь уже существовал собор, следовательно, и погост при нем.

Предположить существование относительно крупного поселения на месте будущего административного центра в Кеми можно и при чтении грамот 1542 г., направленных великим князем Иваном Васильевичем жителям Керети и Ковды. В первой Кереть названа слободой, а согласно второй выборные земские целовальники этих двух поселений должны участвовать в совместных судах (*Материалы по истории Карелии*, 1941. С. 143–146, № 56, 57). Имеется также и уставная грамота игумена Соловецкого монастыря Филиппа (Колычева), направленная крестьянам Виремской, Сумской, Шижненской и Сухонаволоцкой волостей в 1548 г. (*Материалы по истории Карелии*, 1941. С. 159–162, № 65). Эти грамоты показывают, что все относительно крупные поселения Западного Поморья, окружающие будущий город Кемь, к тому времени уже стали считаться волостными центрами. Поэтому поселение в Кеми, утвержденное волостным центром через несколько лет, не могло быть исключением. Надо полагать, что количество населения в самом Кемском поселении и в окрестных местах было достаточным для выделения этих земель в самостоятельную волость, чему способствовало и наличие уже сложившегося центра. Таким образом, можно с определенным основанием считать, что

первая деревянная церковь на месте будущего Успенского собора была построена в первой половине XVI в., и территория вокруг нее была местом погоста, то есть местом захоронения жителей поселения.

По свидетельству вестфальского немца Генриха Штадена, одно время бывшего опричником у Ивана Грозного, в середине 1560-х гг. на р. Кемь стоял «большой незащищенный посад», а жители его «питаются сельдью и ловят семгу» (*Штаден*, 1925. С. 54об.; 2005. С. 438). В это время расширение хозяйственной и торговой деятельности посада привлекло внимание западноевропейских предпринимателей в связи с открытием Северного морского пути. Некоторое время спустя голландец Симон ван Саллинген, конкурируя с англичанами, основал торговые конторы в Кеми, Суме, Шуе. Известно, в частности, что приехав в Новгород в 1566 г., он вел переговоры с местными торговцами кож о доставке их товаров к гаваням Кольского полуострова, куда за ними могли бы прийти голландские корабли (*Бахрушин*, 1952. С. 78). В это время все чаще у кемских берегов стали появляться норвежские и английские торговые и промысловые суда.

В 1570-е гг. отмечены первые военные нападения шведов («каянцев») на русские поселения в Поморье (*Савич*, 1927. С. 55–56). В 1571 г. в море близ Соловецких островов появились военные корабли из состава соединенного флота Швеции, Голландии и вольного города Гамбурга. Они хотели ограбить Соловецкую обитель, которая была уже известна своими богатствами. Хотя тогда монастырю не был нанесен ущерб, а европейские моряки произвели только рекогносцировку, переполох среди братии был велик, поскольку у монастыря совершенно не было укреплений, военного гарнизона и вооружения. Опасность нападения заставила монастырь обратиться за помощью к Москве. Указной грамотой от 2 августа 1578 г. Иван Грозный послал «в Соловецкой монастырь Михаила Озерова, а с ним четыре человека пушкарей, десять человек стрельцов, да сто ручниц, да пять затинных пищалей, да с Вологды две

пищали полуторных да две девятипядных, а к ним по двесте ядер да четыре человека пушкарей, а зелья ко всему наряду и к пищалям и к ручницам сто пятнадцать пуд» (АСМ, 1990. С. 115, № 666). В грамоте также давалось указание сделать вокруг монастыря острог с башнями.

Одновременно было начато строительство деревянных острогов в Соловецком монастыре и на Кемском посаде. Строительство острога в Кеми еще не было завершено, когда в 1579 г. шведы вторглись в русские волости с запада, «по суху». Первый бой в Маслозерской волости принес поражение отряду воеводы М. Озерова, сам воевода был убит, а беззащитная волость подверглась «великому опустошению». Надгробная плита с могилы воеводы недавно была описана среди аналогичных находок в Соловецком монастыре (Буров, 2001. С. 132–134). Хотя остается непонятным, почему исследователь датировал плиту 1575 г.

Озаботившись защитой своих владений, по настоянию Соловецкого монастыря, московские власти отстроили на западе Кемского уезда, на пограничье со скандинавами, оборонительный пункт — Ринозерский острог. В декабре 1580 г., когда острог еще не был окончательно обустроен, воевода Киприян Оничков с малочисленной дружиной стрельцов, пушкарей, охочих казаков и «тутошных людей» выдержал осаду трехтысячного отряда «свейских людей», продолжавшуюся без перерыва трое суток. На приступе враг был отбит, деморализован и с великим уроном отогнан от острога, а во время вылазок «сидельцев» окончательно разгромлен: были убиты два вражеских военачальника и множество рядовых воинов, а также захвачены пленные и трофеи. К. Оничков был дважды ранен. Эта первая «знатная победа» на Севере была отмечена царем — воеводе К. Оничкову Иван Грозный отписал похвальную грамоту (Краткое историческое описание..., 2015. С. 112), полный текст которой приведен в документах Соловецкого монастыря (АСМ, 1990. С. 140, № 722).

В 1590 г. шведский десантный отряд Петра Багге разорил Умбу, Кереть и Кемь. После

этого прошло немногим больше года, и пришедший с запада вдоль р. Кемь отряд Свена Педерсона, сына Петра Багге, вновь сжег город «Кимен» (то есть Кемь) до основания (Ополовников, 1989. С. 155). Эти набеги шведов и усиление военного давления на волости Поморья потребовали срочного укрепления посада г. Кемь.

Описанные события показывают, что деревянная Успенская церковь неоднократно горела и восстанавливалась, надо полагать, практически на одном месте. Непосредственный предшественник ныне существующего Успенского собора, имевшего два придела — Предтеченский и Зосимо-Савватиевский, был построен в середине XVII в. на средства Соловецкого монастыря и сгорел вместе с частью Кемского городка в 1710 г. Новый храм был заложен в 1711 г., как считается, также на месте сгоревшего и ознаменован в честь победы над шведами в Северной войне. Успенский придел был освящен в июле 1714 г., тогда как весь собор был достроен в 1717 г. и заново освящен. К 1917 г. собор сохранялся в таком же виде, то есть с тремя приделами — во имя Успения Пресвятой Богородицы, Святого Чудотворца Николая, а также преподобных отцов Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев. Археологические исследования 2017 г. позволили предполагать перенесение собора начала XVIII в. на иное место относительно более ранних строений этого храма.

Археологические исследования 2017 г.

При проведении реставрационных работ по обновлению деревянного Успенского собора в г. Кемь постройка была в 2017 г. разобрана, а ленточный фундамент из валунов частично убран из траншей экскаватором. При этом обнажились частично разрушенные грунтовые захоронения, расположенные правильными рядами. Они были зарегистрированы в Государственном комитете Республики Карелия по охране объектов культурного наследия как вновь открытый памятник археологии «Грунтовый могильник Кемский погост».

Раскопки могильника в августе 2017 г. позволили изучить погребения в траншеях и прирезках под восточным объемом собора — Успенским приделом. При этом на площади, составляющей 12–15 % от всей площади открытых фундаментных траншей, плотность захоронений в 4–5 раз превышала ту, что была отмечена при первичной фиксации погребений на памятнике.

Всего было изучено 117 погребений, что позволяет говорить о статистической достоверности полученных данных. Умершие взрослые люди и подростки захоронены в гробовинах, сбитых из досок, тогда как дети младшего возраста и младенцы в основном были погребены в деревянных колодах, а несколько младенцев завернуты в бересту. Расположение погребений, насколько это можно видеть, было рядным и равномерным на всей площади, занимаемой Успенским собором. Ряды выстраиваются с запада на восток — от высокой части Леп-острова в сторону понижающегося берега к р. Кемь. На древней поверхности погребения отмечались камнями, которые окружали небольшие насыпные холмики над могильной ямой, и, может быть, установкой крестов. На всей изученной площади отмечается многослойность захоронений. Часто в самой ранней по времени могильной яме, как правило, наиболее глубокой, позднее совершались до четырех — пяти подхоронений. Высокая точность таких повторных захоронений предполагают намеренное желание совершить их в определенную могилу. Это, в свою очередь, позволяет уверенно предполагать погребение в одном месте членов одной семьи или кровных родственников. При этом соотношение числа младенцев и детей младшего возраста по отношению к взрослому населению составляет примерно 4–5 : 1.

Кожаные изделия

Непосредственно в 28 погребениях были зафиксированы остатки полуистлевшей кожаной обуви. Кроме того, как подъемный материал также были взяты пять деталей сапога (головка и четыре поднаряда) и

фрагмент поршня. Сохранность кожаных предметов сильно различалась по комплексам. Уже в процессе извлечения вещей из зафиксированных и описанных захоронений стало видно, что в трех из них кожа истлела очень сильно и сохранению не подлежит. При дальнейшей обработке вещей часть истлевших фрагментов полностью распалась. Остальные предметы были вымочены в растворе антисептика (тимол) и пропитаны оливковым маслом. Именно они будут охарактеризованы нами ниже. Всего определение получили 200 кожаных деталей обуви и относящиеся к ним 24 железных гвоздя и одна прокладка из бересты. Наиболее характерные детали обуви из погребений представлены на рисунках (рис. 1–3).

Найденная в 28 погребениях обувь принадлежит различным формам: в 13 погребениях — это низкие формы обуви типа поршней; в 10 погребениях сапоги; в одном погребении встречены башмаки на низком каблуке; также в одном погребении отмечены специальные погребальные тапки; в трех погребениях форма обуви осталась неопределимой. Кроме того, непонятно наличие в погребении № 89 вместе с деталями сапог, которые значительно преобладали (24 предмета из 26) и принадлежали именно погребенному здесь человеку, также двух фрагментов поршней.

Большая часть деталей обуви сохранилась фрагментарно. Поэтому в графических рисунках отражены предметы только из девяти погребений и детали, отнесенные к подъемному материалу. Они представляют более обширный материал из разных погребений, данный в описаниях.

Поршни

Среди поршней отмечены два варианта, известные на сегодня в средневековой России по археологическим материалам: однодетальные поршни, то есть кроеные из одного куска кожи и стягиваемые кожаными оборками по всем краям; составные поршни, сшитые из нескольких деталей.

Однодетальные поршни имеют варианты раскроя в оформлении носка и прорезей

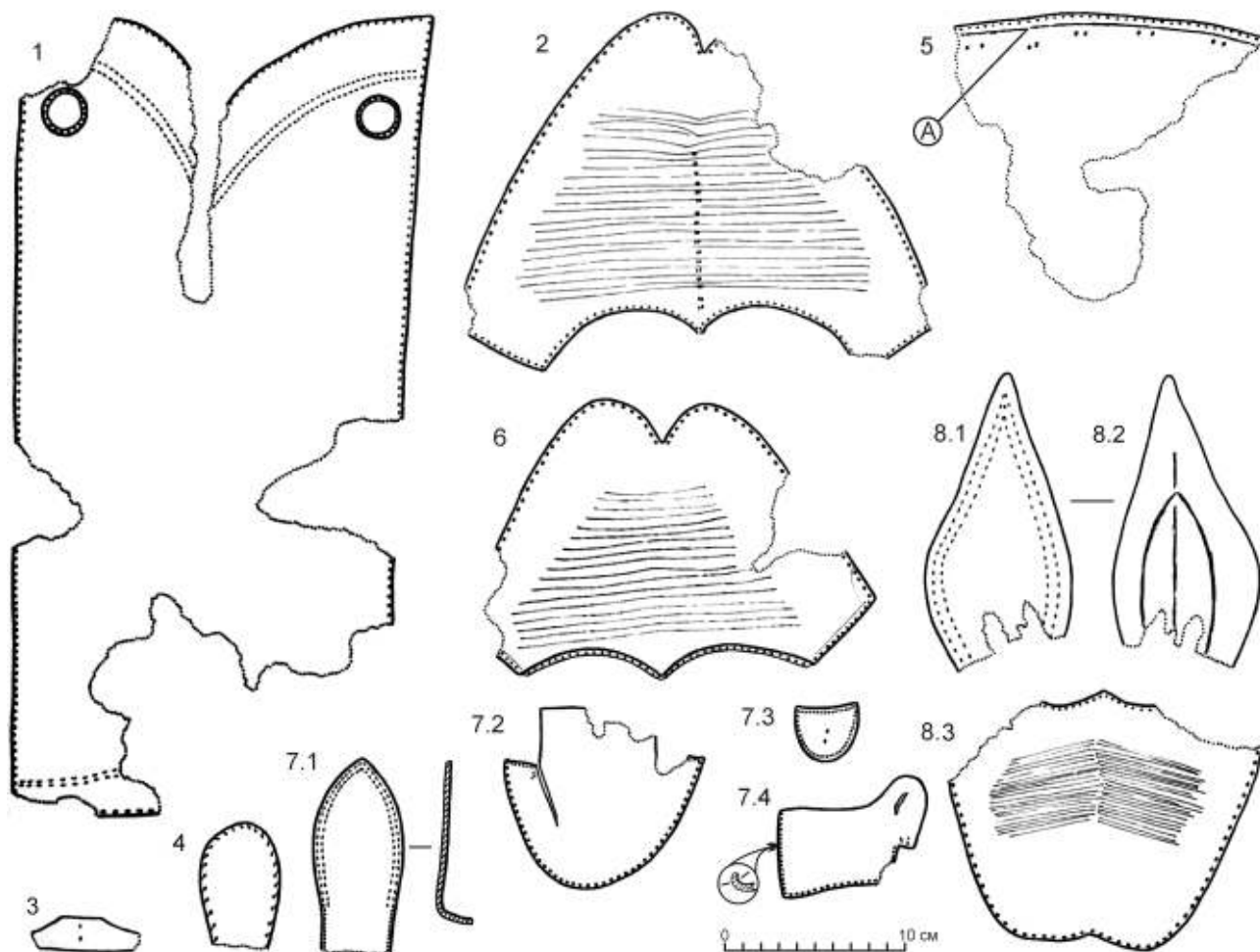

Рис. 1. Графическое изображение деталей обуви: 1–4 — погребение № 87; 5 — погребение № 102, А — линия тиснения; 6 — Т. 12 (кв. Р-5) пик. 1455; 7.1–7. 4 — погребение № 77; 8.1–8.3 — погребение № 59
 Fig. 1. Drawings of parts of footwear: 1–4 — burial no. 87; 5 — burial no. 102, A — line of embossment; 6 — TS point 12 (square P-5), picket 1455; 7.1–7. 4 — burial no. 77; 8.1–8.3 — burial no. 59

для обор. В погребении № 1 хорошо сохранились боковые края детали с равномерно расположенными прорезями (шириной 7–9 мм) для кожаной оборы шириной 6–7 мм. Носок и пятка, вероятно, были сшиты нитями, но установить это невозможно. Близкий вариант поршня найден в могильнике у с. Варзуга (Шахнович, Широбоков, 2013. Рис. 2; Курбатов, 2014а. С. 88. Рис. 5).

Другой вариант оформления — длинные парные прорези для обор, перпендикулярные краю раскроек (рис. 3, 4). Ширина прорезей 1,2–1,5 см, при этом ширина кожаных обор не превышает 6–7 мм. Носок оформляли частые поперечные полосы кожи, в каждой из

которых также делали прорезь для продерживания кожаной оборы. При этом полосы разворачивались на 90°, создавая декоративную полосу на подъеме. Углы носка смыкались, образуя соединение краев по оси носка, которые сшивались растительной нитью швом «змейка». Особой разновидностью такого поршня является пара из погребения № 112, где продольный шов по носку выполнен узкой кожаной полоской, заплетенной в виде «косы», это так называемый «плетешок». Поршни с таким оформлением носка были особо популярны в городах Северо-Запада России в XVI в.

Третий вариант крепления обуви на стопе, самый простой в исполнении, показывает

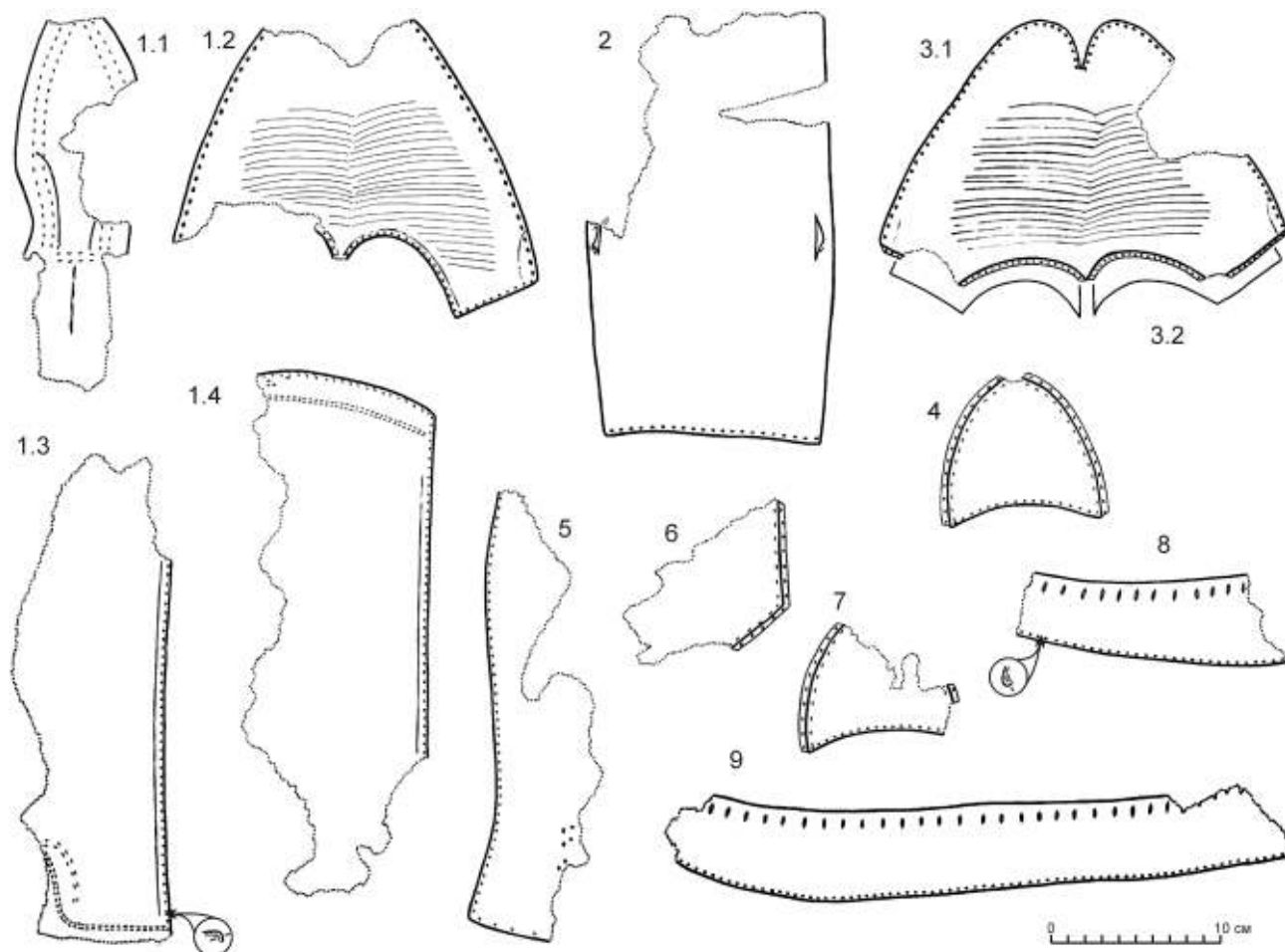

Рис. 2. Графическое изображение деталей обуви: 1.1–1.4 — погребение № 83; 2 — погребение № 88; 3.1–3.2 — погребение № 26; 4–9 — погребение № 6

Fig. 2. Drawings of parts of footwear: 1.1–1.4 — burial no. 83; 2 — burial no. 88; 3.1–3.2 — burial no. 26; 4–9 — burial no. 6

некую небрежность оформления обуви. В погребении № 102 сохранился фрагмент детали с небольшими парными отверстиями вдоль края (размер отверстий — 1,5 мм), через которые протягивали шнурок, стягивавший обувь на стопе (рис. 1, 5). Эти поршни были выкроены из вторично использованной кожи голенища сапога. Такие же поршни отмечены еще в трех погребениях. О сходстве можно судить по характерным стежкам на швах, соединяющих основные детали сапог (длиной 3–4 мм) и швы от обшивки верхнего края голенищ.

Все эти варианты оформления поршней встречены в слоях и комплексах позднего

средневековья, которое в отечественной историографии относится к эпохе Московского царства (конец XV — XVII в.), и представлены во многих русских городах (Курбатов, 2015. С. 467–470), в частности, в Москве (Осипов, 2014), Ивангороде (Курбатов, 1991; 1995), Пскове (Курбатов, Харлашов, 2004; Курбатов, 2006), Вологде (Андреанова, 2011. С. 210–211; Андреанова, Фёдоров, 2012), Смоленске (Осипов, Соболев, 2014).

Составные поршни. Характерные признаки моделей: 1) наличие отдельной детали подошвы с загнутыми вверх боковинами и сложенными углами носка; 2) подшитые отдельные детали боковин (одна или две), пришитые

к боковым сторонам «подошвы»; 3) особая подтреугольная вшивная вставка в носок, закрывавшая пальцы на подъеме. Название «составной поршень» впервые употребила Е. И. Оятева по отношению к единичной находке в слоях XVI–XVII вв. на Земляном городище в Старой Ладогe (Оятева, 1965. С. 52, 54). Позднее модели такой обуви были отмечены в Пскове и Орешке, в слоях XV–XVI вв., и названы специфической обувью народов Русского Севера и Сибири (Курбатов, 2007. С. 157 и сл.), что подтвердили материалы заполярной Мангазеи (Визгалов и др., 2011. С. 39–41). Для Русского Севера подобная обувь известна по коллекции с Кремлевской площади в Вологде, датируемой концом XV — XVII в. (Андреанова, Фёдоров, 2012. С. 82–88).

В Кемском могильнике составные поршни зафиксированы в трех погребениях. Наиболее полно все характерные детали встречены в погребениях № 6 (рис. 2, 4–9) и № 7. Кроме конструктивного отличия у них отмечено и своеобразие кожевенного сырья — это толстая сыромятная оленья кожа.

Сапоги

Они найдены в 10 погребениях, но сохранность отдельных предметов сильно различается. Наиболее интересными для изучения конструкции и внешнего вида являются материалы четырех погребений. Они показывают, что сапоги имели достаточно высокие голенища (до 30 см), сшитые из передней и задней половин, полностью закрывавшие голень и доходившие до колена. Верхний край голенищ имел небольшой скос вниз от переднего к заднему краю. На него пришивалась полоса материала (ткани или кожи) шириной 1,5–2,5 см. Возле верхнего края голенища, на его задней половине, имелись два круглых отверстия диаметром 2,5–3,0 см, расположенные симметрично по бокам. По краю этих отверстий видны тачные швы, выполненные мелкими стежками (рис. 1, 1; 3, 1). Они показывают, что на край отверстия пришивалась тонкая полоска кожи, сложенная вдвое, которая усиливала жесткость края отверстия и уменьшала его растяжение при надевании

сапога на ногу. Отверстия же служили для захвата пальцами рук верха голенища при надевании сапога. Такое объяснение эта конструктивная деталь получила после находки кожаных полос на голенищах в Пскове (Курбатов, 2012. С. 164–165).

Другая особенность кемских сапог — выкраивание «задника» в одну деталь с задней половиной голенища. Об этом свидетельствуют характерные швы на внутренней стороне голенища возле пятки, указывающие на пришивание здесь особой детали — кармана (рис. 1, 1; 2, 1.3), в который вкладывали берестяные или кожаные прокладки (рис. 1, 3), делающие задник сапога более жестким. Овальная кожаная нашивка на верхнюю часть кармана (рис. 1, 4), на пришивание которой указывают следы шва (рис. 2, 1.3), должна была сгладить выпуклость от кармана на внутренней поверхности сапога, чтобы облегчить его надевание.

Головки сапог имели в носке небольшой вырез, куда вшивался заостренный носок подошвы, а также относительно небольшие «крылья», то есть боковые выступы, и относительно небольшой заостренный выступ на подъеме. Другая техническая деталь — это поперечное линование головки, обеспечивающее равномерное сжатие детали при движении, что исключало риск появления глубокой складки на подъеме. Головки также имели двучастные поднаряды (рис. 2, 1.2, 3.1, 2).

Подошвы — однодетальные, из относительно толстой кожи, со швом на внутренней поверхности (так называемые потайные швы), с округлой пяткой и заостренным носком (рис. 1, 8.1; 2, 1.1–1.4). На нижней (плантарной) стороне подошвы в районе пятки сохраняются железные гвозди, набитые в один ряд по краю подошвы и предохранявшие обувь от протирания. Также встречены скопления мелких железных гвоздиков с округлой головкой, которые набивали на загнутый вверх острый носок подошвы для украшения обуви. Оба вида железных гвоздей найдены в погребении № 83.

Конструкция встреченных сапог характерна для XVI в. и описана по материалам

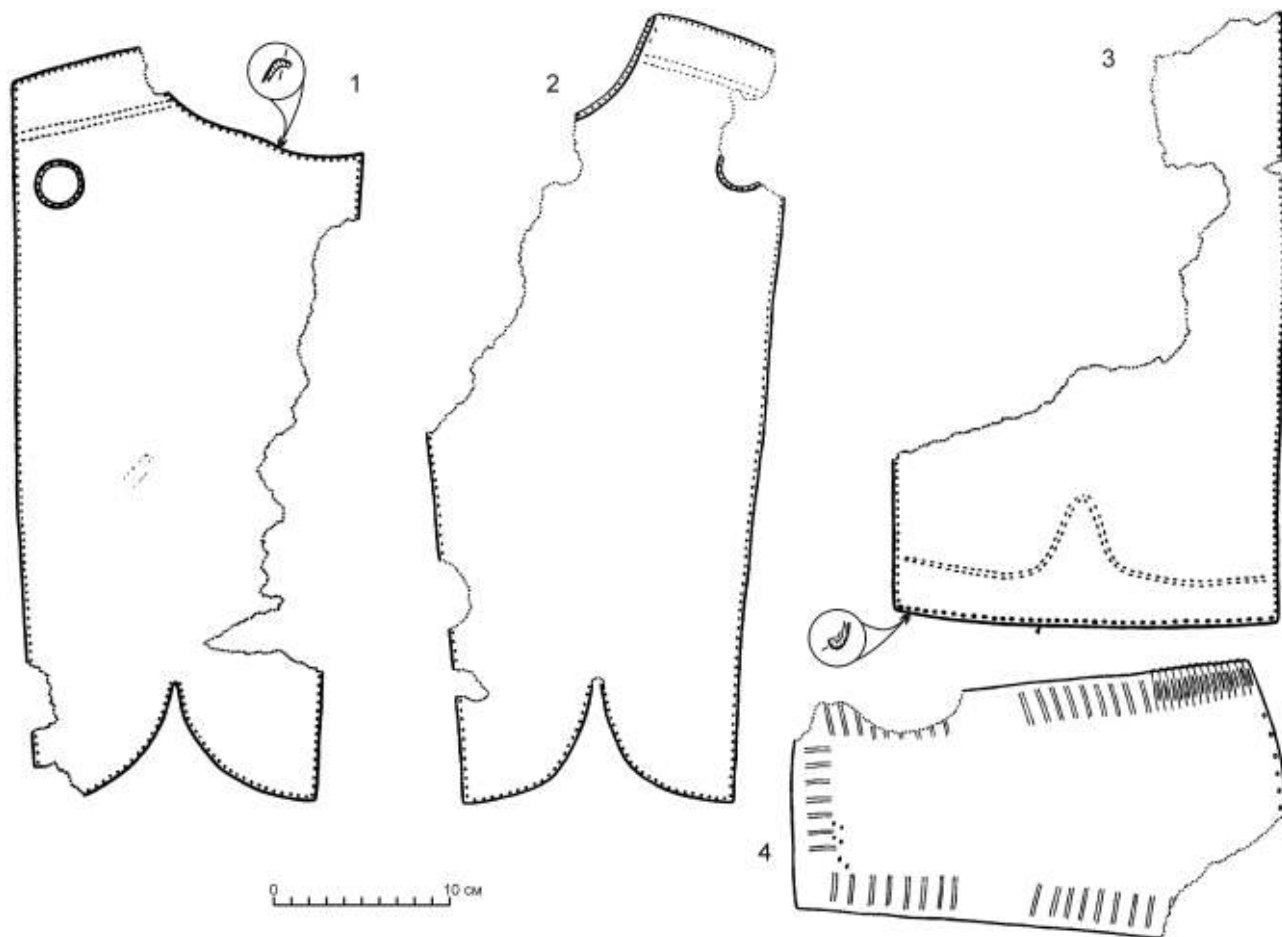

Рис. 3. Графическое изображение деталей обуви: 1–3 — погребение № 87; 4 — погребение № 78
 Fig. 3. Drawings of parts of footwear: 1–3 — burial no. 87; 4 — burial no. 78

русских городов (Курбатов, 2015. С. 486–487). Она не была воспринята в странах Западной и Северной Европы в то время. Поэтому в Королевском историческом музее в Стокгольме обувь подобной конструкции выставлена как раритет — подношение татарской делегации (Swann, 2001. Fig. 103). Некоторые технические приемы пошива, такие как низкий карман задника, овальная нашивка на него, более яркая окраска (тонировка) поверхности кожи, позволяют предполагать пошив сапог в Новгороде, где сохранялся высокий технический потенциал в кожевенном деле. Такие сапоги были найдены в могильнике Кюлялахти Калмистомяки на Карельском перешейке, где также отнесены к первой половине XVI в. (Курбатов, Бельский, 2014. С. 161 и сл.).

Знаки на подошвах сапог. Интересной особенностью сохранившихся сапог можно назвать тисненные линии на плантарной стороне подошв, соприкасавшейся с почвой. Такие линии найдены на подошвах в двух погребениях. Линии сделаны на мерее горячей металлической полосой шириной 1,0–1,5 мм, возможно, обушком ножа. В погребении № 59 (рис. 1, 8.2) в передней части подошвы, под плюсной стопы, по продольной оси проведена линия, не достигающая носка. С двух сторон на нее наложены две изогнутые линии, образуя в плане двояковыпуклую линзу. В погребении № 83 (рис. 2, 1.1) отпечаток знака расположен под сводом стопы. Он включает три линии, две из которых расходятся в стороны по направлению к носку, а третья лежит на продольной оси подошвы.

Башмаки

Они найдены только в погребении № 77 (рис. 1, 7.1–7.4) и, судя по размеру, принадлежали подростку. Башмаки включали остроносую подошву, загнутую к пятке, головку, одну деталь парных берцев (составляли задник) и четыре кожаных каблучных флика. Не сохранились деревянная основа каблука, его кожаная обшивка и одна деталь берцев.

С формами такой обуви можно связывать использование каблуков, что фиксируют находки на разных археологических памятниках. Само появление этого типа обуви в русских городах следует ограничивать временем широкого употребления его названия (слова «башмак») в русском языке, то есть последней четвертью XVI в. В описи имущества Ивана Грозного записано: «[1583] Башмаки сделати светло зелены», а в приходно-расходной книге Антониева монастыря читаем: «[1580] Куплено...сапоги телятинные башмашные красные» (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 1. С. 82). Название обуви отражено и в ранних списках Домостроя при описании свадебного «чина»: «И какъ будет готово и друшка придет, и онъ встав в башмаки, и шубу нагольную на себя да шапку подскорную, поидет закрывся рукавом» (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 16. С. 57). В то же время появление русских личных прозвищ «Башмак» относится к XV в. Оно встречается в Софийском временнике, по списку XV–XVI вв., под 6955/1447 г. (*Вахрос*, 1959. С. 67–68). Известна купчая, составленная около 1490–1500-х гг., где по слухом назван Дмитрий Башмак Иван сын Романова (Акты СЭИСВР, 2, 1958. С. 257). Здесь можно отметить интересный момент — в русском языке термин заимствован из тюркских языков (*Шанский и др.*, 1971. С. 38; *Фасмер*, 1996. Т. 1. С. 139), тогда как называемые этим словом модели обуви имеют западное происхождение.

Низкие многочастные модели обуви XVI–XVII вв., подобные кемской находке, известны в Ивангороде, Мангазее, Пустозерске, Москве, Смоленске и других городах. Например, коллекция из Ивангородской крепости 1990 г. происходит из заполнения рва(?)

конца XVI — первой половины XVII в. и имеет в основе детали низкой обуви двух конструкций. В первой использован выворотный метод соединения верха и подошвы швом «в подтай». Вторая конструкция, доминирующая в коллекции, является развитием ранних моделей. Башмаки из Мангазеи относятся к первой половине XVII в. Их отличает большое число деталей, сложность раскроя и сборки. Фасоны обуви различаются формой, высотой и шириной каблуков (*Курбатов, Овсянников*, 1999; *Курбатов*, 1995; 2010). Декор башмаков разнообразен. По размерам башмаки были женской обувью — *котами*.

Региональным видом позднесредневековых башмаков русского населения Сибири можно назвать *уледи*, изученные в Мангазее. В их конструкции использована толстая широкая подошва, без каблука или подпяточных подкладок. В большинстве моделей использован крой верха в одну деталь, с суконной обшивкой по верхнему краю (*Курбатов*, 2010). Эта обувь конструктивно отличается от западноевропейских моделей.

Высказанное ранее мнение о появлении в русских городах каблуков как самостоятельной детали обуви во второй половине XVI в. сегодня подтверждают исследования разных специалистов. Аналогичная ситуация отмечается и в городах Беларуси (*Дук, Штыхов*, 2012. С. 364).

Погребальные тапки

Специальные «погребальные тапки» встречены только в одном погребении — № 88 (рис. 2, 2). Они представляют собой прямоугольные раскройки из тонкой (1,0 мм) кожи крупного рогатого скота с черненой поверхностью. Шивные регулярные отверстия швов имеются только на коротких противоположных краях раскроек, соответствовавших носку и пятке обуви. В средней части длинных сторон встречено всего по одной прорези длиной 2,5–3,0 см с каждой стороны; в них продевались завязки или ремешки, охватывавшие подъем стопы.

В целом специальную «покойницкую» кожаную обувь из средневековых погребений

можно рассматривать как показатель внедрения в широкие народные массы норм православного религиозного сознания. Археологические находки в погребениях XI–XV вв. из разных земель Руси показывают только обиходную обувь, сходную с изделиями из культурных слоев древнерусских городов. Принципиально иной материал дают некрополи XVI–XVII вв., показывая уже обычай подготовки особой «покойницей» обуви. Она найдена в Новгороде, Пскове, Твери, Антониево-Дымском монастыре (Курбатов, 2002; Курбатов, Ершова, 1998; Курбатов, Григорьев, 2002; Осипов, 2013).

Выводы

Встреченные в погребениях Кемского погоста образцы кожаной обуви определенно указывают на ее пошив в XVI в., а сопоставление этих находок с письменными источниками позволяет более уверенно ограничивать время захоронений второй половиной столетия.

Датирование открытых захоронений представляет определенную трудность, поскольку датирующие вещи в погребениях отсутствуют. Редкими находками являются части кожаной обуви, остатки которых зафиксированы в 28 погребениях и имеют разную степень сохранности. В целом встреченная обувь может быть датирована второй половиной XVI — началом XVII в.

Обнаруженные сапоги принадлежат к типу «жесткой обуви» с характерными конструктивными чертами первой — третьей четверти XVI в. Кроме обуви в трех захоронениях младенцев были обнаружены положенные на грудь нательные крестики и в одном погребении младенца — квадратная нательная иконка (все предметы из медных сплавов). В двух погребениях взрослых людей, возможно, женщин, найдено по одной иголке (или булавке без головки), и еще в одном погребении сохранились два обрывка ткани. Сегодня именно детали обуви позволяют датировать эти захоронения.

Возможно, отдельные погребения следует относить к концу XVI — началу XVII в.,

в частности, погребение № 77, где встречен образец низкой обуви — башмаков определенной конструкции, который мог появиться в Поморье не ранее 80-х гг. XVI в., когда он стал широко распространен в Западной и Северной Европе.

Особый хронологический интервал надо предполагать для погребений № 23 и 24, которые, вероятно, были подложены под стену апсиды Успенского придела с южной стороны. Меньшая глубина отрыва ям для них относительно уровня древней дневной поверхности по сравнению с другими захоронениями предполагает позднее время захоронений, которое надо ограничивать пределами XVIII–XIX вв. Эти захоронения прорезают слой горелого дерева, прослеженный при раскопках под основанием трапезной, сеней и трех приделов церкви (Никольского, Успенского и Зосимо-Савватиевского) на всей площади собора. Мощность угольного слоя, вне западин, на некоторых участках составляла 5–10 см, а под Никольским приделом доходила до 20–25 см. В этом слое надо видеть результат пожара, случившегося в XVIII–XIX вв., когда церковь полностью сгорела.

Намек на пожар и уничтожение церкви имеется в Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской епархии: «Нынешний соборный приходской храм устроен в 1714 г. и возобновлен в последний раз в 1889 г.; при всем том в настоящее время он ветх; а до возобновления он был даже совсем закрыт...» (Краткое историческое описание..., 2015. С. 114).

Встреченные в погребениях № 59 и 83 подошвы сапог с тисненными знаками позволяют пересмотреть взгляд на традицию клеймения обуви русскими мастерами в сторону ее удревнения. В рецензии на работу Д. О. Осипова о коллекции кожаных изделий из Московского Кремля автор отмечал интерес к находкам подошв с тисненными знаками, которые можно считать знаками мастеров или оптовых торговцев обувью (Курбатов, 2016. С. 216). На сегодня сложилось представление о появлении таких знаков-клейм в русских городах на изделиях не ранее первой половины

- XVII в. Д. О. Осипов в своей монографии называет вторую половину столетия (Осипов, 2014. С. 48), хотя в других своих работах он писал о появлении знаков на обуви в русских городах в первой половине XVII в. (Осипов, Соболев, 2014. С. 353). Подтверждением нашего мнения служит большой комплекс обуви из заполярного города Мангазеи, где встречены 33 клейма десяти разновидностей (на 19 % подошв «с крокулем») (Визгалов и др. 2011. С. 51–52). Основная часть коллекции может быть датирована периодом до 1642 г., когда город сильно выгорел и большинство жителей (стрельцы, промышленники и администрация) переселились в Новую Мангазею — Турханск (Курбатов, 2010. С. 227; 2014б. С. 188).
- Таким образом, в связи с новыми находками в Кеми можно поставить вопрос о пересмотре места и времени первого клеймения обуви русскими мастерами. Можно предположить, что во второй половине XVI в. первыми это стали делать сапожники в Новгороде.
-
- Акты СЭИСВР — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.: В 3 т. / Отв. ред. Б. Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1952–1964. Т. 1 / Сост. и примеч. С. Б. Веселовского; послесл. Л. В. Черепнин. 1952. 803 с.; Т. 2 / Сост. И. А. Голубцов. 1958. 727 с.; Т. 3 / Сост. И. А. Голубцов. 1964. 686 с.
- Андреанова, 2011 — Андреанова Л. С. Коллекция кожаных изделий XV–XVII вв. из Вологды (по материалам раскопок 2007–2008 гг. на проспекте Победы, 20) // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород: Новгородский технопарк, 2011. Т. II. С. 211.
- Андреанова, Фёдоров, 2012 — Андреанова Л. С., Фёдоров А. С. Кожаная обувь из раскопок на Кремлевской площади в Вологде // Археология Севера / Ред. А. В. Кудряшов. Череповец: Череповецкое музейное объединение, 2012. Вып. 4. С. 82–91.
- АСМ, 1988 — Акты социально-экономической истории севера России конца XV — XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. / Сост. И. З. Либерзон. Л.: Наука, 1988. 273 с.
- АСМ, 1990 — Акты социально-экономической истории севера России конца XV — XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. / Сост. И. З. Либерзон. Л.: Наука, 1990. 328 с.
- Бахрушин, 1952 — Бахрушин С. В. Научные труды. Т. I. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в. М.: Изд. АН СССР, 1952. 263 с.
- Буров, 2001 — Буров В. А. Надгробная плита 1575 г. Михаила Озерова из Соловецкого монастыря // РА. 2001. № 2. С. 132–134.
- Вахрос, 1959 — Вахрос И. С. Наименования обуви в русском языке. 1. Древнейшие наименования до петровской эпохи // Ежегодник Института по изучению СССР и Финляндии. Приложение к № 6/10. Хельсинки, 1959. 271 с.
- Визгалов и др., 2011 — Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2011. 216 с.
- ГВНП, 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.
- Дук, Штыхов, 2012 — Дук Д. В., Штыхов Г. В. Кожевенно-обувное ремесло // Полоцк / Гл. ред. А. А. Коваленя. Минск: Беларуская навука, 2012. С. 363–365 (Древнейшие города Беларуси).
- Ключевский, 1990 — Ключевский В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Ключевский В. О. Собрание сочинений: В 9 т. / Под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1990. Т. 8. Статьи / послесл. В. А. Александрова; коммент. составили В. А. Александров, В. Г. Зимица. 445 с.
- Краткое историческое описание..., 2015 — Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 2015. 528 с.
- Курбатов, 1991 — Курбатов А. В. Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980–1986 гг.) // КСИА. 1991. Вып. 205: Славяно-русские древности. С. 71–76.

- Курбатов, 1995 — Курбатов А. В. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // РА. 1995. № 2. С. 198–208.
- Курбатов, 2002 — Курбатов А. В. Погребальная обувь средневековой Руси // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. № 9. С. 155–172.
- Курбатов, 2006 — Курбатов А. В. Кожаные предметы из раскопок IVA и XIV на ул. Ленина // АиИППЗ. Материалы LI научного семинара. Псков, 2006. С. 87–112.
- Курбатов, 2007 — Курбатов А. В. Этапы освоения Севера в связи с развитием кожевенного ремесла средневековой России // АВ. М.: Наука, 2007. Вып. 14. С. 157–165.
- Курбатов, 2010 — Курбатов А. В. Культура и ремесло русского заполярного города: кожаные изделия Мангазеи по раскопкам 2001–2007 гг. // ЗИИМК. 2010. № 5. С. 211–230.
- Курбатов, 2012 — Курбатов А. В. Спорные вопросы в изучении кожевенного ремесла средневековой России // АВ. 2012. № 18. С. 162–173.
- Курбатов, 2014а — Курбатов А. В. Новые исследования по кожевенному ремеслу в средневековой Европе // Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. Вып. 4 / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 76–107.
- Курбатов, 2014б — Курбатов А. В. Традиции кожевенного ремесла в Сибири (по материалам раскопок Мангазеи в 2001–2007 гг.) // Археология Арктики / Ред. Н. В. Федорова. Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. Вып. 2. С. 182–204.
- Курбатов, 2015 — Курбатов А. В. Обувная мода в средневековой Руси // ТАС. Тверь, 2015. Вып. 10. Т. II. С. 467–495.
- Курбатов, 2016 — Курбатов А. В. Кожевенное ремесло в средневековой Москве. Рец. на кн.: Осипов Д. О. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.: ООО «Издательский дом «АКТЕОН», 2014 // АВ. 2016. Вып. 22. С. 213–222.
- Курбатов, Бельский, 2014 — Курбатов А. В., Бельский С. В. Изделия из кожи в погребениях грунтового могильника Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладжье // ЗИИМК. 2014. № 9. С. 161–168.
- Курбатов, Григорьев, 2002 — Курбатов А. В., Григорьев Д. Н. Исследования в Антониево-Дымском монастыре // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры: Шестые чтения памяти А. Мачинской (Старая Ладога, 21–23 декабря 2001 г.). СПб.: СИААМЗ, 2002. С. 191–195.
- Курбатов, Еришова, 1998 — Курбатов А. В., Еришова Т. Е. Погребальная обувь из раскопок псковской «скудельницы» XVI в. // Церковная археология. СПб., 1998. Вып. 4: Материалы Второй Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1848–1917) (Санкт-Петербург, 1–3 ноября 1998 г.). С. 103–139.
- Курбатов, Овсянников, 1999 — Курбатов А. В., Овсянников О. В. Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) // АВ. 1999. № 6. С. 245–271.
- Курбатов, Харлашов, 2004 — Курбатов А. В., Харлашов Б. Н. Кожевенное производство древнего Пскова по материалам Васильевского раскопа 1990 г. // АиИППЗ. Материалы 50 научного семинара. Псков: ПГОИАХМЗ, 2004. С. 137–153.
- Материалы по истории Карелии, 1941 — Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск: Госиздат Карело-Фин. ССР, 1941. 440 с.
- Ополовников, 1989 — Ополовников А. В. Сокровища Русского Севера. М.: Стройиздат, 1989. 367 с.: ил.
- Осипов, 2013 — Осипов Д. О. Обувь из погребений и погребальная обувь // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2013. Вып. 9. С. 140–151.
- Осипов, 2014 — Осипов Д. О. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.: ООО «Издательский дом «АКТЕОН», 2014. 269 с.
- Осипов, Соболев, 2014 — Осипов Д. О., Соболев В. Е. Коллекция кожаной обуви из раскопок в Смоленске // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М., 2014. Вып. 10. С. 345–361.

- Оятева, 1965 — Оятева Е. И. Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладogi // АСГЭ. Л., 1965. Вып. 7. С. 42–59.
- Савич, 1927 — Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в Древней Руси). Пермь: О-во историч. философских и соц. наук при Пермск. ГУ, 1927. 280 с.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1: А–Б / Сост. Н. В. Бахилина и др.; Гл. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1975. 371 с.; Вып. 16: Поднавсъ — Поманути / Гл. ред. Г. А. Богатова. М.: Наука, 1990. 295 с.
- Фасмер, 1996 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Изд. 3-е. СПб.: Азбука, ИЦ «Терра», 1996. Т. 1, 576 с. Т. 2, 672 с. Т. 3, 832 с. Т. 4, 864 с.
- Хартанович, Шахнович, 2009 — Хартанович В. И., Шахнович М. М. Материалы к изучению погребального обряда и краниологии населения Северной Карелии (могильник Алозеро) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. / Отв. ред. Ю. К. Чистов, М. А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 104–109.
- Шанский и др., 1971 — Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1971. 542 с.
- Шахнович, 2010 — Шахнович М. М. Средневековая археология северного Прибеломорья (река Варзуга) // НиНЗИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2010. Вып. 24. С. 63–79.
- Шахнович, 2011 — Шахнович М. М. Новые средневековые находки в Русской Лапландии // НиНЗИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2011. Вып. 25. С. 100–113.
- Шахнович и др., 2012 — Шахнович М. М., Галлеев Р. М., Лейбова (Суворова) Н. А., Хартанович В. И. Археолого-антропологические работы в 2011 году в с. Варзуга (Мурманская обл.) // НиНЗИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2012. Вып. 26. С. 149–166.
- Шахнович, Ширококов, 2013 — Шахнович М. М., Ширококов И. Г. Позднесредневековый некрополь с. Варзуга: итоги работ 2011–2012 гг. // НиНЗИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2013. Вып. 27. С. 97–113.
- Шахнович, Ширококов, 2014 — Шахнович М. М., Ширококов И. Г. Археологическое обследование церкви Рождества Пречистой Богородицы в г. Кандалакша в 2013 г. // НиНЗИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2014. Вып. 28. С. 174–188.
- Штаден, 1925 — Штаден Г. О Москве Иоанна Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925. 182 с.
- Штаден, 2005 — Штаден Г. О Москве Иоанна Грозного / Подготовка изд. А. И. Цепков. Рязань: Александррия, 2005. 606 с. (Источники истории).
- Swann, 2001 — Swann J. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 2001. 357 s.

Leather articles and objects accompanying them from excavations of the Kem pogost in 2017

A. V. Kurbatov

Rescue excavations of the Kem pogost (churchedyard) in 2017 continued the active archaeological investigations of mediaeval sites of Northern Russia. The excavations uncovered 117 burials. In 28 of the latter, remains of leather footwear were found. In addition, surface finds of five parts of high boots and a fragment of a *porshen* (leathern sandal) were examined. This footwear is characteristic of the Pomor population of Northern Russia while its design, the manner of cut and sewn-on decoration positively indicate that it was manufactured in the 16th century. Collation of these finds with written sources enables us to limit with confidence the time of the burials to the second half of that century or the beginning of the 17th century.

The dating of the burials is rather difficult because of the absence of individual grave goods there. At the same time, the high boots uncovered in the graves belong to the type of the 'rigid footwear' with the characteristic construction features of the first to third quarter of the 16th century. Along with the footwear, in three of the baby burials, cross pendants and, in one burial of a baby, a square icon were found put on the breast. All these objects were from copper alloys. In addition, in two graves of adults, possibly women, a needle (or a pin without a head) were found in each, while two textile scraps were preserved in yet another burial. By now, exactly the parts of footwear from this collection can indicate most definitely the date of the graves.

Presumably, some of the burials are datable to the late 16th — early 17th century. In particular, it is burial no. 77 where an example of low footwear, i.e. a shoe of a certain design, was found. This type of shoes can have appeared in Pomorye not earlier than the 1580s when it became widely used in Western and Northern Europe.

A particular chronological range may be proposed for two burials (nos. 23 and 24) which probably were made under the wall of the apse of the Assumption side chapel on the south. The smaller depth of their pits from the level of the ancient surface as compared with other burials suggests a later date of the interments limited probably to the period of the 18th to 19th century. These graves had cut through the layer of burnt wood traced by excavations under the base of the refectory, inner porch and three aisles (St Nicholas, Dormition and St Zosima and St Savvaty) of the church throughout the entire area of the cathedral. The thickness of the charcoal layer was 5–10 cm at some areas, excluding depressions, while under the St Nicholas aisle it reached 20–25 cm. This layer must have been a result of the fire occurred sometime in the 18th or 19th century when the church was completely burnt.

The boot soles with embossed signs found in burials nos. 59 and 83 enable us to revise in favour of an older date the view on the tradition of stamping footwear by Russian leather dressers. By now, the opinion has been established about the appearance of the trade marks of this kind in Russian towns not earlier than the first half of the 17th century. The new finds from Kem induce us to reconsider the place and time of the first stamping of footwear by Russian artisans. It is probable that the first shoemakers who stamped their products were those from Novgorod of the second half of the 16th century.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Комплекс раннескифского времени кургана № 11 могильника Лебеди V в Прикубанье

А. В. Пьянков, Т. В. Рябкова, Ю. В. Зеленский¹

Аннотация. Работа является первой публикацией материалов погребения № 8 кургана № 11 могильника Лебеди V, исследованного в 1980 г. в Прикубанье. Анализ комплекса, включающего акинак, боевой топор, железные ножи, амфору производства Теоса, оселок, колчаный набор из 99 наконечников стрел и бронзовую пронизь, продемонстрировал тесные связи с памятниками Центрального Кавказа и Предкавказья, позволил определить дату в пределах последнего десятилетия VII в. до н. э. и связать с кругом памятников, относящихся ко времени возвращения воинских объединений из Передней Азии через перевалы Кавказа.

Annotation. This paper is the first publication of materials from burial no. 8 in kurgan no. 11 at the cemetery of Lebedi V excavated in 1980 in the Kuban River region. Analysis of the assemblage containing a sword-acinaces, a battleaxe, iron knives, an amphora from Teos, a whetstone, a quiver set of 99 arrowheads, and a bronze spacer-bead has demonstrated close links with sites of the Central Caucasus and Ciscaucasia. It has allowed also to establish its date within the last decade of the 7th century BC and to associate the cemetery with the circle of sites belonging to the period of the return of military unions from Western Asia through passes of the Caucasus.

Ключевые слова: раннескифское время, походы через Кавказ, амфора производства Теоса, секира, клевец, акинак.

Keywords: early Scythian period, raids through the Caucasus, amphora from Teos, poleaxe, bec de faucon, acinaces.

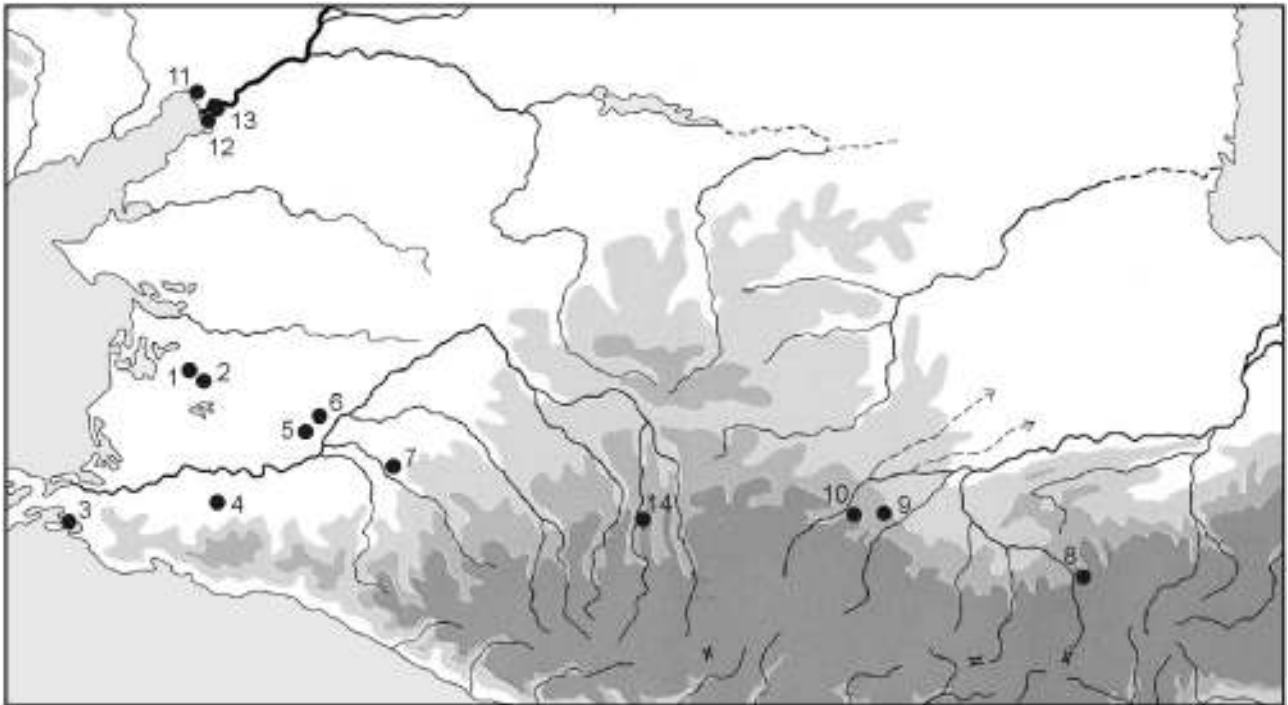
DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-206-228

В Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. Д. Е. Фелицына (далее — КГИАМЗ)

---

¹ Пьянков А. В. — ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция». Ул. Красноармейская, 90, оф. 7, г. Краснодар, 350000, Россия. E-mail: a.v.pyankov@gambler.ru; Рябкова Т. В. — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж. Дворцовая наб., 34, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: ryabkova-tatyana@mail.ru; Зеленский Ю. В. — Отдел археологических фондов, Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына. Ул. Гимназическая, 7, г. Краснодар, 350000, Россия. E-mail: yuriy_zelenskiy@mail.ru.

хранятся материалы из погребения № 8 кургана № 11 могильника Лебеди V, исследованного в 1980 г. в Калининском районе Краснодарского края (рис. 1, 1). Этот необычный и весьма интересный комплекс, относящийся к раннескифскому времени, известен только по документации КГИАМЗ: в 1980 г. предметы из него были переданы на хранение по акту № 5450. Согласно полевому отчету В. А. Скарбовенко, в 1980 г. отряд Средневожской археологической экспедиции Куйбышевского университета проводил раскопки курганных могильников на Кубано-Приазовской низменности близ р. Понура — в зоне строительства Понуро-Калининской

Рис. 1. Памятники с железными топорами и акинаками, шаровидными ребристыми пронизями и/или античными сосудами на Кавказе и в Предкавказье: 1 — Лебеди V, курган № 11, погребение № 8; 2 — Лебеди II, курган № 6, погребение № 2; 3 — погребение у Цукур-Лимана; 4 — Ципилиевский кут, курган № 7; 5 — могильник Динской-4, курган № 3, погребение № 5; 6 — могильник Динской-4, курган № 4, погребение № 3; 7 — Келермес, курган № 1 Ш; 8 — Тлийский могильник, погребения № 93, 103, 128, 129, 139, 164, 205, 216, 298; 9 — Нижне-Чегемский могильник; 10 — Верхний Баксан; 11 — Хапры, курган № 1, погребение № 25; 12 — Красногоровка-III, курган № 14, погребение № 5; 13 — Новоалександровка, курган № 7, погребение № 8; 14 — Нижний Архыз

Fig. 1. Sites with iron axes and akinaces, spherical ribbed spacer beads and/or pottery of Classical period in the Caucasus and Ciscaucasia: 1 — Lebedi V, barrow no. 11, burial no. 8; 2 — Lebedi II, barrow no. 6, burial no. 2; 3 — burial near Tsukur-Liman; 4 — Tspiliyevsky Kut, barrow no. 7; 5 — cemetery of Dinskoy-4, barrow no. 3, burial no. 5; 6 — cemetery of Dinskoy-4, barrow no. 4, burial no. 3; 7 — Kelermes, barrow no. 1 Ш; 8 — Tli cemetery, burials nos. 93, 103, 128, 129, 139, 164, 205, 216, 298; 9 — Lower Chegem cemetery; 10 — Upper Baksan; 11 — Khapry, barrow no. 1, burial no. 25; 12 — Krasnogorovka-III, barrow no. 14, burial no. 5; 13 — Novoaleksandrovka, barrow no. 7, burial no. 8; 14 — Lower Arkhyz

оросительной системы на землях колхоза «Заря» в Калининском районе Краснодарского края (Скарбовенко, 1980). Обязанности начальника экспедиции исполнял Э. Л. Дубман, руководителя отряда — В. А. Скарбовенко. Всего исследованы шесть курганных могильников, получившие названия Лебеди IV, V, VI, VII, VIII и IX, в которых раскопан 41 курган и 376 погребений (Там же. С. 1–2). На востоке территория, обследованная отрядом Средневожской экспедиции, смыкалась с районами работ Северо-Кавказской экспедиции ИА АН

СССР, которую возглавлял И. С. Каменецкий (Каменецкий, 1981. С. 103).

Могильник Лебеди V (рис. 2) изображен на общей схеме расположения могильников Лебеди IV–IX (Скарбовенко, 1980. Рис. 1). Он находился в 14 км к северо-востоку от хут. Лебеди. В отчете информация об этом могильнике отсутствует, но на плане видно, что курган № 11 находился примерно в 50 м к юго-западу–западу от других курганов могильника (рис. 3) и фактически стоял отдельно (Там же. Рис. 2). Несмотря на отсутствие

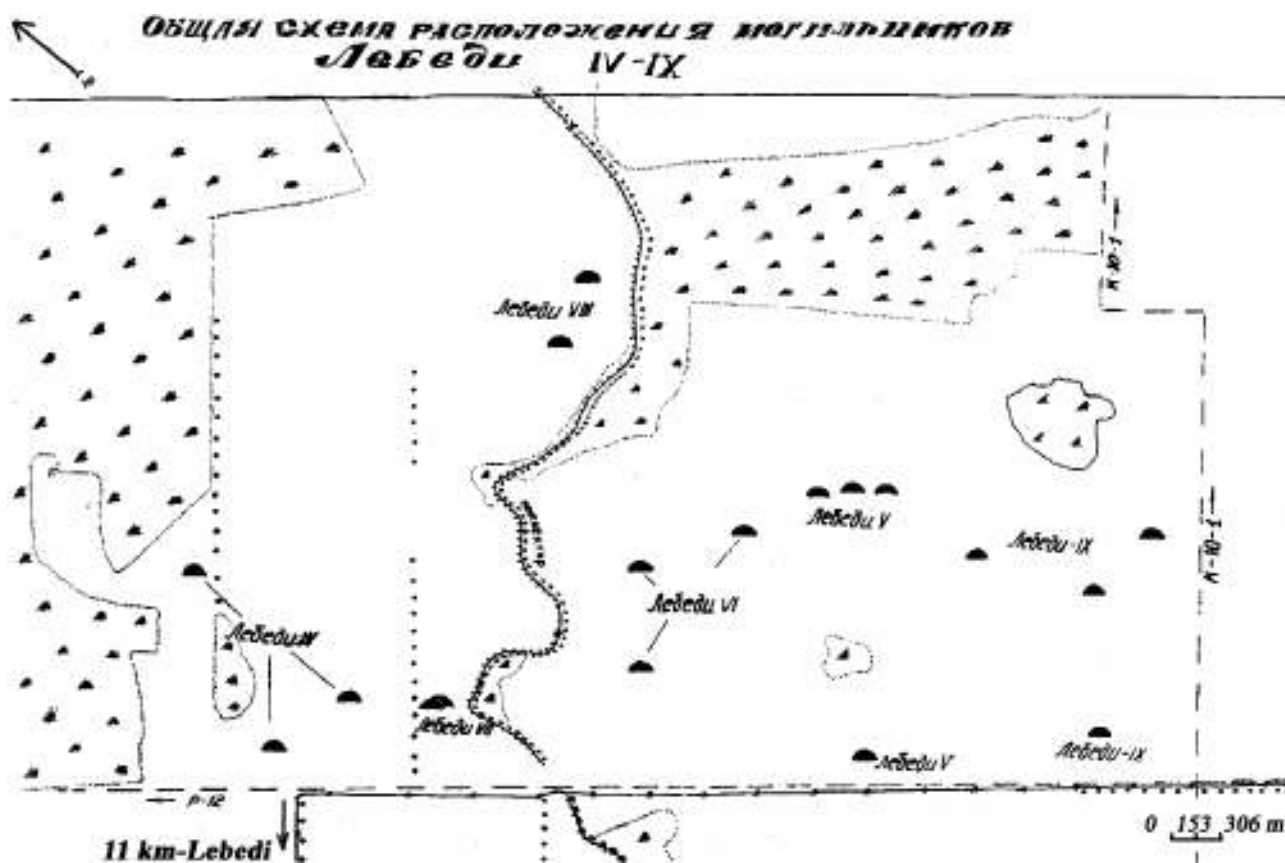

Рис. 2. Могильники Лебеди IV — Лебеди IX, план-схема (Скарбовенко, 1980. Рис. 1)

Fig. 2. Cemeteries of Lebedi IV — Lebedi IX, schematic plan (Скарбовенко, 1980. Рис. 1)

сведений о могильнике, погребальном обряде, конструкции подкурганного сооружения, но учитывая неординарность и важность комплекса, мы приняли решение опубликовать материалы погребения № 2 кургана № 11 могильника Лебеди V как музейную коллекцию (КМ 5450/78-86). При подготовке публикации комплекса некоторые предметы были заново отреставрированы, рисунки выполнены Е. Г. Пьянковой. Описания предметов приводятся в соответствии с описью в акте приемки-сдачи № 5450. Количество предметов также приведено в соответствии с описью; однотипные наконечники стрел и некоторые из указанных в описи наконечников на рисунках не отображены.

Колчаный набор комплекса состоит из 99 наконечников стрел, из которых большая часть отлита из бронзы, три — костяные, два — железные. Основная масса наконечников относится к стандартным типам, выделен-

ным А. И. Мелюковой (Мелюкова, 1964). Описание набора дано по типам наконечников.

Двухлопастные бронзовые наконечники без шипов и с шипами (инв. № КМ 5450/82; рис. 4, 1, 2) составляют незначительную часть в наборе (7 экз.). Их длина 3,2–4,2 см, диаметр втулки 0,4–0,6 см. Перо листовидной формы, максимальная ширина пера достигает 1,1–1,3 см, втулка составляет половину длины наконечника, у двух экземпляров на втулке шип. Они относятся к типу, широко представленному в архаических скифских памятниках (отдел I, тип 2, варианты 1–2, по А. И. Мелюковой).

Двухлопастные бронзовые наконечники с лопастью, переходящей в шип (инв. № КМ 5450/82; рис. 4, 3–10) представлены в колчане 11 экземплярами. Их длина 3,8–4,5 см, диаметр втулки 0,4–0,6 см. Перо овальной формы: максимальная ширина 0,9–1,4 см, втулка составляет около четверти длины наконечника, одна лопасть переходит в шип. На лопасти

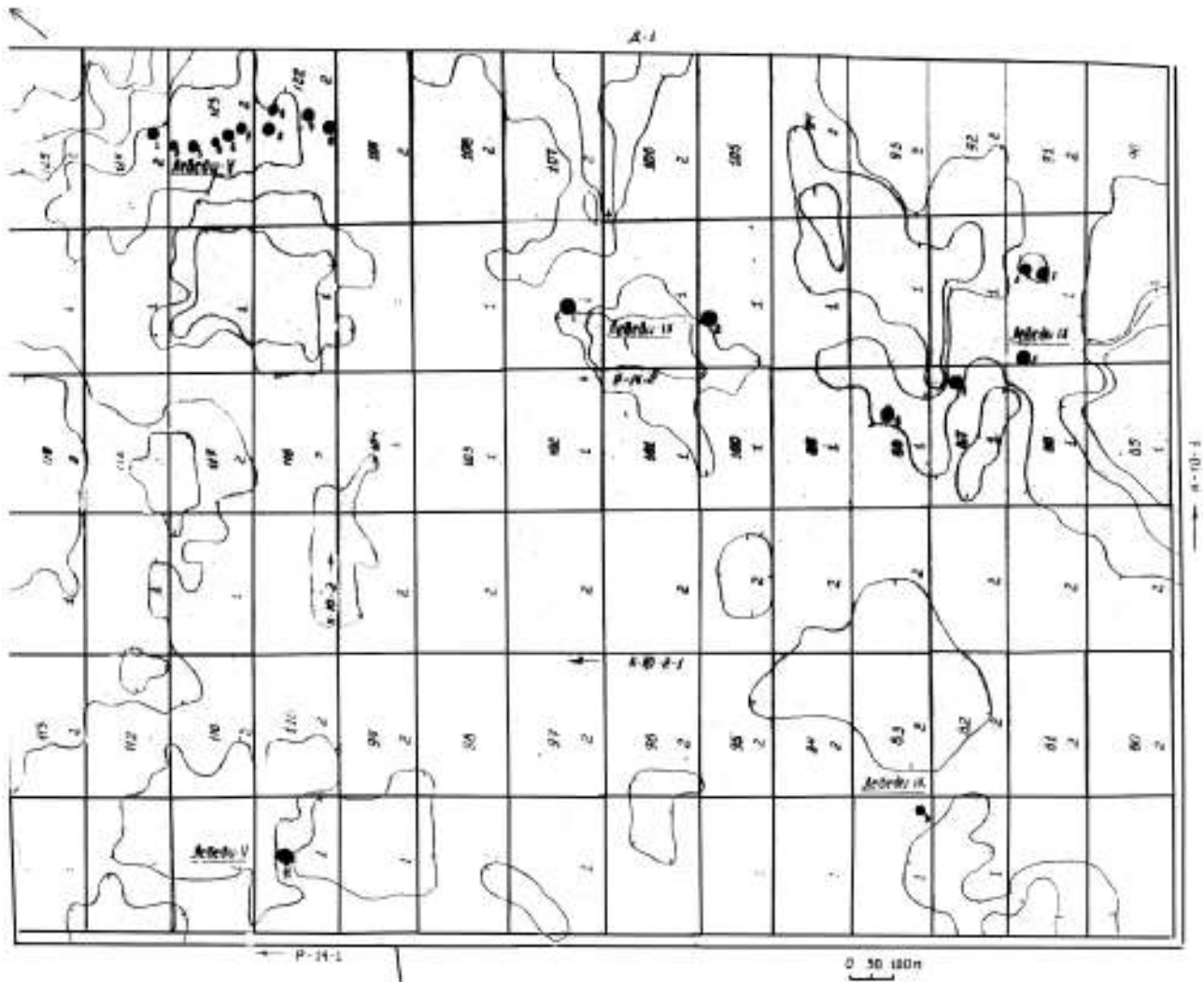

Рис. 3. Могильники Лебеди V, план-схема (Скарбовенко, 1980. Рис. 2)

Fig. 3. Cemeteries of Lebedi V, schematic plan (Скарбовенко, 1980. Рис. 2)

одного из наконечников знак, напоминающий букву W (рис. 4, б). Такие наконечники (отдел I тип 4, по А. И. Мелюковой) в скифских колчанах встречаются редко (см. сводку Дараган, 2016. С. 67) и обычно представлены 1–2 экземплярами. Исключениями являются лишь колчаные наборы из кургана Старшая Могила, где обнаружено четыре таких наконечника (Ильинская, 1975. Табл. II, 15–18) и из погребения у Цукур-Лимана на Тамани, где найдено семь экземпляров (Прушевская, 1917. Рис. 17, 1–6, 8). Наконечник со знаком на лопасти, напоминающим букву W (рис. 4, б), имеет аналогии в материалах поселения у с. Михайловка, городища Смоленице-Мольпир,

Западного укрепления Бельского городища (Дараган, 2015. С. 164). Не исключено, что эти редкие наконечники стрел маркируют некий очень короткий этап в развитии скифской материальной культуры.

Двухлопастной наконечник из железа (инв. № КМ 5450/82; рис. 4, 11) относится к тому же типу, что и бронзовые наконечники в этом наборе. Длина сохранившейся части 3 см, диаметр втулки 0,6 см. Перо листовидной формы, выкрошилось, втулка составляет около $\frac{1}{3}$ длины наконечника. Еще один трехлопастной наконечник из железа не сохранился, но судя по описанию относился к обычному типу трехлопастных наконечников

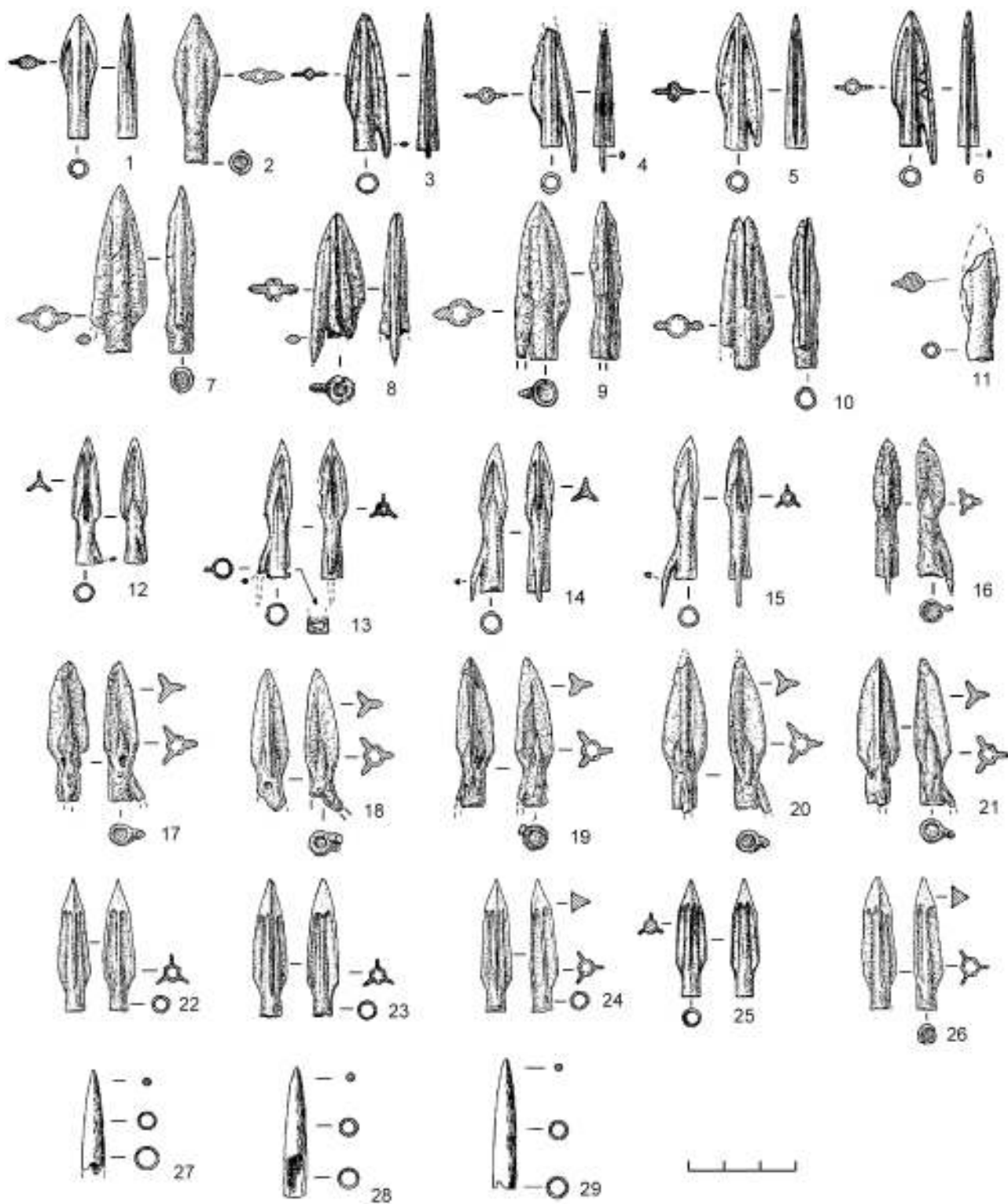

Рис. 4. Могильник Лебеди V, курган № 11, погребение № 8. 1-29 — погребальный инвентарь, наконечники стрел. 1-10, 12-26 — бронза; 11 — железо; 27-29 — кость

Fig. 4. Cemetery of Lebedi V, barrow no. 11, burial no. 8. 1-29 — grave goods, arrowheads. 1-10, 12-26 — bronze; 11 — iron; 27-29 — bone

с выделенной втулкой: его длина 3,5 см, диаметр выступающей втулки 0,6 см. Как правило, двух- и трехлопастные железные наконечники встречаются в колчаных наборах в небольшом количестве (Мелюкова, 1964. С. 18). Единичными экземплярами представлены двух- и трехлопастные железные наконечники в погребении у Цукур-Лимана (Прушевская, 1917. Рис. 18), погребении № 25 кургана Хапры (Максименко, 1983. Рис. 9, 15), погребении № 5 у с. Куланурхва (Трапиш, 1951. Табл. II, 8–12), кургане № 2 у с. Перебыковцы (Смирнова, 1993. Рис. 9, 13, 14) и др. В кургане Старшая Могила двухлопастные железные наконечники стрел (40 экз.) составляют значительный процент (Ильинская, 1975. Табл. II, 8–10).

Трехлопастные бронзовые наконечники (инв. № КМ 5450/82; рис. 4, 12–16) представлены тремя разными типами. Первый тип составляют наконечники с шипами (8 экз.). Их длина 3,9–5,2 см, диаметр втулки 0,4–0,6 см. Перо листовидной формы, максимальная ширина 0,7–0,8 см, втулка составляет около половины длины наконечника, шип длиной 1,0–1,5 см прикреплен в средней или нижней части втулки (отдел II, тип 1, вариант 2, по А. И. Мелюковой). Второй тип составляют наконечники (инв. № КМ 5450/82; рис. 4, 17–21), отличающиеся пропорциями и размерными характеристиками (16 экз.). Длина 4,1–5,5 см, диаметр втулки 0,6–0,7 см. Перо остролистной формы, максимальная ширина 0,9–1,0 см, втулка составляет около трети длины наконечника, шипы у большей части обломаны, прикреплены в верхней части втулки, сохранившиеся достигают длины 1,5 см (отдел II, тип 2 вариант 1, по А. И. Мелюковой).

К третьему типу относятся трехлопастные бронзовые наконечники без шипов (инв. № КМ 5450/82; рис. 4, 22–26), которые составляют большую часть стрелкового набора (51 экз.). Их длина 3,1–4,0 см, диаметр втулки 0,5–0,6 см. Головка сводчатая, башнеобразная, грани лопастей расположены вертикально, часто почти параллельно другу, лопасти подрезаны под тупым углом к короткой втулке, которая составляет около $\frac{1}{5}$ – $\frac{1}{6}$ длины наконечника. Максимальная ширина пера

0,7–0,9 см, шип отсутствует. У некоторых наконечников во втулках сохранились остатки древков (рис. 6, 1). Близкие им по форме наконечники найдены во втором колчане кургана 2 у с. Перебыковцы (Смирнова, 1993. Рис. 9, 2–5) (рис. 6, 2). Они преобладают в стрелковом наборе так же, как и в колчане из Лебедей V. Отмечая редкость и необычность этих наконечников с «многоугольной головкой и выступающей втулкой», Г. И. Смирнова выделила их в особый вариант наконечников типа 2, по А. И. Мелюковой (Там же. С. 116).

В наборе присутствует **трехгранный бронзовый наконечник** (инв. № КМ 5450/82). Его длина 3,7 см, диаметр втулки 0,6 см. Втулка составляет $\frac{1}{2}$ наконечника, шип отсутствует. Аналогии трехгранному наконечнику (отдел III, тип 1, вариант 3, по А. И. Мелюковой) встречаются в памятниках Прикубанья и Нижнего Дона довольно часто, но они сделаны из железа: могильники Высочино I, курган № 23, погребение № 4; Кавказский, курган № 5, погребение № 8; Высочино V, курган № 30, погребение № 8 и др. (Рябкова, 2003. Рис. 2, 8; 15, 6, 7; 30, 8).

Пулевидные костяные наконечники (инв. № КМ 5450/82; рис. 4, 27–29). Их длина 3,8 см, втулка внутренняя, диаметр втулки 0,6 см (3 экз.). Один экземпляр обломан. Эти наконечники относятся к типу, распространенному еще с предскифского времени. Они часто встречены в погребениях скифского времени, но никогда не составляют крупных серий (Мелюкова, 1964. С. 19).

Железный акинак (инв. № КМ 5450/87; рис. 5, 5; 7, 1). Общая длина сохранившейся части 33,2 см. Навершие брусковидное, рукоять трехваликовая длиной 9,3 см, шириной 3,2 см, перекрестие почковидное, клинок прямой обоюдоострый длиной 17,5 см с выпуклым валиком посередине. Ширина клинка 3,8–3,9 см. Акинак относится к хорошо известному типу архаических скифских акинаков с брусковидным навершием, почковидным перекрестием и прямым обоюдоострым клинком с параллельными лезвиями, сужающимися к последней трети клинка (отдел I, тип 1, по А. И. Мелюковой) (Мелюкова, 1964.

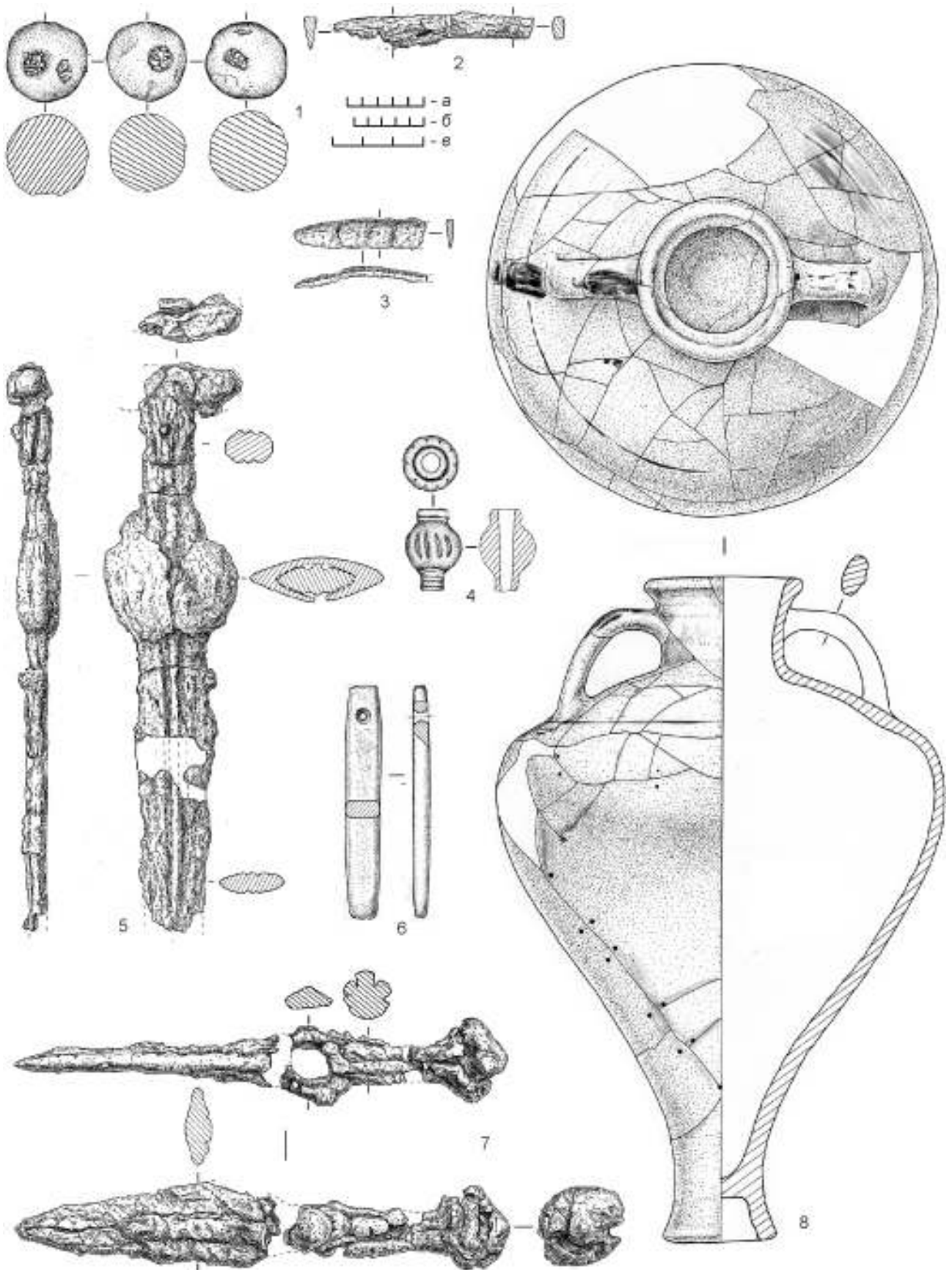

Рис. 5. Могильник Лебеди V, курган № 11, погребение № 8: 1–8 — погребальный инвентарь (1 — камень для пращи; 2, 3 — фрагменты ножей; 4 — пронизь; 5 — акинак фрагментированный; 6 — оселок; 7 — топор боевой; 8 — амфора). 1, 6 — камень; 2, 3, 5, 7 — железо; 4 — бронза; 8 — керамика

Fig. 5. Cemetery of Lebedi V, barrow no. 11, burial no. 8: 1–8 — grave goods (1 — sling missile; 2, 3 — fragments of knives; 4 — spacer-bead; 5 — fragmentary akinaces; 6 — whetstone; 7 — battleaxe; 8 — amphora). 1, 6 — stone; 2, 3, 5, 7 — iron; 4 — bronze; 8 — ceramics

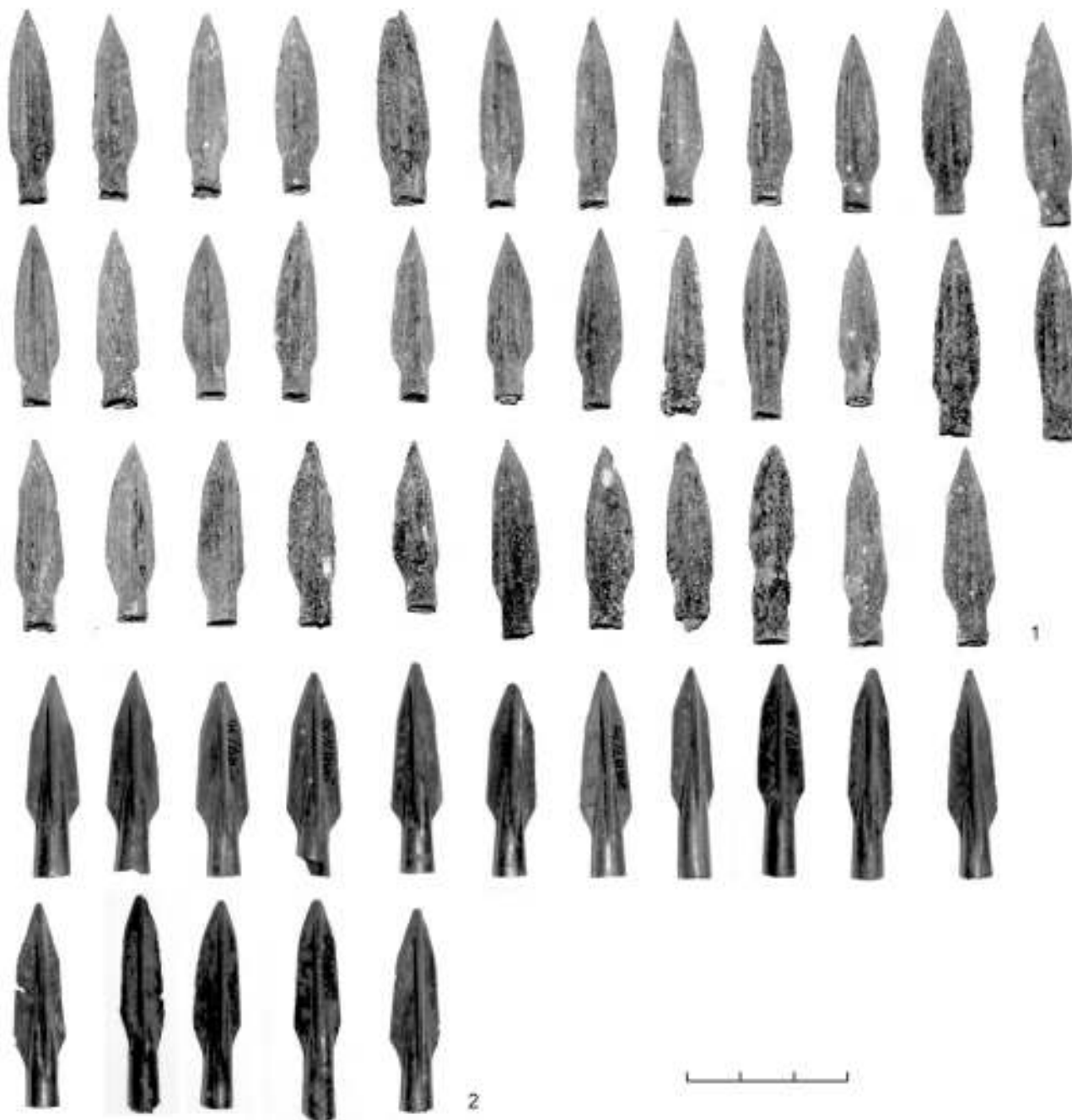

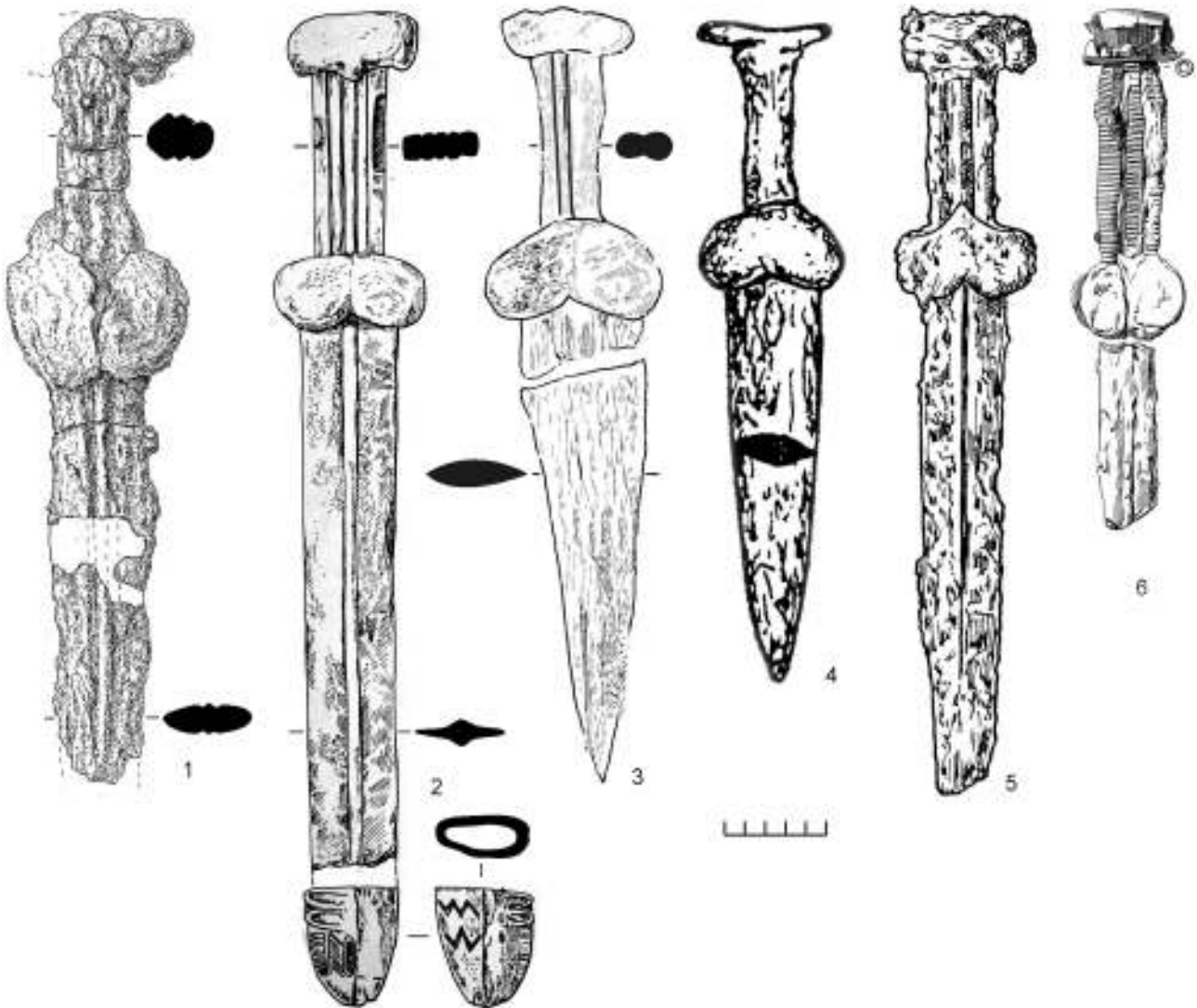
Рис. 6. Трехлопастные наконечники с многоугольной головкой: 1 — Лебеди V, курган № 11, погребение № 8; 2 — Перебыковцы, курган № 2, колчанный набор № 2 (фото Т. В. Рябковой)

Fig. 6. Trilobate points with a polyhedral head: 1 — Lebedi V, barrow no. 11, burial no. 8; 2 — Perebykovtsy, barrow no. 2, quiver set no. 2 (photo by T. V. Ryabkova)

С. 47; Алексеев, 1991. С. 276–277). Длина сохранившейся части предмета (33,2 см) свидетельствует о том, что это скорее меч, чем кинжал. Акинаки с брусковидными навершиями и почковидными перекрестиями относятся к одной из наиболее характерных категорий изделий раннескифской культуры (Алексеев, 2003. С. 52). Отличительными признаками анализируемого акинака являются трехваликовая рукоять и ребро на клинке. Акинаки с такими признаками представлены среди древностей западно-кобанской группы памятников (группа 2, отдел 1, тип I, по В. И. Козенковой) (Козенкова, 1995. С. 61) (рис. 7, 2–2а), встречаются в Закавказье (рис. 7, 5) и на Северо-Западном Кавказе (рис. 7, 6). Наиболее близкой аналогией является акинак из погребения № 164 Тлийского могильника. Акинаки из погребения № 2 кургана № 6 могильника Лебеди II и погребения № 25 кургана № 1 могильника Хапры отличаются подтреугольной формой клинков и гладкими коваными лезвиями (рис. 7, 3, 4). Вполне вероятно, что валки на рукояти и ребро жесткости на клинке являются архаичными признаками, восходящими к мечам кабардино-пятигорского типа (см. Козенкова, 1995. С. 61) и характерными в большей степени для оружия Центрального Кавказа и, возможно, Закавказья.

Железный боевой топор (инв. № КМ 5450/85; рис. 5, 7; 8, 1). Его длина 29,2 см, длина лезвия 16,2 см, максимальная ширина лезвия 5,3 см. Проушное отверстие выделенное, округлой формы, расположено в центре топора. Лезвийная часть оформлена в виде листовидного кинжального клинка, длинный цилиндрический обух заканчивается шляпкой биконической формы. В отверстии были зафиксированы следы дерева от рукояти. Топор относится к категории предметов, широко представленных в скифских погребениях и считающихся маркерами скифской археологической культуры. Изображение топоров на статуях предскифского и скифского периодов, ритуальных сосудах, упоминание золотой секиры среди предметов, упавших с неба в скифской легенде, переданной Геродотом (Геродот, IV, 5), свидетельствуют об особом

назначении этих предметов и, вероятно, особым статусе их владельцев (*Ильинская и др.*, 1980. С. 74). Топор из могильника Лебеди V имеет ряд необычных признаков, позволяющих сопоставить его с топорами-секирами, с одной стороны, и с клевцами — с другой. Листовидная лезвийная часть и длинный цилиндрический обух с биконической шишкой на конце в одном изделии встречаются крайне редко. Например, оружие с лезвийной частью подобной формы из воинского погребения № 258 Тлийского могильника получило название «кинжал-молоток» (*Техов*, 1980. С. 56). Во всех погребениях раннескифского времени Тлийского могильника присутствуют боевые топоры, но предметы, сочетающие детали топора и кинжала, обнаружены лишь в погребениях № 143 и 258 (рис. 8, 2). Отсутствие шишки на конце обуха отличает «кинжал-молоток» из погребения № 258 от топора из Лебедей V. Топоры из Нижне-Чегемского могильника и погребения № 2 Дванского могильника, несколько отличающиеся формой лезвийной части, похожи на анализируемый предмет в большей степени (рис. 8, 3, 4, 7). Обух этих топоров имеет биконическую шишку на конце, а лезвийная часть имеет форму ножа, положение которого по отношению к втулке и даже ребро на лезвии напоминают боек клевца (рис. 8, 4, 6, 8). Пропорции, круглая в сечении втулка и биконическая шишка на длинном обухе клевца из Эшкакона близки топорам из Нижнего Чегема и Дванского могильника (рис. 8, 3, 7). Это позволяет предположить, что серия топоров-секир и клевцов из хронологически близких погребений Нижнего Чегема, а также Дванского могильника демонстрирует процесс трансформации клевца с биконической шишкой на обухе и выделенным отверстием для втулки в топор-секиру (рис. 8, 5). Вероятно, экземпляры из Лебедей V и погребения № 258 Тлийского могильника являются промежуточными звеньями этого процесса. Важно отметить, что использование топоров-секир совершенно нехарактерно для наиболее древних скифских памятников: они отсутствуют в старших курганах Келермеса,

Рис. 7. Мечи: 1 — Лебеди V (инв. № КМ 5450/87); 2 — Минералводский могильник, погребение № 4 (Козенкова, 1995. Табл. XIII, 1); 3 — Лебеди II, курган № 6, погребение № 2 (Рябкова, 2003. Рис. 63, 3); 4 — Хапры, курган № 1, погребение № 25 (Максименко, 1983. Рис. 9, 3); 5 — Тлийский могильник, погребение № 164 (Техов, 1980. Рис. 12, 2); 6 — Келермес, курган № 1 Ш (Галанина, 1997. Табл. 12, кат. 4). 1-6 — железо

Fig. 7. Swords: 1 — Lebedi V (inv. no. КМ 5450/87); 2 — cemetery of Mineralnyye Vody, burial no. 4 (Козенкова, 1995. Табл. XIII, 1); 3 — Lebedi II, barrow no. 6, burial no. 2 (Рябкова, 2003. Рис. 63, 3); 4 — Khapry, barrow no. 1, burial no. 25 (Максименко, 1983. Fig. 9, 3); 5 — cemetery of Tli, burial no. 164 (Техов, 1980. Рис. 12, 2); 6 — Kelermes, barrow no. 1 Ш (Галанина, 1997. Табл. 12, кат. 4). 1-6 — iron

курганах Нартана, могильника Красное Знамя и т. д. Известно, что на самом раннем этапе появления кочевников в Восточной Европе, на Северном Кавказе и в Малой Азии в состав их паноплии входили клевцы, восходящие к «сибирским» прототипам этого оружия (Алексеев, 2003. С. 51). Наличие в погребениях Закавказья и Кавказа изделий, сочетающих

признаки клевца и топора, может служить доказательством того, что возвращение воинских группировок, использовавших в сражении ударное оружие ближнего боя типа клевцов и колющее оружие — мечи, шло через Кавказ, где произошла трансформация привычной формы клевца благодаря использованию новых материалов и технологий. В итоге

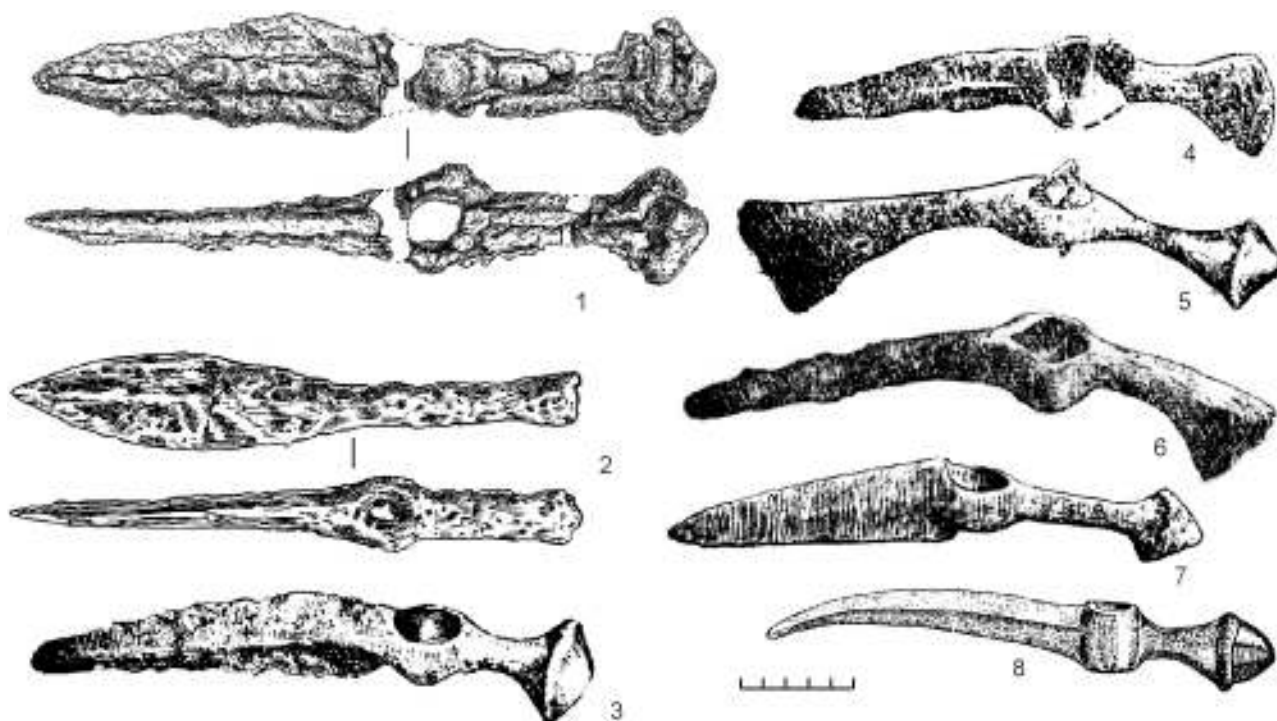

Рис. 8. Боевые топоры: 1 — Лебеди V (инв. № КМ 5450/85); 2 — Тлийский могильник, погребение № 258 (Техов, 1980. Рис. 19, 4); 3–6 — Нижне-Чегемский могильник (Виноградов, 1972. Рис. 29, 1, 4, 6, 8); 7 — Дванский могильник, погребение № 2 (Макалатия, 1949); 8 — случайная находка, ущелье р. Эшкакон (Козенкова, 1995. Табл. XX, 6). 1–8 — железо

Fig. 8. Battleaxes: 1 — Lebedi V (inv no. KM 5450/85); 2 — cemetery of Tli, burial no. 258 (Техов, 1980. Рис. 19, 4); 3–6 — Lower Chegem cemetery (Виноградов, 1972. Рис. 29, 1, 4, 6, 8); 7 — Dvani cemetery, burial no. 2 (Макалатия, 1949); 8 — chance find, canyon of the Eshkakon River (Козенкова, 1995. Табл. XX, 6). 1–8 — iron

появились секиры, широко представленные в погребениях Приднепровья, Поднестровья и периодически встречающиеся в скифских погребениях междуречья Дона и Кубани. Важен факт нахождения в погребениях секиры и акинака в комплекте, что свидетельствует о специфике боевой тактики.

Железные ножи (инв. № КМ 5450/78, 5450/86; рис. 5, 2, 3; 9, 1, 2). Первый экземпляр — обломок ножа (клинок с прямым лезвием и слегка изогнутой спинкой). Его длина 8,2 см, ширина 2 см, ширина спинки 0,5 см. Второй — фрагментированный черешковый нож, клинок с прямым выкрошившимся лезвием и слегка изогнутой спинкой, черешок длинный, массивный. Его длина 12,6 см, длина черешка 5,4 см, ширина 1,4 см. Толщина спинки лезвия 0,6 см, толщина черешка 0,6 см. Оба ножа имеют слегка изогнутую спинку и прямое

лезвие. Отсутствие черешка у одного из них (рис. 5, 3) не позволяет относить оба предмета к одному типу. У второго ножа (рис. 5, 2) черешок массивный и прямоугольный в сечении, выделенный со стороны лезвия. Типологически ему наиболее близок экземпляр из кургана Старшая Могила (рис. 9, 5). Ножи со слегка изогнутой спинкой и подтреугольным в сечении клинком широко представлены в раннескифских памятниках Северного Причерноморья: в Долинянах, кургане 14 могильника Новозаведенное-II, Старшей Могиле, гробнице № 2 Репяховатой Могилы, Червонной Могиле, кургане № 1 у с. Круглик, погребении № 1 кургана № 25 у с. Хапры, кургане № 21 у с. Нартан и др. (рис. 9, 3а–3б, 4, 6–13). У многих из них не сохранились черешки, однако наличие ножей с массивным прямоугольным в сечении черешком и небольшим

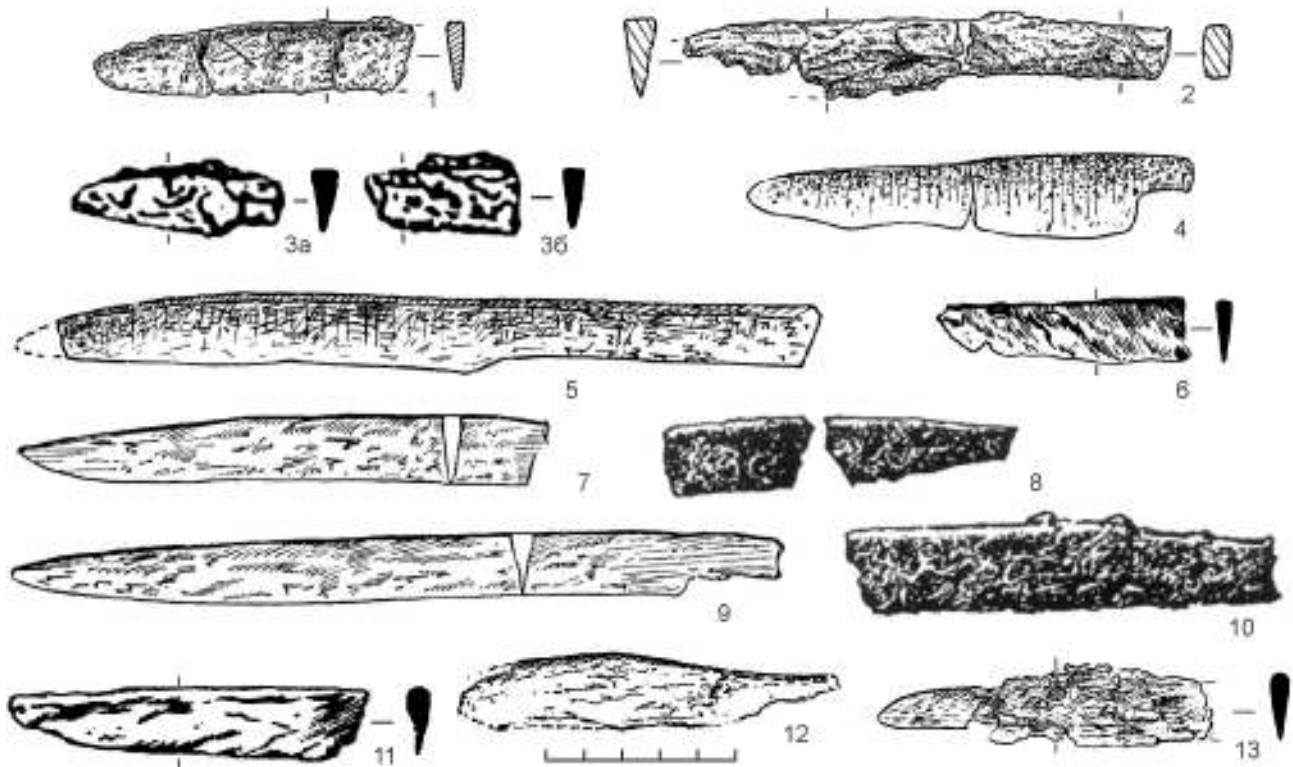

Рис. 9. Ножи: 1, 2 — Лебеди V, курган № 11, погребение № 8 (инв. № КМ 5450/78, 86); 3 — Новозаведенное-II, курган № 14 (Петренко и др., 2000. Рис. 2А); 4, 5 — Старшая Могила (Ильинская, 1975. Табл. III, 5, 6); 6 — Долиняны (Смирнова, 1977. Рис. 8, 4); 7, 9 — Репяховатая могила, гробница № 2 (Ильинская и др., 1980. Рис. 15, 3, 5); 8, 10 — Червона Могила (Ковпаненко, 1984. Рис. 2, 3); 11 — Круглик, курган № 1 (Смирнова, 1993. Рис. 4, 4); 12 — Хапры, курган № 1, погребение № 25 (Максименко, 1983. Рис. 9, 18); 13 — Нартан, курган № 21 (Батчаев и др., 1985. Табл. 51, 22). 1–13 — железо

Fig. 9. Knives: 1, 2 — Lebedi V, barrow no. 11, burial no. 8 (inv. no. KM 5450/78, 86); 3 — Novozavedennoye-II, barrow no. 14 (Петренко и др., 2000. Рис. 2А); 4, 5 — Starshaya Mogila (Ильинская, 1975. Табл. III, 5, 6); 6 — Dolinyany (Смирнова, 1977. Рис. 8, 4); 7, 9 — Rpyakhovataya Mogila, tomb no. 2 (Ильинская и др., 1980. Рис. 15, 3, 5); 8, 10 — Chervona Mogila (Ковпаненко, 1984. Рис. 2, 3); 11 — Kruglik, barrow no. 1 (Смирнова, 1993. Рис. 4, 4); 12 — Khapry, barrow no. 1, burial no. 25 (Максименко, 1983. Рис. 9, 18); 13 — Nartan, barrow no. 21 (Батчаев и др., 1985. Табл. 51, 22). 1–13 — iron

плоским в сечении черешком в Старшей Могиле показывает, что ножи разных типов могут сочетаться в одном комплексе.

Оселок (инв. № КМ 5450/81; рис. 5, 6; 10, 1) изготовлен из камня (диорит?). Его длина 15 см, ширина 2,3 см, толщина 0,9–1,0 см, диаметр отверстия 0,6 см. Отверстие в верхней части выполнено двусторонним сверлением. На гранях потертости. Уплощенный в сечении оселок с подработанными округленными краями и отверстием для подвешивания, просверленным с двух сторон, относится к числу предметов, редко встречающихся

в скифских погребениях. Оселки отсутствуют в курганах могильников Нартан, Красное Знамя, Новозаведенное-II. В скифских памятниках Кубани обнаружено лишь несколько таких оселков: в погребении № 2 кургана № 12 могильника Раздольная, в кургане № 1 III Келермеса (рис. 10, 2, 8) и в комплексе № 1 кургана № 2 могильника Холмский I (Василиненко и др., 1993. Рис. XV). Значительно чаще встречаются оселки без отверстий и подработанные гальки, использовавшиеся в качестве оселков. Это зафиксировано в погребениях Келермесского грунтового могильника

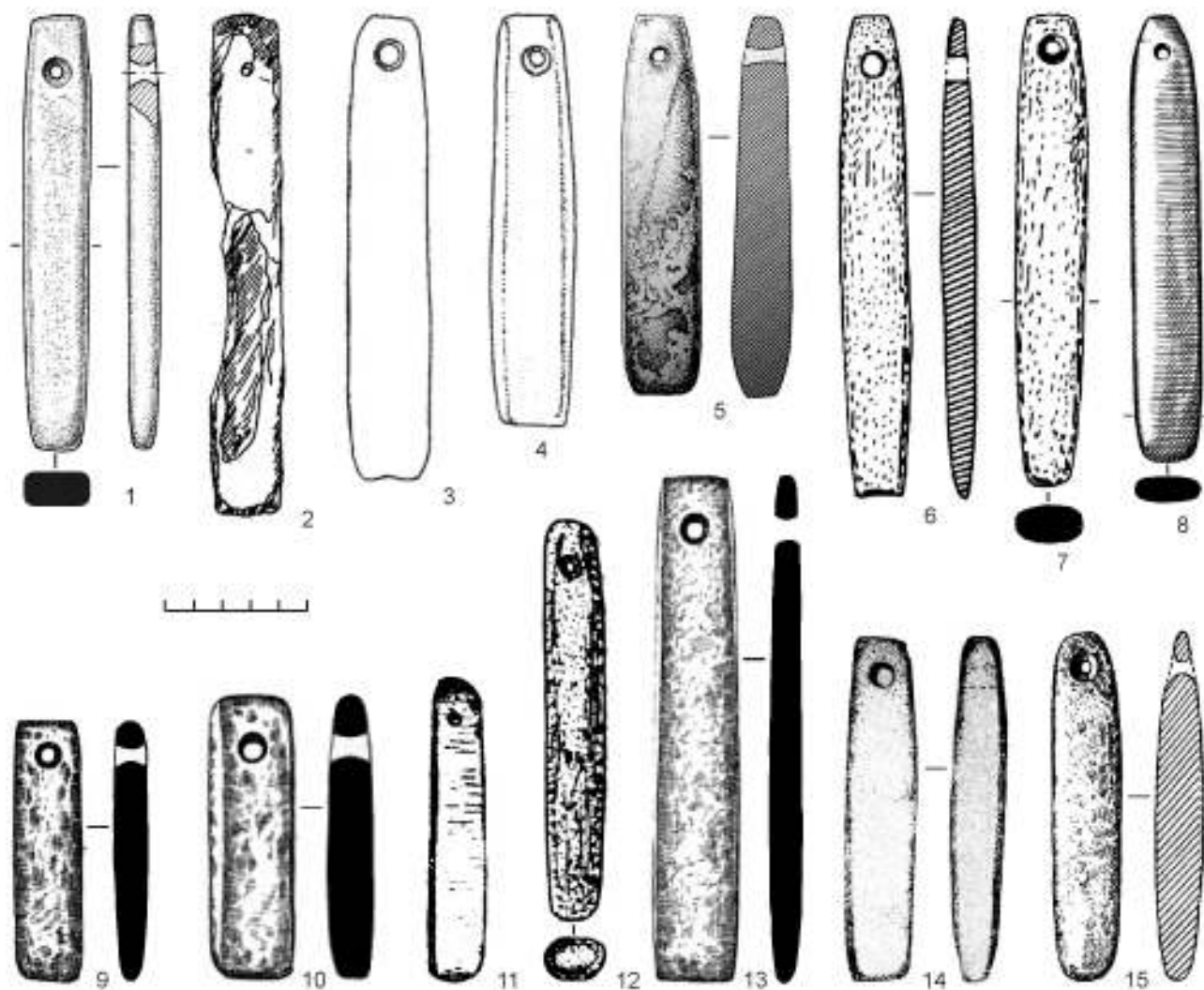

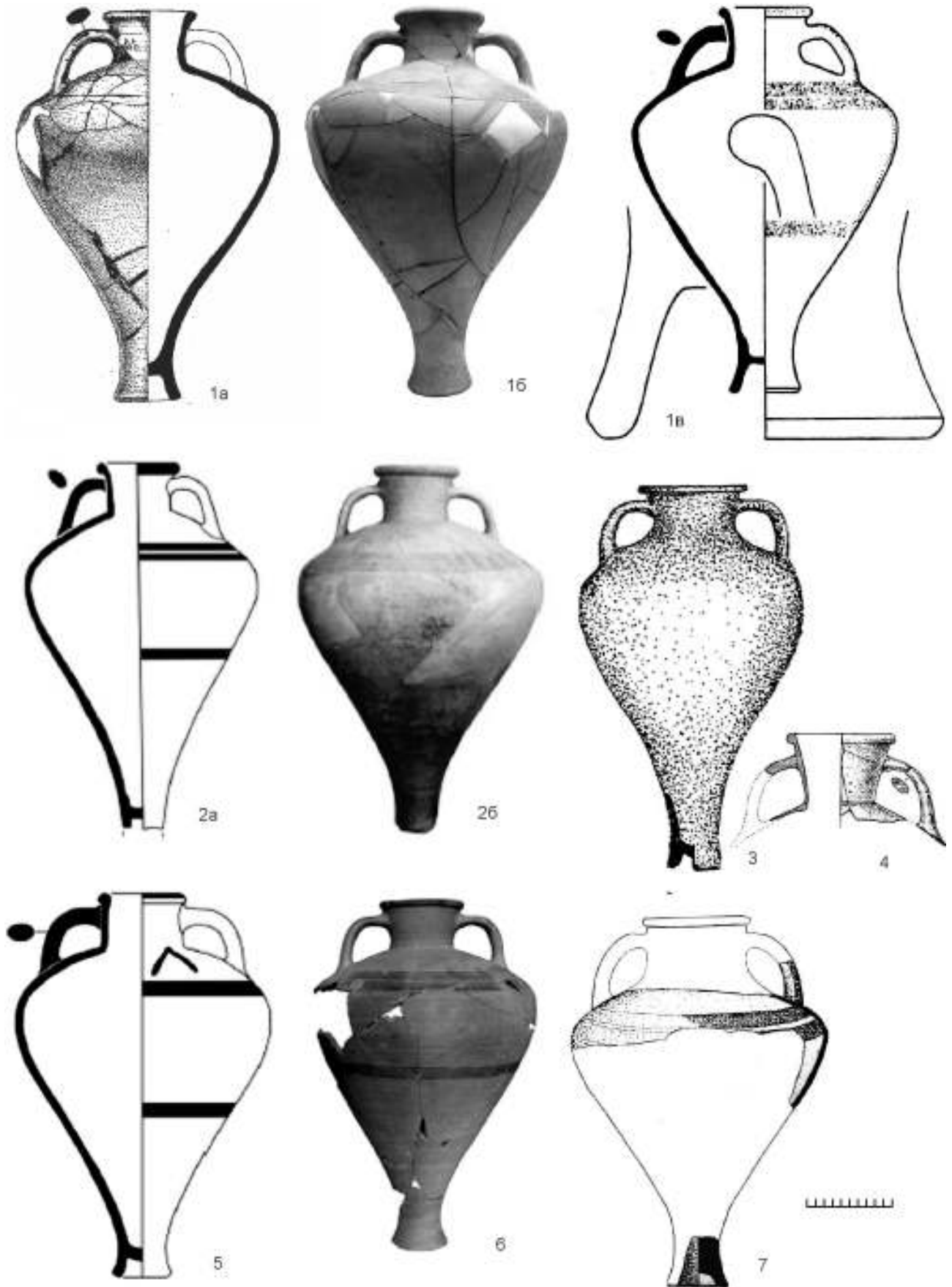
Рис. 10. Оселки: 1 — Лебеди V, курган № 11, погребение № 8 (инв. № КМ 5450/81); 2 — Раздольная, курган № 12, погребение № 2 (Рябкова, 2003. Рис. 3, 2); 3, 4 — Казазово III, случайные находки (Эрлих, 2007. Рис. 36, 9, 10); 5 — Нарзанный-2, погребение № 1 (Белинский, Дударев, 2013. Рис. 23); 6, 7, 15 — Фарс, погребения № 9, 13, 21 (Лесков, Эрлих, 1999. Рис. 11, 2; 15, 3; 22, 5); 8 — Келермес, курган № 1 III (Галанина, 1997. Табл. 12. Кат. 29); 9, 10, 13 — Пшиш-I, погребения № 15, 38, 36 (Эрлих, Вальчак, 2006. Рис. 3, 3; 11, 3; 10, 4); 11 — Нижний Чегем, погребение № 1(?) (Виноградов, 1972. Рис. 28, 16); 12 — Тлийский могильник, погребение № 205 (Техов, 1980. Рис. 13, 5); 14 — Клинь-Яр, погребение № 186 (Белинский, 1990. Рис. 3, 4). 1-15 — камень

Fig. 10. Whetstones: 1 — Lebedi V, barrow no. 11, burial no. 8 (inv. no. КМ 5450/81); 2 — Razdolnaya, barrow no. 12, burial no. 2 (Рябкова, 2003. Рис. 3, 2); 3, 4 — Kazazovo III, stray finds (Эрлих, 2007. Рис. 36, 9, 10); 5 — Narzannyu-2, burial no. 1 (Белинский, Дударев, 2013. Рис. 23); 6, 7, 15 — Fars, burials nos. 9, 13, 21 (Лесков, Эрлих, 1999. Рис. 11, 2; 15, 3; 22, 5); 8 — Kelermes, barrow no. 1 III (Галанина, 1997. Табл. 12. Кат. 29); 9, 10, 13 — Pshish-I, burials nos. 15, 38, 36 (Эрлих, Вальчак, 2006. Рис. 3, 3; 11, 3; 10, 4); 11 — Lower Chegem, burial no. 1(?) (Виноградов, 1972. Рис. 28, 16); 12 — cemetery of Tli, burial no. 205 (Техов, 1980. Рис. 13, 5); 14 — Klin-Yar, burial no. 186 (Белинский, 1990. Рис. 3, 4). 1-15 — stone

(Галанина, 1997. С. 152), в памятниках скифского времени Нижнего Подонья (Рябкова, 2003. С. 150). Традиция ношения привязанных к поясу оселков широко представлена в материалах памятников предскифского периода: в Закубанье они обнаружены в погребениях протомеотских могильников Казазово, Пшиш I, Фарс (рис. 10, 3, 4, 6, 7, 9, 13, 15), в Пятигорье в могильниках Нарзанный-2, Клин-Яр и др. (рис. 10, 5, 14). Эта традиция, вероятно, нашла отражение и в монументальной скульптуре — на стелах предскифского времени оселки изображались практически обязательно, а на скифских изваяниях их нет. Традиция ношения привязанных к поясу за отверстие оселков зафиксирована в Закавказье: из 15 комплексов Тлийского могильника, содержащих предметы скифских типов, просверленные оселки с остатками бронзовых цепочек для подвешивания к поясу зафиксированы в пяти (Техов, 1980. С. 63). По размерам и форме оселку из Лебедей V наиболее близок экземпляр из погребения № 205 Тлийского могильника (рис. 10, 12). Оселки с отверстиями содержались в четырех (из семи исследованных) погребениях «кобанско-скифского типа» Нижне-Чегемского могильника в Кабардино-Балкарии (Акритас, 1961. С. 191–192) (рис. 10, 11). Вероятно, традиция ношения привязанных к поясу точильных камней, маркируемая оселками с отверстиями, в большей степени характерна для предскифских памятников Северо-Западного Кавказа, предскифских и архаических скифских памятников южных и северных склонов Большого Кавказского хребта. Оселок из Лебедей V выглядит в комплексе либо как архаизм, либо как признак влияния культуры населения Центрального Кавказа и Предкавказья.

Амфора (инв. № КМ 5450/80; рис. 5, 8; 11, 1а, 1б, 1в). Изготовлена из глины кирпичного цвета с включением белых частиц. Высота сосуда 47,3 см, высота горла 6,8 см, высота поддона 3,6 см; диаметр венчика 12 см, диаметр горла 9 см, диаметр поддона 8,4 см, наибольший диаметр тулова 33,2 см. Тулово

широкое, грушевидное, горло низкое, воронковидное. Ручки укреплены с сильным наклоном к устью. На венчике сохранились остатки черного лака. На плечах и тулове две горизонтальные полосы красного лака шириной 2,0–2,5 см разделены тонкими полосками черного лака (третья горизонтальная полоса краски, заметная на чертеже С. Ю. Монахова (Монахов, 1996. Табл. I, 1) после реставрации не видна). По внешней стороне ручек и по тулову спускается полоса черного лака. Ножка в виде широкого полого поддона, на основании следы черного лака. На тулове заметны следы древнего ремонта в виде круглых сквозных отверстий диаметром 3 мм. Амфора впервые была опубликована С. Ю. Монаховым (рис. 11, 1в). Он определил ее как наиболее ранний образец продукции Клазомен в степном Прикубанье, отметив, что подобные амфоры выпускались не только в Клазоменах, но и в других центрах Ионии, в частности на Теосе (Там же. С. 39). Дата амфоры была определена в пределах конца VII — первой половины VI в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 54–55). Особенностью амфор, подобных амфоре из Лебедей V, является короткое горло и своеобразная «луковицеобразная» (bulbous body) форма тулова: резкий переход от короткого горла к плечикам, широкая средняя часть и вытянутые пропорции в нижней части, ближе к ножке (Чистов и др., 2019. С. 12). Подобные амфоры и фрагменты обнаружены в ранних комплексах Березани (рис. 11, 2а, 2б, 6) (Там же. С. 12. Рис. 1, 8, 9), в могильниках Хапры и Ципилиевский Кут (рис. 11/9, 3, 4), некрополе Агиос Георгиос на Кипре (рис. 11, 5). Вероятно, к этому же типу относится фрагментированная амфора из могильника у с. Купьеваха (рис. 11, 7). В недавней работе Ю. Сезгин отнес эти сосуды (кроме амфор из Ципилиевского Кута и Купьевахи) к производству Теоса (Sezgin, 2017). Амфоры с подобной профилировкой из комплексов Северного Причерноморья и поселений в Египте обычно относили к продукции Клазомен, но так как за долгие годы раскопок в Клазоменах не найдено ни одного целого или почти целого экземпляра этого

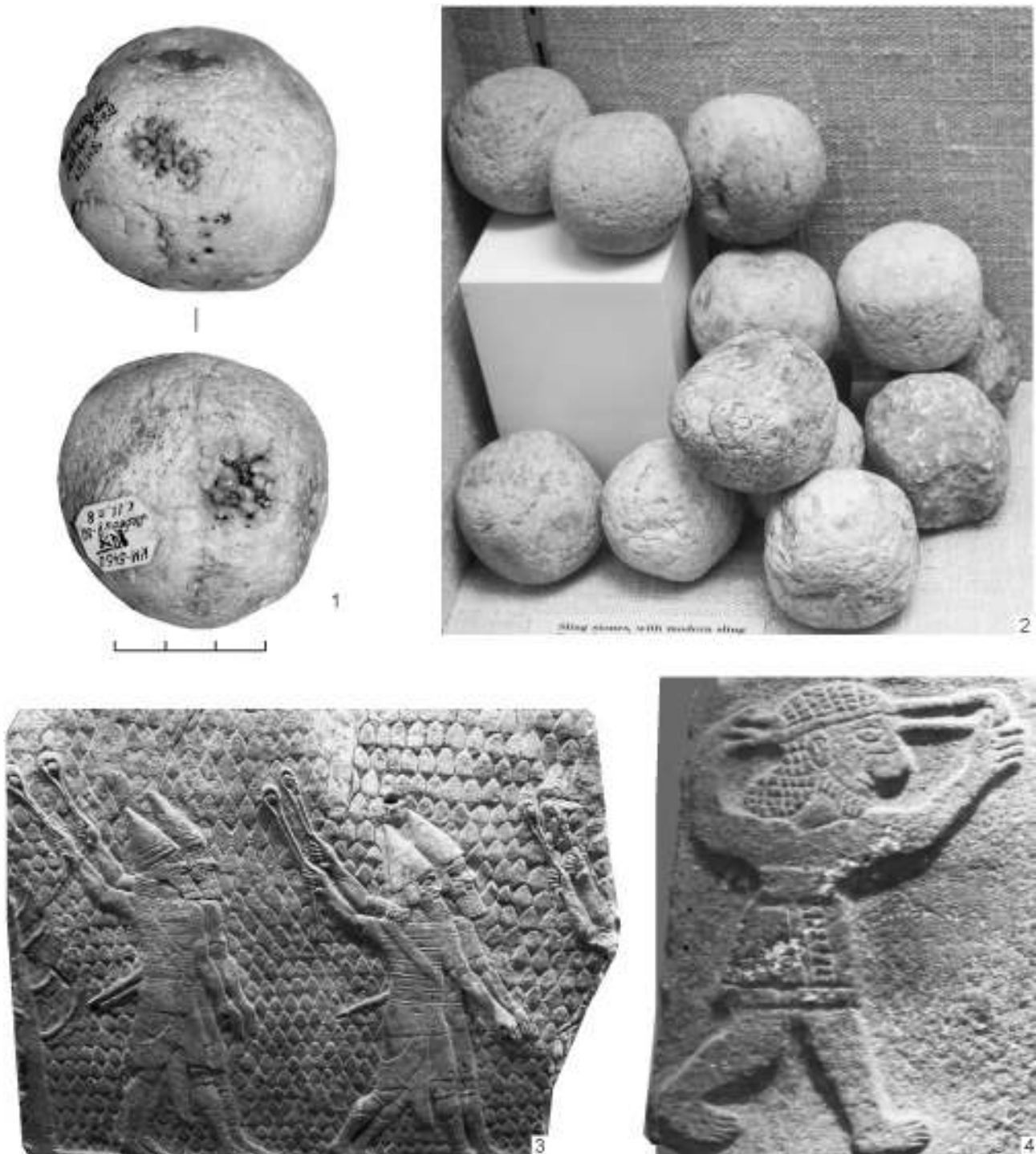
типа, очевидно, это не клазоменская продукция. По мнению Ю. Сезгина, наиболее вероятным кандидатом для производства керамики, похожей на клазоменскую, является Теос, расположенный в том же географическом регионе, что и Клазомены. Хронологические границы производства амфор Теоса определены «поздним» VII — серединой VI в. до н. э. (Sezgin, 2017. P. 15). Эти даты находят подтверждение в материалах Березани, где фрагменты амфор с «луковицеобразным» туловом не встречаются в комплексах фазы II-A второй половины VI в. до н. э. (Чистов и др., 2019. С. 14).

Обработанный камень (инв. № КМ 5450/84; рис. 5, 1; 12, 1) выполнен из кварцита. Его диаметр 5,2 см, высота 4,7 см. Представляет собой сферическое изделие неправильной формы, на поверхности — округлое углубление диаметром 1,7 см и выбоина размерами 1,7 × 1 см. Назначение кварцитового изделия неправильной сферической формы сложно однозначно определить. Предмету намеренно придана сферическая форма, поверхность подшлифована. По форме и размерам он вполне сопоставим с небольшими булавами, встречающимися в западной части ареала кобанской культуры и контактных со степью зонах (погребение № 14 Белореченского 2-го могильника, разрушенное погребение Клиньяра III), в протомеотских памятниках (погребение № 25 Николаевского могильника) и в Закавказье (помещение № 36 Кармир-Блур — Рябкова, 2014. Рис. III, 12, 15, 17, 23). Диаметр углубления правильной округлой формы (1,7 см) на поверхности камня как будто

подтверждает это предположение: углубление можно интерпретировать как недосверленный канал для рукояти. Однако выбор слоистого кварцита с трещинами и кавернами для изготовления булавы представляется нелогичным, так как обычно поверхность булавы тщательно полировалась, что сложно сделать в данном случае. На поверхности заметны следы шлифования, однако правильной формы и гладкой поверхности предмет не приобрел (рис. 12, 1). Все это свидетельствует в пользу того, что каменный «сфероид» мог использоваться как камень для пращи. По размерным характеристикам он сопоставим с каменными ядрами диаметром 3–5 см, предназначавшимися для метания пращей, обнаруженными во время раскопок древнего Арташата (Акопян, 1986. С. 235). Эти каменные ядра датируются эллинистическим временем, однако праща была весьма распространенным оружием и в более ранние времена. Использование пращи в Древнем мире документируется свидетельством Авесты, где в перечне оружия воина упоминается праща с числом прилагаемых к ней ядер, равным 30 (Там же. С. 235). Воин, вооруженный пращей, изображен на рельефе из дворца Капары в Телль-Халафе, датируемом серединой X в. до н. э. (рис. 12, 4). Воины с пращами изображены во время штурма Лахиша в 701 г. до н. э. войсками Синнахериба на рельефе из Юго-Западного дворца в Ниневии (рис. 12, 3). В левой руке каждый ассирийский пращник держит сменный камень. Для того чтобы камень свободно помещался в ладони, его диа-

Рис. 11. Амфоры: 1 — Лебеди V, курган № 11, погребение № 8 (инв. № КМ 5450/80): 1a, 1б — прорисовка и фото, 1в — Монахов, 1996. Табл. 1, 1; 2a, 2б, 6 — Березань, землянка № 39/1985 г., 63/ 2013 г. (Sezgin, 2017. Fig. 17–18); 3 — Хапры, курган № 1, погребение № 25 (Максименко, 1983. Рис. 9, 2); 4 — Ципелиевский Кут, курган № 7 (Пьянков, 2006. Рис. 3, 1); 5 — Некрополь Агиос Георгиос (Sezgin, 2017. Fig. 19); 7 — Купьеваха, курган № 17, погребение № 1 (Бойко, Берестнев, 2001. Рис. 34, 2). 1–7 — керамика

Fig. 11. Amphorae: 1 — Lebedi V, barrow no. 11, burial no. 8 (inv. no. KM 5450/80): 1a, 1b — detailed drawing and photo, 1v — Монахов, 1996. Табл. 1, 1; 2a, 2б, 6 — Berezan, earth dwelling no. 39/1985, 63/2013 (Sezgin, 2017. Fig. 17–18); 3 — Khapry, barrow no. 1, burial no. 25 (Максименко, 1983. Рис. 9, 2); 4 — Tsipiliyevsky Kut, barrow no. 7 (Пьянков, 2006. Рис. 3, 1); 5 — necropolis of Agios Georgios (Sezgin, 2017. Fig. 19); 7 — Kuryevakha, barrow no. 17, burial no. 1 (Бойко, Берестнев, 2001. Рис. 34, 2). 1–7 — ceramics

Рис. 12. Камни для пращи: 1 — Лебеди V, курган № 11, погребение № 8 (инв. № КМ 5450/84); 2 — Лахиш, находки у главных ворот (British Museum, WA 13212740); 3 — Ниневия, фрагмент рельефа из Юго-Западного дворца (British Museum, WA 124775); 4 — Телль-Халаф, рельеф из дворца Капара (British Museum, WA 117103). 2-4 — фото Т. В. Рябковой. 2-4 — без масштаба

Fig. 12. Stone sling missiles: 1 — Lebedi V, barrow no. 11, burial no. 8 (inv. no. КМ 5450/84); 2 — Lachish, finds near the main gate (British Museum, WA 13212740); 3 — Nineveh, fragment of a relief from the South-Western palace (British Museum, WA 124775); 4 — Tell Halaf, relief from the Palace of Kapar (British Museum, WA 117103). 2-4 — photo by T. V. Ryabkova. 2-4 — unscaled

метр не должен превышать 5 см. Пращевые камни, применявшиеся для штурма Лахиша, были обнаружены у главных городских ворот этого города во время раскопок в 30-е гг. XX в. Они изготовлены из пористого камня с трещинами (рис. 12, 2) и напоминают камень из Лебедей V не только размерами, но и способом обработки поверхности. Таким образом, учитывая размеры, материал, не слишком тщательную обработку поверхности и отсутствие сквозного отверстия у камня из Лебедей V, более вероятно определение его как камня для пращи, чем навершия булавы.

Бронзовая пронизь (инв. № КМ 5450/83; рис. 5, 4; 13, 1). Длина изделия 2,3 см, ширина 1,7 см, диаметр отверстия 0,45 см. Предмет со сквозным отверстием, вытянутой шаровидной формы, выступающие концы оформлены в виде цилиндров. Один из концов имеет горизонтальные выступы-валики, на тулове гравированные наклонные насечки, имитирующие ребристую поверхность. Бронзовый предмет со сквозным отверстием и ребристой поверхностью в музейной описи назван пронизью. Достаточных оснований для его определения как пронизи нет — это может быть бусина, навершие рукояти плетки и т. д. Аналогии предмету немногочисленны и, как правило, это случайные находки, которые лишь позволяют оконтурить территорию их распространения. В. И. Козенкова определила похожие предметы как «бусы ажурные, булавовидной формы» и отнесла их к XI типу по своей классификации. Выделенный исследовательницей тип составляют четыре бусины: одна из погребения № 131 Лугового могильника, три — из разрушенного погребения у с. Ца-Ведено (Козенкова, 1982. С. 62. Табл. XXXVIII, 50, 51). Предмет из коллекции ANE в Британском музее (рис. 13, 2) назван втулкой (*metal sleeve*), которая, по мнению авторов каталога, могла укрепляться на более крупном, ныне неопределимом предмете (Curtis, Kruszyński, 2002. Cat. 91. P. 27). Все предметы коллекции относятся к «Prince Naourous Collection» и в 1913 г. были переданы

в Британский музей неким владетельным князем из селения Урусбиево. Современное название поселка — Верхний Баксан, он находится в долине р. Баксан (Curtis, Kruszyński, 2002. P. 9). Такие же предметы-пронизи с ребристой поверхностью, несколько различающиеся размерами и оформлением, опубликованы Е. Зичи как происходящие из долин р. Баксан и Чегем (рис. 13, 5–8). Пронизи из случайных находок хранятся в музее пос. Нижний Архыз, расположенного в верховьях р. Большой Зеленчук (рис. 13, 3, 4). Еще несколько таких пронизей из Нижне-Чегемского могильника опубликованы П. Г. Акритасом и В. Б. Виноградовым (рис. 13, 9–11). К сожалению, местоположение указано лишь для одной из них. В парном погребении № 5 около скелета женщины (?) наряду с железным топором, бронзовыми фибулой, гривной, браслетами со змеиными головками на концах обнаружены бронзовые бусины, одна из которых опубликована (Акритас, 1961. С. 185) (рис. 13, 11). Возможно, предмет использовался в качестве крупной бусины. В погребении № 3 Нижне-Чегемского могильника в районе колен погребенного была обнаружена подвеска с изображением горного козла, туловище которого напоминает объединенные шаровидные пронизи с наклонными насечками, весьма близкими насечкам на тулове пронизи из Лебедей V. На шее животного несколько валиков, которыми обычно оформлялся цилиндрический выступающий конец (рис. 13, 12). Вероятно, в данном случае для изготовления нового предмета были использованы традиционные схемы и способы изготовления украшений. А. Р. Канторович отнес изображение козла из Нижнего Чегема к группе изображений волошинско-чегемского типа, отметив редкость подобных изображений (известно всего два) и их связь со временем скифской архаики VII–VI вв. до н. э. (Канторович, 2015. С. 449). Поскольку все комплексные и случайные находки этих пронизей связаны с регионом Верхнего Зеленчука — Верхнего Баксана — Нижнего Чегема (рис. 1), вероятно, пронизь

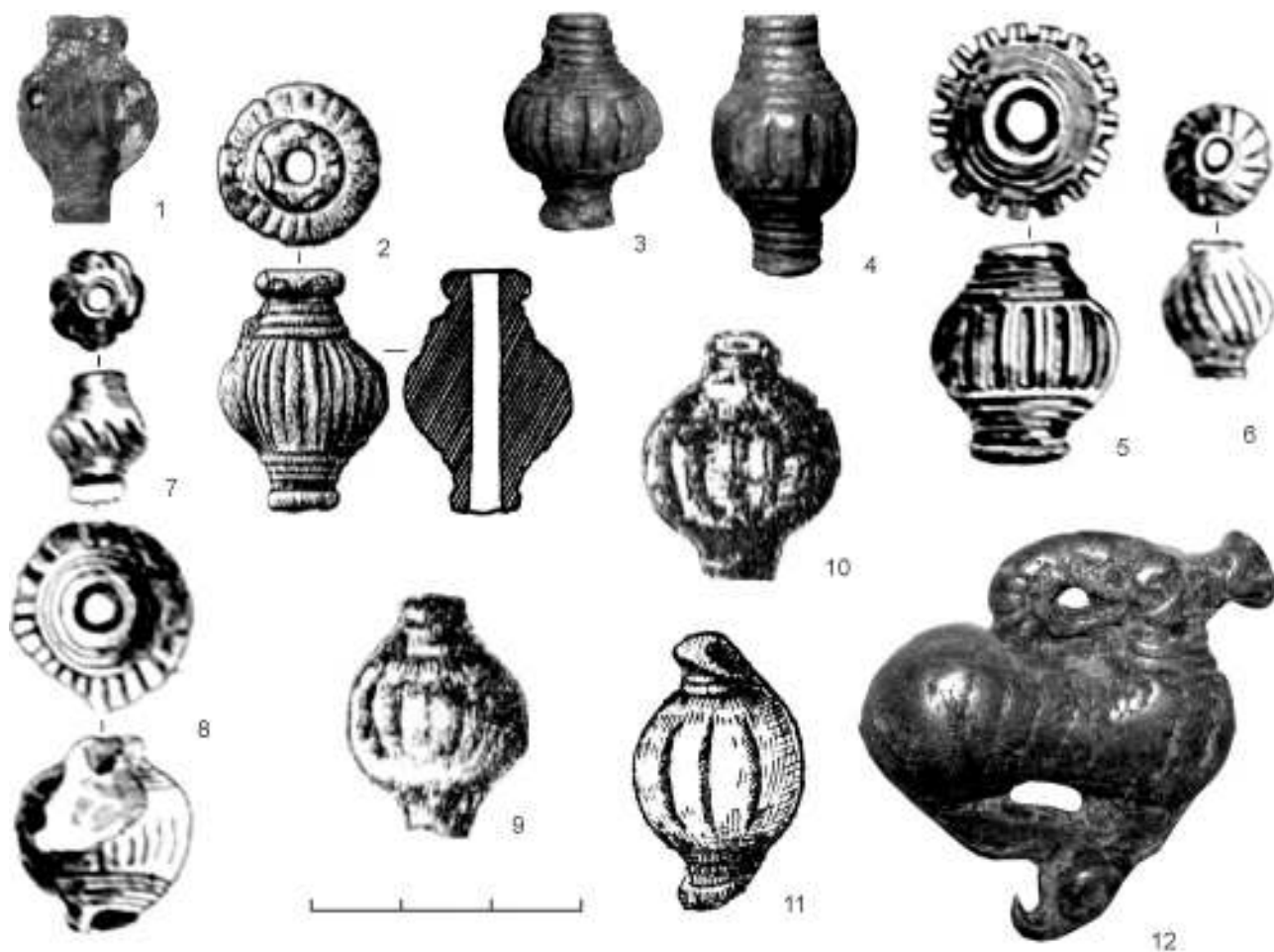

Рис. 13. Пронижи: 1 — Лебеди V, курган № 11, погребение № 8 (инв. № КМ 5450/83); 2 — British Museum, ANE 1913-12-15, 49 (Curtis, Kruszyński, 2002. Cat. 91); 3, 4 — музей поселка Нижний Архыз (фото Т. В. Рябковой); 5–8 — находки в долинах Баксана и Чегема (Zichy, 1897. Tab. 14, 17, 18, 22, 26); 9–10 — Нижне-Чегемский могильник (Виноградов, 1972. Рис. 28, 13, 14); 11 — Нижне-Чегемский могильник (Акримас, 1961. Табл. III, 5); 12 — Нижне-Чегемский могильник, погребение № 3 (Нац. музей КБР, фото А. Р. Канторовича). 3–10 — без масштаба. 1–12 — бронза

Fig. 13. Spacer-beads: 1 — Lebedi V, barrow no. 11, burial no. 8 (inv. no. KM 5450/83); 2 — British Museum, ANE 1913-12-15, 49 (Curtis, Kruszyński, 2002. Cat. 91); 3, 4 — museum of the village of Lower Arkhыз (photo by T. V. Ryabkova); 5–8 — finds from valleys of the Baksan and Chegem rivers (Zichy, 1897. Tab. 14, 17, 18, 22, 26); 9–10 — Lower Chegem cemetery (Виноградов, 1972. Рис. 28, 13, 14); 11 — Lower Chegem cemetery (Акримас, 1961. Табл. III, 5); 12 — Lower Chegem cemetery, burial no. 3 (National Museum of Kabardino-Balkaria, photo by A. R. Kantorovich). 3–10 — unscaled. 1–12 — bronze

из Лебедей V является свидетельством существования связи материалов рассматриваемого комплекса с этим регионом.

С момента публикации амфоры из погребения № 8 кургана № 11 могильника Лебеди V было очевидно, что комплекс входит в серию погребений Северо-Западного Кавказа с транспортными амфорами (Хапры,

курган № 25, погребение № 1; погребение у Цукур-Лимана; Красногоровка-III, курган № 14, погребение № 5; Ципилиевский кут, курган № 7; Новоалександровка, курган № 7, погребение № 8; хутор Красный, курган № 1 и др.), показывающих связи региона с античным миром. Намеренно оставив без рассмотрения сложные вопросы взаимодействия

ионийского мира и Северного Причерноморья, сконцентрируемся на материалах из Лебедей V. Проведенный детальный анализ этих материалов продемонстрировал более тесные связи с памятниками Центрального Кавказа и Предкавказья, чем предполагалось ранее. Поскольку аналогии боевому топору, акинаку, железным ножам, оселку с отверстием, пронизи с ребристой поверхностью из погребения № 8 кургана № 11 могильника Лебеди V массово представлены в комплексах Тлийского и Нижне-Чегемского могильников, можно предположить, что погребение принадлежало воину, который принимал участие в походах через Кавказ и возвращался из Передней Азии. Предметы из Лебедей V объединяют с кавказскими архаичность и синкретизм: топор совмещает признаки клевца и ножа, акинок напоминает бронзовые прототипы предыдущего периода, оселок с отверстием показывает сохранение традиции ношения этих предметов на поясе, утраченной в более позднее время. Показательно, что в материалах погребений Нижнего Чегема и Тлийского могильника, как и в материалах Лебедей V, нашел отображение процесс постепенной трансформации элементов материальной культуры: на базе клевца формируется скифская секира, меч утрачивает признаки, характерные для оружия предшествующего периода, исчезает традиция ношения оселков на поясе,

форма и способы изготовления привычных для Предкавказья украшений используются для создания вещей, декорированных в скифском зверином стиле. По всей видимости, набор предметов из Лебедей V, сохраняющий ряд архаичных признаков, характерен для начального этапа этой трансформации и показывает «эталонный набор» скифского вооружения, представленного в памятниках более позднего времени типа Старшей и Репяховатой могил.

В этот «эталонный набор» входят: боевой топор, акинок, железные ножи, престижный сосуд — иногда бронзовый, иногда античная амфора. Памятники с таким комплексом инвентаря распространяются на широкой территории от Предкавказья до низовий Дона (рис. 1) и далее до Поднестровья (Смирнова, 1993; Бандрівський, 2010). Время их бытования определяется датами амфорного материала: конец VII — первая половина VI в. до н. э. (Чистов и др., 2019. С. 14; Sezgin, 2017. P. 15). Если принять во внимание архаичность элементов, составляющих комплекс погребения № 8 кургана № 11 могильника Лебеди V, то можно ограничить его дату началом этого временного отрезка и датировать погребение последним десятилетием VII в. до н. э. Вероятно, его можно соотносить с кругом памятников времени возвращения воинских объединений из Передней Азии через Кавказ.

Акопян, 1986 — Акопян А. М. Каменные ядра из Арташата // Проблемы античной культуры: Сб. ст. / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1986. С. 232–237.

Акритас, 1961 — Акритас П. Г. Археологическое исследование Чегемского ущелья в 1959 году // Сб. ст. по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1961. Вып. 9. С. 177–192.

Алексеев, 1991 — Алексеев А. Ю. Этюды об акинаках // Л. С. Клейн. Археологическая типология. Л.: АН СССР, Ленингр. фил. Центра науч.-техн. деятельности, исслед. и социал.

инициатив, Ленингр. н.-и. археол. об-ние, 1991. С. 271–280.

Алексеев, 2003 — Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. 416 с.

Бандрівський, 2010 — Бандрівський М. С. Пам'ятки середньодністровської (західноподільської) групи ранньозалізного віку в центральноевропейській хронологічній шкалі та проблеми періодизації // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Пн-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України. Львів, 2010. Вип. 14. С. 76–114.

- Батчаев и др.*, 1985 — *Батчаев В. М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н. э. — II в. н. э.) / Сост. В. М. Батчаев, Т. Б. Барцева, Б. М. Кеферов; ред. М. П. Абрамова, В. И. Козенкова. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 7–116.
- Белинский*, 1990 — *Белинский А. Б.* К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе // СА. 1990. № 4. С. 190–195.
- Белинский, Дударев*, 2013 — *Белинский А. Б., Дударев С. Л.* Богатое погребение со шлемом ассирийского типа из могильника Нарзанный-2 // Гл. ред. А. Б. Белинский. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М.: Памятники исторической мысли, 2013. Вып. XI. С. 181–216.
- Бойко, Берестнев*, 2001 — *Бойко Ю. Н., Берестнев С. И.* Погребения VII–IV вв. до н. э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). Харьков: РА-Каравелла, 2001. 144 с.
- Василиненко и др.*, 1993 — *Василиненко Д. Э., Кондрашев А. В., Пьянков А. В.* Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья. Вып. I: Понтийско-Кавказские исследования: Сб. ст. / Отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар: Скифская галерея, 1993. С. 21–38 (Studia Pontocausica).
- Виноградов*, 1972 — *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV века до н. э.): Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972. 389 с.
- Галанина*, 1997 — *Галанина Л. К.* Келермесские курганы. Царские погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф, 1997. 316 с.
- Дараган*, 2015 — *Дараган М. Н.* Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: технология изготовления, метрология и маркировка // Тр. ГЭ. СПб.: Изд-во ГЭ, 2015. Т. LXXVII. С. 127–170.
- Дараган*, 2016 — *Дараган М. Н.* О колчанном наборе раннескифского времени из погребения 1, кургана 4 у с. Гладковщина // Кавказ и степь на рубеже поздней бронзы и раннего железа: Материалы МНК, посвященной памяти М. Н. Погребовой / Отв. ред. А. С. Балахванцев, С. В. Кулланда. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 62–75.
- Ильинская*, 1975 — *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наукова думка, 1975. 223 с.
- Ильинская и др.*, 1980 — *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1980. С. 31–63.
- Канторович*, 2015 — *Канторович А. Р.* Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: Рукопись дис. ... докт. ист. наук. М., 2015. 1724 с.
- Каменецкий*, 1981 — *Каменецкий И. И.* Могильники Лебеди III // Археологические открытия 1980 года. М.: Наука, 1981. С. 103.
- Ковпаненко*, 1984 — *Ковпаненко Г. Т.* «Червона могила» у села Флярковка // Древности Евразии в скифо-сарматское время: Сб. ст. / Ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 107–113.
- Козенкова*, 1982 — *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука, 1982. 177 с. (САИ. В2-5. Т. 2.).
- Козенкова*, 1995 — *Козенкова В. И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. М.: Наука, 1995. 166 с. (САИ. В2-5. Вып. 4).
- Лесков, Эрлих*, 1999 — *Лесков А. М., Эрлих В. Р.* Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М.: Гос. музей Востока, 1999. 164 с.
- Макалатия*, 1949 — *Макалатия С. И.* Раскопки Дванского могильника // СА. 1949. № XI. С. 225–240.
- Максименко*, 1983 — *Максименко В. Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1983. 224 с.

- Мелюкова*, 1964 — *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 113 с. (САИ. Д1-4).
- Монахов*, 1996 — *Монахов С. Ю.* Амфоры Клазомен и «круга Клазомен» // Международные отношения в бассейне Черного моря: Тезисы докладов VIII МНК / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. пед. ун-та, 1996. С. 38–45.
- Монахов*, 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 352 с.
- Петренко и др.*, 2000 — *Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р.* Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология: Сб. ст. / Ред. В. И. Гуляев, В. С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2000. С. 238–248.
- Прушевская*, 1917 — *Прушевская Е. О.* Родоская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове // ИАК. Пг.: Типография Главного Управления Уделов, 1917. Вып. 63. С. 22–30.
- Пьянков*, 2006 — *Пьянков А. В.* Комплекс кургана 7 могильника Ципелиевский Кут как новое свидетельство этнокультурных связей населения Северо-Западного Кавказа в раннескифскую эпоху // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время: Сб. ст. по материалам XI МНК / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов н/Д.: Науч.-метод. центр археологии Ростовского гос. педагогического ун-та, 2006. С. 27–33.
- Рябкова*, 2003 — *Рябкова Т. В.* Раннескифские памятники Нижнего Подонья и Прикубанья: Рукопись дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. 392 с.
- Рябкова*, 2014 — *Рябкова Т. В.* Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики // РАЕ. СПб.: Университетский издательский консорциум, 2014. № 4. С. 372–432.
- Скарбовенко*, 1980 — *Скарбовенко В. А.* Отчет о раскопках курганных могильников в зоне строительства Понуро-Калининской оросительной системы на землях колхоза «Заря» в Калининском районе Краснодарского края (1980 г.) // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1/8744.
- Смирнова*, 1977 — *Смирнова Г. И.* Курганный могильник раннескифского времени у села Долиняны // АСГЭ. Л.: Аврора, 1977. № 18. С. 29–40.
- Смирнова*, 1993 — *Смирнова Г. И.* Памятники среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры // РА. 1993. № 2. С. 101–118.
- Техов*, 1980 — *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н. э. М.: Наука, 1980. 94 с.
- Трапиш*, 1951 — *Трапиш М. М.* Грунтовые погребения с инвентарем скифского типа в сел. Куланурхва // Тр. Абхазского института языка, литературы и истории. Сухуми: Изд-во АН Груз. ССР, 1951. С. 325–344.
- Чистов и др.*, 2019 — *Чистов Д. Е., Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В.* Амфоры первой половины — середины VI в. до н. э. из раскопок Березани // Проблемы истории, филологии и культуры. 2019. № 1. С. 8–24.
- Эрлих, Вальчак*, 2006 — *Эрлих В. Р., Вальчак С. Б.* Протомеотские погребения могильника Пшиш-I (раскопки 2004 г.) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. Вып. 6. С. 85–123.
- Эрлих*, 2007 — *Эрлих В. Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.
- Curtis, Kruszyński*, 2002 — *Curtis J., Kruszyński M.* Ancient Caucasian and Related Material in the British Museum // The British Museum Occasional Papers. No. 121. London: The British Museum Press, 2002. 128 p.
- Sezgin*, 2017 — *Sezgin Y.* Arkaik dönemde teos'ta ticari amphora üretimi: sorunlar ve gözlemler // Anatolia. Ankara, 2017. No. 43. P. 15–39.
- Zichy*, 1897 — *Zichy E.* Voyages au Caucase et en Asie Centrale. Description des Collections, par le Docteurs Jean Jankó et Bela de Pósta. Vol. II. Budapest, 1897.

A complex of the early Scythian period in kurgan no. 11 at the cemetery of Lebedi V in the Kuban River region

A. V. P'yankov, T. V. Ryabkova, Yu. V. Zelenskiy

This paper is the first publication of materials from burial no. 8 in kurgan no. 11 at the cemetery of Lebedi V excavated in 1980 in the Kuban River region. The amphora from this burial is often referred to in studies of the Classic period while the other finds have remained unpublished. A typological analysis has shown that the archaic features of the iron acinaces take origin from weaponry of the Kabardino-Pyatigorsk type. The iron battleaxe combines the features of a bec de faucon and a poleaxe; it has analogues in burials of the cemeteries of Tli, Lower Chegem and Dvani. The whetstone with a hole is a remnant of the tradition of wearing whetstones hung at belts. This tradition vanished in the Scythian period. The amphora with traces of an ancient repair was manufactured in Teos. The worked spheroid stone is a sling missile. The spacer-bead with a ribbed surface finds its parallels at sites of the Upper Zelenchuk — Upper Baksan — Lower Chegem confirming the ties between the region under consideration and the Kuban River area. The quiver set (99 items), along with the ordinary Scythian arrowheads, contains bilobate heads with the blades ending in barbs. These suggest the belonging of the complex to a single brief chronological phase simultaneous with the burials of Tsukur-Liman, Starshaya Mogila, kurgan no. 38 near the village of Gulyay-Gorod, etc. The most part of the shooting set is represented by rare and peculiar arrowheads with a polygonal head and protruding socket identified by G. I. Smirnova as an individual type. Parallels of the battleaxe, sword-*acinaces*, iron knives, whetstone, and spacer-bead are numerous represented at sites on the both sides from the Caucasian ridge. This fact suggests that the burial under consideration belonged to a warrior who participated in raids through the Caucasus during the return from Western Asia while the burial complex itself is datable to the last decade of the 7th century BC.

Предроманский импульс в искусстве древнего Новгорода XI в. «Колонны Дубовой Софии»¹

Н. Н. Точилова, А. А. Слапиня²

Аннотация. В статье представлено новое исследование двух фрагментов монументально-декоративной резьбы XI в. из Великого Новгорода. Приведен критический анализ предшествующих работ, посвященных изучению и атрибуции данных находок. На основе археологических данных и стилистического анализа выдвигается новая гипотеза происхождения новгородской резьбы, согласно которой эти памятники были сформированы под влиянием раннероманского искусства Центральной Европы.

Annotation. This paper presents a new examination of two fragments of monumental decorative wood carving of the 11th century from Veliky Novgorod. A critical analysis of previous studies devoted to investigation and attribution of these finds is proposed. Basing on archaeological evidence and stylistic analysis, a new hypothesis is suggested on the origin of the Novgorod carving art, according to which these monuments emerged under the influence of the early Romanesque art of Central Europe.

Ключевые слова: древнерусское искусство, романское искусство, искусство викингов, деревянная резьба, Великий Новгород, Центральная Европа, XI в.

Keywords: Old-Russian art, Romanesque art, Viking art, wood carving, Veliky Novgorod, Central Europe, 11th century.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-229-244

Происхождение находок и первые гипотезы

Из всех найденных во время археологических раскопок Новгорода предметов декоративного искусства наиболее широко известными и в то же время самыми загадочными

являются две дубовые резные плахи (рис. 1, 1, 2), которые в литературе часто называются «колоннами дубовой Софии» (по одной из версий происхождения). История их обнаружения известна в целом, но не до конца ясна в деталях, а мелкие расхождения авторов первых публикаций порождают неминуемые вопросы и становятся питательной почвой для широкой палитры выводов относительно датировки, бытования и декора предметов.

Два крупных деревянных фрагмента, украшенные плоскорельефной резьбой, сейчас (осень 2017 г.) представленные в экспозиции Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (НГОМЗ), были найдены в 1953 г. на Неревском раскопе А. В. Арциховским. Один из этих фрагментов покрывает плетенка с двумя медальонами,

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Фонда содействия развитию российско-шведских отношений имени Сверкера Острёма (The Sverker Åström Foundation) в феврале-мае 2017 г.

² Точилова Н. Н. — кафедра маркетинга и социальных коммуникаций, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Институт гуманитарных и социальных наук. Лермонтовский пр., д. 44, Санкт-Петербург, 190103, Россия. E-mail: arhivolt@yandex.ru; Слапиня А. А. — Музей русской иконы. Гончарная улица, 3/1, Москва, 109240, Россия. E-mail: annaslapina@gmail.com.

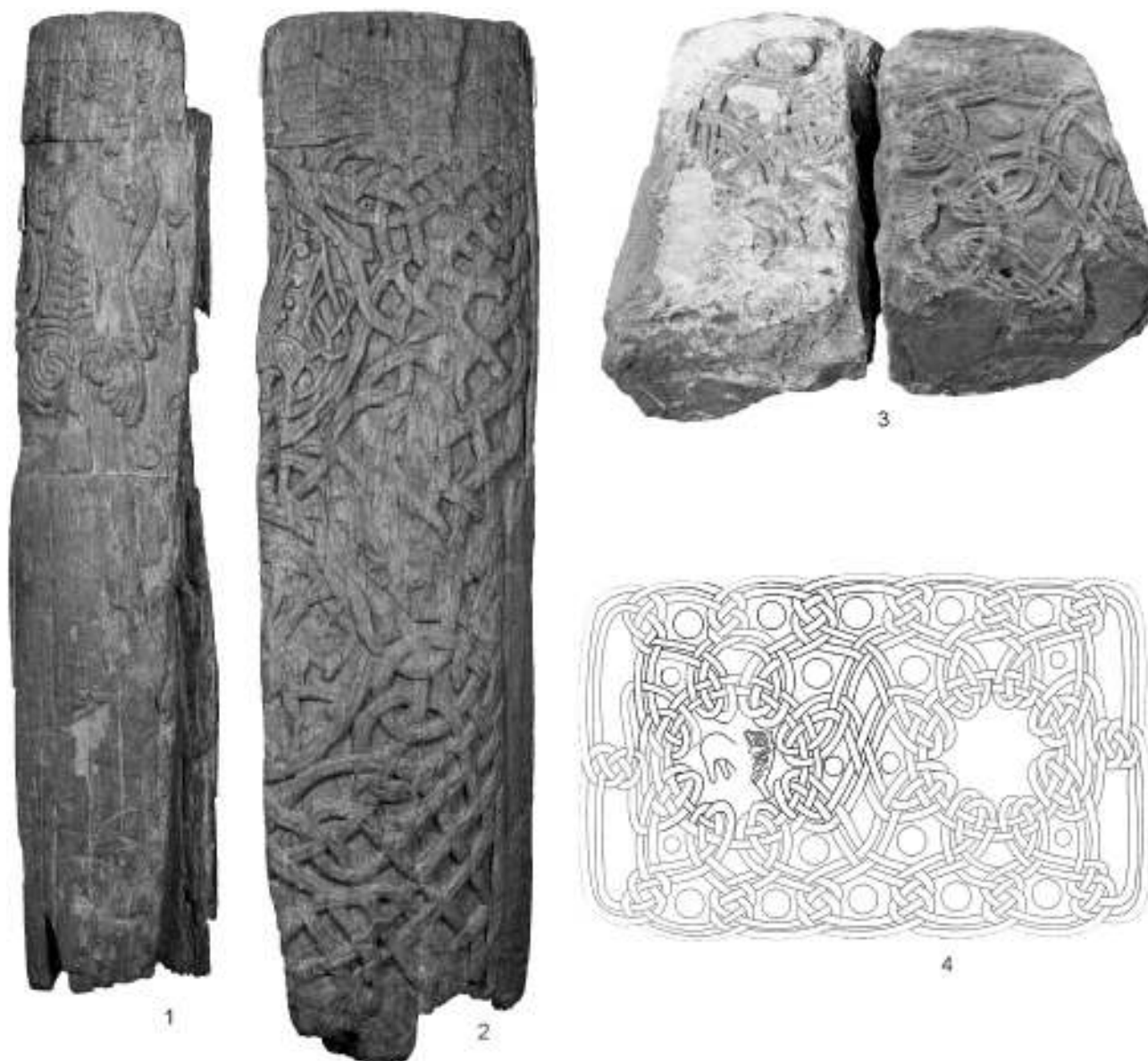

Fig. 1. 1, 2 — Деревянные полуколонны из Новгорода; 3 — каменная плита из Вавеля; 4 — реконструкция орнамента на каменной плите из Вавеля (Malik, 2000/2001)

Fig. 1. 1, 2 — Wooden half-columns from Novgorod; 3 — stone plate from Wawel; 4 — the reconstruction of ornament of the stone plate from Wawel (Malik, 2000/2001)

в верхнем из которых изображен, по всей видимости, грифон, а в нижнем — кентавр (предмет был расколот вдоль, так что сохранились только половины медальонов с задними частями туловищ животных). Оба существа имеют тела хищных зверей и длинные, закрученные в сложную плетенку хвосты. Резьба занимает всю изобразительную поверхность сохранившегося фрагмента. Плетеный

орнамент, выполненный по краям в виде сетки с равновеликими, нетугими ячейками, ближе к центру постепенно переходит в округлые, одинаковые петли. В верхней части композиции располагается фриз из двойной косы, состоящей из ряда перевитых линий. Аналогичный декоративный пояс проходит по верхнему краю второй плахи, на которой изображен сильно стилизованный растительный побег,

условная пальметта копьевидной формы: центральный треугольный лист «прорастает» из мощного стебля с двумя закрученными по бокам побегами. На вершине пальметты помещен еще один растительный элемент в виде двойного симметричного побега, боковые ответвления которого переходят в абстрактные растительные завитки.

Впервые находки были представлены А. В. Арциховским в не содержащей иллюстраций статье, вышедшей в № 4 Вестника Московского университета за 1954 г. (*Арциховский*, 1954). Согласно этой первой публикации, они были обнаружены в 20-м строительном ярусе, на тот момент датированном серединой XI в. Приводимые автором размеры: фрагмент с медальонами — L = 111 см, D = 59 см; фрагмент с пальметтой — L = 80 см, D = 51 см. А. В. Арциховский считал, что изначально они представляли собой круглые деревянные столбы, вырезанные в начале XI в. и, вероятно, использовавшиеся как опоры крыльца. Отслужив свой век, эти столбы были разрушены на плахи и употреблены для замощения двора.

Вторая публикация принадлежит П. И. Засурцеву, который упоминает их в своей книге «Новгород, открытый археологами» (*Засурцев*, 1967. С. 98–99), но приводит несколько иные обстоятельства находки. Согласно его версии, деревянные детали были вторично использованы не для замощения двора, а как подкладки под дом. Изначально же они могли принадлежать первому — деревянному — Софийскому собору (отсюда и закрепившееся в некоторых источниках название). Как и А. В. Арциховский, П. И. Засурцев считал, что эти фрагменты остались от круглых колонн, но приводил совершенно другие размеры: 150–170 см.

Также находки дважды опубликовал Б. А. Колчин. В первом томе «Трудов новгородской археологической экспедиции» (*Колчин*, 1956. С. 100), вышедшем в 1956 г., он писал, что они были вторично использованы как опорные плахи пола, а в своде «Новгородские древности. Резное дерево» (*Колчин*, 1971. С. 24–25), выпущенном в 1971 г., называл

их плахами под венец дома. В публикации 1971 г., увидевшей свет уже после создания дендрохронологической шкалы Новгорода (*Гайдуков*, 2010. С. 107), была уточнена и хронология 20-го яруса — теперь он стал датироваться 1040–1080-ми гг. Эта дата закрепились за находками во всех последующих исследованиях. Кроме того, в этой публикации Б. А. Колчин обратил внимание на то, что раппорт детали с плетенкой не обрывается, а загибается, образуя своеобразный бордюр. На основании этого он впервые озвучил предположение, что изначально это были не колонны, а полуколонны. Сегодня это мнение также закрепилось в литературе.

Первые мнения искусствоведов

Ко второму этапу изучения новгородских полуколонн можно отнести публикации историков искусства и архитектуры. К фрагментам обращались разные исследователи, однако чаще всего их использовали в качестве иллюстраций при обсуждении общих тем. Например, интерьера древнерусского жилища или орнаментального убранства фасадов храмов. Предметом отдельного исследования в советский период они так и не стали. Более того, вопрос об изначальном бытовании находок каждый автор решал по-своему, чаще всего просто высказывая, но не берясь доказывать свое мнение, а подчас и не принимая во внимание статьи других исследователей.

Несмотря на расхождения в вопросе первоначального назначения новгородских полуколонн, относительно их декора долгое время не было серьезных споров. О нем либо не писали вовсе, либо опирались на мнение, высказанное А. В. Арциховским еще в первой публикации. Согласно его теории, плетенка, которой украшена одна из находок, имеет славянское происхождение, аналогии ей он находит в каменной резьбе Далмации и Польши. Фигуры животных А. В. Арциховский сравнивает с владими́ро-суздальскими рельефами и видит сходные с ними изображения на стенах Георгиевского собора Юрьева-Польского. На основании этого он делает вывод, что на новгородской полуколонне мы

видим ранний вариант той художественной традиции, которая затем в полной мере проявила себя во владими́ро-суздальском зодчестве (Арциховский, 1954).

Теорию славянского происхождения декора полуколонны с плетенкой, высказанную А. В. Арциховским, российские ученые сегодня считают устаревшей, так как примеры, приведенные автором, стилистически крайне далеки от того, что мы видим на новгородском фрагменте. Очевидно, что на сложение этой концепции повлияла не только междисциплинарная разница (А. В. Арциховский подчас достаточно вольно подходит к вопросам истории искусства), но и исторический период. Время обнаружения находок совпало с очередным витком обострения «норманнского вопроса», в решении которого А. В. Арциховский занимал жесткую антинорманистскую позицию (Клейн, 2009. С. 38). В такой ситуации круг памятников, в принципе рассматриваемых автором, ограничивался искусством славянского мира, а приведенные примеры, по всей видимости, были порождены ограничением в выборе источников — они взяты из довольно общего труда Й. Стржиговского «Древнеславянское искусство» (Strzygowski, 1929).

Попытка вписать новгородские находки в систему древнерусской домонгольской деревянной архитектуры принадлежала Ю. П. Спегальскому. Согласно его реконструкции, которую, однако, сам автор считал гипотетической в силу единичности находок и из-за отсутствия дополнительных доказательств, дубовые фрагменты являлись частью жилой постройки. Правда, предложенная автором атрибуция достаточно широка — они могли быть частью галереи или сеней (Спегальский, 1972. С. 172). Ю. П. Спегальский обратил внимание на конструктивные особенности памятников — гладкий пояс у верхнего края фрагментов, который, вероятно, отделял столбы (автор считает, что фрагменты принадлежат столбам) от их завершения, и вертикальную полосу, обрамляющую край орнамента. Автор считает, что она свидетельствует о наличии вертикального шпунта,

служившего для крепления к этому столбу досок или плах.

Палитра приведенных гипотез происхождения новгородских находок была бы неполной без упоминания еще двух публикаций. Г. Н. Бочаров в книге «Прикладное искусство Новгорода Великого» высказал мнение, что имеющиеся фрагменты могли быть остатками интерьерных столбов (Бочаров, 1969. С. 75–76), а В. Л. Янин в научно-популярной статье «День десятого века», опубликованной в журнале «Знание — сила», предположил, что перед нами детали храма Спаса Преображения на Разваже (Янин, 1983. С. 18). Стоит заметить, что, кроме того, в статье В. Л. Янина приведена другая, куда более поздняя, дата слоя, в котором были обнаружены находки, — начало XII в., а также обратить внимание на одно утверждение автора, согласно которому из дуба в Новгороде строили только храмы, но не жилые и хозяйственные постройки.

«Скандинавский след» при поиске аналогий

Третий этап изучения памятников начинается в середине 1990-х гг. и характеризуется смещением фокуса исследовательского внимания со славянской на скандинавскую художественную традицию.

Начало ему было положено в небольшой статье архитектора и историка архитектуры И. Н. Кудрявцева «Деревянные полуколонны из Новгорода и их североевропейские аналогии» (Кудрявцев, 1995), опубликованной в 1995 г. Автор сделал смелое и неожиданное предположение о том, что найденные в Новгороде резные полуколонны могли являться частью декора здания, аналогичного скандинавским столбовым или мачтовым церквям (ставкиркам).

Идея существования скандинавской столбовой церкви в Древнем Новгороде покажется не такой фантастической, если обратиться к истории Готского двора — торговой фактории готландских (а позже и ганзейских) купцов. Из источников нам достоверно известно, что на Готском дворе располагалась церковь св. Олафа, о времени строительства которой

существует несколько мнений. Е. А. Рыбина связывает возникновение и церкви, и всего Готского двора с легендой о посаднике Добрыне, то есть с рубежом XI–XII вв. (Рыбина, 1986. С. 19). Однако другие исследователи не исключают ее появления раньше, вскоре после утверждения культа святого (1031 г.) (Джаксон, 2001. С. 100–102), который бывал на Руси при жизни и некоторые чудеса которого, согласно текстам, происходили в Новгороде (Мельникова, 1996). Вероятно, если и говорить о существовании в Новгороде XI в. церкви столбовой конструкции, то ею должна быть церковь св. Олафа. Но даже если принять ранние даты возникновения этой постройки, место ее нахождения ограничено Готским двором, располагавшимся на Торговой стороне, рядом с резиденцией князя (Рыбина, 1986. С. 19). Деревянные резные полуколонны были найдены на Софийской стороне — на Неревском раскопе, в прямо противоположном конце Новгорода. Вероятно, новгородцы не стали бы переносить остатки разрушенной церкви так далеко, чтобы употребить их как бросовый материал для вымостки двора или в качестве подкладок под дом.

Несколько иного мнения о топографии возможной постройки столбовой конструкции придерживаются В. Я. Конецкий и К. Г. Самойлов, чья статья «О некоторых аспектах культуры средневекового Новгорода» (Конецкий, Самойлов, 1999) окончательно закрепила в российской науке мнение о скандинавском происхождении полуколонн. Авторы приводят сведения о наличии на усадьбе «А» Неревского раскопа необычной для Новгорода постройки, ориентированной, в отличие от стандартной усадебной застройки, не параллельно улицам, а по линии восток–запад. Сооружение, получившее наименование «Д», археологически зафиксировано в ярусах 26, 22–20 и 17–14, то есть с 989 по 1268 г. с небольшими интервалами. При этом лишь в 15-м ярусе (1224–1238 гг.) оно начинает фиксироваться как сруб. До этого его конструкция неясна, но археологическое состояние постройки не противоречит тому, что она могла представлять собой каркасное

сооружение. Из этого авторы делают вывод, что, вероятно, перед нами остатки церкви, сначала построенной в скандинавской строительной технике, а в начале XIII в. перестроенной в виде сруба.

Концепция И. Н. Кудрявцева, В. Я. Конецкого и К. Г. Самойлова была бы убедительной, если бы тщательно реконструированная архитектурно-археологическая ситуация давала однозначные выводы о каркасном характере постройки, а не лишь о ее непонятной конструкции, и если бы предположение о наличии на усадьбе «А» выполненной в скандинавской строительной технике церкви находило отражение в стилистике резных фрагментов. Но именно на этом этапе мы сталкиваемся с существенным противоречием: плетенка, которой декорирована новгородская находка, не соответствует ни одному из бытующих в Скандинавии в этот период стилей.

Этому стилистическому несоответствию российские ученые обычно не придают значения. Так, В. Я. Конецкий и К. Г. Самойлов считают декор скандинавским *a priori* («...любой непредвзятый исследователь не может не видеть североевропейские аналоги плетенному орнаменту на „колоннах“...» (Конецкий, Самойлов, 1999. С. 6)), а И. Н. Кудрявцев приводит в подтверждение своей концепции три норвежских примера: церковь в Дале (Dal), Лардале (Lardal) и Ойфелье (Øyfell). Однако все они относятся уже к XIII–XIV вв., когда скандинавское искусство переживает сильное влияние романского стиля. «Романизация» скандинавского искусства начинается в начале XII в. и сопровождается появлением нового, нехарактерного для изобразительно-го строя эпохи викингов набора черт (Fuglesang, 1981. С. 96–125). При этом изображения в медальонах, которые могут быть сопоставлены с теми, что мы видим на новгородских полуколоннах, фиксируются на откосах норвежских деревянных порталов самое раннее во второй половине XII — XIII в., и именно эти композиционные элементы скандинавские исследователи связывают с приходом традиции англо-французской школы Шанель

(Channel School) (Hohler, 1999. С. 101–102), то есть выделяют как привнесенные романские, а не автохтонные.

Вместе с тем новгородские находки археологически датируются 1040–1080 гг., а вырезаны, вероятно, не позже середины XI в. (учитывая, что они еще какое-то время должны были служить по своему прямому назначению). Иными словами, если бы эти предметы были созданы под влиянием скандинавской традиции, то это была бы традиция искусства эпохи викингов, а не «романизованное» скандинавское искусство XII в. В рассматриваемый промежуток времени в Скандинавии существуют стили «Маммен» (960–1020 гг.), «Ригнерике» (980–1090 гг.) и «Урнес» (1050–1170 гг.)³ (Glosecki, 2016. С. 20), однако декор новгородской «колонны» не относится ни к одному из них.

Мнение скандинавских исследователей

Именно это несоответствие побудило включиться в дискуссию скандинавских ученых, что сделало новгородские «колонны» известными за пределами российской научной традиции. В 2003 г. ведущий исследователь резного декора норвежских каркасных церквей Э. Хулер (Erla Hohler) выпустила статью «Two wooden posts found in Novgorod: a note on their date and stylistic connection» (Hohler, 2003), в которой убедительно доказала, что декор полуколонн не имеет отношения к Скандинавии. Э. Хулер делает свои выводы исходя непосредственно из стиля, а не из конструктивных особенностей или археологического контекста. В своем исследовании она применила схему, используемую в изучении скандинавской порталной резьбы, где формирование деревянной скульптуры рассматривается как процесс, происходящий под влиянием

³ Скандинавские авторы чаще всего не указывают точные даты стилей и предпочитают исходить не из времени создания, а из орнаментальных особенностей вещей. Здесь датировки взяты из общего труда, посвященного животным в средневековом искусстве. Они приведены для удобства соотнесения скандинавских и русских памятников, и их следует учитывать не как точные, а как приблизительные временные промежутки.

каменной, пришедшей с материковой Европы. Анализируя характер плетенки, Э. Хулер отмечает, что двойная линия плетения и изображение мифических существ, заключенных в медальоны, были широко распространены в Европе, но в Скандинавии появляются лишь к XIII в. Поэтому, по ее мнению, правомерной является как раз первая (признанная российскими учеными устаревшей) идея А. В. Арциховского — теория о единой традиции, в которой выполнены новгородские полуколонны и белокаменная резьба владимиросуздалских соборов. В первую очередь Э. Хулер, как и А. В. Арциховский, проводит параллель с Георгиевским собором Юрьева-Польского.

Э. Хулер выстраивает следующую цепочку рассуждений: деревянная скульптура, безусловно, существовала в Древней Руси, но от нее не сохранилось фактически никаких фрагментов. Такие мотивы, как грифон и кентавр, вероятнее всего, пришли из Византии, как и сложное плетение с двойным контуром. Аналогичные мотивы широко распространены в монументально-декоративной скульптуре Западной Европы и встречаются в рельефах владимиросуздалских храмов, сформированных под германо-ломбардским влиянием. Учитывая тот факт, что данные рельефы и резьба новгородских колонн имеют много общего, они должны датироваться одним временем. Таким образом, новгородские колонны являются вариантом владимиросуздалской резьбы в дереве.

Временную разницу в два века, разделяющую новгородскую и суздальскую резьбу, она объясняет возможной ошибкой при фиксации находок, для чего, в свою очередь, есть основания из-за расхождения в данных первых публикаций. Более того, Э. Хулер указывает, что для изучения полуколонн она ездила в Новгород вместе с доктором архитектуры О. Сторслеттен (Ola Storsletten), которая не подтвердила их конструктивную принадлежность к ставкирке.

Очевидное различие подходов российских и норвежских ученых объясняется разным характером материала, с которым приходится работать исследователям. Основным

инструментом в изучении скандинавской порталной резьбы являлся стилистический анализ, с помощью которого проводится не только формирование типологии, но и определение дат. Но в данном случае мы имеем дело с археологическим памятником, стратиграфически датированным XI в., а предположение об ошибке в два века все-таки выглядит искусственным, учитывая, что других подобных случаев в новгородском материале мы не знаем. Однако идея о том, что стилистически новгородские находки не имеют ничего общего со скандинавским искусством, высказанная ведущим исследователем норвежской порталной резьбы, представляется крайне важной и заслуживающей пристального внимания.

Интересно, что статья Э. Хулера стала, во-первых, единственной публикацией, целиком посвященной именно стилистическому анализу новгородских находок, а во-вторых, практически не получила отражения в отечественной историографии, где они продолжают считаться несколько видоизмененным вариантом скандинавской традиции. Так, говоря о древнерусском плетеном орнаменте М. А. Орлова приводит аналогии стиля «Урнес» (Орлова, 2012. С. 368–369), однако плетенка «Урнеса» существенно отличается от рассматриваемого памятника. Отличительной особенностью «Урнеса» является характерный перепад толщины ленты плетения, что создает особую утонченность, даже «манерность» этого стиля. В новгородской полуколонне с медальонами мы видим двойную ленту без перепада толщин, что является прямым доказательством того, что эти памятники относятся к разным художественным традициям.

Единственной публикацией, учитывающей мнение Э. Хулера, стала статья «The archaeological study of the wooden religious architecture of medieval Novgorod» (Rodionova et al., 2016. С. 43–48) российских исследователей М. А. Родионовой, В. А. Попова и Н. Н. Точиловой, вышедшая на английском языке в сборнике «Historic Wooden Architecture in Europe and Russia: Evidence, Study and Restoration» и

потому не получившая широкого резонанса в отечественной научной среде. В этой работе представлена история изучения новгородских находок и показана вся палитра мнений относительно происхождения их декора, но не предложено собственной теории, а лишь поднят вопрос о сложности и неоднозначности рассматриваемого материала.

Уместно привести и еще одну публикацию, ценность которой заключается именно в том, что рассматриваемые объекты в нее не включены. В издании 1992 г. «From Viking to Crusader. The Scandinavians and Europe 800–1200» (Roesdahl et al., 1992) собраны вещи со всего мира, имеющие отношение к Скандинавии этого периода. В частности, в книге представлено несколько не столь широко известных находок из Новгорода и с Рюрикова городища, но вот новгородские полуколонны в этот свод не попали. Очевидно, что авторы, среди которых была и Э. Хулер, были хорошо знакомы с новгородским археологическим материалом и не включили их специально, так как не считали, что их декор имеет скандинавское происхождение.

Итак, несмотря на то что новгородские резные полуколонны являются одними из самых ценных в художественном отношении предметов из археологического слоя древнего Новгорода и что они вызывают правомерный интерес у представителей сразу нескольких дисциплин (археологов, искусствоведов и историков архитектуры), на сегодняшний день не существует единого мнения относительно того, к какой художественной традиции они принадлежат и элементами какой конструкции являются. Теория А. В. Арциховского — Э. Хулера не может быть до конца убедительной из-за того, что приведенные далматские и польские примеры не имеют явного сходства с новгородскими находками, а иконографические параллели с декором Георгиевского собора Юрьева-Польского слишком далеко отстоят от рассматриваемого памятника по времени. Теория И. Н. Кудрявцева, В. Я. Конецкого и К. Г. Самойлова, в свою очередь, основывается на конструктивных особенностях самих деталей (по большому

счету лишь на том, что это полуколонны, а не колонны), но не учитывает стилистические аспекты их декора.

Интересными в этой связи представляются упоминания новгородских находок в контексте разговора о резных каменных капителях Чернигова. Е. И. Архипова относит новгородские и черниговские памятники к одной — романской, пришедшей, вероятно, через ломбардских мастеров, — художественной традиции, считая деревянную резьбу пусть и не прямым, но аналогом более позднего каменного варианта (Архипова, 2012). Действительно, у этих памятников много общего. Двойной жгут и свободные ленты плетения одной новгородской полуколонны находят параллели в так называемой «капители 1860 г.» Борисоглебского собора Чернигова, утраченной во время войны, а центральная часть крупной пальметты, украшающей другую полуколонну, почти в точности соответствует пальметте в центре борисоглебской капители с фигурами животных (волков или гепардов (?)).

Идея включения новгородских плах в круг древнерусских памятников, созданных под влиянием романской традиции, видится очень продуктивной. Однако сложность заключается в том, что деревянные фрагменты из Новгорода остаются одиночными образцами искусства XI в. Романское влияние на каменную резьбу Чернигова относится уже к XII в., «романизация» искусства Скандинавии начинается также в начале XII столетия. Безусловно, нельзя не брать в расчет возможность существования не дошедшего до нас декора деревянных архитектурных построек самой Древней Руси, которые, возможно, уже выработали какую-то локальную традицию. Но такие предположения всегда остаются голословными без весомых доказательств.

Возвращение к изначальной концепции

В данной ситуации представляется целесообразным еще раз проверить концепцию А. В. Арциховского с учетом новых, появившихся за последние полвека, данных. Для этого необходимо обратиться к искусству Центральной Европы, а точнее — к упоми-

наемому исследователем Вавельскому собору. В своей статье А. В. Арциховский приводит в качестве примера один вавельский рельеф, виденный им во время командировки в Польшу и опубликованный Й. Стржиговским (*Strzygowski*, 1929. S. 218. Abb. 203). Этот каменный фрагмент действительно украшен плетенкой из двойных жгутов, хотя ее раппорт далек от того, что мы видим в Новгороде. Однако приведенный А. В. Арциховским пример — не единственный образец вавельских рельефов с плетенкой. Опубликованный Й. Стржиговским фрагмент был обнаружен в 1899 г. при работах в часовне Девы Марии Снежной Вавельского собора, где располагается захоронение умершего в 1550 г. епископа Самуила Мацеёвского (1499–1550). Он был вмонтирован в готическую стену часовни, но изначально принадлежал более ранней постройке (*Malik*, 2000/2001. S. 195).

В ходе консервационных работ 1914–1920-х гг. в западном крыле Вавельского собора были найдены еще два фрагмента с плетенками: капитель и фрагмент ствола колонны (*Malik*, 2000/2001. S. 195; *Wawel...*, 2000. S. 164). А в 1972 г., почти через 20 лет после выхода статьи о новгородских находках, еще четыре каменных фрагмента, наиболее интересных в данном контексте (*Malik*, 2000/2001. S. 195; *Wawel...*, 2000. S. 164). Они были открыты при раскопках захоронения Елизаветы Германской (1436–1505), жены короля Казимира IV, расположенного в капелле Св. Креста в Вавельском соборе (*Koziel*, 1978). Как и первый рельеф, указанные фрагменты были использованы вторично.

Сегодня все семь найденных в разные годы каменных блоков часть польских исследователей связывает с одной постройкой — церковью св. Гереона (*kościół św. Gereona*), датируемой, по разным версиям, первой половиной XI в., серединой или временем после середины XI в. (*Malik*, 2000/2001. S. 197; *Wawel...*, 2000. S. 164). Другие ученые выделяют находки 1972 г. в отдельную группу и относят их не к церкви св. Гереона, а к первому Вавельскому собору, воздвигнутому в конце X — начале XI в. (*Bukowska*, 2009. S. 30–31).

Такая ранняя дата обусловлена тем, что по результатам раскопок 1981–1983 гг. время появления первой базилики предположительно связывают с основанием Краковской архиепархии в 1000 г. и, соответственно, отодвигают в самое начало XI или даже конец X в. (*Firlet, Pianowski, 1985*).

Для сравнения с новгородской полуколонной наибольший интерес представляют как раз вавельские находки 1972 г., а точнее — два из четырех фрагментов, декорированные плетенкой с медальоном, в центре которого расположена фигура животного (рис. 1, 3). Б. Малик (*Barbara Malik*) предполагает, что оба фрагмента являются частью одной плиты и предлагает реконструкцию, в результате которой собирается целый круг, а также становится понятен полный раппорт плетенки (рис. 1, 4). Согласно этой реконструкции, декор плиты состоял из двух медальонов, окруженных сложным, но регулярным переплетением жгутов, в просветах которого помещались небольшие розетки. Так как на сохранившихся фрагментах в медальоне присутствует фигура животного, вероятно, во втором тоже было какое-то изображение.

Безусловно, реконструкция Б. Малик является гипотетической, однако, если полный декор вавельского камня действительно состоял из двух медальонов, то это находит параллель в новгородском памятнике. При внимательном рассматривании новгородской полуколонны становится видно, что, несмотря на то что сама плетенка продолжается до конца сохранившегося фрагмента, его нижняя часть не содержит медальонов. То есть, вероятно, кругов здесь изначально было только два, а остальную поверхность занимало плетение.

Количество медальонов, однако, является зыбкой почвой для сравнения, так как оно может быть предположено лишь теоретически, на основе реконструкции. Полезнее будет сравнить настоящие сохранившиеся элементы декора вавельской плиты и новгородской «колонны» по нескольким критериям.

Структура плетения. В обоих случаях ленты плетения имеют постоянную ширину

и состоят из двух выпуклых жгутов. Ширина двойной ленты новгородской полуколонны — около 2 см, глубина фона — 1,0–1,2 см (по Б. А. Колчину). Ширина одного жгута ленты вавельской плетенки — 1,2 см (по Б. Малик), глубина фона не приведена. Орнамент вавельского камня образован двумя положенными рядом лентами, которые в местах пересечения переплетены по принципу корзинки, что создает сложную структуру стыков. В просветах между плетением расположены небольшие розетки. Вся композиция имеет регулярный раппорт. В новгородской находке это удвоение отсутствует. Орнамент создается одной лентой плетения, он плотнее и без просветов. На первый взгляд кажется, что новгородская плетенка имеет раппорт, но при более внимательном изучении оказывается, что раппорта в ней нет. При раскрашивании прориси новгородской находки в разные цвета, выяснилось, что узор создается хаотично наброшенными петлями.

Медальоны. В обоих памятниках ленты плетения образуют круглые медальоны. Но в вавельском камне они имеют форму замкнутого круга, а в новгородском — этот круг образован выходящими из плетенки лентами и, соответственно, может быть мысленно разомкнут в местах пересечения лент. Однако в обоих памятниках применен единый принцип окантовки этого круга: на него как бы набросаны ленты плетения. Разница лишь в том, что в новгородском примере петли «завязаны» вокруг внешнего абриса медальона, и таким образом зооморфный мотив оказывается внутри второго, более четко выраженного, круга, а в вавельском камне петли пересекают сразу весь контур медальона, поэтому круг, в котором расположен зооморфный мотив, получается менее выраженным.

Бордюры орнамента. В обоих памятниках ленты плетения, доходя до края отведенной под орнамент поверхности, возвращаются обратно, образуя по краям изобразительной плоскости волнистый кант. Орнаментальное поле полуколонны, кроме этого, окаймлено выпуклым бордюром. На вавельском камне такого бордюра нет.

Зооморфные изображения. Изображения животных на новгородской полуколонне, несмотря на то что от них сохранились только задние части туловищ, более проработаны и лучше вписаны в медальоны. И грифон, и кентавр занимают все пространство отведенных им кругов, ступая лапами по краю ленты плетения. Кроме того, сами их тела смоделированы интереснее, чем на вавельском камне: хвосты заплетены в плетенки, конструктивно не связанные с обрамляющим орнаментом, но вторящие его формам. Тело животного на вавельском камне (по мнению Б. Малик, здесь изображен ягненок) не имеет орнаментальных деталей и вписано в композицию медальона не так искусно. Его фигура достаточно схематична, задняя часть туловища далеко отстает от орнаментального края, а голова, наоборот, упирается в бордюр.

Из приведенного выше сравнения видно, что, хотя декор вавельских камней и новгородской полуколонны нельзя назвать идентичным, он очень похож. В обоих случаях мы видим орнамент, образованный двойными лентами плетения без перепадов толщин, уложенными округлыми петлями. В каждом из памятников основным смысловым ядром плетения являются медальоны с зооморфными фигурами, а плетеный орнамент как бы обрамляет эти медальоны. Кроме того, соединение медальонов с плетеным полем по своей структуре в обоих памятниках идентично: по краю круга наброшены свободные петли, как бы закрепляющие медальон в орнаментальной сети. Идентичным образом оформлены и края обоих памятников — ленты плетения, доходя до границы поверхности, поворачивают назад, создавая волнистый край орнаментального поля.

Очевидно, что А. В. Арциховский не мог знать эти рельефы, обнаруженные спустя почти 20 лет после новгородских находок. Приведенный им другой пример из Вавеля, по всей видимости, появился благодаря стечению обстоятельств: командировке 1953 г. в Польшу, о которой он пишет в своей статье, и необходимости найти аналог среди славянского искусства. Однако дальнейшее развитие

археологии неожиданно дало нам подтверждение этой теории, которая в момент ее публикации была скорее случайным и неточным наблюдением.

Славянский регион и итальянское влияние

Изучение вавельских камней имеет сложную и не совсем счастливую историю. Основная статья, рассматривающая сложение их декора, не имеющего прямых аналогов в других памятниках, была выпущена в 1974 г. Е. Ногич-Чепеловой (*Nogieć-Czepielowa*, 1974), однако в тот момент исследовательница еще не знала о последних находках из капеллы Св. Креста и не включила их в свою работу (*Wawel...*, 2000. S. 164). Она уделила основное внимание капители и фрагменту ствола колонны из раскопок 1914–1920-х гг. и каменному блоку с плетенкой из часовни Девы Марии Снежной. Согласно ее концепции, закрепившейся среди польских ученых и позже экстраполированной и на находки из капеллы Св. Креста, вавельская плетенка является специфическим предроманским вариантом развития итальянского искусства каролингской эпохи (*Nogieć-Czepielowa*, 1974. S. 30–31). Таким образом, выводы Е. Ногич-Чепеловой относительно сложения декора вавельских камней пересекаются с выводами Е. И. Архиповой о происхождении плетенки черниговских капителей. В обоих случаях корни этой традиции исследователи находят в искусстве итальянских мастеров, получившем широкое распространение в Европе и дошедшем до западных рубежей Руси (*Иоаннисян*, 2007). Открытым остается вопрос о пути сложения декора конкретной новгородской полуколонны. Иными словами, возник он как самостоятельная реакция на итальянскую традицию, или же это взаимодействие второго порядка — через регион-посредник.

Для Польши семь каменных фрагментов с плетенкой являются уникальными памятниками, не имеющими точных иконографических аналогов и не зафиксированными в письменных источниках (*Malik*, 2000/2001.

S. 195). Однако подобный плетеный декор находит очень близкие параллели в искусстве соседних регионов. Так, широко известны аналогии, проведенные между вавельскими находками и колоннами из крипты костела св. Вита в Праге. Е. Ногич-Чепелова провела стилистический анализ этих памятников и выяснила, что пражский декор моложе вавельского (*Nogieć-Czepielowa*, 1974. S. 22). Чешские ученые поддерживают эту точку зрения и даже высказывают гипотезу о возможном пути попадания польской традиции в Чехию — через мастеров, привезенных сюда благодаря браку чешского короля Вратислава II со Светославой Польской (*Merhautová, Třeštík*, 1983. S. 83), состоявшемуся в 1085 г. В контексте связей с Русью здесь важно отметить, что Светослава Польская была дочерью польского князя Казимира I Восстановителя и сестры Ярослава Мудрого Марии Добронеги.

Наличие разветвленных русско-польских контактов в этот период не вызывает сомнений. Лучше всего они прослеживаются в зодчестве Галицко-Волынской земли, исследованном О. М. Иоаннисяном. В статье «К истории польско-русских архитектурных связей в конце XI — начале XIII в.» он приводит развернутую реконструкцию художественного процесса того времени, разворачивающегося на западных рубежах древнерусского государства, и указывает: «Среди западных соседей Руси Польша занимает особое место. Ни одно из средневековых государств Европы, граничивших с Русью, не соприкасалось с ней на таком огромном пространстве — от Карпатских гор на юге до Немана и Западной Двины на севере. После установления государственности на Руси и в Польше между Рюриковичами и Пястами начиная с XI в. устанавливаются теснейшие и глубоко разветвленные династические связи» (*Иоаннисян*, 2002. С. 206).

В зодчестве Северо-Запада мы не находим столь явных архитектурных заимствований, однако здесь дают о себе знать другие культурные и этнические аспекты, нашедшие отражение в археологическом материале.

Проведенное В. М. Горюновой исследование керамики X — начала XI в. из Новгорода и с Рюрикова городища показало наличие в этих центрах западнославянских образцов с польских и немецких территорий и местных, подражающих им, форм (*Горюнова*, 2005). Более того, сила западнославянского импульса была так велика, что именно под его воздействием на Северо-Западе Руси впервые начинает использоваться гончарный круг (*Горюнова*, 2007. С. 238). Не стоит обходить вниманием и базовую этническую общность двух этих регионов: В. В. Седов убедительно доказывал западнославянское происхождение ильменских словен, основываясь на анализе погребальной обрядности и кранеологическом материале (*Седов*, 1995. С. 244–245). Безусловно, этнический аспект и распространение типов керамики в раннеславянской среде не может служить подтверждением миграции мастеров или заимствования художественной традиции. Однако они показывают наличие устойчивых русско-польских связей в догосударственный и ранний государственный периоды. А это, в свою очередь, косвенным образом могло отразиться на том, что в ранние века новгородской истории польская художественная традиция воспринималась здесь легко и не встречала сопротивления.

Возвращаясь к разговору о польском и чешском зодчестве этого периода, следует сказать, что фрагмент ствола колонны из Вавеля действительно имеет много общего с колоннами из крипты костела св. Вита, где сохранились не только фрагментированные, но и целые образцы. А. Мерхаутова (*Anežka Merhautová*) и Д. Трештик (*Dušan Třeštík*) опубликовали две колонны из этого собора, обе датированные 1061–1094 гг. (*Merhautová, Třeštík*, 1983. S. 66–67). Одна из них, действительно, очень похожа на вавельский пример, другая имеет с ним меньше сходства — ее поверхность украшает сложное переплетение жгутов, почти посередине ствола разделенное обхватывающей окружность косой плетенкой.

Аналогичный декор, состоящий из разных видов переплетений и кос, оплетающих

цилиндрические поверхности, можно увидеть на целом ряде новгородских предметов декоративно-прикладного искусства. Это рукояти булав или посохов, которые, согласно наблюдениям Б. А. Колчина, получили наибольшее распространение в XII–XIII вв. (*Колчин*, 1971. С. 21–23). В свою очередь орнамент, очень похожий на тот, что украшает другую чешскую и фрагмент польской колонны, очень похож на способ проработки «гривы» «дракона», вырезанную на рукояти одного из новгородских ковшей начала XI в. При разговоре об орнаменте крайне сложно и не всегда возможно найти точные параллели, однако способ организации плетенки (сложное переплетение по типу кос, двойные или тройные ленты), украшающей многие новгородские предметы домонгольского времени, имеет большое сходство с архитектурной резьбой Чехии и Польши XI в.

**«Стилистическая многоголосица»
искусства древнего Новгорода**

Здесь важно затронуть один теоретический вопрос, касающийся понятия «стиля» раннего периода новгородского искусства. Характерно, что в статьях разных авторов, пишущих о новгородских полуколоннах, речь чаще всего идет только об одной из них — украшенной плетенкой с медальонами. Полуколонна с пальметтой обычно упоминается лишь вскользь и практически не анализируется, хотя, вероятно, обе они принадлежали одному памятнику. Если рассматривать их вместе, как части одной архитектурной постройки, то неизбежно возникает диссонанс, так как нам с нашим современным пониманием стиля и гармонии сложно представить эти фрагменты в одном ансамбле.

Интересно экстраполировать это наблюдение о стилевой разноголосице начального периода новгородской истории на более широкий круг памятников, для чего именно в этом регионе имеется благодатная почва. Мокрый археологический слой и многолетние раскопки дали нам обильный материал, состоящий не из отдельных ярких произведений искусства, а из значительно большего

количества бытовых предметов, хорошо демонстрирующих повседневный визуальный контекст, который окружал людей в этот период. Для примера выберем несколько памятников, относящихся к XI в., и попытаемся проследить стилистические истоки их декора. Так, XI в. датируются два деревянных бруса, орнамент которых явно сложился под влиянием искусства Скандинавии (*Колчин*, 1971. Табл. 19). Тем же XI в. датируется только что упомянутая рукоять ковша в виде головы «дракона» (*Бочаров*, 1969. Табл. 54), польский и чешский аналоги декора которой были продемонстрированы выше. И к этому же столетию относится цера конца XI в. (*Бочаров*, 1969. Табл. 46), мотив украшения которой практически полностью повторяет орнамент серебряного византийского реликвария XI в. (*Даркевич*, 1975. С. 225). Но изредка встречаются и удивительно точные совпадения. Например, фактически одинаковыми телами «драконов» украшены один из упомянутых выше брусов и копыл XI в. (*Точилова*, 2015. С. 268. Рис. 3, 2). Таким образом, археологические раскопки иногда приносят нам почти точные аналогии ранее найденных вещей, но это частные случаи, при разговоре о которых, по всей видимости, речь должна идти об одной мастерской или одном мастере, а не о единстве традиции в целом. Сам же мир новгородского прикладного искусства этого времени оказывается крайне пестрым, поэтому говорить о едином «стиле» в современном понимании этого термина нам кажется рискованным.

В этой стилистически хаотичной визуальной среде могут быть выделены отдельные традиции: византийская, скандинавская и, видимо, предроманская. Последняя, насколько нам известно, ранее не упоминалась при разговоре о новгородском археологическом материале, однако ее наличие в «малых формах» древнерусского искусства исследователями отмечалось (*Беляев*, 2000. С. 740). Именно поэтому при работе с новгородскими вещами мы регулярно сталкиваемся с памятниками, ставящими нас в тупик своей уникальностью, в то время как дело здесь,

по всей видимости, не в «необычности» отдельных находок, а в отсутствии единства визуальной среды в целом.

В качестве очевидного примера такой стилистической «многоголосицы» стоит привести один широко известный древнерусский памятник. Речь идет о Юрьевском евангелии (1119–1128 гг.), в котором обычно выделяются отдельные инициалы, относимые исследователями к разным традициям: византийской и североевропейской (Орлова, 2012. С. 373–374). Об этой особенности памятника, хорошо маркирующей состояние новгородского искусства первой половины XII в., пишет М. А. Орлова: «Скорее, здесь можно говорить о начальном этапе появления отдельных элементов нового стиля в этнически пестрой средневековой художественной среде, насыщенной произведениями разных культурных ареалов. Это и демонстрирует искусство Новгорода» (Орлова, 2012. С. 374). В отличие от новгородских полуколонн, которые все-таки могут быть отнесены к одной постройке с некоторой долей вероятности, единство Юрьевского евангелия не вызывает у нас сомнений. Это один памятник, и притом памятник не низовой культуры. Но в нем легко вычленяются разные традиции, относимые к разным регионам.

В завершение возвратимся ко второй новгородской полуколонне, украшенной крупной пальметтой, которую часто называют «Древом жизни» (Архипова, 2015. С. 315). Декор этого предмета как бы разбит на два регистра: пустое поле внизу и орнаментальная композиция вверху. За счет этой особенности возникает даже ощущение некой незавершенности памятника, однако его обнаружение в условиях вторичного залегания свидетельствует о том, что ранее он использовался и, следовательно, был завершен. Выскажем крайне рискованное предположение, которое, к сожалению, нельзя подтвердить на данном этапе: возможно, здесь мы имеем дело с условным делением деревянного фрагмента на «ствол» и «капитель» колонны. Подобный архитектурный декор получил широкое распространение в Польше — например,

в городах Вонхоцк (Wąchock) и Енджеюв (Ędrzejów) (Walicki, 1971. S. 468–469, w. 565, 573, 574). Иконографически особенно близка новгородскому изображению капитель из Енджеюва, украшенная крупной пальметтой с завитками по бокам (Walicki, 1971. С. 468, w. 565). Однако все эти примеры относятся к XIII в., и если в Польше не будут найдены более ранние образцы, доказывающие, что эта традиция существовала здесь и ранее, они не могут быть использованы как прямые аналоги новгородской «колонны».

Выводы

В заключении этой статьи хотелось бы еще раз обозначить основные наблюдения.

1. Плетеный орнамент новгородской «колонны» не находит аналогов в скандинавском искусстве поздней эпохи викингов, современной ему по времени.

2. Медальоны с животными маркируют след романской традиции, однако известные нам памятники, созданные под ее влиянием на связанных с Русью территориях, относятся к более позднему времени. Единственный близкий аналог был найден нами в предроманском польском искусстве конца X — начала XI в., а более детальное изучение польско-чешских памятников этого периода выявило и другие параллели между русским и центральноевропейским искусством этого времени.

3. Русско-польские связи раннего периода Древнерусского государства известны не так широко, как связи русско-византийские или русско-скандинавские, однако они подтверждаются историческим контекстом, матримонными отношениями и археологическим материалом.

4. Таким образом, на наш взгляд, декор новгородских полуколонн был создан под влиянием предроманского искусства, в данном случае пришедшего на Русь из польских земель, что доказывает присутствие этой традиции на Северо-Западе Руси в XI в. А это, в свою очередь, подтверждает появление романских элементов в древнерусском искусстве раньше известных памятников XII в.

- Архипова*, 2012 — *Архипова Е. И.* Романская архитектурная резьба Борисоглебского собора в Чернигове // Матеріальна та духовна культура Південної Русі: Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару, присвяченого 100-літтю від дня народження В. Й. Довженка (Чернігів — Шестовиця, 16–19 липня 2009 р.) / Інститут археології НАН України, Чернігівський національний педагогічний університет імені Т. Г. Шевченка. Київ; Чернігів, 2012. С. 25–35.
- Архипова*, 2015 — *Архипова Е. И.* Архитектурный декор и скульптура XII века Южной, Юго-Западной Руси и Рязани // История русского искусства: В 22 т. / Отв. ред. Л. И. Лифшиц. М.: Государственный институт искусствознания, 2015. Т. 2. Кн. 2: Искусство второй половины XII века. С. 306–353.
- Арциховский*, 1954 — *Арциховский А. В.* Колонна из новгородских раскопок // Вестник Московского университета. Серия общественных наук. № 4. М.: МГУ, 1954. С. 65–68.
- Беляев*, 2000 — *Беляев Л. А.* Общевропейские элементы в древнерусском искусстве. X–XII вв. // Из истории русской культуры / Сост. В. Я. Петрухин. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 1 (Древняя Русь). С. 732–755 (Язык. Семиотика. Культура).
- Бочаров*, 1969 — *Бочаров Г. Н.* Прикладное искусство Новгорода Великого. М.: Наука, 1969. 208 с.
- Гайдуков*, 2010 — *Гайдуков П. Г.* К 50-летию начала дискуссии «О новгородской хронологии» // НиНЗИА. Великий Новгород: Печ. Двор «Великий Новгород», 2010. Вып. 24. С. 101–111.
- Горюнова*, 2005 — *Горюнова В. М.* Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X — начала XI вв. // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. Новые материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 82–121 (Тр. ИИМК РАН. Т. XVIII).
- Горюнова*, 2007 — *Горюнова В. М.* О возникновении раннегончарного производства в Северо-Западной Руси // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник: Материалы МНК 4–7 октября 2005 г. Великий Новгород / Отв. ред. Е. Н. Носов и др. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 221–139.
- Даркевич*, 1975 — *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII веков. М.: Искусство, 1975. 350 с.: ил.
- Джаксон*, 2001 — *Джаксон Т. Н.* Austrigordum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки славянской культуры, 2001. 208 с., рис., табл.
- Засурицев*, 1967 — *Засурицев П. И.* Новгород, открытый археологами. М.: Наука, 1967. 206 с.
- Иоаннисян*, 2002 — *Иоаннисян О. М.* К истории польско-русских архитектурных связей в конце XI — начале XIII в. // Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. № 22. С. 206–230.
- Иоаннисян*, 2007 — *Иоаннисян О. М.* О происхождении, датировках и хронологии черниговского зодчества XII века // Ruthenica. Київ: Ruthenica, 2007. № 6. С. 134–188.
- Клейн*, 2009 — *Клейн Л. С.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. 400 с.
- Колчин*, 1956 — *Колчин Б. А.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // Тр. Новгородской археологической экспедиции / Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1. С. 44–137 (МИА. № 55).
- Колчин*, 1971 — *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Резное дерево. М.: Наука, 1971. 184 с. (Археология СССР. САИ. Вып. Е1-55).
- Конецкий*, *Самойлов*, 1999 — *Конецкий В. Я., Самойлов К. Г.* О некоторых аспектах культуры средневекового Новгорода // Новгородский исторический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. № 7(17). С. 3–14.

- Кудрявцев, 1995 — Кудрявцев И. Н. Деревянные полуколонны из Новгорода и их североевропейские аналогии // Славяно-русские древности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. Вып. 2: Древняя Русь: новые исследования. С. 211–218.
- Мельникова, 1996 — Мельникова Е. А. Культ святого Олава в Новгороде и Константинополе // Византийский временник. М.: Наука, 1996. № 56. С. 92–106.
- Орлова, 2012 — Орлова М. А. Орнамент и другие элементы декоративного убранства в живописи середины 1120-х — начала 1160-х годов // История Русского искусства. М.: Государственный институт искусствознания, 2012. № 1–2. С. 336–441.
- Рыбина, 1986 — Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1986. 176 с.
- Седов, 1995 — Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М.: ИА РАН, 1995. 416 с.: ил.
- Снегальский, 1972 — Снегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1972. 273 с.: ил.
- Точилова, 2015 — Точилова Н. Н. Скандинавская художественная традиция в деревянных археологических памятниках прикладного искусства Древнего Новгорода X–XIII вв. // НиНЗИА. Великий Новгород, СПб.: НГОМЗ: Первый ИПХ, 2015. Вып. 29. С. 263–273.
- Янин, 1983 — Янин В. Л. День десятого века // Знание — сила. М.: Знание, 1983. № 3. С. 15–18.
- Bukowska, 2009 — Bukowska A. Some questions surrounding monumental architecture of the Early Medieval Poland around the year 1000 // *Situne Dei*. Sigtuna: Sigtuna Museum, 2009. P. 21–33.
- Firlet, Pianowski, 1985 — Firlet J, Pianowski Z. Sprawozdania z badań w podziemiach katedry wawelskiej 1981–1983. Odkrycie kościoła przedromańskiego // *Sprawozdania Archeologiczne*. Krakow: Polska Akademia Nauk, 1985. № 37. S. 243–249.
- Fuglesang, 1981 — Fuglesang S. H. Stylistic groups in late Viking and early Romanesque art // *Acta ad Archaeologiam et Artium Historiam Pertinentia*. Rome: Series altera in 8 (1), 1981. № 1. P. 79–125.
- Glosecki, 2016 — Glosecki S. O. Movable Beasts: The Manifold Implications of Early Germanic Animal Imagery // *Animals in the Middle Ages*. London, New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2016. P. 3–25.
- Hohler, 1999 — Hohler E. B. Norwegian stave church sculpture. Analytical Survey, Catalogue (Medieval art in Norway). Oslo: Scandinavian Univ. Press, 1999. Vol. 1. 265 p., ill., pl.
- Hohler, 2003 — Hohler E. B. Two wooden posts found in Novgorod: a note on their date and stylistic connection // *Collegium Mediaevale*. Oslo: Collegium Mediaevale, 2003. № 16. P. 37–50.
- Kozieł, 1978 — Kozieł S. Badania archeologiczne w kaplicy Świętokrzyskiej na Wawelu w latach 1972–1973 // *Studia do Dziejów Wawelu*. Krakow: Ministerstwo Kultury i Sztuki, 1978. № 4. S. 441–459.
- Malik, 2000/2001 — Malik B. Relikty przedromańskiej dekoracji plecionkowej na Wawelu // *Studia Waweliana*. Krakow: Zbiory, 2000/2001. № 9/10. S. 194–204.
- Merhautová, Třeštík, 1983 — Merhautová A., Třeštík D. Románské umění v Čechách a na Moravě. Praha: Odeon, 1983. 362 p., ill.
- Nogieć-Czepielowa, 1974 — Nogieć-Czepielowa E. Pozostałości dekoracji rzeźbiarskiej I katedry wawelskiej // *Folia Historiae Artium*. Krakow: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. № 10. S. 5–36.
- Rodionova et al., 2016 — Rodionova M. A., Popov V. A., Tochilova N. N. The archaeological study of the wooden religious architecture of medieval Novgorod // *Historic Wooden Architecture in Europe and Russia: Evidence, Study and Restoration*. Basel: Birkhäuser, 2016. P. 42–55.
- Roesdahl et al., 1992 — Roesdahl E., Árnadóttir L., Edgren T., Hohler E. B., Liebgott N.-K., Tegnér G. From Viking to Crusader. The Scandinavians and Europe 800–1200. København: Nordisk Ministerråd, 1992. 429 p., ill., pl.
- Strzygowski, 1929 — Strzygowski J. Die Altslavische Kunst: ein Versuch ihres Nachweis. Augsburg: Benno Filser Verlag, 1929. 925 s., ill.

Walicki, 1971 — *Walicki M.* Dekoracja architektury i jej wystrój artystyczny // *Dzieje sztuki polskiej: Sztuka polska przedromańska i romańska do schyłku XIII wieku.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1971. T. 1. S. 21–24.

Wawel..., 2000 — *Wawel 1000–2000. Jubilee Exhibition 5 May — 30 July 2000. Guidebook (Artistic Culture of the Royal Court and the Cathedral. Cracow Cathedral — Episcopal, Royal and National).* Kraków: Zamek Królewski na Wawelu, 2000. Vol. I. 50 p., ill.

Pre-Romanesque impulse in the art of Novgorod of the 11th century. «Columns of oaken St. Sophia»

N. N. Tochilova, A. A. Slapinya

This article is devoted to the Romanesque style influence on the decorative art of Veliky Novgorod in the pre-Mongol period. The main attention is focused on two unique fragments of monumental-decorative wood carving found by A. V. Artsikhovskiy during excavations in 1953. Modern Russian researchers refer them to the North-European artistic tradition while Scandinavian scholars deny this interpretation believing that Novgorodian artefacts are related to the Old-Russian art proper. This article gives a detailed analysis of the historiography and puts forward a new hypothesis. According to it, the Novgorodian fragments represent the local variant of the early Romanesque art that probably came to Russia via Central Europe. The style of the Novgorodian finds is analyzed in detail. It does not correspond to the Scandinavian styles that existed during this period. Particular attention is paid to the stylistic comparison between the Novgorodian artefacts and stone reliefs of the first Wawel Cathedral in Krakow.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ценный вклад в изучение духовной культуры Боспорского царства

Рецензия на книгу: Braund David. Greek Religion and Cults in the Black Sea Region: Goddesses in the Bosporan Kingdom from the Archaic Period to the Byzantine Era. Cambridge: University Press, 2018. — xvi + 314 p.

Ключевые слова: греческая религия, богини, Причерноморье в античности, Боспорское царство, Давид Браунд.

Keywords: Greek religion, goddesses, Black Sea Region in Antiquity, the Bosporan Kingdom, David Braund.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-245-261

Любой обобщающий труд, посвященный вопросам духовной культуры Северного Причерноморья античной эпохи, заслуживает внимания. Особенно тогда, когда его автором является такой видный антиковед, как Д. Браунд, заслуженный профессор причерноморской и средиземноморской истории университета Эксетера (Великобритания), уже давно зарекомендовавший себя крупнейшим современным западным специалистом по причерноморской проблематике. При этом Д. Браунд, несомненно, является самым большим энтузиастом античного Северного Причерноморья на Западе. Данные обстоятельства, а также благодарность, которую в предисловии выражает автор (причем с обоснованием) огромному числу своих коллег (как русских и русскоязычных, так и западных), не может не расположить к себе читателя.

Монография «Греческая религия и культы в Черноморском регионе: богини в Боспорском царстве от архаического периода до византийской эпохи» является результатом многолетних размышлений автора над исторической и культурной проблематикой Боспора

античной эпохи и обобщением многих его предыдущих публикаций. Из аннотации следует, что перед нами «первое комплексное исследование греческой религии и культов на северных берегах Черноморского региона, сфокусированное на Боспорском царстве». Это утверждение верно только для западной историографии, поскольку на русском языке есть и более всеобъемлющие труды по данной теме (Русяева, 2005; Бондаренко, 2007; Шауб, 2007; 2011). В то же время книга Д. Браунда действительно уникальна: совокупное исследование культов главных боспорских богинь (таковы, по мнению автора, Артемида Эфесия, Таврическая Парфенос, Исида, Афродита Урания) в диахроническом аспекте «от архаической колонизации через афинский империализм, эллинистический мир и Римскую империю на Востоке вплоть до византийской эпохи», причем в тесной связи с религиозной жизнью Греции и большей части средиземноморского мира (а именно с культами таких божеств, как Диана в Ариции, Ортия в Спарте, Афинская Афродита Урания, Артемида Тавропола и др.), предпринято впервые.

Кроме того, автор затрагивает целый ряд проблем религиозной жизни обитателей Северного Причерноморья античной эпохи, многие из которых являются остродискуссионными. Поэтому сразу необходимо предупредить читателя: мы смотрим на большинство этих проблем совершенно по-иному. Отсюда и критическая заостренность нашего анализа учнейшего труда Д. Браунда, а также избыток ссылок на собственные работы, где дается обоснование этого иного видения¹.

Монография Д. Браунда гораздо шире своего названия. Наряду с рассмотрением материалов, относящихся к культам боспорских богинь, в книге содержится масса данных (причем самых современных) по истории, экономике, внешней политике, социальном устройстве, экологии и прочих аспектах не только Боспора, но и других причерноморских государств. Это, несомненно, оправданно (особенно для западного читателя, плохо осведомленного о северопричерноморских реалиях) и придает его книге дополнительный вес. Однако погружение во все эти сферы, не имеющие прямого отношения к магистральным сюжетам книги, не только дает возможность хотя бы косвенно компенсировать чрезвычайную ограниченность и фрагментарность письменных данных о религии и культах населения Боспорского царства, но и таит в себе опасность того, что духовные, историко-религиозные проблемы — главный объект исследования — могут уравниваться по значению с сугубо материальными вопросами (или даже подменяться последними). Это нередко и происходит, приводя не только к размыванию картины, создаваемой автором, но подчас и к весьма курьезным результатам. Наглядный пример: размышляя о культе Ахилла в Северном Причерноморье,

Д. Браунд походя называет нашу гипотезу (Шауб, 2007. С. 366–367; см. также: Шауб, 2002; 2002а) о муравьях в мифе о мирмидонянах («муравьиных людях») как проявлении хтонической сущности их предводителя Ахилла «неуклюжей» (С. 46, прим. 101) (настолько, что, вероятно, поэтому не удоставляет ее не только опровержения, но даже развернутого комментария). Однако данная гипотеза опирается на основательнейшие исследования (Д. Браундом не упомянутые) Х. Хоммеля (*Хоммель*, 1981) и В. Н. Топорова (*Топоров*, 1990), в которых блестяще раскрывается исконный хтонизм этого гомеровского героя. Эта «неуклюжая» гипотеза получила глубокое развитие не только в специальной статье В. Г. Лазаренко об Ахилле и мирмидонянах (*Лазаренко*, 2018б), но и в монографии того же автора, посвященной северопричерноморским корням образа Ахилла (*Лазаренко*, 2018а). И в любом случае данная гипотеза имеет право на существование ничуть не меньшее, чем предположения Д. Браунда (С. 46–47) о том, что «муравьиное» название Мирмекия происходит от внешнего сходства этого боспорского поселения с означенным насекомым либо было обусловлено «интенсивным рытьем землянок на холме» (поскольку греки рассматривали муравьев прежде всего как «земляных тружеников»), или идея об Аполлонии как первоначальном названии Мирмекия. (Последняя идея подкрепляется только ссылкой на боспорские серебряные монеты, где сочетается аверсное изображение муравья с надписью АПОЛ на реверсе; однако это чеканка не Мирмекия, который собственной монеты не выпускал, но Пантикапея; о данных монетах и о семантике изображения муравья на них см.: *Терещенко, Шауб*, 2018).

Теперь обратимся к содержанию рассматриваемого труда.

Во *Введении* автор четко формулирует цели и задачи своего исследования, определяет контекст и связи, в которых оно осуществляется.

Глава 1 называется «Крымская Парфенос, Артемиды Тавропола и человеческое жертвоприношение». Основная цель этого раздела —

¹ Это кажется нам тем более оправданным, что Д. Браунд упоминает только одну нашу работу (Шауб, 2007), да и то изредка и в основном по второстепенным поводам, предпочитая в ряде важных моментов отсылать читателя к монографии Ю. Устиновой (*Ustinova*, 1999), которая при этом нередко ссылается на нашу неопубликованную кандидатскую диссертацию, а также ее автореферат (Шауб, 1987).

определить значение культа Парфенос (Девы) в Крыму. Автор справедливо полагает, что ее функции были гораздо более широкими, чем представляется многим исследователям, причем как у почитавших это божество греков (не только в Херсонесе, но и на Европейском Боспоре), так и у тавров, у которых она считалась верховным божеством.

Он уверен, что если у последних речь идет о «некоем божестве» (в полном соответствии со свидетельством Страбона), то для эллинов это была иная богиня (но не Артемида и не Тавропола) (С. 58). Однако во *Введении* Парфенос, наряду с Эфесией, была охарактеризована им как «форма Артемиды» (С. 8).

Вопреки многочисленным фактам Д. Браунд утверждает, что данные о таврских корнях Парфенос «в лучшем случае скудны», а греческое происхождение этого образа засвидетельствовано гораздо более основательно, хотя и оговаривается, что «с некоторой долей амбивалентности» (С. 34). Несмотря на распространенность в античном мире (да и не только в нем) топонимов, гидронимов и других названий со значением «девичий» в названии реки Парфений близ Гераклеи Понтийской, он видит аргумент в пользу своего предположения о том, что «греки, переселившиеся в Херсонес из Гераклеи, принесли с собой представления о Парфенос» (С. 35). В то же время он неожиданно допускает, что «Парфенос была божеством, в котором все имели свою долю: гераклеоты, делосцы и прочие, включая тавров, из среды которых раннее поселение, вероятно, черпало своих женщин» (С. 38).

Как известно, происхождение культа Девы — верховного божества Херсонеса Таврического — является одним из наиболее спорных вопросов античной археологии Северного Причерноморья².

² См., например: *Латышев*, 1914. Из сравнительно недавней литературы по данной проблеме см.: *Лапина*, 2002; *Бондаренко*, 2003; *Шауб*, 2007; 2011 (с библиографией). Поверхностная и тенденциозная книга А. С. и М. В. Русяевых (*Русяева А., Русяева М.*, 1999), в которой полностью игнорируются работы тех исследователей, которые прослеживают таврские корни культа Девы, способна только дезориентировать читателя.

С конца IV в. до н. э. и с незначительными перерывами вплоть до середины III в. н. э. на монетах Херсонеса фигурирует один и тот же тип изображения Девы: богиня пронзает лань копьем, прижимая спину животного правым коленом. Аналогичный сюжет был представлен и на прекрасно исполненном позднекласическом или эллинистическом рельефе, от которого сохранился лишь небольшой фрагмент (*Гулдагер Билде*, 2005. С. 211; АСХ, 1976. № 94, ил. 55, где это изображение ошибочно интерпретировано как Митра, убивающий быка).

Отмечая редкость данного сюжета, равно как и необычность эпитета Ἐλαφοκτόνος, «убивающая оленей», которым Еврипид (*Iphig. Taur.* 1113) наделяет свою Артемиду, П. Гулдагер Билде (*Гулдагер Билде*, 2005. С. 210–211) считает, что «Еврипид реинтерпретировал Партенос как Артемиду, так как иконография Девы, во всяком случае начиная с IV в. до н. э., полностью соответствует иконографии греческой богини». Далее датская исследовательница пишет: «Трудно себе представить, что греческие переселенцы в Херсонесе не интегрировали бы в свой государственный культ элементы, связанные с могучим исконным божеством только что освоенной местности, как это было, например, в Эфесе, Перге или Афродисии... То, что редкий эпитет *Elaphochthonos*, упомянутый Еврипидом, так хорошо соответствует повторяющемуся воспроизведению разящей лань богини на херсонесских монетах, не может быть простым совпадением. Было ли убийство лани составной частью культа таврского божества, вдохновившей впоследствии Еврипида, или наоборот, херсонеситы переняли этот элемент именно по той причине, что он был представлен Еврипидом, как часть более древнего (местного) культа, остается неясным».

Если в данном случае П. Гулдагер Билде склоняется ко второму варианту своей интерпретации, то в более раннем варианте данной статьи (*Guldager Bilde*, 2003. P. 170) она отмечает естественность оленя при местном верховном божестве, учитывая выдающуюся роль, которую играло это животное в скифском зверином стиле.

Оставляя скифов в стороне, поскольку речь в данном случае идет о таврах, есть всё же твердые основания предполагать, что появление на херсонесских монетах как рассматриваемого сюжета, так и вообще наличие монетных типов, где представлена богиня с ланью, было обусловлено именно местной культовой традицией. (О немногочисленных, но красноречивых свидетельствах догреческого культа оленя в Крыму см.: *Шауб*, 2006.)

Несомненный для нас факт заимствования греками-колонистами Таврики культа местной Великой богини (*Шауб*, 1988; 1999 и др.), заставляет смотреть на крымскую Парфенос иначе, чем это делает английский исследователь. Он даже не упоминает самый яркий памятник религиозной жизни херсонеситов — подстенный склеп № 1012, относительно которого представляется совершенно верным вывод Е. Я. Рогова (*Рогов*, 2002. С. 41–42): «...Захоронения в подстенном склепе выделяются необыкновенной роскошью, разнообразием украшений и, самое главное, тем, что наряды эти наполнены глубочайшим сакральным смыслом. Перед нами захоронения не женщин из богатой херсонесской семьи, а захоронения жриц, причем захоронения последовательные. Недаром большинство аналогий этим вещам мы находим среди жреческих захоронений кургана Большая Близница на Таманском полуострове. С этой точки зрения становится понятно отсутствие в склепе мужских и детских погребений и вещей, а также и место, выбранное для гробницы — под городской стеной. Жрицы, служительницы культа, скорее всего, херсонесской богини Девы, и после смерти должны были охранять стены города и оберегать его ворота».

Наиболее интересными вещами из этого погребения являются золотые пластины с изображением змееной богини, а также пластины с изображениями бородатой головы сатира или силена (см.: *Шауб*, 2007. Рис. 60). Все они украшали головные уборы двух жриц (*Рогов*, 2002. С. 36. Рис. 2, 39; 3). Н. В. Пятышева, справедливо отметив несомненное сходство этого херсонесского образа со змееной богиней, представленной

на бляшках из Куль-Обы, пришла к выводу, что «изображена на них одна и та же богиня со всеми присущими именно ей аксессуарами, также с кинжалом в правой и маской в левой руке» (*Пятышева*, 1971. С. 98). Московская исследовательница считает, что здесь представлена фракийско-малоазийская Великая богиня (*Там же*. С. 99)³. В своей интерпретации Н. В. Пятышева следует С. А. Жебелеву, который писал: «То была великая богиня земли, воды, всего животного и растительного царства, богиня, которую Юлиан на заре падения язычества характеризовал как богиню-владычицу всякой жизни, причину всякого рождения и называл ее Девой, родившеюся без матери (Παρθένος ἀμήτωρ)» (*Жебелев*, 1953. С. 241). Плохое состояние пластин не дает основания однозначно определить предметы, которые богиня держит в руках, но всё остальное в ее образе неоспоримо свидетельствует о том, что херсонесские бляшки — это «упрощенно-варваризованные копии бляшек из Куль-Обы» (*Пятышева*, 1971. С. 98), то есть речь идет о змееной богине, которая представляла собой одну из главных ипостасей Великой богини (*Шауб*, 1999 и др.). Об идентичности божества, представленного на бляшках из Херсонеса и Куль-Обы, свидетельствует и тот факт, что бородатая голова на бляшках, украшавших головной убор херсонесских жриц, является полной аналогией той головы, которую держит богиня на кульобских памятниках. Важно отметить, что погребенная в Куль-Обе «царица», скорее всего, также была жрицей (*Шауб*, 2017).

Кто назвал местное таврское божество «Девой» — сами тавры или греки — мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем. Важно другое: все противоречия в интерпретации Парфенос исчезают, если допустить, что она представляла собой одну из ипостасей Великой богини, которую безымянно или под

³ Ср.: «Разнообразие типов змееного божества в Херсонесе очень показательно, так же как и близость херсонесских и кульобских образцов, — оно может свидетельствовать о принадлежности этих персонажей мифологии местного, тавроскифского населения» (*Бессонова*, 1983. С. 95).

разными именами почитали причерноморские варвары (Шауб, 1987а; 1999 и др.). Культ этой богини в той или иной мере оказал влияние на греков-колонистов. Это влияние осуществлялось через местных женщин, которых они брали в жены. Восприятие этого культа облегчалось благодаря двум факторам: наличию образа Великого женского божества в их генетической памяти, — как известно, религиозная жизнь в доэллинской Эгеиде была сконцентрирована вокруг Великой богини, а также повсеместному распространению аналогичного культа среди народов, которые были соседями греков в Малой Азии. И здесь, и на Балканах культ Великой богини восходил к религии неолита, и его мощь была такова, что его рудименты сохранились практически до наших дней (Шауб, 2008а). Так, устойчивостью пережитков культа Великой богини можно объяснить тот факт, что одним из ключевых и самых глубоких представлений в мировоззрении русского народа является образ Матери-Земли⁴.

В своем стремлении во что бы то ни стало найти новые свидетельства почитания (греческой) Парфенос в восточном Крыму Д. Браунд, оговариваясь, что они «ускользающие», всё же пытается связать с ее культом топонимы Нимфей и Пантикапей (С. 48). Происхождение последнего английский

⁴ «Отсутствие... сколько-нибудь выразительных аналогий древнерусскому почитанию земли у славян западных — поляков и чехов — не оставляет уже сомнения в том, что культ этот надо возводить не к просто славянской общности, а к пережиткам местной, издавна гибридизированной причерноморской культуры и связывать с тем длительным взаимопроникновением малоазийских культов богини-матери и собственно эллинского почитания земли... Существование того и другого в северочерноморских греческих городах — Ольвии, Херсонесе и Боспоре, а равно и у соседствовавших с ними тавров и скифов, не подлежит сомнению. Социальный рефлекс доземледельческого уклада в древнерусском культе земли ведет, таким образом, скорее всего к пережиткам местной скифской и доскифской культуры. С этой стороны особый интерес представляют... наши волхвы» (Комарович, 1960. С. 99–100). О Матери-Земле в мировоззрении русского народа см.: Шафаревич, 2003. С. 397, сл.

исследователь, возвращаясь к давно отвергнутой гипотезе XIX в., производит от имени бога Пана⁵. Однако, можно ли таким образом объяснить Παντικαίτης — название реки в Скифии, неоднократно упомянутой Геродотом (Herod. IV. 18; 47; 54)? Несомненно, что в обоих случаях речь идет о негреческих (иранских или индо-иранских) названиях (см.: Доватур и др., 1985. С. 285–287; Трубачев, 1999. С. 259).

Мы не исключаем возможности того, что греки каламбурили с местным топонимом Пантикапей. Ярким примером подобного использования эллинами варварского названия (и его переосмысления) является наименование ими Черного моря Аксинским (а затем Эвксинским) Понтом (это название восходит к древнеиранскому «ахшайна», означающему оттенок темно-синего цвета; см.: Vasmer, 1921; Лелеков, 1978. С. 148). Однако Д. Браунд говорит не об этом; а встраивать каламбур (притом умозрительный) в гипотетическую культовую цепочку: Парфенос (Парфений) — нимфы (Нимфей) — Пан (Пантикапей) тем более невозможно.

Глава 2 продолжает тему Крымской Парфенос, но уже в аспекте восприятия этого образа в Греции, Малой Азии и Средиземноморье. По нашему мнению, это одна из самых интересных и бесспорных частей книги, но только там, где речь не идет о таврах. Утверждение Д. Браунда, что человеческие жертвоприношения у них «являются созданиями греческого воображения» (С. 88), которое полностью обесценивает наши источники, не может не вызвать возражений (особенно тогда, когда он сочувственно ссылается на мнение Графа (Graf, 1979. S. 39), который называет эти жертвоприношения «моряцкими байками» и ставит их в один ряд с эпизодами из «Одиссеи» — С. 88, прим. 103).

⁵ По рассказам очевидцев, на утверждение В. В. Лапина на защите своей диссертации, что Пантикапей в переводе означает «Всесадие» (то есть «город садов»), Д. П. Каллистов отреагировал: этимологизировать этот топоним из греческого языка возможно с тем же успехом, как и название немецкого города Карлсруэ из русского.

В главе 3 автор тщательно анализирует немногочисленные памятники культа Артемиды Эфесской на Боспоре. В принципе с основными выводами можно согласиться. Остроумно его предположение относительно древнейшего из этих памятников: в обломке бронзовой ручки этрусской цедилки с посвящением Артемиде Эфесской он разглядел схематическое изображение самой этой богини (С. 107, рис. 7). Но он явно преувеличивает социальные функции (тем более, что о них мы можем только гадать) Артемиды Эфесской, забывая о том, что прежде всего данная малоазийская ипостась местной Великой богини считалась владычицей дикой природы; это нашло отражение в ее знаменитой статуе, где (как бы ни трактовать ее «многогрудость») она представлена в иконографической схеме Госпожи зверей. Еще Ш. Пикар (не упоминаемый Д. Браундом) справедливо предположил, что пути для проникновения культа Артемиды Эфесской на Боспор подготовил местный культ доэллинской Великой богини, поскольку «Эфесия изначально предстает настоящей ипостасью анатолийской Великой Матери, владычицы природы и жизни, азиатской богини „с мириадой имен“, позднее известной то как Ма, то как Рея, то как Кибеба или Фригийская Кибела» (Picard, 1922. S. 376; ср. Christou, 1968. S. 86; Seiterle, 1979. S. 5 ff.).

Кроме того, Д. Браунд не учел еще один памятник культа Артемиды Эфесской — золотое ожерелье IV в. до н. э. с подвесками в виде миниатюрных копий статуи этой богини, найденное в одном из курганов Феодосии (см.: ABC, 1893. P. 53. Tabl. XIIa, 4, 4a). Не упоминает английский автор и о найденных на Боспоре терракотах IV в., до н. э., которые представляют Артемиду в совершенно не типичном для нее фригийском колпаке (об их интерпретации см.: Шауб, 2011. С. 296–297). И это отнюдь не случайно, поскольку ни терракоты, ни ювелирные изделия не представляют для Д. Браунда интереса в качестве источника для его штудий. Однако пренебрежение этими группами материала (как и любыми изобразительными памятниками) вряд ли может пойти на пользу серьезному

исследованию духовной культуры античности, поскольку искусство в древнем мире «постоянно осуществляло тесную связь между человеком и теми метафизическими силами, которые насквозь пронизывали и ограничивали его существование» (Hoffmann, Davidson, 1966. P. 13). И если для истории греческой религии изобразительная традиция имеет первостепенное значение (см.: например, Schefold, 1959; 1975), то еще более важным источником произведения искусства становятся для изучения религиозных верований обитателей ойкумены, прежде всего разнородного населения Боспора. Причем при исследовании найденных здесь памятников необходимо помнить о том, что «там, где изобразительная сила греческого искусства не имела более исключительного господства, проявлялась, как в Великой Греции и других окраинных областях, догреческо-магическая символика, то есть употребление тех мотивов, за которыми подразумевалось нечто иное, нежели их видимое содержание, в то время как чисто греческое искусство делало зримым всё...» (Schefold, 1949. S. 154).

В главе 4 речь идет о культе Исиды на Боспоре. Справедливо полагая, что этот культ «никогда не становился значительной частью боспорской религии» (С. 136), Д. Браунд, тем не менее, уделяет ему очень много внимания. Здесь он, говоря о «многих греческих ликах Исиды», особенно подробно останавливается на мифе об Ио. Но при этом умалчивает о самом главном — о том, что Исида — это парадигматическая Великая богиня (этот факт особенно наглядно представлен у Апулея)⁶.

⁶ Во сне перед главным героем предстает богиня Исида, говоря: «Вот я пред тобою <...> мать природы, госпожа всех стихий, изначальное порождение времен, высшее из божеств, владычица душ усопших, первая среди небожителей, единый образ всех богов и богинь, мановению которой подвластны небес лазурный свод, моря целительные дуновенья, преисподней плачевное безмолвие. Единую владычицу, чтит меня под многообразными видами, различными обрядами, под разными именами вся вселенная. Там фригийцы, первенцы человечества, зовут меня Пессинунтской матерью богов, тут исконные обитатели Аттики — Минервой Кекропической, здесь кипряне, морем

И, думается, именно созвучием культа Исиды с представлениями о главном божестве Северного Причерноморья, а отнюдь не сконструированной Д. Браундом связью боспорских царей римской эпохи с «Инахидом» Гераклом, в первую очередь объясняется появление здесь адептов этой великой египетской богини. Кроме того, хотя памятники с изображением змееногой Исиды на территории Боспора нам неизвестны, ее змеиное и змееногое обличье (см.: *Tran Tam Tinh*, 1990. № 242, 333, 334, 345, 360 и др.) могло быть одним из факторов, который способствовал распространению здесь ее культа (Шауб, 2017. С. 323).

Что касается «Инахида» Геракла, то здесь английский исследователь в своей попытке доказать важность египетского аспекта в вышеупомянутой связи поздних боспорских царей с этим чрезвычайно популярным в религиозно-мифологических представлениях обитателей Северного Причерноморья божественным героем (см. например: Шауб, 2007) опирается только на одну боспорскую надпись, к сожалению, поврежденную в ключевом для интерпретации месте. Однако при любом чтении этой надписи ее смысл едва ли соответствует тому, который хочет извлечь из этого памятника Д. Браунд⁷. Странно

омываемые, — Пафийской Венерой, критские стрелки — Дианой Диктиннской, трехязычные сицилийцы — Стигийской Прозерпиной, элевсинцы — Церерой, древней богиней, одни — Юноной, другие — Беллоной, те — Гекатой, эти — Рамнузией, а эфиопы, которых озаряют первые лучи восходящего солнца, арии и богатые древней ученостью египтяне почитают меня так, как должно, называя настоящим моим именем — царственной Изидой» (Apuł. Met. XI. 5; пер. М. А. Кузмина).

⁷ «Издатели надписи, читавшие в последнем ее стихе Ἀχαιῶν, отождествляли этих ахейцев с одним из племен, обитавших, по свидетельству Страбона (XI, 2, 12), на Черноморском побережье Северного Кавказа, южнее Синдики и Горгиипии <... > Чтение Стефани κεῖναχίδων, принятое и Латышевым, не снимает этой интерпретации, поскольку и Стефани, и Латышев считают, что инахийцами названы в данном случае те же северокавказские ахейцы: выражение εἰναχίδαι <... > является поэтическим обозначением ахейцев от имени реки Ἰναχός (в Арголиде), бог которой считался родоначальником древних ахейских царей. Обо всем этом см.: Латышев, ПОНТИКА [1906], стр. 68 и сл.» (КБН, № 958, С. 542).

выглядит также его серьезное отношение к весьма диковинному и явно позднему сообщению византийского автора VI в. н. э. Стефана о таврах, которые якобы получили свое название оттого, что в Крыму «Осирис запряг быка и вспахал там землю» (С. 154).

Очень подробно в данной главе рассматривается знаменитая нимфейская штукатурка с изображением триремы и граффито «Исида» (С. 160, сл.) а также сюжет с боспорским посольством в Египет в 254 г. до н. э. (С. 177, сл.) Здесь автор делает целый ряд интересных наблюдений и обоснованных выводов, однако, расширяя наши представления о внешних связях Боспора, прямого отношения к культу Исиды они не имеют.

Глава 5 называется «Владычица Апатура: Афродита Урания и боспорские Апатурии». Здесь много места Д. Браунд уделяет доказательству того совершенно невероятного, на наш взгляд, тезиса, что Апатур — название святилища Афродиты (а также топонима, где оно было расположено), верховной богини Азиатского Боспора, и ее устойчивое эпитафическое прозвание здесь «владычицей Апатура», произошло от названия ионийского праздника Апатурий. Это весьма распространенное мнение, которого придерживались такие серьезные исследователи, как О. Группе (*Gruppe*, 1906. S. 1365), Л. Фарнелл (*Farnell*, 1896. P. 657), М. Нильссон (*Nilsson*, 1967. S. 188 ff.); отстаивали эту гипотезу В. Ф. Гайдукевич (*Гайдукевич*, 1949. С. 212, сл.) и до появления нашей работы (Шауб, 1979) В. П. Яйленко (*Яйленко*, 1977. С. 221, сл.; ср.: *Яйленко*, 1995. С. 238, сл.).

Однако можно с уверенностью утверждать, что происхождение этого эпитета Афродиты не имеет никакого отношения ни к празднику Апатурии, ни к греческому языку. Во-первых, еще Гекатей Милетский (ок. 500 г. до н. э.) знал «залив Апатур в Азии» (St. Byz. v. Ἀπάτουρον), то есть где-то в районе Тамани. Уже одного этого факта достаточно, чтобы утверждать, что название святилища Афродиты — Апатур, так же как и название залива являются догреческими местными топонимами (Шауб, 1979 и др.). Еще К. Нойманн в середине XIX в. предположил, что эпитет Афродиты Апатура — это искажение

названия туземного божества (*Neumann*, 1855. S. 560). О. Н. Трубочёв этимологизирует *aratu- из индо-арийского языка как «преодолевающая воды» (*Трубочёв*, 1999. С. 226; здесь же отмечены и другие варианты этимологии). Не являясь лингвистом, автор данной рецензии рискует высказать собственное предположение относительно возможности происхождения эпитета таманской Афродиты. Не скрывается ли в нем тот же древний минойско-малозападный корень *tur — «владычица»⁸, что и в имени богини Туран (этрасской Афродиты!)⁹. В таком случае в эпиграфической формуле «владычица Апатура» мы имеем перевод-дубликацию эпиклезы Афродиты. Учитывая наличие явственных рудиментов эгео-анатолийского культурного наследия как в метрополиях северопричерноморских городов, так и в них самих (см., например: *Шауб*, 2008), наша гипотеза имеет право на существование (ср. топонимы Апатур и Тиритака)¹⁰.

Во-вторых, праздник Апатурии в греческом мире никогда не был связан с Афродитой, но чаще всего либо с Афиной, либо с Зевсом (*Paus.* II. 33, 1) (*Gruppe*, 1906. S. 1368)¹¹.

В-третьих, в Теосе, метрополии Фанагории, почитание Афродиты не засвидетельствовано, хотя пантеон этого города достаточно полон (*Ruge*, 1934. S. 560 ff.).

И, last but not least: культ Афродиты не играл видной роли в ионийских метрополиях

⁸ От того же корня *tur — «владыка» — и приставки *sa-, согласно гипотезе А. А. Молчанова, происходит и слово «сатир» (восходящее к древнему минойскому теониму) (*Молчанов и др.*, 1988. С. 173; *Молчанов*, 2000. С. 70). Это особенно важно отметить в связи с тем, что змееное божество, в котором можно видеть изображение Афродиты Апатуры, держит в руке голову сатиropодобного персонажа.

⁹ Если вспомнить, что в скифском пантеоне Геродота Земля называется Апи (*Hdt.* IV, 59), то эпитет Апатура приобретает гипотетическое, но вполне осмысленное значение — «Владычица земли».

¹⁰ Созвучные Апатуру топонимы встречаются на Кавказе (к примеру, Ахпат в Армении).

¹¹ Кстати, отсутствие документальных свидетельств связи боспорской Афродиты и праздника Апатурий признает и сам Браунд, правда, считая argumentum ex silentio.

боспорских городов¹², а Урания, которая почиталась на Боспоре как владычица Апатура, даже в Греции сохраняла свои исконные восточные черты (как «финикийская Царица Небес»: *Буркерт*, 2004. С. 259). Можно только гадать, почему именно Афродита заняла столь высокое место в пантеоне боспорцев. По-видимому, этому способствовало взаимодействие скифами ее культа во время их ближневосточных походов (*Hdt.* I, 105), причем культ Афродиты Урании (Деркетто) либо был изначально схож с культом их Великой богини — родоначальницы, либо, что менее вероятно, оказал влияние на формирование этого скифского культа (*Шауб*, 2011. С. 285).

Наиболее соответствуют образам прародительницы скифов и Афродиты Апатуры многочисленные изображения змееногой богини, которые были популярны и в синдомеотской среде Приазовья, и на Боспоре, и в Таврике (*Петров, Макаревич*, 1963. С. 24, сл. Рис. 1; *Высотская*, 1976. С. 58. Рис. 5).

Возможно, иллюстрацией мифа об Афродите Апатуре являются золотые бляшки из кургана Куль-Оба, где змееногая богиня держит в руках отрубленную бородатую голову (см.: *Артамонов*, 1966. Табл. 230). Это изображение напоминает о культе богини Девы в Херсонесе, которая запечатлена на целом ряде памятников (*Пятышева*, 1947. С. 213, сл.; *Петров, Макаревич*, 1963. С. 26, сл.), в том числе и на бляшках, аналогичных культобским (подробнее см.: *Шауб*, 2007, гл. VI).

Для Д. Браунда все подобные изображения — это просто варианты иконографии Скиллы (С. 270)¹³; он не придает никакого

¹² Так, весьма незначительной была роль культа этой богини в Милете. А. Гривз в своей поверхностной статье, посвященной культу Афродиты в этом городе (*Greaves*, 2004), делает противоположный вывод не столько на основании раскопок ее скромного святилища близ Милета (где почитали местную богиню с эпитетом Oikus (*Herrmann*, 1995), а отнюдь не Уранию), сколько на данных о ее культе в его колониях (прежде всего на Боспоре).

¹³ По нашему мнению, наоборот: образ Скиллы воспринимался боспорянами как иконографический вариант змееногой богини (*Шауб*, 2009).

значения нашим выводам, сделанным на основе анализа структурного сходства преданий, связанных с главными женскими персонажами северопричерноморской мифологии: таманской Афродитой Апатурой, змееногой прародительницей скифов и херсонской Девой (см.: Шауб, 1979; 1999; 2007). Однако поскольку это поразительное сходство является, по нашему убеждению, одним из важнейших свидетельств существования у причерноморских варваров культа Великого женского божества, остановимся на нем подробнее.

Страбон, перечисляя города, лежавшие близ Корокондамитского озера (ныне Таманского залива), упоминает Апатур, святилище Афродиты. И чуть ниже рассказывает, что «есть и в Фанагории знаменитое святилище Афродиты Апатуры. Объясняют же прозвание богини, приводя следующий миф: когда напали там на нее гиганты, богиня, призвав Геракла, спрятала его в некой пещере, затем, принимая каждого гиганта поодиночке, передавала Гераклу, чтобы коварно умерщвлять их посредством обмана» (Strab. XI. P. 2, 10). Свидетельство Страбона повторяет Стефан Византийский (Steph. Byz. v. Ἀπάτουρον).

Если возводить эпитет Афродиты — Апатура — к названию праздника Апатурии, «остаётся неясным, почему Страбон (Strab. XI. P. 2, 10) для объяснения этого эпитета прибежал к псевдоэтимологическим выкладкам (он возводил его к слову «апатэ» — «обман»), основанным на сугубо местном предании (Раевский, 1985. С. 57; ср.: Толстой, 1966. С. 237).

Анализ страбонова мифа об Афродите Апатуре позволяет предположить, что все его персонажи скрывают за греческими именами свою исконную местную основу. Афродита — это Великая богиня синдо-меотских племен, Геракл — герой-победитель, паредр богини¹⁴, гиганты — природные демоны (похотливость роднит их с сатирами) (Шауб, 1979; 2007 и др.).

¹⁴ Судя по тому, что этот герой носил также имя Санерга, идентичного Сандону (см.: КБН, № 1015), можно предполагать наличие в этом образе малоазийских элементов (Gajdukevič, 1971. P. 214).

Еще М. И. Ростовцев (*Rostovtzeff*, 1922. P. 73) обратил внимание на сходство этого мифа с этногонической легендой скифов, известной нам из сообщений Геродота (Hdt. IV, 8–10), Диодора Сицилийского (Diod. Sic. II, 43) и Tabula Albana (IG. XIV, № 1293A, 94–97). Эту связь отмечали также И. И. Толстой (Толстой, 1966. С. 236, сл.), Л. А. Ельницкий (Ельницкий, 1960. С. 49), М. И. Артамонов (Артамонов, 1961. С. 65), Д. С. Раевский (Раевский, 1977. С. 56–57); однако эти авторы (как и М. И. Ростовцев) только зафиксировали свои наблюдения, оставив этот интересный сюжет неразработанным.

В наиболее развернутой версии легенды о происхождении скифов, изложенной Геродотом (Hdt. IV, 8–10), повествуется, что Геракл прибыл в Скифию, гоня быков Гериона. Во время сна героя его коней похищает обитавшая в Гилее (Полесье) в пещере змееногая дева, которая возвращает их назад только после того, как Геракл вступает с нею в брак. Отдавая коней, она сообщает, что у нее от Геракла родится три сына, и вопрошает, что делать с ними, когда они вырастут. Геракл советует отдать во владение землю тому, что натянет его лук и опояшется его поясом так, как делает это он сам; при этом герой натянул один из двух своих луков, показал способ опоясывания и передал ей лук и пояс с золотой чашей, а затем удалился.

После работ целого ряда исследователей (см.: Доватур и др., 1982. С. 213–214) нет необходимости доказывать, что в основе геродотовой легенды о змееногой прародительнице скифов и Геракле лежит исконно скифское предание, правда, подвергшееся эллинской обработке. Д. С. Раевский убедительно показал, что все другие варианты легенды о происхождении скифов представляют собой разные редакции одного и того же скифского генеалогического мифа (Раевский, 1977. С. 19, сл.).

«В общении с богиней Геракл у Геродота вступает вслед за совершением подвига борьбы с Герионом. И хотя фигура Гериона никакого отношения к скифской легенде не имеет, сам по себе мотив борьбы героя как момент,

предшествующий мотиву соединения прошлого героя с демонической девой может, однако же, принадлежать к числу основных компонентов сюжета. У Геродота этот мотив искажен привнесением в него чуждой ему фигуры греческого Гериона. Но в более чистом виде он сохранен для нас эпиграфической версией, согласно которой Геракл становится мужем Ехидны, лишь одолев отца девушки, царя Аракса» (Толстой, 1966. С. 236).

Таким образом, мы видим, что миф об Афродите Апатуре и предание о змееной гилейской деве очень схожи: обе богини обитают в пещерах; паредром обеих выступает Геракл; в обоих преданиях важным их элементом является борьба (в первом случае с гигантами, во втором — с отцом богини), наградой же победителю служит брак с богиней (в случае с Афродитой он только подразумевается, но по ряду косвенных данных можно предполагать, что этот важный момент мифа должен был присутствовать в не дошедших до нас его вариантах (см.: Шауб, 1981).

Находка в одном из разграбленных таманских курганов золотой бляшки с изображением, абсолютно идентичным змееной богине с бородатой головой в руке из кургана Куль-Оба (Анфимов, 1987. Рис. на с. 127)¹⁵, а также наличие в погребениях Большой Близицы золотых бляшек с изображением змееной богини в сочетании с бляшками в виде бородатой головы наряду с изображением натягивающего лук Геракла на синдских монетах — всё это, на наш взгляд, является блестящим подтверждением гипотезы М. И. Ростовцева о бытовании и в синдо-меотской среде этногонической легенды, аналогичной скифской.

Что касается херсонесской Парфенос, то ее роднит с Афродитой Апатурой и прародительницей скифов и ключевая роль в соответствующих религиозно-мифологических представлениях, и одинаковая иконография, и обитание в пещере, и общий паредр —

¹⁵ В этом же комплексе (разрушенном погребении кургана ст. Ивановской) найдены бляшки с изображением Геракла (Анфимов, 1987. С. 129).

Геракл, а с последней из них еще и схожее наименование (Геродот называет ее *μειζοτάρθρον*).

На страницах 228–230 Д. Браунд подробно анализирует монумент де ля Мотре — утраченный древнейший памятник культа Афродиты Апатуры на Боспоре. Однако значение этого анализа ослабляется тем, что он не ознакомился со статьей И. И. Толстого (Толстой, 1909), посвященной данному памятнику (причем с весьма схожими выводами), хотя, несомненно, знал о ее существовании по монографии Э. Миннза (С. 229, прим. 162).

В *Эпизоге* автор обобщает свое видение взаимоотношений между боспорскими культами Артемиды, Афродиты и Деметры. Здесь он походя предлагает свою точку зрения на ключевой памятник религиозной истории Боспора — курган Большая Близица — и широкий круг связанных с его интерпретацией проблем (С. 265, сл.). А она чрезвычайно банальна: во всех попавших в поле его зрения предметах из этого комплекса Д. Браунд находит лишь воплощение разнообразных аспектов женственности (С. 272). При этом он с нескрываемым чувством глубокого удовлетворения от своего остроумия называет женщину, погребенную в гробнице 1 «новой Алкестидой» (С. 269).

В данном случае особенно очевидно, что без серьезного комплексного анализа с обязательным учетом варварского компонента невозможно создать цельной картины семантики погребального инвентаря этого уникального памятника и осознать его значение для реконструкции верований боспорян (а это уже было проделано; см.: Шауб, 1987; 2007 и др.).

Д. Браунд — историк, поэтому в его книге наиболее весомыми являются страницы, посвященные социальным, политическим и тому подобным аспектам анализируемых им вопросов, которые он рассматривает, опираясь на данные письменных источников.

Гораздо менее убедителен автор там, где ему приходится обращаться к археологическим материалам. Однако именно они приобретают первостепенное значение при

крайней скудости и фрагментарности свидетельств античных авторов относительно рассматриваемых им причерноморских сюжетов. Археологические памятники Д. Браунд хорошо знает, однако нередко предпочитает ссылки на авторитетные для него мнения собственному анализу. А мнения эти в подавляющем большинстве случаев принадлежат тем его западным коллегам, которые смотрят на Боспор как на периферийную область античного мира. И для Д. Браунда характерна свойственная всем западным (и, увы, многим отечественным) исследователям культуры Боспора недооценка ее местной, греко-варварской специфики.

Так, Д. Браунд не допускает даже возможности того, что самое богатое погребение в кургане Большая Близница может принадлежать жрице местного божества. Он считает, что погребенная здесь женщина не могла быть служительницей культа (о захоронении здесь второй жрицы он даже не упоминает), поскольку при ней не было ключа (от храма) (С. 265). К сожалению, примеров подобных погребений автор не приводит.

Удивительно, но неоднократно повторив на нескольких страницах свое сомнение относительно возможной причастности погребенной к религиозной сфере (С. 265, 268, 270, 271, 273), Д. Браунд неожиданно заявляет: «Хотя у нас нет реальных оснований полагать, что покойница из гробницы 1 была погребена как жрица, более чем вероятно, что эта леди из элиты играла некую роль в культе, отправлявшемся в Апатуре, где она на каком-то этапе вполне могла быть даже жрицей» (С. 274).

Следует отметить, что в своих основных выводах относительно Большой Близницы Браунд ссылается на суждения П.-А. Кройца (*Kreutz*, 2012; ср. *Кройц*, 2008), который данным комплексом специально не занимался. Этот немецкий исследователь в свою очередь опирается на исследования своей коллеги А. Шварцмайер (*Schwarzmaier*, 1996; 2006), которая, не зная русского языка, если и была знакома с работами отечественных исследователей, то только в переводах (см.: *Шауб*,

2015). При этом все они исходят из того, что имеют дело с чисто греческим памятником, хотя нет сомнений в том, что курган Большая Близница служил семейной усыпальницей представителей местной эллинизированной аристократии (например: *Ростовцев*, 1925; *Rostowzew*, 1931; *Шауб*, 1987б; 2007; 2011).

П.-А. Кройц (вслед за А. Шварцмайер) безосновательно утверждает, что калаф — один из главных знаков жреческого достоинства — не может считаться таковым (*Кройц*, 2008). При этом игнорируется и тот факт, что калаф являлся атрибутом женских божеств не только в греческом (*Müller*, 1915), но и в скифском мире и несомненно принадлежность калафа скифским жрицам, равно как и все прочие свидетельства того, что погребенные в Большой Близнице представительницы варварской знати были служительницами культа местной Великой богини, имитируя ее в своих роскошных одеяниях (подробнее об этом см.: *Шауб*, 2017).

Мы уже отмечали прекрасное знакомство английского исследователя не только с письменными источниками и литературой по своей теме, но и с археологическими памятниками. Однако, беря материал Большой Близницы из вторых и третьих рук, он нередко в нем путается: замечательный набор терракот из погребения № 3 оказывается у него в гробнице № 1, золотая бляшка от калафа из погребения № 3 называется терракотой (С. 273, прим. 34) и т. п.

При подходе Д. Браунда к Боспору с позиций «чистого» антиковедения неудивительно, что в обширной библиографии, притом что он хорошо знаком с научным творчеством Ю. А. Виноградова, отсутствует основополагающая работа последнего, посвященная именно отличию этого государственного образования и его культуры от прочих полисов античного мира.

По поводу этой специфики боспорского феномена, которая год от года становится всё более явственной, Ю. А. Виноградов уже почти 20 лет назад констатировал, что «Боспор Киммерийский — это не просто своего рода „медвежий угол“ античности, его культура —

не просто огрубленный, провинциальный вариант культуры метрополии и даже не только наиболее удачный в Северном Причерноморье образец греко-варварского синкретизма. Значение боспорской культуры больше, можно сказать, символичней, она выражает очень многое, а лежащая на ней печать „мертвенности“ чрезвычайно показательна. В самом общем плане можно полагать, что умы боспорян (конечно, наиболее мыслящей их части) были заняты несколько другими проблемами, чем умы просвещенных граждан Милета или Афин. Как представляется, боспорские мыслители (а такие, безусловно, существовали) не были натурфилософами, а скорее философами религиозными. Их захватывали совсем другие миры и совсем другие сюжеты, связанные прежде всего с проблемами, так сказать, „жизни после смерти“. Иными словами, на Боспоре осмысливались как раз те аспекты мироздания и места в нем человека, которые в Древней Греции рисовались слишком неясными и туманными» (Виноградов, 2000. С. 121; Шауб, 2014; 2018).

Если бы греки не были столь любознательны и открыты для «чужого», то исследование существования их колоний в Северном Причерноморье ограничилось бы проблематикой сохранения эллинства на периферии ойкумены, что, несомненно, само по себе важно и интересно. Однако тем фактором, который определяет значимость Северного Причерноморья в истории античного мира, являлось наличие у греческих колоний разноплеменного варварского окружения, с которым им волей-неволей приходилось вступать в контакты на самых разных уровнях на протяжении всего своего существования (от характера этих контактов во многом зависело даже само существование этих колоний). Поэтому при серьезном рассмотрении религиозной жизни греков-колонистов уделять внимание проблеме греко-варварских контактов в сфере религии просто необходимо (Шауб, 1999; 2007; 2008 и др.).

Хотя данные письменных источников и археологические материалы исследуются автором на обширном культурно-историческом

фоне античного мира, данные скифологии (расширительно понимая под этим термином исследования и всех других северопричерноморских варваров), без учета которых невозможно в должной мере оценить специфику духовной жизни причерноморских колоний (особенно боспорского феномена), используются им крайне редко. И уже совершенно игнорируются автором свидетельства сравнительного религиоведения, фольклористики, психологии и лингвистики.

Для Д. Браунда именно греческая религия является универсальным ключом к постижению внутренней жизни Боспорского царства, к восприятию боспорянами окружавшего их ландшафта и своей истории и даже регулятором изменяющихся отношений с остальным миром. Но этот взгляд представляется нам крайне односторонним и, таким образом, неверным. Население этого государства было смешанным; особенно важно подчеркнуть тот факт, что не только элита, но и правители Боспора были эллинизированными варварами (см. Элита..., 2017). Поэтому и культура этого государства предстает перед нами как синкретическая, греко-варварская; религия при углубленном изучении — также, причем варварское содержание имело ярко выраженную тенденцию облекаться в эллинские формы (Шауб, 1987; 2007; 2011 и др.). Подобное явление мы наблюдаем и во Фракии (духовная культура элиты которой весьма близка культуре аристократии Боспора); конкретно — в культе местной богини Бендиды, иконография которой была разработана афинскими художниками, кстати, как и в случае херсонесской Девы, на основе иконографии Артемиды. Поэтому, если бы не письменные памятники, мы никогда бы не догадались, что в обоих случаях в облике эллинской богини выступает варварское божество. Странно, что Д. Браунд, который специально занимался культом Бендиды (Braund, 2015), не учел этого исключительно важного фактора в своих исследованиях.

При отличном знании современных русскоязычных работ по интересующей автора

проблематике в его монографии странным образом полностью отсутствуют ссылки на посвященные Северному Причерноморью классические труды многих отечественных ученых, таких как М. И. Ростовцев, И. И. Толстой (Толстой, 1918 и др.), С. А. Жебелев, А. И. Доватур и др. При игнорировании Д. Браундом варварской составляющей в религии Боспора вполне закономерно (но для серьезного исследования, на наш взгляд, недопустимо) отсутствие в его работе даже упоминаний работ М. И. Ростовцева (Ростовцев, 1911; 1913; 1914; 1915; 1918а; 1918б; 1925; Rostovtzeff, 1922; 1993; Rostowzew, 1931) — первого (и, несомненно, великого) ученого, убедительно показавшего греко-варварский характер этого государства и его культуры. Д. Браунд предпочитает не ссылаться и на другие исследования, где в той или иной степени рассматриваются варварские элементы в культуре Боспора и других государств Северного Понта. Также обращает на себя внимание тот факт, что английский автор нередко апеллирует к весьма легковесным работам (Русяева А., Русяева М., 1999; Бондаренко, 2007 и др.), игнорируя гораздо более основательные русскоязычные труды, где трактуется тот же круг вопросов,

что и в его книге (Денисова, 1981; Яйленко¹⁶, 1995 и др.; Виноградов, 2000; Шауб, 2007; 2011 и др.).

В то же время следует признать, что, за исключением отмеченных выше лакун, библиография, приведенная в книге, чрезвычайно обширна и отражает прекрасное знакомство автора с литературой, особенно новейшей англоязычной¹⁷.

Несмотря на отмеченную односторонность и некоторые недочеты, нет сомнений в том, что труд Д. Браунда является серьезным вкладом в исследование не только культуры Боспорского царства, но и религиозной проблематики античного Северного Причерноморья в целом. Что касается нашего расхождения с английским исследователем во взглядах на особенности религиозной жизни причерноморских колоний, то не будем забывать новозаветную мудрость: «Надлежит быть разномыслиям между вами, дабы явились искуснейшие» (1 Кор. 11, 19).

¹⁶ Труды этого видного отечественного эпиграфиста, который успешно занимается многими проблемами, актуальными для Д. Браунда, последний полностью игнорирует.

¹⁷ Из отсутствующих в библиографии рассматриваемой книги новых англоязычных работ можно отметить исследование: Frayer-Griggs, 2013.

Анфимов, 1987 — Анфимов Н. В. Древнее золото Кубани. Краснодар: Книжное изд-во, 1987. 232 с.

Артамонов, 1961 — Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 1961. № 2. С. 57–87.

Артамонов, 1966 — Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Л.; Прага, 1966. 120 с.

АСХ, 1976 — Античная скульптура Херсонеса. Киев: Мистецтво, 1976. 344 с.

Бессонова, 1983 — Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 138 с.

Бондаренко, 2003 — Бондаренко М. Е. Пантеон Херсонеса Таврического. М.: Компания Спутник+, 2003. 169 с.: табл.

Бондаренко, 2007 — Бондаренко М. Е. Государственные пантеоны древнегреческих полисов Северного Причерноморья. М: МАКС-Пресс, 2007. 247 с.

Буркерт, 2004 — Буркерт В. Греческая религия. Архаика и классика. СПб.: Алетейя. 2004. 583 с.

Виноградов, 2000 — Виноградов Ю. А. Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum Plus. 2000. № 3: Мельпоме на археологическая. С. 98–128.

Высоцкая, 1976 — Высоцкая Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наукова думка. 1972. 191 с.

Гулдагер Билде, 2005 — Гулдагер Билде П. Что скифского было в «Скифской Диане» из Неми? // АВ. 2005. № 12. С. 209–218.

- Денисова, 1981 — Денисова В. И. Керамика Боспора. Л.: Наука, 1981. 171 с.
- Доватур и др., 1982 — Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982. 455 с.
- Ельницкий, 1960 — Ельницкий Л. А. Из истории древнескифских культов // СА. 1960. № 4. С. 46–55.
- Жебелев, 1953 — Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л.: Наука, 1953. 388 с.
- КБН, 1965 — Корпус боспорских надписей. М.; Л.: Наука, 1965. 951с.
- Комарович, 1960 — Комарович В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Тр. Отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. XVI. С. 84–104.
- Кройц, 2008 — Кройц П.-А. Рельеф из старшего Трехбратнего кургана // Трехбратние курганы: курганная группа второй половины IV — III в. до н. э. в Восточном Крыму / Ред.-сост. М. Трейстер. Симферополь; Бонн: Универсум, 2008. С. 131–140 (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. № 3).
- Лазаренко, 2018а — Лазаренко В. Г. Культ Ахилла на Боспоре и феномен мирмидонян // Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира / Отв. ред. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. С. 318–324.
- Лазаренко, 2018б — Лазаренко В. Г. Ахилл — бог Северного Причерноморья. Ижевск: Шелест, 2018. 414 с.
- Лапина, 2002 — Лапина О. В. Херсонесская Партенос (историографический аспект) // Акра: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. В. Махлаюк. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2002. С. 70–86.
- Латышев, 1914 — Латышев В. В. К вопросу о культе богини Девы в Херсонесе Таврическом // Сб. ст. в честь проф. В[ладислава] П[етровича] Бузескула: Изд. по поводу тридцатилетия его науч.-преп. деятельности. Харьков: Печатное дело, 1914. XXIV, 832, IV с., 3 л. ил. С. 206–211 (Сб. ист.-филолог. общ-ва при Харьковском ун-те. Т. 21).
- Лелеков, 1978 — Лелеков Л. А. Искусство Древней Руси и Восток. М.: Советский художник, 1978. 158 с.
- Молчанов и др., 1988 — Молчанов А. А., Нерознак В. П., Шарыпкин С. Я. Памятники древнейшей греческой письменности. М.: Наука. 1988. 193 с.
- Молчанов, 2000 — Молчанов А. А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тыс. до н. э. М.: Изд-во Института всеобщей истории РАН, 2000. 315 с.
- Петров, Макаревич, 1963 — Петров В. П., Макаревич М. Л. Скифская генеалогическая легенда // СА. 1963. № I. С. 20–31.
- Пятышева, 1947 — Пятышева Н. В. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе // ВДИ. 1947. № 3. С. 213–218.
- Пятышева, 1971 — Пятышева Н. В. Материал склепа № 1012 и его значение для истории Херсонеса эллинистического времени // История и культура Восточной Европы по археологическим данным / Под ред. С. М. Орешникова. М.: Советская Россия, 1971. С. 89–109.
- Раевский, 1977 — Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука, 1977. 216 с.
- Раевский, 1985 — Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М.: Наука, 1985. 265 с.
- Рогов, 2002 — Рогов Е. Я. Подстенный склеп 1012 в Херсонесе Таврическом // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Т. 1. С. 25–42.
- Ростовцев, 1911 — Ростовцев М. И. Роспись керченской гробницы, открытой в 1891 г. // Сб. археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Археологической комиссии. 1886-1-II-1911. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1911. С. 119–154.
- Ростовцев, 1913 — Ростовцев М. И. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре // Известия ИАК. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1913. Вып. 49. С. 1–62.
- Ростовцев, 1914 — Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб.:

- Издание ИАК, 1914. Т. 1: Описание и исследование памятников. 537 с.
- Ростовцев*, 1915 — *Ростовцев М. И.* Сирик — историк Херсонеса Таврического // ЖМНП. Пг.: Сенат. тип., 1915. Ч. 43, апрель. Вып. 2. Отд-ние классич. филол. С. 151–170.
- Ростовцев*, 1918а — *Ростовцев М. И.* Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК. Пг.: Девятая Государственная типография, 1918. Вып. 65. С. 177–197.
- Ростовцев*, 1918б — *Ростовцев М. И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг.: Огни, 1918. 189 с.
- Ростовцев*, 1925 — *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л.: Типография I Ленинградской Трудовой Артели Печатников, 1925. 621 с.
- Русяева*, 2005 — *Русяева А. С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху: мифы, святилища, культы олимпийских богов и героев. Киев: Стилос, 2005. 559 с.
- Русяева А., Русяева М.*, 1999 — *Русяева А. С., Русяева М. В.* Верховная богиня античной Таврики. Киев: Наукова думка, 1999. 208 с.
- Терещенко, Шауб*, 2018 — *Терещенко А. Е., Шауб И. Ю.* О семантике образа муравья на монетах Пантикапея // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. СПб.: Свято-Алексиевская пустынь, 2018. Вып. 10. С. 189–208.
- Толстой*, 1909 — *Толстой И. И.* АПАТОРО на памятнике de la Motraye // ЖМНП. 1909. № I. С. 1–15.
- Толстой*, 1918 — *Толстой И. И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918. 162 с.
- Толстой*, 1966 — *Толстой И. И.* Статьи о фольклоре. М.; Л.: Наука. 1966. 249 с.
- Топоров*, 1990 — *Топоров В. Н.* Об архаическом слое в образе Ахилла. (Проблема реконструкции элементов прототекста) // Образ-смысл в античной культуре / Сост. Л. И. Акимова. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1990. С. 64–95.
- Трубачёв*, 1999 — *Трубачёв О. Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.
- Хоммель*, 1981 — *Хоммель Х.* Ахилл-бог // ВДИ. 1981. № 1. С. 53–76.
- Шауб*, 1979 — *Шауб И. Ю.* Миф об Афродите Апатуре и его местная основа // Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII–V вв. до н. э.)» (16–22 мая 1979, Цхалтубо). Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 85–87.
- Шауб*, 1981 — *Шауб И. Ю.* Пантикапейский Эрот-Геракл // КСИА. 1981. Вып. 168: Античная археология. С. 42–43.
- Шауб*, 1987а — *Шауб И. Ю.* Культы и религиозные представления населения Боспора VI–IV веков до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. 22 с.
- Шауб*, 1987б — *Шауб И. Ю.* Погребения кургана Большая Близница как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства // КСИА. 1987. Вып. 191: Памятники античной археологии. С. 27–33.
- Шауб*, 1988 — *Шауб И. Ю.* О происхождении культа богини Девы в Херсонесе // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса: Тезисы докладов. Севастополь, 1988. С. 128–130.
- Шауб*, 1999 — *Шауб И. Ю.* Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum Plus. 1999. № 3: Скифский квадрат. С. 207–224.
- Шауб*, 2002 — *Шауб И. Ю.* Ахилл — бог Северного Причерноморья // Новый часовой. 2002. № 13–14. С. 356–367.
- Шауб*, 2002а — *Шауб И. Ю.* Ахилл на Боспоре // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Ч. I. С. 186–189.
- Шауб*, 2006 — *Шауб И. Ю.* Херсонесская Дева, Артемида и олень // АВ. 2006. № 13. С. 226–229.
- Шауб*, 2007 — *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 484 с.
- Шауб*, 2008 — *Шауб И. Ю.* О греко-варварских контактах в религиозной сфере в Северном Причерноморье (VII — начало III в. до н. э.) // Вестник СПбГУ. 2008. Серия 2. История, языковедение, литературоведение. Вып. 1. С. 113–120.

- Шауб*, 2008а — *Шауб И. Ю.* Италия-Скифия: культурно-исторические параллели. М., СПб.: ИИМК РАН, 2008. 155 с.
- Шауб*, 2009 — *Шауб И. Ю.* О семантике изображения Скиллы на зеркале из Артюховского кургана // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 276–280.
- Шауб*, 2011 — *Шауб И. Ю.* Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 475 с.
- Шауб*, 2014 — *Шауб И. Ю.* Боспорские курганы и загробные представления боспорян // Боспорские исследования. Вып. XXX / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Керченская городская типография, 2014. С. 639–694.
- Шауб*, 2015 — *Шауб И. Ю.* «Про неправду всё написано!» (О попытках ревизии традиционных взглядов на некоторые памятники Боспора и Скифии) // Боспорские исследования. Вып. XXXI / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2015. С. 214–222.
- Шауб*, 2017 — *Шауб И. Ю.* Боспорское жречество // Боспорские исследования. Вып. XXXIV. Элита Боспора Киммерийского: Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Керченская городская типография, 2017. С. 288–324.
- Шауб*, 2018 — *Шауб И. Ю.* О своеобразии религиозной жизни населения Боспора доримской эпохи // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира / Отв. ред. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. Ч. II. С. 311–318.
- Шафаревич*, 2003 — *Шафаревич И.* Русский народ. М.: Эксмо: Алгоритм, 2003. 414 с.
- Элита..., 2017 — Боспорские исследования. Вып. XXXIV. Элита Боспора Киммерийского: Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени / Отв. ред. В. Н. Зинько). Симферополь; Керчь: Керченская городская типография, 2017. 480 с.
- Яйленко*, 1977 — *Яйленко В. П.* Заметки по греческой лексике и ономастике // История и культура античного мира / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1977. С. 216–224.
- Яйленко*, 1995 — *Яйленко В. П.* Женщины, Афродита и жрица Спартокидов на новых боспорских надписях // Женщина в античном мире / Отв. ред. Л. П. Маринович, С. Ю. Сапрыкин. М.: Наука, 1995. С. 204–273.
- ABC, 1892 — *Antiquités du Bosphore Cimmérien. Rééditées par S. Reinach.* Paris: Librairie de Firmin-Didot et Cie, 1892. 213 p.
- Braund*, 2015 — *Braund D.* The goddess Bendis in fifth century Athens // ВДИ. 2015. № 3. С. 574–598.
- Christou*, 1968 — *Christou A. Ch.* Potnia Theron: eine Untersuchung über Ursprung, Erscheinungsformen und Wandlungen der Gestalt einer Gottheit. Thessalonike, 1968. 232 S.
- Farnell*, 1896 — *Farnell L. R.* The Cults of the Greek States. Oxford, 1896. Vol. II. 341 p.
- Freyer-Griggs*, 2013 — *Freyer-Griggs D.* The Beasts at Ephesus and the Cult of Artemis // Harvard Theological Review. 2013. Vol. 106. P. 459–477.
- Gajdukevič*, 1971 — *Gajdukevič V. F.* Das Bospornische Reich. Berlin; Amsterdam: Akademie Verlag, 1971.
- Greaves*, 2004 — *Greaves A. M.* The cult of Aphrodite in Miletos and its colonies // Anatolian Studies. 2004. Vol. 54. P. 27–33.
- Graf*, 1979 — *Graf F.* Das Götterbild aus dem Taurerland // Antike Welt. 1979. Bd. 10, H. 4. S. 33–41.
- Gruppe*, 1906 — *Gruppe O.* Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. München, 1906. 1923 S.
- Guldager Bilde*, 2003 — *Guldager Bilde P.* Wandering Images: From Taurian (and Chersonesean) Parthenos to (Artemis) Tauropolos and (Artemis) Persike // The Cauldron of Ariantas. Aarhus, 2003. P. 165–183.
- Herrmann*, 1995 — *Herrmann P.* Milet 1992–1993: Inschriften // Archäologischer Anzeiger. 1995. S. 282–292.
- Hoffmann, Davidson*, 1966 — *Hoffman H., Davidson P.* Greek Gold. Jewellery from the age of Alexander. Brooklyn, 1966. 311 p.
- Kreutz*, 2012 — *Kreutz P.-A.* Die Grabreliefs aus dem Bospornischen Reich. Leuven; Paris: Walpole, Peeters, 2012. 1077 S.

- Müller*, 1915 — *Müller V.* Der Polos, die griechische Goetterkrone. Berlin, 1915. 112 S.
- Neumann*, 1855 — *Neumann K.* Die Hellenen im Skythenlande: Ein Beitrag zur alten Geographie // Ethnographie und Handelsgeschichte. Berlin, 1855. 607 S.
- Nilsson*, 1967 — *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. 3 Aufl. München: O. Beck, 1967. Bd. I. 892 S.
- Rostovtzeff*, 1922 — *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922. 260 p.
- Rostowzew*, 1931 — *Rostowzew M.* Skythien und der Bosphorus. Berlin, 1931. Bd. I. 651 S.
- Rostovtzeff*, 1993 — *Rostovtzeff M.* Skythien und der Bosphorus. Stuttgart: Franz Steiner, 1993. Bd. II. Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes. 263 S.
- Ruge*, 1934 — *Ruge W.* Teos // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Stuttgart, 1934. Bd. IX. S. 539–570.
- Schefold*, 1949 — *Schefold K.* Orient, Hellas und Rom in der archäologischen Forschung seit 1939. Bern, 1949. 248 S.
- Schefold*, 1959 — *Schefold K.* Griechische Kunst als religiöses Phänomen. München, 1959. 154 S.
- Schefold*, 1975 — *Schefold K.* Wort und Bild. Basel; Mainz, 1975. 231 S.
- Schwarzmaier*, 1996 — *Schwarzmaier A.* Die Gräber in der Grossen Blizniza und ihre Datierung // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1996. Bd. 111. S. 105–137.
- Schwarzmaier*, 2006 — *Schwarzmaier A.* «Ich werde immer Kore heissen». Zur Grabstele der Polyxena in der Berliner Antikensammlung. Mit einem Anhang zu den Schmuckgarnituren aus den Grossen Blisniza auf der Halbinsel Taman // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 2006. Bd. 121. S. 175–226.
- Seiterle*, 1979 — *Seiterle G.* Artemis — Die Grosse Göttin von Ephesos // AW. 1979. No. 3. S. 3–16.
- Tran Tam Tinh*, 1990 — *Tran Tam Tinh V.* Isis // LIMC. 1990. Bd. V. S. 764–796.
- Ustinova*, 1999 — *Ustinova Y.* The Supreme Gods of the Bosphoran Kingdom: Celestial Aphrodite and the Most High God. Leiden: Brill, 1999. 381 p.
- Vasmer*, 1921 — *Vasmer M.* Osteuropäische Ortsnamen: 1. Das Schwarze Meer // Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis. 1921. Serie 1. Bd. 1, № 3. S. 3–9.

И. Ю. Шауб

Отдел истории античной культуры.
ИИМК РАН. Санкт-Петербург. Россия

Новые материалы по эпохе викингов в Восточной Европе

Рецензия на книгу: Гнёздовский археологический комплекс:

Материалы и исследования. Вып. 1 / Отв. ред. С. Ю. Каинов. М.: ГИМ, 2018. 552 с.
(Труды Государственного исторического музея. Вып. 210). ISBN 978-5-89076-334-1

Ключевые слова: Гнёздово, эпоха викингов, раннее средневековье, путь из варяг в греки, комплексные исследования.

Keywords: Gnyozdovo, Viking Age, Early Middle Ages, route from the Varangians to the Greeks, complex research.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-262-266

Гнёздово занимает в раннесредневековой археологии Восточной Европы особое место. Огромный археологический комплекс изучается уже почти полтора века, и его материалы давно стали одним из главных источников по истории периода сложения Древнерусского государства. К гнёздовским коллекциям как к своего рода эталону непременно обращаются исследователи раннесредневековой археологии Восточной Европы, разрабатывая такие сюжеты, как становление русской государственности, возникновение городов, изучение магистральных речных путей и дальней торговли, славяно-скандинавские контакты. Аналогии яркому гнёздовскому материалу обнаруживаются на большинстве крупных памятников эпохи викингов в Восточной Европе. Так, исследователи Рюрикова городища указывают на конструктивное сходство ремесленных мастерских двух центров (*Носов и др.*, 2017. С. 69–71), те же производственные традиции, что и в Гнёздове, выделяются в ювелирном производстве Городка на Ловати (*Горюнова*, 2016. С. 40, 45). И. И. Еремеев,

характеризуя материалы раннесредневекового Усвята, также сравнивает его в первую очередь с Гнёздовом, отмечая «характерное для таких центров сочетание западнославянских, скандинавских, салтовских и местных украшений с арабским серебром... и медными византийскими монетами» (*Еремеев*, 2015. С. 540). Примеров же опоры на типологию и хронологию гнёздовских находок и вовсе не счесть. Потому каждой крупной публикации, посвященной Гнёздову, коллеги ждут с понятным интересом.

Вообще, Гнёздову, как и другим ключевым памятникам на пути из варяг в греки, очень не хватает планомерных публикаций — обобщающих «больших книг». Богатейший материал Гнёздова, как и Ладоги, Новгорода, Киева, других важнейших центров, разбросан по самым разным изданиям, монографиям и статьям, из которых каждый исследователь вынужден самостоятельно складывать некий «метатекст». Нельзя сказать, что авторы исследований на соответствующих памятниках вовсе не пытаются систематизировать

результаты работ своих и предшественников. Сведение накопленных знаний воедино для каждого памятника реализуется по-своему. Так, в Великом Новгороде ведется многолетняя работа по составлению археологической библиографии (см.: Археология Новгорода..., 2017, 2019 и более ранние издания); отметим также отдельный библиографический свод по Рюрикову городищу (Рюриково городище..., 2012). Для Гнёздовского комплекса таким универсальным указателем является созданный В. В. Новиковым сайт <http://gnezdovo.com/>, содержащий помимо основных сведений о памятнике постоянно пополняемую библиотеку научных текстов и хронику деятельности. Однако это, разумеется, не отменяет публикаций по археологии Гнёздова — как отдельных статей, так и коллективных работ, полностью посвященных этому комплексу. Достаточно вспомнить такие важные издания, как «Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города)» (1991), «Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника» (2001), «Гнёздовский могильник: Исследования и публикации. Часть I. Археологические раскопки 1874–1901 гг.» (1999), «Гнёздово. Результаты комплексного исследования памятника» (2007), в разные годы изданные МГУ и Государственным историческим музеем.

Рецензируемый сборник под редакцией С. Ю. Каинова, Т. А. Пушкиной и В. С. Нефёдова представляет собой еще одно издание, полностью посвященное Гнёздовскому археологическому комплексу и содержащее результаты современных комплексных исследований. Сборник посвящен 100-летию со дня рождения Д. А. Авдусина, основателя и многолетнего руководителя Гнёздовской (ныне — Смоленской) археологической экспедиции, и открывается очерком биографии Д. А. Авдусина, написанным В. Я. Петрухиным. Издание имеет подзаголовок «Материалы и исследования. Выпуск 1», что внушает осторожный оптимизм и позволяет надеяться на выход в свет в недалеком будущем и последующих выпусков. Некоторое недоумение вызывает расположение статей в сборнике: не в соответствии с заявленными

в предисловии тематическими «блоками», а в алфавитном порядке фамилий авторов. Рассмотрим, тем не менее, опубликованные материалы, имея в виду традиционные темы и сюжеты в изучении Гнёздовского комплекса.

Значительная часть статей вводит в научный оборот материалы раскопок последних лет. Совместная статья С. А. Авдусиной и С. С. Зозули о работах на Ольшанском городище (С. 12–27), помимо публикации материалов шурфов, заложенных в 2008–2009 гг., содержит тщательный анализ работ предшественников, начиная с 1905 г., и топографические планы городища. Сходный круг вопросов решается и в статье С. С. Зозули о раскопках курганов Днепровской группы в 2010–2012 гг.: анализ работ предшественников и самого понятия «Днепровская курганная группа», публикация результатов раскопок автора в 2010–2012 гг. (пять курганов), детальное рассмотрение полученных материалов на фоне всего Гнёздовского комплекса, сопровождающееся публикацией результатов естественнонаучных анализов, выполненных А. А. Гольевой, Е. Г. Ершовой и Е. А. Клеценко (С. 181–210). Коллективное исследование В. В. Мурашёвой, Н. Н. Малышевой и Я. В. Френкеля (С. 286–339) посвящено результатам двух циклов раскопок на северо-восточном берегу оз. Бездонка в Днепровской пойме, выявивших сооружения «портовой зоны» древнего Гнёздова. Авторы досконально разбирают стратиграфию и хронологию изученного участка, на котором сохранились непотревоженные ранние напластования. Сразу две статьи публикуют результаты работ на Центральном Гнёздовском поселении. Статья В. В. Новикова и Т. А. Пушкиной о Западном селище (С. 349–394) вновь воспроизводит тот же план подачи материала, когда публикация современных раскопок предваряется полным очерком истории изучения памятника и его планами. Вообще «топографически-историографические» вступительные части всех упомянутых выше статей чрезвычайно важны и сами по себе, предлагая читателю сборника цельную картину топографии комплекса так, как она рисуется

на современном этапе исследований. Статья, написанная В. В. Новиковым, Т. В. Шведчиковой и О. П. Добровой, вводит в оборот материалы конкретного важного раскопа (ЦС-V), в пределы которого вошла, вероятно, окраина курганного кладбища, с течением времени занятая селитебной зоной (С. 395–412). К этому же тематическому блоку примыкает и публикация А. А. Фетисовым гончарного горна, изученного в пойменной части Гнёздовского поселения (С. 473–481). Отдельная большая статья С. Ю. Каинова посвящена погребениям с предметами вооружения, изученными в Гнёздовском некрополе, и вводит в научный оборот эту категорию комплексов как единый структурированный массив (С. 211–240).

Публикация результатов раскопок дополняется данными по геоархеологии поймы Днепра, полученными большим коллективом авторов (М. А. Бронникова, А. В. Панин, Е. Д. Шеремецкая и др. С. 28–67). Восстановленная авторами история формирования гнёздовского сегмента поймы Днепра (включая расположенные здесь оз. Бездонка и Камыши), а также картина последующих ландшафтных изменений дают основания для суждений об истории (и предыстории) ландшафтов Гнёздова на протяжении длительного времени.

Еще один чрезвычайно важный «тематический блок» статей представлен аналитическими работами о конкретных категориях находок: статья Я. В. Бычковой, Н. В. Ениосовой, И. М. Нилуса посвящена каменным оселкам (с. 68–83), А. С. Дементьевой — гребням 1-й группы по типологии О. И. Давидан (С. 91–101), О. П. Добровой — стеклянным бусам (Центрального городища, С. 102–126, и северо-западной части Центрального селища, С. 387–390), М. О. Жуковского — весам и гирькам (С. 127–178), О. В. Орфинской — текстилю (С. 413–460), А. О. Шевцова — византийским монетам (С. 482–509), Е. В. Захарова — фоллису Лициния I, найденному при несанкционированных сборах (С. 179–180). Все эти статьи, написанные разными авторами о совершенно различных вещах, объединяет, среди прочего, очевидное стремление рассмотреть

изучаемый материал на возможно более широком фоне, непременно в контексте функционирования магистрального речного пути. Очевидное стремление исследователей связать изучаемые находки с дальним импортом порой вызывает у читателя желание увидеть более подробное обоснование. Так, авторы статьи об оселках, дав им подробную петрографическую характеристику, уверенно связывают происхождение гнёздовских сланцевых оселков с территорией Южной Норвегии, отмечая, что на территории Смоленской области подходящих месторождений нет (С. 80–83). Почти столь же уверенно М. О. Жуковский предполагает, что «стандартизированные» бочонковидные и 14-гранные весовые гирьки изготавливались преимущественно несколькими уполномоченными центрами в Северной Европе (С. 139–141). Однако в обоих случаях хочется видеть и более развернутую аргументацию исследователей, и более широкий контекст для таких распространенных находок, нежели только североевропейские параллели, — или убедительные доводы в пользу отказа от привлечения такого контекста.

Своеобразной приметой времени стало появление в издании темы «поздних» памятников. В сборник вошел очерк В. С. Курмановского об округе Гнёздова в XI–XVIII вв. (С. 241–266), заметка В. С. Нефёдова о Гнёздовской почтовой станции (С. 340–348), а также публикация позднесредневековых монет из раскопок в Гнёздове, подготовленная И. В. Волковым, Т. А. Пушкиной и Т. Ю. Стукаловой (С. 84–90). Органичной частью «гнёздовского нарратива» стали и материалы, связанные с историографией и историческими исследованиями. М. В. Медведева опубликовала каталог архивных дел Императорской археологической комиссии, связанных с Гнёздовом и ныне хранящихся в архиве ИИМК РАН (С. 267–285). В. Я. Петрухин представил очерк, посвященный давней дискуссии о соотношении Гнёздова и Смоленска (С. 461–471), П. В. Петрухин — маленькую заметку о фонетической форме названия «Гнёздово» (С. 472). В свою очередь в работе А. С. Щавелева рассмотрен вопрос о возможном упоминании

росов в верховьях Днепра, а значит, в Гнёздове, в 42-й главе трактата Константина Багрянородного (С. 510–515).

Несмотря на кажущуюся разнородность материалов сборника, после его прочтения возникает цельная картина современного состояния работ на одном из крупнейших восточноевропейских центров эпохи викингов; вновь встающие перед исследователями проблемы, вероятно, так или иначе будут решаться тем же коллективом авторов. Важнейшей из них по-прежнему остается публикация материалов Гнёздовского комплекса в контексте синхронных ему как крупных центров на пути из варяг в греки, так и менее значительных периферийных поселений. Несмотря на очевидные и многократно убедительно доказанные тесные контакты Гнёздова со Скандинавией, как и с Византией (подробнее см. также *Ениосова, Пушкина, 2012*), комплекс в верхнем течении Днепра не был первым крупным центром на пути ни «из варяг», ни «из грек». И действительно, в культуре Гнёздова находится множество параллелей

с археологическими материалами Поволховья и Среднего Поднепровья. Однако встает вопрос: действительно ли дело только в дальних контактах и безусловном присутствии на Руси выходцев из Скандинавии? Многочисленные предметы и некоторые культурные традиции, распространившиеся с территории Северной Европы (так называемая скандинавская вуаль) очень быстро стали столь органичной частью ранней древнерусской культуры, что ее саму можно в каком-то смысле рассматривать как один из вариантов культуры эпохи викингов, распространившийся далеко за пределы территорий, по которым прошел путь из Балтики по Днепру (см., напр., *Лесман, 2014*). Детальное рассмотрение разных вариантов этой формирующейся культуры, их взаимодействия между собой и с местными культурами предшествующего времени, на мой взгляд, — самая насущная задача в изучении древностей IX–XI вв. в Восточной Европе, и материалы Гнёздова, как памятника центрального во всех смыслах, чрезвычайно важны. Остается ожидать дальнейших публикаций.

Археологический сборник..., 2001 — Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника / Ред. В. В. Мурашёва. М.: ГИМ, 2001. 220 с. (Тр. ГИМ. Вып. 124).

Археология Новгорода..., 2017 — Археология Новгорода. Указатель литературы. 2001–2010 / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.: Институт археологии РАН, 2017. 184 с.

Археология Новгорода..., 2019 — Археология Новгорода: Указатель литературы. 2011–2015 гг. Дополнения к указателям за 1917–2010 гг. / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.: Б. и., 2019. 156 с.

Гнёздово..., 2007 — Гнёздово. Результаты комплексного исследования памятника / Отв. ред. В. В. Мурашёва. СПб.: Альфарет, 2007. 330 с.

Гнёздовский могильник..., 1999 — Гнёздовский могильник: Исследования и публикации. Часть I: Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ) / Отв. ред. В. Л. Егоров. М.: ГИМ, 1999. 158 с. (Тр. ГИМ. Вып. XXXVI).

Горюнова, 2016 — Горюнова В. М. Городок на Ловати X–XII вв. (К проблеме становления города Северной Руси). СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 352 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. XLVII).

Ениосова, Пушкина, 2012 — Ениосова Н. В., Пушкина Т. А. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнёздово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сугдейский сборник. Материалы V Судацкой МНК (г. Судак, 23–24 сентября 2010 г.) / Ред. Е. М. Сердюк, А. М. Фарбей. Киев; Судак: Горобец, 2012. Вып. V: Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. С. 34–85.

Еремеев, 2015 — Еремеев И. И. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (Очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 696 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. XLIV).

- Лесман*, 2014 — *Лесман Ю. М.* Скандинавский компонент древнерусской культуры // *Stratum Plus*. 2014. № 5: Люди и вещи Древней Руси. С. 45–87.
- Носов и др.*, 2017 — *Носов Н. Е., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 287 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. XLIX).
- Рюриково городище..., 2012 — Рюриково городище — начало российской государственности: библиографический указатель / Сост. Ю. В. Шварц, Т. А. Данько, ред. Э. Н. Белоножка. Великий Новгород: Б. и., 2012. 146 с.
- Смоленск..., 1991 — Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города) / Под ред. Д. А. Авдусина. М.: Изд-во Московского университета, 1991. 264 с.

Е. Р. Михайлова
Россия, Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный
университет,
Лаборатория археологии,
исторической социологии
и культурного наследия им. Г. С. Лебедева

Новые материалы о культовых камнях Восточной Европы

Рецензия на книгу: Культовые камни Восточной Европы: Беларусь, Латвия, Литва, Россия / под общ. ред. В. Г. Мизина. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2018. 320 с.: ил. ISBN 978-5-93762-136-8

Ключевые слова: культовые камни Восточной Европы, итоги и перспективы изучения.
Keywords: cult stones of Eastern Europe, results and prospects of study.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-267-272

Рецензируемая коллективная монография посвящена почитаемым культовым камням Беларуси, Латвии, Литвы и России. Статьи сборника, представленные авторами из этих стран, дают достаточно полное представление о состоянии изученности этой сложной и специфической темы, находящейся на пересечении археологических, исторических, фольклорных, ландшафтных, геологических и даже археоастрономических исследований. Следует отметить, что почитание этих камней является и в наше время сферой народной культовой практики, а сами объекты остаются элементом современного культурно-исторического ландшафта. Речь идет о традиции, уходящей своими корнями в глубокое прошлое, начало которой трудно установить по причине ограниченности исторических, фольклорных и археологических источников. Различные аспекты и формы этого почитания фиксируются лишь в определенные исторические периоды, по которым сохранились письменные и фольклорные известия. При этом следует учитывать возможные изменения в составе населения, что неминуемо влекло за собой иное культовое восприятие и другие обрядовые действия, связанные с этими камнями.

Необходимо также принимать во внимание проведенные в последней четверти XX в. на территории бывшего СССР масштабные мелиоративные работы и практику сознательного уничтожения «чашечных» камней и камней-«следовиков» как предметов культового поклонения, в результате чего многие из них были перемещены со своих мест или уничтожены. В статьях сборника отмечаются случаи и более ранних перемещений сакральных камней на усадьбы или нахождения их в храмах в зависимости от связанных с ними легенд. Немалая часть культовых камней собрана в экспозициях краеведческих музеев и в «парках камней». Серьезную проблему представляет датировка этих объектов, подавляющая часть которых не связана с археологическими памятниками, поскольку не находится на их территории. Сами лунки на камнях имеют относительно одинаковые размеры. В их расположении на поверхности и количестве не прослеживается определенного логического порядка, хотя и предпринимаются попытки таковой выделить. И, наконец, относительно многих камней среди исследователей существуют сомнения в их принадлежности к древним памятникам

и ритуальном назначении этих объектов, как и знаков на них.

Все эти источниковедческие трудноразрешимые проблемы давно и хорошо известны исследователям, каждый из которых сталкивался с ними, начиная со времени появления первых публикаций о культовых камнях в Европе и первых попыток обобщения и систематизации сведений по ним в XIX в. В полной мере они нашли отражение и в материалах рецензируемой коллективной монографии.

Ее составителям и редактору удалось собрать коллектив авторов, хорошо знакомых с проблематикой культовых камней Восточной Европы и активно работающих в этой области. Это позволило максимально полно охватить имеющийся на европейской территории бывшего СССР материал, составить каталоги по отдельным географическим и административным регионам. Они включают полные, выполненные на современном научном уровне характеристики камней со знаками, включающие карты распространения с указанием конкретного местонахождения, их названия, размеры и количество лунок на них со схематическими изображениями поверхности. В ряде случаев отмечается горная порода камня.

Это первая обзорная работа по культовым камням Восточной Европы, в которой отражены все связанные с ними аспекты — от типа камней и их сходства и отличий до связанных с их почитанием обрядовых действий и фольклорных материалов. Подобный подход позволил выявить существующую между ними взаимосвязь по всем этим аспектам и в то же время отразить со всей очевидностью существующие сложности в исследовании связанной с этими объектами проблематики. Данная коллективная работа актуальна не только в силу охвата почитаемых камней на территории Беларуси, Латвии, Литвы и России с привлечением материалов сопредельных территорий Эстонии и Финляндии, но и как основа для дальнейшего ввода в научный оборот и изучения вновь выявленных объектов.

Рецензируемая коллективная монография четко спланирована. Она открывается предисловием редактора-составителя В. Г. Мизина,

в котором освещена вся существующая на данный момент ситуация в изучении культовых камней Восточной Европы и обосновывается необходимость издания с представлением составляющих монографию статей. В первую очередь это общие обзорные работы, в которых представлены все типы почитаемых (сакральных) камней, их фотографии, схемы распространения, места нахождения с координатами, связанные с ними легенды и названия. К таким работам относятся статьи А. К. Карабанова, В. Ф. Винокурова, Л. В. Дучиц, Э. М. Зайковского и И. Е. Климковича о сакральных и исторических валунах Беларуси, Л. Якубенока о мифологических камнях Латвии, В. В. Шевелёва о культовых и мифологических камнях на Каргополье (материалы для сводного каталога источников). Наряду с этими обзорами, показывающими общий тематический фон, в рецензируемой монографии представлены работы, в которых обобщаются и анализируются сведения о распространении камней с углублениями — «чашечников». Это статьи А. П. Зайцева о камнях с ямками в Беларуси и И. С. Бутова о лунковых камнях Беларуси, в которой предпринимается попытка их астрономической интерпретации, статья Я. Цепитиса и Л. Якубенока о камнях с ямками в Латвии, В. Вайткявичюса об аналогичных камнях в Литве и В. Г. Мизина о чашечных камнях на территории Ленинградской области.

Эти работы, как верно отметил в своем предисловии В. Мизин, дополняя ранее опубликованные работы А. Тваури (*Tvauri*, 1997) по Эстонии и В. Матинолли (*Matinalli*, 2012) по Финляндии, воссоздают полную картину распространения данного типа памятников в восточно-балтийском регионе.

Завершается издание обзорно-теоретической статьей А. В. Курбатова о некоторых вопросах изучения историко-культурных природных объектов Восточной Европы, в которой отмечаются достигнутые в полевых исследованиях успехи и введение в научный оборот сводок уже известных памятников такого рода и приводятся в то же время уже высказанные ранее сомнения методического и

содержательного свойства. Исходя из этого, он детально рассматривает понятие «природные историко-культурные объекты», подробно останавливаясь на причинах и основаниях, по которым почитаемые природные валуны относят к категории культовых памятников, предупреждая о существующих здесь проблемах (к примеру, к какой категории следует относить межевые или пограничные знаки). Тем самым внимание акцентируется на том, каким объемом самых разнообразных знаний и опытом работы должен обладать исследователь данных объектов при их фиксации и обобщении сведений по ним для последующего составления сводок по отдельным регионам. Далее А. В. Курбатов рассматривает географию распространения культовых камней, связывая их местоположение с движением ледника, и отмечает количественное различие в отдельных регионах Балтийского бассейна: Эстонии (более 1100 валунов с чашевидными выемками), Латвии (343 различных объекта к концу 1980-х гг.), в Литве (более 300 жертвенных камней), в Беларуси (до 500), на Северо-Западе России в Псковской, Ленинградской, Тверской и Новгородской областях (около 300). Общая тенденция к уменьшению их числа просматривается в направлении от берегов Балтики на восток. Особое внимание автор уделяет основной проблематике и нерешенным вопросам, важным при дальнейшем рассмотрении и введении в научный оборот всего массива собранных материалов о почитаемых валунах Восточной Европы. Он отмечает, что строго научный подход к сбору информации на основе методических разработок каждой из занимающихся этими объектами исторических дисциплин объективно затруднен или вовсе невозможен. Это очень существенное замечание, поскольку сама проблематика недостаточно разработана, база источников требует серьезного обоснования на основе комплексного метода, учета и оценки всей информации по каждому памятнику. К тому же многие уже ранее известные почитаемые валуны в силу разных причин утрачены или перемещены. Значительная часть их не описана и

не обмерена по единой методике, фольклорно-этнографические сведения по ним неполны или вовсе не сохранились в силу утраты традиционной культуры и смены населения.

С учетом современного состояния источников А. В. Курбатов предлагает четыре направления в исследовании почитаемых валунов: 1) создание единой базы данных по имеющимся материалам на широкой территории; 2) проведение сравнительно-статистической оценки материала по отдельным регионам и областям и его обработка на основе методик исторических дисциплин; 3) точное описание каждого объекта, его местонахождения и создание единой типологии самих знаков; 4) целенаправленный сбор фольклорного материала и его сопоставление с письменными и археологическими источниками.

Одной из самых сложных и дискуссионных тем в исследовании почитаемых камней, как с искусственными выбитыми ямками, так и с естественными углублениями, является их датировка. Даже в случаях, когда у оснований валунов проводились раскопки, найденный материал фиксирует, как правило, длительность почитания этих объектов. Это же касается и фольклорных материалов, связанных с ними легенд, в которых соседствуют языческие и христианские представления. А. В. Курбатов отмечает, что в настоящее время в рассматриваемой зоне самыми ранними считаются камни с чашевидными выемками, появление которых относят к I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. Они использовались для поминальной жертвы умершим и поэтому находились вблизи или на территории древних могильников. К ним также, согласно этнографическим данным XIX и XX вв., приносили зерно для получения хорошего урожая, молоко для благополучия домашнего скота, продукты промыслов и др. Поэтому часть камней расположена у древних полей, на святилищах или как отдельные жертвенные места, почитание которых зафиксировано вплоть до XIX в.

В связи с рассмотрением культовых камней отмечено, что до недавнего времени на территории Ленинградской области существовали территории с сохранившимся историческим

ландшафтом, в котором рассматриваемые объекты находились на своих первоначальных местах и сохраняли все присущие им особенности, включая и каменные конструкции у их основания, и нетронутый культурный слой.

Выявленный на Карельском перешейке в 1979 г. на холме коренного берега оз. Суходольского в дер. Ольховка Приозерского р-на Ленинградской области культовый центр состоял из жертвенного камня с шестью чашевидными выемками, 78 каменно-земляных куч и источника воды (родника). Каменная куча была сложена также с северной стороны культового камня, между ним и принесенным со стороны большим камнем. В ней найдены средневековая керамика и круглый камень-терочник. В 1979 и 1980 гг. были исследованы пять насыпей в восточной части группы. Во всех обнаружены слои черной земли с углями и золой или очаги в нижней части, а также большое количество керамики, в том числе и из беложгущейся глины. Эта керамика принадлежит к типу, который был одним из преобладающих в культурных слоях XIV в. в крепости Корела. Такая же керамика встречена на средневековых поселениях в дер. Ольховка и других на Карельском перешейке. Кроме керамики в насыпях найдены куски кварца, кости животных и зубы коровы. Одна из насыпей датируется по углю временем 1275 ± 10 AD (Ле-3206). В нижней части другой наряду с углесто-зольным пятном и круговой керамикой найдены подковообразная фибула с витой дугой грубой работы и глазчатая фибула конца эпохи викингов — начала эпохи крестовых походов (1050–1300 гг.). Характерно, что при наличии во всех исследованных насыпях следов поддержания огня керамика, кости животных и вещи не были обожжены, что может свидетельствовать о достаточной длительности ритуала во времени. Следует также отметить, что насыпи имели форму, характерную для погребальных памятников эпохи Меровингов в Финляндии (крупные, так называемые «глазные» камни в центре, обкладка из крупных валунов, каменно-земляное заполнение). Речь может идти

о сохранении формы погребального сооружения, но уже при другом, ритуальном, использовании. На примыкающих к культовому центру полях по коренному берегу озера в полосе более одного километра были найдены еще восемь культовых камней с чашевидными выемками. С северной стороны четырех из этих камней наблюдаются кучи камней. У оснований пяти камней произведены раскопки, и в четырех случаях найдена средневековая керамика. Керамика такая же, как на соседних поселениях и могильниках, что позволяет относить все эти памятники к единому средневековому временному горизонту и считать, что весь археологический комплекс был оставлен карельским населением в XII–XIV вв. Культовый центр, по-видимому, являлся общим для этого куста из выявленных нами четырех однодворных деревень. К весне 2016 г. в зоне распространения чашечных камней к западу от дер. Ольховка выявлено уже в общей сложности 17 таких камней.

К сожалению, после прекращения выпаса скота в конце прошлого тысячелетия прибрежные холмы стали зарастать кустарниками и деревьями. К тому же памятникам у дер. Ольховка угрожает современная коттеджная застройка, как отмечает в своей статье А. В. Курбатов, уже окончательно «убившая» первозданный ландшафт и разрушившая часть зафиксированных объектов. По мнению автора, необходимо переместить выявленные сохранившиеся валуны на территорию музеев для создания ландшафтной экспозиции. Но в таком случае данный тип памятников будет исключен из списка охраняемых, при этом исчезнет возможность археологического изучения площади вокруг почитаемых камней.

Чашечные камни были выявлены в процессе разведок 1979–1980 гг. практически во всех местах концентрации средневекового карельского населения. На п-ве Героев на южном берегу оз. Вуокса вблизи могильника Тонтинмяки и открытого нами средневекового поселения у дер. Кротово в Приозерском р-не на месте бывшей финской деревни Ховинсаари выявлено четыре камня. У основания

одного из них с девятью чашками (№ 3) были проведены раскопки. У его северной стороны была сложена невысокая каменная куча, а с южной — расчищена каменная вымостка, на ее поверхности выявлено зольно-угольное пятно. Среди камней в пределах зольно-угольного пятна найдены фрагменты керамики, характерной для крепости Корела со второй половины XIV в. Отметим еще чашечный камень на противоположном берегу оз. Вуоксы в дер. Яркое (Суотниemi) с 24 выемками (Яркое-1). Валун расположен на холме, на склоне которого в конце XIX в. был исследован карельский грунтовый могильник XII–XIV вв. В процессе поиска могильника непосредственно под камнем обнаружено средневековое поселение того же времени. На расположенном к востоку соседнем холме на открытой поверхности скалы выбиты девять чашевидных выемок и вписанный в круг крест (Яркое-4). При раскопках на южной стороне склона зафиксировано поселение с лепной керамикой, на котором при сборе материала был встречен двушипный черешковый наконечник стрелы, по типу характерный для позднего римского времени эпохи переселения народов. Сейчас количество найденных на Карельском перешейке жертвенных камней значительно увеличилось. Материалы раскопок камней и культового центра привлекаются для того, чтобы показать, что данные объекты в ритуальных целях использовались именно средневековым карельским населением в тот период, когда поселенческие центры состояли преимущественно из однодворных деревень, а их жители занимались пашенным земледелием и животноводством.

Эти наблюдения, однако, не дают ответа на вопрос о собственно времени проявления подобной традиции на Карельском перешейке в зоне расселения летописного племени корела. Финские исследователи, отвечая на этот вопрос, увязывают его с принятой ими теорией заселения древней Карелии в железном веке со стороны Западной Финляндии в эпоху Меровингов. И, соответственно, считают эту традицию принесенной этими новыми переселенцами. Особенно подробно эту точку

зрения рассматривает П. Уйно в своей опубликованной докторской диссертации (Uino, 1997).

В статье А. В. Курбатов рассматривает культовые камни на широком фоне находок Восточной Европы, начиная от энеолитических антропоморфных каменных стел Причерноморья со «стопами» и петроглифов из Каменной Могилы под Мелитополем с подобными же знаками. Опираясь на мнение отечественных и зарубежных исследователей, автор отстаивает точку зрения о единстве происхождения этих памятников IV–II тыс. до н. э. в Средиземноморском бассейне. Наскальные изображения, включающие и чашевидные выемки, встречаются на отдельных валунах в разных регионах Европы вплоть до I–II тыс. н. э. На северо-востоке Балтийского ареала мегалитические традиции приняли специфические формы — здесь использовали, по большей части, не искусственно обработанные камни для погребальных сооружений, а природные валуны ледникового происхождения, из которых складывали каменные вымостки, так называемые «каменные кучи», и курганы различных видов. К I тыс. до н. э., завершает А. В. Курбатов, иррациональные представления о валунах у народов северной половины Европы получают окончательное оформление и в этом виде сохраняются до настоящего времени.

В то же время появляются новые виды культовых сооружений со своим сакральным смыслом (сейды, каменные лабиринты), а также каменных погребальных сооружений различных форм. Усложняются традиционные культы, связанные с поклонением умершим и жизнеобеспечением, добавляются новые культы и обряды, связанные с развитием производящего хозяйства, земледелием, животноводством и промыслами. Расширяются и функции культовых объектов, их виды. Многообразнее становятся формы погребальных сооружений, но упрощаются и сокращаются семантические черты изображений на плоскости камней или рукотворных изваяний, их оформление. Пропадает также и традиция наскальных изображений — петроглифов.

Часть присущих поминальным камням функций и связанных с ними обрядовых действий сохранилась до наших дней. Они связаны, главным образом, с почитанием умерших, приписываемыми валунам лечебными свойствами и с конкретными легендами, возникшими в связи с необычной формой того или иного объекта. Камни-«следовики» и «чашечники», камни-«кровати», камни-«столы», «чертовы камни», «перунов камень», окаменевшие люди и многие другие детально представлены в сводках по Беларуси, Латвии и Литве.

Рецензируемая коллективная монография является актуальной, поскольку в ней детально представлен весь относящийся к культовым камням и их типам материал, включая распространение, статистические данные,

фольклор, и связанные с их изучением проблемы. Эта работа может служить основой при составлении подробного каталога почитаемых камней европейской части России и сопредельных стран. Она в этом общем виде важна и для самих авторов статей, посвятивших свое время и труды изучению культовых камней, поскольку неизбежно даст толчок обсуждению в этой узкопрофессиональной среде. Эта дискуссия неизбежно откроет еще нерассмотренные исследователями «белые пятна» и породит новые мысли и идеи. Со своей стороны считаю, что одним из направлений дальнейшего исследования камней в фольклорно-мифологическом контексте может быть включение связанных с ними мифов и легенд в более общее «мифологическое поле», определение их места в нем.

Matinolli, 2012 — *Matinolli V.* Suomen kuppikivet. Helsinki: Books on Demand, 2012. Vol. 1: Länsirannikko ja Pirkanmaa. 236 s.

Tvauri, 1997 — *Tvauri A.* Eesti lohukivid // Tartu Ülikooli Arheoloogia Kabineti Toimetised. Tartu,

1997. Vol. 9. Lp. 10–47 (Arheoloogilisest uurimisest. Vol. 1).

Uino, 1997 — *Uino P.* Ancient Karelia. Archaeological studies. Muinais-Karjala. Arkeologisia tutkimuksia. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1997. 426 p.

А. И. Сакса
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН,
Отдел славяно-финской археологии

Международная конференция «Палеолитическая стоянка Азых в Азербайджане и миграционные процессы» (Баку–Габала, 1–5 октября 2018 г.)

Ключевые слова: Азербайджан, Кавказ, нижний палеолит, пещерные стоянки, миграции.
Keywords: Azerbaijan, Caucasus, Lower Paleolithic, cave sites, migrations.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-273-275

В октябре 2018 г. состоялась Международная научная конференция «Палеолитическая стоянка Азых в Азербайджане и миграционные процессы», посвященная 50-летию обнаружения в Азербайджане остатков раннего гоминида, получившего название азыхантроп. Собрание было организовано Институтом археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана при содействии Азербайджано-корейской ассоциации культурного обмена «SEBA» (Сеул–Баку). Азербайджанские коллеги провели большую подготовительную работу. Участники конференции получили помимо заранее подготовленного сборника материалов (Палеолитическая стоянка Азых..., 2018) переизданные под одной обложкой статьи разных лет, посвященные памятнику (Палеолитическая пещерная стоянка..., 2018), и экземпляры фундаментальной посмертной монографии М. Гусейнова о древнекаменном веке республики (Гусейнов, 2010). Кроме того, А. К. Джафаров перед началом конференции издал новую книгу о палеолитических стоянках Нагорного Карабаха — Тагларской, Азыхской и Шушинской пещерах (Сəфərov, 2017).

Форум собрал более 40 специалистов по изучению древнейшего прошлого (археологов, антропологов, палинологов, палеогеографов, геологов), в том числе группу сотрудников

ИИМК РАН (С. А. Васильев, С. А. Кулаков, Е. Ю. Гиря, Е. В. Беляева).

Пленарное заседание конференции состоялось в Баку в Институте археологии и этнографии НАН Азербайджана. Открыли работу выступления вице-президента НАНА, академика И. А. Габиббейли, академика-секретаря Отделения общественных наук НАНА Н. Ч. Ахундовой, директора Национального музея истории Азербайджана, академика Н. М. Велиханлы, директора Института археологии и этнографии НАНА М. Н. Рагимовой, посвященные истории открытия и изучения палеолита республики и значению уникального памятника — Азыхской пещерной стоянки.

С докладами на пленарном заседании выступили М. В. Шуньков, А. К. Джафаров и Л. В. Кулаковская.

Развернутое выступление М. В. Шунькова (Новосибирск) было посвящено результатам новейших археологических и генетических исследований на палеолитических памятниках Алтая и роли этих данных для изучения процессов расселения рода Номо в Азии. В докладе А. К. Джафарова (Баку) были подведены итоги реализации в 2001–2005 гг. международной программы INTAS по изучению фаунистических, археологических и антропологических материалов из Азыхской пещеры.

Л. В. Кулаковская (Киев) проанализировала с позиции новых данных хронологию и культурную атрибуцию слоев VII–VIII стоянки Королёво в контексте раннего палеолита Украины.

После завершения заседания участники конференции ознакомились с хранящимися в фондах Института археологии и этнографии НАНА коллекциями древнейших (VII–X) слоев Азыхской пещерной стоянки, а также с артефактами из нового ашельского местонахождения Гараджа, открытого в 2013 г. Осмотр находок сопровождался оживленной дискуссией по вопросам морфологии древнейших каменных изделий.

Дальнейшая работа конференции проходила на базе археологического центра, расположенного близ г. Габала.

Представленные на конференции доклады можно разделить на три группы: выступления, посвященные изучению общих проблем раннего палеолита Кавказа и сопредельных территорий; доклады о новых исследованиях археологических памятников; сообщения о естественнонаучных данных по древнейшим местонахождениям.

Современному состоянию изучения нижнего палеолита Кавказа, вопросам периодизации древнейших индустрий, было посвящено выступление С. А. Васильева (Санкт-Петербург). Е. В. Беляева (Санкт-Петербург) остановилась на общих чертах эволюции ашельских индустрий на Кавказе и Ближнем Востоке в свете последних открытий в Армении. А. А. Зейналов и Л. А. Зейналова (Баку) подняли вопрос о распространении характерных для раннепалеолитической курчайской культуры орудий-гигантолитов на территории Азербайджана, в Дагестане и на Тамани. Исследованию технологии расщепления в нижнем и среднем палеолите Азербайджана посвятил свое сообщение Р. Дж. Биртвистл (Лестер, Великобритания). А. А. Анойкин (Новосибирск) охарактеризовал комплексы поздней поры среднего палеолита в Дагестане (стоянки Тинит-1 и Рубас-1) на фоне мустьерских индустрий Кавказа. Доклад В. Н. Степанчука (Киев) был посвящен материалам новых нижнепалеолитических

местонахождений, открытых на западе Украины (Меджибож 1, Меджибож А и Головчинцы). Е. Ю. Гирия (Санкт-Петербург) сообщил собравшимся об уникальных раннепалеолитических костяных артефактах — свидетельствах присутствия древнейших гоминид на юге Русской равнины и на Кавказе.

Серия новых раннепалеолитических местонахождений, открытых на южном склоне Большого Кавказа, стала темой выступления А. А. Зейналова, М. М. Мансурова и Н. А. Мусеибли (Баку). В сообщениях, представленных Б. М. Джалиловым и М. М. Мансуровым (Баку), а также Г. Ф. Джафаровым с соавторами (Баку) речь шла о находках обсидиановых палеолитических изделий, встречаемых при раскопках курганов бронзового века. Н. Д. Тушабрамишвили (Тбилиси) доложил результаты новых изысканий по палеолиту Восточной Грузии (стоянки Зиари-Пховели и Зиари 2). Исследованию многослойных раннепалеолитических местонахождений Северо-Восточного Дагестана (пункты Мухкай 1 и 2) в Центральном Дагестане были посвящены доклады А. И. Таймазова (Махачкала) и Д. В. Ожерельева (Москва). С. А. Кулаков (Санкт-Петербург) предложил реконструкцию адаптации древнейшего человека в прибрежной зоне, основанной на использовании мяса слонов и эламотериев, погибавших в грязевом водоеме (по материалам стоянки Богатыри/Синяя Балка на Таманском полуострове). В коллективном докладе, зачитанном А. А. Анойкиным (Новосибирск), были представлены материалы новой ранней верхнепалеолитической стоянки в Казахстане — Ушбулак, сходной по облику инвентаря с комплексами Алтая типа Кара-Бома.

Участниками конференции были заслушаны и обсуждены доклады по естественнонаучным аспектам изучения палеолита. Е. Н. Тагиева (Баку) в развернутом докладе обрисовала основные этапы изменения климата и растительности на территории Азербайджана в плиоцене и плейстоцене. Выступление И. А. Идрисова (Махачкала) было посвящено характеристике геологического строения района расположения

нижнепалеолитического памятника Гараджа и реконструкции природных условий Прикаспия в плейстоцене. В. В. Титов (Ростов-на-Дону) в коллективном докладе охарактеризовал тафономические особенности эоплейстоценового местонахождения Богатыри/Синяя Балка на Тамани. Новые данные по стратиграфии морских террас Южного Крыма в связи с находками раннепалеолитических артефактов представил А. Л. Чепалыга (Москва). Наконец, Я. В. Маммадов (Баку) рассказал о челюсти человека, найденной в пещере Азых, и месте так называемого азыхантропа в системе гоминид.

Во время проведения конференции ее участники имели возможность посетить археологические памятники, осмотреть музейные экспозиции и обсудить результаты исследований археологического комплекса Габала — древней столицы Кавказской Албании.

Один из дней работы конференции был посвящен ознакомлению с ашельским

комплексом местонахождений Гараджа, расположенных на южном берегу Мингечаурского водохранилища. Собравшиеся с большим интересом выслушали доклады исследователей и осмотрели памятники, а также приняли участие в сборе артефактов на размываемых поверхностях. После чего состоялось обсуждение новых данных, с проведением на глазах специалистов эксперимента по расщеплению местного каменного сырья с целью проверки его качеств для изготовления каменных орудий (Е. Ю. Гиря, Санкт-Петербург).

Все участники конференции отметили выдающиеся успехи в изучении палеолита Азербайджана, активно ведущегося в традиционном творческом взаимодействии с российскими археологами. Так, в последнее время А. А. Зейналов проводит исследования по совместному гранту РФФИ, НАН Азербайджана и Фонда развития науки при президенте Азербайджана с сотрудниками ИИМК РАН (С. А. Кулаков, Е. Ю. Гиря).

Гусейнов, 2010 — Гусейнов М. Древний палеолит Азербайджана. Баку: РекНур, 2010. 220 с.

Палеолитическая пещерная стоянка..., 2018 — Палеолитическая пещерная стоянка Азых. Баку, 2018.

Палеолитическая стоянка Азых..., 2018 — Палеолитическая стоянка Азых в Азербайджане

и миграционные процессы: Сб. материалов конференции / Отв. ред. М. Н. Рагимова. Баку, 2018. 251 с.

Səfərov, 2017 — Səfərov Ə. Qarabağın Paleolit düşərgələri. Bakı, 2017.

*С. А. Васильев,
С. А. Кулаков
Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории материальной
культуры РАН,
Отдел палеолита*

Научные контакты литовских и российских археологов

Ключевые слова: экспериментально-трассологический анализ, функции древних орудий труда, Восточно-Балтийский регион.

Keywords: experimental-traceological analysis, functions of ancient instruments of labor, East-Baltic region.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-276-277

16 марта 2018 г. в Клайпедском университете (Литва) состоялась защита диссертации Гвидаса Слаха «Основные тенденции технологического развития хозяйства Восточно-Балтийского региона в раннем голоцене (в свете экспериментально-трассологических исследований археологического материала)», представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Диссертационный совет представляли: председатель — проф. А. Бутримас (Вильнюсская Академия художеств), члены совета — д-р А. Лухтан (Вильнюсский университет), проф. А. Битинас (Клайпедский университет), в качестве официальных оппонентов приглашены канд. ист. наук Н. Н. Скакун (Экспериментально-трассологическая лаборатория ИИМК РАН, Россия) и д-р М. Винярска-Кабачинска (М. Winiarska-Kabacicska, Познаньский музей, Польша).

Диссертация Г. Слаха посвящена малоизученным проблемам хозяйственного развития древнего населения эпохи раннего голоцена Восточно-Балтийского района. Ее основой явилось исследование производственного инвентаря мезолитических памятников с помощью методики технологического и экспериментально-трассологического анализов, разработанной выдающимся ученым С. А. Семёновым. Работа проводилась в экспериментально-трассологической лаборатории Клайпедского университета, с применением микроскопа OLYMPUS SZX 16. Автор определил функции

разнообразных орудий раннего голоцена, типичных для материалов Восточно-Балтийского региона. Среди них — инструменты, служившие для разделки туш животных (ножи для мяса), обработки дерева (строгальные ножи, скобели, сверла, топоры), кости, рога (сверла, резцы), шкур и кож (скребки, проколки, шилья). Кроме того, были выделены и описаны признаки обушковых частей некоторых инструментов. Экспериментальные работы дали возможность диссертанту детально проанализировать разные способы расщепления кремня, технологию изготовления заготовок и способов использования инструментов, зафиксировать виды деформаций их рабочих лезвий, образовавшихся в процессе того или иного функционального употребления. Полученные результаты позволили установить особенности кремнеобрабатывающего производства, его сырьевую базу, оценить уровень технологической оснащённости, выявить наиболее важные направления производственной деятельности охотничьего хозяйства эпохи мезолита исследуемых археологических объектов.

В литовской археологии работа Г. Слаха является первым исследованием, базирующимся на широком применении экспериментально-трассологического анализа к материалам Восточно-Балтийского региона эпохи раннего голоцена. В ней учтены основные положения методики трассологических

исследований древних орудийных комплексов, разработанной и описанной в многочисленных статьях и монографиях С. А. Семёнова, Г. Ф. Коробковой и Н. Н. Скакун.

В своем выступлении Н. Н. Скакун отметила, что диссертация Г. Слаха написана на высоком профессиональном уровне, изложение аналитической части и выводов логически выдержано, исследование с методической точки зрения заслуживает самой высокой оценки. Среди недочетов работы она отметила недостаточно рассмотренный археологический контекст исследуемых материалов, а также неоправданно сжатое описание некоторых оригинальных экспериментов, проведенных автором диссертации. Аналогичные замечания высказали М. Винярская-Кабачинская и А. Лухтан. Тем не менее Г. Слах успешно реализовал основную идею диссертационного исследования — проанализировать и интерпретировать хозяйственные особенности раннего голоцена в Восточно-Балтийском регионе на основании технологического и экспериментально-трасологического исследований производственного инвентаря.

Немаловажную роль в успехе диссертационной работы Г. Слаха сыграла его стажировка в Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН под руководством Н. Н. Скакун. В ходе стажировки он расширил свои знания в области современных трасологических исследований, а также проработал новейшую литературу по интересующей его проблематике в библиотеке ИИМК РАН.

В начале 1990-х гг. в этой лаборатории, основанной профессором, д-ром ист. наук С. А. Семёновым, стажировался и автор этих строк. Здесь я получил основные навыки трасологического изучения функций древних орудий труда. Связи литовских археологов с лабораторией были продолжены и укрепились во время совместных летних экспериментально-трасологических экспедиций под руководством Г. Ф. Коробковой на х. Станюнай и Н. Н. Скакун в с. Решкутенай (Литва, Швенчёнский р-н). Благодаря научным контактам мы смогли детально познакомиться с методикой проведения экспериментально-трасологических работ, применить их результаты не только в своих исследованиях, но и передать эти знания своим ученикам.

*Альгирдас Гирининкас
Литва, Клайпедский университет,
Институт истории и археологии
Балтийского региона,
кафедра истории и археологии*

История изучения среднепалеолитических памятников на юго-западе Восточно-Европейской равнины¹

А. В. Ларионова, Н. К. Анисюткин²

Аннотация. Статья посвящена обобщению данных, полученных за почти вековой период изучения юго-западной части Восточно-Европейской равнины с учетом исследований, проводившихся в последние годы. Безусловно, ограниченный объем данного раздела не позволяет детально рассмотреть весь материал, но дает возможность наметить основные этапы и направления развития исследований в данном регионе.

Annotation. This paper is dedicated to generalization of the data obtained during the almost century-long studies of the south-western area of the East European Plain including the researches conducted in the last years. Naturally, the limited volume of the present communication does not allow us to consider in detail the entire material but it makes it possible to trace the major stages and directions of the development of investigations in the region under consideration.

Ключевые слова: средний палеолит, бассейн р. Днестр, бассейн р. Прут, история исследования.

Keywords: Middle Palaeolithic, basin of the Dniester River, basin of the Prut River, history of studies.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-278-290

Введение

Значительную часть юго-запада Восточно-Европейской равнины занимает между-речье Днестра и Прута, где была выявлена серия многослойных стратифицированных памятников эпохи среднего палеолита, сосредоточенных главным образом в среднем течении обеих рек. На Днестре чаще всего встречаются стоянки открытого типа. На Пруте,

напротив, были обнаружены многочисленные стоянки в гротах и навесах. Кроме стратифицированных памятников на данной территории за все время исследований было найдено более сотни местонахождений с подъемным материалом.

Данная работа целиком построена на литературных данных. Материалом для нее послужили публикации, посвященные отдельным районам юго-запада Восточно-Европейской равнины, написанные в разные годы. Эта статья должна рассматриваться как итоговая. Безусловно, ограниченный объем данного раздела не позволяет детально рассмотреть весь материал, накопленный практически за вековой период изучения региона, но дает возможность наметить основные этапы и направления развития исследований.

Стоянки и пункты подъемного материала, упомянутые в этой статье, были нанесены

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проекты № 17-06-00355а «Хроностратиграфическая корреляция и культурная дифференциация памятников позднего среднего палеолита Русской равнины на фоне природных изменений середины последнего ледниково-межледникового макроцикла»

² Отдел палеолита, ИИМК РАН. Дворцовая наб., 18. Санкт-Петербург. 191186. Россия. E-mail: Ларионова А. В. — alisalarionovag@gmail.com; Анисюткин Н. К. — leonid.dictyoptera@gmail.com.

на карту с точностью до населенного пункта в программе QGIS с подложкой ESRI Shaded Relief (рис. 1).

Хронологически историю изучения региона можно разделить на несколько этапов.

Первый, довоенный, этап исследований (1920–1940 гг.)

В этот период были открыты многочисленные местонахождения подъемного материала среднепалеолитического облика. Разведочные работы проводили Н. Морошан, И. Ботез, Ч. Амброшевич, М. Я. Рудинский, Ю. Полянский по нескольким направлениям.

1. На правом берегу Среднего Днестра была выявлена серия пунктов с подъемным материалом недалеко от сел Наславча, Кормань и Молодова (*Борисковский*, 1953; *Черныш*, 1965; *Многослойная...*, 1977; *Многослойная...*, 1987).

2. На левом берегу Среднего Днестра у сел Долина, Сокол и Старая Ушица были обнаружены местонахождения с подъемным материалом и один стратифицированный памятник Касперовцы I (*Борисковский*, 1953; *Ситник*, 2000).

3. В среднем течении р. Прут разведки проводил Н. Морошан. Их результатом стало обнаружение серии местонахождений: Старые Кокунешты, Герман-Думены, Скуляны и пункта с мустьерским материалом недалеко от села Рипичень, который в дальнейшем получил название Рипичени-Извор (*Кетрару*, 1973).

Таким образом, на первом этапе археологические исследования в данном регионе только начинались и ограничивались зачистками и закладкой отдельных шурфов. Незначительные раскопки велись лишь на стоянке Касперовцы I.

Отсутствие систематических исследований, по-видимому, в этот период было связано с тем, что значительная часть этого региона принадлежала Румынскому королевству, а другая часть входила в приграничную зону Советского Союза. Это обстоятельство осложняло работу археологов, хотя именно тогда были выявлены ключевые местонахождения (Кормань IV, Молодова I, Рипичени-

Извор), а проведенные разведочные работы подготовили почву для исследований на следующем этапе.

С середины 1930-х до середины 1940-х гг. работы в регионе были временно приостановлены из-за начавшейся Второй мировой войны. Исследования, естественно, возобновились лишь в послевоенное время.

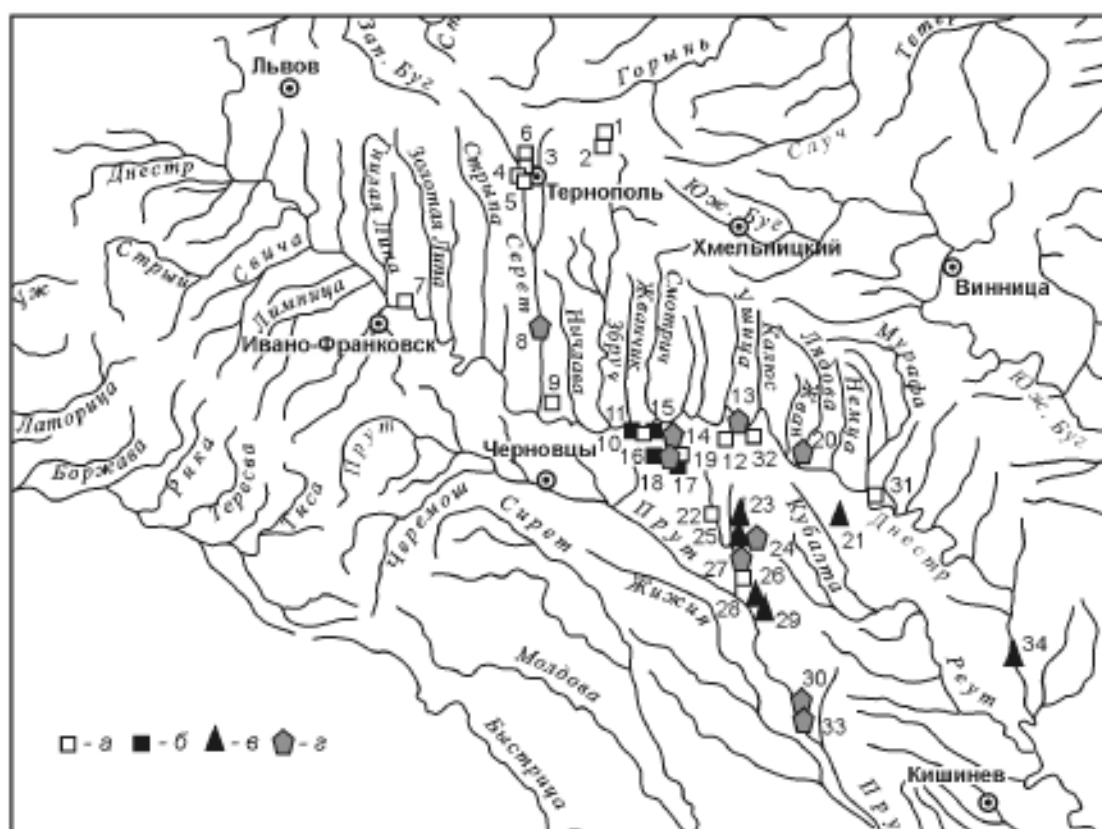
Второй, послевоенный, этап исследований (1946 — начало 1960 гг.)

На втором этапе были продолжены разведочные работы. Исследования были сосредоточены на правом берегу Среднего Днестра. Разведки, проводившиеся П. И. Борисковским (1946–1948 гг.) и А. П. Чернышом (1946–1958 гг.), были направлены на обследование местонахождений, обнаруженных на первом этапе, и на поиски новых палеолитических памятников. В итоге были найдены многочисленные пункты с подъемным материалом мустьерского облика, данные исследования были отражены в нескольких публикациях (*Борисковский*, 1953; *Черныш*, 1952; 1965).

Первые небольшие стационарные раскопки были проведены сразу же после войны в 1946 г. молдавским археологом Г. П. Сергеевым на левобережье среднего течения Днестра в гроте у села Выхватинцы (Рыбницкий р-н Приднестровской Молдавской республики, овраг Рипа Мафтея). Здесь была раскопана небольшая площадь внутри грота и собрана коллекция каменных и фаунистических находок. По технико-типологическим параметрам Г. П. Сергеев отнес каменный материал к ашельскому времени (*Сергеев*, 1950). Впоследствии коллекции каменных изделий и фаунистических остатков были пересмотрены П. И. Борисковским и А. П. Чернышом и передатированы мустьерским временем на основании присутствующих в коллекции «типичной ледниковой фауны» и «мустьерских форм» каменных изделий (*Борисковский*, 1953. С. 62; *Черныш*, 1965).

Интенсивные разведки А. П. Черныша подтвердили наличие стоянки у с. Молодова, обнаруженной на этом месте еще И. Ботезом и Н. Морошаном в 1920-е гг. (Молодова I).

Рис. 1. Карта распределения памятников со среднепалеолитическим материалом в бассейнах рек Днестр и Прут: 1 — Ванжулив I, III; 2 — Буглив V; 3 — Дольшний Ивачив; 4 — Великий Глыбочек I; 5 — Пронятин; 6 — Игровица I; 7 — Езуполь I; 8 — Долина; 9 — Касперовцы I; 10 — Стинка 1; 11 — Стинка 2–4; 12 — Молодова I, V; 13 — Старая Ушица; 14 — Сокол; 15 — Осыпка; 16 — Шипот 2–3; 17 — Кишлянский Яр, Южный комплекс; 18 — Стинка-Дарабаны; 19 — Кетросы 1–2; 20 — Наславча I–IV; 21 — Ла Сэрэтурь; 22 — Тецканы; 23 — Тринка I–III; 24 — Мерсына; 25 — Буздужаны 1; 26 — Рипичени-Извор; 27 — Старые Кокунешты; 28 — Старые Дуруиторы; 29 — Бутешты; 30 — Герман-Думены; 31 — Ярово; 32 — Кормань IV; 33 — Скуляны; 34 — Выхватинцы

Условные обозначения: *a* — памятники открытого типа с культурными слоями хорошей сохранности и коллекциями, достаточными для полноценного научного анализа; *b* — памятники открытого типа с частично сохранившимися культурными слоями и коллекциями, недостаточными для полноценного научного анализа; *v* — памятники в гrotтох и навесах с коллекциями, достаточными для полноценного научного анализа; *z* — пункты с подъемным материалом, пункты со смешанными комплексами, единичные находки

Fig. 1. Map of distribution of the sites with Middle Palaeolithic materials in the basins of the Dniester and Prut rivers: 1 — Vanzhuliv I, III; 2 — Bugliv V; 3 — Dolishniy Ivachiv; 4 — Velikiy Glybochek I; 5 — Pronyatin; 6 — Igrovitsa I; 7 — Yezupol I; 8 — Dolina; 9 — Kasperovtsy I; 10 — Stinka (Stânca) 1; 11 — Stinka 2–4; 12 — Molodova I, V; 13 — Staraya Ushitsa; 14 — Sokol; 15 — Osypka; 16 — Shipot 2–3; 17 — Kishlyanskiy Yar, Southern complex; 18 — Stânca-Darabani; 19 — Ketrosy 1–2; 20 — Naslavcha I–IV; 21 — La Sărături; 22 — Teţcani; 23 — Trinca I–III; 24 — Mersyna; 25 — Buzduzhany 1; 26 — Ripiceni-Izvor; 27 — Cuconeştii Vechi; 28 — Duruitoarea Veche; 29 — Buteşti; 30 — Gherman-Dumeni; 31 — Yarovo; 32 — Cormani IV; 33 — Sculeni; 34 — Ofatinţi (Vykhvatintsy)

Notation: *a* — sites of an open type with well-preserved cultural layers and collections fit to a comprehensive scientific analysis; *b* — sites of an open type with partly preserved cultural layers and collections insufficient to a comprehensive scientific analysis; *v* — sites in grottos and rock shelters with collections fit to a comprehensive scientific analysis; *z* — findspots of surface artefacts, mixed assemblages and single finds

Кроме того, во время обследований А. П. Черныш открыл еще один пункт — Молодова V. Первый период изучения обеих стоянок пришелся именно на послевоенный этап исследования³.

Молодовские стоянки в настоящее время расположены на территории современной Украины в Сокирянском р-не Черновицкой обл. Раскопки на стоянке Молодова I проводились в 1955–1962 гг. А. П. Чернышом. Исследователю удалось подтвердить наблюдения И. Ботеза и Н. Морошана о многослойности памятника (*Moroşan*, 1938). А. П. Черныш зафиксировал на стоянке пять мустьерских слоев (слои 1–5). Наиболее интересным по степени сохранности, изученной площади (400 кв. м) и коллекции каменных артефактов (примерно 32 тысячи предметов) оказался 4-й культурный слой (*Черныш*, 1965). Автору раскопок благодаря применению методики исследования широкими площадями, впервые разработанной в Костёнках, удалось зафиксировать в этом слое серию планиграфических элементов: скоплений угля, кремня и кости. Крупные скопления костей мамонтов были интерпретированы А. П. Чернышом в качестве остатков долговременного жилища.

Работы на стоянке Молодова V, расположенной в нескольких километрах от стоянки Молодова I, проводились в 1948, 1951, 1953–1960 гг. На памятнике была выявлена серия разновременных культурных слоев, пять из которых были отнесены к мустьерскому времени (слои 8–12). Наибольший интерес по степени сохранности и количеству материала представлял 11-й культурный слой. На исследованной площади около 250 кв. м было выявлено большое количество каменных артефактов (2281 экз.) и костей животных. Здесь также были зафиксированы планиграфические элементы культурного слоя: очажные линзы, костные и кремневые скопления. Крупные скопления костей мамонтов были интерпретированы в качестве наземных жилищ (*Черныш*, 1965).

³ В этой работе вслед за А. П. Чернышом мы выделяем три этапа исследования молодых стоянок (Черныш, 2015).

Начало изучения группы молодых памятников стало ключевым событием второго этапа исследования. Эти работы стали первыми масштабными исследованиями в бассейне Днестра и первым прецедентом совместных работ археологов со специалистами естественнонаучного профиля на среднепалеолитических памятниках Восточно-Европейской равнины. Изучение геологических условий залегания обеих стоянок было неразрывно связано с именем геолога И. К. Ивановой и ее командой в рамках Комиссии по изучению четвертичного периода из Института географии Академии наук СССР. Комплексные исследования на обоих памятниках позволили связать их со второй надпойменной террасой, датирующейся верхним плейстоценом. Кроме этого, для 4-го культурного слоя стоянки Молодова I и 11-го слоя стоянки Молодова V, В. В. Чердынцевым были получены первые радиоуглеродные датировки, которые, к сожалению, не дали окончательных результатов, поскольку находились на границе метода, но не противоречили заключению И. К. Ивановой о ранневиюрмском возрасте обеих стоянок (*Там же*).

Открытие остатков мустьерского жилища в 1959 г. стало сенсацией, поскольку до этого времени считалось, что техника сооружения жилищ появилась лишь в позднепалеолитическое время, поэтому молодые памятники оказались в центре внимания исследователей, занимавшихся проблематикой палеолитических жилых сооружений (*Там же*).

Через несколько лет после окончания работ (1963 г.) материалы из мустьерских слоев обоих памятников были опубликованы А. П. Чернышом в монографии 1965 г., где давалось детальное описание стратиграфии, планиграфии и кремневого материала всех изученных мустьерских культурных слоев (*Там же*).

Третий этап исследований (начало 1960-х — начало 1980-х гг.)

Сенсационные открытия молодых стоянок А. П. Чернышом подтолкнули к новому этапу проведения разведок в Черновицкой

обл., а также к продолжению комплексных исследований уже известных на этой территории памятников. В этот период работы велись по нескольким направлениям.

1. В 1960-х — начале 1970-х гг. Н. К. Анисюткин проводил разведки в Хотинском р-не Черновицкой обл. (правый берег Среднего Днестра). Им была обнаружена серия пунктов с подъемным материалом (Стинка 3, 4, Стинка-Дарабаны) и пунктов с частично нарушенными культурными слоями, установленными при зачистках и закладках отдельных шурфов (Стинка 2, Осыпка, Шипот 2, Шипот 3, Кишлянский Яр — Южный комплекс) (Анисюткин, 2001). Во время разведок было выявлено три стратифицированных памятника открытого типа — Стинка 1 (Анисюткин, 2005), Кетросы 1 и 2. Наилучшую сохранность культурного слоя имел комплекс стоянок Кетросы (Анисюткин, 2001; 2013).

На стоянке Стинка 1 каменные изделия среднего палеолита были обнаружены в двух слоях, разделенных стерильной прослойкой. Верхний слой был нарушен более поздними эрозийными процессами, в то время как наиболее насыщенный находками нижний слой сохранился лишь на небольшом участке (30 кв. м), на котором было зафиксировано лишь углистое скопление и очаг. Локализованных скоплений кремня и фаунистических остатков в нижнем слое выявлено не было. Геологию Стинки 1, как и других памятников правого берега Среднего Днестра, изучала команда исследователей под руководством И. К. Ивановой. Абсолютных датировок получено не было, но на основании стратиграфии и данных спорово-пыльцевого анализа предварительно был установлен допаудорфский (деннекамп) возраст нижнего мустьерского слоя, залегающего под паудорфской ископаемой почвой (Иванова, 1969; Анисюткин, 2005), аналогом которой в настоящее время является брянская почва (30 тыс. л.) (Палеоклиматы..., 2009). Результаты разведок и раскопок Стинки 1 были отражены в нескольких статьях (Анисюткин, 1966; 1969) и в монографии (Анисюткин, 2005).

Наиболее хорошо сохранившийся основной (3-й) культурный слой был выявлен на стоянке Кетросы, открытой в 1972 г., в комплексах 1 и 2. Памятник расположен недалеко от г. Хотин (Черновицкая обл.) в современном урочище Дарабаны. Он оказался в зоне затопления Могилёв-Подольской ГЭС, поэтому раскопки на втором этапе производились на средства новостроечной экспедиции Института археологии АН Украины. Это позволило провести широкомасштабные комплексные исследования. Работы велись Н. К. Анисюткиным с 1974 по 1979 гг. совместно со специалистами естественнонаучного профиля, которыми руководила И. К. Иванова (Кетросы..., 1981).

Двумя раскопами было исследовано два отдельных комплекса, располагавшихся недалеко друг от друга. По исследованной площади и количеству находок наибольший интерес представлял комплекс/раскоп № 1. Этот участок был изучен практически полностью на площади около 130 кв. м. В нем было выявлено до пяти горизонтов с находками, но наиболее выразительным оказался основной (3-й) культурный слой. Во время исследований автор раскопок зафиксировал серию углистых пятен, скопления кремня и крупных костей мамонта. Этот слой был интерпретирован Н. К. Анисюткиным в качестве кратковременной стоянки у выходов кремня с наземным недолговременным жилым сооружением (Анисюткин, 1978; 1980; 2013).

Комплекс № 2 был отделен от комплекса № 1 небольшой полосой конуса выноса (до 10 м) без находок. Стратиграфия, характер фауны с преобладанием костей мамонта, а также набор каменных орудий данных комплексов почти аналогичны.

Для стоянки Кетросы не было получено абсолютных дат, но во время раскопок памятника было установлено, что основной (3-й) культурный слой лежит под ископаемой почвой брерупского времени. По данным И. К. Ивановой он залегал в отложениях между интерстадиалами бреруп и амерсфорт. В наши дни возраст брерупской почвы составляет примерно 100 тыс. лет (Кетросы..., 1981; Ларионова, 2016; Boettger et al., 2009).

2. В 1971 и 1972 гг. Н. К. Анисюткин и Н. А. Кетрару возобновили раскопки Выхватинского грота (Рыбницкий р-н Приднестровской Молдавской республики, овраг Рипа Мафтея). Исследователям удалось зафиксировать то, что культурные слои распространялись не только внутри грота, но и за его пределами. На этом этапе было выделено три слоя — тайякский, микокский и мустьерский (Анисюткин, 2001).

Абсолютных дат для этого памятника, к сожалению, получено не было. Анализ фауны и литологии дал основание геологам отнести нижний и средний слои к концу росс-вюрма (Иванова, 1969).

3. В это время было продолжено изучение молодых стоянок. Работы 1974–1979 гг. были направлены на исследование стоянки Молодова I, поскольку ее нижние слои попадали в зону затопления Могилёв-Подольской ГЭС. В эти годы была исследована наибольшая площадь около 1200 кв. м. Раскопки подтвердили данные, полученные на предыдущем этапе исследований, о наличии в 4-м культурном слое Молодова I жилищно-бытового комплекса с серией кострищ и локализованных скоплений кремня.

В этот период на памятнике продолжала работать команда исследователей естественнонаучного профиля во главе с И. К. Ивановой. Детальный анализ естественнонаучных и археологических данных позволил отнести памятник ко второй половине мустьерского времени. Полученные комплексные данные за все годы работ были детально опубликованы как для Молодова I, так и для Молодова V в отдельных монографиях (Молодова I..., 1982; Многослойная..., 1987).

4. В зону затопления ГЭС попадала и стоянка Кормань IV, раскопки которой производились А. П. Чернышом в 1969–1975 гг. В этот период исследовались как среднепалеолитические, так и верхнепалеолитические культурные слои. Изученная площадь составила около 164 кв. м. Всего было выявлено 12 культурных слоев, пять из которых были отнесены к мустьерскому времени (слои 12–8). Наибольший интерес вызывал слой 12,

который был изучен на площади 60 кв. м, однако концентрация находок прослеживалась лишь на площади в 30 кв. м, на которой были обнаружены кремневые изделия, фаунистические остатки, древесный уголь, изделия из камня. Материалы стоянки были комплексно изучены командой специалистов под руководством И. К. Ивановой. Для одного из мустьерских слоев (11) была получена радиоуглеродная датировка, соответствующая 44400 ± 2050/-1630 (GrN=6807) (Многослойная..., 1977). Эта дата согласовывалась с геохронологической позицией культурного слоя, связанного с интерстадиальной почвой — Моерсхофд (Там же). Впоследствии А. П. Черныш на основе технико-типологических данных сопоставлял комплекс каменных орудий слоя 12 с комплексом нижнего слоя стоянки Стинка 1 (Черныш, 2015).

Результаты раскопок были комплексно опубликованы через несколько лет после исследований в монографии (Многослойная..., 1977). Дополнительно археологические данные были приведены А. П. Чернышом в нескольких публикациях (Черныш, 1970; 1973).

5. Одновременно с работами на правом берегу Среднего Днестра в северо-западной части Пруто-Днестровского междуречья Н. А. Кетрару проводил систематические разведочные исследования. Работы на этой территории долгое время не производились. Пункты с подъемным материалом были обнаружены здесь еще Н. Морошаном в 1920-е гг. (Moroşan, 1938).

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. Н. А. Кетрару во время разведок обнаружил серию пунктов с подъемным материалом, включая местонахождение Мерсына, которое было им тщательно исследовано совместно с Н. К. Анисюткиным (Кетрару, Анисюткин, 1967). Результатом разведок Н. А. Кетрару стало открытие нескольких памятников с надежной стратиграфией в гротах Старые Дуруиторы, Тринка I–III, Буздужаны, Ла Сэрэтурь, а также разрушенной карьером стоянки в гроте Бутешты, на которых были проведены предварительные раскопки (Кетрару, 1964, 1973; Chetraru, 1992). По итогам разведок

Н. А. Кетрару возглавил масштабные новостроечные работы в Рышканском и Единецком р-нах.

Наибольший интерес представлял грот Старые Дуруиторы, который исследовался с конца 1950-х гг. Результатам раскопок этих лет было посвящено несколько статей и одна монография (Кетрару, 1964, 1973; Давид, 1961; Ганя, Кетрару, 1964; Анисюткин и др., 2017). В 1970-е гг. на этой территории в Единецком р-не началось изучение тринковской группы памятников (Тринка I–III), раскопками также руководил Н. А. Кетрару, но фактически эти памятники раскапывали Н. К. Анисюткин и И. А. Борзияк. Через короткое время после исследований было опубликовано несколько статей (Анисюткин, 1975; Кетрару, Борзияк, 1974) и монография (Анисюткин и др., 1986). Одновременно был открыт и начал изучаться новый многослойный памятник среднего палеолита Буздужаны I (Кетрару, 1973; Анисюткин, 2001).

Позднее (в 1973 г.) на этой территории проводил разведки и И. А. Борзияк. Было открыто несколько пунктов с подъемным материалом и один стратифицированный пещерный памятник Ла Сэрэтурь (Борзияк, 1973).

К третьему этапу исследования относится систематическое изучение Ч. С. Николаеску-Плопшором среднего течения бассейна р. Прут. Его работы сосредоточились на обследовании местонахождений, также выявленных Н. Морошаном в 1920-е гг. Этим работам было посвящено несколько обзорных публикаций (Nicolăescu-Ploșor, 1958; Николаеску-Плопшор, 1965). В число обнаруженных пунктов с материалом входил и памятник Рипичени-Извор, расположенный в северо-восточной части коммуны Миток на правом берегу Прута, где Ч. С. Николаеску-Плопшор и Н. Н. Захария, а позднее М. Кырчумару провели значительные раскопки (Nicolăescu-Ploșor, Zaharia, 1959; Cârciuțmaru, 1999).

Таким образом, третий этап исследований можно связать с наиболее продуктивным периодом изучения палеолита среднего течения левобережного Прута и среднего течения

правобережья Прута. Масштабные новостроечные работы проводились в связи со строительством гидроэлектростанций, после пуска которых многие памятники должны были оказаться под водой. Однако, в отличие от исследований правобережья Среднего Днестра, на левом берегу Среднего Прута гораздо реже привлекались специалисты естественнонаучного профиля, а материалы исследований публиковались лишь в единичных статьях или упоминались в разделах монографических работ (Анисюткин, 2001; Кетрару, 1965, 1973; Chetraru, 1992; Chirica, Borziac, 2005).

Четвертый этап исследований (с 1980-х — начало 2000-х гг.)

На этом этапе центр исследований переместился с правого берега Среднего Днестра на левый. До конца 1970-х гг. на этой территории было известно лишь несколько пунктов с подъемным материалом (разведки Ю. Полянского, А. П. Черныша, М. Ю. Рудинского, П. И. Борисковского) и всего один стратифицированный памятник Касперовцы I, раскопанный на небольшой площади (Борисковский, 1953; Ситник, 2000). Изучение левобережья Днестра связано с именами археолога А. С. Сытника и геолога А. Б. Богуцкого.

В начале 1980-х гг. А. С. Сытник проводил разведки, которые позволили найти новые пункты (около 40) с материалами мустьерского облика и около десяти стратифицированных памятников. Ненарушенный культурный слой был обнаружен на стоянках: Игровица I (слой II), Дольшний Ивачив (слой III), Великий Глыбочок I (III-A, III-B), Буглив V (слои I, II), Ванжулив I и III, Езуполь I (слой III). Некоторые из этих памятников были раскопаны на широкой площади (Пронятин, Великий Глыбочок I, Буглив V). Уникальный разрез, по мнению украинских исследователей, был выявлен на памятнике Езуполь I. По территориальному признаку памятники в этом регионе были разделены на две группы — тернопольскую и бугливскую. Тернопольская группа включала в себя такие стоянки как Пронятин, Игровица I, Великий Глыбочок I и много пунктов с подъемным

материалом среднепалеолитического облика. В Бугливскую группу входил памятник Буглив V и серия местонахождений с подъемным материалом среднепалеолитического облика. Материалы разведок и раскопок были комплексно опубликованы А. С. Сытником в монографии «Средній палеоліт Поділля» (Сытник, 2000).

Одновременно с работами А. С. Сытника на правом берегу Среднего Днестра А. П. Черныш проводил заключительные работы на Молодова I, которые пришлось на 1980–1984 гг. На этом этапе была вскрыта периферийная площадь стоянки в 200 кв. м и доследованы ранее не докопанные участки: удалось зафиксировать и детально изучить еще одно крупное скопление костей (объект № 10). А. П. Черныш полностью исключил интерпретацию этого объекта в качестве жилой ямы. Кости в нем не образовывали никаких закономерностей, поэтому исследователь интерпретировал его как объект для хранения строительного материала и погреб для хранения пищевых запасов. О последнем свидетельствовало наличие костей от мясистых частей туш. На основании раскопок этих лет А. П. Черныш пришел к выводу о том, что в мустье отсутствовала четкая дифференциация хозяйственных ям, которая прослеживается на позднепалеолитических памятниках (Черныш, 1989, 1990, 2015).

На правом берегу Днестра в Сокирянском районе на территории современной Молдовы недалеко от с. Ярово Н. К. Анисюткиным и И. А. Борзияком была открыта в 1987 г. одноименная стоянка. Раскопки проводились в 1987–1989 гг. На памятнике была сделана зачистка площадью не более 9 кв. м и обнаружена немногочисленная коллекция каменных артефактов. Исследователи отмечали перспективность данного памятника, но, к сожалению, культурный слой распространялся на территорию действующего кладбища. Это обстоятельство стало причиной остановки работ. Для данного объекта не было проведено естественнонаучных изысканий, однако Н. К. Анисюткин отмечал архаичный облик материала и сделал предположение, что

выявленный слой возможно залегает под рисс-вюрмской почвой (Анисюткин, 2001).

С начала 1980-х гг. на правом берегу Среднего Прута на стоянке Рипичени-Извор проводились масштабные полевые исследования под руководством А. Паунеску (Păunescu, 1993; Păunescu, 1999). Среди 16 горизонтов с находками было обнаружено шесть мустьерских слоев хорошей сохранности. В мустьерских слоях 1–5 наряду с большим количеством кремневых изделий и костей ископаемых животных были также найдены и остатки нескольких жилых сооружений. Хорошо сохранившийся слой 5 румынские ученые связывали с интерстадиалом хенгело. Слои 1–3 были отнесены к типичному мустье фации леваллуа, а слои 4–5 — к восточному микоку (Păunescu, 1993; Анисюткин, 2013).

Таким образом, на четвертом этапе центр исследований переместился с правого берега Среднего Днестра на левый — в Подолье, где А. С. Сытником было обнаружено много пунктов с подъемным материалом и серия среднепалеолитических стратифицированных памятников открытого типа. На правом берегу Днестра в это время проводились заключительные раскопки Молодова I А. П. Чернышом. Изученная площадь этой стоянки составила 1400 кв. м. Структуру поселения удалось реконструировать только для четвертого культурного слоя, где было обнаружено долговременное жилище, которое окружали кратковременные сооружения, несколько производственных участков и кладовые для запасов пищи (Черныш, 2015).

Пятый, современный, этап исследования (начало 2000-х гг. — настоящее время)

На этом этапе продолжались работы по всем рассмотренным выше направлениям. Однако основное внимание уделялось не накоплению материала, а уточнению хронологии уже обнаруженных памятников. Исследования велись также по нескольким направлениям.

1. На небольшой площади проводилось доследование молодовских стоянок, преимущественно Молодова V, поскольку нижние

(мустьерские) слои Молодова I оказались затоплены после запуска Могилёв-Подольской ГЭС. Работы велись в рамках украинно-англо-франко-бельгийского проекта. Основной задачей являлось уточнение хронологической позиции культурных слоев Молодова V. Эти исследования подтвердили предложенную ранее общую интерпретацию колонки отложений, однако поставили под сомнение корреляцию мустьерских слоев с ранними интерстадиалами вюрма (*Haesaerts et al.*, 2003, 2013; *Meignen et al.*, 2006; *Ситник и др.*, 2007; *Степанчук*, 2006).

2. На левом берегу Среднего Днестра (в Подолье) разрабатывалась не только относительная хронология. В рамках украинно-польского проекта проводились исследования, направленные на получение серии абсолютных датировок. Известные в этом районе среднепалеолитические памятники хронологически разделялись на несколько этапов: позднеашельский (Великий Глыбочок I, слой III, Буглив V, слой I), развитый мустьерский (Пронятин; Езуполь I; Колодиив; Буглив V, слой II; Великий Глыбочок I, слой III-A; Касперовцы I, VII) и финально-мустьерский (Игровица, слой II; Бережани V; Пилипче XI, VII) (*Ситник*, 2000, 2012; *Sytnyk*, 2015; *Łanczont et al.*, 2014a, 2014b, 2015).

3. На территории современного Приднестровья и в Пруто-Днестровском междуречье в последние годы проводились небольшие работы (2015–2017 гг.) в рамках российско-молдавского проекта, направленные на уточнение хронологической позиции уже известных среднепалеолитических памятников (Выхватинцы, Буздужаны), а также выявление и обследование новых (Тецканы) (*Вишняцкий и др.*, 2017). Особое внимание было уделено многослойной стоянке Буздужаны 1, где были получены новые абсолютные даты (*Вишняцкий и др.*, 2019).

На правом берегу Прута для стоянки Рипичени-Извор в рамках американо-румынского проекта удалось получить серию радиоуглеродных AMS датировок для 4-го среднепалеолитического слоя стоянки, который составил более чем 45 500 лет (*Doboş, Trinkaus*, 2012).

4. Кроме того, на предыдущих этапах исследований был накоплен огромный объем материала, который не был должным образом обработан и опубликован сразу после раскопок. Например, монография, посвященная последнему периоду исследования Молодова I, была подготовлена еще в последние годы жизни А. П. Черныша, но опубликована недавно благодаря А. С. Сытнику (*Черныш*, 2015).

В настоящее время с учетом разработок последних лет переосмысливаются данные предшествующих исследований. Заново анализируются как отдельные памятники, например, грот Ла Сэрэтурь (*Бурлаку*, 2015), грот Старые Дуруиторы (*Анисюткин и др.*, 2017), слой 4 стоянки Молодова I (*Demay et al.*, 2012; *Krajcarz M., Krajcarz M. T.*, 2012), комплекс 1 основного (3-го) слоя стоянки Кетросы (*Ларионова*, 2017; *Ларионова, Степанова*, 2018), так и публикуются новые обобщающие работы (*Анисюткин*, 2001; *Chirica, Borzias*, 2005).

Таким образом, для пятого, современного этапа характерно продолжение исследований по тем же направлениям, что и в предыдущие годы, но на значительно меньших площадях. Основное внимание во время исследований уделяется уточнению стратиграфической и хронологической позиции памятников, пересмотру старых коллекций, а также переосмыслению культурной принадлежности ключевых стоянок.

Заключение

История изучения юго-запада Восточно-Европейской равнины насчитывает почти сто лет. За это время были получены разносторонние данные, позволившие охарактеризовать средний палеолит этого региона с разных сторон. Была разработана и уточнена хронология памятников, проведены основательные планиграфические исследования с применением новых методик. Многолетние комплексные работы дали основание рассматривать территорию среднего течения рек Прут и Днестр как наиболее интересную и достаточно хорошо изученную.

- Анисюткин*, 1966 — *Анисюткин Н. К.* Новая палеолитическая стоянка Стинка на Среднем Днестре // Бюллетень КИЧП. М., 1966. № 31. С. 131–136.
- Анисюткин*, 1969 — *Анисюткин Н. К.* Мустьерская стоянка Стинка на Среднем Днестре // АСГЭ. Л., 1969. № 11. С. 5–17.
- Анисюткин*, 1975 — *Анисюткин Н. К.* Раскопки грота Тринка I в 1973 году // Археологические исследования в Молдавии 1973. Кишинев, 1975. С. 12–20.
- Анисюткин*, 1978 — *Анисюткин Н. К.* Мустьерская стоянка Кетросы в Среднем Приднестровье // Бюллетень КИЧП. М., 1978. № 48. С. 137–147.
- Анисюткин*, 1980 — *Анисюткин Н. К.* Жилой комплекс мустьерского поселения Кетросы в Поднестровье // Первобытная археология — поиски и находки: Сб. науч. тр. / Отв. ред. И. И. Артеменко. Киев: Наукова Думка, 1980. С. 38–46.
- Анисюткин*, 2001 — *Анисюткин Н. К.* Мустьерская эпоха на юго-западе Русской равнины. СПб.: Европейский дом, 2001. 310 с.
- Анисюткин*, 2005 — *Анисюткин Н. К.* Палеолитическая стоянка Стинка I и проблемы перехода от среднего палеолита к верхнему на юго-западе Восточной Европы / Под ред. М. В. Аниковича. СПб.: Государственный археологический музей-заповедник «Костёнки», 2005. 186 с. (Тр. Костёнковско-Борщевской археологической экспедиции. Вып. 2).
- Анисюткин*, 2013 — *Анисюткин Н. К.* Мустьерская стоянка Кетросы в контексте среднего палеолита Восточной Европы / Под ред. М. В. Аниковича, Н. И. Платоновой. СПб.: Нестор-История, 2013. 310 с. (Тр. Костёнковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 7).
- Анисюткин и др.*, 1986 — *Анисюткин Н. К., Борзияк И. А., Кетрару Н. А.* Первобытный человек в гротах Тринка I–III / Под ред. В. Н. Станко. Кишинев: Штиинца, 1986. 128 с.
- Анисюткин и др.*, 2017 — *Анисюткин Н. К., Кетрару Н. А., Коваленко С. И.* Многослойная палеолитическая стоянка в гроте Старые Дуруиторы и место ее каменных индустрий в раннем и среднем палеолите Европы. СПб.: Нестор-История, 2017. 196 с.
- Борзияк*, 1973 — *Борзияк И. А.* Разведки памятников каменного века в Молдавии // Археологические исследования в Молдавии в 1970–1971 годах. Кишинев, 1973. С. 27–34.
- Борисковский*, 1953 — *Борисковский П. И.* Палеолит Украины. М.–Л., 1953. 463 с. (МИА. № 40).
- Бурлаку*, 2015 — *Бурлаку В. А.* Среднепалеолитические материалы грота Ла Сэрэтурь, Молдавия // ЗИИМК. 2015. № 12. С. 19–26.
- Вишняцкий и др.*, 2017 — *Вишняцкий Л. Б., Бурлаку В. А., Воскресенская Е. В., Коваленко С. И., Нехорошев П. Е., Очередной А. К.* Среднепалеолитическая стоянка Тецканы X в среднем течении реки Прут // ЗИИМК. 2017. № 15. С. 29–43.
- Вишняцкий и др.*, 2019 — *Вишняцкий Л. Б., Нехорошев П. Е., Очередной А. К.* Новые данные по хронологии среднего палеолита Восточной Европы (по результатам исследований ИИМК РАН 1998–2018 гг.) // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии) / Под ред. Ю. А. Виноградова, С. А. Васильева, К. Н. Степановой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 69–82.
- Ганя, Кетрару*, 1964 — *Ганя И. М., Кетрару Н. А.* Некоторые данные об орнитофауне из палеолитического грота Старые Дуруиторы // Известия АН МССР. Кишинев, 1964. Серия биологических и химических наук. № 4. С. 45–48.
- Давид*, 1961. — *Давид А. И.* Остатки млекопитающих из раскопок палеолитической стоянки Старые Дуруиторы // Известия Молдавского филиала АН СССР. Кишинев, 1961. № 3 (81). С. 53–60.
- Иванова*, 1969 — *Иванова И. К.* Геологическое строение долины реки Днестр в районе мустьерского местонахождения Стинка // Бюллетень КИЧП. М., 1969. № 36. С. 59–80.
- Кетрару*, 1964 — *Кетрару Н. А.* Археологические разведки в долине р. Чугур // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964. С. 255–272.

- Кетрару*, 1965 — *Кетрару Н. А.* Исследование палеолитических гротов северо-запада Молдавии // *Охрана природы Молдавии*. Кишинев, 1965. № 3. С. 60–77.
- Кетрару*, 1973 — *Кетрару Н. А.* Памятники эпохи палеолита и мезолита / Под ред. Н. К. Анисюткина, Г. В. Григорьева. Кишинев: Штиинца, 1973. Вып. 1. 178 с. (Археологическая карта Молдавской ССР).
- Кетрару*, *Анисюткин*, 1967 — *Кетрару Н. А., Анисюткин Н. К.* Мерсына. Новое нижнепалеолитическое местонахождение в Молдавии. Кишинев: Б. и., 1967. 38 с.
- Кетрару*, *Борзияк*, 1974 — *Кетрару Н. А., Борзияк И. А.* Палеолитическая стоянка в гроте Тринка III // *Археологические исследования в Молдавии 1973*. Кишинев, 1974. С. 3–12.
- Кетросы...*, 1981 — *Кетросы*. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре / Под ред. Н. Д. Праслова. М.: Наука, 1981. 167 с.
- Ларионова*, 2016 — *Ларионова А. В.* К вопросу о гомогенности основного культурного (3) слоя (комплекс 1) среднепалеолитической стоянки Кетросы // *Вестник Московского университета*. М., 2016. Серия 23. Антропология. № 1. С. 123–132.
- Ларионова*, 2017 — *Ларионова А. В.* Реконструкция структуры поселения в третьем культурном слое среднепалеолитической стоянки Кетросы // *ЗИИМК*. 2017. № 15. С. 44–59.
- Ларионова*, *Степанова*, 2018 — *Ларионова А. В., Степанова К. Н.* Контекст обнаружения отбойников на среднепалеолитической стоянке Кетросы, комплекс 1, основной культурный слой // *ЗИИМК*. 2018. № 17. С. 74–83.
- Многослойная...*, 1977 — *Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV на Среднем Днестре* / Под ред. Г. И. Горецкого, С. М. Цейтлина. М.: Наука, 1977. 184 с.
- Многослойная...*, 1987 — *Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда* / Под ред. И. К. Ивановой, С. М. Цейтлина. М.: Наука, 1987. 184 с.
- Молодова I...*, 1982 — *Молодова I. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре* / Под ред. Г. И. Горецкого, И. К. Ивановой. М.: Наука, 1982. 240 с.
- Николаеску-Плошор*, 1965 — *Николаеску-Плошор К. С.* О стратиграфии и периодизации палеолита Румынии // *Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы*. К VII Конгрессу INQUA / Под ред. О. Н. Бадера, И. К. Ивановой, А. А. Величко. Москва, 1965. С. 28–33.
- Палеоклиматы...*, 2009 — *Палеоклиматы и палеоландшафты внетропического пространства Северного полушария. Поздний плейстоцен — голоцен*. Атлас-монография / Под ред. А. А. Величко. М.: ГЕОС, 2009. 120 с.
- Сергеев*, 1950 — *Сергеев Г. П.* Позднеашельская стоянка в гроте у с. Выхватинцы (Молдавия) // *СА*. 1950. Вып. XII. С. 203–212.
- Ситник*, 2000 — *Ситник О. С.* Средній палеоліт Поділля. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2000. 372 с.
- Ситник*, 2012 — *Ситник О. С.* Середній палеоліт Поділля: підсумки, перспективи, проруханки // *Мат'еріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині*. Львів, 2012. № 16. С. 38–54.
- Ситник и др.*, 2007 — *Ситник О., Кулаковська Л., Усик В., Женест Ж.-М., Меньян Л., Богуцький А., Езартс П.* Молодове V: дослідження мустьерських поселень у 1998–1999 роках // *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині*. Львів, 2007. № 11. С. 136–179.
- Степанчук*, 2006 — *Степанчук В. Н.* Нижний и средний палеолит Украины // Под ред. В. Н. Гладылина. Черновцы: Зелена Буковина, 2006. 463 с.
- Черныш*, 1952 — *Черныш А. П.* Мустьерские местонахождения Среднего Приднестровья // *КСИИМК*. 1952. Вып. 48. С. 56–61.
- Черныш*, 1965 — *Черныш А. П.* Ранний и средний палеолит Приднестровья. М.: Наука, 1965. 139 с. (Тр. КИЧП. Вып. 25).
- Черныш*, 1970 — *Черныш А. П.* Хронология мезолитических памятников Поднестровья // *СА*. 1970. № 1. С. 9–18.
- Черныш*, 1973 — *Черныш А. П.* Палеолит и мезолит Приднестровья / Под ред. И. К. Ивановой. М.: Наука, 1973. 128 с.

- Черныш*, 1989 — *Черныш А. П.* О мустьерских жилищах и поселениях // Каменный век: памятники, методы, проблемы: Сб. науч. тр. АН УССР / Под ред. С. Н. Бибикова. Киев: Наукова Думка, 1989. С. 72–81.
- Черныш*, 1990 — *Черныш А. П.* О некоторых особенностях методики исследований палеолитических стоянок и жилищ // КСИА. 1990. № 202. С. 24–27.
- Черныш*, 2015 — *Черныш А. П.* Очерки по палеолиту Прикарпатья / Под ред. О. С. Сытника. Львов, 2015. 170 с.
- Boettger et al.*, 2009 — *Boettger T., Novenko E. Y., Velichko A. A., Borisova O. K., Kremenetski K. V., Knetsc S., Junge F. W.* Instability of climate and vegetation dynamics in Central and Eastern Europe during the final stage of the Last Interglacial (Eemian, Mikulino) and Early Glaciation // *Quaternary International*. 2009. № 1. P. 1–8.
- Cârciumaru*, 1999 — *Cârciumaru M.* Le Paléolithique en Roumanie. Grenoble, 1999. 320 p.
- Chetraru*, 1992 — *Chetraru N. A.* Contribuții la cunoașterea Paleoliticului inferior în Moldova. Anarul. Chișinau, 1992. Vol. II. P. 93–138.
- Chirica, Borziac*, 2005 — *Chirica V., Borziac I.* Gisement du Paléolithique inférieur et moyen entre le Dniestr et la Tissa / Eds. V. Chirica. Iasi: Helios, 2005. 385 p. (B.A.I. Vol. XVI).
- Demay et al.*, 2012 — *Demay L., Péan S., Patou-Mathis M.* Mammoths used as food and building resources by Neanderthals: Zooarchaeological study applied to layer 4, Molodova I (Ukraine) // *Quaternary International*. 2012. Vol. 276–277. P. 212–226.
- Doboș, Trinkaus*, 2012 — *Doboș A., Trinkaus E.* A new AMS radiocarbon date for Middle Paleolithic Layer 4 of Ripiceni-Izvor, Romania // *Materiale și Cercetări Arheologice*. 2012. № 8. P. 7–10.
- Haesaerts et al.*, 2003 — *Haesaerts P., Borziac I., Chirica V., Damblon F., Koulakovska L., Van Der Plicht J.* The East Carpathian Loess Record: A reference for the Middle and Late Pleniglacial stratigraphy in Central Europe // *Quaternaire*. 2003. Vol. 14 (3). P. 163–188.
- Haesaerts et al.*, 2013 — *Haesaerts P., Damblon F., Nigst Ph., Hublin J.-J.* Abo and abox radiocarbon cross-dating on charcoal from Middle Pleniglacial loess deposits in Austria, Moravia and Western Ukraine // *Radiocarbon*. Paris, 2013. Vol. 55. P. 641–647.
- Krajcarz M., Krajcarz M. T.*, 2012 — *Krajcarz M., Krajcarz M. T.* Middle Palaeolithic mammoth site at Molodova I (layer IV) — zooarchaeological studies of collection stored in Ivan Krypiakevich Institute of Ukrainian studies, National Academy of Science of Ukraine, in Lviv // *Матеріалі і дослідження з археології Прикарпаття і Волині*. Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2012. № 16. С. 65–75.
- Łanczont et al.*, 2014a — *Łanczont M., Madeyska T., Sytnyk O., Bogucki A., Komar M., Nawrocki J., Hołub B., Mroczek P.* Natural environment of MIS 5 and soil catena sequence along a loess slope in Seret River valley: Evidence from the Pronyatyn Paleolithic site (Ukraine) // *Quaternary International*. 2014. Vol. 365. P. 74–97.
- Łanczont et al.*, 2014b — *Łanczont M., Madeyska T., Bogucki A., Sytnyk O., Kusiak J., Frankowski Z., Komar M., Nawrocki J., Zogała B., Tomek T., Kusiak J.* Stratigraphic position and natural environment of the oldest Middle Paleolithic in central Podolia, Ukraine: New data from Velykyi Glybochok site // *Quaternary International*. 2014. Vol. 326–327. P. 191–212.
- Łanczont et al.*, 2015 — *Łanczont M., Madeyska T., Bogucki A., Mroczek P., Hołub B., Łącka B., Fedorowicz S., Frankowski Z., Standzikowski K.* Środowisko abiotyczne paleolitycznej ekumeny strefy pery-I metakarpackiej // *Paleolityczna ekumena strefy pery-I metakarpackiej* / eds. M. Łanczont, T. Madeyska. UMCS, Lublin, 2015. P. 439–458.
- Meignen et al.*, 2006 — *Meignen L., Genste J.-M., Koulakovska L., Sytnik A., Usik V., Haesaerts P.* New researches at Molodova V, a late Middle Paleolithic site in Western Ukraine // *Європейський середній палеоліт*. Київ: Шлях, 2006. С. 102–117.
- Moroșan*, 1938 — *Moroșan N.* Le pléistocène et le paléolithique de la Roumanie du Nord-Est (Les dépôts géologiques, leur faune, flore et produits d'industrie) // *Anuarul Institutului Geologic al României*. București, 1938. Vol. XIX. P. 1–60.
- Nicolăescu-Ploșor*, 1958 — *Nicolăescu-Ploșor C. S.* Noi puncte de vedere in cercetarea și interpretarea

- paleoliticului (Nouveaux points de la vue au sujet des recherches et de l'interprétation du paléolithique) // SCIV. 1958. Vol. IX (1). P. 170–172.
- Nicolăescu-Plopșor, Zaharia, 1959 — Nicolăescu-Plopșor C. S., Zaharia N. N.* Raport preliminar asupra cercetărilor paleolitice dina nul 1956 (Mitoc) // Materiale. 1959. Vol. 5. P. 34–38.
- Păunescu, 1993 — Păunescu A.* Ripiceni-Izvor paleolitic și mezolitic. București: Academia, 1993. 226 p.
- Păunescu, 1999 — Păunescu A.* Paleoliticul și epipaleoliticul de pe teritoriul Moldovei cuprins între Carpați și Siret. București: Satya Sai, 1999. 241 c.
- Sytnyk, 2015 — Sytnyk O.* Paleolit Przedkarpacia I Podola: Kontekst Archeologiczny, Geochronologiczny, Kulturowy // Paleolityczna ekumena strefy pery — I metakarpackej / Eds. M. Łanczont, T. Madeyska. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2015. P. 693–835.

Факты биографии Ф. И. Кнауэра из архива Императорской археологической комиссии

М. Т. Кашуба, И. В. Сапожников

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот несколько документов из собрания Императорской археологической комиссии, хранящихся в Научном архиве ИИМК РАН. Они отражают неизвестные факты научной биографии Ф. И. Кнауэра — первого исследователя курганов Дунай-Днестровского междуречья (Буджак). Речь идет о переписке в 1887–1888 гг. по поводу получения им «Открытого листа» и его роли в приобретении Комиссией в 1912 г. у находчиков комплекса статусных предметов позднего бронзового века, известного как Бородинский (Бессарабский) клад.

Annotation. The article is devoted to the introduction into the scientific circulation of several documents from the collection of the Imperial Archaeological Commission, stored in the scientific archive of the Institute of the History of Material Culture. They reflect unknown moments from the scientific biography of the first excavator F. I. Knauer of the mounds of the Danube-Dniester interflaves (Budjak). We are talking about correspondence regarding the receipt of the receipt of «Open Sheet» in 1887–1888 and its role in the acquisition by the Commission in 1912 of the discoveries of a complex of status objects of the Late Bronze Age, known as the Borodino or Bessarabian hoard.

Ключевые слова: история археологии, архивные документы, Императорская археологическая комиссия, Ф. И. Кнауэр, Дунай-Днестровское междуречье (Буджак), курганы, первые раскопки.

Keywords: history of archeology, archival documents, the Imperial Archaeological Commission, F. I. Knauer, Danube-Dniester interflaves (Budjak), burial mounds, first excavations.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-291-300

Я понимаю, что не производил бы раскопки курганов, не будучи вполне подготовленным к такому предприятию.
Ф. И. Кнауэр

В последнее десятилетие возрос интерес к истории изучения археологических памятников

территории Дунай-Днестровского междуречья (Буджак), сегодня входящей в состав Украины и Республики Молдова (Сапожников, 2011, 2018; Сапожников, Аргатюк, 2018; Сапожников, Кашуба, 2019; и др.). Из первых исследователей, открывавших в XIX в. этот регион для научного мира, особое место принадлежит немцу Ф. И. Кнауэру и его раскопкам курганов (Сапожников, Присяжнюк, 2018; Сапожников, 2019; и др.).

¹ М. Т. Кашуба провела исследование в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² М. Т. Кашуба — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН. Дворцовая наб., 18. Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-Mail: mirra-k@yandex.ru.; И. В. Сапожников — пр. Мира, 2/27, Черноморск, 68001, Украина. E-Mail: igors@gcn.ua.

Основные вехи жизни **Фёдора (Фридриха) Ивановича (Matthaeus Friedrich) Кнауэра** (03/15.08.1849, Сарата Аккерманского уезда

Рис. 1. Фёдор Иванович Кнауэр (Черказьянова, 2015б)

Fig. 1. Feodor Ivanovich Knauer (Черказьянова, 2015б)

Бессарабской губ. — 22.12.1917, Томск; рис. 1) и его семьи стали известны сравнительно недавно благодаря поискам И. В. Черказьяновой (Черказьянова, 2015а; 2015б). Судя по метрической книге, его родителями были Имануил Йоханнес Кнауэр (Immanuel Johannes Knauer) и Магдалена Алдингер (Magdalena Aldinger), а восприемниками (крестными отцом и матерью) Андреас Якоб Кнауэр (Andreas Jakob Knauer) и Элизабета Магдалена Кнауэр, ур. Хофер (Elisabetha Magdalena Knauer (Hofer)) (Sarata births, 1849. P. 8). В 1822 г. его лютеранин отец вместе с 11 мужчинами-однофамильцами и родственниками прибыл в самое сердце Буджака из Грюнбаха (мать — из Фельбаха) округа Вайблинген близ г. Штутгарта земли Баден-Вюртемберг.

Он закончил в Сарате 4-летнюю учительскую семинарию (школу), затем Центральное Вернеровское русское училище (рис. 2; Мутшал, 1894) и получил свидетельство учителя приходской школы (1865); работал помощником учителя в Тарутино и совершенствовал русский язык в Сарате (1865–1867). Позже юноша изучал языковедение, санскрит и немецкий язык в Йене и Тюбингене, закончил университет Дерпта (ныне Тарту, Эстония, 1882), где защитил докторскую диссертацию (1884). С 1885 г. Фёдор Иванович трудился в Киеве в университете св. Владимира: с 1886 г. — экстраординарным, с 1890 г. — ординарным, с 1909 г. — заслуженным, с 1912 г. — внештатным профессором кафедры сравнительного языковедения и санскрита. Автор двух докладов и экспонент выставки на XI Археологическом съезде (Киев, 1–19.08.1899 г.). Участвовал в XIII (1902, Гамбург) и XVI (1912, Афины) Международных съездах востоковедов.

Ф. И. Кнауэр был женат на лютеранке Антонине-Вильгельмине Карловне Бондфельдт (уроженке г. Риги), имел от нее шестерых детей: двух сыновей (Зигфрид, 1894; Гельмут, 1896) и четырех дочерей (Ильза, 1892; Фрида, 1898; Эрна, 1900; Нанда, 1902). С 1907 г. семья жила в основном в Германии (в г. Йене), где учились дети. В 1911 г. на высочайшее имя Императора Николая II было подано прошение об освобождении обоих сыновей Кнауэра от российского подданства: Гельмут получил соответствующий документ 19.12.1912, а Зигфрид — 17.07.1914, всего за день до объявления всеобщей мобилизации в российскую армию.

Последние факты в самом начале Первой мировой войны привели к огульному обвинению обоих сыновей в участии в боевых действиях против России, хотя подтверждений об их переходе в германское подданство на то время не было, да и быть не могло (до конца войны они имели статус интернированных особ). В итоге, по приказу начальника Киевского военного округа, действительного статского советника³ Ф. И. Кнауэра 7 января

³ Гражданский чин 4-го класса «Табели о рангах», давал право на потомственное дворянство и

Рис. 2. Здание Вернеровского Саратовского училища (1920-е гг.)

Fig. 2. The building of the Sarata Werner College (1920s)

1915 г. за «нелояльность по отношению к России <...> выслали из г. Киева в Томскую губернию на все время войны». Там 68-летний профессор через три года умер от болезней, вызванных холодным климатом и плохими условиями содержания. Заметим, что 1 июня 1917 г. Временное правительство разрешило опальному ученому «жить на европейской территории страны, за исключением Киевского военного округа и театра военных действий», а через 10 дней после его смерти в Томск пришла телеграмма от генерального секретаря по международным делам Украинской народной республики А. Я. Шульгина о «разрешении профессору Кнауэру выезда в Киев» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 1226. Л. 26об-27, 52, 64 и др.; *Fieß*, 1979. S. 277; *Черказянова*, 2015а; 2015б; и др.)⁴.

соответствовал чинам генерал-майора в армии и контр-адмирала на флоте. В 1912–1914 гг. Ф. И. Кнауэр получал ежегодно 1200 руб. жалования (неполного) и 3000 руб. пенсии (Черказянова, 2008. С. 28).

⁴ В сентябре 2018 г. при реконструкции полностью уничтоженного большевиками лютеранского кладбища Сараты культурным обществом «Злагода» были выявлены каменные надгробия, принадлежащие

Хотя о вкладе Ф. И. Кнауэра в исследования разных периодов древней истории Буджака уже известно, все же стремительный и успешный вояж состоявшегося профессора-лингвиста в другую науку практически не освещен в литературе. Установлено, что он занялся археологией по своей инициативе под влиянием ряда членов Исторического общества им. Нестора-летописца (ИОНЛ), в первую очередь сослуживца по университету проф. В. Б. Антоновича. Последний был председателем ИОНЛ в 1881–1887 и 1896–1899 гг., действительным членом Московского археологического (с 1874 г.) и Императорского Русского археологического (с 1894 г.) обществ, а также сверхштатным членом Императорской археологической комиссии (с 10 декабря 1891 г.), выдававшей «Открытые листы» и финансирующей раскопки (Императорская..., 2009а. С. 191, 199; *Сапожников*, 2019).

Документы, относящиеся к археологической деятельности Ф. И. Кнауэра и хранящиеся

Кнауэрам: Элизабет (1887–1929), Фредерики (1841–1925), Иоханны (1841–1929), Вильгельмины (1861–1940) и Эмиля (1899–1928), но степень их родства с «нашим героем» пока не установлена (Сапожников, 2019).

ся в Санкт-Петербурге, отложились в четырех делах фонда ИАК в Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29, 31, 11 и 223)⁵. Три дела содержат документы, непосредственно касающиеся раскопок Ф. И. Кнауэра, в четвертом деле имеется его письмо в ИАК.

Первым по хронологии является дело № 29 1887–1888 гг. «По поводу ходатайства проф. Кнауэра о разрешении ему производить раскопки в Бессарабской губернии». В деле № 31 1891 г. «О раскопках проф. Кнауэра в Аккерманском у., Бессарабской губ.» имеются «Открытый лист» № 151 на раскопки, а также докладная записка, дневник раскопок, опись и рисунки находок, переписка, эстампажи надписей. На исследования того сезона ИАК выделила 250 руб. Дело № 11 1899 г. «Предложение проф. Ф. Кнауэра расследовать два кургана в Аккерманском у. Бессарабской губ.» содержит «Открытый лист» № 371, отчет, дневник с планами курганов и опись находок. ИАК выделила на раскопки уже 500 руб. (Императорская..., 2009б. С. 24, 36, 63). Кроме того, в фотографическом отделе ИИМК есть три негатива находок 1899 г. (II 26734, III 8792–8793 — см. Длужневская, 2014. С. 82). И, наконец, в деле № 223 1912–1914 гг. «О находках древних предметов близ села Бородина Аккерманского у. Бессарабской губ.» хранятся документы, связанные с находкой и покупкой клада у немцев-колонистов и копия (отпуск) «Открытого листа» Э. Р. Штерна (№ 1479 от 26.06.1914) на раскопки «в пределах окрестностей» этого села (Императорская..., 2009б. С. 132). В фотографическом отделе ИИМК имеется несколько негативов вещей клада (II 34874, III 12332–12333, III 12697–12702 — см. Длужневская, 2014. С. 109).

Согласно перечисленным выше делам, интересно выяснить, в какой мере данная источниковая база отражает ход организации

⁵ Далее при архивных ссылках на материалы рукописного отдела (РО) Научного архива ИИМК РАН название архива не повторяется. Авторы приносят благодарность сотрудникам архива Н. А. Беловой, О. В. Григорьевой и Т. А. Ершовой за помощь в работе с документами.

и результаты археологических исследований Ф. И. Кнауэра в Буджаке. Известно, что он раскопал там 11 курганных насыпей: шесть — в 1888–1889 гг. на обоих берегах долины р. Сарата у с. Сарата, две (одна двойная) — в 1891 г. на правом берегу р. Когильник у с. Павловка и еще три (одна двойная) — в 1899 г. на правом берегу долины р. Сарата у с. Мирнополье (бывш. Фриденсфельд). В этих курганах было исследовано 75–77 основных и впускных погребений, представляющих довольно полную хроно-стратиграфическую колонку погребений от энеолита до средневековья (Сапожников, 2019). В этой связи отдельной публикации заслуживают дела за 1891 и 1899 гг., которые представляют собой тематически цельные и довольно объемные подборки документов о раскопках курганов.

В настоящей статье остановимся на двух делах, отмечающих перипетии получения «Открытого листа» и небезынтересный «последний аккорд» Ф. И. Кнауэра в археологии.

Первое дело (№ 29 1887–1888 гг.) важно тем, что в нем содержится переписка, раскрывающая ряд неизвестных ранее деталей пути Ф. И. Кнауэра в археологию и мотивацию его решения⁶. Переписка — это прошение и два уточняющих письма, главной целью которых было получение от ИАК «Открытого листа» на право проведения раскопок курганов в Бессарабии, которую автор называл своей «родиной». Из них вытекает, что Ф. И. Кнауэр хотел выполнить названные исследования без определенной научной цели, по его словам, «от нечего делать», с последующей передачей находок в Киев, в «археологический музей университета Св. Владимира». Сообщалось, что ранее он «никогда не занимался раскопками, а присутствовал при таковых только один раз за границей». Позже

⁶ Кроме того, в нем есть две переписки 1887–1888 гг. о найденных в Аккерманском уезде и переданных в ИАК малоценных серебряных монетах и геологических раритетов (Ф. 1. Д. 29. Л. 7–14об.), которые с Ф. И. Кнауэром никак не связаны. Кстати, в картотеке архива ИИМК данное дело числится под названием «О находке камня с отпечатком на нем изображения рыбы в Бессарабской губ.» (совр. с. Новые Траяны).

Ф. И. Кнауэр добавил, что летом 1887 г. «принял участие в некоторых раскопках курганов, произведенных недавно названным ученым [В. Б. Антоновичем] в Сквирском уезде Киевской губ.». Кроме того, весной того же года он прослушал курс лекций на соответствующую тему (док. 1, 3 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 1, 3–3об.). Эта информация подтвердила связь Ф. И. Кнауэра с В. Б. Антоновичем, о которой ранее говорилось как о гипотетической.

Что касается сути дела о получении «Открытого листа», то уже в ответе на первое прошение ИАК заявила, что «на производство археологических раскопок на частных землях, она разрешения дать не вправе», хотя заинтересовалась «специальным научным вопросом», который побудил заявителя «заняться раскопкою курганов» (док. 2 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 2–2об.). Позже, получив разъяснения Ф. И. Кнауэра по этому вопросу, ИАК вынесла свой вердикт следующим образом: «производство раскопок на этих землях будет зависеть от личного соглашения Вашего с владельцами таковых» (док. 4 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 4). Но ученый не был удовлетворен и этим ответом и 25 февраля следующего 1888 г. вновь обратился с просьбой выдать ему соответствующее разрешение, заявив ИАК о том, «что, если мне не будет разрешено это право до означенного числа [16-е апреля, планируемая дата начала работ], я откажусь от него навсегда» (док. 5 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 5–5об.).

В завершение переписки Ф. И. Кнауэр прислал в ИАК газетную вырезку с заметкой о результатах исследований, проведенных в окрестностях Сараты (док. 6 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 6). По этим документам стало понятно, почему в архиве ИАК нет дневника, отчета и другой документации о раскопках Ф. И. Кнауэра за 1888 и 1889 гг., что, впрочем, компенсируется наличием целого ряда подробных и достаточно качественных публикаций о них (Кнауэр, 1889, 1890; Антонович, 1889, 1890; Сикорский, 1889; и др.; обзор см.: Сапожников, 2019).

Однако ИАК и до, и после упомянутой выше переписки выдавала «Открытые листы»

для археологических раскопок на землях немецких колонистов как в других губерниях Российской империи (Императорская..., 2009б. С. 14, 64, 69, 73 и др.), так и в Бессарабии *самоу* Ф. И. Кнауэру, например, в 1899 г. на работы у с. Фриденсфельд и даже сама их финансировала (см. выше)⁷. Оказывается, в 1889 г. был изменен порядок выдачи «Открытых листов». Согласно Высочайшему повелению от 11 марта 1889 г. ИАК предоставлялось «исключительное право производства и разрешения, с археологической целью, раскопок в Империи на землях казенных, принадлежащих разным установлениям и общественных» (ПСЗРИ (Собр. 3-е), 1891. С. 95, ст. 5841). Нельзя не заметить, что Ф. И. Кнауэр в конце концов добился своего, получив в 1891 и 1899 гг. не только «Открытые листы», но и государственное финансирование на проведение полевых работ.

Второй сюжет нашей статьи связан с неизвестным ранее фактом причастности Ф. И. Кнауэра к находке Бородинского (Бессарабского) клада. Этот широко известный комплекс статусных предметов позднего бронзового века был открыт не позднее февраля 1912 г. немецкими колонистами в с. Бородино Аккерманского уезда Бессарабской губернии. Роль Ф. И. Кнауэра в этом деле заключается в том, что обнаружившие находку люди в письме от 17 февраля 1912 г. обратились к своему высокочтимому земляку («Hochverehrter Herr Professor!») с вопросом, что им дальше делать. Его реакция была мгновенной: уже 23 февраля 1912 г. он переправил информацию от находчиков вместе со своим комментарием в ИАК (док. 7 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 223. Л. 2–3; рис. 3). Фактически, он способствовал тому, что клад попал в поле зрения ИАК и был сохранен для науки. Согласно этой информации вплоть до начала Первой мировой войны Ф. И. Кнауэр не совсем отошел от «археологических дел» в Буджаке, оставаясь известным авторитетным

⁷ В 1891 г. Ф. И. Кнауэр получил «Открытый лист» и финансирование от ИАК для работ на государственных землях с. Павловка, в котором проживали русские переселенцы.

Киев, Гучинская 35, 23го февраля 1912 г.
 Вход. № 317 2 27 ФЕВ. 1912
 Д. № 223 Кв.
 2 Мв. 1912
 Императорской Археологической
 Заслуженой Императорской
 Археологической Комиссии в
 заседании 25 февраля С. Петербурга.
 пр. ш. 1912
 Приехал из села Клеурино моего
 берега много, в количестве Шехи и Курен-
 Бринки, археологические находки села
 Городина Аккерманского уезда Бесса-
 рабской губернии, извещаю о нахождении
 о найденных там кладов археоло-
 гических предметов из золота, серебра,
 это и др. металлы, и решил обратиться
 Корреспондентом Императорской
 Археологической Комиссии обратиться
 Вашему на указание находку и
 отменить отъезд ввиду отсутствия раскопа-
 тельных работ.
 Кв. ст. Клеурино, Бессарабский
 уезд. Аккерманская уезд.
 Гот. Шехи
 в селе Городина.
 Горному инженеру уведомлю в вашей
 моей передаче
 Ф. Кнауэр,
 проф. ун-вер. С. Владислава.

Рис. 3. Письмо Ф. И. Кнауэра в ИАК о находке Бородинского клада от 23.02.1912 (© РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 223. Л. 1)

Fig. 3. Letter of 23.02.1912 from F. I. Knauer to IAC on the discovery of the hoard of Borodino (©Scientific Archives of IIMK RAS, Manuscript Department, Archive Group 1. Inventory 1. File 223. Sheet 1)

ученым. В целом же, «дело о Бородинском кладе» представляет особый интерес в связи с возможным установлением обстоятельств (раскопки небольших курганов (?) — см. Сапожников, 2018. С. 132–133) и уточнением места его находки, как по документам, так и на местности.

Документ 1

Прошение Ф. И. Кнауэра.

Киев, 31 марта 1887 г.

Получено адресатом 8 апреля. Оригинал
(Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 1)

Чсть имею покорнейше просить Императорскую Археологическую комиссию разрешить мне право на производство раскопок курганов в Бессарабской губернии, собственно говоря только в Аккерманском уезде, где моя родина. Просьба эта, быть может, является довольно странной в виду того, что я никогда не занимался раскопками, а присутствовал при таковых только один раз за границу, тем не менее я не могу считать ее слишком смелой, потому что я разумеется не производил бы раскопки курганов, не будучи вполне подготовленным к такому предприятию. В настоящее время я ближе знакомлюсь с предметом под личным руководством проф. В. Б. Антоновича, у которого и слушаю лекции по русским древностям.

[подпись]

Документ 2

*Ответ Археологической комиссии
на прошение Ф. И. Кнауэра.*

Санкт-Петербург, 30 апреля 1887 г. № 243.

Копия на бланке
(Ф. 1. Оп. д. 29. Л. 2–2об.)

На прошение Вашего высочордия от 31-го минувшего марта Императорская Археологическая комиссия имеет честь уведомить Вас, что на производство археологических раскопок на частных землях, она разрешения дать не вправе, так как допущение к раскоп-

кам на упомянутых землях зависит от согласия тех землевладельцев, на чьих землях находятся курганы или городища. Что же касается до зависящего от Комиссии допущения к археологическим раскопкам на землях казенных и общественных, то она предварительно должна знать с какою именно научною целью Вы намереваетесь предпринять раскопки в Аккерманском уезде, т. е. какой Вы имеете ввиду специальный научный вопрос, побуждающий Вас заняться /2об./ раскопкою курганов. При этом Археологическая Комиссия считает долгом присовокупить, что она, разрешая кому-либо производство археологических исследований на таковых землях, хотя бы и на его собственный счет, по принятому правилу обязывает его, все древности могущия быть им найдены при этих работах присылать ей для представления важнейших из них на высочайшее Государя императора воззрение, а также подробный журнал произведенных работ с необходимыми к нему чертежами, планами и описями.

Подписал: председатель гр. А. Бобринской

Скрепил: производитель дел Ил. Суслов

Верно: производитель дел [подпись]

(Илья Суслов)

Документ 3

Письмо Ф. И. Кнауэра

в Археологическую комиссию

Киев, 16 августа 1887. Вход. № 410.

Передано в канцелярию председателем

Комиссии 25 сентября. Оригинал

(Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 3–3об.)

На прошение мое о разрешении мне право на производство раскопок курганов в Аккерманском уезде Бессарабской губернии Императорская Археологическая комиссия от 30-го апреля с.г. заключает 1) что она предварительно должна знать с какою именно научною целью я намереваюсь предпринять раскопки в названном уезде, т. е. какой я имею ввиду специальный научный вопрос, побуждающий меня заняться раскопкою курганов, и 2) что она, разрешая кому-либо производство

археологических исследований на казенных и общественных землях, хотя бы и на его собственный счет по принятому правилу обязывает его все древности, могущие быть им найденные при этих работах, присылать ей для представления важнейших из них на Высочайшее Государя Императора воззрение, а также подробный журнал произведенным работам с необходимыми к нему чертежами, планами и описями.

В ответ на это я касательно первого пункта должен сказать, что специального научного вопроса в виду не имею. Бессарабия, как я уже заметил в своем прошении, моя /Зоб./ родина, вследствие чего там довольно часто бываю, а именно в немецком поселении Сарате Аккерманского уезда, где я родился. Тамощные курганы, находящиеся, как известно, на любопытной исторической почве и обещающие, следовательно, довольно интересный, а может быть и богатый матерьял, всегда меня интересовали. Вперед определить, чего именно ищу, я не в состоянии; *я раскопал бы их так сказать от нечего делать* [слова подчеркнуты простым карандашом]. Цель моя состоит только в том: составить дневник, а весь матерьял с дневником передать своему сослуживцу проф. В. Б. Антоновичу для исторических исследований.

Что же касается второго пункта, то я с ним вполне согласен, с тем однако условием, чтобы Императорская Археологическая комиссия древностей, которые не будут представлены на Высочайшее Государя Императора воззрение и не будут выбраны, не оставила у себя, но прислала их обратно в Киев для археологического музея университета Св. Владимира.

Относительно моей личности, прошу обратиться к проф. В. Б. Антоновичу. При этом позволю себе еще заметить, что я принимал участие в некоторых раскопках курганов, произведенных недавно названным ученым в Сквирском уезде Киевской губернии. Я имел, следовательно возможность познакомиться и на практике с вопросом, о котором идет речь.

[подпись]

Документ 4

*Ответ Археологической комиссии
на письмо Ф. И. Кнауэра*

Санкт-Петербург, 25 февраля 1888 г.

Исх. № 133. Отпуск на бланке

(Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 4)

Усмотрев из заявления Вашего [от] 16 авг. [уста] мин.[увшего] года, что курганы, исследованием которых Вы желаете заняться в Аккерманском уезде, находятся на землях, принадлежащих колонистам селения Сарата, Императорская Археологическая комиссия *считает* [слово зачеркнуто] уведомляет Вас, что производство раскопок на этих землях будет зависеть от личного соглашения Вашего с владельцами таковых.

Подписал: [подпись] гр. А. Бобринской

Скрепил: производитель дел Ил. Суслов

Верно: производитель дел [подпись]

(Илья Суслов)

Документ 5

*Письмо Ф. И. Кнауэра председателю
Археологической комиссии, графу
Алексею Александровичу Бобринскому*

Киев, 25 февраля 1888 г. Вход. № 198.

Получено 26 апреля. Оригинал

(Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 5–5об.)

Не получив, с одной стороны, от Археологической комиссии окончательного ответа на поданное мною в прошлом году прошение о разрешении мне права на производство раскопок курганов в окрестности села Сараты Аккерманского уезда Бессарабской губернии, а с другой стороны, собираюсь поехать туда, где моя родина в 16-е апреля с. г. я честь имею покорнейше просить /5об./ Ваше Сиятельство заявить Археологической комиссии, что, если мне не будет разрешено это право до означенного числа, я откажусь от него навсегда, следовательно, прошение мое должно считать с 16-го с. г. взятым мною назад.

С искренним уважением и полной преданностью.

[подпись]

Документ 6

Текст газетной заметки о раскопках

Ф. И. Кнауэра в 1888 г.

Название и дата отсутствуют

(Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 6).

Профессор университета Св. Владимира в Киеве Ф. И. Кнауэр во время минувших праздников Пасхи, посетил Бессарабскую губернию и здесь, в окрестностях с. Сараты, Аккерманского уезда, на землях местных немецких колонистов раскопал с археологической целью пять курганов, расположенных к северу от села. Во всех без исключения курганах, как сообщается в «Киевлянине», — исследователем были найдены человеческие скелеты, лежавшие рядом со скелетами лошадей, и так близко к ним, что голова человеческого скелета всегда соприкасалась с лошадиною головою. В одном из курганов под скелетом, лежавшим рядом с лошадьёю, помещалось несколько других человеческих скелетов. Все скелеты были обращены головою на восток. Судя по тому, что во всех курганах были найдены остатки сгнившего дерева, можно думать, что могилы или выкладывались деревом, или покойники сначала покрывались деревянными досками, а затем уже засыпались землею. Из более важных в археологическом отношении вещей здесь найдены: стремя, железный наконечник, стрелы, золотое кольцо без спайки, серебряный ручной браслет, также без спайки, глиняные сосуды

и остатки какой-то ткани. В настоящее время еще не представляется возможности сделать никаких научных выводов по поводу произведенных проф. Ф. И. Кнауэром раскопок, но они представляют несомненный научный интерес как первые раскопки, произведенные с ученою целью в Бессарабской губернии.

Документ 7

Письмо Ф. И. Кнауэра

в Археологическую комиссию

Киев, Пушкинская 35, 23-го февраля 1912 г.
Вход. № 317. Получено 27 февраля. Оригинал
(Ф. 1. Оп. 1. Д. 223. Л. 1)

Прилагая при сем полученное мною вчера письмо, в котором Шех и Креенбринг, немецкие колонисты села Бородина Аккерманского уезда Бессарабской губернии, извещают меня о найденном там кладе археологических предметов с запросом, что им делать, я честь имею покорнейше просить Императорскую Археологическую комиссию обратить внимание на указанную находку и сделать соответствующие распоряжения.

Адресовать в ст.[анцию] Клястиц Бессарабской губернии Аккерманского уезда For. Шеху в с. Бородине.

Прошу принять уверение в полной моей преданности.

[подпись]

Антонович, 1889 — Антонович В. Б. Заключение о замечательных особенностях, представленных раскопкой Ф. И. Кнауэра // ЧИОНЛ. 1889. Кн. 3. С. 26, 48.

Антонович, 1890 — Антонович В. Б. Дополнение к сообщению Ф. И. Кнауэра [о раскопках 1889 г.] // ЧИОНЛ. 1890. Кн. 4, отд. I. С. 15.

Длужневская, 2014 — Длужневская Г. В. Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 годах (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2014. 218 с.

Императорская..., 2009а — Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Ред.-сост. А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1192 с.

Императорская..., 2009б — Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Ред.-сост. А. Е. Мусин. Приложение. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 208 с.

Кнауэр, 1889 — Чтение Ф. И. Кнауэра о произведенной им раскопке курганов в Южной

- Бессарабии (О курганах, раскопанных в южной Бессарабии) // *ЧИОНЛ*. 1889. Кн. 3, отд. I. С. 32–49.
- Кнауэр*, 1890 — *Кнауэр Ф. И.* Вторая археологическая раскопка около села Сараты (в Южной Бессарабии) (Курган № 10) // *ЧИОНЛ*. 1890. Кн. 4, отд. II. С. 30–41.
- Мутшал*, 1894 — *Мутшал В. А.* Историческая записка о Сарато-Вернеровском русском центральном училище (25 июня 1844 г. — 25 июня 1894 г.) / Сост. ко дню 50-летнего юбилея. Одесса: тип. А. Шульце, 1894. 83 с., 3 л. ил.
- ПСЗРИ* (Собр. 3-е), 1891 — Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. СПб.: Гос. тип., 1891. Т. IX, 1889 г. От № 5686—6504 и Дополнения. 1490 с.
- Сапожников*, 2011 — *Сапожников И. В.* Древние валы Бессарабии или Буджака: из истории картографирования в XVIII–XIX вв. // *МАСП*. Одесса, 2011. Вып. 12. С. 206–236.
- Сапожников*, 2018 — *Сапожников И.* Начала изучения курганов Буджака: историография и картография // *Tyragetia*, s.n. 2018. Vol. XII [XXVII], № 1. С. 121–139.
- Сапожников*, 2019 — *Сапожников И. В.* Кургани Буджаку досліджені Ф. І. Кнауером: історія розкопок, картографія і сучасний стан // *Археологія і давня історія України*. Київ, 2019. Вип. 4 (33) (в печати).
- Сапожников*, *Аргатюк*, 2018 — *Сапожников И., Аргатюк С.* Александр Олофсон — полковник, помещик и первый археолог Буджака // *Scriptorium nostrum*. 2018. № 1 (10). С. 99–116.
- Сапожников*, *Присяжнюк*, 2018 — *Сапожников И., Присяжнюк О.* Кургани Ф. І. Кнауера та найбільші могили епохи бронзи Буджака і України // I-й Всеукраїнський археологічний з'їзд. Програма роботи та анотації доповідей. Київ: Стародавній світ, 2018. С. 95.
- Сапожников*, *Кашуба*, 2019 — *Сапожников И., Кашуба М.* «Свод памятников старины и археологических находок в Бессарабии» Н. Могилянського и Я. Эбергарда // *Tyragetia* (s.n.). 2019. Vol. XIII [XXVIII]. № 1 (в печати).
- Сикорский*, 1889 — *Сикорский И. А.* Заключение с антропологической точки зрения о черепках, найденных Ф. И. Кнауэром // *ЧИОНЛ*. 1889. Кн. 3, отд. I. С. 26, 48–49.
- Черказьянова*, 2008 — *Черказьянова И. В.* Немцы — российские ученые в годы Первой мировой войны: эпизоды из истории Академии наук // *Вопросы германской истории: Сб. науч. тр.* / Відп. ред. С. Й. Бобилева. Дніпропетровськ: Пороги, 2008. С. 23–33.
- Черказьянова*, 2015а — *Черказьянова И. В.* Антинемецкие настроения в университетском сообществе и судьба профессора Ф. И. Кнауэра // *Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею*. Одеса, 2015. № 14. С. 24–30.
- Черказьянова*, 2015б — *Черказьянова И. В.* Кнауэр (Knauer) Фридрих (Федор) Иванович (1849–1917), санскритолог, доктор сравнительного языкознания // *Энциклопедия немцев России*. 2015. <http://www.enc.rusdeutsch.ru/articles/3632> (дата обращения 07.04.2019).
- Fieß*, 1979 — *Fieß Ch.* Heimatbuch Sarata 1822–1940. Mühlacker: Selbstverlag, 1979. 780 S.
- Sarata births*, 1849 — *Sarata, Bessarabia births 1844, 1849, 1865, 1866, 1872, 1873, 1880* by R. Reuben Drefs Collection. 18 p. <http://www.blackseagr.org/pdfs/drefs/sarata-births-misc.pdf> (дата обращения 07.04.2019).

Этюд к истории Херсонесского музея в 1937 г.¹

Ю. А. Виноградов²

Аннотация. Эпоха Большого террора в истории археологической науки нашей страны изучена далеко не в должной мере. В статье приведены материалы Научного архива Института истории материальной культуры (газетные статьи, переписка), свидетельствующие о положении в Херсонесском историко-археологическом музее и характере его взаимоотношений с Государственной академией истории материальной культуры.

Annotation. The epoch of the Great Terror in the history of this country is far from been properly studied. This paper presents materials (newspaper articles, correspondence) from the Scientific Archives of the Institute of the History of Material Culture (IIMK) RAS describing the situation at the Chersonesean Historico-Archaeological Museum and the character of its interrelations with the State Academy of the History of Material Culture (GAIMK).

Ключевые слова: Херсонесский музей, ГАИМК, история науки.

Keywords: Chersonesean Museum, GAIMK, history of science.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-301-312

В истории нашей страны 1937 г. оставил незабываемый, роковой след. Даже передовицы научных журналов в то время призывали к поискам классовых врагов, искоренению любой буржуазной или троцкистской заразы и т. д. Все это самым непосредственным образом коснулось советских университетов, академических институтов и музеев. Археологическая наука не стала исключением из общего правила (Формозов, 1995. С. 66; 2004. С. 71–72). По моему глубочайшему убеждению события той драматичной поры заслуживают не только ставших обычными эмоциональных оценок, но пристального научного изучения. Сделанное в этой области еще

далеко не исчерпывает всего трагизма эпохи Большого террора.

Моя статья посвящена некоторым моментам, связанным с историей Херсонесского историко-археологического музея этого сложного периода. Надо признать, что события тех лет и положение в музейном деле Крыма в последние годы стали привлекать серьезное внимание исследователей, особенно ценны в этом отношении публикации В. В. Акимченкова (Акимченков, 2012; 2015). Важным дополнением к ним могут стать документы, хранящиеся в Архиве ИИМК РАН в фонде Государственной академии истории материальной культуры. Особый интерес представляет дело «Крымская эксп. Подготовка к изданию материалов по Гераклеяскому полуострову и организации Музея пещерных городов за 1937 г.» (НА ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 82). В этом деле, в частности, собраны вырезки из крымских газет с нападками

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Древности» № 18-00-00486 «Неопубликованное научное наследие и современные исследования хоры Херсонеса Таврического».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН. Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

на Музей и некоторых его сотрудников. Эти вырезки были присланы в Ленинград заместителем директора Херсонесского музея Г. Д. Беловым, что следует из его письма (НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1937 г. Д. 82. Л. 38). В высшей степени любопытны также послания крымских ученых, которые те направляли тогда в ГАИМК, надеясь на поддержку головного археологического учреждения СССР.

Ситуация, сложившаяся в Херсонесском музее в то время, была действительно очень непростой, можно сказать, угрожающей самыми серьезными последствиями. В июне этого года состоялось собрание партийной организации ВКП(б) г. Севастополя, на котором, в частности, говорилось о положении дел в музее. Вот как об этом писала газета «Маяк коммуны» от 23 июня 1937 г. № 142 (НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1937 г. Д. 82. Л. 31):

«О протаскивании врагами народа фашистских теорий в науку говорит тов. Малышев (горком ВКП(б)). Под видом иностранного ученого в Крыму орудовал агент немецкой разведки. Он пытался распространять фашистскую расовую теорию.

На руку классовому врагу ведут работу некоторые „ученые“ Херсонесского музея. Здесь в отдельных экспозициях протаскиваются все те же „арийские“ установки.

Состав сотрудников музея засорен. Долгое время здесь орудовал некто Шангин, ранее осужденный органами советского правосудия за антисоветскую агитацию. Дирекция музея покровительствует проходимцам, надевающим маску советских ученых. Обязанность парторганизации по-большевистски занять овладением теории Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, чтобы уметь разоблачать врагов на идеологическом фронте».

Через три дня в этой же газете появилась большая статья «Враждебная работа на фронте исторической науки», подписанная К. Репиным (№ 144 от 26 июня). Документы такого рода позволяют, так сказать, почувствовать дух эпохи, по этой причине статью стоит воспроизвести полностью, лишь с самыми

небольшими сокращениями (НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1937 г. Д. 82. Л. 32):

«<...> Скудна научная работа, проводимая музеем. Экспозиция отделов с 1932 года находится в стадии перестройки, проектов и планов.

Наиболее законченным является античный отдел музея. Но и в нем посетитель не почерпнет целостного впечатления о жизни херсонеситов античной эпохи и не получит правильного понимания истории. В экспозиции отдела подчеркивается, что Херсонес начального периода был демократической республикой. Но памятники, вскрывающие рабовладельческую сущность этой республики, в которой всеми правами пользовались лишь рабовладельцы, а рабы были „вещью по закону“, — расположены далеко в стороне от экспонатов, характеризующих государственное устройство и представлены настолько скромно, что их можно и не заметить. Восстания, войны и революции рабов почти не отражены. Музей совершенно не затрагивает темы возникновения христианства, которое своеобразно отразилось на дальнейшем развитии классовой борьбы и явилось одной из причин гибели античного мира. Упадом нравов и общественных традиций, а не социальной революцией, широким развитием проституции и публичных домов, а не обострением классовой борьбы пытается объяснить разложение и гибель античного общества музейная экспозиция. Такое объяснение истории недалеко ушло от гитлеровской теории оправдания фашизма путем отрицания роли социальной революции.

Экспозиция феодального отдела еще менее способна показать историю средневекового Херсонеса. Нагромождение вещей в этом отделе, без марксистско-ленинского подхода к ним, не передает политического существа эпохи. Так, например, духовенство периода „иконоборчества“ (VII–VIII вв.) показывается здесь защитником крестьян от закрепощения их феодалами, но не вскрывается эксплуататорский характер этой „защиты“ и подчиненная роль религии на службе господствующего класса.

Руководители музея располагают неограниченными возможностями для развертывания антирелигиозной пропаганды. В их распоряжении имеется богатый материал античного, средневекового и новейшего времен, на котором можно убедительно показать, что все религии и церкви, все и всяческие религиозные организации всегда являлись и являются органами реакции, служащими защите эксплуатации и одурманиванию народа.

Директор музея Орлова сообщила нам, что „в настоящее время в музее обсуждается вопрос о создании в бывшем херсонесском соборе отдела истории религии“.

Но пока руководители не торопясь „обсуждают“, как и с чего начать антирелигиозную пропаганду, отдельные работники музея ведут неприкрытую религиозную агитацию. Экскурсовод Вишнякова использует для этого живопись в бывшем соборе и посредством соответствующих объяснений стремится произвести на посетителей религиозное воздействие. От Вишняковой не отстают недавно выдвинутая на должность экскурсовода из технических работников — Тетерева. Учащиеся ФЗУ завода им. С. Орджоникидзе с возмущением заявляют, что Тетерева пространно расхваливала им содержание картины „Крещение князя Владимира“, осмысливая ее в религиозном духе.

Свободная инициатива и полный простор деятельности предоставлены здесь экскурсоводам. Методических руководств они не имеют. Но несомненно, что такое совпадение в методах „работы“ экскурсоводов не является случайностью.

Не случайна и антисоветская надпись, недавно обнаруженная на музейном экспонате. Музейная организация засорена чуждыми людьми. Директор Орлова постаралась собрать под крышу музея людей, изгоняемых из прочих советских учреждений и предприятий. До последнего времени сотрудничал здесь по приглашению Орловой научный работник Шангин, который был в прошлом осужден на 10 лет за протаскивание враждебных теорий на идеологическом фронте и недавно разоблачен в музее при попытке

доказать краснофлотцам невозможность построения социализма в одной стране. На днях органами НКВД арестован за контрреволюционную деятельность технический работник музея Безбородов. Феодальным отделом заведует ставленник Орловой, некто Тахтай, который в свое время участвовал в контрреволюционной организации в городе Херсоне. Заместителем директора по хозяйственной части работает близкий друг мужа Орловой Кравченко, исключенный из партии за бытовое разложение и пьянство. Этот Кравченко и в настоящее время редко бывает трезвым, а в минуты тяжелого похмелья пытается сорвать свою злобу на командирах „Н“ полка, живущих на территории музея, пускает по их адресу антисоветскую ругань, выключает электросвет из их квартир и т. д. Экскурсовод Глазов, уличенный в присвоении государственных средств и уволенный из Севастопольского музея революции, быстро находит приют в Херсонесе. А члены партии и комсомольцы обычно приобретают здесь репутацию склочников и неумелых работников и недолго уживаются в музее. Так была уволена коммунистка Шрайбман, а сейчас выживается из музея заведующая библиотекой, член партии Козлова.

Партийная организация Севастопольского музейного объединения неоднократно обсуждала работу и состояние Херсонесского музея. Отдельные коммунисты, как, например, тт. Анкундинов и Пятайкин, склонны видеть в музее лишь беспринципную склоку, основанную на личных счетах. Такое мнение особенно отстаивает директор музея Орлова.

Однако нам думается, что в оценке состояния работы в Херсонесе, коммунисты музейного объединения находятся на ложном пути. В музее свили гнездо люди, дела которых прошлые и настоящие недвусмысленно обличают их враждебное лицо. Единомышленники объединились здесь для работы, определенно направленной не в нашу пользу.

Вопрос о засоренности кадров в Херсонесском музее полтора месяца тому назад обсуждался на бюро обкома и 17 июня на бюро

горкома ВКП(б). Директор музея тов. Орлова видимо не сделала никаких выводов из указаний обкома и горкома партии. В музее все осталось по-прежнему.

В Херсонесе хозяйничают чужаки. Надо изгнать их из музейной организации и, перестроив работу в духе марксистско-ленинского понимания истории, сделать музей достойным советской науки».

28 июня 1937 г. статья «Враждебные дела в Херсонесском музее», подписанная Е. Леонидовым и А. Русиновым, была напечатана в газете «Красный Крым» (№ 145). Эта статья нашла отражение в научной печати (Акимченков, 2015. С. 105–106), но и ее стоит привести почти полностью (НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1937 г. Д. 82. Л. 33).

«В некоторых музеях Крыма до сих пор царит затхлая атмосфера. Враги народа — троцкисты и буржуазные националисты, — пользуясь беспечностью партийных руководителей, немало навредили на этом участке. Троцкисты и их пособники использовали в своих целях и известный Херсонесский музей, находящийся вблизи Севастополя. <...>

В настоящее время музей возглавляет коммунистка Орлова Д. И.

Орлова способствовала протаскиванию буржуазной идеологии в научной и экспозиционной работе музея. Она привлекла на руководящую работу в музее Шангина и Вишнякову, известных как буржуазных историков.

В своих лекциях по истории Римской республики Шангин сознательно умалчал о великих восстаниях рабов II–I века до нашей эры (Сицилийские восстания и Спартак). В экскурсиях Шангин и Вишнякова давали неправильные объяснения херсонесской демократии, сознательно не вскрывая сущность рабовладельческого государства, как орудия насилия меньшинства свободных, объединенных в общину, над рабами, мелкими земельными собственниками и ремесленниками.

Шангин и Вишнякова умышленно не показывали экскурсантам декрет Диофанта, где говорится о первой революции рабов в Крыму.

Они умалчивали и о революции рабов, уничтожившей рабовладельческий строй. Шангин в беседах с сотрудниками музея Лисиним, Глазовым и другими, а также с Орловой, протаскивал контрреволюционные взгляды, открыто защищал буржуазных историков Ростовцева, Моммзена и других, противопоставляя их историкам-марксистам.

В нашем распоряжении имеется заявление коммуниста, зав. библиотекой музея т. Козловой М., в котором она пишет:

„В своей антисоветской работе Шангин и Вишнякова делали ставку на молодежь. Они по выходным дням зазывали к себе на квартиру краснофлотцев и пытались их обрабатывать. В первых числах мая, а затем 12 мая, на квартире Шангина и Вишняковой были краснофлотцы, среди которых эти контрреволюционеры пытались вести антисоветскую пропаганду“.

На научном совещании музея и других собраниях Шангин и Вишнякова были разоблачены в протаскивании контрреволюционных буржуазных идей на историческом фронте. Несмотря на это, Орлова обрушилась на коммунистов, разоблачавших Шангина и Вишнякову.

Орлова не терпит никакой критики со стороны работников музея. С критикующими она жестко расправляется. Сейчас Орлова открыто заявляет, что в ближайшие же дни „выгонит“ с работы члена партии Козлову и комсорга, научного работника Лисина. В свое время Орлова горячо защищала работника музея Безбородова, ныне арестованного, как враг народа.

Плоды гнилого руководства Орловой дают себя очень сильно чувствовать. Музей ощущает острый недостаток в экскурсоводах. Памятники древности в музее сохраняются плохо. В нижнем этаже собора гибнут от сырости ценные предметы древности. Под открытым небом больше года находились ценные эпиграфические и архитектурные памятники. За 1935–1936 гг. было несколько случаев разрушения городищ.

Наконец, еще два характерных факта. В Херсонесе имеется печь XIV века. Экскурсанты

не могут ее осмотреть только лишь потому, что она вокруг загажена. В музее существует порядок, по которому экскурсанты, желающие попасть в залы, обязаны одеть туфли. Но эти туфли находятся в таком антисанитарном состоянии, что их невозможно не только одеть, но и противно взять в руки. Экскурсанты, отказывающиеся одеть эти туфли, вынуждены покидать музей, не осмотрев его достопримечательностей.

Вопрос о деятельности Орловой поднимался неоднократно. Об ее антипартийных поступках хорошо известно партийной организации музейного объединения, горкому и отделу культпросветработы обкома партии.

Не так давно партийные организации обязали Орлову очистить музей от чуждых людей и подхалимов, прекратить непартийное отношение к критике и самокритике, поднять качество научной работы Херсонесского музея. Однако эти указания Орлова не выполнила.

Необходимо немедленно заняться Херсонесским музеем и принять все меры к тому, чтобы музей действительно стал советским научным учреждением.

Кстати говоря, следовало бы отделу культпросветработы Обкома ВКП(б) и Наркомпросу заняться и остальными музеями Крыма, в которых до сих пор не ликвидированы остатки вредительской работы орудовавших там троцкистов и буржуазных националистов».

В уже знакомом нам «Маяке коммуны» 30 июля 1937 г. была напечатана еще одна критическая статья о Херсонесском историко-археологическом музее, в которой суровая критика была обрушена на А. К. Тахтаю (Акимченков, 2015. С. 108–109). По существу в крымской печати шла целенаправленная травля этого учреждения.

Сейчас все эти статьи невозможно читать без душевного содрогания, поскольку вполне очевидно, что за газетными публикациями неизбежно должны были последовать организационные выводы и соответствующие им действия «компетентных» органов. В этом

отношении не следует забывать, что незадолго до описываемых событий в 1933 г. был выслан в Новосибирск директор музея К. Э. Гриневич, а в 1935 г. он был осужден на пять лет с отбыванием срока в Карагандинском лагере (Зубарь, 2007. С. 415; 2009. С. 30).

Основная угроза, естественно, нависла над директором музея Д. И. Никитиной-Орловой (в процитированных статьях ее фамилия приводится в сокращенном виде — Орлова), но о ней будет сказано ниже. Весьма неудобно должен был себя почувствовать зав. Феодалным отделом А. К. Тахтаю (1890–1963). Однако ему удалось сохранить свой пост. Годы войны ученый провел в Севастополе, и его считают спасителем Херсонесского музея. А. К. Тахтаю был осужден в 1949 г. (Формозов, 2004. С. 237; Зубарь, 2009. С. 46–47, 63–64; Акимченков, 2015. С. 127), но это никак не было связано с событиями 1937 г.

Тяжелые удары были нанесены по М. А. Шангину и его супруге А. В. Вишняковой, которые, надо признать, весьма успешно занимались изучением истории и культуры Византии. При этом они, якобы, не просто рассказывали коллегам о Т. Моммзене или М. И. Ростовцеве, но и сомневались в правильности курса, которым вело страну большевистское руководство. В 1937 г. супруги переехали в Ленинград, где М. А. Шангин с 1938 г. работал в Институте истории АН СССР, умер он в эвакуации в Махачкале в 1942 г. (Горянов, 1947. С. 381–383; Зубарь, 2009. С. 36–37; Акимченков, 2015. С. 99–101, 107). А. В. Вишнякова, став доцентом Краснодарского педагогического института, продолжила византиноведческие штудии супруга (Горянов, 1949. С. 377, 378).

Об экскурсоводе Тетеревой или о взятом органами НКВД «враге народа» Безбородове пока ничего неизвестно. О коммунистке Шрайбман и зав. библиотекой М. Козловой, пытавшихся раскрыть глаза руководящих органов на порядки в музее, мы тоже ничего не знаем. Комсорг В. П. Лисин (1911–1942) после этих событий пошел на повышение и с 1938 г. стал заместителем директора Херсонесского музея по научной работе (Зубарь, 2009.

С. 48–49, 50; Акимченков, 2015. С. 107). Мне не хочется видеть в этом человеке хладнокровного и расчетливого карьериста. Не имея мемуарной литературы, мы никак не можем составить представление о его характере, но вполне можем допустить, что он с комсомольским задором пытался перестроить работу музея на новый и, как ему казалось, прогрессивный лад. Да и археологом В. П. Лисин, по всей видимости, был совсем неплохим, о чем свидетельствуют оставленные им немногочисленные публикации (Лисин, 1939а; 1939б).

Реакцией на выступления в крымской печати стало письмо Г. Д. Белова от 30 июня 1937 г. (о нем см.: Калашиник, 1980. С. 108–109; 2005. С. 110–113; Зубарь, 2009. С. 34–36, 37–41, 53, 64, 74–77 и др.), направленное в Институт истории древнего мира ГАИМК (НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1937 г. Д. 82. Л. 38). В процитированных статьях этот сотрудник Херсонесского музея ни разу не упоминается, но он, как заведующий Античным отделом и заместитель директора Музея по научной части, к сложившейся ситуации имел самое непосредственное отношение. В своем письме Г. Д. Белов писал:

«Обвинения статей, в большей своей части относящиеся к экспозиции музея, неправильны и извращают действительное положение <...>. Статьи содержат ложь и клевету на сотрудников музея, пятнают их имя и дискредитируют их работу.

Многие из сотрудников Вашего Института знают экспозицию музея и мою работу по руководству раскопками и по экспозиции.

Желая защитить себя от несправедливых обвинений и клеветы, обращаюсь к Вам с просьбой дать характеристику или отзыв о моей работе в Херсонесе и об экспозиции Античного отдела.

В Херсонесе я работаю 12 лет, работаю честно, люблю свое дело и отдаю ему все свои силы и время, — тем более обидно получить незаслуженные мною обвинения».

Нападками на Херсонесский музей на страницах крымской печати дело, однако,

тогда не ограничилось, и 1 июля 1937 г. в газете «Правда» была опубликована большая статья П. Павленко, которая была названа «Нераскрытые сокровища». Нет никакого сомнения, что автор этой статьи был прекрасно знаком с крымскими публикациями о Херсонесском музее

В начале своего сочинения П. Павленко заявил/а, что «во многих отношениях Херсонес интереснее Помпеи», раскопки здесь ведутся уже 110 лет, но сейчас он представляет «печальное зрелище» — городище загажено скотом, завалено осколками пивных бутылок и кучами консервных банок, «козы играют на дряхлых стенах базилик». Сторожа на городище нет. Навесов над ценными археологическими памятниками не существует.

Между тем на раскопки выделяется 20 тыс. руб. в год и еще 200 тыс. на содержание штата и академическую работу в музее. «Может быть, она-то хоть хороша?» — ставит вопрос П. Павленко и дает на него сугубо отрицательный ответ. За пять лет был издан только один путеводитель³, а экскурсоводы не имеют специального образования (трое из четырех — даже среднего!). Что вообще могут дать народу люди из Херсонесского музея, «один из которых бывший эсер, осужденный по делу Промпартии, другой исключен из партии за бытовое разложение, третий исключен из партии за расхищение социалистической собственности, четвертый исключен из комсомола, пятый ...». В музейной работе важно «сугубое внимание ко всякому камню нашей старины, ко всякому черепку нашей истории». Но рыба, как известно, гниет с головы, это «троцкистские мерзавцы, прокрававшиеся в руководящие круги Крыма, воспитывали и культивировали пренебрежение к крымской народной истории и в какой-то мере добились своего».

В заключение П. Павленко написал/а: «Крыму, — да и не только ему одному, потому что Херсонес дело всесоюзное, — нужен музей-агитатор, музей-справочник, музей —

³ Вероятно, имеется в виду книга Г. Д. Белова (Белов, 1936).

правдивый и увлекательный рассказчик о прошлом народов, некогда населявших эту землю». По мнению автора статьи, дело организации такого музея должна взять в свои руки Академия наук, а местные организации должны понять, «что история нашего прошлого, сохранившегося в памятниках, есть хозяйство, которым надо заниматься с энергией, с какой они строят промышленность, сельское хозяйство, новые школы и новые кинотеатры».

Критическая статья в главной газете Советского Союза, как мы понимаем, — дело в высшей степени серьезное. На нее соответствующим образом должно было отреагировать руководство музея, и, действительно, реакция последовала. Директор Д. И. Никитина-Орлова 7 августа 1937 г. направила докладную записку в Музейный отдел Наркомпроса РСФСР (копию — в ИИМК АН СССР). В ней она признала, что вопрос, поднятый в «Правде», «имеет большое и принципиальное значение и требует немедленного разрешения». С этими словами, конечно, трудно поспорить, в остальном же документ, как представляется, составлен либо безграмотно, либо в большой спешке, либо здесь сыграли свою роль оба фактора. Приведу его почти полностью лишь с незначительной правкой, оставляя неизменной авторскую орфографию (НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1937 г. Д. 82. Л. 35–36).

«Раскопки Херсонеса, начатые в 1927 г., на северном берегу Черного моря, не имели планомерного характера, а открытые при этих раскопках памятники не имели к себе должного внимания и заботы. Между тем берег моря, окружающий Херсонесское <городище>, систематически разрушают эти памятники. Это доказывается тем, что ежегодно море выбрасывает на берег много античных фрагментов, среди которых бывают и ценные в научном отношении вещи. Сверх того в осенне-зимний шторм <прибрежная часть> заливаается водой и разрушается.

Восточная часть, находящаяся над уровнем моря на протяжении 10-ти саженей, подмывается снизу, и обрушивающиеся скала

уносят и древние строения; так, например, в 1924 г. в море обрушился небольшой храм. Инициатива проф. Н. А. Орбели о производстве научного исследования морского берега древнего Херсонеса, принятая Главным Управлением ЭПРОН, кроме большого научно-исторического значения, является ценным для Херсонеса также с чисто практической стороны.

При упомянутых работах будет изучен берег и степень его разрушения; это даст материал для составления сметы по укреплению берега и тем самым по охране Херсонеса от дальнейшего разрушения.

Параллельно встает другой вопрос о самом городище и его памятнике. Раскопками Лепера 1900 г. была раскрыта восточная часть Херсонеса, которая в настоящее время представляет неприглядную картину. Дело в том, что Лепер открыл только византийские здания и лишь кое-где античные. Однако и на этом открытом участке раскопки не были доведены до конца, и поэтому теперь, строго говоря, городище в этом месте представляет кладбище камней. Поэтому для того, чтобы хотя <бы> отчасти Херсонес представлял собой „Русскую Помпею“, необходимо немедленно закончить раскопки в Восточной части, хотя бы пришлось, быть может, в крайнем случае пожертвовать византийскими остатками, с той целью, чтобы дойти до материка.

Для проведения этих работ необходимы не только материальные средства, но и научные силы, которыми музей не располагает. Короче говоря, без помощи АН проведение этой работы, т.е. реставрация памятников и окончательная раскопка Восточной части Херсонеса, не мыслимы.

Работа на суше будет служить дополнением к работе на море, чем можно добиться сохранения Херсонеса от разрушительных сил моря. И в то же время Херсонесское городище будет приведено в надлежащий порядок. Тогда каждый посетитель Херсонеса получит наглядное представление о жизни и быте античного мира на территории СССР.

Что касается устройства навеса над городищем, то это дело требует специального обсуждения АН СССР. О чем мною и будет

поставлен вопрос перед директором Института истории материальной культуры».

М. Ф. Левченко, исполнявший тогда обязанности председателя ГАИМК, и академик С. А. Жебелев в письме, направленном Д. И. Никитиной-Орловой, отмечали, что «Институт истории материальной культуры АН СССР находит целесообразность и необходимость в проектируемых в записке работ, имеющих целью предохранить Херсонес от дальнейшего разрушения, а также считает необходимым производство реставрационных раскопочных работ в восточной части Херсонеса» (Там же. Л. 45). В этом документе стоит обратить внимание на то, что М. Ф. Левченко фигурирует здесь как и. о. председателя ГАИМК, но такой организации, как следует из того же документа, уже не существовало, взамен ее был создан Институт истории материальной культуры, вошедший в структуру АН СССР. И этот факт по-своему оттеняет сложность ситуации лета 1937 г.

Для решения серьезных вопросов надо было обращаться в Академию наук, а не в Академию истории материальной культуры, но советские археологи не могли быстро перестроиться, для них ГАИМК все еще функционировала и была главным научным учреждением, отвечающим за изучение древностей в Советском Союзе. По этой причине обращение в Ленинград можно признать не случайным, хотя надежной защиты эта несуществующая академия, естественно, предоставить не могла. Неудивительно, что к письму было приложено пространное сочинение, направленное также в Крымский наркомпрос и Севастопольский горком ВКП(б), подписанное Г. Д. Беловым и А. К. Тахтаем (НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1937 г. Д. 82. Л. 39–41). Нет смысла приводить его полностью со всеми содержащимися там уверениями в верности марксистско-ленинскому учению, ответными обвинениями оппонентов, цитатами из трудов классиков и т. д. Обратим внимание лишь на те места этого документа, в которых говорится непосредственно о положении в Херсонесском музее (Там же. Л. 39–40).

Прежде всего авторам письма, разумеется, следовало защитить себя от обвинений в протаскивании «арийских установок». По этому поводу Г. Д. Белов и А. К. Тахтаи писали:

«Можно предположить, что здесь имеются в виду готы Крыма, по поводу которых велись беседы научных сотрудников музея о том с т. Малышевым (автор критического выступления на собрании парторганизации г. Севастополя. — Ю. В.). Тема „Готы в III–VI вв.“ экспонирована в Феодальном отделе музея: витрина с деформированными черепами и пряжками так наз. готского стиля. При этом готы трактуются не как чистый, но смешанный тип по своему этническому составу. Готы пришли в Крым неоднородными, с герулами, а здесь вскоре смешались с местным населением: со скифами, таврами, сарматами и др. Научные сотрудники музея не выдумали готов, советская марксистская наука их не отрицает».

После этого авторы писали:

«Нас крайне удивляет то обстоятельство, что т. Малышев неоднократно бывал в Херсонесе, знакомился с экспозицией музея, беседовал с нами, в частности и по готскому вопросу, но не сделал никаких замечаний в этом отношении. Это тем более странно, что т. Малышев является парткомом музейных работников и, казалось бы, должен был помочь нам своими советами и указаниями.

Следует добавить, что план экспозиции Феодального отдела в основных своих чертах, по поручению музея, был разработан в 1934 г. сотрудниками ГАИМК. В процессе дальнейшей работы по конкретизации плана он обсуждался и был утвержден на научном совещании, так что здесь не могло быть протаскивания тех или иных установок отдельных сотрудников.

В отношении второй публикации в „Маяке коммуны“ пришлось объяснить, что экспозиция музея совсем не затушевывает существование античной рабовладельческой демократии и роль революций в истории античного

общества. В конце экспозиции приведена цитата из речи тов. Сталина на Первом съезде колхозников-ударников: „Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся“...».

Далее уместно будет привести длинную цитату:

«Мы не хотим сказать, что наша экспозиция хороша или совершенна: в ней есть еще много пробелов и недостатков. Экспозиция обоих отделов еще далеко не закончена. Так, напр., новая экспозиция Феод. отд. была открыта к 1 мая, но в неоконченном виде, работа над ней продолжается все время, правда несколько медленными темпами. Объясняется это тем, что зав. отделом в феврале-марте и мае-июне все время работал на раскопках памятников, исследование которых, в связи со строительством, необходимо провести в срочном порядке. Большая работа ведется в Ант. отделе, его экспозиция уже разделена на несколько хронологических периодов, но задержка экспозиции римского периода и периода разложения античного общества произошла от того, что сотрудник, которому поручен этот раздел (т. Лисин), находится также на раскопках.

При перестройке экспозиции мы не закрываем музейных зал, вследствие чего незаконченная экспозиция принимается за оконченную и может дать повод к ложным ее оценкам. Мы считаем, что лучше не закрывать отдел, хотя бы и неоконченный, чем делать его совершенно недоступным для посетителей, как это принято в центральных музеях (в которых некоторые отделы бываю́т закрыты целыми годами).

Ни на чем не обоснованы утверждения т. Репина (автор второй из приведенных статей. — Ю. В.) о том, что сотрудники Вишнякова (она не работает в музее с 15 мая) и Тетерева „ведут неприкрытую религиозную агитацию“ (что они — с ума сошли!), —

никаких жалоб на них не поступало. Версия об антисоветской надписи весьма сомнительна. Те лица, которые якобы ее видели, говорят, что она была написана на плите на городище (а не в музее). Т. Репин и здесь видит „неслучайность“ (своеобразная мания), но за происхождение „заборной литературы“ мы несем ответственность не более, чем сам т. Репин.

Переходя от общей характеристики музея к отдельным лицам, т. Репин становится в позу грозного судьи, обвиняет работников музея в самых страшных преступлениях и приговаривает их к немедленному изгнанию из музея... К сведению т. Репина сообщаем, что т. Шангин через год после ссылки был возвращен, полностью восстановлен в своих правах и продолжает работать в Академии наук (в Херсонесе не работает с 15 мая). А. К. Тахтай находился под следствием, но был освобожден без привлечения к судебной ответственности, к контрреволюционной организации никогда не принадлежал.

Мы многие годы работаем в музее, отдавая свои силы и знания любимому делу, работаем и живем в Херсонесе в далеко незаманчивых условиях (оторванность от города, удаленность от центральных научных учреждений и библиотек и т. п.). Нашу работу знают лучше, чем т. Репин, и более авторитетные, чем он, лица и учреждения, которые могут дать о нас отзыв (ГАИМК, Эрмитаж, работники крымских музеев и мн. др.). Наш музей посещают видные научные работники, писатели, руководящие работники, массы экскурсантов, и подавляющее большинство их дают самые положительные, а часто и хвалебные отзывы о музее, о его работе и экспозиции. Совсем недавно посетили музей тт. Лаврентьев, Чагар, Дубровин и др. и выразили нам свое полное удовлетворение состоянием музея.

<...>

Советская общественность введена в заблуждение: работа музея, его экспозиция и сотрудники музея представлены в самом извращенном освещении, этим причинен музею огромный вред, запятнана репутация учреждения и его работников.

Мы настойчиво просим скорейшего рассмотрения этого дела и опубликования его результатов в местной и областной печати, а т. Репина привлечь к строжайшей партийной ответственности».

Через день после первого послания Г. Д. Белов и А. К. Тахтай направили в Ленинград еще одно письмо (Там же. Л. 41):

«В дополнение к нашему заявлению следует остановиться на научной работе музея, о которой т. Репин пишет, что „она очень скудна“. Научная работа за последний год проведена, по сравнению с прошлым годом, огромная. Прежде всего, начата и ведется работа над Историей Херсонеса: составлены план и конспекты по периодам, причем работа ведется коллективно, каждому из научных сотрудников поручен определенный раздел по специальности. Результаты этой работы уже налицо: многое из истории Херсонеса стало ясным и известным, благодаря чему можно ряд моментов отразить в экспозиции музея и в массовой работе.

О перестройке экспозиции обоих отделов нами сказано выше, здесь работа проделана большая, ведется она и сейчас. Исследовательские работы выполнены в течение года след.: Неизвестные надписи Херсонеса (Шангин), Граффити на чернолаковой посуде (Шангин), Свинцовые печати Херсонеса (Вишнякова), Проксении Херсонеса (Орлова), Экономика и быт позднефеодального Херсонеса (Белов), Отчет о раскопках Херсонеса 1936 г. (Белов), Памятники Гераклеяского п.о. (Янышев), Полувная керамика (Белов), Херсонес римского периода (Лисин), последние две работы не закончены.

Раскопки последних лет увенчались блестящим успехом: открытие монументальных мраморных рельефов, представляющих исключительную историко-художественную ценность, открытие базилики с роскошными мраморными капителями и реставрация ее на берегу моря — это замечательный архитектурный памятник, украшающий теперь раскопки Херсонеса. В 1936 г. открыт ранний

некрополь: погребения V–IV в. до н. эры, среди них особенно интересны скорченные погребения, дающие возможность решать вопрос о взаимоотношениях с местным населением. Найден ряд ценных предметов: драгоценные золотые с эмалью пластинки, костяные резные пластинки и орнамент погребального покрова, являющийся уникальным памятником, позолоченные хорошей работы иконки, терракоты и мн. др. — Мы имеем прекрасные отзывы о наших раскопках и о составленных нами отчетах о раскопках от самого авторитетного учреждения — от Гос. Академии истории материальной культуры. В этом году мы впервые в широких размерах проводим раскопки в окрестностях Херсонеса (за счет строительных организаций), — масштаб раскопок увеличивается в несколько раз.

В это лето проводится генеральная уборка старых раскопанных кварталов, там, где в течение десятков лет рос бурьян и копился мусор, сейчас чистота и порядок, раскопки приведены в культурный вид, городище преобразуется на наших глазах. На городище установлена постоянная охрана путем дежурства смотрителей.

В несколько раз возросла посещаемость музея, в 1935 г. было около 14000 посетителей, в 1936 г. их было свыше 35 000 человек. Приобретены два автобуса для перевозки экскурсий и посетителей. Все экскурсии обслуживаются силами работников музея.

Музей бурно растет, широко развертывается его научная и массовая работа. Советская общественность и печать должна была бы прийти на помощь Херсонесу, а вместо этого мы видим склоки, травлю, которые сначала долго происходили внутри коллектива и мешали его нормальной работе, а теперь медвежьими услугами работников газеты эти склоки вынесены на всеобщий позор. Вместо того, чтобы сохранить кадры основных работников музея, на них воздвигнута гонимая, а имя их опозорено и смешано с грязью... В такой удушливой обстановке работа становится невозможной. — Мы просим вмешаться в нашу судьбу и защитить нас от несправедливых обвинений и реабилитировать

нас перед научной и всей советской общественной ответственностью».

Можно понять реакцию херсонесских археологов, которые честно трудились, в чем нет никаких сомнений, но были обвинены чуть ли не в антигосударственной деятельности. Г. Д. Белов и А. К. Тахтай надеялись найти защиту в ГАИМКе, и это неудивительно, поскольку 1934–1936 гг. в истории академии были вполне плодотворными (Формозов, 1995. С. 59; 2004. С. 64). Авторитет этого учреждения был высок. Где же еще можно было найти понимание и поддержку, как не в нем? Эта поддержка крымским ученым, скорее всего, была бы оказана, только вот ГАИМК-то, как уже было сказано выше, в это время по существу был ликвидирован.

Ответом на крымские послания стало письмо от 26 июля, направленное из Ленинграда Г. Д. Белову (Там же. Л. 37):

«Академия истории материальной культуры им. Н. Я. Марра получила высланные Вами материалы и заявление в связи с газетными статьями, появившимися в последнее время о Херсонесе.

Отношение Академии к Вашей археологической и научной работе отражено в протоколах и стенограммах заседаний Института Истории Древнего Мира, где неоднократно заслушивались Ваши доклады о раскопках и планах реэкспозиции. Копии этих материалов или выписки у Вас имеются.

Академия ИМК, находясь в настоящее время в стадии реорганизации и передачи дел и имущества в Академию Наук, считает

нецелесообразным составление нового отзыва о Вашей археологической и экспозиционной деятельности, тем более, что ничего нового, сверх сказанного в указанных протоколах и стенограммах, Академия сейчас сказать не может».

В общем руководство ГАИМК, выразив моральную поддержку крымским коллегам, не смогло оказать им никакой реальной помощи. После репрессий, обрушившихся на эту организацию в 1936–1937 гг., а также в условиях ее ликвидации такая помощь вообще была вряд ли возможна.

Совсем неудивительно, что Д. И. Никитина-Орлова лишилась своего поста в июле 1937 г., пробыв на нем неполных два года. В. М. Зубарь по этому поводу справедливо заметил, что основная причина этого была связана с политической ситуацией в стране (Зубарь, 2009. С. 34). Есть основания считать, что она действительно пыталась спасти квалифицированных сотрудников музея — А. В. Вишнякову, М. А. Шангина и др., но В. П. Лисин и другие активисты придерживались другого мнения, и на этой почве возник нешуточный конфликт (Акимченков, 2015. С. 99, 103).

В заключение стоит сказать еще несколько слов об авторах посланий в Ленинград. Отрадно, что А. К. Тахтай после этого не потерял своего рабочего места и продолжал трудиться на благо науки вплоть до 1949 г. Что касается Г. Д. Белова, то он из этой ситуации вышел вполне благополучно. В 1938 г. он даже перебрался в Ленинград, поступил в Государственный Эрмитаж, где с успехом продолжал изучать херсонесские древности.

Акимченков, 2012 — Акимченков В. В. «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939). Киев; Симферополь: Антиква, 2012. 120 с.: ил. (Биобиблиография крымоведения. Вып. 17).

Акимченков, 2015 — Акимченков В. В. В борьбе за советский патриотизм. Севастопольское музейное объединение (1928–1940). М.; Севастополь: Антиква, 2015. 244 с.: ил. (Биобиблиография крымоведения. Вып. 24).

Белов, 1936 — Белов Г. Д. Музей и раскопки Херсонес. Путеводитель. [Симферополь]: Гос. издательство Крымской АССР, 1936. 96 с.: ил.

Горянов, 1947 — Горянов Б. Т. М. А. Шангин (некролог) // ВВ. 1947. Т. 1 (26). С. 381–383.

Горянов, 1949 — Горянов Б. Т. Византиноведение в СССР в 1945 и 1946 гг. // ВВ. 1949. Т. 2 (27). С. 376–380.

- Зубарь*, 2007 — *Зубарь В. М.* Из археологической летописи Херсонеса Таврического: К. Э. Гриневич // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 401–419.
- Зубарь*, 2009 — *Зубарь В. М.* Летопись археологических исследований Херсонеса — Херсона и его окружи (1914–2005). Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения, 2009. 496 с.: ил. (МАИЭТ. Suppl. Вып. 6).
- Калашник*, 1980 — *Калашник Ю. Г. Д. Белов (1898–1979)* // СГЭ. 1980. Вып. 45. С. 108.
- Калашник*, 2005 — *Калашник Ю. П. Г. Д. Белов (1898–1979)* // СГЭ. 2005. С. 110–116.
- Лисин*, 1939а — *Лисин В.* Краткий путеводитель по античному отделу и раскопкам Херсонеса. Севастополь: Гос. издательство Крымской АССР, 1939. 44 с.: ил.
- Лисин*, 1939б — *Лисин В. П.* Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г. // ВДИ. 1939. № 2. С. 135–140.
- Формозов*, 1995 — *Формозов А. А.* Русские археологи до и после революции. М.: ИА РАН, 1995. 144 с.
- Формозов*, 2004 — *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак, 2004. 320 с.

Человек, который сделал себя сам: о личности Василия Алексеевича Городцова¹

С. В. Кузьминых, И. В. Белозерова²

Аннотация. В статье рассматривается феномен личности В. А. Городцова через призму его социально-психологического портрета. Анализ личных дневников и в целом архивного наследия ученого в Отделе письменных источников Государственного исторического музея свидетельствуют о постоянной внутренней работе, связанной с его научными и мировоззренческими поисками. Авторы характеризуют сложный симбиоз характера Городцова, который, безусловно, сказался на результатах его научной, преподавательской и административной деятельности.

Annotation. This paper considers the phenomenon of the personality of V. A. Gorodtsov in the light of his socio-psychological portrait. Analysis of his private diaries and his archive heritage at the Department of Manuscript Sources of the State Historical Museum in general demonstrates the continuous inner work concerned with his scientific and world-view searches. The present authors characterize the complicated symbiosis inherent in Gorodtsov's character which had undoubtedly influenced the results of his scientific, teaching and administrative activities.

Ключевые слова: В. А. Городцов, личные дневники, ОПИ ГИМ, археологическая, музейная и преподавательская деятельность, московская археологическая школа.

Keywords: V. A. Gorodtsov; private diaries; archaeological, museum and teaching activities; Moscow archaeological school.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-313-318

Вышедший в конце 2015 г. двухтомник личных дневников В. А. Городцова (Городцов, 2015а; 2015б) и материалы его архива в ОПИ ГИМ (фонд 431) дают возможность по-новому взглянуть на личность ученого,

отойти от хрестоматийного образа, многократно растиражированного в литературе, проникнуть в творческую лабораторию исследователя. Они позволяют реконструировать социально-психологический портрет Василия Алексеевича, демонстрируют постоянную напряженную внутреннюю работу, связанную как с научными, так и с мировоззренческими поисками ученого. Жизненный и научный путь Городцова — яркий пример того, как черты характера ученого сказались не только на его личной судьбе, но и повлияли на развитие археологической науки в дореволюционной и советской России.

Изучение документов городцовского архива позволяет лучше понять, какие личные качества ученого позволили ему стать

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40115 (Древности) «Научные коммуникации в отечественной археологической науке во второй половине XIX — первой четверти XX в. (на основе неопубликованных архивных источников)».

² Кузьминых С. В. — Лаборатория «Естественнонаучные методы в археологии», Институт археологии РАН, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. 117036, Россия; Белозерова И. В. — Отдел письменных источников, Государственный исторический музей, Москва, Красная площадь, 1/2. 103012. Россия.

Василий Алексеевич Городцов
Vasilii Alekseyevich Gorodtsov

лидером московских археологов в 20–30-е гг. прошлого столетия. Лидеры и лидерство были, есть и будут в разных областях деятельности. Лидеры выделяются из общей массы особыми качествами — это ум, энергия, целеустремленность, постоянное стремление к знаниям. Сама жизнь Городцова — яркое свидетельство того, как можно воспитать в себе лидера. Выходец из низших слоев российского общества, не выделяясь среди сверстников особыми талантами, тем не менее, он встал в первый ряд ученых, заложивших фундамент русской археологии. Здание отечественной археологической науки, к счастью, не удалось разрушить в годы послереволюционных перемен: надежными оказались базовые блоки русской археологии, и вклад Городцова в это неоценим. Особую роль здесь сыграли личностные качества, развитые самостоятельно: беззаветная преданность выбранному в юности пути,

регулярное самосовершенствование, небывалое трудолюбие и неординарное мышление.

Вряд ли задатки лидера были у него врожденными. В многодетной семье сельского священника, в которой он родился, не было предпосылок к занятию наукой. Учеба в духовном училище и семинарии давалась ему нелегко. На склоне лет он писал об этом периоде: «Смолоду я не имел хорошей научной подготовки, и я никогда не думал, что судьба готовила мне такой исключительный путь. Если бы я знал это, как бы старался заранее изучать языки, изучить археологию во всем ее объеме». Подводя итоги пройденного пути, он отмечал: «Все следует делать в свое время. Счастлив тот человек, который в детстве получил хорошее образование и воспитание и в ранней юности прилежно трудился, следуя своему призванию. Я не принадлежу к таким счастливым: детство я провел в беспросветной тьме, где не могло быть и речи о воспитании и образовании. В ранней юности я ленился. Вступил в жизнь полным невеждой. На 20 году я осознал это и стал усердно учить сам себя без учителей. Много положил трудов, но восполнить потерянного и до сих пор не мог» (Городцов, 2015б. С. 135). При всем этом не следует забывать о социальном происхождении Городцова. Он принадлежал к той однородной группе интеллигенции, что вышла из среды священнослужителей. В современных историко-социологических исследованиях она получила условное название «поповичей» (Манчестер, 2015). Их характерными чертами являлись авторитарное мышление, стремление подчинять личные интересы общественным, моралистическая настроенность. Все они ярко отразились в характере Городцова.

Впервые его личностное начало «проявилось» к двадцати годам. Тогда он круто поменял уклад жизни, оставил семинарию и вопреки настойчивым уговорам родных поступил рядовым в гренадерский полк в Рязани. Именно в ранней юности в нем проснулось безудержное желание изменить судьбу, свернуть с проторенного многими поколениями его предков пути церковного служения.

Уже в те годы Городцов не захотел мириться с безрадостным кругом провинциальной жизни, с ее бедностью, невежеством и серостью. Учеба в Московском пехотном юнкерском училище, а в ходе военной службы обязанности командира саперной и охотничьих команд помогли развить выносливость, самодисциплину, работоспособность, привычку к порядку, умение работать с разными людьми. Все эти навыки пригодятся ему в дальнейшем в археологической, преподавательской и музейной деятельности.

Следующий личностный шаг был сделан в годы военной службы в Рязани: к Городцову пришло увлечение археологией. Пришло через обычную любознательность — найденные во время конных прогулок в окрестностях родных Дубровичей каменные стрелы напомнили игры с этими «громовыми молниями» деревенской ребятни (включая и его самого) на развееванных дюнах и те известные с детства легенды, что с ними были связаны. В итоге любопытство переросло в любительство, а уже оно заставило заниматься, накапливать знания. Увлечение археологией пришлось на то время, когда стали складываться черты его характера, ставшие отличительными признаками индивидуальности Городцова-исследователя: активность, целеустремленность, феноменальная работоспособность, постоянная жажда новых знаний, упорство в достижении цели. Уже в годы службы в Рязани он приучил себя много заниматься. На начальном этапе знаний не хватало, но Городцов с настойчивостью тянулся к познанию нового.

Главным его университетом, безусловно, стало самообразование, причем не только в области археологии. Именно самообразование — вкупе с военно-топографической подготовкой в пехотном училище и армии, организационными навыками и фундаментальным геологическим образованием — определили высокий профессиональный уровень уже первых исследований Городцова-археолога. Но его самообразование вряд ли бы было результативным без опоры и поддержки графини П. С. Уваровой. Председатель

Московского археологического общества (МАО) обратила внимание на одаренность и незаурядность провинциального исследователя, стала для него наставником и учителем, способствовала его профессиональному развитию, снабжала всей необходимой литературой, ввела в круг русских археологов того времени. Это лучше иных источников отражено в переписке Городцова с графиней Уваровой, которая продолжалась без малого 30 лет, до ее отъезда в 1917 г. на Северный Кавказ, а затем в эмиграцию (*Белозерова, Кузьминых*, 2015. С. 20–25; *Стрижова*, 2016).

Уже на заре научной деятельности Василий Алексеевич продемонстрировал председателю МАО свои лучшие качества исследователя: работоспособность, четкость в исполнении поставленных перед ним задач, перспективность своей дальнейшей научной работы. Он был одержим, выполняя те или иные поручения графини, и стремился добиться результата любой ценой. Примером тому сложнейшие раскопки курганных могильников в Изюмском (1901 г.) и Бахмутском уездах (1903 г.). В желании заниматься любимой археологией Городцова не останавливали ни недостаток знаний, ни материальное положение семьи (с пятью детьми и съемными квартирами на скромное жалованье военного).

Путь от любителя до профессионала — исследователя дюнных стоянок эпох неолита и бронзы в долине Оки — Городцов прошел достаточно быстро. Фактически его рождение как археолога-профессионала, признанного ведущими фигурами русской археологии того времени, состоялось на XI Археологическом съезде в Киеве, когда он представил на обсуждение доклад о доисторической керамике России (*Городцов*, 1901). Теоретико-методическое исследование Городцова, конечно, привлекло внимание коллег: это был один из первых в русской археологии опытов «универсальной классификационной системы для описания глиняных изделий» (*Лебедев*, 1992. С. 253). Киевский доклад положил начало целой серии работ, в которых детализировались принципы сравнительно-типологического метода.

Успех на съезде и резонанс в научных кругах «Русской доисторической керамики» были по достоинству оценены П. С. Уваровой, которая рекомендовала Городцова как археолога-практика организаторам XII и XIII Археологических съездов в Харькове и Екатеринославе. При раскопках курганных могильников в Изюмском и Бахмутском уездах в полной мере раскрылся его талант археолога-полевого. Методика полевых исследований Городцова больше напоминала работы натуралиста, чем гуманитария (Бочкарёв, 2001. С. 9). Кроме вещевых находок, его интересовали практически все детали погребальных памятников: форма и размеры курганов, состав насыпи, почвы, конструкция могильных ям, поза и ориентировка скелетов и т. д. Он тщательно и систематически документировал свои полевые наблюдения и, помимо словесного описания, фиксировал их в форме рисунков, чертежей, схем. Эти наблюдения, сведенные в таблицы, с учетом данных стратиграфии позволили предложить классификацию типов захоронений степной бронзы: в ямах, в катакомбах, в срубках, в насыпи и на горизонте. В дальнейшем на их основе Городцов выделил самостоятельные археологические культуры — ямную, катакомбную и срубную.

Публикация материалов раскопок в Изюмском и Бахмутском уездах и их анализ (Городцов, 1905; 1907) вывели ученого в первый ряд русских археологов и принесли ему европейскую известность. Но вести активную археологическую деятельность, оставаясь на военной службе, было непросто. Городцов совершает еще один судьбоносный поступок: он принимает приглашение графини Уваровой и становится хранителем отдела археологии Российского исторического музея (РИМ). Работа в музее (формирование и инвентаризация археологических фондов, совершенствование системы их хранения, резкспозиция выставочных залов) и начало преподавательской деятельности в 1907 г. в Московском археологическом институте (МАИ) способствовали быстрому прогрессу в его занятиях археоло-

гической наукой. Необходимость подготовки к лекциям, проработка специальной литературы и анализ богатейших археологических материалов РИМ послужили мощным стимулом к разработке общей концепции развития археологии в России. Она нашла отражение в опубликованном учебном курсе — лекциях по первобытной и бытовой археологии (Городцов, 1908; 1910). По мнению современников, «В. А. Городцов создал монументальный труд, охватывавший все аспекты археологической науки того времени <...>» (Смирнов, 2015. С. 320); в историографии подчеркивается систематизирующее значение этого труда для русской археологии (Клейн, 2011. С. 652), его считают первым изложением развернутой археологической версии мирового культурно-исторического процесса в русской археологии (Лебедев, 1992. С. 254).

Начало преподавания в МАИ стало для Городцова важным личностным поступком — и в этом проявилась твердость его характера. Не имея возможности учиться, а тем более преподавать в Московском университете, он все же надеялся реализовать себя на педагогическом поприще. Городцов принял приглашение директора МАИ А. И. Успенского, вопреки негативному отношению к институту и его директору со стороны П. С. Уваровой, Д. Я. Самоквасова и других видных русских археологов и историков. К чести графини она не изменила своего уважительного отношения к Василию Алексеевичу, а тот старался не касаться в общении тем, связанных с МАИ и Успенским. Но когда в 1915 г. с последним произошел конфликт на почве стратегии дальнейшего развития института, Городцов без промедления ушел из МАИ, продолжив преподавать те же курсы в Народном университете им. А. Л. Шанявского (Стрижова, 1988. С. 31).

Бескомпромиссный в тактических решениях (вспомним и об истории его разрыва с Историческим музеем в 1929 г.: Белозерова, Кузьминых, 2015. С. 55–57), Городцов не мог не пойти на компромисс с советской властью. Будучи противником монархии, он

с надеждой на возрождение России воспринял Февральскую революцию. Но развал страны, хаос и разруха «эпохи перемен» развеяли эти надежды, и выбор для него, как и для многих тысяч русских интеллигентов после Октябрьского переворота, был один — необходимо идти на службу в органы новой власти, чтобы спасти и сохранить наследие русской культуры, донести до следующих поколений традиции отечественной науки. Эта принципиальная позиция привела ученого в 1918 г. в Музейный отдел Наркомпроса РСФСР фактически на должность «государственного археолога» России. В том же году он стал профессором Московского университета. На первых ролях Городцов оказался также в Историческом музее, РАНИОН и других учреждениях.

В 1920-е гг. наблюдался расцвет его деятельности и влияния, ученый довольно успешно ладил с новой властью. Конфликтные ситуации возникали и разрешались, прежде всего, в профессиональной среде. Наиболее острая из них была связана с организацией археологической службы в стране, выдачей Открытых листов и контролем над их использованием. В противоборстве с ГАИМК по этим вопросам на первый план для Городцова вышли не интересы дела, необходимость сохранения единой системы выдачи и контроля за Открытыми листами (она досталась в наследство от Археологической комиссии и дошла с некоторыми изменениями до наших дней), а личные амбиции, давнее соперничество Московского археологического общества и Императорской археологической комиссии. Бескомпромиссная, твердолобая позиция Городцова не получила поддержки коллег не только при решении данных вопросов, но и при выработке генерального плана археологических работ в СССР, создания единого музейного археологического фонда страны, передачи в него коллекций из региональных музеев и др. Неслучайно в 1926 г. он ушел в отставку с поста руководителя археологического подотдела Главнауки

РСФСР, сосредоточившись на работе в ГИМ, 1-м МГУ и РАНИОН, где оставался на руководящих должностях до «года великого перелома».

Важнейшей заслугой Городцова на педагогическом поприще в 1920-е гг. является «звездная» когорта учеников, окончивших под его началом археологическое отделение 1-м МГУ и аспирантуру Института археологии и искусствознания РАНИОН, — С. В. Киселев, А. В. Арциховский, А. Я. Брюсов, Д. А. Крайнов, М. Е. Фосс, П. А. Дмитриев, А. П. Смирнов, Л. А. Евтюхова, В. П. Левашева, О. А. Кривцова-Гракова, Б. А. Рыбаков, Е. И. Крупнов и др. В выборе археологического пути учеников в немалой степени «повинно» и обаяние личности их профессора. Н. И. Платонова справедливо заметила, что ученики Городцова, «которых он научил систематике, составили именно ту научную силу, которая сформировала новую, „советскую“ археологию в СССР» (Платонова, 2010. С. 214). Именно благодаря им отечественная археология не свернула в 1930-е гг. на рельсы «нового учения о языке», сохранила преемственность с традициями дореволюционной русской археологии и во многом преумножила их в последующие десятилетия.

В личности и поступках В. А. Городцова есть немало поучительного для молодого поколения археологов и историков. Он многого бы не достиг в жизни, если бы не его неутомимая энергия, потрясающая, феноменальная работоспособность, собранность, самодисциплина. Эти черты характера ученый сохранил до конца жизни, до своих последних лекций о каменном веке студентам МГУ военной поры в своей застуженной квартире в центре Москвы. Важно также подчеркнуть, что ни революции, ни войны, ни другие события не изменили коренного отношения Городцова к родному Отечеству — всю жизнь он был патриотом своей отчизны, о чем красноречиво говорят его дневниковые записи в годы Первой мировой и Великой Отечественной войн.

- Белозерова, Кузьминых*, 2015 — *Белозерова И. В., Кузьминых С. В.* Жизненный и научный путь В. А. Городцова (по архивным документам и воспоминаниям) // В. А. Городцов. Дневники (1928–1944): В 2 кн. Кн. 1: 1928–1935 / И. В. Белозерова, С. В. Кузьминых (сост.), П. Г. Гайдуков, А. Д. Яновский (ред.). М.: ИД Триумф принт, 2015. С. 14–85.
- Бочкарёв*, 2001 — *Бочкарёв В. С.* Периодизация В. А. Городцова в контексте хронологических исследований европейского бронзового века // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация / Ю. И. Колев и др. (ред.). Самара: ООО «НТЦ», 2001. С. 8–10.
- Городцов*, 1901 — *Городцов В. А.* Русская доисторическая керамика // Тр. XI Археологического съезда в Киеве, 1899 г. М., 1901. Т. I. С. 577–672.
- Городцов*, 1905 — *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском у. Харьковской губ., 1901 г. // Тр. XII Археологического съезда в Харькове, 1902 г. М., 1905. Т. I. С. 174–225.
- Городцов*, 1907 — *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском у. Екатеринославской губ., 1903 г. // Тр. XIII Археологического съезда в Екатеринославе, 1903 г. М., 1907. Т. I. С. 210–285.
- Городцов*, 1908 — *Городцов В. А.* Первобытная археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Печ. А. И. Снегиревой, 1908. 416 с.
- Городцов*, 1910 — *Городцов В. А.* Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Печ. А. И. Снегиревой, 1910. 474 с.
- Городцов*, 2015а — *Городцов В. А.* Дневники (1928–1944): В 2 кн. Кн. 1: 1928–1935. М.: ИД Триумф принт, 2015. 687 с.
- Городцов*, 2015б — *Городцов В. А.* Дневники (1928–1944): В 2 кн. Кн. 2: 1936–1944. М.: ИД Триумф принт, 2015. 695 с.
- Клейн*, 2011 — *Клейн Л. С.* История археологической мысли: В 2 т. СПб.: СПбГУ, 2011. Т. 1. 688 с.
- Лебедев*, 1992 — *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 464 с.
- Манчестер*, 2015 — *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с. (Historia Rossica).
- Платонова*, 2010 — *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.
- Смирнов*, 2015 — *Смирнов А. С.* В. А. Городцов как представитель московской археологической школы дореволюционного времени // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 318–328.
- Стрижова*, 1988 — *Стрижова Н. Б.* Педагогическая деятельность В. А. Городцова // Наследие В. А. Городцова и проблемы современной археологии / Отв. ред. С. В. Студзицкая. М.: ГИМ, 1988. С. 27–32 (Тр. ГИМ. Вып. 68).
- Стрижова*, 2016 — *Стрижова Н. Б.* Диалог археологов: Из переписки П. С. Уваровой и В. А. Городцова (по материалам ОПИ ГИМ) // КСИА. 2016. Вып. 242. С. 245–252.

Роль ленинградской архитектурно-археологической школы в изучении белорусского зодчества XI–XIV вв.

А. Н. Кушнеревич¹

Аннотация. В статье характеризуется вклад представителей ленинградской архитектурно-археологической школы в исследование белорусского зодчества Беларуси XI–XIV вв. Результаты их исследований подготовили основу для дальнейшего искусствоведческого анализа всего круга памятников монументального зодчества Беларуси XI–XIV вв. и определения их места не только в восточнославянском, но и общеевропейском контексте.

Annotation. This paper characterizes the contribution of representatives of the Leningrad architectural and archaeological school in studies of the architecture of Belarus of the 11th–14th century. The results of their researches had prepared the basis for the further art analysis of the entire circle of monuments of the architecture of Belarus of the 11th–14th century and establishing their place not only within the East Slavic context but also within the Common European one.

Ключевые слова: архитектурная археология Беларуси, вклад ленинградских исследователей.

Keywords: architectural archaeology of Belarus, contribution of Leningrad researchers.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-319-327

Статья посвящается светлой памяти М. В. Малевской-Малевиц

1

Изучение средневекового архитектурного наследия, являющегося по своему содержанию в основном сакральным, имеет многоаспектный характер. Можно выделить несколько основных направлений исследований, которые при одном и том же объекте изучения ставят разные цели: архитектурная археология, история архитектуры и религиоведение. Поэтому при системном искусствоведческом анализе памятников культового зодчества необходимо учитывать все эти составляющие.

Поскольку на сегодняшний день большинство памятников сакральной архитектуры

Беларуси рассматриваемого времени сохранилось на уровне фундаментов, то основная роль в их изучении принадлежит архитектурной археологии, сферу которой образует синтез истории, археологии и искусствоведения.

Хронологические же рамки архитектурно-археологического исследования первоначального периода развития монументального зодчества Беларуси, получившего в искусствоведении определение древнерусского, ограничены серединой XI — первой половиной XIII в., временем от возведения первого на белорусских землях каменного православного храма и до вхождения этих земель в состав средневекового балто-славянского государства — Великого Княжества Литовского. Таким образом, понятие «древнерусский

¹ Кафедра истории, мировой культуры и туризма, Минский государственный лингвистический университет. Ул. Захарова, 21, г. Минск, 220034, Беларусь. E-mail: alexnik@tut.by.

период» в хронологическом плане принципиально отличается в белорусском и русском искусствоведении. В последнем период, называемый древнерусским, охватывает более значительный промежуток времени — по XVII в. включительно (Некрасов, 1936), что обусловлено радикальными изменениями социально-культурной жизни России в результате реформ Петра I. Поэтому археологам и историкам архитектуры следует иметь в виду это научно-терминологическое своеобразие, исторически сложившееся в искусствоведческой науке (Габрусь, 2005. С. 107).

В отношении истории белорусского зодчества раннего этапа его развития некорректным с научной точки зрения является также употребление термина «домонгольский период» (Булкин, 2012. С. 15) по той причине, что такого периода, как татаро-монгольское иго, не было в истории Беларуси.

Активное изучение монументального зодчества Беларуси XI–XIV вв. приходится на 60-е гг. XX в., когда в советской археологии наступил новый период архитектурно-археологических исследований, которому было присуще более глубокое осознание сложности этих работ, повышенное внимание к методике раскопок, многосторонний сбор информации о памятниках, а также проведение раскопок на территории отдельных областей и городов (Беляев, 1987. С. 10–11).

Небольшое количество известных храмов полоцкой архитектуры и слабая их изученность (Софийский собор, Спасская церковь Евфросиньевского монастыря, Большой собор Бельчицкого монастыря, Борисоглебская и Пятницкая церкви в Полоцке, Благовещенская церковь в Витебске) обусловили организацию специальной археологической экспедиции для изучения древних памятников зодчества Полоцка и Полоцкой земли. Прежде всего такую задачу поставил перед собой М. К. Каргер, который параллельно с раскопками в Смоленске начинает систематические исследования в Полоцке и других городах Беларуси. Так, в 1960 г. его экспедицией был дополнительно изучен Большой собор Бельчицкого монастыря, а в 1961–1964 гг.

полностью раскопан храм-усыпальница полоцких епископов Спасо-Евфросиньевского монастыря (Каргер, 1977а. С. 241, 247; Раппопорт, 1982. С. 143). Важные результаты были получены и при изучении в 1961–1962 гг. и 1965 г. Борисоглебской церкви в Новогрудке, которая, как выяснилось, была возведена в начале XVI в. на месте храма XII в. На основе этих раскопок были сделаны выводы о взаимосвязи строительных артелей Полоцка и Витебска, мастера которых принимали участие в сооружении данного памятника. По мнению М. К. Каргера, основной объем здания возвели зодчие — представители провинциальной византийской архитектурной школы после строительства храма в Витебске, а галереи пристроили полоцкие зодчие (Каргер, 1977б. С. 82–94). Благодаря исследователю более интенсивно стали накапливаться сведения о древнерусском зодчестве и других городов Беларуси. Так, в 1962–1963 гг. им был раскопан шестистолпный крестово-купольный храм середины — второй половины XII в. в Турове (Каргер, 1965. С. 133–138), местонахождение которого обнаружили в 1961 г. М. Д. Полубояринова и П. А. Раппопорт (Полубояринова, 1963. С. 47). Памятник оказался близким по архитектурно-строительным особенностям к киево-черниговской художественной традиции (Раппопорт, 1982. С. 105). М. К. Каргер провел и дополнительные раскопки церкви на замчище в Волковыске, способствовавшие уточнению предложенной П. А. Раппопортом реконструкции ее планировочной структуры (Каргер, 1968. С. 424–428). Прослеженные же в 1967–1968 гг. исследователем остатки храма на детинце в Полоцке позволили реконструировать его план и проследить связь полоцкой и смоленской архитектуры. Выяснилось, что это был значительных размеров крестово-купольный храм с тремя притворами, ставший прототипом церкви Михаила Архангела последней четверти XII в. в Смоленске (Каргер, 1972. С. 203).

В процессе раскопок Софийского собора в Полоцке в 1967 г. исследователем были расчищены останки фундаментов и стен с фресковыми росписями (Каргер, 1968. С. 25–28).

В этом же году М. К. Каргер выявил фрагменты строительных материалов на крае оборонительного рва полоцкого детинца (*Там же*. С. 29), которые помогли в 1976–1977 гг. П. А. Раппопорту обнаружить в этом месте остатки храма (*Раппопорт*, 1982. С. 95). Небольшие, но плодотворные архитектурно-археологические исследования Благовещенской церкви в Витебске были проведены М. К. Каргером в 1968 г. в связи с необходимостью консервации храма после разрушения местными властями в 1961 г. В результате этих раскопок появилась возможность реконструировать многие ранее неизвестные архитектурные особенности памятника (*Каргер*, 1978. С. 71–76).

Следует отметить, что А. Н. Кирпичников в 1960-е гг. также принимал активное участие в исследовании памятников зодчества XII в. Полоцка и Новогрудки в составе архитектурно-археологической экспедиции М. К. Каргера, а затем много сделал для подготовки белорусских археологов (*Ткачоў*, 1997. С. 326).

Дальнейшее более масштабное изучение культового зодчества Беларуси XI–XII вв. продолжила в середине 70-х — 80-х гг. XX в. следующая ленинградская археологическая экспедиция под руководством П. А. Раппопорта. В нее в разные годы входили Вал. А. Булкин, О. М. Иоаннисян, С. Ю. Аверьянов, А. Я. Аверьянова, Л. Н. Большаков и др. (*Беляев*, 1987. С. 14). В совместных археологических исследованиях в Полоцке, Витебске, Гродно принимали участие и белорусские коллеги: О. А. Трусов, Т. С. Бубенько, М. А. Ткачев и др. Однако еще задолго до этого времени внимание исследователя привлекли останки храма в Волковыске, раскопанные в 1958 г. Г. И. Пехом (*Пех*, 1963. С. 231–233). Это позволило П. А. Раппопорту в 1959 г. изучить фундаменты церкви, причисленной им к гродненской архитектурной школе (*Раппопорт*, 1963. С. 239–240).

В 1976 г. он развернул широкие археологические раскопки в Полоцке, где удалось найти остатки фундамента церкви на Нижнем замке (*Раппопорт*, 1980. С. 157). Ввиду того что не сохранилась алтарная часть, он предложил

два варианта графической реконструкции ее планировочной структуры (*Там же*. Рис. 1–2). Первый вариант его композиционной схемы напоминает план храма усыпальницы Евфросиньевского монастыря, у которого северные и восточные галереи заканчивались с востока апсидами. Второй вариант предусматривает наличие в восточных членениях галереи поперечной стенки. П. А. Раппопорт считал, что это княжеская усыпальница первой половины XII в. (*Там же*. С. 152).

В 1977 г. он полностью раскопал церковь на краю оборонительного рва детинца (*Раппопорт*, 1982. С. 95). Одновременно с этим памятником было проведено изучение остатков княжеского терема второй половины XII в., обнаруженного в 1972 г. во время земляных работ на Верхнем замке недалеко от Полоты (*Там же*. С. 94). В 1977 г. П. А. Раппопорт вместе с Г. М. Штендером детально изучил Спасскую церковь Евфросиньевского монастыря. Выяснилось, что древний храм сохранился почти полностью, хотя верхняя часть сильно перестроена. Они также провели дополнительные обмеры верхних частей постройки, позволившие приблизиться к более точному определению аутентичных архитектурных форм Спасской церкви (*Раппопорт, Штендер*, 1980. С. 463–465). В результате на основании этих детальных архитектурно-археологических исследований ими была выполнена наиболее основательная на то время графическая реконструкция памятника, широко использовавшаяся до последнего времени исследователями древнерусского зодчества (*Там же*. Рис. 3).

В 1977 г. исследователем были проведены раскопки западной части Большого собора Бельчицкого монастыря. В результате этих работ был получен достаточно информативный материал об архитектурном решении памятника (*Раппопорт*, 1980. С. 154).

В 1982 г. П. А. Раппопорт провел вместе с белорусскими археологами О. А. Трусовым и Т. С. Бубенько дополнительное после Г. В. Штыхова (*Штыхов*, 1963, С. 62–63) и М. К. Каргера (*Каргер*, 1978. С. 73–76) изучение Благовещенской церкви в Витебске.

На основе анализа архитектурных форм и строительной техники он датировал памятник первой половиной — серединой XII в. Нехарактерную для восточнославянского зодчества XII в. строительную технику из блоков известняка и плинфы П. А. Раппопорт объяснил тем, что церковь была построена не местными, а византийскими зодчими (*Раппопорт*, 1986. С. 157–158; 1987. С. 522–524).

На основе глубокого анализа исторических фактов, архитектурно-строительных особенностей исследователь стремился объективно изучить специфические черты белорусских памятников в контексте древнерусского зодчества. Об этом свидетельствуют публикации, посвященные полоцкому зодчеству XII в., в которых на основе результатов собственных раскопок, исторических и архитектурно-археологических исследований конца XIX — первой половины/середины XX в. российских и белорусских археологов дана наиболее точная на то время атрибуция памятников, дополненная основательными выводами по истории храмового строительства древнего Полоцка (*Раппопорт*, 1980а. С. 142–155; 1993. С. 87–110). Он уточнил также представления о гродненской археологической школе, ее происхождении, времени существования, художественных особенностях и значении в истории древнерусского зодчества (*Раппопорт*, 1987. С. 67–72; *Раппопорт*, 1988. С. 108–112). В этом ему помогли результаты выполненных им скрупулезных исследований Нижней церкви (совместно с Н. Н. Ворониным) в 1949 г., княжеского терема гродненского детинца, волковыского храма в 1959 г., Коложской церкви в 1981, 1985 гг. (*Трусаў і др.*, 1993. С. 96).

В 1985 г. П. А. Раппопорт изучил совместно с ленинградским коллегой Л. Н. Большаковым и белорусскими археологами О. А. Трусовым и М. А. Ткачёвым остатки кирпичной стены на мысу гродненского детинца. Исследователи установили время ее возведения — конец XII в., технику кладки, а также протяженность и ширину уцелевшей части. По их мнению, она могла выполнять

не только оборонительные, но и эстетические функции (*Большаков и др.*, 1988. С. 461–467). П. А. Раппопорт изучал также памятники фортификации Турово-Пинской, Черной Руси и Полоцкой земли в рамках фундаментального исследования «Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв.» (*Раппопорт*, 1967. С. 161–202). Отдельная работа была посвящена оборонительным башням волынского типа, среди которых было определено место и аналогичным белорусским памятникам, в частности, Каменецкой башни второй половины XIII в. (*Раппопорт*, 1952. С. 205–220).

В послевоенный период до распада СССР изучением архитектурных памятников Беларуси XI–XIV вв. активно занимались многие известные археологи Москвы и Ленинграда: Н. Н. Воронин, Л. В. Алексеев, Вал. А. Булкин, М. К. Каргер, Ф. Д. Гуревич, М. В. Малевская; иногда к этим исследованиям подключались их белорусские коллеги: Г. В. Штыхов, Э. М. Загорульский, Я. Г. Зверуга, О. А. Трусов, И. М. Чернявский; историки архитектуры А. И. Некрасов, Ю. А. Егоров, П. Н. Максимов, Г. М. Штендер и др. Особая роль в этой работе как координатора в масштабах восточнославянского региона принадлежала П. А. Раппопорту, издавшему затем фундаментальный труд «Свод археологических источников: русская архитектура X–XIII вв.». В этой работе им обобщены результаты многолетних историко-археологических исследований по всем известным памятникам восточнославянского зодчества данного периода, представлены реконструкции ряда разрушенных или существенно перестроенных храмов. Поэтому неслучайно, что именно ленинградский археолог и историк архитектуры П. А. Раппопорт являлся автором раздела «Градостроительство и архитектура западнорусских земель IX–XIII вв.» в 1-м томе многотомного издания «История белорусского искусства» (на бел. яз.). Выполненный им архитектурный анализ памятников в этом издании представлен наиболее основательно (*Раппопорт*, 1987. С. 48–74).

Историю развития архитектуры и материальной культуры Новогрудского замка помогли во многом восстановить исследования Ф. Д. Гуревич. Она выявила в его южной части и детально изучила в 1974 г. остатки производственной постройки XV в. (*Гуревич и др.*, 1975. С. 384).

Значительный вклад в историко-археологическое исследование белорусского зодчества внес и Вал. А. Булкин. В 1975–1980 гг. он провел скрупулезные раскопки Софийского собора XI в. в Полоцке в связи с началом его реставрации. Их результаты позволили прояснить многие спорные моменты в объемно-пространственной структуре памятника, трактовавшиеся прежде как его особенности. В частности, был окончательно решен вопрос о форме и датировке западных апсид, построенных, как оказалось, в XVII в. (*Булкин*, 1983. С. 47–52). На основе анализа разнообразных факторов Вал. А. Булкин впервые высказал достаточно аргументированную гипотезу о том, что в XI в. Полоцкая София по характеру и особенностям архитектурных деталей была не единственным монументальным зданием, ибо в это время были построены, по мнению исследователя, Большой собор Бельчицкого монастыря, храм-усыпальница в Евфросиньевском монастыре и храм в Детинце (*Булкин*, 2006. С. 99–100). Это позволило Вал. А. Булкину склониться к мысли «о раннем обособлении полоцкой школы зодчества, интенсивной динамике ее развития во второй половине XI — начале XII в. и глубокой оригинальности отдельных архитектурных решений» (*Там же*. С. 100). Результаты исследований Вал. А. Булкина свидетельствуют о том, что начало христианского храмового строительства на белорусских землях представляет собой уникальное явление в контексте развития восточнославянского зодчества.

В свою очередь М. В. Малевская существенно пополнила знания об архитектуре Беларуси не только XII в., но и XIV в. Она участвовала в экспедициях М. К. Каргера по изучению полоцкого зодчества XI–XII вв., а в 1949 г. — в раскопках на территории Старого замка в Гродно под руководством Н. Н. Воронина.

На материале этих исследований она выполнила реконструкцию пола гродненской Нижней церкви XII в. (*Малевская*, 1966. Рис. 2). В период работы экспедиции Ф. Д. Гуревич на территории Новогрудского замка М. В. Малевская изучила фундаменты средневекового храма с многочисленными строительными напластованиями (*Малевская*, 1973. С. 46–49). На основе формата кирпича, строительной техники, стратиграфии датировала памятник первой половиной XIV в. (*Малевская*, 1983. С. 122–124), при этом отметила его связь с древнерусским зодчеством, а также романо-готической архитектурой Польши и Литвы (*Малевская*, 1980. С. 96–98).

Исследовательница внесла большой вклад и в изучение гражданского зодчества Беларуси XIV в. Так, в 1977 г. она открыла почти квадратную в плане (9,5 × 10 м) одностолпную двухэтажную кирпичную постройку середины — второй половины XIV в. Новогрудского замка. М. В. Малевская на основе уточнения характера кладки в вендской технике смогла датировать башню Щитовки Новогрудского замка не концом, а первой половиной XIV в., то есть она была сооружена одновременно с замковой церковью (*Малевская*, 1983. С. 125). Исследования М. В. Малевской позволили дать наиболее полную характеристику Новогрудскому замку как династическому архитектурному комплексу, а также значительно сократить пробелы в знаниях о переходном периоде от древнерусского к белорусскому зодчеству.

В работах О. М. Иоаннисяна рассматривается вопрос о влиянии романского Запада на древнерусское зодчество. В частности, им установлено, что техника кладки минского храма была присуща для романской архитектуры XI–XII вв. Великопольши. Это позволило ему утверждать, что недостроенный храм начал возводиться в последней четверти XI в. в Минске какой-то группой великопольских мастеров. Этот памятник, представляет собой, по его мнению, наиболее ранний пример связей древнерусского зодчества с романской архитектурой Польши (*Иоаннисян*, 1987. С. 115; 2002. С. 206). Ее влияние исследователь

проследил и в отдельных памятниках гродненской архитектурной школы, в частности, в прямоугольной форме апсид Пречистенской церкви. Он установил, что такой прием решения алтарной части в древнерусском зодчестве неизвестен, однако незадолго до его появления во второй половине XII в. в Гродно аналогичная форма апсиды получила распространение в храмовом строительстве ордена норбертанцев в Польше (*Там же*. С. 115). Романское влияние исследователь выявил и в отдельных памятниках культового зодчества XII в. Полоцкой земли. Оно проявилось, по его мнению, в имитации квадратной рустовки фасадов Благовещенской церкви в Витебске (*Там же*. С. 115).

Руководителем современного этапа изучения белорусского зодчества древнерусского периода является Е. Н. Торшин, который вместе с О. М. Иоаннисяном и коллегами из Беларуси провел в последнее время исследование Спасской церкви XII в. в Полоцке в связи с ее реставрацией. Результаты раскопок дали новую ценную информацию для архитектурно-искусствоведческого анализа памятника. В частности, исследователями были выявлены остатки галерей, примыкавших к фасадам храма (*Торшин и др.*, 2016. С. 5–16). В результате храм предстал не как высокая вытянутая вверх башнеобразная постройка, а как сооружение пирамидально-ярусной объемно-пространственной композиции, свидетельствующей о новаторской модификации раннехристианских византийских канонов и технологических методов в местном храмовом строительстве. Начало же этим преобразованиям по созданию русско-византийского варианта крестово-купольного храма с динамичным завершением объемно-пространственной композиции, по нашему мнению, положил Софийский собор в Полоцке, часто тенденциозно трактуемый упрощенным вариантом новгородской Софии (*Габрусь*, 2005. С. 154). Во многом вышеназванными новаторскими тенденциями можно объяснить введение в архитектуру полоцкого храма дополнительной пары столбов на восток от подкупольного квадрата, что позволяет

поддержать реконструкцию памятника с пониженным нартексом (с куполами по углам) по отношению к основному объему, выполненную белорусским архитектором-реставратором Г. А. Лаврецким (*Лаврецкий*, 1995. Рис. 1).

Таким образом, на основе результатов исторических поисков, данных натурных исследований представители ленинградской архитектурно-археологической школы провели основную на сегодняшний день научную атрибуцию памятников белорусского зодчества XI–XIV вв. В ряде случаев ими выполнены их архитектурно-художественные графические реконструкции. Все это позволило в значительной степени заполнить лакуны в знаниях об архитектурно-художественных процессах в белорусском зодчестве рассматриваемого периода. Они также провели большую работу по систематизации и обобщению сведений о храмовом строительстве Беларуси XI–XIV вв., разработали научно-обоснованные историко-архитектурные концепции формирования и развития полоцкой и гродненской школ зодчества XII в. в контексте остальных восточнославянских региональных художественных центров этого времени. Результаты максимально полно исследованных ими в натуре археологических остатков памятников зодчества Беларуси XI–XIV вв. подготовили основу для их более глубокого искусствоведческого анализа, обобщения, систематизации и научной корректировки с точки зрения истории архитектуры, определения их места не только в восточнославянском, но и общеевропейском контексте, что позволит более объективно раскрыть первоначальный этап становления белорусского монументального зодчества в целом. Поэтому целью современного белорусского искусствоведения является определение точной архитектурной типологии построек, генезис форм и конструкций, своеобразие творческих методов и художественных приемов, выявление характера взаимодействия функционального, конструктивного и эстетического начал в произведениях монументального зодчества, восстановленных хотя бы виртуально.

- Беляев, 1987 — Беляев Л. А. Архитектурная археология домонгольской Руси за последние двадцать лет // КСИА. 1987. Вып. 139: Славяно-русская археология. С. 10–18.
- Большаков и др., 1988 — Большаков Л. Н., Раппопорт П. А., Трусов О. А., Ткачёв М. А. Памятник древнерусского зодчества в гродненском детинце // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1987. М.: Наука, 1988. С. 461–467.
- Булкин, 1983 — Булкин Вал. А. Проблемы изучения Полоцкого Софийского собора // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева (1–3 декабря 1981 г.). Минск: Наука и техника, 1983. С. 47–52.
- Булкин, 1988 — Булкин Вал. А. Софийский собор в Полоцке (к вопросу о западных апсидах) // Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII вв. / Отв. ред.: А. И. Комеч, О. И. Подобедова. М.: Наука, 1988. С. 59–63.
- Булкин, 2000 — Булкин Вал. А. Полоцкий Софийский собор XI в. // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2000. № 15. С. 132–138.
- Булкин, 2006 — Булкин Вал. А. Софийский собор и полоцкое зодчество домонгольского периода // ЕОФІА: Сб. ст. по искусству Византии и Древней Руси в честь А. И. Комеча. М.: Северный паломник, 2006. С. 89–100.
- Булкин, 2012 — Булкин Вал. А. Софийский собор в Полоцке и полоцкое зодчество домонгольского периода // Булкин Вал. А. О древнерусской архитектуре. Избранные труды / Сост. Антипов И. В., Ходаковский А. В., Шалина И. А. СПб.: Каламос, 2012. С. 15–24.
- Габрусь, 2005 — Габрусь Т. В. Мураваная сакральная архітэктурна беларускіх земляў XI–XII стст. // Архітэктурна Беларусі: нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксте: У 4 т. Мінск: Беларуская навука, 2005. Т. 1. IX–XIV стст. / А. І. Лакотка (і інш.). С. 107–211.
- Гуревич и др., 1975 — Гуревич Ф. Д., Ковальская К. Т., Николаев Н. В., Пономарёва Т. С. Археологические раскопки в Новогрудке // Археологические открытия 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 384.
- Иоаннисян, 1987 — Иоаннисян О. М. Древнерусское зодчество и романская архитектура // Тр. V Междунар. конгресса славянской археологии. М.: Наука, 1987. С. 113–117.
- Иоаннисян, 2002 — Иоаннисян О. М. К истории польско-русских архитектурных связей в конце XI — начале XIII в. // Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира XII в. / Отв. ред. О. Е. Этингоф. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 206–230.
- Каргер, 1965 — Каргер М. К. Новый памятник зодчества XII в. в Турове // КСИА. М., 1965. Вып. 100: Важнейшие археологические открытия. С. 133–138.
- Каргер, 1968 — Каргер М. К. К вопросу о памятниках зодчества XII в. в Волковыске // Славяне и Русь: Сб. науч. ст. к 60-летию Б. А. Рыбакова. М.: МГУ, 1968. С. 424–428.
- Каргер, 1972 — Каргер М. К. К истории полоцкого зодчества XII в.: Руины вновь открытого храма на Верхнем замке // Новое в археологии: Сб. ст., посв. 70-летию А. В. Арциховского / Под ред. В. Л. Янина. М.: МГУ, 1972. С. 202–209.
- Каргер, 1977а — Каргер М. К. Храмусыпальница в Евфросиньевском монастыре в Полоцке // СА. 1977. № 1. С. 241–247.
- Каргер, 1977б — Каргер М. К. Раскопки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке // КСИА. М., 1977. Вып. 150: Средневековые древности. С. 82–94.
- Каргер, 1978 — Каргер М. К. Церковь Благовещения в Витебске // КСИА. 1978. Вып. 155: Славяно-русская археология. С. 71–76.
- Лаврецкий, 1995 — Лаврецкий Г. А. Православное зодчество Беларуси. Минск: ООО «Четыре четверти». 1995. 103 с.: ил. (Наши духовные ценности: В 12 вып.; вып. 2).
- Малевская, 1966 — Малевская М. В. К реконструкции майоликового пола Нижней церкви в Гродно // Культура Древней Руси: Сб. науч. ст., посвященный 40-летию научной деятельности Н. Н. Воронина / Отв. ред. А. Л. Монгайт. М.: Наука, 1966. С. 112–115.
- Малевская, 1973 — Малевская М. В. Монументальные сооружения Новогрудского детинца

- XIV–XV вв. (по раскопкам 1968 г.) // КСИА. 1973. Вып. 135: Славяно-русские древности. С. 90–97.
- Малевская*, 1980 — *Малевская М. В.* Зодчество западнорусских земель второй половины XIII — XIV в. // Тез. докл. советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии (София, сентябрь 1980 г.). М., 1980. С. 96–98.
- Малевская*, 1983 — *Малевская М. В.* Архитектурный комплекс Новогрудского детинца XIII–XIV вв. // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева (1–3 декабря 1981 г.). Минск: Наука и техника, 1983. С. 122–125.
- Некрасов*, 1936 — *Некрасов А. И.* Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII в. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1936. 400с.
- Пех*, 1963 — *Пех Г. И.* Раскопки в Волковыске в 1958 г. // СА. 1963. № 1. С. 230–234.
- Полубояринова*, 1963 — *Полубояринова М. Д.* Раскопки древнего Турова // КСИА. 1963. Вып. 96: Исследования памятников средневековья. С. 47–49.
- Раппопорт*, 1952 — *Раппопорт П. А.* Волынские башни // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов Т. II: Крепостные сооружения Древней Руси. М.: Наука, 1952. С. 203–223 (МИА. Вып. 31).
- Раппопорт*, 1963 — *Раппопорт П. А.* Раскопки в Волковыске в 1958 г. // СА. 1963. № 1. С. 238–243.
- Раппопорт*, 1967 — *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. Л.: Наука, 1967. 242 с. (МИА. № 140).
- Раппопорт*, 1970 — *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура. М.: Наука, 1970. 140 с., ил.
- Раппопорт*, 1980 — *Раппопорт П. А.* Полоцкое зодчество XII в. // СА. 1980. № 3. С. 141–159.
- Раппопорт*, *Штендер*, 1980а — *Раппопорт П. А.*, *Штендер Г. М.* Спасская церковь Евфросиньева монастыря в Полоцке // Памятники культуры. Новые открытия 1979. Л.: Наука, 1980. С. 459–468.
- Раппопорт*, 1982 — *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв.: Сб. архитектурных исследований. Л.: Наука, 1982. 136 с. (Археология СССР. САИ. Вып. Е1-47).
- Раппопорт*, 1987 — *Раппопорт П. А.* Церковь Благовещения в Витебске // Памятники культуры. Новые открытия. М.: Наука, 1987. С. 522–524.
- Раппопорт*, 1987 — *Раппопорт П. А.* Горада будаўніцтва і архітэктура заходнерускіх зямель IX–XIII стст. // Гісторыя беларускага мастацтва: у 6 т. Мінск: Навука і тэхніка, 1987. Т. 1: Ад старажытных часоў да другой паловы XVI стагоддзя / Рэд. С. В. Марцэлеў, Л. М. Дробаў. 304 с. С. 50–74.
- Раппопорт*, 1988 — *Раппопорт П. А.* Новые данные об архитектуре древнего Гродно // Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII в.: Сб. науч. ст. М.: Наука, 1988. С. 108–112.
- Раппопорт*, 1993 — *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура. СПб.: Стройиздат, 1993. 288 с.
- Ткачоў*, 1997 — *Ткачоў М. А.* Анатоль Мікалаевіч Кірпічнікаў // Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыклапедычны даведнік. Мінск: БелЭн, 1997. Т. 1. С. 326.
- Торшын и др.*, 2016 — *Торшын Я., Дук Д., Коц А., Іаанісян А., Зыкаў П.* Спасціжэнне першапачатковай задумы архітэктуры Полацкай Спаса-Праабражэнскай царквы: па выніках даследаванняў 2015 г. // Беларускі гістарычны часопіс. 2016. № 7. С. 5–16.
- Трусаў и др.*, 1993 — *Трусаў А. А., Собаль В. Е., Здановіч Н. І.* Стары замак у Гродне XI–XVIII стст. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. 155 с.
- Штыхов*, 1963 — *Штыхов Г. В.* Археологические раскопки в Витебске // Вопросы истории Белоруссии: Материалы IX конф. молодых ученых Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1963. С. 62–64.

**The role of the Leningrad architectural
and archaeological school
in studies of the Belorussian architecture
of the 11th–14th century**

A. N. Kushnerevich

This paper first demonstrates the important role of representatives of the Leningrad school of architectural archaeology M. K. Karger, P. A. Rappoport, F. D. Gurevich, V. A. Bulkin, M. V. Malevskaya, L. N. Bol'shakov, O. M. Ioannisyán and E. N. Torshin in scientific attribution of the Belorussian architecture of the 11th–14th century. They conducted a major work for identification of earlier unknown churches, more precise attribution of poorly investigated monuments, characterization of the process of genesis and evolution of local architectural schools and their relations with other art centres of Old Rus and the Romanesque West, as well as for generalization and systematization of the knowledge on church building in Belarus of the specified period. The attention of archaeologists and architectural historians is drawn to the fact that the notions of 'Old-Russian period' principally differ in terms of chronology in Belorussian and Russian art history. The present author argues that, as the history of the Belorussian architecture of the early stage of its development is concerned, the use of the term 'pre-Mongolian period' also is scientifically incorrect. The paper supports the reconstruction of the Sophia Cathedral of the 11th century in Polotsk proposed by the Belorussian architect and restorer G. A. Lavretskiy. The tasks are defined for the further art-historical investigation of the Belorussian architecture of the period under consideration.

ПЕРСОНАЛИИ

Памяти Евгения Николаевича Носова (1949–2019)

В. А. Лапшин, Н. И. Платонова

21 августа 2019 г. коллеги, друзья, ученики готовились отметить 70-летие Евгения Николаевича Носова, крупнейшего специалиста по средневековой археологии Руси и Балтийского региона, доктора исторических наук, члена-корреспондента РАН, научного руководителя ИИМК РАН, много лет возглавлявшего институт (1998–2015) и кафедру археологии исторического факультета (ныне Института истории) Санкт-Петербургского государственного университета (2002–2018). Но судьба рассудила иначе: 25 февраля 2019 г. земная жизнь ученого оборвалась.

Евгений Николаевич был коренным петербуржцем. Археологом-медиевистом он стал по призванию и одновременно по наследству. Отец, Николай Евгеньевич Носов, был крупнейшим историком России. Погруженность в атмосферу научного поиска сопутствовала его сыну с детства. Раннее знакомство с сочинениями классиков русской исторической науки — В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, Б. А. Романова (последний был учителем отца) — во многом определили область интересов и широту взглядов Евгения Носова — археолога.

Формирование его как специалиста шло на кафедре археологии ЛГУ и в ЛОИА АН СССР, в ходе общения с корифеями отечественной археологии — М. И. Артамоновым, Г. Ф. Корзухиной, И. И. Ляпушкиным, П. Н. Третьяковым и др. Немалую роль в профессиональном становлении молодого исследователя сыграло участие в славяно-варяжском семинаре Л. С. Клейна, где он учился на практике отстаивать собственную позицию и особое мнение —

в кругу талантливых собеседников и очень ярких полемистов.

Если говорить о непосредственной «школьной» преемственности, то в наибольшей степени учителями Евгения Николаевича стали Г. Ф. Корзухина и М. И. Артамонов. К Гали Фёдоровне он всю жизнь сохранял совершенно особое чувство любви, смешанной с удивлением, и преклонения, с примесью мягкой иронии. У его наставницы при жизни хватало чудачеств, зато она была подлинным «рыцарем без страха и упрека» русской археологии. Преемственность с М. И. Артамоновым Евгений Николаевич тоже ощущал постоянно. Много в его деятельности он считал образцом для себя. Портрет учителя, висевший над столом в директорском кабинете, был для него не только данью официальной традиции. Как-то раз, взглянув на портрет, Евгений Николаевич сказал: «Да, конечно, он был историком. Вот и я — историк...».

Официальным руководителем Е. Н. Носова в ходе подготовки диплома и затем кандидатской диссертации был член-корреспондент АН СССР П. Н. Третьяков. Общение с ним и участие в масштабных работах его Славяно-русской экспедиции имели для всех студентов огромное значение. Именно оттуда Евгений Николаевич вынес широкий кругозор в области раннесредневековых древностей Русской равнины. Под руководством П. Н. Третьякова в 1971 г. им была написана дипломная работа «Древности I тыс. н. э. в бассейне Верхней Оки: к вопросу о мощинской культуре». Выбор темы стал в какой-то мере провидческим. Сейчас, полвека спустя, все более ощутимо

выявляется вклад мощинских традиций в формирование культурной мозаики будущей Северной Руси, изучению которой Евгений Николаевич посвятил всю свою жизнь.

Не замыкаясь на чисто археологической проблематике, Е. Н. Носов всегда стремился через анализ конкретного материала выходить на широкие исторические обобщения. Неслучайно его любимым историком, к чьим трудам он возвращался всю жизнь, был В. О. Ключевский. Комплексный подход к источникам в полной мере проявился уже в кандидатской диссертации «Поселения Приильменья и Поволховья в конце I тыс. н. э.», защищенной им в 1977 г.

Становление славяно-русской археологии в нашей стране прошло несколько этапов. Во второй половине XIX — начале XX в. доминировал интерес к погребальным древностям. Яркий вещевой материал, позволяющий ставить вопросы этнической истории, давали, в первую очередь, курганы. В 1930-х гг., по мере усиления веса социальной проблематики, началось археологическое изучение городов. Но только с 1970-х гг. в исследованиях Северной Руси стал формироваться новый подход, включавший в поле зрения ученых и сельские поселения, с бедным, невыразительным культурным слоем, нарушенным постоянной распашкой. Оказалось, что без этих материалов яркие городские центры «повисают в воздухе», а понятие «город и его округа» остается чистой абстракцией.

В изучении селищ рубежа I–II тыс. н. э. Е. Н. Носов стал одним из первопроходцев. Он сумел по достоинству оценить перспективы палеогеографического подхода, разработанного А. М. Микляевым, и применил его на практике к исследованию культур сопки и длинных курганов. Благодаря его многолетним работам ранний Новгород обрел свою историческую среду в виде сельских земледельческих поселений, составлявших его ближайшую округу.

Но главным делом жизни Евгения Николаевича стало изучение Новгородского (Рюрикова) городища. Противопоставление Городища (бывшего города) и Новгорода

Евгений Николаевич Носов (1949–2019)

Evgenij Nikolaevich Nosov (1949–2019)

(нового города) издавна возникало в трудах историков. Такое решение казалось логичным, но не было подкреплено источниками. Эпизодические раскопки, производившиеся на Городище, начиная с 1910-х гг. — «булавочные уколы», по определению самого Евгения Николаевича, не могли дать значимых результатов. Еще в первой трети XX в. А. В. Арциховским был вынесен «приговор» этому памятнику: после небольших раскопок 1929 г. он сделал поспешный вывод, что слоев ранее XII в. на Городище нет, и целиком сосредоточился на поисках раннего города в пределах собственно Новгорода — на Славне. Последующие яркие находки Новгородской экспедиции надолго отвлекли внимание археологов от «малоперспективного» Городища.

В 1975 г. Е. Н. Носов приступил к исследованиям Городища, которые длились без малого 40 лет. Залогом успеха его работ стал опыт, приобретенный в экспедициях учителей — П. Н. Третьякова и И. И. Ляпушкина. Нет нужды пересказывать результаты многолетних

исследований, опубликованных в трех монографиях (1990, 2005, 2017). Полученный огромный материал дал ключ к решению многих спорных вопросов археологии и истории Северной Руси, в том числе к проблеме возникновения Новгорода и славяно-скандинавских взаимоотношений в раннем средневековье.

В 1977 г. экспедиции Е. Н. Носова впервые посчастливилось вскрыть участки «мокрого» слоя с остатками деревянных сооружений, давших первые дендродаты Городища. Эти даты однозначно показали, что жизнь на поселении началась не позднее конца IX в. В дальнейшем Е. Н. Носовым были исследованы культурные напластования второй половины IX — X в., а также мощные оборонительные сооружения, относившиеся к начальному этапу функционирования поселения, и остатки княжеского двора древнерусского времени (XII в. и позднее). В ходе его работ была собрана многотысячная коллекция артефактов, документирующая присутствие здесь людей высокого социального статуса, воинской страты общества, включавшей на раннем этапе и славян, и скандинавов. Среди этих находок — берестяная грамота XII в., подвески с руническими надписями X в., золотые предметы, высокохудожественные изделия из цветных металлов, кости и т. д. Сейчас, когда результаты исследований Новгородской областной экспедиции введены в научный оборот, уже мало кто сомневается, что Городище — это и есть летописный Новгород IX в.

Свою концепцию становления ранних городских центров Северной Руси Е. Н. Носов разрабатывал и корректировал всю жизнь. В ней нашли продолжение некоторые идеи В. О. Ключевского, однако основой научного построения послужил, в первую очередь, обширный археологический материал. По мнению Евгения Николаевича, ранняя Ладога и Рюриково городище, близкие по материальной культуре, различались по своим функциям. Археологические материалы Ладоги характеризуют ее как, главным образом, торгово-ремесленное поселение, центр международной посреднической торговли. Рюриково

городище, напротив, изначально являлось местом сосредоточения властной элиты, военно-административным центром, основанным в ступке славянских земледельческих поселений. Указанные функции наследовал Новый город, сложение которого началось во второй половине X в. в непосредственной близости от Городища. Рост города на старом месте оказался невозможен в силу его островного положения и изменения гидрологических условий в истоке Волхова на рубеже I–II тыс. н. э.

Многогранность Носова-исследователя в полной мере проявилась в защищенной им в 1992 г. докторской диссертации «Новгородская земля IX–XI вв.: историко-археологические очерки» и последующей серии публикаций по исторической тематике, включавшей разделы коллективной монографии «История крестьянства Северо-Запада России» (1994). Данные археологии, древнерусской письменности и исторической географии органично дополняли у него друг друга в ходе комплексного источниковедческого анализа. Археологическая карта Поволжья, Ильменского бассейна и Верхнего Поволжья, вкуче со сведениями историко-географического характера, сохранившимися в письменных источниках, служила основой для реконструкции: а) границ первоначального ядра Новгородской земли с центром в Приильменье; б) этапов расширения этой области и формирования средневековой территориально-административной структуры. Продолжая работы в данном направлении, Евгений Николаевич в середине 1990-х гг. возобновил исследования сельских поселений Приильменья. Новые раскопки, проведенные его экспедицией, привели к открытию культурных слоев VIII в., ранее неизвестных на памятниках этого региона.

В 1998 г. Е. Н. Носов должен был принять на себя руководство ИИМК РАН. Это было тяжелое время — период болезненной ломки всей организационной структуры археологии и перевода ее на коммерческие рельсы. Последнее не всегда и не сразу приводило к оптимальным результатам в деле исследований конкретных памятников, однако зачастую

драматически отражалось на судьбах конкретных ученых. Евгений Николаевич, волею судеб, оказался на переднем крае этой борьбы. Он был достаточно трезвомыслящим человеком и понимал необратимость процесса. Его задачей было уберечь от разрушения все ценное, что можно уберечь, и защитить тех, кого можно защитить. Но он был не всесилен. Коллегам памятливы горькие слова, брошенные им на одном из отчетных собраний: «Я?.. А что я? Вот сейчас я должен увольнять из института тех, с кем работал бок о бок тридцать лет...». Платой за успехи и провалы на этом пути становились новые рубцы на сердце и резкое, необратимое ухудшение здоровья.

Загруженность административными делами в ИИМК РАН (а с 2002 г. и руководством кафедрой археологии СПбГУ) не могла не сказаться на интенсивности собственно археологических работ Евгения Николаевича. В этот период он разрабатывает и читает сразу несколько курсов лекций в Санкт-Петербургском университете, периодически выступает с лекциями в университетах США, Великобритании, Франции, Финляндии и Швеции. Но его научные труды приобретают иной характер. Он избегает новых сюжетов, занимается, главным образом, обобщением собранного ранее материала. Именно тогда он фактически подводит итог многолетней дискуссии о становлении древнерусского города, начатой еще в 1970-х гг. (2005); публикует свое развернутое резюме «спора о варягах» (2009); активно участвует в подготовке энциклопедического словаря «Великий Новгород» (2007), в котором его перу принадлежит 21 статья, и т. д. Следует отдельно упомянуть ряд его очерков, посвященных персоналиям

(А. А. Спицыну, М. И. Артамонову, О. И. Давидан, Е. А. Горюнову). Каждый из них представлял собой не только дань юбилейной дате. Это были неизменно глубокие, серьезные размышления о научном творчестве, о личности ученого, о формировании исторических концепций.

В 2015 г. Е. Н. Носов, наконец, оставляет пост директора ИИМК, оставшись научным руководителем института. Это стало началом нового периода его биографии — несомненного творческого взлета. Несмотря на расстроенное здоровье, ученый заново с головой уходит в непосредственную работу с источниками, в дела, связанные с анализом стратиграфии и коллекций Рюрикова городища. Плодом этих трудов становятся принципиально важные обобщения — главы новой коллективной монографии, посвященной этому памятнику (2017). Тогда же Евгений Николаевич активно включается в работу по пересмотру и обобщению материалов старых раскопок Ладоги. Его перу принадлежит отдельная глава о стратиграфии Земляного городища — уже в другой новейшей монографии, посвященной ладожской проблематике (2018). В его трудах до последнего дня билась свежая научная мысль. Он был всегда открыт для дискуссии, способен взглянуть на источники под совершенно новым углом, но неизменно требовал строгого подхода к материалу... Когда 25 февраля у него внезапно остановилось сердце, российская наука понесла очень большую потерю.

Трудам Евгения Николаевича суждена долгая научная жизнь.

Светлая память большому ученому и прекрасному человеку!

*В. А. Лапшин,
Н. И. Платонова*

Список сокращений

- АВ — Археологические вести. СПб.
- АиИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли
- АМА — Античный мир и археология. Саратов
- АН — Академия наук
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
- БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М.
- ВВ — Византийский временник. М.
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ГАТО — Государственный архив Томской области, Томск
- ГИМ — Государственный исторический музей. М.
- ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. М.
- ГУ — государственный университет
- ГЭ — Государственный Эрмитаж
- ДБ — Древности Боспора. Международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. М.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1834–1917
- ЗИИМК — Записки Института истории материальной культуры. СПб.
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
- ЗОРСА — Записки отделения русско-славянской археологии Императорской Археологической Комиссии. СПб.
- ИА — Институт археологии. М.
- ИАК — Императорская археологическая комиссия. СПб.
- ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- ИПЦ СПбГУПТД — Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского ГУ промышленных технологии и дизайна
- ИПХ — Издательско-полиграфический холдинг
- КГИАМЗ — Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына
- КИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.; Л.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

КубГУ	—	Кубанский государственный университет. Краснодар
ЛВВИСУ	—	Ленинградское высшее военное инженерное строительное училище
ЛГУ	—	Ленинградский государственный университет
ЛОИА	—	Ленинградское отделение Института археологии
МАИ	—	Московский археологический институт
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАО	—	Московское археологическое общество
МАР	—	Материалы по археологии России
МАСП	—	Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МАЭ РАН	—	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. СПб.
МГУ	—	Московский государственный университет
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИАР	—	Материалы и исследования по археологии России. М.: Институт археологии
МК	—	международная конференция
МНК	—	международная научная конференция
НАН	—	национальная академия наук
НА ИИМК, РО	—	Научный архив Института истории материальной культуры, рукописный отдел
НГОМЗ	—	Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НИИЯЛИ	—	Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
НинЗИА	—	Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород
НЦ	—	Научный центр
НЭ	—	Нумизматика и эпиграфика
ОАК	—	Отчет Императорской Археологической Комиссии
ПГОИАХМЗ	—	Псковский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
РА	—	Российская археология. М.
РАЕ	—	Российский археологический ежегодник. СПб.
РАН	—	Российская академия наук
РИМ	—	Российский Исторический музей
РК	—	Республика Казахстан
РФФИ	—	Российский фонд фундаментальных исследований
СА	—	Советская археология. М.
САИ	—	Свод археологических источников. М.
Сб. науч. тр.	—	сборник научных трудов
Сб. ст.	—	сборник статей
СИААМЗ	—	Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник
СО	—	Сибирское отделение
СГЭ	—	Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

сл. нах.	—	случайная находка
СПбГУ	—	Санкт-Петербургский государственный университет
СПОМК	—	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис
ТАС	—	Тверской археологический сборник. Тверь
Тр. ГИМ	—	Труды Государственного исторического музея. М.
ЧИОНЛ	—	Чтения Исторического общества Нестора-летописца, Киев
экз.	—	экземпляр
В.А.И.	—	Bibliotheca Arheologica Iassensis
INQUA	—	International Union for Quaternary Research
IOSPE	—	Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae
SCIV/ SCIVA	—	Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie. București
SM	—	Suomen Museo. Helsinki
SMYA	—	Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki
UMCS	—	Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin

Научное издание

Археологические вести

Выпуск 25

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории материальной культуры
Российской академии наук*

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», книга предназначена «для детей старше 16 лет».

Издательская группа ИИМК РАН:
А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева,
В. Я. Стеганцева, Е. В. Новгородских

Адрес редакции: Россия. 191186. Санкт-Петербург.
Дворцовая наб., 18.

Институт истории материальной культуры
Российской академии наук.
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Издательство ИИМК РАН
Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 95 3001 — книги,
95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Корректор О. К. Чеботарёва
Верстка Е. В. Новгородских
Дизайн обложки И. Н. Лицук

Подписано в печать 10.10.2019. Формат 60 × 90 ¹/₈
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,67
Тираж 300 экз. Заказ 717

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

Отпечатано в типографии ООО «Невская Типография».
197198, город Санкт-Петербург, Ропшинская улица,
дом 1/32, литер А, помещение 4Н, офис 9
тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru